

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер

и

Принц-Полукровка

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер

и

Принц-Полукровка

*Маккензи, моей красавице-дочери,
посвящаю её чернильно-бумажного близнеца*

Text copyright © 2005 **J.K.Rowling**

Перевод copyright © 2017 **Ushwood**

Версия от 05.03.17

Последнюю версию можно найти на <http://ushwood.ru/hp/>

Приведение глоссария и оформления к единому виду – ar13.

Версия от 02.04.24

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Другой министр	5
Глава 2. Тупик Вертуна	16
Глава 3. Воля и неволя	27
Глава 4. Гораций Слагхорн	37
Глава 5. Слишком много Флегмы	51
Глава 6. Вылазка Дрэйко	66
Глава 7. Клуб Салаг	80
Глава 8. Снейп торжествующий	95
Глава 9. Принц-Полукровка	105
Глава 10. Дом Гонта	119
Глава 11. Дружеская рука Гермионы	133
Глава 12. Серебро и опалы	144
Глава 13. Скрытный Риддл	157
Глава 14. Феликс Фелицис	169
Глава 15. Нерушимый Обет	183
Глава 16. Ледяное Рождество	196
Глава 17. Слажовое воспоминание	211
Глава 18. Сюрпризы в день рождения	225
Глава 19. Эльфилеры	240
Глава 20. Прошение Лорда Волдеморта	253
Глава 21. Непостижимая комната	268
Глава 22. После погребения	281
Глава 23. Хоркраксы	294
Глава 24. Sectumsempra	307
Глава 25. Провидец прослышан	320
Глава 26. Пещера	332
Глава 27. Башня, поражённая молнией	346
Глава 28. Бегство Принца	356
Глава 29. Плач феникса	364
Глава 30. Белая гробница	377
Аннотация	389

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДРУГОЙ МИНИСТР

Время шло к полуночи. Премьер-министр в одиночестве сидел в своём кабинете и читал длинный меморандум, содержание которого проскальзывало у него перед глазами, абсолютно не задерживаясь в мозгу. В настоящее время он ожидал звонка от президента некоей далёкой страны и, помимо беспокойства по поводу того, когда же этот тип, наконец, позвонит, и попыток выкинуть из головы неприятные воспоминания о чертовски длинной и изматывающей прошедшей неделе, ни на чём другом сосредоточиться был не в состоянии. Чем сильнее он пытался сфокусироваться на лежащей перед ним странице, тем яснее перед его глазами вставало злорадное выражение лица одного из его политических противников. Этот конкретный противник как раз сегодня выступал по телевидению, где не только перечислил все ужасные вещи, случившиеся за минувшую неделю (как будто кто-то их не помнит), но и объяснил, почему все они вместе и каждая в отдельности произошли по вине правительства.

От одного воспоминания обо всех этих обвинениях (несправедливых и просто лживых) у премьер-министра учащался пульс. Как, чёрт побери, правительство должно было предотвратить разрушение того моста? Любое предположение о том, что на мосты расходуется недостаточно денег, было возмутительным. Этому мосту ещё десяти лет не было, и лучшие эксперты безрезультатно пытались объяснить, почему он вдруг взял и аккуратно развалился надвое, отправив в реку дюжину автомобилей. И как можно было предположить, что те два обсаживаемых прессой отвратительных убийства произошли из-за малочисленности полиции? Или что правительство должно было предвидеть внезапный ураган на западе страны, причинивший столько бед и людям, и имуществу? И в том, что один из замминистров, Херберт Чорли, выбрал именно эту неделю для того, чтобы начать выкидывать дурацкие штучки (и теперь он, судя по всему, будет проводить с семьёй гораздо больше времени, чем раньше) – тоже *премьер* виноват?

– Мрачное настроение охватило страну, – заключил противник, с трудом подавляя широкую ухмылку.

И, как ни печально, это была истинная правда. Премьер-министр тоже это чувствовал; люди действительно выглядели несчастнее, чем обычно. Плюс унылая погода, этот холодный туман в середине июля... неправильно, ненормально...

Премьер-министр перевернул вторую страницу меморандума, увидел, как много их ещё осталось, и сдался. Потянувшись, он печально оглядел свой кабинет. Это была красивая комната с прелестным мраморным камином напротив широких подъёмных окон, плотно закрытых из-за не по сезону густого тумана. Вздрогнув от лёгкого озноба, премьер встал и подошёл к окну, глядя на туман по ту сторону стекла. Именно в этот момент, стоя к комнате спиной, он услышал позади себя мягкое покашливание.

Премьер застыл лицом к лицу со своим отражением (довольно испуганно выглядящим) в тёмном стекле. Он узнал это покашливание; он уже слышал его раньше. Он медленно развернулся лицом к пустой комнате.

– Да? – произнёс премьер, стараясь, чтобы его голос звучал храбрее, чем сам он себя чувствовал.

На какое-то мгновение он позволил себе несбыточную надежду на то, что никто не отзовётся. Но голос ответил сразу же – резкий решительный голос, звучавший так, как будто он читал по бумажке. Голос исходил – как премьер знал уже в тот момент, когда услышал покашливание, – от лягушкоподобного человечка в длинном серебристом парике, изображённого на маленькой грязной картине в дальнем углу комнаты.

– Премьер-министру маглов. Нужна срочная встреча. Пожалуйста, ответьте немедленно. Искренне ваш, Фадж¹.

Человек на картине вопросительно глядел на премьера.

– Э... сказал премьер. – Послушайте... сейчас не самый удачный момент... видите ли, я жду звонка... от президента...

– Звонок можно отложить, – тут же ответил портрет. Премьер сник. Этого он и боялся.

– Но я действительно очень хотел поговорить...

– Мы устроим так, что президент забудет позвонить. Завтра ночью позвонит, – проинформировал человечек. – Пожалуйста, ответьте немедленно мистеру Фаджу.

– Я... а... ну ладно, – промямлил премьер. – Хорошо, я встречу с Фаджем.

Он поспешил к рабочему столу, одновременно поправляя галстук. Только он успел занять своё кресло и придать своему лицу расслабленное (по крайней мере, он на это надеялся) выражение, как на каминной решётке взвились ярко-зелёные языки пламени. Стараясь подавить внешние проявления удивления и тревоги, премьер наблюдал, как в пламени появился вертящийся как волчок полный мужчина. Несколько секунд спустя посетитель выбрался из камина на красивый старинный ковёр, одной рукой стряхивая пепел со своего длинного полосатого плаща², а другой придерживая зелёный котелок.

– А, премьер-министр, – произнёс Корнелиус Фадж, устремляясь вперёд и на ходу протягивая руку. – Рад снова видеть вас.

По совести, премьер-министр не мог утверждать того же, поэтому предпочёл смолчать. Он даже отдалённо не рад был видеть Фаджа, чьи периодические визиты, помимо того что просто тревожили его, вдобавок обычно означали, что ему предстояло услышать порцию очень плохих новостей. К тому же у Фаджа был явно измученный вид. По сравнению с прежним собой он похудел; седых волос на голове и морщин на лице прибавилось. Премьеру доводилось ранее встречать политиков, выглядевших подобным образом, и всякий раз это не предвещало ничего хорошего.

¹ Fudge – выдумка; помадка; вздор (здесь и далее прим. Ushwood)

² Для одежды колдунов Роулинг использует два термина: cloak и robes. Первый означает предмет верхней одежды, второй – одежду, которую носят в помещениях. Хотя в принципе оба слова можно перевести как «мантия», я во избежание путаницы перевожу cloak как «плащ», а robes – как «мантия».

— Могу ли я чем-то помочь? — спросил он, кратко пожимая руку Фаджа и жестом приглашая его занять самый жёсткий из стульев, стоящих напротив стола.

— Даже и не знаю, с чего начать... — пробормотал Фадж, придвигая к себе стул, садясь и кладя на колени зелёный котелок. — Ну и неделя, ну и неделя...

— Что, и у вас плохая неделя? — холодно осведомился премьер, надеясь дать понять тем самым, что у него и так хватает проблем и что он не нуждается в добавке от Фаджа.

— Да, конечно, — ответил Фадж, устало потирая глаза и угрюмо глядя на премьера. — У меня была точно такая же неделя, как и у вас, премьер-министр. Брокдейлский мост... убийства Боунс и Вэнс... не говоря уже о том тарараме на западе...

— Вы... э... ваши... я имел в виду, некоторые из ваших людей имеют... имеют отношение к этим... этим происшествиям, так?

Фадж строго посмотрел на премьера.

— Разумеется, имеют, — сказал он. — Вы, конечно, осознаёте, что происходит?

— Я... — заколебался премьер.

Именно из-за этого ему так не нравились визиты Фаджа. В конце концов, он всё-таки был премьер-министром, и ему не нравилось, когда его заставляли чувствовать себя школьником, не выучившим урок. Но именно так и было, начиная с самой первой встречи с Фаджем, которая произошла в его первый вечер в должности премьера. Он помнил эту встречу, как будто она была вчера, и знал, что это воспоминание будет преследовать его до самой смерти.

Премьер стоял тогда один в этом самом кабинете и наслаждался своим триумфом, наконец-то заслуженным столькими годами мечтаний, планов и трудов, когда услышал позади себя покашливание, точь-в-точь как сегодня. Когда он обернулся, оказалось, что этот мерзкий портрет обращается к нему и возвещает, что министр магии намерен прибыть сюда и представиться.

Первое, о чём премьер тогда подумал, — что от длинной избирательной кампании и напряжения во время выборов у него поехала крыша. Он был просто в ужасе, когда обнаружил говорящий с ним портрет; но это были ещё цветочки по сравнению с его ощущениями, когда некто, назвавшийся колдуном, вывалился из камина и пожал ему руку. Премьер был не в состоянии говорить в течение всего времени, когда Фадж любезно объяснял, что во всём мире втайне от людей живёт множество ведьм и колдунов, и заверял, что его, премьера, голова может об этом совершенно не болеть, так как Министерство магии несёт полную ответственность за сообщество колдунов и следит за тем, чтобы немагическое население ни о чём не заподозрило. По словам Фаджа, это была очень трудная работа, включавшая в себя буквально всё: от регулирования использования мётел до контроля над популяцией драконов (премьер помнил, что в этом месте он вынужден был схватиться за край стола, чтобы не упасть). Затем Фадж по-отечески похлопал всё ещё опарашенного премьер-министра по плечу.

— Не волнуйтесь, — утешил он. — Вероятнее всего, вы меня никогда больше не увидите. Я побеспокою вас только в том случае, если у нас произойдёт что-то действительно серьёзное, настолько, что может повлиять на маглов — немагическое население, я хотел сказать. В

остальном – мы вас не трогаем, и вы нас не трогаете. Да, должен сказать, что вы восприняли это всё гораздо лучше, чем ваш предшественник. *Он* пытался выпшвырнуть меня из окна – полагал, что я жулик, подосланный оппозицией.

В этот момент премьер, наконец, снова обрёл способность говорить.

– А вы... вы, значит, *не* жулик?

Это была его последняя, отчаянная надежда.

– Нет, – мягко сказал Фадж. – Боюсь, что нет. Смотрите.

И с этими словами он превратил чашку премьера в хомячка.

– Но... – почти беззвучно пробормотал премьер, глядя, как чашка жуёт уголок его очередной речи, – но почему... почему мне никто не сказал?..

– Министр магии даёт о себе знать только премьер-министрам, – ответил Фадж, засовывая свою волшебную палочку куда-то внутрь жилета. – Считается, что это лучший способ поддержания секретности.

– Но в таком случае, – проблеял премьер, – почему предыдущий премьер-министр меня не предупредил?..

При этих словах Фадж засмеялся.

– А *вы*, уважаемый премьер-министр, собираетесь рассказывать кому-либо?

Всё ещё хихикая, Фадж бросил в камин какой-то порошок, шагнул в изумрудное пламя и со свистящим звуком исчез. Премьер-министр стоял как истукан, осознавая, что в жизни он не осмелится рассказать об этой встрече ни одной живой душе, ибо кто же ему поверит?

На то, чтобы шок прошёл, потребовалось изрядное время. Сперва премьер пытался убедить себя в том, что Фадж наверняка был галлюцинацией, вызванной постоянным недосыпанием во время жуткой избирательной кампании. В тщетной попытке избавиться от всего, что напоминало о той неприятной встрече, он подарил хомячка своей племяннице (та была в восторге) и сказал своему личному секретарю снять портрет маленького уродца, который объявил о прибытии Фаджа. К смятению премьера, однако, портрет убираться не желал. После того как несколько плотников, пара строителей, один историк-искусствовед и один канцлер казначейства безуспешно пытались отодрать портрет от стены, премьер сдался и лишь надеялся, что до конца его срока эта штуковина останется тихой и неподвижной. Иногда он готов был поклясться, что видит краем глаза, как обитатель картины зевает, или почёсывает нос, а один-два раза вообще ушёл за край рамы, оставив пустой грязно-коричневый холст. Однако он приучил себя не смотреть особо на картину, а видя что-то подобное – твёрдо объяснять самому себе, что это обман зрения.

Три года назад, в ночь, очень похожую на нынешнюю, премьер-министр был в кабинете один, когда портрет снова возвестил грядущее прибытие Фаджа, который тут же и выскочил из камина, весь мокрый и в состоянии паники. Прежде чем премьер-министр смог спросить, почему он закапал весь ковёр, Фадж начал вещать о какой-то тюрьме, про которую он никогда не слышал, о человеке по имени «Серьёз»³ Блэк, о чём-то, звучавшем похоже на «Хогвартс», и о мальчике по имени Гарри Поттер; и всё это, с точки зрения премьера, было абсолютно лишено смысла.

³ В оригинале – игра слов: премьер принял имя Sirius за «serious» (серьёзный)

— Я только что из Азкабана, — задыхаясь, произнёс Фадж и вылил себе в карман приличное количество воды с полей котелка. — Посреди Северного моря, ну вы знаете... ужасный полёт... у дементоров волнения, — он содрогнулся. — От них никогда ещё не сбегали. В любом случае я должен был прийти к вам, премьер-министр. Блэк — известный убийца магглов, и он, возможно, планирует присоединиться к Сами-Знаете-Кому... хотя да — вы же сами не знаете, кто такой Сами-Знаете-Кто! — некоторое время он с безнадежным видом смотрел на премьера, после чего сказал:

— Ладно, вы присаживайтесь, присаживайтесь, я вам сейчас всё объясню... Виски будете?

Премьер был здорово возмущён тем, что его пригласили присаживаться в его собственном кабинете, не говоря уж о том, что ему предложили его собственное виски, но тем не менее сел. Фадж извлёк волшебную палочку, призвал из ниоткуда два больших бокала, наполненных янтарной жидкостью, сунул один из них в руку премьера и пододвинул стул.

Фадж говорил больше часа. В какой-то момент он отказался произнести вслух определённое имя; вместо этого он написал его на куске пергамента, который сунул в руку премьера, не занятую виски. Когда Фадж наконец-то встал, собираясь удалиться, премьер встал вместе с ним.

— Так вы полагаете, что этот... — он искоса глянул на имя в своей левой руке, — Лорд Вол...

— *Тот-Кого-Нельзя-Называть!* — рыкнул Фадж.

— Извините... так вы полагаете, что Тот-Кого-Нельзя-Называть всё ещё жив?

— Ну... Дамблдор считает, что да, — сказал Фадж, застёгивая до подбородка свой полосатый плащ, — но мы его никогда больше не видели. Что до меня — лично я считаю, что, пока он лишён поддержки, он безвреден, так что нам о Блэке надо беспокоиться в первую очередь. Так вы опубликуете это предупреждение? Отлично. Ну что ж — надеюсь, мы с вами больше не увидимся, премьер-министр! Спокойной ночи.

Но они ещё увиделись. Менее чем через год встревоженный Фадж появился из воздуха посреди комнаты совещаний Кабинета министров и проинформировал премьера о неприятностях во время Чемпионата мира по квиддичу (что-то типа того), в которые были вовлечены несколько магглов, но премьеру не о чем беспокоиться, появление Метки Сами-Знаете-Кого ничего не значит, Фадж убеждён, что это просто единичный инцидент, и прямо сейчас отдел Взаимодействия с магглами производит все необходимые изменения памяти.

— Да, почти забыл, — добавил Фадж. — Мы импортируем трёх драконов и одного сфинкса для Тримагического Турнира; обычное дело, но в департаменте Регулирования и надзора за магическими существами мне сказали, что по закону я обязан поставить вас в известность, если мы ввозим в страну особо опасных животных.

— Я... что... *драконов?* — пробормотал премьер-министр.

— Да, трёх, — ответил Фадж. — И сфинкса. Ладно — удачного дня.

Премьер изо всех сил надеялся, что хуже драконов и сфинксов ничего уже не будет. Оказалось, будет. Менее чем два года спустя Фадж вновь пулей вылетел из огня, на сей раз для того, чтобы сообщить о массовом побеге из Азкабана.

— *Массовый побег?* — хрипло повторил премьер-министр.

– Только не беспокойтесь, только не беспокойтесь! – прокричал Фадж, уже снова стоя одной ногой в пламени. – Мы их возьмём совсем скоро – просто я подумал, что вам стоит знать об этом!

И, прежде чем премьер закричал в ответ: «Нет, подождите минутку!» – Фадж исчез в столбе зелёных искр.

Что бы там ни говорили пресса и оппозиция, премьер был отнюдь не дурак. От его внимания не укрылось ни то, что, несмотря на заверения Фаджа при первой встрече, они теперь встречались довольно часто, ни то, что Фадж с каждым таким визитом становился всё более обеспокоенным. Сколь мало он ни старался думать о министре магии (или, как он называл Фаджа про себя, о *другом* министре), премьер не мог не опасаться, что при следующем появлении Фаджа новости будут ещё хуже. Так что растрёпанный и обеспокоенный Фадж, вновь вылезаящий из огня и удивлённый тем, что премьер не в курсе о причинах его появления, был, видимо, худшим событием, случившимся на этой чертовски мрачной неделе.

– Откуда мне знать, что происходит в... э... магическом сообществе? – выпалил премьер. – У меня тут целая страна и вполне достаточно проблем и без ваших...

– У нас одни и те же проблемы, – перебил Фадж. – Брокдейлский мост рухнул вовсе не от старости. Тот ураган на самом деле был совсем не ураганом. Эти убийства были совершены не магглами. И семья Херберта Чорли, думаю, будет в большей безопасности в его отсутствие. Мы как раз готовимся перевезти его в больницу магических болезней и травм св. Мунго. Перевозка состоится сегодня ночью.

– Что вы... боюсь, я... *что?* – взбешённо выдал премьер-министр.

Фадж сделал глубокий вдох и произнёс:

– Премьер-министр, я с глубоким сожалением вынужден сообщить, что он вернулся. Тот-Кого-Нельзя-Называть вернулся.

– Вернулся? В смысле – «вернулся» – он жив? Я имею в виду...

Премьер покопался в памяти, пытаясь вспомнить детали того жуткого разговора трёхлетней давности, когда Фадж рассказал ему о колдуне, которого боялись больше всех других; о колдуне, совершившем тысячи ужасных преступлений, а потом загадочно исчезнувшем пятнадцать лет назад.

– Да, он жив, – ответил Фадж. – То есть... я не знаю... если человека нельзя убить – он жив? Я на самом деле этого не понимаю, а Дамблдор не желает нормально объяснить – но как бы там ни было, у него есть тело, он может ходить, говорить и убивать; так что будем считать, в рамках нашей дискуссии, что да, он жив.

Премьер-министр не знал, что сказать; однако привычка казаться информированным по любой возникающей теме заставила его попытаться вспомнить по возможности все детали того предыдущего разговора.

– А Сэръёз Блэк сейчас с ним? Ну – с Тем-Кого-Нельзя-Называть?

– Блэк? Блэк? – рассеянно переспросил Фадж, быстро крутя пальцами свой котелок. – Сириус Блэк, в смысле? Мерлинова борода, нет! Блэк мёртв. Похоже, мы... э... ошибались насчёт Блэка. Он в конечном итоге оказался невиновен. И в союзе с Тем-Кого-Нельзя-

Называть он тоже не был. Я хочу сказать, – добавил он оправдывающимся тоном, ещё быстрее вертя котелок, – все факты указывали... было более пятидесяти свидетелей... но неважно – как я уже сказал, он мёртв. Убит, правильное сказать. В помещении Министерства магии. Ну, конечно, будет проведено расследование...

К своему великому удивлению, в этот момент премьер почувствовал короткий импульс жалости к Фаджу. Правда, этот импульс почти сразу же утонул в волне самодовольства при мысли, что, хотя у него, премьера, и есть проблемы по части материализации из каминов – но зато в правительственных учреждениях при *его* руководстве никого ещё не убивали... по крайней мере, до сих пор...

Пока премьер-министр исподтишка поглаживал крышку стола, Фадж продолжил:

– Но Блэк уже в прошлом. А в нынешнем – у нас война, премьер-министр, и надо предпринимать какие-то шаги.

– Война? – нервно переспросил премьер. – Надеюсь, это всё же некоторое преувеличение?

– Тот-Кого-Нельзя-Называть теперь воссоединился с теми своими последователями, которые сбегали из Азкабана в январе, – Фадж говорил всё быстрее, вертя свой котелок с такой скоростью, что он превратился в зелёное марево. – Как только они стали действовать в открытую, начался хаос. Брокдейлский мост – он это сделал, премьер-министр, он угрожал массовым убийством маглов, если я не перестану ему мешать и...

– Хорошенькие дела! Так это из-за *вас* все те люди погибли, а мне приходится отвечать на вопросы о ржавых тросах, коррозии ферм и о бог знает чём ещё! – вспыхнул премьер.

– Из-за меня?! – воскликнул Фадж, покраснев. – Вы хотите сказать, что сами бы поддались на такой шантаж?

– Наверное, нет, – ответил премьер, встав и начав выпагивать взад-вперёд по кабинету. – Но я бы предпринял все возможные меры для поимки шантажиста, прежде чем он совершит столь жестокое преступление!

– Вы действительно думаете, что я не предпринимал всё возможное? – гневно спросил Фадж. – Каждый аврор⁴ в Министерстве пытался – и пытается – найти его и захватить его сторонников! Но мы сейчас говорим об одном из самых могущественных колдунов в истории, о колдуне, который избегал поимки в течение почти трёх десятилетий!

– Я так понимаю, вы собираетесь сказать, что и ураган на Западе – тоже его рук дело? – спросил премьер-министр, с каждым шагом распаляясь всё больше. Обнаружение причин всех этих кошмарных трагедий и, в то же время, невозможность сообщить об этом публично приводили его в бешенство; не исключено, что это было даже хуже, чем если бы во всём действительно было виновато правительство.

– Это был не ураган, – уныло ответил Фадж.

– Извините! – рявкнул премьер, припечатывая к ковроу шаг за шагом. – Вывороченные с корнем деревья, сорванные крыши, погнутые фонари, ужасные ранения!..

– Это были Пожиратели Смерти, – сказал Фадж, – последователи Того-Кого-Нельзя-Называть. И ещё... ещё мы подозреваем участие великанов.

⁴ Auror. Термин происходит от имени Ауорога – богини утренней зари в древнеримской мифологии

Премьер внезапно остановился, как будто налетел на невидимую стену.

– *Чьё* участие?

На лице Фаджа появилась гримаса.

– В прошлые разы он использовал великанов, когда хотел произвести особенно сильный эффект. Отдел Дезинформации работает круглые сутки, несколько команд обливиаторов пытаются модифицировать память всем магглам, которые видели, что там на самом деле произошло; большая часть департамента Регулирования и надзора за магическими существами прочёсывает Сомерсет, но найти великана пока не удаётся – настоящая катастрофа.

– Да неужто! – яростно произнёс премьер.

– Не буду отрицать, что моральный дух в Министерстве весьма низок, – продолжил Фадж. – Со всеми этими делами, а потом мы ещё лишились Амелии Боунс.

– Кого лишились?

– Амелии Боунс. Главы департамента Поддержания магического правопорядка. Мы думаем, что Тот-Кого-Нельзя-Называть убил её лично, потому что она была очень одарённой ведьмой, и... и, судя по всему, там был настоящий бой.

Фадж прокашлялся и, как показалось, не без усилий перестал крутить котелок.

– Но это убийство было в газетах! – воскликнул премьер-министр, разом остыв. – В *наших* газетах. Амелия Боунс... там было сказано, что это была одинокая женщина средних лет. Кошмарное было убийство, да? И об этом много писали. Полиция в полном тупике.

Фадж вздохнул.

– Ну конечно, в тупике. Убита в комнате, запертой изнутри, не так ли? Мы, с другой стороны, отлично знаем, кто это сделал, но это, увы, ни на йоту не приближает нас к его поимке. А потом ещё была Эммелина Вэнс, возможно, об этом вы ещё не слышали...

– Ещё как слышал! – ответил премьер. – Вообще-то это произошло буквально здесь, за углом. В газетах это была тема дня: «нарушение закона и порядка за пазухой у премьер-министра»...

– И как будто этого всего недостаточно, – продолжал Фадж, не прислушиваясь к премьеру, – повсюду шляются толпы дементоров, нападающих на людей, куда ни глянь.

В более счастливое (увы, минувшее) время премьер бы не понял этой фразы, но сейчас он был мудрее.

– Я полагал, что дементоры охраняют заключённых в Азкабана, – осторожно произнёс он.

– Охраняли раньше, – устало ответил Фадж. – Но не теперь. Они покинули тюрьму и присоединились к Тому-Кого-Нельзя-Называть. Не буду утверждать, что это не было для нас ударом.

– Погодите, – припомнил премьер, чувствуя, как его наполняет ужас, – вы же мне говорили, что эти твари вытягивают из людей всю радость и надежду?

– Именно так. И в придачу – они размножаются. Именно от них весь этот туман.

Премьер почувствовал, что у него дрожат колени, и рухнул на ближайший стул. Слабость охватила его от одной мысли о невидимых тварях, бросающихся на людей во всех городах и сёлах и сеющих чувства отчаяния и безнадёжности в его избирателях.

– Послушайте-ка, Фадж! Вы просто обязаны что-то с этим сделать! Это ваша прямая обязанность как министра магии!

– Мой дорогой премьер-министр... неужели вы думаете, что после всего этого я по-прежнему министр магии? Меня уволили три дня назад! Две недели подряд всё магическое сообщество требовало моей отставки. За всё время, что я был министром магии, они никогда ещё так не объединялись! – закончил Фадж, попытавшись выдать некоторое подобие улыбки.

На какое-то мгновение премьер-министр не нашёл, что ответить. При всём своём возмущении тем положением, в котором он оказался, он всё же почувствовал жалость к подавленному человеку, сидящему перед ним.

– Извините, – в конце концов проговорил он. – Могу ли я что-то сделать?..

– Это очень любезно с вашей стороны, премьер-министр, но – нет, ничего. Меня послали сюда, чтобы ввести вас в курс последних событий и представить вам моего преемника. Вообще-то я думал, что он прибудет раньше – но, конечно, он сейчас так занят... столько дел...

Фадж оглянулся и посмотрел на маленького уродца в длинном кудрявом серебристом парике, который в этот момент ковырял в ухе кончиком пера. Поймав взгляд Фаджа, портрет сообщил:

– Он скоро прибудет, сейчас только закончит письмо Дамблдору.

– Ну, желаю ему удачи в этом деле, – заявил Фадж, впервые на памяти премьера с горечью в голосе. – Я за последние две недели писал Дамблдору дважды в день, но он и ухом не ведёт. Если б только он согласился уговорить мальчишку, я всё ещё мог бы оставаться... Ну что ж, возможно, Скримджеру⁵ повезёт больше.

Фадж обиженно замолчал, но тишина почти сразу же была нарушена портретом, который неожиданно произнёс своим жёстким официальным голосом:

– Премьер-министру маглов. Запрашиваю встречу. Срочно. Будьте любезны ответить немедленно. Руфус Скримджер, министр магии.

– Да, да, конечно... – рассеянно отозвался премьер и лишь моргнул, когда огонь в камине снова стал изумрудно-зелёным, поднялся и выплюнул из себя на старинный ковёр второго вращающегося колдуна.

Фадж снова встал на ноги. Немного замешкавшись, премьер сделал то же самое, наблюдая за новоприбывшим. Тот выпрямился, отряхнул свою длинную чёрную мантию и огляделся вокруг.

По первому, довольно дурацкому впечатлению премьера, Руфус Скримджер чем-то напоминал старого льва. В его гриве рыжевато-коричневых волос и в кустистых бровях мелькали седые пряди; желтоватые глаза остро смотрели из-за очков в проволочной оправе; и шагал он размашисто, пружинисто и грациозно, несмотря на лёгкую хромоту. Он

⁵ Scrimgeour – фамилия происходит от scrimmage – драка

производил впечатление человека проницательного и жёсткого; премьеру показалось, что он понимает, почему в это опасное время магическое сообщество предпочло видеть лидером Скримджера, а не Фаджа.

– Здравствуйте, – вежливо произнёс премьер, протягивая руку.

Скримджер коротко пожал протянутую руку, одновременно сканируя глазами комнату, затем извлёк из своей мантии волшебную палочку.

– Фадж всё вам рассказал? – спросил он, подойдя к двери и коснувшись замочной скважины волшебной палочкой (премьер услышал, как замок щёлкнул).

– Э... да, – ответил премьер-министр. – И если вы не возражаете – я бы предпочёл оставить дверь незапертой.

– А я бы предпочёл, чтобы нас никто не прерывал, – коротко возразил Скримджер, – и не подсматривал за нами, – добавил он, указывая палочкой на окна (занавески тут же задёрнулись). – Так, поехали: я сильно занят, так что давайте сразу к делам. В первую очередь нам надо обсудить вашу безопасность.

Премьер-министр выпрямился во весь рост и заявил:

– Меня абсолютно удовлетворяет та система безопасности, которая у нас сейчас есть, большое сп-...

– Нас не удовлетворяет, – отрезал Скримджер. – Магглам не понравится, если их премьер-министр окажется под проклятием Империи. Новый секретарь в вашей приёмной...

– Если вы предлагаете мне избавиться от Кингсли Шаклболта, то я категорически против! – горячо воскликнул премьер. – Он потрясающе хорошо работает, справляется вдвое быстрее, чем остальные вместе взятые!

– Это потому, что он колдун, – без намёка на улыбку ответил Скримджер. – Высококвалифицированный аврор, прикреплённый к вам для вашей защиты.

– Э, минуточку! – возмутился премьер. – Вы не можете просто так брать и помещать ваших людей ко мне в офис, я сам решаю, кто должен у меня работать...

– Я полагал, Шаклболтом вы были удовлетворены? – холодно напомнил Скримджер.

– Да, удовлетворён... в смысле, был...

– Тогда проблем нет, не так ли? – осведомился Скримджер.

– Я... ну ладно... пока Шаклболт работает... э... безупречно, – запинаясь, сказал премьер, но Скримджер, похоже, уже не слушал.

– Теперь насчёт Херберта Чорли, вашего замминистра, – продолжил он, – того самого, который забавлял публику, изображая из себя утку.

– Насчёт него что? – спросил премьер.

– Очевидно, он действовал под неудачно наложенным проклятием Империи. Оно повредило его мозги, но он по-прежнему может быть опасен.

– Но он всего лишь кричал! – слабо возразил премьер. – Я уверен, что немного отдыха... возможно, пить поменьше...

– Непосредственно сейчас его осматривает команда врачей в Больнице магических болезней и травм св. Мунго. Пока что он попытался задушить троих из них, – продолжал Скримджер. – Думаю, мы правильно удалили его от магглов на некоторое время.

– Я... ну ладно... но он поправится, да? – озабоченно спросил премьер.

Скримджер лишь пожал плечами, направляясь обратно к камину.

– Ну что ж – это всё, что я хотел вам сказать. Я буду держать вас в курсе происходящего, премьер-министр – или, по крайней мере, поскольку я, скорее всего, буду слишком занят для личного визита – пришлю Фаджа. Он дал согласие остаться работать в качестве советника.

Фадж попытался выдавить улыбку, но безуспешно; он выглядел так, словно у него болят зубы. Скримджер уже копался в кармане в поисках того таинственного порошка, от которого огонь становился зелёным. Премьер-министр безнадежно смотрел на этих двоих, пока наконец у него не вырвались слова, которые он пытался подавить весь вечер:

– Но ради всего святого – вы же *колдуны!* Вы можете применять *магию!* Вы же можете сделать... ну... *всё* можете!

Скримджер медленно развернулся на месте и кинул неверящий взгляд на Фаджа, который на этот раз смог изобразить улыбку, мягко ответив:

– Проблема состоит в том, что противная сторона тоже может применять магию, премьер-министр.

С этими словами оба колдуна, один за другим, ступили в ярко-зелёный огонь и исчезли.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТУПИК ВЕРТУНА⁶

Во многих милях от того места, где холодный туман окутывал окна кабинета премьер-министра, тот же туман висел над грязной речушкой, извивающейся между крутыми и замусоренными берегами. Над речкой злоебно вздымалась огромная мрачная труба работавшей когда-то фабрики. Не было слышно ни звука, если не считать шёпота чёрной воды, не было видно никаких признаков жизни, кроме тощей лисы, прокравшейся вниз по берегу в надежде найти в траве что-нибудь типа старой обёртки из-под чипсов.

Внезапно раздался тихий хлопок, и на самом краю берега из ниоткуда появилась худощавая, закутанная в плащ фигура. Лиса застыла, настороженно глядя на это новое явление. Фигура, похоже, некоторое время пыталась определить, где она находится, потом быстро и легко зашагала, шурша полами плаща по траве.

Раздался второй, более громкий хлопок, и из ниоткуда появилась вторая закутанная в плащ фигура.

– Погоди!

Резкий окрик напугал лису, прижавшуюся к самой земле. Она махнула из своего травяного укрытия вверх по обрыву. Затем раздалась зелёная вспышка, взвизг – и лиса упала вниз, уже мёртвая.

Вторая фигура склонилась над животным и тронула его пальцем.

– Всего лишь лиса... – равнодушно произнёс женский голос из-под капюшона плаща. – Я думала – возможно, аврор ... Цисси, подожди!

Но объект её преследования, было остановившийся посмотреть на источник вспышки, уже карабкался вверх по обрыву, с которого только что свалилась лиса.

– Цисси... Нарцисса... да послушай же!..

Вторая женщина догнала первую и схватила её за руку, но та вырвалась.

– Отстань, Белла!

– Ты должна меня выслушать!

– Я тебя уже выслушала. Я приняла решение. Теперь – отстань!

Женщина, названная Нарциссой, добралась до края обрыва и встала перед старым ограждением, отделявшим обрыв от узкой, мощённой булыжником улицы. Вторая женщина, Белла, последовала за ней. Они стояли рядом, глядя через дорогу на ряды обветшалых кирпичных домов, глядящих в темноту пустыми глазницами окон.

– Он живёт здесь? – презрительным голосом спросила Белла. – *Здесь?* В этой маггловской навозной куче? Здесь, должно быть, ещё не ступала нога таких, как мы...

Но Нарцисса не слушала; она проскользнула через дырку в ржавой ограде и уже торопливо пересекала улицу.

⁶ Spinner's End. В оригинале – игра слов: с одной стороны, это название улицы, с другой стороны, spinner – тот, кто всё время вертится, можно перевести как «двойной агент». Возможно, в названии главы прячется намёк на трудное положение, в котором оказался Снейп.

– Цисси, да *подожди* же!

Белла побежала следом, так что полы плаща развевались у неё за спиной, и увидела, как Нарцисса нырнула в проулок между домами, ведущий на вторую, почти такую же улицу. Часть фонарей была разбита; женщины бежали то сквозь пятна света, то сквозь тьму. Когда Нарцисса свернула ещё раз, преследовательница снова догнала её; на сей раз ей удалось схватить Нарциссу за руку и рывком развернуть лицом к себе.

– Цисси, ты не должна этого делать, ты не можешь ему доверять!..

– Тёмный Лорд доверяет ему, не так ли?

– Тёмный Лорд... мне кажется, что он... ошибается, – задыхаясь, сказала Белла, и её глаза блеснули из-под капюшона, когда она огляделась, дабы убедиться, что они действительно одни. – В любом случае нам было велено никому не говорить о плане. Это предательство Тёмного Лорд...

– Отпусти меня, Белла! – зарычала Нарцисса, извлекая волшебную палочку из-под плаща и угрожающе направляя её в лицо своей визави. Белла лишь рассмеялась.

– Цисси, свою родную сестру? Ты не сможешь сделать этого...

– Сейчас уже ничего нет такого, чего я не смогу сделать! – выдохнула Нарцисса с истерической ноткой в голосе и провела палочкой сверху вниз, как ножом, вызвав ещё одну вспышку. Белла отдернула руку от сестры, как обожжённая.

– Нарцисса!

Но Нарцисса снова понеслась вперёд. Потирая руку, вторая женщина побежала за ней (на этот раз – держась на расстоянии). Бегунии всё дальше углублялись в пустынный лабиринт кирпичных домов. Наконец Нарцисса добралась до улицы под названием Тупик Вертуна, над которой фабричная труба возвышалась подобно предостерегающему пальцу. Её шаги раздавались над бульжной мостовой, когда она пробежала мимо заколоченных и разбитых окон. Наконец она добралась до самого последнего дома, на первом этаже которого сквозь занавески пробивался тусклый свет.

Нарцисса успела постучать в дверь, прежде чем подбежала ругающаяся сквозь зубы Белла. Они ждали вместе, запыхавшись, вдыхая запах грязной реки, доносимый до них ночным ветерком. Несколько секунд спустя они услышали шаги, и дверь приоткрылась. За дверью можно было разглядеть худого человека, взирающего на них – человека с длинными чёрными волосами, обрамляющими желтоватое лицо и чёрные глаза.

Нарцисса откинула капюшон. Её лицо было таким бледным, что в темноте казалось сияющим; длинные светлые волосы спадали волнами по спине, придавая ей сходство с утопленницей.

– Нарцисса! – сказал человек, открывая дверь чуть шире, так что свет упал на неё и её сестру. – Какой приятный сюрприз!

– Северус⁷, – произнесла она натянутым шёпотом. – Могу я с тобой поговорить? Это срочно.

– Ну разумеется.

⁷ Severus Snape. Имя происходит от слова severe – строгий, суровый. Фамилия на одну букву отличается от snake – змея.

Он сделал шаг назад, позволив ей пройти мимо себя в дом. Её сестра, всё ещё в капюшоне, последовала за ней без приглашения.

– Снейп, – выплянула она, проходя мимо него.

– Беллатрикс, – ответил Снейп, и его тонкие губы изогнулись в чуть насмешливой улыбке, когда он захлопнул дверь позади них.

Женщины вошли прямо в крохотную гостиную, производившую впечатление тёмной камеры. Стены были полностью закрыты книгами, большинство которых были переплетены в старую чёрную или коричневую кожу; потёртая софа, старое кресло и распатанный стол стояли вместе под тусклым светом свечей, расположенных в люстре под потолком. Всё вместе создавало ощущение заброшенности, как будто здесь обычно никто не жил.

Снейп пригласил Нарциссу занять софу. Она сняла плащ, положила его рядом с собой и села, уставившись на свои белые дрожащие руки, обнявшие колени. Беллатрикс сняла капюшон более медленно. Это была столь же жгучая брюнетка, сколь яркой блондинкой была Нарцисса; с тяжёлыми веками и выступающей челюстью. Она встала за спиной Нарциссы, не отводя от Снейпа взгляда.

– Итак, чем обязан? – поинтересовался Снейп, устроившись в кресле напротив двух сестёр.

– Мы... мы одни, так? – тихо спросила Нарцисса.

– Да, конечно. Ну, здесь ещё Прихвост, но сброд мы ведь в расчёт не берём?

Он указал палочкой на часть стены с книгами за своей спиной, и там с громким хлопком открылась потайная дверь, обнаружив узкую лестницу и застывшего на ней низкорослого человека.

– Как ты отлично понял, Прихвост, у нас гости, – ленивым голосом произнёс Снейп.

Человек, сутулясь, спустился на последние несколько ступенек и вошёл в комнату. У него были маленькие водянистые глаза, заострённый нос и неприятная улыбка. Левой рукой человек мягко поглаживал правую; та была словно облачена в блестящую серебряную перчатку.

– Нарцисса! – пискляво воскликнул он. – И Беллатрикс! Как прелестно...

– Прихвост принесёт нам что-нибудь выпить, если хотите, – сказал Снейп. – А потом он вернётся к себе в спальню.

Прихвост вздрогнул, как будто Снейп в него чем-то запустил.

– Я не твой слуга! – пискнул он, не глядя Снейпу в глаза.

– Вот как? А у меня было такое впечатление, что Тёмный Лорд отправил тебя сюда, чтобы ты мне помогал.

– Чтобы помогал, да – но не чтобы делал тебе выпивку или... или убирал твой дом!

– Я и не предполагал, Прихвост, что ты так рвёшься получать более опасные задания, – ласково сказал Снейп. – Но это легко устроить: я переговорю с Тёмным Лордом...

– Я и сам могу с ним переговорить, если захочу!

– Ну конечно, можешь, – насмешливо улыбнулся Снейп. – А пока что – принеси выпить. Немного эльфийского вина – то, что надо.

Прихвост замешкался, как будто собираясь спорить, потом развернулся и вышел через другую потайную дверь. Раздался стук и звон бокалов. Через несколько секунд Прихвост вернулся, неся поднос с пыльной бутылкой и тремя бокалами. Он поставил поднос на шатающийся стол и поспешно удалился, захлопнув за собой покрытую книгами дверь.

Снейп налил в три бокала кроваво-красного вина и протянул два из них сёстрам. Нарцисса пробормотала слова благодарности; Беллатрикс смолчала, продолжая взирать на Снейпа. Ему это, видимо, не доставляло неудобства – напротив, он явно забавлялся.

– За Тёмного Лорда, – провозгласил он, поднимая свой бокал, и опустошил его.

Сёстры повторили то же самое. Снейп вновь наполнил их бокалы. После второго бокала Нарцисса порывисто обратилась к Снейпу:

– Северус, извини, что я так вот сюда пришла, но мне надо было тебя видеть. Я думаю, только ты можешь мне помочь...

Снейп протянул руку, чтобы прервать её, затем снова указал палочкой на потайную дверь. Раздался громкий хлопок и визг, а затем звук шагов Прихвоста, быстро удаляющегося обратно по лестнице.

– Мои извинения, – произнёс Снейп. – С некоторых пор у него появилась привычка подслушивать под дверью, уж не знаю с чего... так что ты говорила, Нарцисса?

Она сделала глубокий вздох и начала заново.

– Северус, я знаю, что я не должна быть здесь, мне было сказано никому ничего не говорить, но...

– А раз так, то придержи язык! – прорычала Беллатрикс. – Особенно в *такой* компании!

– «В *такой* компании»? – сардонически переспросил Снейп. – И как прикажешь это понимать, Беллатрикс?

– А так понимай, что я тебе не доверяю, Снейп, и ты это отлично знаешь!

Нарцисса издала звук, напоминающий сухой всхлип, и закрыла лицо руками. Снейп поставил свой бокал на стол и снова сел, положив руки на ручки кресла и улыбаясь в пылающее лицо Беллатриксы.

– Нарцисса, я полагаю, что мы должны выслушать то, что Беллатрикс порывается сообщить; это избавит нас от постоянных и утомительных перебиваний. Ну, давай, Беллатрикс, – обратился к ней Снейп. – И почему же это ты мне не доверяешь?

– Есть сотня причин! – громко ответила она, выбравшись из-за софы и со стуком поставив бокал на стол. – Даже и не знаю, с чего начать! Где ты был, когда пал Тёмный Лорд? Почему ты ни разу не попытался найти его, когда он исчез? Что ты делал все эти годы, сидя в кармане у Дамблдора? Почему ты мешал Тёмному Лорду заполучить Философский Камень? Почему ты не вернулся немедленно, когда Тёмный Лорд возродился? Где ты был несколько недель назад, когда мы дрались за то, чтобы добыть пророчество для Тёмного Лорда? И почему, Снейп, почему Гарри Поттер всё ещё жив, если он был у тебя под рукой в течение пяти лет?

Она сделала паузу, учащённо дыша и раздумываясь от волнения. Нарцисса позади неё сидела неподвижно, по-прежнему закрыв лицо руками.

Снейп улыбнулся.

– Прежде чем я отвечу тебе – о да, Беллатрикс, я отвечу! и ты сможешь передать мои слова всем прочим, которые шепчутся у меня за спиной и рассказывают Тёмному Лорду сказки о моём предательстве! Так вот, прежде чем я отвечу тебе, позволь мне тебя спросить. Неужели ты думаешь, что Тёмный Лорд не задавал мне всех этих вопросов, вместе и по отдельности? И неужели ты действительно думаешь, что если бы мои ответы его не удовлетворили, я сейчас сидел бы здесь и разговаривал с вами?

Беллатрикс заколебалась.

– Я знаю, что он тебе доверяет, но...

– Ты думаешь, что он ошибается? Или что я каким-то образом обвёл его вокруг пальца? Одурачил Тёмного Лорда, величайшего колдуна, самого могущественного легилименса, которого когда-либо видел мир?

Беллатрикс не ответила, но впервые за время беседы выглядела несколько сконфуженной. Снейп снова взял со стола бокал, сделал глоток и продолжил:

– Ты спрашиваешь, где я был, когда пал Тёмный Лорд. Я находился там, где мне было приказано находиться – в школе колдовских и ведьмовских искусств «Хогвартс», – потому что он желал, чтобы я шпионил за Альбусом Дамблдором. Надеюсь, ты знаешь, что этот пост я занял по приказу Тёмного Лорда?

Беллатрикс едва заметно кивнула и снова открыла рот, пытаясь что-то сказать, но Снейп её опередил.

– Ты спросила, почему я не пытался найти его после того, как он исчез. По той же причине, по которой этого не пытались сделать Эйвери, Якли, оба Кэрроу, Грэйбэк⁸, Люциус (лёгкий наклон головы в сторону Нарциссы) и многие другие. Я считал, что его больше нет. Гордиться нечем, конечно, я ошибался, но так и было... Если бы он не простил всех тех, кто тогда потерял веру – у него бы сейчас осталось очень мало сторонников.

– У него бы осталась я! – страстно воскликнула Беллатрикс. – Я, ради него проведшая столько лет в Азкабане!

– Да, разумеется, и это достойно всяческого преклонения, – уставшим голосом ответил Снейп. – Разумеется, в тюрьме от тебя было немного пользы, но выглядел этот шаг просто шикарно...

– Этот шаг! – в своей ярости она выглядела почти безумно. – В то время как я общалась с дементорами, ты оставался в Хогвартсе, ручной собачкой Дамблдора!

– Не совсем так, – спокойно возразил Снейп. – Как тебе известно, он не позволял мне преподавать защиту от Тёмных искусств. Похоже, он думал, что это могло бы... хм... спровоцировать рецидив, вернуть меня к старому...

– Это и была твоя жертва во имя Тёмного Лорда – не преподавать твой любимый предмет? – насмешливо спросила она. – Почему ты там оставался всё это время, Снейп? По-прежнему шпионил за Дамблдором для своего хозяина, которого считал мёртвым?

– Вряд ли, – сказал Снейп, – хотя Тёмный Лорд был доволен тем, что я не покинул свой пост. Я шестнадцать лет собирал информацию о Дамблдоре, и я передал ему эту

⁸ Greyback – дословно «Серая спина». Вполне подходящая фамилия для оборотня.

информацию, когда он вернулся. Это, на мой взгляд, несколько более полезный вид приветствия, нежели бесконечные напоминания о том, насколько противная штука Азкабан.

– Но ты оставался...

– Да, Беллатрикс, я оставался, – ответил Снейп, впервые допустив нотку раздражения в голосе. – У меня была хорошая работа, и я предпочёл сохранить её, а не гнить в Азкабане. Они, знаешь ли, загоняли туда всех Пожирателей Смерти. Протекция Дамблдора спасала меня от тюрьмы; это был наилучший вариант, и я им воспользовался.

Я полагаю, следующее, что ты желаешь знать, – продолжил он чуть громче, поскольку Беллатрикс выказывала явное желание перебить его, – почему я встал между Тёмным Лордом и Философским Камнем. На это ответ дать легко. Он не знал, может ли доверять мне. Он, как и ты, думал, что я из верного Пожирателя Смерти превратился в марионетку Дамблдора. Он был в очень плохом состоянии, очень слаб и находился в теле посредственного колдуна. Он не осмелился открыться бывшему союзнику, опасаясь, что этот союзник может сдать его Дамблдору или Министерству. Я глубоко сожалею, что он не доверял мне. Он мог бы вернуть себе силу тремя годами раньше. А тогда – тогда я видел только жадного и недостойного Квиррелла, пытающегося украсть Камень; и я признаю, что делал всё от меня зависящее, чтобы помешать ему.

Рот Беллатрикс искривился, как будто она проглотила очень горькое лекарство.

– Но ты не вернулся, когда вернулся он! Ты не прилетел к нему в тот же момент, когда почувствовал, что твоя Тёмная Метка горит!..

– Абсолютно верно. Я вернулся двумя часами позже. По приказу Дамблдора.

– По приказу Дамблдора?! – яростно взвилась она.

– Ты подумай сама! – произнёс Снейп, вновь с раздражением в голосе. – Подумай! Подождав два часа, всего лишь два, я обеспечил себе возможность и дальше оставаться в Хогвартсе в качестве шпиона! Позволив Дамблдору считать, что я возвращаюсь к Тёмному Лорду лишь потому, что мне это было приказано, я получил возможность с того самого момента давать Тёмному Лорду информацию о Дамблдоре и об Ордене Феникса! Смотри, Беллатрикс: Тёмная Метка проявлялась сильнее и сильнее на протяжении месяцев. Я знал, что он должен вернуться, все Пожиратели Смерти это знали! У меня было полно времени, чтобы подумать, чего я хочу, чтобы подготовить мой следующий шаг, чтобы сбежать, как Каркаров, согласна?

Уверяю тебя, первоначальное неудовольствие Тёмного Лорда, вызванное моим опозданием, полностью прошло, когда я объяснил ему, что остался верен, хотя Дамблдор и считал меня своим человеком. Да, Тёмный Лорд полагал, что я бросил его навсегда, – но он ошибся.

– Ну и какая от тебя была польза? – усмехнулась Беллатрикс. – Какую полезную информацию мы от тебя получили?

– Моя информация передавалась непосредственно Тёмному Лорду, – ответил Снейп. – Если он не считает необходимым делиться ею с тобой...

– Он всегда делится со мной! – снова вспыхнула Беллатрикс. – Он считает меня своим самым лояльным, самым верным...

– Что, *по-прежнему* считает? – переспросил Снейп с тонким намёком на скептицизм в голосе. – По-прежнему считает, даже после фиаско в Министерстве?

– Это была не моя вина! – покраснела Беллатрикс. – Тёмный Лорд раньше доверял мне свои самые дорогие... если бы Люциус не...

– Не смей – *не смей* обвинять моего мужа! – потребовала Нарцисса тихим, но смертоносным голосом, подняв глаза на сестру.

– Бессмысленно сейчас выяснять, кто больше виноват, а кто меньше, – мягко сказал Снейп. – Что сделано, то сделано.

– Но сделано не тобой! – снова вскипела Беллатрикс. – Нет, ты, как всегда, блистал отсутствием, когда мы все подвергали себя опасности, да, Снейп?

– Я получил приказ оставаться в стороне, – ответил Снейп. – Возможно, ты не согласна с Тёмным Лордом? Может быть, ты полагаешь, что Дамблдор не заметил бы, если бы я присоединился к Пожирателям Смерти в сражении с Орденом Феникса? И кстати, говоря про опасности – я извиняюсь – вы ведь имели дело с шестью подростками, так?

– Вскоре к ним присоединилась половина Ордена, как тебе отлично известно! – выплюнула Беллатрикс. – Кстати, насчёт Ордена: ты по-прежнему утверждаешь, что не можешь открыть местоположение его штаб-квартиры, не так ли?

– Я не Хранитель Тайны, я не могу произнести название этого места. Я думаю, ты в курсе, как работают эти чары? Тёмный Лорд удовлетворён информацией, касающейся Ордена, которую я ему передал. Именно она, как ты, возможно, догадалась, привела к недавнему захвату и убийству Эмелины Вэнс, и, уж конечно, она помогла разобраться с Сириусом Блэком, хотя я в полной мере отдаю тебе должное за то, что именно ты его прикончила.

Он чуть кивнул и поднял бокал, словно произнося тост. Выражение лица Беллатрикс, однако, не смягчилось.

– Ты уклоняешься от ответа на мой последний вопрос, Снейп. Гарри Поттер. Ты мог убить его в любой момент на протяжении последних пяти лет. Но не сделал этого. Почему?

– Ты обсуждала этот вопрос с Тёмным Лордом? – поинтересовался Снейп.

– Он... недавно мы... я *тебя* спрашиваю, Снейп!

– Если бы я убил Гарри Поттера, Тёмный Лорд не смог бы использовать его кровь для того, чтобы воскреснуть и стать непобедимым...

– Ты претендуешь на то, что предсказал пользу от мальчишки?! – усмехнулась она.

– Я не претендую на это; я не имел ни малейшего представления о планах Тёмного Лорда; я уже признался, что считал его мёртвым. Я просто пытаюсь объяснить, почему Тёмный Лорд не огорчён тем, что Поттер оставался жив, по крайней мере, до прошлого года...

– Но почему ты сохранил ему жизнь?

– Ты что, не поняла то, что я уже сказал? Я избежал Азкабана только благодаря протекции Дамблдора! Не кажется ли тебе, что убийство любимого ученика Дамблдора могло бы изменить его отношение ко мне? Но дело было не только в этом. Должен тебе напомнить, что, когда Поттер впервые прибыл в Хогвартс, о нём ходило много разных

историй и слухов, что он якобы сам сильный Тёмный колдун, благодаря чему и выжил после нападения Тёмного Лорда. Разумеется, многие старые последователи Тёмного Лорда считали, что именно Поттер может стать лидером, вокруг которого они смогут сплотиться вновь. Мне было любопытно, должен признать; и я вовсе не рвался убить его в тот момент, когда он переступил порог замка.

Конечно, я очень быстро понял, что у него нет какого бы то ни было экстраординарного таланта. Он выбрался из огромного числа неприятных ситуаций просто благодаря потрясающему везению и помощи своих более способных друзей. Он абсолютная посредственность, хотя такой же противный и самовлюблённый, каким был его отец в своё время. Я сделал всё, что мог, для того, чтобы его вышвырнули из Хогвартса, учиться в котором, я считаю, он едва ли достоин; но убить его или позволить, чтобы его убили на моих глазах? С моей стороны было бы идиотизмом так рисковать поблизости от Дамблдора.

– И предполагается, что, слушая все эти истории, мы должны верить, что Дамблдор тебя ни разу не заподозрил? – спросила Беллатрикс. – Что у него не было ни малейшего представления о том, кому ты предан на самом деле? Что он по-прежнему всецело тебе доверяет?

– Ну, я неплохо играл свою роль, – сказал Снейп. – Плюс ты забываешь про самую большую слабость Дамблдора: он не может не верить в людей. Я скормил ему байку про своё глубочайшее раскаяние, и что перестал быть Пожирателем Смерти, когда пришёл к нему на работу; и он принял меня с распростёртыми объятиями – хотя, как я уже сказал, он не подпускал меня к Тёмным искусствам, сколько мог. Дамблдор был великим колдуном – о да, великим (добавил он, так как Беллатрикс издала какой-то едкий звук), сам Тёмный Лорд это признаёт. Однако с радостью должен сказать, что Дамблдор стареет. Поединок с Тёмным Лордом в прошлом месяце здорово его подкосил. Вскоре после того он получил серьёзное ранение, потому что его реакция уже не та, что была раньше. Но все эти годы он не переставал доверять Северусу Снейпу, и именно в этом заключается моя ценность для Тёмного Лорда.

Беллатрикс, судя по её виду, была по-прежнему не удовлетворена, но не могла решить, с какой ещё стороны лучше подобраться к Снейпу. Воспользовавшись её молчанием, Снейп повернулся к её сестре.

– Вернёмся к нашим баранам. Ты хотела попросить меня о помощи, Нарцисса?

Нарцисса подняла на него глаза; на лице было написано отчаяние.

– Да, Северус. Я... я думаю, ты единственный, кто может мне помочь, больше мне не к кому обратиться. Люциус сидит в тюрьме, и...

Она закрыла глаза; из-под век скатились две большие слезы.

– Тёмный Лорд запретил мне говорить об этом, – продолжила Нарцисса, по-прежнему с закрытыми глазами. – Он хочет, чтобы никто не знал об этом плане. Он... держится в полном секрете. Но...

– Если он запретил, то ты не должна говорить, – мгновенно ответил Снейп. – Слово Тёмного Лорда – закон.

Нарцисса открыла рот и стала ловить воздух, как будто Снейп окатил её холодной водой. Беллатрикс впервые за всё время, что она была в доме, выглядела удовлетворённой.

– Видишь! – торжествующе обратилась она к сестре. – Даже Снейп говорит: если тебе сказано молчать – придержи язык!

Снейп поднялся на ноги, шагнул к маленькому окну, отодвинул занавеску и глянул на пустынную улицу. Потом снова резко задёрнул занавеску и, нахмурившись, повернулся к Нарциссе.

– Так получилось, что я знаю этот план, – тихо произнёс он. – Я один из тех немногих, кому Тёмный Лорд рассказал. Тем не менее, если бы я не оказался в курсе дела – ты была бы виновна в предательстве Тёмного Лорда.

– Я так и думала, что ты должен знать об этом! – Нарцисса перевела дыхание. – Он так тебе доверяет, Северус...

– Ты знаешь план?! – переспросила Беллатрикс, и мимолётное выражение удовлетворения на её лице сменилось гневом. – Ты знаешь?!

– Разумеется, – ответил Снейп. – Но какой именно помощи ты просишь, Нарцисса? Если ты считаешь, что я смогу убедить Тёмного Лорда передумать – боюсь, что шансов нет, совсем никаких.

– Северус, – прошептала она со слезами на бледном лице. – Мой сын... мой единственный сын...

– Дрэйко должен гордиться, – индифферентно сказала Беллатрикс. – Тёмный Лорд оказывает ему великую честь. И я рада, что Дрэйко не пытается избежать этого поручения, наоборот, он рад возможности проявить себя, возбуждён открывающимися перспективами...

Нарцисса зарыдала в полный голос, не отрывая умоляющего взгляда от Снейпа.

– Это потому, что ему только шестнадцать и он не знает, чем это ему грозит! Почему, Северус? Почему мой сын? Это слишком опасно! Я знаю, это месть за ошибку Люциуса!..

Снейп не ответил. Он отвернулся, чтобы не видеть её слёз, как будто это было что-то неприличное; но он не мог делать вид, что не слышит её.

– Поэтому он выбрал Дрэйко, да? – продолжила настаивать Нарцисса. – Чтобы наказать Люциуса?

– Если Дрэйко преуспее, – произнёс Снейп, по-прежнему глядя в сторону, – он будет в большем почёте, чем кто бы то ни было.

– Но он не преуспее! – вскрикнула Нарцисса. – Как он сможет, если сам Тёмный Лорд...

Беллатрикс судорожно вздохнула; Нарцисса, похоже, полностью потеряла самообладание.

– Я только хотела сказать... никому ещё не удалось... Северус... пожалуйста... Ты был и сейчас остаёшься любимым учителем Дрэйко... Ты старый друг Люциуса... умоляю... Ты любимец Тёмного Лорда, он доверяет твоим советам... Пожалуйста, поговори с ним, переубеди его...

– Тёмного Лорда нельзя переубедить, и я не настолько глуп, чтобы пытаться это сделать, – отрезал Снейп. – Не буду отрицать, что Тёмный Лорд очень зол на Люциуса. Он

возглавлял операцию. Он позволил себя поймать, и многих других вместе с ним, а пророчество вернуть так и не смог. Да, Тёмный Лорд зол, Нарцисса, действительно очень зол.

– Значит, я права, и он выбрал Дрэйко ради мести! – задохнулась Нарцисса. – Он не хочет, чтобы Дрэйко преуспел, – он хочет, чтобы его убили!

Когда Снейп снова не ответил, Нарцисса потеряла те остатки самообладания, которые она ещё сохраняла. Она пошатываясь подошла к Снейпу и схватила его за грудки. Приблизив своё лицо вплотную к его, так что её слёзы капали ему на грудь, она выдохнула:

– Ты можешь сделать это. *Ты* можешь сделать это вместо Дрэйко, Северус. У тебя это получится, наверняка, и он вознаградит тебя больше, чем всех нас...

Снейп взял её за запястья и оторвал её руки от своей мантии. Глядя сверху вниз в её залитое слезами лицо, он медленно произнёс:

– Я думаю, он предполагает, что в конце концов я это сделаю. Но он настаивает, чтобы Дрэйко попытался первым. Видишь ли, в том маловероятном случае, если Дрэйко преуспеет, я смогу ещё немного пробыть в Хогвартсе, выполняя свою роль шпиона.

– Другими словами, ему плевать, если Дрэйко погибнет!

– Тёмный Лорд очень зол, – тихо повторил Снейп. – Ему не удалось услышать пророчество. Ты знаешь, Нарцисса, так же как и я, что его прощение заслужить нелегко.

Её ноги подкосились; всхлипывая и стenea, она рухнула на пол.

– Мой единственный сын... мой единственный сын...

– Ты должна гордиться! – безжалостно заявила Беллатрикс. – Если бы у меня были дети, я бы с радостью пожертвовала ими ради службы Тёмному Лорду!

Нарцисса отчаянно вскрикнула и впелась руками в свои светлые волосы. Снейп наклонился, взял её за руки, поднял и отвёл к софе. Затем налил ещё вина и силой впихнул бокал ей в руку.

– Нарцисса, достаточно. Выпей это. И выслушай меня.

Нарцисса чуть успокоилась. Пролит часть вина на себя, она всё же сделала глоток.

– Возможно, я смогу... помочь Дрэйко.

Она села прямо, лицо её было белей бумаги, а огромные глаза не отрываясь смотрели на Снейпа.

– Северус... о, Северус!.. Ты ему правда поможешь? Присмотришь за ним, чтобы с ним ничего не случилось?

– Я могу попытаться.

Она отбросила бокал – тот прокатился по столу – соскользнула с софы и пала на колени перед Снейпом, схватив его руку обеими своими и прижавшись к ней губами.

– Если ты будешь защищать его... Северус, ты поклянёшься, что будешь? Ты дашь Нерушимый Обет?

– Нерушимый Обет?

Лицо Снейпа было совершенно бесстрастным. В то же время Беллатрикс издала торжествующий смешок:

– Ты слышишь, Нарцисса? О, он будет *пытаться*, как же... как обычно – пустая болтовня и нежелание делать что-либо серьёзное... о, ну разумеется, по приказу Тёмного Лорда!

Снейп не обращал на неё никакого внимания. Его чёрные глаза не отрываясь смотрели в заполненные слезами голубые глаза Нарциссы, которая продолжала сжимать его руку.

– Конечно, Нарцисса, я дам Нерушимый Обет, – тихо ответил он. – Возможно, твоя сестра согласится быть нашим Посредником?

У Беллатрикс отпала челюсть. Снейп опустился на колени напротив Нарциссы, и под ошеломлённым взглядом Беллатрикс они сцепили правые руки.

– Тебе понадобится твоя палочка, – холодно проговорил Снейп.

По-прежнему поражённая, Беллатрикс вытащила волшебную палочку.

– И тебе придётся подойти поближе, – продолжил он.

Она сделала шаг вперёд и, теперь стоя над ними, приложила кончик палочки к их сцепленным рукам.

Нарцисса произнесла:

– Будешь ли ты, Северус, приглядывать за моим сыном Дрэйко, в то время как он пытается выполнить поручение Тёмного Лорда?

– Буду, – ответил Снейп.

Тонкий язык сияющего пламени вырвался из волшебной палочки и обвился вокруг их рук подобно раскалённому проводу.

– И будешь ли ты делать всё возможное, чтобы защитить его от вреда?

– Буду, – ответил Снейп.

Второй язык пламени вырвался из палочки и переплёлся с первым, образовав красивую сияющую цепь.

– И, в случае если это окажется необходимым... если Дрэйко потерпит неудачу... – прошептала Нарцисса (рука Снейпа вздрогнула, но он не убрал её), – будешь ли ты продолжать великое дело, которое Тёмный Лорд поручил Дрэйко?

На мгновение повисло молчание. Беллатрикс с широко открытыми глазами наблюдала за ними, не отрывая палочки от их сжатых рук.

– Буду, – ответил Снейп.

Измучённое лицо Беллатрикс осветилось красным, когда третий язык пламени вырвался из волшебной палочки, переплёлся с другими и обвил сжатые руки подобно верёвке, подобно огненной змее.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВОЛЯ И НЕВОЛЯ⁹

Гарри Поттер сидел у окна своей спальни и громко храпел. Почти четыре часа он провёл здесь, не отводя глаз от темнеющей улицы. В конце концов Гарри заснул, прижавшись щекой к холодному оконному стеклу; очки его съехали набок, рот приоткрылся. Запотевшее от его дыхания стекло сверкало в оранжевом свете уличного фонаря; этот неестественный отблеск обесцветил его лицо, сделав Гарри похожим на призрака с шапкой встрёпанных волос.

Комната была завалена всяческими пожитками и изрядным количеством хлама. Пол устилали совиные перья, яблочные огрызки и обёртки от конфет; множество книжек с заклинаниями валялось на кровати вперемежку со скомканными мантиями; наконец, на освещённой части можно было увидеть ворох газет. Заголовок одной из них провозглашал:

«ГАРРИ ПОТТЕР – ИЗБРАННЫЙ?»

Продолжают распространяться слухи касательно недавнего переполоха в Министерстве магии, где вновь был замечен Тот-Кого-Нельзя-Называть.

— Нам запрещено об этом говорить, даже и не пытайтесь спрашивать, — сообщил встревоженный обливиатор (отказавшийся назвать своё имя), покидая здание Министерства.

Тем не менее, высокопоставленные источники в Министерстве подтвердили, что переполох был связан с пресловутым Залом Пророчеств.

Несмотря на то, что в пресс-службе Министерства до настоящего времени отказываются подтвердить само существование такого места, всё большая часть магического сообщества полагает, что Пожиратели Смерти, ныне отбывающие срок в Азкабана за противоправное нарушение владения с причинением вреда и попытку кражи, пытались выкрасть какое-то пророчество. Что это за пророчество, неизвестно, однако многие предполагают, что оно как-то связано с Гарри Поттером, единственным человеком, пережившим Убивающее проклятие и, как известно, находившимся в Министерстве в ту самую ночь. Некоторые даже называют Поттера «Избранным», веря, что, согласно пророчеству, он является единственным, кто способен избавить нас от Того-Кого-Нельзя-Называть.

Нынешнее местонахождение пророчества (если оно действительно существует) неизвестно, хотя (прод. на стр.2, кол.5)»

Рядом с первой газетой лежала вторая. Её заголовок гордо возвещал:

«СКРИМДЖЕР СМЕНИЛ ФАДЖА»

Большая часть первой страницы была занята крупной чёрно-белой фотографией человека с гривой волос и несколько опустошённым лицом. Фотография двигалась — человек махал рукой в сторону потолка.

«Руфус Скримджер, бывший глава отдела авроров в департаменте Поддержания магического правопорядка, сменил Корнелиуса Фаджа на посту министра магии. Это

⁹ Will and Won't (Буду и не буду). В оригинале – игра слов: «will» означает во-первых «буду», а во-вторых «завещание».

назначение было с энтузиазмом воспринято магическим сообществом, хотя уже через несколько часов после вступления нового министра в должность появились слухи о разладе между ним и Альбусом Дамблдором, вновь восстановленным в качестве Главного Колдуна Визенгамота.

Представители Скримджера подтвердили, что он встречался с Дамблдором сразу после своего назначения, но отказались комментировать предмет дискуссии. Как известно, Альбус Дамблдор (прод. на стр.3, кол.2)»

Слева от этой газеты лежала ещё одна, свёрнутая; тем не менее в ней можно было разглядеть заметку, озаглавленную **«МИНИСТЕРСТВО ГАРАНТИРУЕТ БЕЗОПАСНОСТЬ УЧАЩИХСЯ»**.

«Сегодня новый министр магии Руфус Скримджер доложил о серьёзных мерах, принятых Министерством для обеспечения безопасности учащихся, которые этой осенью вернутся в школу колдовских и ведьмовских искусств «Хогвартс».

— По понятным причинам Министерство не будет вдаваться в детали относительно новых планов по укреплению безопасности, — сообщил министр. В то же время наш источник в Министерстве подтвердил, что новые меры включают в себя защитные заклятия и чары, сложный набор контрипроклятий и небольшой отряд авроров, в обязанности которого будет входить исключительно обеспечение безопасности Хогвартса.

Большинство людей удовлетворено жёстким отношением нового министра к проблеме безопасности учащихся, утверждает миссис Августа Лонгботтом.

— Мой внук Невилл — кстати, хороший друг Гарри Поттера, — который вместе с ним сражался с Пожирателями Смерти в Министерстве в июне и».

Оставшаяся часть статьи была заслонена большой птичьей клеткой, стоявшей на газете. В клетке сидела великолепная полярная сова. Её янтарные глаза надменно озирали комнату; голова периодически разворачивалась, чтобы взглянуть на храпящего хозяина. Пару раз сова нетерпеливо щёлкнула клювом, но Гарри спал слишком крепко, чтобы это услышать.

Посреди комнаты стоял большой сундук. Его крышка была откинута, как будто он ждал, чтобы его заполнили; в данный же момент сундук был пуст, за исключением некоторого количества старого белья, сладостей, пустых пузырьков из-под чернил и сломанных перьев, выстилавших днище. Рядом на полу лежал фиолетовый буклет, первая страница которого содержала следующее:

«Выпущено по Приказу Министерства магии

ЗАЩИТА ВАШЕГО ДОМА И СЕМЬИ ОТ ТЁМНЫХ СИЛ

В настоящее время магическому сообществу угрожает организация, называющая себя «Пожиратели Смерти». Следование простым правилам безопасности, приведённым ниже, защитит от нападения вас, вашу семью и ваш дом.

- 1. Рекомендуется не покидать дом в одиночку.*
- 2. Особая осторожность требуется в тёмное время суток. Насколько возможно, планируйте свои передвижения так, чтобы заканчивать их до наступления ночи.*
- 3. Проверьте систему безопасности вашего дома; убедитесь, что все члены вашей семьи знакомы с экстренными мерами, такими как Щитовые чары и Образумные, а при наличии*

несовершеннолетних членов семьи — совместное квартирование.

4. Договоритесь о секретных вопросах с близкими друзьями и членами семьи, для того чтобы обнаруживать Пожирателей Смерти, маскирующихся под других людей с помощью Многоликого зелья.

5. Если вы заметили, что ваш член семьи, коллега, друг или сосед ведёт себя странно, немедленно обратитесь в отряд Поддержания магического правопорядка. Возможно, этот человек находится под проклятием Империи (см. стр.4).

6. В случае появления Тёмной Метки над любым жилищем или иным строением НЕ ЗАХОДИТЕ ТУДА, немедленно свяжитесь с отделом авроров.

7. Согласно непроверенным данным, Пожиратели Смерти могут применять преисподов (см. стр.10). О любом обнаружении преиспода или встрече с ним следует НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО поставить в известность Министерство.»

Гарри что-то проворчал сквозь сон, и его лицо съехало вниз по стеклу примерно на дюйм. Очки сползли набок ещё сильнее, но это его не разбудило. Будильник, починенный Гарри несколько лет назад, громко тикал на подоконнике, демонстрируя, что сейчас без минуты одиннадцать. Рядом с будильником, придавленный расслабленной рукой Гарри, лежал лист пергамента, исписанный тонким косым почерком. С тех пор как Гарри получил это письмо (а прошло уже три дня), он перечитывал его так часто, что оно полностью распрямилось, хотя во время доставки было свёрнуто в тугой свиток.

«Дорогой Гарри,

Если это тебя устроит, я прибуду в дом номер 4 по Бирючинному проезду в ближайшую пятницу в одиннадцать часов вечера, чтобы сопровождать тебя в Нору, куда тебя пригласили провести остаток каникул.

Если ты согласен, я также хотел бы попросить твоей помощи в некотором деле, которым я надеюсь заняться по пути в Нору. Я объясню всё более подробно при личной встрече.

Пожалуйста, пошли свой ответ с этой совой. Надеюсь увидеть тебя в ближайшую пятницу.

С глубоким уважением,

Альбус Дамблдор».

Хотя Гарри знал содержание письма уже наизусть, он бросал на него взгляды каждые несколько минут начиная с семи часов вечера — именно тогда он занял позицию у окна спальни, откуда открывался хороший обзор обоих концов Бирючинного проезда. Гарри знал, что перечитывать слова Дамблдора бесполезно; он, как просил Дамблдор, отослал своё «да» с совой, доставившей письмо, и сейчас ему оставалось только ждать: либо Дамблдор придёт, либо нет.

Но свои вещи Гарри не паковал. Избавиться от Дёрзли всего через две недели соседства — это было слишком здорово, чтобы оказаться правдой. Гарри не мог отделаться от мыслей, что что-то наверняка пошло не так: или его ответ не дошёл до Дамблдора, или что-то помешает Дамблдору его забрать, или то письмо вообще написал не Дамблдор, и оно было чьей-то шуткой либо ловушкой. Гарри чувствовал: если он сейчас упакуется, а потом ему

придётся распаковываться обратно, он этого не перенесёт. Единственной мерой, принятой им на случай путешествия, была надёжно запертая в клетке полярная сова Хэдви́г.

Минутная стрелка на будильнике добралась до цифры двенадцать, и в то же мгновение фонарь за окном погас.

Гарри мгновенно проснулся, как будто внезапно наступившая темнота послужила для него будильником. Поспешно поправив очки и оторвав щёку от стекла, он прижался к окну носом и скосил глаза вниз, на тротуар. По дорожке через сад двигалась высокая фигура в развевающемся плаще.

Гарри вскочил, как будто его ударило током, опрокинул стул и принялся лихорадочно хватать с пола и бросать в сундук всё, до чего мог дотянуться. Когда он швырнул через всю комнату мантию, две книги и пакет чипсов, зазвонил дверной звонок. В гостиной на первом этаже дядя Верно́н крикнул:

— Кто, чёрт подери, звонит так поздно ночью?!

Гарри застыл, держа в одной руке медный телескоп, а в другой пару кроссовок. До него дошло, что он совершенно забыл предупредить Дёрзли о возможном визите Дамблдора. Чувствуя одновременно панику и желание рассмеяться, он перелез через сундук и открыл дверь спальни как раз вовремя, чтобы услышать глубокий голос визитёра:

— Добрый вечер. Вы, должно быть, мистер Дёрзли. Полагаю, Гарри сказал вам, что я приду за ним?

Гарри, перескакивая через две ступеньки, бросился вниз по лестнице, но за несколько ступенек до конца остановился — жизненный опыт диктовал ему необходимость оставаться вне предела досягаемости дядюшки, насколько это возможно. В дверях стоял высокий худой человек с длинными, до пояса, седыми волосами и бородой. На нём был длинный чёрный дорожный плащ и заострённая шляпа; кривой нос увенчивали очки в форме полумесяца. Одетый в кирпичного цвета халат Верно́н Дёрзли, усы которого в плане пушистости могли посоперничать с дамблдоровыми (хотя были чёрными), уставился на посетителя, как будто не мог поверить своим крохотным глазкам.

— Судя по вашему ошарашенному и недоверчивому взгляду, Гарри не предупредил вас о моём приходе, — удовлетворённо произнёс Дамблдор. — Тем не менее давайте предположим, что вы радушно пригласили меня к себе в дом. В нынешние нелёгкие времена не стоит задерживаться на крыльце слишком долго.

Он быстро шагнул через порог и закрыл за собой дверь.

— Много воды утекло с тех пор, как я был здесь последний раз, — сказал Дамблдор, всматриваясь в дядю Верно́на. — Должен сказать, что ваши лилии выглядят великолепно.

Дядя Верно́н безмолвствовал. Гарри не сомневался, что речь к нему вернётся, и очень скоро — судя по усиливающейся пульсации жилки на дядином виске, — но, по-видимому, что-то в Дамблдоре временно ввело его в ступор. Возможно, это была вопиющая волшебность во всём его облике; но, с другой стороны, возможно, его вид дал понять дяде Верно́ну, что перед ним стоит человек, которого будет крайне трудно запугать.

— А, добрый вечер, Гарри, — улыбнулся Дамблдор, удовлетворённо глядя на Гарри сквозь свои полумесяцеобразные очки. — Отлично, отлично.

Эти слова, похоже, пробудили дядю Вернона. Было совершенно ясно, что, с его точки зрения, с любым человеком, могущим сказать «отлично» в отношении Гарри, ему категорически не по пути.

— Не хочу показаться грубым... — начал он таким голосом, что грубость буквально пёрла из каждого слога.

— ...но, к сожалению, нечаянная грубость вырывается довольно часто, — с серьёзным видом закончил его фразу Дамблдор. — Лучше всего просто молчать, мой дорогой. А, а это, должно быть, Петунья.

Дверь кухни открылась; в проёме, в резиновых перчатках и халате поверх ночной рубашки, стояла Гарриная тётя, явно занимавшаяся своей обычной вечерней уборкой кухни. На её слегка лошадином лице не отражалось ничего, кроме шока.

— Альбус Дамблдор, — представился Дамблдор, после того как стало ясно, что дядя Вернон представить его не в состоянии. — Вы получали мои письма, разумеется. — Гарри подумал, что это весьма странный способ напомнить тёте Петунии, что он однажды послал ей взрывающееся письмо, но тётя Петунья не стала развивать тему. — А это, должно быть, ваш сын Дадли?

Именно в этот момент Дадли осторожно заглянул сквозь дверь гостиной. Торчащая из полосатого воротника его пижамы большая светловолосая голова с разинутым от страха и удивления ртом выглядела как бы отделённой от тела. Дамблдор подождал немного, видимо, чтобы выяснить, хочет ли кто-нибудь из Дёрзли что-нибудь сказать; но, поскольку молчание затягивалось, он с улыбкой продолжил.

— Предлагаю считать, что вы пригласили меня в столовую.

Дадли махнул с пути Дамблдора. Гарри, всё ещё сжимая в руках телескоп и кроссовки, одним прыжком преодолел последние несколько ступенек и последовал за Дамблдором; тот устроился в кресле у огня и озираал интерьер комнаты с выражением мягкого интереса. Выглядел он в этой комнате на редкость неуместно.

— Мы... мы уходим, да? — обеспокоенно спросил Гарри.

— Да, несомненно — но сперва нам надо обсудить некоторые дела, — ответил Дамблдор. — И я предпочёл бы не делать этого на открытом воздухе. Мы злоупотребим гостеприимством твоих тёти и дяди ещё немного.

— Злоупотребить, ты так думаешь? — Вернон Дёрзли вошёл в комнату; Петунья выглядывала из-за его плеча, в то время как Дадли прятался за спинами своих родителей.

— Да, — уронил Дамблдор. — Я так думаю.

Он извлёк волшебную палочку настолько быстро, что Гарри с трудом уловил движение; деловитый взмах — и диван прыгнул вперёд и стукнул всех трёх Дёрзли под колени, так что они свалились на него, образовав кучу малу. Ещё один взмах — и диван вернулся на своё законное место.

— Разговаривать вполне можно с комфортом, — довольно произнёс Дамблдор.

Когда он возвращал палочку к себе в карман, Гарри заметил, что его рука была чёрной и съёженной; она выглядела так, словно из неё выжгли всю плоть.

— Сэр... что с вашей?..

– Позже, Гарри. Садись.

Гарри погрузился в оставшееся кресло, стараясь не смотреть на ошеломлённых Дёрзли.

– Хотелось надеяться, что вы соберётесь предложить мне чего-нибудь освежающего, – сказал Дамблдор дяде Вернону, – но, судя по тому, как шли дела до сих пор, проявлять подобный оптимизм было бы глупо.

Третий взмах палочки – и в воздухе появилась пыльная бутылка и пять бокалов. Бутылка откупорилась и налила в бокалы изрядное количество медового цвета жидкости, после чего они поплыли ко всем находящимся в комнате.

– Лучший мёд, настоящий на дубе, от мадам Розмерты, – Дамблдор приветственно поднял бокал в сторону Гарри, который как раз поймал свой и сделал глоток. Он никогда раньше не пробовал чего-то подобного, но ему очень понравилось. Дёрзли, обменявшись быстрыми испуганными взглядами, попытались не обращать на бокалы внимания – трудная задачка, поскольку бокалы мягко пихали их в скулы и виски. Гарри не мог удержаться от подозрения, что Дамблдор просто развлекается.

– Итак, Гарри, – обратился к нему Дамблдор, – возникла некоторая проблема, которую, я надеюсь, ты сможешь для нас решить. Под «нами» я подразумеваю Орден Феникса. Но сперва я должен тебе сообщить, что неделю назад была оглашена последняя воля Сириуса, и он завещал тебе всё, чем владел.

На диване в другом конце комнаты дядя Вернон насторожился и повернул голову, но Гарри на него не глядел; в голову Гарри не пришло никаких слов, кроме «о... ладно».

– Это, главным образом, следующее, – начал перечислять Дамблдор. – Довольно приличное количество золота пополнило твой счёт в Гринготтсе, кроме того, ты унаследовал все личные вещи Сириуса. Несколько проблематичная часть наследства...

– Его крестный мёртв? – громко спросил с дивана дядя Вернон. Дамблдор и Гарри повернулись в его сторону. Бокал с мёдом стучал в Вернонов висок весьма настойчиво; тот безуспешно пытался сбить его рукой. – Он мёртв? Его крёстный отец?

– Да, – ответил Дамблдор. Он не стал интересоваться у Гарри, почему тот не рассказал об этом семейству Дёрзли. – Проблема, – продолжил он разговор с Гарри, как будто его никто не перебивал, – состоит в том, что Сириус также оставил тебе дом двенадцать по площади Гриммолд.

– Ему оставили дом? – жадно переспросил дядя Вернон, прищурив свои и без того маленькие глазки, но ему никто не ответил.

– Вы можете продолжать использовать его как штаб-квартиру, – быстро сказал Гарри. – Мне плевать. Можете использовать его, он мне не нужен. – Гарри не хотел ещё когда-либо входить в дом двенадцать по площади Гриммолд, если только этого можно было избежать. Ему казалось, что его всегда будут посещать воспоминания о Сириусе, одиноко бродящем по тёмным затхлым комнатам, запертом в месте, которое он так отчаянно хотел покинуть.

– Это очень великодушно. Однако в настоящий момент мы временно оттуда ушли.

– Почему?

– Видишь ли, – произнёс Дамблдор, игнорируя бормотание дяди Вернона, которого быстро постукивал по голове настойчивый бокал с мёдом, – согласно семейной традиции

Блэков, дом передавался из поколения в поколение по прямой линии, следующему Блэку мужского пола. Сириус был последним в роду – его младший брат Регулус умер раньше него, и оба были бездетны. Хотя последняя воля Сириуса однозначно говорит, что он желает передать дом тебе, всё же не исключено, что на дом наложено какое-либо заклинание, которое не позволит владеть домом никому, кроме чистокровного колдуна.

В голове Гарри мелькнул отчётливый образ орущего и плюющего портрета Сириусовой мамы, висевшего в прихожей дома двенадцать по площади Гриммода.

– Готов спорить, что наложено...

– Вот именно, – согласился Дамблдор. – И если такое заклинание действительно есть, то наиболее вероятно, что дом перейдёт к старшему из живых родственников Сириуса – то есть к его кузине Беллатрикс Лестрэндж.

Не осознавая, что делает, Гарри вскочил на ноги; телескоп и кроссовки полетели через всю комнату. Беллатрикс Лестрэндж, убийца Сириуса, унаследует его дом?!

– Нет! – воскликнул он.

– Ну, в общем, мы тоже предпочли бы, чтобы ей дом не достался, – спокойно продолжил Дамблдор. – Ситуация чревата осложнениями. Мы не знаем, сохранятся ли теперь, когда Сириус не владеет домом, наши собственные наложенные на него заклинания, например, Ненаносимость на карту. Беллатрикс может оказаться на пороге в любую минуту. Естественно, мы должны были покинуть дом до тех пор, пока ситуация не прояснится.

– Но как вы собираетесь выяснить, могу ли я владеть им?

– К счастью, – спокойно проговорил Дамблдор, – есть один простой тест.

Он поставил свой пустой бокал на столик рядом со своим креслом, но, прежде чем он сделал что-либо ещё, дядя Вернон завопил:

– *Да уберёте же вы наконец эти проклятые штуковины?!*

Гарри огляделся; все трое Дёрзли прикрывали головы руками, в то время как бокалы пританцовывали на их черепах, щедро разбрызгивая повсюду своё содержимое.

– О, простите великодушно, – вежливо извинился Дамблдор, вновь поднимая палочку и отправляя три бокала в никуда. – Хотя, знаете ли, воспитанные люди предпочли бы выпить это.

Судя по виду дяди Вернона, у него на языке вертелось множество неприятных ответов, но в итоге он молча свалился обратно в подушки, в компанию тётки Петунии и Дадли, не отводя своих поросячьих глазок от волшебной палочки Дамблдора.

– Видишь ли, – Дамблдор снова обернулся к Гарри и продолжил как ни в чём ни бывало, словно дядя Вернон его не прерывал, – если ты действительно унаследовал дом, то вместе с ним тебе достался...

Он в пятый раз взмахнул палочкой. Раздался громкий треск, и в комнате появился домовый эльф. Эльф имел пяточок вместо носа, гигантские уши, как у летучей мыши, и огромные налитые кровью глаза; вместо одежды на нём были грязные тряпки; появившись, он скрючился на табачного цвета ковре Дёрзли. Тётя Петуния испустила душераздирающий вопль; на её памяти в её доме никогда ещё не появлялось нечто *настолько* грязное. Дадли оторвал свои большие, розовые, босые ступни от пола и задрал их чуть ли не выше головы,

словно опасаясь, что это существо взберётся по штанинам его пижамы, а дядя Вернон возопил: «Это что ещё за *хрень?*!»

– ...Кричер¹⁰, – закончил Дамблдор.

– Кричер не хочет, Кричер не хочет, Кричер не хочет! – заквакал домовый эльф почти так же громко, как дядя Вернон, топая длинными шишковатыми ногами и дёргая себя за уши. – Кричер принадлежит мисс Беллатрикс, о да, Кричер принадлежит Блэкам, Кричер хочет свою новую госпожу, Кричер не хочет идти к мелкому Поттеру, Кричер не хочет, не хочет, не хочет!..

– Как видишь, Гарри, – громко сказал Дамблдор, перекрикивая продолжающееся Кричерово «не хочет, не хочет, не хочет», – Кричер проявляет некоторое нежелание становиться твоей собственностью.

– Мне плевать, – повторил Гарри, с отвращением глядя на извивающегося, топающего ногами домового эльфа. – Я не хочу его.

– *Не хочет, не хочет, не хочет, не хочет!..*

– Ты предпочёл бы, чтобы он оказался собственностью Беллатрикс Лестрэндж? С учётом того, что он весь прошлый год жил в штаб-квартире Ордена Феникса?

– *Не хочет, не хочет, не хочет, не хочет!..*

Гарри уставился на Дамблдора. Он знал, что позволить Кричеру уйти к Беллатрикс Лестрэндж совершенно недопустимо, но сама идея обладания или ответственности за существо, предавшее Сириуса, вызывала отвращение.

– Отдай ему приказ, – предложил Дамблдор. – Если он перешёл в твою собственность, он должен будет подчиниться. Если нет – нам придётся изобрести какой-нибудь другой способ держать его подальше от своей законной госпожи.

– *Не хочет, не хочет, не хочет, НЕ ХОЧЕТ!..*

Голос Кричера поднялся до визга. Гарри не пришло в голову ничего, кроме «Кричер, заткнись!»

Какое-то мгновение Кричер выглядел так, будто он сейчас задохнётся. Он вцепился себе в горло, челюсть яростно ходила вверх-вниз, глаза выкатились из орбит. Несколько секунд отчаянной борьбы за голос – и Кричер швырнул себя лицом на ковёр (тётя Петунья хныкнула) и начал молотить пол руками и ногами, предавшись неистовому, но абсолютно безмолвному гневу.

– Ну что ж, это упрощает дело, – бодро произнёс Дамблдор. – Похоже, Сириус знал, что делает. Ты являешься законным владельцем дома двенадцать по площади Гриммода и Кричера.

– Мне обязательно... обязательно держать его при себе? – спросил поражённый ужасом Гарри, глядя на бьющегося у своих ног Кричера.

– Нет, если ты не хочешь, – ответил Дамблдор. – Если ты позволишь мне внести предложение – отошли его в Хогвартс, работать на кухне. В таком случае другие домовые эльфы смогут приглядывать за ним.

¹⁰ Kreacher – имя домового эльфа. Созвучно словам creak (скрипеть) и treachery (предательство).

– Ага, – облегчённо выдохнул Гарри, – ага, я так и сделаю. Э... Кричер – я приказываю тебе отправляться в Хогвартс и работать на кухне с другими домовыми эльфами.

Кричер, лежавший на спине, задрал ноги и руки вверх, одарил Гарри глубоко ненавидящим взглядом и со столь же громким, как при появлении, треском испарился.

– Отлично, – констатировал Дамблдор. – Теперь ещё один вопрос, насчёт гиппогрифа Брыкляува¹¹. Хагрид присматривал за ним с того времени, как Сириус умер, но Брыкляув теперь твой, так что если ты предпочитаешь распорядиться как-то иначе...

– Нет, – прервал его Гарри. – Пусть он останется с Хагридом. Я думаю, сам он так бы предпочёл.

– Хагрид будет в восторге, – улыбнулся Дамблдор. – Он был поражён, когда снова увидел Брыкляува. Кстати, мы решили ради безопасности Брыкляува переименовать его в Хилокрыла¹² на некоторое время, хотя я сомневаюсь, что Министерству когда-нибудь придёт в голову, что это и есть тот самый гиппогриф, которого они когда-то приговорили к смерти. Ладно, Гарри, к делу. Ты упаковался?

– Эмм...

– Сомневался, что я появлюсь? – весьма проникательно предположил Дамблдор.

– Я сейчас пойду и... э... закончу собираться, – и Гарри поспешил подобрать упавшие телескоп и кроссовки.

Гарри потребовалось чуть больше десяти минут на то, чтобы найти всё необходимое; в конце концов ему удалось вытащить из-под кровати свой плащ-невидимку, завинтить крышку чернильницы с чернилами переменного цвета и с трудом захлопнуть крышку сундука, преодолев сопротивление оказавшегося наверху котла. Затем, одной рукой волоча за собой сундук, а во второй держа клетку Хэдвиг, Гарри снова спустился вниз. К его разочарованию, Дамблдор не ожидал его в прихожей, что означало необходимость вернуться в столовую.

Все молчали. Дамблдор с беззаботным видом что-то напевал себе под нос, но атмосфера в комнате была вязкой, как застывший соус, и Гарри, не осмеливаясь взглянуть на Дёрзли, обратился к Дамблдору:

– Профессор – я готов.

– Хорошо, – сказал Дамблдор. – Ещё только одна вещь, – и он вновь обернулся к Дёрзли.

– Как вы, несомненно, знаете, Гарри станет совершеннолетним через год...

– Нет, – возразила тётя Петуния, впервые с момента прихода Дамблдора открыв рот.

– Не расслышал? – вежливо переспросил Дамблдор.

– Нет, не станет. Он на месяц младше Дадли, а Даддерсу исполнится восемнадцать только через два года.

– А, – удовлетворённо ответил Дамблдор, – дело в том, что в магическом мире мы достигаем совершеннолетия в семнадцать лет.

Дядя Вернон пробормотал: «Абсурд», – но Дамблдор его проигнорировал.

¹¹ Buckbeak. Имя гиппогрифа состоит из двух частей: buck означает лошадиный круп, beak – клюв

¹² Witherwings. Имя также состоит из двух частей: wither – вянуть, сохнуть, ослабевать и wing – крыло.

– Итак, как вам уже известно, колдун, именуемый Лордом Волдемортом, вернулся в нашу страну. Магическое сообщество находится в состоянии войны. Гарри, которого Волдеморт уже не раз пытался убить, сейчас в ещё большей опасности, чем в тот день пятнадцать лет назад, когда я оставил его у вас на крыльце вместе с письмом, в котором рассказал вам про убийство его родителей и выразил надежду, что вы будете заботиться о нём как о своём родном сыне.

Дамблдор сделал паузу, и, хотя он не выглядел рассерженным и его голос оставался лёгким и спокойным, Гарри почувствовал исходящий от него холод. Он заметил, что Дёрзли тоже это почувствовали и сели слегка плотнее.

– Вы не сделали так, как я вас просил. Вы никогда не обращались с Гарри как с сыном. Он не видел от вас ничего, кроме пренебрежения и, иногда, жестокости. Лучшее, что можно сказать, – это что он избежал ужасного вреда, который вы нанесли несчастному ребёнку, сидящему между вами.

И тётя Петунья, и дядя Вернон инстинктивно оглянулись, словно ожидая увидеть ещё одного ребёнка, помимо Дадли, втиснувшегося между ними.

– Мы – плохо обращались с Даддерсом? Как вы?.. – взвился дядя Вернон, но Дамблдор поднял палец, мгновенно отключив звук, как будто дядя Вернон внезапно стал глухонемым.

– Магия, вызванная мной пятнадцать лет назад, даёт Гарри мощную защиту до тех пор, пока он может называть этот дом «домом». Сколь бы несчастным он здесь ни был, сколь бы нежеланным, сколь бы плохо вы с ним ни обращались – вы, хоть и неохотно, но, по крайней мере, позволили ему жить у вас. Эта магия перестанет работать в тот момент, когда Гарри исполнится семнадцать; другими словами – в момент, когда он станет мужчиной. Единственное, о чём я вас прошу, – чтобы вы позволили Гарри вернуться в этот дом ещё раз, до его семнадцатого дня рождения; это обеспечит ему защиту до того момента.

Ни один из Дёрзли не произнёс ни слова. Дадли хмурился, как будто пытался сообразить, когда же это с ним плохо обращались. Дядя Вернон выглядел так, как будто у него что-то застряло в горле; в то же время тётя Петунья странно покраснела.

– Ну что ж, Гарри... пора отправляться, – наконец сказал Дамблдор, вставая и оправляя свой длинный чёрный плащ. – До встречи, – обратился он к Дёрзли, явно полагавшим, что чем позже эта встреча состоится, тем лучше, и, приподняв шляпу, покинул комнату.

– Пока, – торопливо попрощался Гарри с Дёрзли и последовал за Дамблдором, задержавшимся возле Гарриного сундука и стоявшей на нём клетки Хэдвиг.

– Сейчас нам не стоит загромождать себя всем этим, – Дамблдор снова извлёк палочку. – Я отошлю твои вещи в Нору, где они нас и дождутся. Однако мне бы хотелось, чтобы плащ-невидимку ты взял с собой... на всякий пожарный.

Гарри не без проблем извлёк плащ из сундука, стараясь не показывать Дамблдору бардак, царящий внутри. После того как он закинул плащ во внутренний карман жилета, Дамблдор повёл волшебной палочкой, и сундук вместе с клеткой и Хэдвиг исчезли. Ещё одно движение палочки – и входная дверь отворилась в прохладную туманную тьму.

– А теперь, Гарри, вперёд, в ночь, в погоню за ветреной искусительницей, имя которой приключение.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ГОРАЦИЙ СЛАГХОРН

Несмотря на то, что последние несколько дней Гарри жил надеждой на приход Дамблдора и избавление от Дёрзли, – сейчас, идя вместе с Дамблдором по Бирючинному проезду, он чувствовал себя неловко. Никогда раньше он не общался нормально с директором вне Хогвартса: их всегда разделял стол. Кроме того, Гарри не мог избавиться от воспоминания об их последней встрече, и это воспоминание отнюдь не способствовало уменьшению чувства неловкости; тогда он долго кричал на Дамблдора, не говоря уже о попытке разнести вдребезги некоторые ценные вещи в его кабинете.

Однако Дамблдор выглядел абсолютно раскованным.

– Держи палочку наготове, Гарри, – бодро произнёс он.

– Но я думал, что мне нельзя применять магию вне школы, сэр?

– В случае если на нас нападут, я даю тебе разрешение использовать любое контрзаклятие или антипроклятие, какое сочтёшь нужным. Впрочем, я не думаю, что тебе следует беспокоиться о возможности нападения – по крайней мере, сейчас.

– Почему, сэр?

– Потому что ты со мной, – просто ответил Дамблдор. – Стой, Гарри, достаточно прошли.

Дойдя до конца Бирючинного проезда, он внезапно остановился.

– Ты, разумеется, ещё не проходил экзамена по аппарированию? – уточнил он.

– Нет, – ответил Гарри. – Я думал, это только с семнадцати лет?

– Да, верно. Поэтому тебе надо будет держаться за мою руку очень крепко. За левую, если ты не возражаешь, – моя рабочая рука, как ты уже заметил, сейчас немного не в форме.

Гарри уцепился за предложенное Дамблдором предплечье.

– Замечательно, – констатировал Дамблдор. – Ну что ж, поехали.

Гарри почувствовал, что рука Дамблдора выкручивается из его руки, и усилил хватку; в следующий момент всё вокруг стало чёрным; он ощущал давление со всех сторон сразу; он не мог дышать, как будто его грудь была стянута железными обручами; глазные яблоки вдавливались в глазницы, а барабанные перепонки – в глубину черепа; и вдруг –

Лёгкие Гарри наполнились свежим ночным воздухом, и он смог открыть глаза. У него было такое ощущение, как будто его только что протащили через очень узкую резиновую трубу. Несколько секунд спустя он осознал, что Бирючинный проезд исчез. Место, где они с Дамблдором находились, было похоже на пустую деревенскую площадь, в центре которой стоял старый военный мемориал и несколько скамеек. Собственные глаза вкупе со здравым смыслом подсказали Гарри, что он только что впервые в жизни аппарировал.

– Всё нормально? – заботливо поинтересовался Дамблдор. – Да, к этому ощущению надо привыкнуть.

– Всё в порядке, – ответил Гарри, потирая уши, болевшие так, словно они чуть не остались в Бирючинном проезде. – Но думаю, что метлы мне нравятся больше.

Дамблдор улыбнулся, слегка ослабил свой плащ около шеи и указал:

– Нам сюда.

Он бодро прошёл мимо пустующей гостиницы и нескольких домов. Судя по часам на близрасположенной церкви, полночь должна была наступить совсем скоро.

– Да, скажи-ка, Гарри, – вдруг спросил Дамблдор, – твой шрам... он болел в последнее время?

Гарри неосознанно поднял руку и потёр молниеобразную отметку на лбу.

– Нет, – сказал он, – и меня это здорово удивляет. Я думал, что теперь, когда Волдеморт становится всё сильнее, он должен гореть всё время.

Он взглянул на Дамблдора и прочёл на его лице удовлетворение.

– Я, со своей стороны, думал обратное. Лорд Волдеморт в конце концов осознал, что ты имеешь опасный доступ к его мыслям и чувствам. Похоже, что он теперь применяет к тебе окклюменцию.

– По мне, так это к лучшему, – заметил Гарри, совершенно не тосковавший ни по беспокойным снам, ни по вспышкам своих вторжений в мысли Волдеморта.

Они свернули за угол и прошли мимо телефонной будки и автобусной остановки. Гарри вновь глянул искоса на Дамблдора.

– Профессор?

– Да, Гарри?

– Э... а где именно мы находимся?

– Эта очаровательная деревушка, Гарри, называется Бадлей Бэббертон.

– И зачем мы здесь?

– Ах да, конечно, я тебе ещё не сказал. Ну что ж – я уже сбился со счёта, сколько раз мне приходилось говорить это в последние годы – но нам опять не хватает одного преподавателя. Мы здесь для того, чтобы убедить одного моего старого коллегу вернуться из отставки снова в Хогвартс.

– А чем я могу в этом помочь, сэр?

– О, я думаю, от тебя будет польза, – загадочно ответил Дамблдор. – Здесь налево, Гарри.

Они проследовали по идущей в гору узкой улочке мимо стройных рядов домов. В окнах не было ни огонька. Станный туман, две последних недели висевший над Бирючинным проездом, был и здесь. Вспомнив о дементорах, Гарри оглянулся через плечо и для пущего успокоения сжал рукой волшебную палочку в кармане.

– Профессор – почему мы не могли сразу аппарировать прямо в дом вашего старого коллеги?

– Потому что это было бы так же грубо, как, скажем, прийти и выломать его дверь, – ответил Дамблдор. – Правила приличия требуют от нас оставить другим колдунам возможность не разрешить нам войти. И в любом случае большинство жилищ колдунов магически защищено от нежеланных аппараторов. Например, в Хогвартсе...

– ...никто не может аппарировать внутри зданий и вообще на территории, – быстро продолжил Гарри. – Гермiona Грейнджер мне рассказывала.

– И она была совершенно права. Здесь опять налево.

Часы на церкви за их спиной отбили полночь. Гарри подивился, почему Дамблдор не счёл грубым явиться к старому коллеге в столь поздний час, но теперь, когда он в кои-то веки мог нормально поговорить с Дамблдором, на языке его вертелись более важные вопросы.

– Сэр, я прочёл в «Ежедневном пророке», что Фаджа уволили...

– Верно, – сказал Дамблдор, сворачивая в крутой переулочек. – Вместо него, как ты наверняка тоже прочёл, назначен Руфус Скримджер, бывший глава отдела авроров.

– Он... вы думаете, он хороший?

– Интересный вопрос. Он способный, это точно. Более сильная и решительная личность, чем Корнелиус.

– Да, но я имел в виду...

– Я знаю, что ты имел в виду. Руфус – человек действия. Большую часть своей карьеры он боролся с Тёмными колдунами, так что он реально оценивает силу Лорда Волдеморта.

Гарри немного подождал, но Дамблдор ничего не сказал про свою размовку со Скримджером, о которой писал «Ежедневный пророк». Поскольку продолжить тему у него не хватило решимости, он её сменил.

– И... сэр... я прочёл про мадам Боунс.

– Да, – тихо произнёс Дамблдор. – Огромная потеря. Это была великая ведьма. Кажется, нам сюда... ох (он указал больной рукой).

– Профессор, что случилось с вашей?..

– Сейчас у меня нет времени на объяснения, – ответил Дамблдор. – Это захватывающая история, и я не хочу рассказывать её вкратце.

Он улыбнулся Гарри; тот понял, что от его вопросов не хотят отделаться и он может спрашивать дальше.

– Сэр – я получил со мной буклет от Министерства магии, насчёт мер безопасности против Пожирателей Смерти...

– Да, я тоже получил такой, – Дамблдор продолжал улыбаться. – Был ли он для тебя полезен?

– Не совсем.

– Я так и думал. Ты ведь не спросил меня, например, какой мой любимый джем, чтобы убедиться, что я действительно профессор Дамблдор, а не самозванец.

– Я не... – начал Гарри, не уверенный, был это выговор или нет.

– На будущее, Гарри – это малиновый... хотя, конечно, если бы я был Пожирателем Смерти, я точно бы выяснил мои предпочтения в плане джема, прежде чем изображать меня.

– Э... ага, – сказал Гарри. – Так вот, в этом буклете было что-то насчёт преисподов. Что это такое? В буклете было не очень понятно.

– Это трупы, – спокойно объяснил Дамблдор. – Мёртвые тела, зачарованные Тёмными колдунами и выполняющие их приказания. Однако преисподов давно уже не видели, с той поры, как Волдеморт был силён в прошлый раз... Конечно, он убил достаточно людей, чтобы создать целую армию таких. Вот мы и пришли, Гарри, нам сюда...

Они подходили к маленькому, опрятному каменному дому, окружённому садиком. Гарри был слишком занят, переваривая жуткую информацию о преисподах, чтобы обращать внимание на что-либо ещё; но Дамблдор, едва дойдя до ворот, остановился настолько внезапно, что Гарри не успел затормозить и воткнулся в него.

– О боже. Боже, боже, боже...

Гарри поднял взгляд вдоль ухоженной дорожки, ведущей к дому, и его сердце замерло. Входная дверь болталась на одной петле.

Дамблдор глянул в обе стороны вдоль улицы. Она казалась абсолютно пустынной.

– Достань палочку и следуй за мной, Гарри, – тихо произнёс он.

Он открыл ворота и быстро, но бесшумно двинулся по дорожке через сад (Гарри сразу за ним); затем очень медленно толкнул входную дверь, держа волшебную палочку наготове.

– *Lumos*.

Кончик палочки Дамблдора вспыхнул, осветив узкий коридор. Слева была видна ещё одна открытая дверь. Высоко держа светящуюся палочку, Дамблдор вошёл в гостиную. Гарри дышал ему в спину.

Их глазам предстала сцена полного разрушения. Напольные часы лежали расколотые, их циферблат треснул, а маятник лежал поодаль подобно выроненному мечу. Пианино было опрокинуто, пол вокруг усеян клавишами. Рядом валялись ажурные останки люстры. Подушки были выпотрошены, перья вываливались сквозь разрезы; и всё было щедро усыпано осколками стекла и фарфора. Дамблдор поднял палочку ещё выше, так что свет от неё пал на стены и осветил что-то тёмно-красное и липкое на вид, заляпавшее обои. Тихое Гаррино «ах!» заставило Дамблдора обернуться.

– Неприятное зрелище, не так ли? – тяжело проговорил он. – Да, здесь произошло нечто ужасное.

Дамблдор осторожно прошёл в середину комнаты, рассматривая мусор у себя под ногами. Гарри следовал за ним, глядя вокруг, отчасти страшась того, что он мог увидеть за обломками пианино или перевёрнутым диваном, – но ничего похожего на тело нигде не было.

– Может, тут был бой, и они... они его уволокли, профессор? – предположил Гарри, стараясь не думать о том, как тяжело должен был быть ранен человек, чтобы забрызгать кровью все стены.

– Я так не думаю, – тихо ответил Дамблдор, заглядывая через перевёрнутое мягкое кресло.

– Вы думаете, он?..

– Всё ещё где-то здесь? Да.

И вдруг Дамблдор без предупреждения атаковал кресло, воткнув в его сиденье кончик палочки.

– Чёрт! – воскликнуло кресло.

– Добрый вечер, Гораций, – снова выпрямившись, поздоровался Дамблдор.

У Гарри отпала челюсть. Там, где буквально долю секунды назад было кресло, теперь, скрючившись, сидел чрезвычайно толстый и лысый старик, потирая низ живота и обиженно косясь на Дамблдора водянистым глазом.

– Совершенно необязательно было так сильно тыкать палочкой, – прохрипел он, поднимаясь на ноги. – Больно же.

Волшебная палочка Дамблдора осветила блестящую макушку, глаза навывкате, огромные седые моржовые усы и великолепно отполированные пуговицы на бордовом бархатном жилете, надетом поверх лиловой шёлковой пижамы. Выпрямившись в полный рост, он едва доставал Дамблдору до подбородка.

– Как ты догадался? – буркнул он, встав на ноги и по-прежнему потирая нижнюю часть живота. Он выглядел на удивление невозмутимым для человека, которого только что обнаружили делающим вид, что он кресло.

– Мой дорогой Гораций, – ответил Дамблдор с улыбкой в голосе, – если бы к тебе в дверь действительно постучались Пожиратели Смерти, они бы повесили над домом Тёмную Метку.

Колдун хлопнул пухлой рукой по своему огромному лбу.

– Тёмную Метку, – пробормотал он. – Так и знал, что я что-то забыл... ну да ладно. Всё равно на это у меня не было времени, я как раз заканчивал всю эту декорацию, когда вы вошли.

Он глубоко вздохнул, отчего кончики его усов затрепетали.

– Могу ли я помочь тебе прибраться? – вежливо спросил Дамблдор.

– Пожалуйста, – отозвался тот.

Он встали спина к спине – высокий худой колдун напротив низкого толстого – и совершили своими палочками идентичные дугообразные движения.

Вся мебель вспорхнула в своё первоначальное положение; посуда восстановилась прямо в воздухе, перья устремились в подушки; разорванные книги починились и приземлились на свои полки; масляные светильники взлетели на столы у стен и зажглись; множество расколотых серебряных рамок для фотографий, сверкая, пролетели через комнату и устроились на столе, целые и блестящие; разрывы, трещины и дыры повсюду затянулись; и стены вновь стали чистыми.

– Кстати, что это была за кровь? – громко спросил Дамблдор, стараясь перекрыть бой свежееотремонтированных напольных часов.

– На стенах? Драконья, – крикнул в ответ колдун, названный Горацием, в то время как люстра с оглушительным скрежетом и звяканьем ввинтилась обратно в потолок.

Последний звон испустило пианино, затем всё смолкло.

– Да, драконья, – нормальным голосом повторил колдун. – Моя последняя бутылка, а цены сейчас просто грабительские. Хотя её ещё можно использовать.

Он подошёл к серванту, взял с него маленькую хрустальную бутылку и поднёс к свету, изучая густую жидкость внутри неё.

– Хм... малость запылилась.

Он вернул бутылку на сервант и вздохнул. В этот момент его взгляд пал на Гарри.

– Ого! – воскликнул он, подняв большие круглые глаза на молниеобразный шрам на Гаррином лбу. – *Ogo!*

– Это, – Дамблдор сделал шаг вперёд, чтобы представить их друг другу, – Гарри Поттер. Гарри, это мой старый друг и коллега Гораций Слагхорн¹³.

Слагхорн проницательно взглянул на Дамблдора.

– Ты думал, таким способом ты сможешь меня убедить, так? Что ж, мой ответ всё равно «нет», Альбус.

Он двинулся мимо Гарри, решительно отвернувшись с видом человека, пытающегося побороть искушение.

– Я надеюсь, мы, по крайней мере, можем чего-нибудь выпить? – спросил Дамблдор. – Ради старой дружбы?

Слагхорн заколебался, потом неприветливым тоном ответил:

– Ну ладно, чуть-чуть можно.

Дамблдор улыбнулся Гарри и пригласил его занять расположенное между камином и горящим светильником кресло, очень похожее на то, которое Слагхорн совсем недавно изображал. Гарри устроился в кресле; ему показалось, что Дамблдор по какой-то причине хочет, чтоб он был как можно больше на виду. И, конечно, когда Слагхорн закончил возиться с графинами и бокалами и снова повернулся лицом в комнату, взгляд его сразу пал на Гарри.

– Кхм, – прокашлялся он и быстро отвёл глаза, словно боясь их обжечь. – Вот, – он протянул бокал увесившемуся без приглашения Дамблдору, затем сунул поднос в руки Гарри, наконец плюхнулся в подушки отремонтированного дивана и погрузился в недовольное молчание. Его короткие ноги свисали с края дивана, не доставая до пола.

– Да, как твои дела вообще, Гораций? – прервал молчание Дамблдор.

– Не так чтобы очень, – сразу ответил Слагхорн. – Слабые лёгкие. Одышка. Ещё и ревматизм впридачу. Не могу двигаться так же легко, как раньше. В общем-то, странно ожидать чего-то другого. Старый стал, усталый.

– Но всё же ты, похоже, двигался достаточно быстро, чтобы приготовить нам такой приём за столь короткое время. Ты ведь узнал о нас за три минуты до нашего прихода, не больше?

В ответ Слагхорн сказал, наполовину раздражённо, наполовину гордо:

– За две. Не услышал, как сработали чары Предупреждения о Вторжении, я был в ванне. И тем не менее, – жёстко добавил он, вновь собравшись с мыслями, – факт тот, что я старик, Альбус. Уставший старик, вполне заслуживший право на спокойную жизнь и земные блага.

Земные блага, это точно, подумал Гарри, оглядывая комнату. Она была заставлена и забита различными вещами, но едва ли её можно было назвать неудобной; мягкие стулья и скамеечки для ног, напитки и книги, коробки с шоколадом и взбитые подушки. Если бы Гарри не знал, кто здесь обитает, он бы предположил, что это богатая, суетливая пожилая леди.

– Ты моложе, чем я, Гораций, – напомнил Дамблдор.

¹³ Slughorn. Slug – слизняк, horn – рог. Дословно его фамилия «Слизнегор»

– Ну, возможно, и тебе стоит подумать об отставке, – прямо ответил Слагхорн, глядя своими бледными цвета крыжовника глазами на больную руку Дамблдора. – Реакция, вижу, уже не та.

– Ты абсолютно прав, – мягко произнёс Дамблдор, тряхнув рукавом и открыв взгляду кончики обожжённых и почерневших пальцев; при виде их у Гарри побежали мурашки по коже шеи. – Я, несомненно, медленнее, чем был когда-то. Но с другой стороны...

Он пожал плечами и развёл руками, будто желая сказать, что возраст имеет и свои преимущества, и Гарри заметил на здоровой руке Дамблдора кольцо, которого не видел на нём никогда раньше. Кольцо было большое, довольно грубо сделанное из чего-то похожего на золото, и украшенное крупным чёрным камнем, треснувшим от середины вниз. Взгляд Слагхорна тоже чуть задержался на кольце, и Гарри заметил, что на мгновение лицо его нахмурилось.

– Да, Гораций, так все эти предосторожности против незваных гостей – они рассчитаны на Пожирателей Смерти или на меня? – вернулся к оставленной теме Дамблдор.

– Что может быть нужно Пожирателям Смерти от несчастного больного старого хрыча, такого как я? – спросил Слагхорн.

– Могу представить себе, что им нужно привлечь твой немаленький талант для принуждения, пыток и убийств, – сказал Дамблдор. – Не хочешь же ты мне сказать, что они всё ещё не подъезжали к тебе?

Некоторое время Слагхорн ел Дамблдора злобным взглядом, затем пробормотал:

– Я не давал им такой возможности. Я уже год веду кочевую жизнь. Никогда не остаюсь в одном месте больше недели. Переезжаю из одного маггловского дома в другой – владельцы этого местечка сейчас отдыхают на Канарах – здесь очень приятно, жаль будет уезжать. Это очень легко, если знать как – простое Замораживающее заклятье на эту дурацкую сигнализацию от воров, которую они используют вместо хитроскопов¹⁴, и позаботиться о том, чтобы соседи не видели, как ты вносишь пианино.

– Гениально, – одобрил Дамблдор. – Но, на мой взгляд, это довольно утомительное существование для больного старого хрыча, ищущего спокойной жизни. А вот если бы ты вернулся в Хогвартс...

– Если ты собираешься мне рассказывать, какой мирной станет моя жизнь в этой мерзкой школе, то лучше побереги дыхание, Альбус! Я, может, и в бегах, но после ухода оттуда Долорес Амбридж до меня дошли разные забавные слухи! Если ты *так* обращаешься теперь с учителями...

– Профессор Амбридж по собственной глупости пострадала от нашего табуна кентавров, – ответил Дамблдор. – Я думаю, что у тебя, Гораций, хватит ума не лезть в Лес, чтобы там обзывать орду разозлённых кентавров «грязными полукровками»?

– Это она так сделала, да? Идиотка. Никогда не любил её.

Гарри хихикнул, и оба собеседника обернулись в его сторону.

– Извините, – поспешно проговорил Гарри. – Просто... мне она тоже не нравилась.

Внезапно Дамблдор встал.

¹⁴ Sneakoscope. Sneak – подкрадываться, красть исподтишка

– Уходите? – тут же с надеждой в голосе поинтересовался Слагхорн.

– Нет, я как раз хотел спросить, могу ли я воспользоваться твоим туалетом.

– А, – явно разочарованным тоном ответил Слагхорн. – По коридору и вторая дверь налево.

Дамблдор удалился. Дверь за ним захлопнулась, и в комнате воцарилось молчание. Через несколько секунд Слагхорн поднялся, но словно не знал, что делать дальше. Он глянул украдкой на Гарри, затем подошёл к огню и повернулся к нему спиной, грея свою широкую заднюю часть.

– Не думай, что я не знаю, зачем он тебя притащил, – внезапно заявил он.

Гарри не ответил, глядя на Слагхорна. Взгляд водянистых глаз Слагхорна скользнул по его шраму и на сей раз задержался на лице.

– Ты очень похож на своего отца.

– Ага, мне уже говорили.

– Кроме глаз. У тебя...

– Глаза моей матери, ага. – Гарри слышал это так часто, что его это начало несколько утомлять.

– Кхм. Да, вот. Будучи учителем, конечно, нельзя иметь любимчиков, но она была моим. Твоя мать, – добавил Слагхорн в ответ на вопросительный взгляд Гарри. – Лили Эванс. Одна из самых ярких, кого я когда-либо учил. Такая непоседа. Очаровательная девушка. Я частенько говорил ей, что ей следовало быть в моём Доме. И получал довольно нахальные ответы.

– А какой был ваш Дом?

– Я был главой Слизерина. Ой, только вот не надо! – быстро продолжил он, увидев выражение на Гаррином лице и грозя ему своим коротким пальцем. – Не надо этих вот предубеждений! Ты, конечно, гриффиндорец, как и она, я полагаю? Да, это обычно передаётся в семьях. Хотя и не всегда. Слышал когда-нибудь о Сириусе Блэке? Наверняка слышал, про него постоянно писали в газетах последнюю пару лет... Он умер совсем недавно...

Гарри почувствовал, как будто невидимая рука скрутила его внутренности и не отпускает.

– Вот, как бы то ни было, он был в школе хорошим приятелем твоего отца. Всё семейство Блэков было в моём Доме, а Сириус угодил в Гриффиндор! Обидно – талантливый был парень. Я заполучил его брата, Регулуса, когда пришла его очередь, но предпочёл бы обоих.

Он говорил с видом коллекционера-энтузиаста, цену которого перебили на аукционе. Погружённый в воспоминания, он уставился на противоположную стену, лениво поворачиваясь на месте, чтобы тепло от камина доставалось всей спине равномерно.

– Конечно, твоя мать была магглорождённая. Когда я узнал – не мог поверить своим ушам. Она была так хороша – просто обязана была быть чистокровной.

– Одна из моих лучших друзей магглорождённая! – заявил Гарри. – И она лучшая на всём нашем курсе.

– Забавно, как такое иногда происходит, правда? – задумчиво сказал Слагхорн.

– Ничего забавного, – холодно ответил Гарри.

Слагхорн глянул на него сверху вниз с удивлением.

– Только не думай, что у меня предубеждение против магглорождённых! Нет, нет, нет! Я же сказал только что – твоя мать была одной из моих самых любимых учениц? И потом, был ещё Дёрк Кресуэлл, на год младше неё – сейчас он глава отдела Связей с гоблинами, да – тоже магглорождённый, очень одарённый ученик, и до сих пор даёт мне интересную информацию о том, что делается в Гринготтсе!

Он немного покачался на мысках, самодовольно улыбаясь, затем показал на множество блестящих рамок на гардеробе, в каждой из которых двигались крошечные люди.

– Это все мои бывшие ученики; все с автографами. Вот Барнабас Кафф, редактор «Ежедневного пророка», он всегда интересуется моим взглядом на новости. А это Амброзиус Флюм из «Пригоршни сладостей»¹⁵ – присылает мне что-нибудь вкусненькое на каждый день рождения, а всё потому, что я в своё время представил его Цицерону Харкиссу, который дал ему его первую работу! А там, сзади – ты её увидишь, если вытянешь шею, – это Гвеног Джонс, та самая, которая сейчас капитанит в «Головастых Гарпиях»... люди всегда поражаются, узнав, что я на ты с Гарпиями, плюс ещё бесплатные билеты, когда мне надо!

Эта мысль его заметно взбодрила.

– И все эти люди знают, где вас найти? Ну, чтобы прислать вам всё это? – спросил Гарри, всё это время не перестававший удивляться, как это Пожиратели Смерти до сих пор не выследили Слагхорна, если к нему постоянно стекаются корзинки со сладостями, квиддичные билеты и посетители, желающие совета.

Улыбка испарилась с лица Слагхорна так же быстро, как прежде кровь со стен.

– Разумеется, нет, – отрезал он, снова глядя на Гарри. – Я ни с кем не контактирую уже год.

У Гарри сложилось впечатление, что Слагхорн был шокирован собственными словами; в какой-то момент он выглядел потерянным. Затем он пожал плечами.

– И тем не менее... благоразумный колдун в наше время не высовывается. Дамблдору хорошо говорить, но поступить на работу в Хогвартс именно сейчас равносильно объявлению моей принадлежности к Ордену Феникса! И хотя я уверен, что они все достойны уважения, храбры и всё такое, но вот уровень смертности мне лично не нравится...

– Вам не обязательно вступать в Орден, чтобы преподавать в Хогвартсе, – возразил Гарри, не в силах полностью подавить насмешку в голосе; он заметил, что ему трудно сочувствовать несчастному существованию Слагхорна, одновременно вспоминая Сириуса, скорченного в пещере и питающегося крысами. – Большинство учителей не члены Ордена, и пока никто из них не был убит – ну, кроме Квиррелла, но он получил того заслуживал, с учётом того, что он сотрудничал с Волдемортом.

Гарри был уверен, что Слагхорн относится к числу колдунов, которые не переносят, когда имя Волдеморта произносят вслух, и не ошибся: Слагхорна передёрнуло, и он испустил протестующий вскрик, который Гарри проигнорировал.

¹⁵ Honeydukes – название кондитерского магазинчика

– Я думаю, преподаватели находятся в большей безопасности, чем другие люди, пока Дамблдор директор школы; он ведь считается единственным, кого Волдеморт боится, разве не так? – продолжил он.

Несколько мгновений Слагхорн глядел в пространство; похоже, он обдумывал Гаррины слова.

– Хм, да, действительно, Тот-Кого-Нельзя-Называть всегда избегал сражения с Дамблдором, – неохотно пробормотал он. – И я подозреваю, что, поскольку я не присоединился к Пожирателям Смерти, Тот-Кого-Нельзя-Называть вряд ли может считать меня своим другом... А в таком случае я действительно буду в большей безопасности поближе к Альбусу... Не буду утверждать, что смерть Амелии Боунс меня не потрясла... Если уж она, со всем её влиянием в Министерстве, со всей защитой...

Дамблдор снова вошёл в комнату, и Слагхорн подпрыгнул на месте, как будто успел забыть о присутствии Дамблдора в доме.

– А, вот и ты, Альбус, – произнёс он. – Что-то долго ты там был. Проблемы с желудком?

– Нет, я просто зачитался магловскими журналами, – ответил Дамблдор. – Обожаю образцы для вязания. Ладно, Гарри, мы достаточно долго злоупотребляли гостеприимством Горация; думаю, нам пора уходить.

Совершенно не испытывая желания не подчиниться, Гарри вскочил на ноги. Слагхорн таким поворотом событий был явно захвачен врасплох.

– Вы уходите?

– Да, конечно. Я думаю, я могу распознать безнадёжный случай с первого взгляда.

– Безнадёжный?..

Слагхорн выглядел озабоченным. Он вертел своими толстыми большими пальцами и явно нервничал при виде Дамблдора, застёгивающего свой дорожный плащ, и Гарри, возящегося с молнией куртки.

– Что ж, жаль, что ты не хочешь эту работу, Гораций, – на прощанье поднял здоровую руку Дамблдор, – Хогвартс был бы рад снова видеть тебя. Несмотря на наши усиленные меры безопасности, ты всегда можешь заглядывать, если захочешь.

– Да... хорошо... очень любезно... Должен сказать...

– Ну тогда до свидания.

– До свидания, – попрощался Гарри.

Они были уже на пороге, когда сзади раздался возглас.

– Ну ладно, ладно! Я согласен!

Дамблдор повернулся и увидел Слагхорна, безмолвно стоявшего в дверях гостиной.

– Ты выйдешь из отставки?

– Да, да, – нетерпеливо ответил Слагхорн. – Наверное, я свихнулся – но да.

– Замечательно! – просиял Дамблдор. – В таком случае, Гораций, встретимся первого сентября.

– Да уж, полагаю, встретимся, – проворчал Слагхорн.

Когда они отчалили по садовой дорожке, до них донёсся голос Слагхорна:

– Я требую повышения жалованья, Дамблдор!

Дамблдор усмехнулся. Ворота за их спиной захлопнулись, и они двинулись обратно вниз по склону сквозь темноту и клубы тумана.

– Отличная работа, Гарри, – произнёс Дамблдор.

– Но я же ничего не сделал, – удивлённо ответил Гарри.

– Ещё как сделал. Ты показал Горацию, как много он приобретёт, если вернётся в Хогвартс. Он тебе понравился?

– Э...

Гарри сам не знал, понравился ему Слагхорн или нет. Он подозревал, что в некотором смысле Слагхорн был приятным человеком, но, с другой стороны, он казался тщеславным и, что бы он там ни говорил, слишком уж удивлялся тому, что из маглорождённой может получиться хорошая ведьма.

– Гораций, – сказал Дамблдор, освобождая Гарри от необходимости произносить что-либо из этого вслух, – любит комфорт. Кроме того, он любит компанию людей знаменитых, успешных и сильных. Он наслаждается ощущением своего влияния на этих людей. Он никогда не стремился оказаться на троне; он всегда предпочитает быть за спиной – больше возможностей проявить себя, понимаешь? Он подбирал себе любимчиков в Хогвартсе, иногда за амбициозность, иногда за мозги, или за шарм, или за талант; и он обладал потрясающим умением выбирать тех, кто впоследствии становился знаменитостью в какой-либо области. Гораций образовал вокруг себя что-то типа клуба своих любимчиков, протектируя, устанавливая полезные контакты между членами клуба и всегда получая какую-нибудь выгоду, будь то бесплатная коробка его любимых ананасовых цукатов или возможность порекомендовать следующего молодого служащего отдела Связей с гоблинами.

На мгновение Гарри отчётливо представил себе огромного толстого паука, раскинувшего вокруг себя сеть и дёргающего нити паутины то здесь, то там, чтобы подтянуть к себе поближе своих больших сочных мух.

– Я тебе это рассказываю, – продолжил Дамблдор, – не для того, чтобы настроить тебя против Горация – или, как мы теперь должны его называть, профессора Слагхорна – а для того, чтобы ты был настороже. Он, несомненно, попытается заполучить тебя, Гарри. Ты был бы настоящей жемчужиной в его коллекции; «Мальчик, Который Выжил»... или, как тебя сейчас называют, «Избранный».

При этих словах Гарри пробила дрожь, не имеющая никакого отношения к окружающему холодному туману. Они напомнили ему о других словах, услышанных совсем недавно, о словах, имеющих для него особое и ужасающее значение:

Ни один из них не может жить, пока жив другой...

Дамблдор остановился напротив церкви, мимо которой они прошли ранее.

– Достаточно, Гарри. Пожалуйста, возьми меня за руку...

На сей раз Гарри был готов к ашпарированию, но ощущения по-прежнему были неприятными. Когда давление пропало и Гарри обнаружил, что снова может дышать, они с Дамблдором стояли рядом на просёлочной дороге, а перед ними возвышался искривлённый силуэт второго Гарриного любимого здания в мире – Норы. Несмотря на только что

пронизавший его страх, при виде Норы Гарри не мог не взбодриться. Там внутри был Рон... и миссис Уизли, которая готовила лучше, чем все, кого он знал...

– Если ты не возражаешь, Гарри, – попросил Дамблдор, проходя вместе с ним через ворота, – я хотел бы сказать тебе ещё пару слов, прежде чем мы расстанемся. Тет-а-тет. Может, тут?

Дамблдор показал на низкий каменный сарайчик, в котором Уизли хранили свои помелья¹⁶. Немного озадаченный, Гарри проследовал за Дамблдором через скрипящую дверь в помещение чуть меньше среднестатистического шкафа. Дамблдор зажёл кончик своей волшебной палочки, засветившейся, как факел, и с высоты своего роста улыбнулся Гарри.

– Надеюсь, ты простишь мне эти слова, но я рад и даже немного горд тем, как ты держишься после всего того, что случилось в Министерстве. Позволь сказать, что Сириус, по моему мнению, гордился бы тобой.

Гарри сглотнул; слова покинули его. Он не думал, что ему придётся ещё раз говорить о Сириусе. И без того было достаточно болезненным слышать от дяди Вернона «его крёстный мёртв?», и ещё хуже – слышать его имя, небрежно обронённое Слагхорном.

– Как жестоко, – мягко произнёс Дамблдор, – что вы с Сириусом были вместе так мало. Горькое завершение того, что могло бы быть длительными и счастливыми отношениями.

Гарри кивнул, не отрывая глаз от паука, карабкавшегося вверх по Дамблдоровой шляпе. Ему казалось, что Дамблдор понимал его; возможно, он даже догадывался, что до прихода его письма Гарри практически всё время, что жил у Дёрзли, лежал на кровати, отказываясь от еды и глядя в туманное окно, с холодной пустотой во всём теле, как вблизи дементора.

– Просто очень трудно, – наконец тихо выдавил он, – осознавать, что он никогда больше мне не напишет.

Внезапно Гарри ощутил резь в глазах и моргнул. Он стеснялся признаться самому себе, что присутствие вне Хогвартса кого-то, кто беспокоился о нём, почти как отец, дарило ему замечательные ощущения, одни из лучших с тех пор, как он познакомился со своим крёстным... А теперь почтовые совы никогда больше не принесут ему такого ощущения...

– Сириус был для тебя многим, чего ты был лишён раньше, – тихо продолжил Дамблдор. – Конечно, это колоссальная потеря...

– Но когда я был у Дёрзли, – перебил Гарри несколько громче, – я понял, что не должен прятаться от всех, не должен сломаться... Сириус не одобрил бы такого, верно? И потом, жизнь так коротка... возьмём мадам Боунс, или Эммелину Вэнс... Следующим вполне могу быть я? Но если так и будет, – яростно добавил он, на этот раз глядя прямо в голубые глаза Дамблдора, блестящие в свете палочки, – я постараюсь прихватить с собой как можно больше Пожирателей Смерти, а если удастся – то и Волдеморта тоже.

– Слова настоящего сына своих отца и матери и истинного крестника Сириуса, – Дамблдор одобрительно хлопнул Гарри по плечу. – Снимаю перед тобой шляпу – вернее, снял бы, если б не боялся усыпать тебя пауками. А теперь, Гарри, немного сменим тему. Я так понял, что ты читал «Ежедневный пророк» за последние две недели?

¹⁶ Роулинг использует два слова: broom (метла) и broomstick (помело). Я стараюсь придерживаться этих вариантов в соответствии с авторским написанием.

– Да, – ответил Гарри, почувствовав, что его сердце забилось чуть быстрее.

– В таком случае ты наверняка видел, что о твоём приключении в Зале Пророчеств там очень много воды и гораздо меньше информации?

– Да, – снова кивнул Гарри, – И все уже знают, что я тот самый...

– «Все» не знают, – перебил Дамблдор. – Во всём мире есть лишь два человека, которым полностью известно содержание пророчества о тебе и Лорде Волдемorte, и они оба сейчас стоят в этом плохо пахнущем и набитом пауками сарае для метел. Однако, действительно, многие догадались, что Волдеморт послал своих Пожирателей Смерти, чтобы они украли пророчество, и что это пророчество относится к тебе. Теперь. Полагаю, я прав, утверждая, что ты никому не сказал, что знаешь содержание пророчества?

– Никому.

– В целом, это мудро, – сказал Дамблдор, – хотя я думаю, что тебе не следует скрывать его от своих друзей, мистера Рональда Уизли и мисс Гермионы Грейнджер. Да, – добавил он, глядя на испуганное лицо Гарри. – Я думаю, они должны знать. Ты оказываешь им плохую услугу, не поверяя им нечто настолько важное для них.

– Я не хотел...

– Не хотел их беспокоить или пугать? – продолжил его фразу Дамблдор, изучая Гарри поверх очков. – Или, возможно, не хотел показывать им, что ты сам обеспокоен и испуган? Твои друзья нужны тебе, Гарри. Как ты совершенно верно сказал – Сириус не одобрил бы, если бы ты спрятался ото всех.

Гарри ничего не ответил; впрочем, Дамблдор, похоже, ответа и не ждал.

– Касательно ещё одного вопроса, хотя и близкого, – произнёс он. – Мне бы хотелось, чтобы ты в этом году брал у меня индивидуальные уроки.

– Индивидуальные уроки – с вами? – переспросил Гарри, которого эта новость вывела из состояния задумчивости.

– Да. Я думаю, настало время мне приложить больше усилий к твоему образованию.

– А что вы мне будете преподавать, сэр?

– О, всего понемногу, – легко ответил Дамблдор.

Гарри с надеждой ждал продолжения, но Дамблдор не стал развивать тему, так что Гарри сам задал вопрос, который его несколько беспокоил.

– Если я буду заниматься с вами, мне не придётся брать уроки окклюменции у Снейпа, сэр?

– У *профессора* Снейпа, Гарри... и да, не придётся.

– Слава богу, – облегчённо выдохнул Гарри. – А то это было полное...

Он вовремя остановился, удержавшись от произнесения того, что на самом деле думал.

– Я думаю, что слово «фиаско» здесь вполне уместно, – кивнул Дамблдор.

Гарри засмеялся.

– Ну что ж – стало быть, я теперь не очень часто буду видаться с профессором Снейпом. Он же не позволит мне заниматься зельями, если я не получу «отлично»¹⁷ за СОВ¹⁸... а я знаю, что не получу.

– Не считай своих сов, пока они не прилетели, – рассудительно заметил Дамблдор. – Что, кстати, мне кажется, должно произойти сегодня, немного позже. Теперь ещё две вещи, пока мы не расстались. Во-первых, я прошу тебя с этого момента держать свой плащ-невидимку при себе постоянно. Даже внутри Хогвартса. На всякий случай – ты меня понимаешь?

Гарри кивнул.

– И последнее. Пока ты здесь, Нора получила высшую степень обеспечения безопасности, какую может дать Министерство магии. Эти меры вызвали определённое неудобство для Артура и Молли – например, вся их почта просматривается в Министерстве перед отсылкой. Они несколько не возражают, так как их волнует в первую очередь твоя безопасность. Но с твоей стороны было бы не очень порядочно отплатить им, рискуя своей шеей, пока ты живёшь у них.

– Я понимаю, – быстро ответил Гарри.

– Вот и хорошо, – закончил разговор Дамблдор, открывая дверь сарая и выбираясь во двор. – Я вижу, на кухне свет горит. Давай не будем далее лишать Молли возможности посетовать, какой ты тощий.

¹⁷ Оценки в оригинале: Outstanding (O), Exceeding Expectations (E), Acceptable (A), Poor (P), Dreadful (D), Troll (T). Появилось поползновение перевести: Прекрасно, Превосходя ожидания, Приемлемо, Плохо, Паршиво... преодолел ;). В итоге остановился на варианте: Отлично, Выше ожидаемого, Приемлемо, Слабо, Ужасно, Троль.

¹⁸ O.W.L. – Ordinary Wizarding Level (обычный колдовской уровень). Owl – по-английски сова. Я перевёл аббревиатуру как СОВ – Ступени Обычного Волшебства.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СЛИШКОМ МНОГО ФЛЕГМЫ

Гарри и Дамблдор подошли к задней двери в Нору, вокруг которой, как обычно, всё было завалено хламом – старыми сапогами, ржавыми котлами и прочим; Гарри слышал тихое квохтанье сонных кур из сарая поодаль. Дамблдор постучал три раза, и Гарри уловил резкое движение за кухонным окном.

– Кто там? – спросил нервный голос миссис Уизли. – Назовите себя!

– Это я, Дамблдор, привёл Гарри.

Дверь тотчас же открылась. За ней стояла миссис Уизли, невысокая полная женщина, одетая в старый зелёный халат.

– Гарри, дорогой! Боже, Альбус, ты меня напугал, ты же сказал, что появишься не раньше утра!

– Нам повезло, – сказал Дамблдор, провожая Гарри через порог. – Слагхорн оказался гораздо более стоворчивым, чем я ожидал. Всё благодаря Гарри, конечно. А, здравствуй, Нимфадора!

Гарри огляделся и увидел, что, несмотря на поздний час, миссис Уизли была не одна. За столом, сжимая в руках большую кружку, сидела молодая ведьма с бледным сердцевидным лицом и мышиного цвета волосами.

– Здравствуйте, профессор, – ответила она. – Салют, Гарри.

– Привет, Тонкс.

Гарри показалось, что выглядит Тонкс какой-то опустошённой или даже больной и улыбается через силу. Без привычной шапки ядовито-розовых волос её внешность определённо была бледнее, чем прежде.

– Я, пожалуй, пойду лучше, – быстро произнесла она, вставая и натягивая плащ себе на плечи. – Спасибо за чай и за сочувствие, Молли.

– Пожалуйста, если ты уходишь из-за меня, то не надо, – учтиво попросил Дамблдор. – Я не могу сейчас задерживаться, мне надо срочно кое-что обсудить с Руфусом Скримджером.

– Нет, нет, мне надо идти, – ответила Тонкс, не глядя на Дамблдора. – Спокойн'ночи...

– Дорогая, почему бы тебе не поужинать с нами на выходных? Римус и Безумный Глаз придут...

– Нет, Молли, в самом деле не могу... Спасибо за приглашение... Всем спокойной ночи.

Тонкс прошмыгнула во двор мимо Дамблдора и Гарри; сделав несколько шагов от порога, она повернулась на месте и испарилась. Гарри заметил, что у миссис Уизли озабоченный вид.

– Ну что ж, увидимся в Хогвартсе, Гарри. Береги себя. Молли, ваш покорный слуга, – с этими словами Дамблдор поклонился миссис Уизли и направился следом за Тонкс; исчез он ровно на том же самом месте, что и она. Миссис Уизли закрыла дверь, взяла Гарри за плечи и повлекла его к свету стоявшего на столе фонаря, чтобы хорошенько рассмотреть.

– Ты совсем как Рон, – вздохнула она, просканировав его снизу вверх и обратно. – У обоих такой вид, словно на вас Растягивающий сглаз. Готова поклясться, что Рон вырос на четыре дюйма с того времени, как я последний раз покупала ему школьные мантии. Гарри, ты есть хочешь?

– Ага, – ответил Гарри, только сейчас осознав, насколько он проголодался.

– Ну тогда садись, дорогой, я сейчас что-нибудь сварганю.

Как только Гарри уселся, на его колени вскочил пушистый рыжий кот с плоской мордой и, урча, свернулся калачиком.

– А, так Гермиона тоже здесь? – радостно спросил Гарри, поглаживая Косолапа за ушами.

– О, да, она приехала позавчера, – ответила миссис Уизли, ткнув волшебной палочкой большую железную кастрюлю. Кастрюля с громким стуком вспрыгнула на плиту, и её содержимое сразу же начало кипеть. – Все спят, разумеется, мы не ожидали тебя так рано. Вот, держи...

Она снова ткнула кастрюлю; та взмыла в воздух, полетела в направлении Гарри и наклонилась; миссис Уизли подставила миску и в последний момент поймала её струю густого, горячего лукового супа.

– Хлеб нужен, дорогой?

– Да, пожалуйста, миссис Уизли.

Она сделала палочкой небрежный взмах через плечо; на стол грациозно вспорхнули батон хлеба и нож; после того как батон нарезался на ломти, а кастрюля вновь устроилась на плите, миссис Уизли села напротив Гарри.

– Так, значит, ты убедил Горація Слагхорна вернуться на работу?

Гарри кивнул – со ртом, полным горячего супа, говорить было невозможно.

– Он обучал меня и Артура, – сказала миссис Уизли. – Он был в Хогвартсе очень долго, кажется, пришёл туда примерно тогда же, когда и Дамблдор. Он тебе понравился?

На этот раз рот Гарри был набит хлебом, так что он пожал плечами и неопределённо дёрнул головой.

– Я знаю, что ты имеешь в виду, – мудро кивнула миссис Уизли. – Конечно, он может быть очаровательным, когда хочет, но Артуру он никогда особо не нравился. Министерство напичкано старыми любимчиками Слагхорна, он всегда хорошо мог помогать людям начинать карьеру, но у него никогда не было времени для Артура – похоже, он не думал, что Артур способен высоко подняться. Что ж, это означает, что даже Слагхорн может ошибаться. Не знаю, успел ли Рон сказать тебе в каком-нибудь из своих писем – это только что произошло – Артур получил повышение!

Было совершенно очевидно, что миссис Уизли буквально лопалась от желания поделиться этой новостью.

Гарри проглотил горячий суп, наполнявший его рот, и ему показалось, что его глотка покрывается волдырями.

– Это здорово! – задыхаясь, просипел он.

– Ах ты мой милый, – просияла миссис Уизли, вероятно решив, что глаза Гарри слезятся от волнения, вызванного новостью. – Да, Руфус Скримджер организовал несколько новых отделов с учётом нынешнего положения, и Артур возглавляет отдел Обнаружения и конфискации поддельных защитных заклинаний и предметов. Это очень серьёзная работа, у него теперь десять человек в подчинении!

– А что именно?..

– Ну, видишь ли, со всей этой паникой насчёт Сам-Знаешь-Кого, везде начали продаваться всякие странные вещи, которые якобы охраняют от Сам-Знаешь-Кого и Пожирателей Смерти. Ты представляешь себе, что это за штуки – так называемые защитные зелья, которые на самом деле просто какой-то соус с каплей гноя быуботюбера; или инструкции по сотворению защитных глаз, от которых просто-напросто отваливаются твои собственные уши... Большинство нарушителей – это люди типа Мундунгуса Флетчера, которые в жизни не прожили честно и дня и теперь наживаются на всеобщем страхе, но иногда появляется что-то действительно опасное. На днях Артур конфисковал ящик проклятых хитроскопов, почти наверняка сделанных Пожирателями Смерти. Так что теперь ты понимаешь, какая это важная работа, и я ему всё время говорю, что просто глупо скучать по всяким штепселям, тостерам и прочей магловской ерунде. – Миссис Уизли закончила свою тираду, сурово глядя на Гарри, как будто это он предположил, что скучать по штепселям – самое то.

– А мистер Уизли всё ещё на работе? – поинтересовался Гарри.

– Да. Вообще говоря, он что-то задерживается сегодня... Сказал, что вернётся домой около полуночи...

Она обернулась в сторону больших часов, неустойчиво стоявших на куче простыней в бельевой корзине у дальнего конца стола. Гарри узнал эти часы сразу же: на них было девять стрелок, каждая с именем одного из членов семьи, и обычно они висели на стене гостиной Уизли; судя по нынешнему их положению, миссис Уизли теперь таскала их с собой повсюду. Каждая из девяти стрелок указывала на «смертельную опасность».

– Теперь всегда так, – сказала миссис Уизли неубедительно небрежным голосом, – с того времени, как Сам-Знаешь-Кто снова начал действовать открыто. Думаю, сейчас все в смертельной опасности... вряд ли только наша семья... но я не знаю никого, у кого были бы такие же часы, так что проверить не могу. О!

С этим неожиданным возгласом она показала на циферблат. Стрелка мистера Уизли повернулась и указала на «в дороге».

– Он идёт!

И действительно, мгновение спустя в заднюю дверь постучали. Миссис Уизли вскочила и поспешила к двери; взявшись одной рукой за дверную ручку и прижавшись к двери щекой, она мягко спросила:

– Артур, это ты?

– Да, – донёсся усталый голос мистера Уизли. – Но если бы я был Пожирателем Смерти, я бы всё равно так ответил, дорогая. Задай вопрос!

– Ох, ёлки-палки...

– Молли!

– Ну ладно, ладно... какая твоя самая заветная мечта?

– Выяснить, как самолёты летают, а крыльями не машут.

Миссис Уизли кивнула и повернула ручку, но мистер Уизли, судя по всему, крепко держал её с другой стороны, поскольку дверь осталась закрытой.

– Молли! Сперва я должен задать твой вопрос!

– Артур, ну послушай, глупо же...

– Как ты любишь, чтобы я тебя называл, когда мы вдвоём?

Даже при тусклом свете фонаря Гарри заметил, что миссис Уизли глубоко покраснела; он сам внезапно почувствовал, как у него затеплели уши и шея, и начал торопливо прихлёбывать суп, стуча ложкой по дну миски так громко, как только мог.

– Моллечка-дролечка, – стыдливо прошептала миссис Уизли в щель между дверью и косяком.

– Верно, – ответил мистер Уизли. – Теперь ты можешь меня впустить.

Миссис Уизли отперла дверь, открыв взору Гарри своего мужа, худого, лысоватого, рыжеволосого колдуна в пыльном дорожном плаще и очках в роговой оправе.

– Я всё-таки не понимаю, зачем нам надо проходить через всё это каждый раз, как ты возвращаешься домой, – пожаловалась всё ещё розовая от смущения миссис Уизли, помогая мужу снять плащ. – В смысле, Пожиратель Смерти мог выбить из тебя ответ, прежде чем притвориться тобой!

– Я знаю, дорогая, но это процедура, утверждённая Министерством, а я должен подавать пример. Ммм, как вкусно пахнет – луковый суп?

Мистер Уизли с надеждой повернулся в сторону стола.

– Гарри! А мы тебя раньше утра не ждали!

Они обменялись рукопожатием, и мистер Уизли приземлился на стул рядом с Гарри, в то время как миссис Уизли поставила напротив него вторую миску с супом.

– Спасибо, Молли. Тяжёлая была ночь. Какой-то идиот начал продавать Медали-Метаморфы. «Всего лишь наденьте их на шею – и сможете менять облик по собственной воле. Сто тысяч маскировок – и всего за десять галлеонов!»

– И что на самом деле происходит, если их надеть?

– В основном ты всего лишь становишься противного такого оранжевого цвета, но у пары человек ещё и всё тело покрылось щупальцами, как прыщами. Как будто у больницы св. Мунго без этого работы мало!

– Похоже, что эта шутка в стиле Фреда и Джорджа, – заметила миссис Уизли. – Ты уверен?..

– Конечно, уверен! – отрезал мистер Уизли. – Мальчики не стали бы делать что-то подобное сейчас, когда люди из всех сил пытаются найти защиту!

– Значит, ты из-за этого так поздно, из-за Медалей-Метаморфов?

– Не только. Ещё до нас дошли сведения о мерзком неуправляемом глазе где-то в Элефант-энд-Кастл¹⁹, но, к счастью, отряд Поддержания магического правопорядка разобрался с этим до того, как мы туда добрались...

Гарри зевнул, постаравшись прикрыть зевок рукой.

– В постель, – обмануть миссис Уизли не удалось. – Я подготовила для тебя комнату Фреда и Джорджа, она в твоём полном распоряжении.

– А что?.. А они где?

– О, они в Косом переулке²⁰, спят в маленькой квартирке над своим магазином шуток, так они заняты, – ответила миссис Уизли. – Должна сказать, я сперва всё это не одобряла, но у них, похоже, действительно есть кое-какое чутьё на прибыль! Давай, дорогой, твои вещи уже там.

– Спокойн'ночи, мистер Уизли, – произнёс Гарри, отодвигая стул. Косолап легко спрыгнул с его коленей и выскользнул из комнаты.

– Споко'ночи, Гарри.

Гарри заметил, что, когда они вдвоём уходили из кухни, миссис Уизли кинула взгляд на часы в бельевой корзине. Все стрелки вновь указывали на «смертельную опасность».

Комната Фреда и Джорджа была на третьем этаже. Миссис Уизли указала палочкой на лампу, стоящую на прикроватной тумбочке, и она тотчас зажглась, окутав комнату приятным золотистым светом. Хотя на столике перед окном стояла большая ваза с цветами, их аромат не мог полностью перебить давнишний запах, как показалось Гарри, пороха. Большая часть пола была заставлена неподписанными запечатанными картонными коробками, между которыми приютился Гарриин школьный сундук. Комната здорово смахивала на временный склад.

Хэдвиг приветственно ухнула в адрес Гарри со своего насеста на большом гардеробе, затем покинула комнату через окно; Гарри понял, что она хотела повидаться с ним, прежде чем улететь на охоту. Гарри пожелал миссис Уизли спокойной ночи, надел пижаму и забрался в одну из кроватей. В наволочке обнаружилось что-то твёрдое. Пошарив внутри неё, Гарри выудил липкую фиолетово-оранжевую конфету, которую сразу опознал как Блевальную Пастилку. Улыбнувшись самому себе, он повернулся на другой бок и мгновенно уснул.

Ему показалось, что прошло лишь несколько секунд, когда он был разбужен чем-то вроде пушечного выстрела (это всего-навсего распахнулась дверь). Резко усевшись на кровати, Гарри услышал скрежет раздвигаемых гардин, и тут же его ослепил ворвавшийся в комнату поток солнечного света. Прикрыв глаза одной рукой, другой Гарри принялся шарить вокруг себя в надежде найти очки.

– Чёзафигня?..

– А мы и не знали, что ты уже здесь! – послышался громкий и возбуждённый голос, и Гарри получил приличный удар по голове.

– Рон, не убей его! – осуждающе произнёс второй, женский голос.

¹⁹ Elephant and Castle – район на юго-востоке Лондона (название района переводится «Слон и замок»).

²⁰ Diagon Alley – название созвучно с «diagonally», т.е. «по диагонали».

Гарриная рука нащупала очки, и он нацепил их на себя; впрочем, пока глаза не привыкли к яркому свету, он всё равно мало что видел. Перед ним дрожала какая-то длинная тень; Гарри пару раз моргнул, и тень превратилась в широко улыбающегося Рона Уизли.

– Ты в порядке?

– Лучше не бывает, – ответил Гарри, потирая макушку и шлёпаясь обратно в подушки. – А ты?

– Неплохо, – Рон подтянул одну из коробок и уселся на неё. – Когда ты пришёл? Мама только что нам рассказала.

– Около часу ночи.

– С магглами проблем не было? Нормально с тобой обращались?

– Как обычно, – сказал Гарри, в то время как Гермиона уселась в ногах его кровати. – Не очень много со мной разговаривали; по мне – так и к лучшему. А ты как, Гермиона?

– Я отлично, – отозвалась Гермиона, осматривая Гарри с таким видом, словно он был чем-то болен. Гарри догадывался, что за этим крылось, а поскольку у него не было ни малейшего желания именно сейчас обсуждать смерть Сириуса или иную столь же печальную тему, он спросил:

– А который час? Я не пропустил завтрак?

– Об этом не беспокойся, мама сейчас принесёт тебе поднос; она считает, что тебя там морили голодом, – Рон закатил глаза. – Так всё-таки, что у тебя там было?

– Не так уж много чего, я же всё время торчал у тёти с дядей, так ведь?

– Да ладно, не прибедайся! – произнёс Рон. – Ты же ушёл с Дамблдором!

– Это не было так уж увлекательно. Он всего лишь хотел, чтобы я помог ему убедить одного старого учителя вернуться из отставки. Его зовут Гораций Слагхорн.

– Ааа... – разочарованно протянул Рон. – А мы-то думали...

Гермиона кинула в адрес Рона предупреждающий взгляд, и он на ходу сменил окончание фразы.

– ...мы так и думали, что что-то такого типа должно быть.

– Правда? – спросил Гарри, посмеиваясь про себя.

– Ага... ну да, теперь Амбридж ушла, значит, нам нужен новый учитель защиты от Тёмных искусств, так ведь? Ну – э – и как он тебе?

– Немного смахивает на моржа, и был раньше главой Слизерина, – ответил Гарри. – Гермиона, что-то не так?

Гермиона смотрела на него с таким видом, словно ожидала проявления каких-то необычных симптомов в любой момент. Она поспешно сменила выражение лица на неубедительную улыбку.

– Нет-нет, всё в порядке! Хм, так что Слагхорн – это будет нормальный учитель, как ты думаешь?

– Не знаю... но уж вряд ли хуже Амбридж, согласишься?

– Я знаю кое-кого, кто хуже Амбридж, – донёсся голос со стороны двери. В комнату с раздражённым и насупленным видом вошла младшая сестра Рона. – Привет, Гарри.

– Что это с тобой? – поинтересовался Рон.

– Это всё *она*, – ответила Джинни, плюхнувшись на Гаррину кровать. – Она меня с ума сведёт.

– Что ещё она натворила? – сочувственно спросила Гермиона.

– Да ничего – но просто как она со мной говорит! Можно подумать, что мне три года!

– Я знаю, – Гермиона понизила голос. – Она так поглощена собственной персоной!..

Гарри был в шоке от того, что Гермиона могла так говорить о миссис Уизли, и он вполне понимал Рона, сердито сказавшего:

– Послушайте, вы двое, нельзя ли оставить её в покое на пять секунд?

– Да, конечно, защищай её, – бросила в ответ Джинни. – Мы все знаем, что ты от неё глаз оторвать не можешь.

Это было весьма странное заявление в отношении матери Рона. Начиная понимать, что он чего-то не понимает, Гарри спросил:

– О ком это вы?..

Он получил ответ на свой вопрос прежде, чем успел его закончить. Дверь снова отворилась, и Гарри инстинктивно вздёрнул покрывало, закрывшись им до шеи. Рывок был настолько силен и внезапен, что Гермиона и Джинни свалились с кровати на пол.

В проёме стояла молодая женщина; от красоты её у Гарри захватило дух, словно комната враз лишилась воздуха. Высокая и стройная, с длинными белыми волосами, она как будто испускала слабое серебристое сияние. Завершал картину полного совершенства нагруженный едой поднос в её руках.

– ‘Арри, – произнесла она гортанным голосом, – так давно не выделись!

Когда она вплыла через порог, за её спиной обнаружилась миссис Уизли, торопившаяся следом. Вид у неё был довольно сердитый.

– Вовсе не надо было тащить поднос, я как раз сама собиралась это сделать!

– Никаких проблем, – ответила Флер Делакур, ставя поднос Гарри на колени и наклоняясь, чтобы поцеловать его в обе щеки; он почувствовал, что те места, где её губы коснулись кожи, горят. – Я так хотела его увидеть. Помнишь мою сестру, Габриэль? Она всё время говорит про ‘Арри Поттера. Она будет рада снова тебя увидеть.

– О... она тоже здесь? – каркнул Гарри.

– Нет, нет, глупый мальчик, – сказала Флер со звонким смешком. – Я имею в виду следующее лето, когда ми – или ти ничего не знаешь?

Её огромные голубые глаза стали ещё больше, и она осуждающе посмотрела на миссис Уизли, которая поспешно пояснила:

– Мы ещё не успели ему сказать.

Флер снова повернулась к Гарри, настолько резко, что её серебристая грива хлестнула миссис Уизли по лицу.

– Ми с Биллом собираемся пожениться!

– О... – тупо сказал Гарри. Он не мог не заметить, что миссис Уизли, Гермиона и Джинни старательно не смотрят друг на друга. – Ух ты! Э... поздравляю.

Она устремилась к нему и снова чмокнула.

– Билль сейчас очень занят, он так много работает, а я работаю в Г'инготтсе только часть времени, учу английский, так что он привёл меня сюда, чтобы познакомить со своей семьёй. Я была так рада слышать, что ты придёшь – здесь почти нечего делать, если тебе не нравится готовить или возиться с курами! Ну ладно – приятного аппетита, 'Арри!

С этими словами она грациозно повернулась и выплыла из комнаты, бесшумно закрыв за собой дверь. Миссис Уизли издала звук, похожий на «пфф!».

– Мама её ненавидит, – тихо произнесла Джинни.

– Я не ненавижу её! – сердитым шёпотом ответила миссис Уизли. – Я просто считаю, что они поторопились с помолвкой, вот и всё!

– Они знакомы уже год, – встрял Рон, находящийся словно в состоянии гогота и не отрывающий взгляда от закрытой двери.

– Знаешь что – это не очень долго! Конечно, я знаю, почему так произошло. Вся эта неопределённость после возвращения Сами-Знаете-Кого, люди думают, что могут не дожить до завтра, вот они и торопятся с решениями, на которые обычно ушло бы больше времени. То же самое было в прошлый раз, когда он был в силе, люди женились и даже сбегали вместе повсюду, куда ни глянь...

– Включая тебя с папой, – лукаво встряла Джинни.

– Да, конечно, мы с вашим отцом были просто созданы друг для друга, какой был смысл ждать? А вот Билл и Флер... ну... что между ними общего? Он работяга, практичный, приземлённый человек, а она...

– ...Курица, – кивнув, закончила Джинни. – Но Билл не такой уж «приземлённый». Он Нейтрализатор проклятий, так? – он любит немного авантюры, немного шарма... Думаю, поэтому он и влюбился во Флегму.

– Прекрати называть её так, Джинни, – резко сказала миссис Уизли²¹, в то время как Гарри и Гермиона засмеялись. – Ладно, я, пожалуй, пойду. Гарри, ешь яичницу, пока она тёплая.

Она вышла из комнаты с устало-озабоченным видом. Рон по-прежнему выглядел как мешком ударенный; он мотал головой, словно собака, пытающаяся вытряхнуть воду из ушей.

– Я думал, к ней можно привыкнуть, если жить с ней в одном доме? – спросил Гарри.

– Ну, вообще-то да, – ответил Рон. – Но когда она внезапно на тебя насккивает, как сейчас...

– Как трогательно, – яростно выпалила Гермиона, отойдя от Рона к противоположной стене, и уставилась на него, скрестив руки.

– Надеюсь, ты не хочешь, чтобы она тут болталась всё время? – недоверчиво спросила Джинни. Когда Рон пожал плечами, она добавила:

– Держу пари, мама положит этому конец, как только сможет.

– Как она собирается это сделать? – поинтересовался Гарри.

– Она всё пытается пригласить к ужину Тонкс. Думаю, она надеется, что Билл врежется в неё. Я тоже на это надеюсь, я предпочла бы её иметь в семье.

²¹ Прозвище Phlegm имеет два значения: помимо собственно «флегмы», это ещё «слизь», «мокрота». Потому миссис Уизли и недовольна.

– Ага, держи карман, – саркастически проговорил Рон. – Слушай, ни один парень в здравом уме не влюбится в Тонкс, когда Флер рядом. В смысле, Тонкс нормально выглядит, когда не вытворяет всякую фигню со своим носом и волосами, но...

– Она на две головы лучше, чем *Флегма!* – выплюнула Джинни.

– И она умнее, она аврор! – добавила из своего угла Гермиона.

– Флер не дура, она была достаточно хороша, чтобы участвовать в Тримагическом Турнире, – вмешался Гарри.

– И ты туда же, – ожесточённо произнесла Гермиона.

– Тебе небось нравится, как Флегма называет тебя «Арри», да? – презрительно спросила Джинни.

– Нет, – Гарри начал жалеть, что встрял в перепалку. – Я только хотел сказать, Флегма – в смысле, Флер...

– Лучше бы Тонкс была у нас в семье, – повторила Джинни. – По крайней мере, с ней весело.

– В последнее время с ней не очень-то весело, – заметил Рон. – Каждый раз, как я её видел, она больше смахивала на Плаксу Миртл.

– Это нечестно! – возмутилась Гермиона. – Она всё ещё не отошла от того, что произошло... Ты же знаешь... В смысле – он был её кузеном!

Сердце Гарри упало. Вот они и добрались до Сириуса. Он подобрал вилку и принялся наворачивать яичницу, надеясь таким образом избежать приглашения присоединиться к этой части беседы.

– Тонкс и Сириус почти не знали друг друга! – возразил Рон. – Сириус просидел в Азкабана половину её жизни, а раньше их семьи не встречались...

– Не в этом дело! – ответила Гермиона. – Она винит себя в его смерти!

– Почему это она так решила? – помимо воли вырвалось у Гарри.

– Ну, она же дралась с Беллатрикс Лестрэндж, так ведь? Я думаю, она считает, что если бы она её прикончила, то Беллатрикс не смогла бы убить Сириуса!

– Глупо, – прокомментировал Рон.

– Комплекс выжившего, – пожала плечами Гермиона. – Насколько я знаю, Люпин²² пытался с ней поговорить, но она всё равно подавлена. У неё даже начались проблемы с Метаморфированием!

– С чем?..

– Она не может менять внешность, как она это делала раньше, – пояснила Гермиона. – Я думаю, на её способности повлиял шок или что-то вроде того.

– Я не знал, что такое может произойти, – удивился Гарри.

– Я тоже, – ответила Гермиона. – Но я думаю, что если ты действительно сильно подавлен...

Дверь снова открылась, и в проём просунулась голова миссис Уизли.

– Джинни, – прошептала она, – спустись вниз и помоги мне с обедом.

– Но я же разговариваю! – возмутилась Джинни.

²² Remus Lupin. Lupus – на латыни «волк», подходящая фамилия для оборотня.

– Живо! – и голова миссис Уизли исчезла.

– Она хочет, чтобы я спустилась, только чтобы не оставаться наедине с Флегмой! – сердито сказала Джинни. Она встряхнула своими длинными рыжими волосами очень похоже на Флер и, держа руки над головой, как балерина, продефилировала к двери.

– Вы, ребята, лучше бы тоже побыстрее спускались, – напоследок произнесла она.

Гарри воспользовался установившимся молчанием и продолжил поглощать завтрак. Гермиона заглядывала в коробки Фреда и Джорджа, не забывая при этом периодически украдкой поглядывать на Гарри. Рон, жуя взятый с Гарриного подноса тост, по-прежнему мечтательно взирал на дверь.

– Что это? – в конце концов нарушила молчание Гермиона, подняв нечто смахивающее на небольшой телескоп.

– Без понятия, – ответил Рон. – Но если Фред и Джордж оставили это здесь, то, наверно, оно ещё не готово для продажи, так что будь осторожна.

– Твоя мама говорит, что их магазин процветает, – заметил Гарри. – Она говорит, что у Фреда с Джорджем есть чутьё на прибыль.

– Это ещё слабо сказано. Они гребут галлеоны как лопатой! Жду не дожусь, когда мы туда попадём; мы ещё не были в Косом переулке, потому что мама говорит, что для большей безопасности с нами должен пойти папа, а он сейчас сильно занят на работе – но там должно быть круто.

– А что с Пёрси? – спросил Гарри; третий по старшинству брат Уизли поссорился с семьёй в прошлом году. – Он начал разговаривать с твоими родителями?

– Не-а.

– Но он же знает теперь, что твой отец всё это время говорил правду про возвращение Волдеморта!..

– Дамблдор говорил, что людям гораздо легче прощать других за то, что те были виноваты, чем если те были правы, – сказала Гермиона. – Я слышала, как он сказал это твоей маме, Рон.

– Опять эти сумасшедшие штучки, которые Дамблдор обожает говорить, – ответил Рон.

– Он собирается в этом году давать мне индивидуальные уроки, – обыденным тоном заметил Гарри.

Рон поперхнулся куском тоста, у Гермионы перехватило дыхание.

– И ты молчал! – воскликнул Рон.

– Только что вспомнил, – честно признался Гарри. – Он мне сказал этой ночью в нашем сарае для метел.

– Ни фиги себе... индивидуальные уроки с Дамблдором! – Рон всё ещё выглядел потрясённым. – Интересно, почему он?..

Он оборвал фразу на полуслове и переглянулся с Гермионой. Гарри отложил нож и вилку; его сердце колотилось довольно часто, если учесть, что он всего лишь сидел на кровати. Дамблдор посоветовал ему рассказать... Почему не сейчас? Не отрывая глаз от блестящей в солнечном свете вилки, он сказал:

– Не знаю точно, почему он собирается давать мне уроки, но думаю, что это из-за пророчества.

Ни Рон, ни Гермиона не ответили; у Гарри сложилось впечатление, что эти слова их обоих парализовали. Он продолжил, по-прежнему обращаясь к вилке:

– Ну вы поняли – того, которое они хотели украсть в Министерстве.

– Но никто не знает, что там было, – быстро перебила Гермиона. – Оно же разбилось.

– Хотя «Пророк» пишет, что... – начал было Рон, но Гермиона прервала его своим «шшшш...»

– «Пророк» правильно пишет, – Гарри, приложив немалое усилие, всё-таки посмотрел на них: Гермиона выглядела испуганной, Рон – поражённым. – Тот стеклянный шар, который разбился, – это была не единственная запись пророчества. Я слышал его целиком в кабинете Дамблдора, он был тем, кто услышал его, когда оно было сделано, и он мне рассказал. Судя по тому, что я слышал, – Гарри сделал глубокий вдох, – я и есть тот, кто должен прикончить Волдеморта. По крайней мере, там было сказано: *ни один из нас не может жить, пока жив другой*.

Все трое некоторое время взирали друг на друга в полнейшем молчании. Затем раздался громкий удар, и Гермиона скрылась в облаке чёрного дыма.

– Гермиона! – дуэтом вскрикнули Гарри и Рон; поднос с остатками завтрака с грохотом полетел на пол.

Из облака дыма появилась кашляющая Гермиона, сжимая в руке телескоп и щеголяя великолепным чёрным фингалом под глазом.

– Я его сжала, а он... он меня ударил! – задышав, произнесла она.

И действительно, теперь они ясно видели крохотный кулак, свисающий на длинной пружинке с одного из концов телескопа.

– Не волнуйся, – Рон явно боролся с желанием расхохотаться, – мама его уберёт, она классно лечит такие мелкие травмы...

– Ой, да о чём ты говоришь! – оборвала его Гермиона. – Гарри, ох, Гарри...

Она вновь уселась на край кровати.

– Мы догадывались, после того, что было в Министерстве... конечно, мы не хотели тебе ничего говорить, но после того, что сказал Люциус Малфой об этом пророчестве, ну, что оно про тебя и Волдеморта, мы думали, что это может быть что-то подобное... О, Гарри... – она не отрываясь смотрела на него, затем прошептала: – Ты боишься?

– Сейчас уже не так... – ответил Гарри. – Когда я в первый раз услышал – да, боялся... а сейчас мне кажется, что я всегда знал, что в конце концов мы с ним сойдёмся...

– Когда мы слышали, что Дамблдор забирает тебя лично, мы подумали, что он хочет рассказать или показать тебе что-то связанное с пророчеством! – воскликнул Рон. – И мы были не так уж неправы, точно? Он не стал бы давать тебе уроки, если бы считал, что ты обречён, не тратил бы своё время – значит, он думает, что у тебя есть шансы!

– Верно, – кивнула Гермиона. – Вот интересно, что он будет тебе давать, Гарри? Наверно, какую-то действительно серьёзную защитную магию... мощные антипроклятия... противосглазы...

Гарри не прислушивался всерьёз. Он чувствовал тепло во всём теле, и солнечный свет не имел к этому никакого отношения; невидимая рука, сжимавшая его грудь, исчезла. Он знал, что Рон и Гермиона были потрясены гораздо сильнее, чем пытались показать; но одно то, что они по-прежнему сидели рядом с ним, говоря ободряющие слова, и не отодвигались, как от заражённого или опасного, – одно это стоило большего, чем он мог выразить словами.

– ...и, в целом, разные заклинания для уклонения, – тем временем закончила Гермиона. – Что ж, по крайней мере, ты знаешь один предмет, который точно будешь учить в этом году, это на один больше, чем знаем мы с Роном. Интересно, когда придут результаты наших СОВ?

– Должны быть скоро, уже месяц прошёл, – сказал Рон.

– Погодите! – воскликнул Гарри, вспомнив ещё одну часть ночной беседы. – Кажется, Дамблдор сказал, что наши СОВы придут сегодня!

– Сегодня? – вскрикнула Гермиона. – *Сегодня?!* Что ж ты раньше... О боже... Что ж ты сразу... – она вскочила на ноги. – Пойду гляну, не было ли ещё сов сегодня...

Однако когда десять минут спустя Гарри оделся и с подносом в руках спустился вниз, вместо сов он обнаружил Гермиону, сидящую за кухонным столом с чрезвычайно встревоженным видом, и миссис Уизли, всячески пытающуюся сделать её менее похожей на полу-панду.

– Никак не поддаётся, – озабоченно произнесла миссис Уизли, стоя рядом с Гермионой, в одной руке палочка, в другой – «Спутник лекаря», открытый на разделе «Синяки, порезы и ссадины». – Раньше это всегда работало... Ничего не понимаю.

– Наверно, с точки зрения Фреда и Джорджа, сделать синяк, который не сходит, как обычный, – это и есть смешная шутка, – предположила Джинни.

– Но должен же он как-то сойти! – пискнула Гермиона. – Я же не могу вечно так вот ходить!

– Тебе не придётся, дорогая, только не волнуйся, мы найдём лекарство, – попыталась успокоить её миссис Уизли.

– Билль сказал мне, что с Фредом и Джорджем мне соскучишься, – мягко улыбнулась Флер.

– Да уж, сейчас помру от смеха, – отрезала Гермиона.

Она вскочила на ноги и начала наматывать круги вокруг кухни, сцепив пальцы в замок.

– Миссис Уизли, вы точно, *точно* уверены, что сегодня утром никаких сов не было?

– Да, дорогая, я бы их заметила, – терпеливо ответила миссис Уизли. – Но сейчас ведь только девять, ещё много времени впереди...

– Я знаю, что я завалила древние руны, – лихорадочно пробормотала Гермиона. – Я точно сделала минимум одну серьёзную ошибку в переводе. И практическая часть защиты от Тёмных искусств прошла ужасно. Трансфигурация – тогда мне казалось, что всё прошло нормально, но сейчас...

– Гермиона, пожалуйста, заткнись, а? Не только ты нервничаешь, – рявкнул Рон. – А когда ты получишь свои десять²³ «отличных» СОВ...

– Не получу, не получу, не получу! – крикнула Гермиона, истерически размахивая руками. – Я знаю, что я всё завалила!

– А что произойдёт, если мы не сдадим? – спросил Гарри у всей комнаты, но ответила опять Гермиона:

– Мы будем обсуждать наши варианты с главой нашего Дома, я спросила у профессора МакГонаггалл в конце прошлого года.

Гарри почувствовал спазм в желудке и начал жалеть, что съел так много за завтраком.

– В Бобатоне, – самодовольно заявила Флер, – у нас это дельется по-другому. Я думаю, у нас льючше. Ми сдаём экзамены послё шести льет, а нье пяти, и потом...

Конец фразы Флер был заглушён вскриком. Гермиона показывала пальцем за окно. В небе были отчётливо видны три чёрных пятнышка. Пятнышки увеличивались.

– Это точно совы, – прохрипел Рон, вскакивая на ноги и присоединяясь к Гермионе у окна.

– И их три, – заметил Гарри, поспешно занимая позицию по другую руку Гермионы.

– По одной на каждого из нас, – с ужасом в голосе прошептала Гермиона. – О нет... о нет... о нет...

Она вцепилась в локти Гарри и Рону одновременно.

Совы летели прямо к Норе, три красивых неясуги, и когда они снизились над дорожкой, ведущей к дому, стало видно, что каждая из них несёт большой квадратный конверт.

– *Нет!* – взвизгнула Гермиона.

Миссис Уизли просочилась мимо них и распахнула кухонное окно. Раз, два, три – совы просвистели сквозь него и стройной шеренгой приземлились на стол. Каждая из птиц приподняла правую лапку.

Гарри двинулся вперёд. Письмо, адресованное ему, было прикреплено к лапке средней совы. Он отвязал его дрожащими пальцами. Слева от него Рон пытался отделить от совы свои результаты; справа руки Гермионы дрожали так сильно, что шатало даже сову.

Вся кухня молчала. Наконец Гарри удалось отцепить конверт. Он быстро вскрыл его и развернул лежавший внутри лист пергамента.

СТУПЕНИ ОБЫЧНОГО ВОЛШЕБСТВА

Проходные баллы:

Отлично (О)

Выше ожидаемого (В)

Приемлемо (П)

Непроходные баллы:

Слабо (С)

Ужасно (У)

²³ В первом издании книги здесь (а также в конце главы) было упомянуто одиннадцать СОВ. Это опечатка – Гермиона сдавала только десять предметов. В более поздних изданиях опечатка была исправлена.

Троль (Г)

ГАРРИ ДЖЕЙМС ПОТТЕР ПОЛУЧИЛ:

<i>Астрономия:</i>	П
<i>Защита от Тёмных искусств:</i>	О
<i>Зелья:</i>	В
<i>История магии:</i>	У
<i>Прорицание:</i>	С
<i>Гербология:</i>	В
<i>Трансфигурация:</i>	В
<i>Уход за магическими существами:</i>	В
<i>Чары:</i>	В

Гарри перечитал пергамент несколько раз, и с каждым разом на душе у него становилось всё легче. Всё было нормально: он всегда знал, что завалит прорицание, а уж сдать историю магии у него вообще не было шансов с учётом того, что он вырубился на середине экзамена, – но всё остальное он сдал! Он пробежался пальцем по оценкам... он нормально прошёл трансфигурацию и гербологию, даже умудрился получить «Выше ожидаемого» по зельям! И самое главное – он получил «Отлично» по защите от Тёмных искусств!

Он огляделся вокруг. Гермiona стояла к нему спиной, наклонив голову, зато у Рона вид был довольный.

– Запорол только прорицание и историю магии, а кому они нужны? – счастливым голосом сказал он Гарри. – Держи – дай твои посмотреть...

Гарри скользнул взглядом по оценкам Рона: «Отличных» там не было...

– Я знал, что по защите от Тёмных искусств ты будешь первым, – Рон пихнул Гарри в плечо. – Классно у нас получилось, скажешь нет?

– Замечательно, Рон, – гордо произнесла миссис Уизли, встрёпывая волосы Рона. – Семь СОВ, больше, чем у Фреда с Джорджем вместе взятых!

– Гермiona? – осторожно спросила Джинни (Гермiona так пока и не обернулась). – А у тебя как дела?

– У меня... не так уж плохо, – просипела Гермiona.

– Ох, дай сюда, – с этими словами Рон подошёл к ней и выхватил из рук её результаты. – Опа – девять «Отличных» и одна «Выше ожидаемого» по защите от Тёмных искусств. – Он глянул на неё полу-радостно, полу-раздражённо. – Ты сильно разочарована, да?

Гермiona покачала головой, а Гарри засмеялся.

– Ну что ж, теперь мы учимся на КРОТа²⁴, – ухмыльнулся Рон. – Мам, ещё сосиски остались?

Гарри снова взглянул на свои результаты. Они были хороши – лучшее, на что он мог надеяться. Только одно заставило его почувствовать сожаление: конец пришёл его надеждам

²⁴ N.E.W.T. – Nasty Extinguishing Wizarding Tests (Ужасные Убийственные Колдовские Тесты). Newt – тритон. Я перевёл аббревиатуру как КРОТ – Колдовские Реально Опустошающие Тесты.

стать аврором. Он не добился требуемой оценки по зельям. Он всё время знал, что не сможет, но всё же чувствовал сосущую пустоту в животе, глядя на эту крохотную чёрную «В».

Странно – человек, впервые сказавший Гарри, что тот может стать хорошим аврором, был замаскированным Пожирателем Смерти – и тем не менее эта идея захватила Гарри, и он не мог и помыслить о том, чтобы стать кем-то ещё. Более того, с тех пор как он услышал пророчество несколько недель назад, ему казалось, что это его судьба... *Ни один из них не может жить, пока жив другой.* Разве он не жил бы в соответствии с пророчеством и не имел бы лучших шансов выжить, если бы присоединился к этим специально обученным колдунам, работа которых заключается в том, чтобы найти и убить Волдеморта?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВЫЛАЗКА ДРЭЙКО

Следующие несколько недель Гарри не покидал пределов сада вокруг Норы. Большую часть дневного времени он проводил, играя в облегчённую версию квиддича (он с Гермионой против Рона с Джинни; Джинни играла хорошо, а Гермиона ужасно, так что силы команд были примерно равны), а большую часть вечернего – уничтожая по три порции всего, что перед ним ставила миссис Уизли.

Это были бы мирные и счастливые каникулы – если бы не град исчезновений, загадочных происшествий и даже смертей, публиковавшихся в «Пророке» почти каждый день. Иногда Билл или мистер Уизли приносили новости даже раньше, чем они появлялись в газетах. К огорчению миссис Уизли, празднование шестнадцатилетия Гарри было омрачено скверными новостями от Римуса Люпина; тот сам выглядел не очень – костлявый, мрачный, с изрядным количеством седины в волосах, а одежда его была ещё более замызганной и заплатанной, чем обычно.

– Ещё пара нападений дементоров, – объявил он, беря из рук миссис Уизли большой кусок именинного торта. – А в какой-то лачуге на севере нашли тело Игоря Каркарова. Над ней была Тёмная Метка – ну, откровенно говоря, я удивлён, что он целый год протянул после того, как сбежал от Пожирателей Смерти; насколько я помню, брат Сириуса Регулус прожил лишь несколько дней...

– Да, да, – насупившись, прервала его миссис Уизли. – Давайте лучше поговорим о чём-нибудь дру-...

– Ты слышал про Флориана Фортескью, Римус? – спросил Билл, пока Флер подливала ему вина. – Того, который...

– ...продавал мороженое в Косом переулке? – перебил Гарри, ощущая неприятную пустоту в животе. – Он иногда угощал меня мороженым бесплатно... что с ним?

– Уволокли его, судя по виду магазинчика.

– Но почему? – спросил Рон, тогда как миссис Уизли укоризненно смотрела на Билла.

– Откуда я знаю? Наверно, чем-то он им не угодил. Хороший был человек Флориан.

– Кстати о Косом переулке, – добавил мистер Уизли. – Похоже, Олливандер тоже исчез.

– Изготовитель волшебных палочек? – с испуганным видом спросила Джинни.

– Он самый. Магазин пуст, никаких следов борьбы. Даже непонятно, добровольно он ушёл или его похитили.

– Но палочки – как же люди теперь их будут покупать?

– Будут покупать у других изготовителей, – ответил Люпин. – Но Олливандер был лучшим, и если наш противник его заполучил – это плохо.

На следующий день после этого довольно невесёлого празднования из Хогвартса пришли письма и списки книг. Письмо Гарри содержало в себе сюрприз: он был назначен капитаном команды по квиддичу.

– Теперь у тебя равный статус с prefectами²⁵! – радостно воскликнула Гермиона. – Ты можешь пользоваться нашей особой ванной комнатой и всё такое!

– Ух ты – я помню, Чарли носил такой же, – возбуждённо произнёс Рон, изучая значок. – Гарри, это классно, теперь ты мой капитан – ну, в смысле, если ты оставишь меня в команде, хе-хе...

– Ну что ж, думаю, теперь нам не следует откладывать визит в Косой переулок, раз уж вы всё это получили, – вздохнула миссис Уизли, просмотрев Ронов список книг. – Мы пойдём в субботу, если только твоему отцу снова не придётся идти на работу. Без него мы туда не пойдём.

– Мам, ты серьёзно думаешь, что Сам-Знаешь-Кто поджидает нас, прячась за книжной полкой у «Флориш и Блоттс»? – хихикнул Рон.

– Ага, а Фортескью и Олливандер просто уехали отдыхать, да? – взвилась миссис Уизли. – Если ты считаешь, что безопасность – это повод для смеха – лучше тебе остаться дома, я сама куплю всё, что надо...

– Нет, я хочу пойти, глянуть магазин Фреда и Джорджа! – поспешно ответил Рон.

– Тогда держи свои идеи при себе, молодой человек, пока я не решила, что ты ещё не дорос до того, чтобы пойти с нами! – рассерженно отрезала миссис Уизли, поднимая свои часы, все девять стрелок которых по-прежнему указывали на «смертельную опасность», и ставя их на стопку свежевыглаженных полотенец. – И к возвращению в Хогвартс это тоже относится!

Рон с обалделым видом повернулся в сторону Гарри, в то время как его мать подхватила корзину с бельём и угрожающе шатающиеся часы и вылетела из комнаты.

– Блин... теперь тут уже и шутить опасно...

Тем не менее у Рона хватило благоразумия воздерживаться от легкомысленных высказываний насчёт Волдеморта в течение следующих нескольких дней. До утра субботы никаких новых взрывов со стороны миссис Уизли не последовало, хотя за завтраком она держалась весьма напряжённо. Билл, остающийся дома вместе с Флер (к радости Гермионы и Джинни), протянул Гарри через стол кошель, набитый деньгами.

– А мне такой можно? – тут же потребовал Рон, глядя на кошель квадратными глазами.

– Это Гаррины, дурачок, – ответил Билл. – Я заранее достал их для тебя, Гарри, из твоего сейфа; сейчас гоблины так усилили меры безопасности, что у обычных людей уходит часов пять, чтобы добраться до своего золота. Два дня назад туда Арки Филпотт пришёл, так у него их Датчик Честности²⁶ застрял в эээ... Короче – поверь мне, так намного легче.

– Спасибо, Билл, – поблагодарил Гарри, запихивая кошель в карман.

– Он всегда такой предусмотрительный, – с обожанием промурлыкала Флер, глядя Билла по носу. За её спиной Джинни изобразила, что её рвёт прямо в тарелку с кашей. Гарри

²⁵ В оригинале для обозначения «главных школьников» используются два термина: Prefect (префект) и Head boy/girl (староста). Первые назначаются на пятом курсе, два человека на Дом; вторые – на седьмом курсе, два человека на всю школу.

²⁶ Probity Probe, дословный перевод

от этого зрелища чуть не подавился кукурузными хлопьями, и Рону пришлось постучать его по спине.

День был пасмурный и тусклый. Когда они вышли из дома, натягивая плащи, их уже поджидал специальный автомобиль Министерства магии, в одном из которых Гарри уже доводилось однажды ехать.

— Здорово, что папа снова может доставать такие, — одобрительно сказал Рон, с наслаждением потягиваясь, в то время как машина плавно отъезжала от Норы. Он, Гарри, Гермиона и Джинни вчетвером удобно расположились на широком заднем сиденье. Билл и Флер махали вслед из окна кухни.

— Особо не привикай, это исключительно из-за Гарри, — обернувшись назад, отозвался мистер Уизли. Он и миссис Уизли сидели впереди рядом с министерским шофёром; переднее пассажирское сиденье послушно растянулось в нечто напоминающее двухместный диванчик. — Ему присвоен высший статус обеспечения безопасности. И ещё дополнительная охрана присоединится к нам в «Дырявом котле».

Гарри ничего не ответил; он не был в особом восторге от перспективы совершать покупки в окружении батальона авроров. Он положил в рюкзак свой плащ-невидимку, и ему казалось, что если этого было достаточно для Дамблдора, то этого должно быть достаточно и для Министерства. Правда, тут Гарри пришло в голову, что Министерство, возможно, и не знает о его плаще.

— Вот и приехали, — спустя удивительно короткое время объявил ранее молчавший водитель, выехав на Чаринг Кросс Роуд и остановившись возле «Дырявого котла». — Я должен вас тут дождаться — не скажете, через сколько примерно вы вернётесь?

— Через пару часов, полагаю, — ответил мистер Уизли. — А, отлично, вот и он!

Гарри вслед за мистером Уизли выглянул в окно, и его сердце радостно подпрыгнуло. Вместо толпы авроров перед «Дырявым котлом» возвышалась огромная, чернобородая, одетая в пальто из бобровых шкур фигура Рубеуса Хагрида, егеря Хогвартса. Увидев лицо Гарри, Хагрид широко улыбнулся, абсолютно игнорируя испуганные взгляды проходящих мимо маглов.

— Гарри! — прогудел он, заключая Гарри в костоломное объятие, как только тот выбрался из машины. — Брыклов — Хилокрыл то бишь — те надо обязательно его глянуть, Гарри, он просто кайфует от того, шо снова на свободе...

— Я рад, что он доволен, — ухмыльнулся Гарри, потирая рёбра. — А мы и не знали, что «охрана» — это ты!

— Угу, прям как в старые добрые времена, точно? Знаешь, Министерство хотело послать тучу авроров, но Дамблдор сказал, шо меня будет достаточно, — Хагрид гордо выпятил грудь и засунул большие пальцы обеих рук в карманы. — Ну чё, пошли тогда — после вас, Молли, Артур...

«Дырявый котёл» был абсолютно пуст — впервые на памяти Гарри. От былой толкучки остался только Том, владелец заведения, такой же иссохший, морщинистый и беззубый, как и раньше. Он с надеждой посмотрел на вошедших, но, прежде чем он смог что-то сказать, Хагрид со значительным видом произнёс:

– Сегодня тока пройти через тебя, Том, ну ты понял – поручение Хогwartса, ага?

Том разочарованно кивнул и вернулся к протиранию бокалов; Гарри, Гермiona, Хагрид и четверо Уизли прошли через бар в промозглый задний дворик, заставленный мусорными контейнерами. Хагрид поднял свой розовый зонт и тюкнул им определённый кирпич в стене. Стена тут же раскрылась, образовав арку, ведущую на мощёную булыжником кривую улочку. Они шагнули сквозь арку и застыли, глядя вокруг.

Косой переулок изменился. Блестящих разноцветных витрин, уставленных книгами, ингредиентами зелий и котлами, было не видно – они были полностью заклеены огромными плакатами Министерства магии. Большинство этих тёмно-фиолетовых плакатов содержало напечатанные аршинными буквами рекомендации по безопасности, аналогичные тем, которые всё лето рассылались в буклетах Министерства; на других были движущиеся чёрно-белые фотографии Пожирателей Смерти, находящихся на свободе. Беллатрикс Лестрэндж презрительно усмехалась с витрины ближайшей аптеки. Некоторые окна были заколочены, в том числе окна кафе-мороженого Флориана Фортескью. В то же время вдоль улицы расположилось немалое количество потрёпанного вида ларьков. На ближайшем из них, торчащем перед «Флориш и Блоттс», под грязным полосатым навесом была прицеплена картонная вывеска:

«Амулеты: незаменимы против оборотней, дементоров и преисподов».

Нездорового вида колдун, держащий в руках охапку всяких серебряных штукун на цепочках, бряцал ими перед прохожими.

– Желаете амулетик для вашей крошки, мадам? – обратился он к миссис Уизли, с вождением косясь на Джинни. – Чтобы защитить её прелестную шейку?

– Эх, если б только я был на службе... – процедил мистер Уизли, сердито взирая на продавца амулетов.

– Да, дорогой, только сейчас не надо никого арестовывать, мы торопимся, – проговорила миссис Уизли, нервно сверяясь со списком покупок. – Думаю, нам лучше всего сперва пойти к мадам Малкин, Гермione нужна новая парадная мантия, и у Рона в его обычной мантии уже лодыжки торчат, и тебе, Гарри, тоже нужны новые, ты так вырос – так, пошли, все...

– Молли, нет смысла идти к мадам Малкин нам всем, – возразил мистер Уизли. – Почему бы этой троице не пойти туда вместе с Хагридом? А мы тем временем пойдём во «Флориш и Блоттс» и купим всем учебники.

– Ну я не знаю... – обеспокоенно протянула миссис Уизли, явно разрывавшаяся между стремлением покончить с покупками как можно быстрее и желанием не разделяться. – Хагрид, как ты считаешь?..

– Не бойсь, со мной они будут в порядке, Молли, – успокаивающе произнёс Хагрид, помахав в воздухе ладонью размером с крышку от мусорной урны. Миссис Уизли выглядела не вполне убеждённой, но, больше не сопротивляясь разделению, поспешила в направлении «Флориш и Блоттс» вместе с мужем и Джинни. Гарри, Рон, Гермiona и Хагрид двинулись к ателье «У мадам Малкин».

Гарри заметил, что многие из проходящих мимо людей имели такой же измотанный и озабоченный вид, как и миссис Уизли, и что никто не задерживался, чтобы потрепаться; продавцы держались плотными кучками, разговаривая исключительно о делах. В одиночку, похоже, покупок не делал никто.

– Кажись, нам всем там будет тесновато, – заметил Хагрид, остановившись напротив ателье и нагнувшись, чтобы поглядеть в окно. – Я тут постою, на страже, лады?

Итак, Гарри, Рон и Гермиона вошли в магазинчик вместе. На первый взгляд он казался пустым, но, как только дверь за ними захлопнулась, они услышали знакомый голос, доносившийся из-за стойки, увешанной парадными мантиями в синих и зелёных блёстках.

– ...не ребёнок, если ты не заметила, мать. Я вполне могу совершать покупки и *без* посторонней помощи.

Послышался квохчущий звук, а затем голос, принадлежащий (как тут же узнал Гарри) хозяйке ателье мадам Малкин, произнёс:

– Успокойся, дорогой, твоя мать совершенно права, сейчас мы все не должны бродить сами по себе, это не имеет отношения к тому, ребёнок ты или нет...

– Лучше следите, куда вы втыкаете эту булавку!

Из-за стойки появился подросток с бледным острым лицом и белыми волосами, одетый в красивую тёмно-зелёную мантию, сверкающую булавками вдоль кромки и на концах рукавов. Он подошёл к зеркалу и начал смотреться; прошло некоторое время, прежде чем он заметил отражающихся в зеркале Гарри, Рона и Гермиону. Его светло-серые глаза сузились.

– Если ты пытаешься понять, чем это так завоняло, мать – сюда только что вошла грязнокровка²⁷, – проговорил Дрэико Малфой.

– Я не думаю, что такой лексикон здесь уместен! – мадам Малкин быстрым шагом вышла из-за стойки с одеждой, держа в одной руке сантиметр, а в другой – волшебную палочку. – И дуэли на палочках в моем магазине мне тоже не нужны! – торопливо добавила она, глянув в сторону двери и увидев, что Гарри и Рон оба достали волшебные палочки и направили их на Малфоя. Гермиона, стоявшая чуть сзади, прошептала:

– Не надо, ребята, ей-богу, оно того не стоит.

– Ага, можно подумать, что вы осмелитесь применять магию вне школы! – усмехнулся Малфой. – Грейнджер, кто поставил тебе этот фингал? Я хочу подарить ему цветы.

– Хватит! – оборвала его мадам Малкин и оглянулась в поисках поддержки. – Мадам... пожалуйста...

Из-за стойки вышла Нарцисса Малфой.

– Уберите это, – холодно потребовала она у Гарри и Рона. – Если вы нападёте на моего сына, это будет последним, что вы вообще сделаете, я обещаю.

– Да неужели? – Гарри шагнул вперёд, глядя в надменное лицо, похожее, несмотря на бледность, на лицо её сестры. Сейчас Гарри был с Нарциссой одного роста. – Уж не собираетесь ли вы позвать сюда нескольких ваших приятелей Пожирателей Смерти, чтобы справиться с нами?

Мадам Малкин вскрикнула и схватилась за сердце.

²⁷ Mudblood – дословно «грязная кровь»

– Пожалуйста, не надо так обвинять... опасно так говорить... уберите палочки, пожалуйста!

Но Гарри не опустил палочку. Нарцисса Малфой неприятно улыбнулась.

– Я вижу, тот факт, что ты любимчик Дамблдора, даёт тебе ложное чувство безопасности, Гарри Поттер. Но Дамблдор не всегда окажется рядом, чтобы защитить тебя.

Гарри демонстративно оглядел магазин.

– Ух ты... ну надо же... его тут нет! Так почему бы вам не попытаться? Знаете – в Азкабанае, возможно, найдётся двухместная камера для вас и вашего неудачника-муженька!

Малфой с сердитым видом двинулся в сторону Гарри, но споткнулся о неподшитую полу мантии. Рон громко рассмеялся.

– Не смей таким тоном говорить с моей матерью, Поттер! – прорычал Малфой.

– Ничего, Дрэйко, – сказала Нарцисса, удерживая его за плечо своими тонкими белыми пальцами. – Мне кажется, Поттер воссоединится со своим дорогим Сириусом раньше, чем я с Люциусом.

Гарри поднял палочку ещё чуть выше.

– Гарри, нет! – простонала Гермиона, вцепившись ему в руку и пытаясь силой её опустить. – Подумай... тебе нельзя... у тебя будут такие проблемы...

Мадам Малкин некоторое время колебалась, потом, видимо, решила действовать так, как будто ничего особенного не произошло, в надежде, что и не произойдёт. Она наклонилась над Малфоем, по-прежнему не отрываяющим взгляда от Гарри.

– Мне кажется, левый рукав можно ещё чуть-чуть укоротить, дорогой, дай-ка я...

– Ай! – вскрикнул Малфой, шлепком отбросив её руку. – Следи, куда втыкаешь булавки, женщина! Мать – по-моему, мне это уже не нравится...

Он стянул мантию через голову и швырнул её на пол к ногам мадам Малкин.

– Ты прав, Дрэйко, – одобрила Нарцисса, пренебрежительно глянув на Гермиону. – Теперь, когда я знаю, какой сброд здесь одевается... пойдём лучше к Твилфитту и Таттингу.

С этими словами они стремительно вышли из магазина, причём Малфой специально пихнул плечом Рона.

– Да *неужели*? – спросила в пустоту мадам Малкин, схватила упавшую мантию и провела над ней кончиком волшебной палочки, убирая пыль, как пылесосом.

Она была рассеянна во время подгонки новых мантий Гарри и Рона, попыталась продать Гермионе мужскую парадную мантию вместо женской и в конце концов выпроводила их из магазина с явным вздохом облегчения.

– Ну чё, затарились? – весело спросил Хагрид, когда они снова подошли к нему.

– Более-менее, – ответил Гарри. – Ты видел Малфоев?

– Ага, – беспечно сказал Хагрид. – Но они не посмеют пакостить те посреди Косого переулка, Гарри, так шю не бери в голову.

Гарри, Рон и Гермиона переглянулись, но, прежде чем они успели развеять заблуждение Хагрида, появились мистер и миссис Уизли вместе с Джинни, все трое нагруженные тяжёлыми связками книг.

— У вас всё в порядке? — спросила миссис Уизли. — Все купили себе мантии? Отлично, мы можем заскочить в аптеку и к Илопсу по дороге к Фреду с Джорджем — давайте, держитесь вместе...

Ни Гарри, ни Рон не стали покупать в аптеке никаких ингредиентов, поскольку не собирались больше изучать зелья, зато оба купили соевые сладости для Хэдвиг и Свинстуна в Совином Универмаге Илопса. Затем вся компания двинулась вдоль улицы в поисках «Улётных Уловов Уизли»²⁸, магазина шуток Фреда и Джорджа. Миссис Уизли чуть ли не каждую минуту поглядывала на часы.

— У нас не так уж много времени, — озабоченно произнесла она. — Так что мы только быстро посмотрим, а затем обратно в машину. Это где-то здесь, вот дом девяносто два... девяносто четыре...

— Ух ты! — воскликнул Рон, останавливаясь как вкопанный.

По сравнению со скучными, заклеенными плакатами фасадами соседних магазинов окна Фреда и Джорджа били по глазам, как фейерверк. Обычные прохожие оглядывались через плечо, проходя мимо окон; некоторые из них с совершенно обалделым видом останавливались, будто не в силах сдвинуться с места. Окно слева было битком набито вращающимися, лопающимися, сверкающими, подпрыгивающими и кричащими товарами; глаза Гарри начали слезиться от одного вида этой витрины. Окно справа закрывал гигантский плакат, такой же фиолетовый, как плакаты Министерства, но расписанный сверкающими жёлтыми буквами:

«Зачем волноваться о Сами-Знаете-Ком?

ВОЛНОВАТЬСЯ надо о

САМИ-НЕ-ЗНАЕТЕ-КАК!²⁹

Кишечника запор — вот нации позор!»

Гарри расхохотался. Рядом с собой он услышал слабый стон и, обернувшись, увидел миссис Уизли, с ошарашенным видом вперившуюся в плакат. Её губы беззвучно произнесли «Сами-Не-Знаете-Как».

— Их же убьют прямо в постелях! — в ужасе прошептала она.

— Не убьют! — воскликнул Рон, так же как и Гарри, сквозь смех. — Это блестяще!

После чего вместе с Гарри первым вошёл в магазин. Покупателей было битком — Гарри даже не смог подобраться к полкам. Он обернулся вокруг своей оси, глядя на пирамиды коробок, возвышающиеся до самого потолка. Гарри заметил Прелести Прогульщика³⁰, доработанные близнецами в их последний, неоконченный год в Хогвартсе. Похоже, наиболее популярна была Носокровная Нуга³¹, на полке осталась лишь одна мятая коробка. Были там корзины, наполненные фальшивыми волшебными палочками, самые дешёвые из которых при взмахе просто превращались в резиновых кур или что-нибудь ещё, а наиболее

²⁸ Weasley Wizarding Wheezes. Wizarding — колдовской, wheeze — трюк, уловка.

²⁹ В оригинале: U-no-oo — звук, похожий на потуги при запоре, созвучный с You-Know-Who.

³⁰ Skiving Snackboxes. Skive — увилить, уклоняться, snackbox — коробка с закусками

³¹ Nosebleed Nougat, дословный перевод

дорогие колотили ни о чём не подозревающую жертву по голове или шее; виднелись также коробки Самочернилящихся, Самопроверяющихся и Самоотвечающих перьев.

Толпа чуть поредела, и Гарри смог протиснуться ближе к прилавку, где кучка восторженных пацанов лет десяти наблюдала за крошечным деревянным человечком, медленно восходящим на совсем как настоящую виселицу; всё это стояло на коробке с надписью: «Многоразовая виселица: угадай слово – или висельник закачается!»

– «Патентованные чары: Сны средь бела дня»... – Гермione удалось просочиться сквозь толпу к большому прилавку рядом с кассой, и теперь она читала информацию на задней стороне коробки с красочным изображением красивого юноши и падающей в обморок девушки на палубе пиратского корабля.

– «Одно простое заклинание – и вы увидите высококачественный, исключительно реалистичный тридцатиминутный сон, легко укладывающийся в средний школьный урок и практически необнаружимый (побочные эффекты: отсутствующее выражение лица и незначительное слюнотечение). Не продаётся детям до шестнадцати лет». Ты знаешь, – взглянула она на Гарри, – это действительно магия высшего класса!

– За эти слова, Гермione, – произнёс голос за их спинами, – ты можешь взять один сон бесплатно.

Они обернулись и увидели широко улыбающегося Фреда в сиреневой мантии, потрясающе дисгармонирующей с его огненно-рыжей шевелюрой.

– Как жизнь, Гарри? – они обменялись рукопожатием. – Гермione, что с твоим глазом?

– Ваш дерущийся телескоп, – уныло ответила она.

– О чёрт, я о них и забыл уже... – весело сказал Фред. – Вот, держи...

Он извлёк из кармана тюбик и протянул ей; она робко отвинтила колпачок, под которым обнаружилась густая ярко-жёлтая паста.

– Помажь этим, через час синяк сойдёт. Нам пришлось найти приличное средство для снятия синяков; мы же большую часть наших продуктов на себе проверяли.

Гермione явно нервничала.

– Эта штука *безопасна*? – на всякий случай уточнила она.

– Конечно, безопасна, – подбодрил Фред. – Пойдём, Гарри, я покажу тебе, что у нас тут.

Оставив Гермione втирать пасту в свой фингал, Гарри пошёл вслед за Фредом в заднюю часть магазина, где заметил стойку с наборами для фокусов с картами и верёвками.

– Магические трюки маглов! – со счастливым видом указал на них Фред. – Для фанатов вроде папы, которые обожают магловские штуки. Доход от них небольшой, но постоянный, это новинка... а, вот и Джордж...

Фредов близнец энергично пожал Гарри руку.

– Показываешь ему магазин? Пошли в служебные помещения, Гарри, именно там мы делаем настоящие деньги – *эй ты, только свисти здесь что-нибудь, и расплачиваться будешь не только деньгами!* – предупредил он мальчишку, поспешно убравшего руку от бочонка с надписью «Съедобные Тёмные Метки – затошнит любого!».

Джордж отодвинул занавеску рядом с магловскими фокусами, и Гарри увидел более тёмную и менее людную комнату. Упаковки на товарах, уставяющих полки, были не столь кричащими.

– Мы совсем недавно открыли эту более серьёзную линию, – произнёс Фред. – Забавно то, как это произошло...

– Ты не поверишь, как много людей, даже работающих в Министерстве, не могут нормально произвести Щитовые чары, – продолжил Джордж. – Конечно, ты же их не обучал, Гарри.

– Вот именно... мы-то думали, что Шляпы-Щиты – это прикольно, ну ты понял – заставь своего приятеля на спор сглазить тебя, когда на тебе эта шляпа, и посмотри на его лицо, когда заклинание просто отскочит. Но Министерство закупило сразу пятьсот штук для всех своих сотрудников! И мы до сих пор получаем огромные заказы!

– Так что мы расширили ассортимент, у нас теперь Плащи-Щиты, Перчатки-Щиты...

– ...то есть, конечно, от Непростительных проклятий они не помогут, но от мелких и средних проклятий и сглазов...

– Ну и тогда мы подумали, что нам надо охватить всю область защиты от Тёмных искусств, там столько денег крутится, – с энтузиазмом продолжал Джордж. – Это круто. Смотри, это Порошок Мгновенной Тьмы, мы его импортируем из Перу. Очень полезная вещь, если надо быстро сделать ноги.

– А наши Подрывные Приманки³² просто разлетаются, как горячие пирожки, глянь, – добавил Фред, указывая на кучу странного вида чёрных рогоподобных предметов, которые действительно пытались разлететься с глаз долой. – Ты всего лишь тихонько бросаешь одну такую, она отбегает подальше и там бабахает, отвлекая внимание от твоей персоны, когда оно тебе не нужно.

– Полезная вещь, – признал Гарри, впечатлённый увиденным и услышанным.

– Держи, – Джордж поймал пару Приманок и кинул их Гарри.

Занавеска чуть отодвинулась, и через щель просунулась голова молодой ведьмы с короткими светлыми волосами. Гарри заметил, что ведьма тоже носила сиреневую мантию – видимо, униформу служащих магазина.

– Там покупатель ищет котёл с сюрпризом, мистер Уизли и мистер Уизли.

Для Гарри было странно слышать, как Фреда и Джорджа называют «мистер Уизли», но те восприняли это как должное.

– Хорошо, Верити, я иду, – быстро ответил Джордж. – Гарри, можешь брать тут всё, что захочешь, не стесняйся. Бесплатно.

– Я так не могу! – возразил Гарри, уже доставший кошелек, чтобы расплатиться за Подрывные Приманки.

– Ты здесь ничего не платишь, – твёрдо сказал Фред, отводя руку Гарри с золотом.

– Но...

– Мы не забыли, что ты дал нам стартовый капитал, – оборвал его Джордж. – Бери всё, что тебе понравится, только говори потом, где ты это взял, если спросят.

³² Decoy Detonators. Decoy – приманка.

Джордж быстрым шагом удалился за занавеску, чтобы помочь с покупателями, а Фред вывел Гарри обратно в основную часть магазина, где они обнаружили Гермину с Джинни, всё ещё погружённых в изучение «Патентованных Снов среди бела дня».

— А вы, девчонки, всё ещё не видели нашу продукцию «Чудо-ведьма»? — поинтересовался Фред. — Леди, прошу за мной...

Рядом с окном расположился ряд товаров ярко-розового цвета, вокруг которого хихикала кучка восторженных девиц. Гермину и Джинни с осторожным видом попятнулись.

— Вот, — гордо представил Фред. — Лучший ассортимент любовных зелий, которые можно найти где бы то ни было.

Джинни скептически подняла бровь.

— Они работают?

— Конечно, работают! До двадцати четырёх часов одна порция, в зависимости от веса мальчика, которому она досталась...

— ...и привлекательности девочки, — закончил фразу неожиданно появившийся рядом Фред. — Но мы не будем продавать их нашей сестре, — сурово добавил он, — по крайней мере сейчас, когда на её счету уже около пяти мальчиков, насколько мы...

— Что бы вы там ни слышали от Рона — это большая наглая ложь, — хладнокровно ответила Джинни, наклоняясь вперёд, чтобы взять с полки маленький розовый горшочек. — Что это?

— Испаритель прыщей, гарантированно сработает в течение десяти секунд, — сказал Фред. — Удаляет всё, от фурункулов до угрей. Однако не уклоняйтесь от темы, леди. Является или же не является вашим молодым человеком юноша по имени Дин Томас?

— Ну, является. Но последний раз, когда я его видела, это был определённо один мальчик, а не пять. А это что такое?

Она показывала на компанию пушистых шариков, цвета которых варьировались от розового до фиолетового. Шарик катался по дну клетки и пронзительно пищал.

— Карликовые Пушистики, — ответил Джордж. — Миниатюрные версии клубкопыхов³³, мы их не успеваем разводить. А что там насчёт Майкла Корнера?

— Я его отшила, он неудачник, — Джинни просунула палец сквозь прутья клетки и наблюдала за Карликовыми Пушистками, сгрудившимися вокруг него. — Какие они хорошенькие!

— Да, приятные зверушки, — согласился Фред. — Однако ты меняешь мальчиков довольно быстро, ты не находишь?

Джинни повернулась к нему, уперев руки в боки. Выражение её лица было столь похоже на миссис Уизли, что Гарри удивился, как Фред не отплатился от неё.

— А это не твоё дело. А тебе я была бы признательна, — сердито добавила она, обращаясь к нагруженному покупками Рону, появившемуся рядом с Джорджем, — если бы ты перестал рассказывать обо мне сказки этим двоим!

³³ Карликовые Пушистики – Pigmy Puffs. Pigmy – карликовый. Puff – дымок, пуховик, пуфик. Пухлубки – Puffskeins (skein – клубок).

– Три галлеона, девять сиклей и один нат, – подсчитал Фред, проинспектировав многочисленные коробки в руках Рона. – Выкладывай.

– Но я же твой брат!

– Да, и тыришь наши товары. Три галлеона и девять сиклей. Нат, так и быть, скину.

– Но у меня нет трёх галлеонов и девяти сиклей!

– Тогда тебе лучше вернуть это обратно, и желательно не перепутать полки.

Рон уронил несколько коробок, выругался и сделал в адрес Фреда неприличный жест, который, к сожалению, был замечен миссис Уизли.

– Ещё раз такое увижу – сглажу твои пальцы, так что ты их разделить не сможешь, – проинформировала она.

– Мам, можно мне купить Карликового Пушистика? – тут же спросила у неё Джинни.

– Что купить? – настороженно переспросила миссис Уизли.

– Посмотри, они такие милые...

Миссис Уизли сдвинулась в сторону, чтобы посмотреть на Карликовых Пушистиков, и Гарри, Рон и Гермиона какое-то мгновение могли смотреть в не заслонённое никем окно. Их глазам открылся Дрэйко Малфой, поспешно куда-то направлявшийся в гордом одиночестве. Проходя мимо «Улётных Уловов Уизли», он обернулся назад. Несколько секунд спустя он вышел за пределы видимости.

– Интересно, где его мамочка? – нахмурился Гарри.

– Судя по его виду, он от неё сбежал, – предположил Рон.

– Но зачем? – спросила Гермиона.

Гарри ничего не ответил; он напряжённо размышлял. Нарцисса Малфой не отпустила бы своего ненаглядного сыночка по доброй воле; Малфой наверняка очень постарался, чтобы вырваться из её хватки.

Гарри, достаточно хорошо знавший и ненавидевший Малфоя, был уверен, что дело нечистое.

Он посмотрел по сторонам. Миссис Уизли и Джинни склонились над клеткой с Карликовыми Пушистиками. Мистер Уизли восторженно изучал колоду магловских игральных карт. Фред и Джордж оба обслуживали клиентов. По ту сторону стекла Хагрид стоял к ним спиной, поглядывая в обе стороны вдоль улицы.

– Давайте сюда, быстро, – проговорил Гарри, извлекая из рюкзака плащ-невидимку.

– Ой... ну не знаю, Гарри, – Гермиона с сомнением поглядела в сторону миссис Уизли.

– *Давай!* – поторопил её Рон.

Она ещё чуть поколебалась, затем пригнулась и нырнула в плащ, где уже были Гарри и Рон. Их исчезновение прошло незамеченным – все слишком интересовались товарами Фреда и Джорджа. Гарри, Рон и Гермиона с максимально возможной скоростью просочились к входу в магазин и затем наружу; но когда они выбрались на улицу, Малфой уже исчез из виду столь же успешно, как они.

– Он шёл в том направлении, – пробормотал Гарри как можно тише, чтобы напевающий что-то себе под нос Хагрид их не расслышал. – Пошли.

Они поспешили вдоль по Косому переулку, поглядывая влево и вправо сквозь двери и окна магазинов. Наконец Гермиона показала пальцем вперёд:

– Это он, по-моему? – прошептала она. – Вон, сворачивает влево?

– *Как* я удивлен, – хмыкнул в ответ Рон, ибо Малфой оглянулся и нырнул с глаз долой в Ноктёмный переулок³⁴.

– Быстрее, не то он уйдёт, – поторопил Гарри.

– Кто-нибудь увидит наши ноги! – обеспокоенно сказала Гермиона, после того как край плаща несколько раз хлопнул их по лодыжкам; сейчас всем троем прятаться под плащом было куда труднее, чем раньше.

– Сейчас неважно, – нетерпеливо ответил Гарри. – Быстрее!

Однако Ноктёмный переулок, улочка, обитатели которой были связаны с Тёмными искусствами, выглядел совершенно пустым. Они заглядывали в окна магазинов, мимо которых проходили, но там, похоже, вообще никаких покупателей не было. Гарри предположил, что в нынешнее опасное время было бы несколько неосмотрительно покупать Тёмные артефакты – или, по крайней мере, допустить, чтобы тебя за этим увидели.

Гермиона больно уцпинула его за руку.

– Ай!

– Шшш! Глянь – вон он! – выдохнула она Гарри в ухо.

Они поравнялись с единственным магазином в Ноктёмном переулке, в котором Гарри уже бывал раньше. Это был «Боргин и Бёркс», обладающий широким ассортиментом довольно зловещих вещей. Там, между коробками, наполненными черепами и старыми бутылками, спиной к ним стоял Дрэйко Малфой, еле видимый позади большого чёрного шкафа, в котором Гарри некогда прятался от Малфоя и его отца. Судя по движениям рук Малфоя, он о чём-то оживлённо разговаривал. Владелец магазина, мистер Боргин³⁵, сутулый человек с жирными волосами, стоял напротив Малфоя. На лице его было довольно любопытное выражение – смесь негодования и страха.

– Эх, если бы мы могли слышать, что они говорят! – вздохнула Гермиона.

– погоди – мы же можем! – возбуждённо воскликнул Рон. – Сейчас... чёрт...

Он пытался открыть самую большую из коробок, которые всё ещё сжимал в руках, и пару уронил.

– Смотрите – Ушлые Уши!³⁶

– Фантастика! – сказала Гермиона, в то время как Рон распутывал длинные телесного цвета струны и подавал их к щели внизу входной двери магазина. – Только бы эта дверь не была Непроницаемой...

– Нет! – радостно воскликнул Рон. – Слушайте!

Они сдвинули головы, приложили уши к концам струн и начали внимательно вслушиваться. Голос Малфоя был слышен громко и отчётливо, как по радио.

³⁴ Knockturn Alley. Название переулка созвучно со словом Nocturne – ноктюрн, но включает в себя корни knock (стук, удар) и turn (поворот).

³⁵ Фамилия владельца магазина, думаю, неслучайно похожа на известную историческую фамилию Борджиа.

³⁶ Extendable Ear (по аналогии с “extended spread” – “удлиненная система наблюдений”; extendable – эластичный).

– ...ты знаешь, как его починить?

– Возможно, – ответил Боргин, явно не желая давать никаких обещаний. – Но мне надо его увидеть. Почему бы тебе не принести его сюда?

– Я не могу. Он должен оставаться там, где он сейчас. Всё, что мне надо – чтобы ты сказал мне, как это сделать.

Гарри заметил, как Боргин нервно облизал губы.

– Ну, не видя его, я могу лишь сказать, что это очень сложная задача, если не невозможная. Я ничего не могу гарантировать.

– Значит, нет? – переспросил Малфой, и Гарри уловил в его голосе насмешку. – Возможно, *это* придаст тебе уверенности?

Он подошёл ближе к Боргину, и шкаф его полностью заслонил. Гарри, Рон и Гермиона задвигались вправо-влево, пытаясь его разглядеть; но всё, что они увидели – это был Боргин, весьма испуганный на вид.

– Только скажи кому-нибудь, – процедил Малфой, – и возмездие будет неотвратимо. Ты знаешь Фенрира Грэйбэка? Это друг нашей семьи. Так вот, он будет заглядывать сюда время от времени, чтобы убедиться, что ты уделяешь этой проблеме достаточно внимания.

– Это вовсе не обя-...

– Это я решу, – отрезал Малфой. – Ладно, мне, пожалуй, пора. И не забудь хранить *то*, он мне понадобится.

– Может быть, вам лучше взять его с собой?

– Совершенно не лучше, ты, тупой, мелкий человечиска! Как бы я выглядел, неся эту штуку по улице? Просто не продавай его.

– Конечно, не буду... сэр.

Боргин поклонился ему так же низко, как однажды на глазах Гарри кланялся Люциусу Малфою.

– Ни слова никому, Боргин, и моей матери в том числе, ты понял?

– Разумеется, разумеется! – Боргин снова поклонился.

В следующий момент над дверью звякнул колокольчик, и Малфой вышел из магазина; вид у него был очень гордый и удовлетворённый. Он прошёл настолько близко к Гарри, Рону и Гермионе, что они почувствовали, как их плащ треплется о колени. Внутри магазина Боргин оставался неподвижным. Его елеяная улыбка испарилась; он выглядел озабоченным.

– О чём это они? – прошептал Рон, сматывая Ушлые Уши.

– Без понятия, – ответил Гарри, напряжённо размышляя. – Он хочет что-то починить... и хочет что-то здесь хранить... ты не видел, на то он показывал, когда говорил «тот»?

– Нет, это было за шкафом...

– Вы двое, оставайтесь здесь, – прошептала Гермиона.

– Что ты?..

Но Гермиона уже выбралась из-под плаща. Она поправила причёску, глядясь в окно, как в зеркало, и вошла в магазин (колокольчик снова звякнул). Рон снова подал конец Ушлых Ушей под дверь и протянул Гарри одну из струн.

– Здрасьте. Ужасное утро, не правда ли? – весело поздоровалась она с Боргином; тот не ответил и посмотрел на неё довольно подозрительно. Насвистывая себе под нос, Гермиона начала прогуливаться вдоль прилавка, заваленного кучей различных вещей.

– Это ожерелье продаётся? – спросила она, остановившись напротив шкапулки со стеклянной передней стенкой.

– Если только у вас есть полторы тысячи галлеонов, – холодно ответил Боргин.

– Ох – э – нет, у меня столько нет, – Гермиона пошла дальше. – А что насчёт... этого прелестного... э... черепа?

– Шестнадцать галлеонов.

– То есть он продаётся? Он ни для кого не зарезервирован?

Мистер Боргин искоса глянул на неё. У Гарри зародилось нехорошее подозрение, что Боргин догадался, чего хотела Гермиона. По-видимому, Гермиона также поняла, что была слишком неуклюжа – и послала осторожность к чёрту.

– Всё дело в том, что... э... парень, который здесь только что был, Дрэйко Малфой – ну, это мой друг, и я хочу купить ему подарок на день рождения, но он себе уже что-то заказал, ну и конечно, я не хочу подарить ему то же самое, так что... вот...

По мнению Гарри, это была чертовски неубедительная история, и, судя по всему, Боргин думал точно так же.

– Вон отсюда! – отрубил он. – Вон!

Гермиону не пришлось просить дважды; она поспешно ретировалась, преследуемая Боргином. Когда колокольчик вновь звякнул, Боргин захлопнул дверь сразу за её спиной и повесил табличку «Закрето».

– Ну ладно, – сказал Рон, снова накидывая плащ на Гермиону. – Попытаться стоило, но ты была несколько прямолинейна...

– Отлично, в следующий раз ты мне покажешь, как это надо делать, Мастер Тайн! – отрезала Гермиона.

Рон и Гермиона переругивались всю дорогу до «Улётных Уловков Уизли», где были вынуждены прекратить, чтобы проскользнуть незамеченными мимо стоящей с очень обеспокоенным видом миссис Уизли и Хагрида, которые, очевидно, заметили их отсутствие. Когда Гарри оказался в магазине, он скинул плащ-невидимку, спрятал его в рюкзак и присоединился к друзьям, вместе с ними решительно отвергая обвинения миссис Уизли и утверждая, что они всё это время были в задней комнате, а она просто плохо смотрела.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КЛУБ САЛАГ³⁷

Большую часть последней недели каникул Гарри провёл в размышлениях о причинах загадочного поведения Малфоя в Ноктёмном переулке. Что беспокоило его больше всего, так это удовлетворённое выражение лица Малфоя, когда он выходил из магазина. Какова бы ни была причина подобной радости Малфоя – ничего хорошего это не сулило. Однако, к лёгкому разочарованию Гарри, ни Рон, ни Гермиона не проявляли к действиям Малфоя такого интереса, как он; по крайней мере, через несколько дней они от обсуждений явно устали.

– Да, я уже согласилась, что это подозрительно, Гарри, – с лёгким раздражением сказала Гермиона. Она сидела на подоконнике комнаты Фреда и Джорджа, закинув ноги на одну из коробок, и с явной неохотой подняла голову от своего нового учебника «Продвинутый перевод рун». – Но мы вроде уже пришли к выводу, что это может иметь кучу объяснений?

– Может, он сломал свою Руку Славы, – рассеянно предложил версию Рон, пытаясь распрямить погнутые веточки на хвосте своего помела. – Помнишь ту скрюченную руку, которая была у Малфоя?

– Но что он имел в виду этим вот «не забудь хранить тот»? – в надцатый раз спросил Гарри. – Звучит так, как будто у Боргина есть второй сломанный предмет, а Малфой хочет оба.

– Ты думаешь? – спросил Рон, на сей раз пытаясь стереть грязь с рукоятки метлы.

– Да, – кивнул Гарри. Когда ни Рон, ни Гермиона ему не ответили, он добавил:

– Отец Малфоя сидит в Азкабане. Вам не кажется, что Малфой попытается отомстить?

Рон поднял глаза и моргнул.

– Малфой – отомстить? А что он может?

– О чём я и говорю – я не знаю! – расстроенно воскликнул Гарри. – Но он что-то затевает, и мы должны воспринимать это всерьёз. Его отец – Пожиратель Смерти, и...

Гарри прервал речь на полуслове и застыл с открытым ртом, уставившись в окно позади Гермионы. Его осенила поразительная догадка.

– Гарри? – обеспокоенно спросила Гермиона. – Что случилось?

– Твой шрам не начал снова болеть, нет? – нервно спросил Рон.

– Он Пожиратель Смерти, – медленно проговорил Гарри. – Он заменил своего отца в рядах Пожирателей Смерти.

Мгновение в комнате царило молчание; затем Рон рассмеялся.

– *Малфой?* Ему всего шестнадцать, Гарри! Ты думаешь, Сам-Знаешь-Кто позволит *ему* стать Пожирателем Смерти?

– По-моему, это маловероятно, – покачала головой Гермиона. – Почему ты думаешь?..

³⁷ Slug Club. Игра слов: название клуба происходит от фамилии Slughorn и в то же время означает «слизняк».

– В ателье мадам Малкин. Она же до него не дотрагивалась, но он вопил и отдёргивал руку каждый раз, когда она пыталась закатать его рукав. Это была его левая рука. На ней Тёмная Метка.

Рон и Гермиона переглянулись.

– Ну... – протянул Рон с абсолютно не убеждённым видом.

– Я думаю, он просто хотел убраться оттуда, Гарри, – предположила Гермиона.

– Он показал Боргину что-то, чего мы не видели, – гнул свою линию Гарри. – Что-то, что Боргина здорово напугало. Это была Метка, я уверен – он показал Боргину, с кем он имеет дело, вы же видели, как серьёзно Боргин его воспринимал после этого!

Рон и Гермиона снова переглянулись.

– Ну я не знаю, Гарри...

– Ага, и я всё-таки не думаю, что Сам-Знаешь-Кто позволил бы Малфою вступить...

Раздосадованный, но абсолютно убеждённый в своей правоте, Гарри схватил кучу грязных квиддичных мантий и выскочил из комнаты; миссис Уизли изо дня в день твердила им, чтобы они не откладывали стирку и укладку вещей до последнего момента. На лестничной площадке он столкнулся с Джинни, возвращавшейся к себе в комнату со стопкой свежесглаженной одежды в руках.

– Я бы на твоём месте не заходила на кухню прямо сейчас, – предупредила она. – Там полно Флегмы.

– Я постараюсь не вляпаться³⁸, – улыбнулся Гарри.

И действительно, первое, что он увидел, войдя на кухню, – это была сидящая за кухонным столом Флер. Она исторгала из себя поток слов на тему своей свадьбы с Биллом, в то время как миссис Уизли, явно пребывавшая в скверном настроении, не отрываясь наблюдала за самостоятельно чистящимися корешками.

– ...Ми с Биллом почти совсем решили, что подружек невесты будет всего две, Джинни и Габриэль вместе будут выглядеть очаровательно. Я хочу, чтобы они были в бледно-золотом – разумеется, розовый с вольсами Джинни будет смотреться просто ужасно...

– А, Гарри! – громко воскликнула миссис Уизли, обрывая монолог Флер. – Хорошо, что зашёл, – я как раз хотела рассказать тебе о мерах безопасности во время завтрашней поездки в Хогвартс. Нам снова дадут машины Министерства, а на станции будут ждать авторы...

– А Тонкс там будет? – поинтересовался Гарри, протягивая ей свою квиддичную одежду.

– Нет, вряд ли, она дежурит где-то ещё, судя по тому, что я слышала от Артура.

– Она себя запустила, эта Тонкс, – Флер с задумчивым видом изучала своё бесподобное отражение в чайной ложке. – Большая ошибка, если ви меня...

– Да, *большое* спасибо, – ядовитым голосом перебила её миссис Уизли. – Ты лучше поторопись, Гарри, я хочу, чтобы ваши вещи были собраны сегодня вечером, чтобы завтра не было обычной предотъездной суматохи.

И действительно, их отъезд на следующее утро прошёл более гладко, чем обычно. Когда машины Министерства подъехали к парадному входу в Нору, все уже ждали с полнотью

³⁸ Игра слов. Как уже говорилось выше, слово «Phlegm» имеет два значения: «флегма» и «слизь».

готовыми сундуками. Кот Гермионы Косолап был надёжно закрыт в своей дорожной корзине, а Хэдвиг, сова Рона Свинстун и новый Джиннин Карликовый Пушистик Арнольд – в клетках.

– Au revoir, ‘Арри! – гортанным голосом произнесла Флер, поцеловав его на прощание. Рон с надеждой поспешил вперёд, но Джинни подставила ему ножку, и он плюхнулся в пыль к ногам Флер. Весь в ярости и в грязи, Рон с пылающим лицом нырнул в машину, не попрощавшись.

К сожалению, на вокзале Кингс-Кросс их встречал отнюдь не добродушный Хагрид. Вместо него, как только машины остановились, к ним подошли два мрачных аврора в тёмных магловских костюмах, окружили всю компанию с боков и отконвоировали к платформам без единого слова.

– Быстрее, быстрее, давайте через барьер, – торопила миссис Уизли, несколько обескураженная столь суровыми действиями авроров. – Гарри, ты первый, вместе с...

Она вопросительно глянула на одного из авроров; тот кивнул, взял Гарри за плечо и попытался отвести его к барьеру между платформами девять и десять.

– Я умею ходить, спасибо, – раздражённо сказал Гарри, вырвав руку из захвата аврора. Он направил свою тележку прямо на барьер, игнорируя своего безмолвного спутника, и секунду спустя уже стоял на платформе девять и три четверти, где Хогвартс-экспресс изрыгал над толпой клубы дыма.

Гермиона и семья Уизли присоединились к ним через несколько секунд. Не обращая внимания на своего мрачнолицего аврора, Гарри жестом пригласил Рона и Гермиону вместе пройти по платформе в поисках свободного купе.

– Мы не можем, Гарри, – извиняющимся тоном произнесла Гермиона. – Мы с Роном сейчас должны пойти в купе префектов, а потом ещё некоторое время патрулировать коридоры.

– Ах да, я и забыл, – ответил Гарри.

– Вам пора идти на поезд, всем вам, до отхода несколько минут осталось, – поторопила их миссис Уизли, сверившись со своими часами. – Ну, Рон, удачного тебе года...

– Мистер Уизли, можно вас на пару слов? – решил Гарри в последний момент.

– Да, конечно, – слегка удивлённо ответил мистер Уизли и вместе с Гарри отошёл за пределы слышимости остальных.

Гарри обдумал ситуацию со всех сторон и пришёл к выводу, что уж если поделиться с кем-то своим открытием, то с мистером Уизли в первую очередь; во-первых, потому что тот работал в Министерстве и имел наилучшие возможности для проведения дальнейшего расследования; и во-вторых, потому что мистер Уизли мог спокойно выслушать его, не взорвавшись от гнева.

Отходя в сторону вместе с мистером Уизли, Гарри заметил, что миссис Уизли и мрачнолицый аврор провожают его подозрительными взглядами.

– Когда мы были в Косом переулке... – начал Гарри, но мистер Уизли его опередил:

– Кажется, сейчас я наконец узнаю, куда вы с Роном и Гермионой пропали, когда вы якобы находились в задней комнате магазина Фреда и Джорджа?

– Откуда вы?..

– Гарри, я тебя умоляю. Ты говоришь с человеком, который вырастил Фреда и Джорджа.

– Э... ну да, мы не были тогда в задней комнате.

– Отлично, я готов выслушать худшее.

– Ну... мы следили за Дрэйко Малфоем. С помощью моего плаща-невидимки.

– У вас для этого была какая-то серьёзная причина? Или же просто вожжа под хвост попала?

– Я считал, что Малфой что-то затевает, – ответил Гарри, не обращая внимания на выражение лица мистера Уизли, в котором смешались раздражение и веселье. – Он слинял от своей матери, и я хотел узнать, зачем.

– Ну разумеется, ты хотел, – покорно согласился мистер Уизли. – Ну и как? Выяснил, зачем?

– Он пошёл в «Боргин и Бёркс» и начал приставать к типу, который там заправляет, Боргину, чтобы тот помог ему что-то починить. И он сказал, что хочет, чтобы Боргин что-то для него сберёг. Звучало так, как будто это было что-то того же сорта, как та штука, которую надо было чинить. Как будто они были парные. И... – Гарри сделал глубокий вдох, – кое-что ещё есть. Мы видели, что Малфой подпрыгивал до потолка каждый раз, как мадам Малкин пыталась дотронуться до его левой руки. Я думаю, там у него Тёмная Метка. И что он заменил своего отца в качестве Пожирателя Смерти.

Мистер Уизли был явно застигнут врасплох таким поворотом событий. Однако через некоторое время он ответил:

– Гарри, я сомневаюсь, что Сам-Знаешь-Кто позволил бы шестнадцатилетнему...

– Знает ли хоть кто-то, что и кому «Сам-Знаешь-Кто позволил бы» или не позволил бы? – сердито перебил Гарри. – Извините меня, мистер Уизли, но неужели это не стоит исследовать поглубже? Если Малфой хочет что-то починить, и ему приходится для этого запугивать Боргина, это наверняка что-то Тёмное и опасное, не так ли?

– Честно говоря, Гарри, я сомневаюсь, – медленно произнёс мистер Уизли. – Видишь ли, когда Люциуса Малфоя арестовали, мы перетряхнули весь его дом. Мы забрали всё, что могло представлять опасность.

– Значит, вы что-то пропустили, – упрямо сказал Гарри.

– Разумеется, это возможно, – ответил мистер Уизли, но Гарри был уверен, что он просто подшучивает.

Позади них раздался свисток; почти все взошли на поезд, и двери вагонов начали закрываться.

– Тебе лучше поторопиться, – предложил мистер Уизли; одновременно миссис Уизли закричала:

– Гарри, скорее!

Он побежал вперёд, и мистер и миссис Уизли помогли ему втащить в вагон сундук. Поезд тронулся, и Гарри захлопнул за собой дверь.

– Дорогой, на Рождество ты будешь у нас, с Дамблдором мы уже договорились, так что скоро увидимся! – крикнула миссис Уизли сквозь стекло. – Береги себя, – поезд начал

набирать скорость, — ...веди себя хорошо и... — она затрусила вдоль платформы, чтобы не отставать, — ...ни во что не ввязывайся!

Гарри махал в окно рукой до тех пор, пока поезд не свернул и мистер и миссис Уизли не пропали из виду, затем повернулся, чтобы посмотреть, куда делись остальные. Рон и Гермиона, как он предположил, удалились в купе префектов, но Джинни стояла немного дальше по коридору, беседуя с приятелями. Гарри двинулся в её сторону, таща за собой сундук.

Люди беззастенчиво глазели на него, когда он проходил мимо них. Они даже прижимались к окошкам своих купе, чтобы кинуть на него взгляд. Он предполагал, что после всех этих «избранных» слухов в «Ежедневном пророке» на него весь год будут усиленно пялиться и скалиться; однако ощущение пребывания в свете прожекторов ему совершенно не нравилось. Он подошёл к Джинни и похлопал её по плечу.

— Пошли попробуем найти купе?

— Не могу, Гарри, я уже договорилась с Дином, — весело ответила Джинни. — Увидимся позже!

— Ага, — сказал Гарри. Он ощутил странный импульс разочарования, когда она удалилась, покачивая гривой своих длинных рыжих волос. Гарри настолько привык к её присутствию этим летом, что почти забыл, что в школе Джинни мало пересекалась с ним, Роном и Гермионой. Он моргнул и огляделся: вокруг, словно загипнотизированные, толпились девушки.

— Привет, Гарри! — послышался сзади знакомый голос.

— Невилл! — с облегчением воскликнул Гарри, оборачиваясь к круглолицему парню, пробирающемуся ему навстречу.

— Здравствуй, Гарри, — произнесла девушка с длинными волосами и большими мечтательными глазами, идущая вслед за Невиллом.

— Луна, привет, как у тебя дела?

— Очень хорошо, спасибо, — ответила Луна. Она прижимала к груди журнал; надпись большими буквами на обложке сообщала, что внутри журнала находится бесплатная пара Радужных Очков³⁹.

— «Придира» по-прежнему процветает? — спросил Гарри; он был несколько неравнодушен к этому журналу после того, как в прошлом году дал ему эксклюзивное интервью.

— О да, тираж растёт, — счастливым голосом ответила Луна.

— Пошли найдём себе места, — предложил Гарри, и все трое двинулись через весь поезд мимо огромного количества безмолвно взирающих на них учеников. Наконец они нашли свободное купе, и Гарри с облегчением нырнул внутрь.

— Они смотрят даже на нас? — Невилл показал на себя и Луну. — Просто потому, что мы с тобой!

³⁹ Specterspecs. Spectrum – спектр, specs – очки.

– Они смотрят на вас, потому что вы тоже были в Министерстве, – пропыхтел Гарри, затаскивая свой сундук на багажную полку. – Наше маленькое приключение было хорошо обсосано в «Ежедневном пророке», вы наверняка это видели.

– Да, я думал, бабушка будет в ярости от этой газетной шумихи, – сказал Невилл. – Но она, наоборот, была довольна. Сказала, что я наконец-то становлюсь достойным своего отца. Она мне купила новую палочку, гляньте!

Он вытащил волшебную палочку и показал её Гарри.

– Вишня и волос единорога, – гордо произнёс он. – Мы думаем, что это одна из последних, проданных Олливандером, он исчез на следующий день – эй, Тревор, назад!

С этими словами Невилл нырнул под сиденье за своей жабой, предпринявшей очередную попытку обрести свободу.

– Гарри, а у нас в этом году будут занятия ДА? – спросила Луна, открепляя пару броских, кричащей расцветки очков из середины журнала.

– А смысл, после того как мы избавились от Амбридж? – возразил Гарри, усаживаясь. Невилл, вылезаящий из-под сиденья, при этих словах дёрнулся и стукнулся о него головой.

– Мне нравилась ДА! Я там куче всего научился!

– Мне тоже очень нравились эти встречи, – мягко произнесла Луна. – Это было похоже на настоящую дружбу.

Луне было свойственно время от времени говорить неудобные фразы, вызывавшие у Гарри смешанные чувства сожаления и смущения. Однако, прежде чем он смог ответить, за дверью в их купе раздался непонятный шум; по ту сторону стекла перешёптывались и хихикали несколько четверокурсниц.

– Ты его спроси!

– Нет, ты!

– Я сделаю!

После чего в дверь вошла одна из них, с большими тёмными глазами, выступающей челюстью, длинными чёрными волосами и довольно храбрым видом.

– Привет, Гарри, я Ромильда, Ромильда Вейн, – громко и уверенно представилась она. – Почему бы тебе не присоединиться к нам в купе? Тебе не обязательно сидеть с *ними*, – добавила она драматическим шёпотом, показав на Невилла, чей зад торчал из-под скамьи, поскольку он снова шарил там в поисках Тревора, и на Луну, которая надела свои бесплатные Радужные Очки, отчего стала похожа на безумную разноцветную сову.

– Это мои друзья, – холодно ответил Гарри.

– А... – промямлила девушка с очень удивлённым видом. – А... понятно.

И она удалилась, задвинув за собой дверь.

– Все думают, что ты должен иметь более клёвых друзей, чем мы, – заметила Луна, вновь демонстрируя свою обескураживающую прямооту.

– Вы достаточно клёвые, – отрезал Гарри. – Никто из них не был в Министерстве. Они не дрались вместе со мной.

– О, как здорово, что ты так говоришь, – просияла Луна. Затем она плотнее прижала пальцем свои Радужные Очки к переносице и углубилась в «Придиру».

– Хотя с *ним* лицом к лицу мы не стояли, – сказал Невилл, выбираясь из-под сиденья с пухом и пылью в волосах и с изображающим покорность Тревором в руке. – А ты стоял. Слышал бы ты, что моя бабушка о тебе говорит. *«Этот Гарри Поттер крепче духом, чем всё Министерство вместе взятое!»* Она бы, наверно, всё отдала, чтобы ты был её внуком...

Гарри рассмеялся с чувством неловкости, после чего при первой возможности перевёл разговор на тему результатов СОВ. Невилл начал перечислять свои оценки, размышляя вслух, сможет ли он учиться на КРОТа по трансфигурации, если у него всего лишь «Приемлемо»; Гарри смотрел на него, практически не слушая.

Детство Невилла было отравлено Волдемортом так же сильно, как и Гаррино, но Невилл и не подозревал, как близок он был к той роли, какая сейчас была у Гарри. Пророчество могло относиться к любому из них – однако Волдемонт в силу каких-то одному ему ведомых причин верил, что именно о Гарри шла речь.

Если бы Волдемонт выбрал Невилла, сейчас Невилл бы сидел напротив Гарри, неся молниеподобный шрам на лбу и тяжесть пророчества в душе... или не сидел бы? Решилась бы мать Невилла умереть ради его спасения, как Лили умерла ради Гарри? Наверняка решилась бы... но что если бы ей не удалось встать между своим сыном и Волдемортом? Тогда, возможно, вообще не было бы никакого Избранного? Пустое сиденье там, где сейчас сидит Невилл, и не имеющий шрама Гарри, которого на прощанье целует его собственная мать, а не мать Рона?

– Ты в порядке, Гарри? У тебя странный вид, – окликнул его Невилл.

Гарри вздрогнул.

– Извини... я просто...

– Что, долбоструй⁴⁰ залетел? – сочувственно спросила Луна, взглянув на Гарри сквозь свои огромные цветные очки.

– Я... что?

– Долбоструй... они невидимые. Залетают в голову через уши, и мозги становятся как ватные, ты не можешь ни о чём думать. Мне кажется, я чувствовала, что где-то здесь один летает.

Она замахала руками в воздухе, словно отгоняя больших невидимых мотыльков. Гарри и Невилл переглянулись и быстро перевели разговор на квиддич.

Погода за окном поезда была столь же переменчива, как на протяжении всего лета; вагоны проносились сквозь полосы холодного тумана, затем снова выезжали на неяркий солнечный свет. В один из таких ясных промежутков, когда солнце было видно прямо над головой, в купе наконец вошли Рон и Гермиона.

– Хорошо бы тележка с едой приехала побыстрее, я умираю с голоду, – с чувством произнёс Рон, плюхаясь на сиденье рядом с Гарри и массируя рукой живот. – Привет, Невилл. Привет, Луна. Хочешь сюрприз? – добавил он, оборачиваясь к Гарри. – Малфой не выполняет своих обязанностей префекта. Просто сидит в своём купе вместе с другими слизеринцами, мы мимо него проходили.

⁴⁰ Wrackspurt. Wrack – остатки кораблекрушения, разрушение. Spurt – струя.

Гарри насторожился. Абсолютно не в стиле Малфоя было упускать возможность продемонстрировать свою власть префекта, которой он с наслаждением злоупотреблял весь предыдущий год.

– Как он отреагировал, когда вас увидел?

– Как обычно, – индифферентно ответил Рон, изобразив неприличный жест рукой. – Однако это на него не похоже, ты не находишь? В смысле, *это* – он снова изобразил тот же жест – похоже; но почему он не ходит по поезду, шпыняя первокурсников?

– Без понятия, – пожал плечами Гарри, но мысли в его голове неслись галопом. Уж не значило ли это, что у Малфоя на уме более важные вещи, чем приставание к младшим ученикам?

– Возможно, ему больше нравился Дознательский Отряд, – предположила Гермиона. – Возможно, после этого должность префекта кажется ему скучной.

– Вряд ли, – возразил Гарри. – Я думаю, он...

Но прежде чем он смог изложить свою теорию, дверь вновь открылась, и в купе, затаив дыхание, вошла незнакомая третьекурсница.

– Я должна доставить это Невиллу Лонгботтому и Гарри П-Поттеру, – нерешительно произнесла она, встретившись глазами с Гарри и отчаянно покраснев. Она протягивала два свитка пергамента, перевязанных светло-фиолетовыми ленточками. Растерянные Гарри и Невилл взяли свитки, надписанные их именами, и девочка, спотыкаясь, покинула купе.

– Что это? – спросил Рон, глядя, как Гарри разворачивает свой свиток.

– Приглашение, – ответил Гарри.

«Гарри,

Я был бы очень рад, если бы ты пообедал вместе со мной в купе С.

С уважением, профессор Г.П.Ф. Слагхорн».

– А кто это – профессор Слагхорн? – спросил Невилл, растерянно глядя на своё приглашение.

– Новый учитель, – ответил Гарри. – Ну, я думаю, нам надо идти, пошли?

– Но *я* ему для чего? – нервно спросил Невилл, как будто ожидая наказания.

– Без понятия, – сказал Гарри; при этом он слегка лукавил – хотя у него не было никаких доказательств, что его догадка верна. – Слушай! – неожиданно его осенило. – Давай пойдём под плащом-невидимкой, тогда мы сможем по пути нормально глянуть на Малфоя, посмотреть, что он затевает.

Эта идея, увы, оказалась неосуществимой. Коридоры были забиты людьми, ожидающими тележку с едой, и преодолеть их под плащом было совершенно невозможно. Гарри с сожалением спрятал его обратно в рюкзак, отметив про себя, что было бы неплохо надеть его, просто чтоб избежать всеобщего взирания, которое, казалось, усиливалось с каждым его проходом по поезду. То тут, то там ученики буквально вылетали из своих купе, только чтобы получше его разглядеть. Исключением была Чоу Чанг, которая, наоборот, метнулась в купе, едва увидев, что Гарри подходит к ней. Когда Гарри проходил мимо её окна, она была полностью поглощена беседой со своей подругой Мариэттой; последняя была

наштукатурена толстым слоем макияжа, который, впрочем, не полностью скрывал странное расположение прыщей на её лице. Слегка усмехнувшись, Гарри пошёл дальше.

Когда они добрались до купе С, они обнаружили, что были далеко не единственными, кого пригласил Слагхорн; однако, судя по энтузиазму, с которым Слагхорн их приветствовал, появление Гарри ожидалось с особым нетерпением.

– Гарри, мо'мальчик! – Слагхорн аж подпрыгнул, так что его громадное, затянутое в бархат брюхо точно заполнило всё свободное пространство купе. Его блестящая лысина и огромные седые усы сияли в солнечном свете так же ярко, как золотые пуговицы на его жилете. – Рад тебя видеть, рад видеть! А вы, должно быть, мистер Лонгботтом?

Невилл испуганно кивнул. Повинуясь жесту Слагхорна, Гарри и Невилл сели друг напротив друга, заняв два последних свободных места у двери. Гарри окинул взглядом остальных гостей. Он узнал слизеринца с их курса, рослого чернокожего парня с высокими скулами и раскосыми глазами. Кроме того, там были ещё два семикурсника, которых Гарри не знал, и, вмятая в угол телом Слагхорна и, судя по её виду, не понимающая, как вообще она сюда попала, Джинни.

– Итак, вы тут всех знаете? – обратился Слагхорн к Гарри и Невиллу. – Блэйз Забини на одном с вами курсе, разумеется...

Забини глядел на них как на незнакомцев, не поприветствовав их. Так же отреагировали и Гарри с Невиллом: ученики Гриффиндора и Слизерина презирали друг друга принципиально.

– Это Кормак МакЛэген, возможно, вы раньше пересекались?.. Нет?..

МакЛэген, крупный юноша с жёсткими волосами, приветственно поднял руку; Гарри и Невилл в ответ кивнули.

– ...а это Маркус Белби, вы с ним?..

Белби, тощий нервного вида парень, выдавил натянутую улыбку.

– ...а *эта* очаровательная юная леди утверждает, что знакома с вами! – завершил Слагхорн.

Джинни из-за спины Слагхорна скорчила рожицу.

– Ну что ж, перейдём к самому приятному, – дружелюбно проговорил Слагхорн. – Отличная возможность получше вас всех узнать. Вот, возьмите салфетки. Я взял свой собственный обед; здешняя тележка, насколько я помню, нагружена в основном лакричными палочками, а пищеварительная система бедного старого человека мало к этому приспособлена... Как насчёт фазана, Белби?

Белби вздрогнул от неожиданности, но принял из его рук половинку холодного фазана.

– Я как раз говорил юному Маркусу, что имел удовольствие учить его дядюшку Дамокла, – обратился Слагхорн к Гарри и Невиллу, передавая по кругу корзинку с рулетами. – Выдающийся колдун, просто выдающийся, и абсолютно заслуженно удостоенный ордена Мерлина. Ты с ним часто видишься, Маркус?

К сожалению, Белби откусил слишком большой кусок фазана; спеша ответить Слагхорну, он глотнул не прожевав и поперхнулся; лицо его приобрело фиолетовый оттенок.

– *Апартнео*, – спокойно произнёс Слагхорн, указывая своей волшебной палочкой на Белби; гортань последнего тут же прочистилась.

– Не... не очень часто, – прохрипел Белби со слезами на глазах.

– Ну разумеется, осмелюсь предположить, что он очень занятой человек, – сказал Слагхорн, вопросительно глядя на Белби. – Вряд ли он изобрёл бы Волкогонное зелье без долгого усердного труда!

– Наверное, – Белби, похоже, не решался откусить ещё кусок птицы, не убедившись, что Слагхорн закончил его расспрашивать. – Э... мой папа с ним не очень-то ладит, понимаете, поэтому я на самом деле не очень много знаю о...

Слагхорн холодно улыбнулся ему, и его голос унял. Слагхорн повернулся к МакЛэггену.

– Теперь *ты*, Кормак. Я знаю, что ты часто встречаешься со своим дядей Тиберниусом – он мне показывал замечательную фотографию, как вы вдвоём охотились на клинохвостов, если не ошибаюсь, в Норфолке?

– О, да, помню, это было забавно, – ответил МакЛэгген. – Мы пошли вместе с Берти Хигтс и Руфусом Скримджером – это было до того, как он стал министром, разумеется...

– А, так ты и Берти с Руфусом знаешь? – просиял Слагхорн, предлагая всем небольшое блюдо пирожков; каким-то образом Белби оказался обойдён. – А скажи-ка мне...

Всё было в точности как Гарри подозревал. Все они были приглашены сюда потому, что имели отношение к кому-то известному или влиятельному – за исключением Джинни. У Забини, допрошенного вслед за МакЛэггеном, была, как оказалось, знаменитая и очень красивая мать (насколько Гарри понял, она выходила замуж семь раз, и каждый из её мужей таинственным образом умирал и оставлял ей горы золота). Дальше пришла очередь Невилла; это были очень неприятные десять минут, ибо родители Невилла, хорошо известные авроры, были сведены с ума пытками Беллатрикс Лестрэндж и парой её дружков Пожирателей Смерти. По окончании интервью с Невиллом Гарри показалось, что Слагхорн не составил о нём целостного впечатления и решил подождать, пока не убедится, передались ли ему какие-то из талантов его родителей.

– Ну а теперь, – Слагхорн грузно подвинулся на своём сиденье с видом конферансье, объявляющего гвоздь программы, – Гарри Поттер! *С чего* начать? Чувствую, когда мы встречались летом, я тебя лишь чуть копнул. – Какое-то мгновение он созерцал Гарри, как будто тот был особенно большим и сочным куском фазана, затем продолжил. – Теперь все тебя называют «Избранным»!

Гарри промолчал. Белби, МакЛэгген и Забини взирали на него.

– Разумеется, – добавил Слагхорн, внимательно изучая Гарри, – слухи ходили все эти годы... Я помню, когда... ну – после той *ужасной* ночи... Лили... Джеймс... А ты выжил... И говорили тогда, что ты обладаешь неординарными силами...

Забини слегка кашлянул, что должно было изображать веселье пополам со скепсисом. Неожиданно из-за спины Слагхорна раздался сердитый голос:

– Да, Забини, *ты* такой же талантливый... воображала...

– Ого! – добродушно хохотнул Слагхорн, оглянувшись на Джинни, сердито смотревшую на Забини из-за огромного брюха Слагхорна. – Будь осторожен, Блэиз! Я видел,

как эта юная леди произвела совершенно потрясающую Пугалётную порчу⁴¹, когда проходила мимо её купе. Я бы на твоём месте с ней не спорил!

Забини ответил высокомерным взглядом.

– Вернёмся к нашим баранам, – Слагхорн снова обернулся к Гарри. – Слухи этим летом. Разумеется, никогда не знаешь, чему верить – известно, что «Пророк» часто допускает неточности, делает ошибки – но, похоже, здесь сомнений нет, учитывая количество свидетелей, – в Министерстве был *немалый* переполох, и ты принимал в этом непосредственное участие!

Гарри, поняв, что из этой темы не выбраться, если не опуститься до простого вранья, кивнул, но по-прежнему ничего не сказал. Слагхорн просиял.

– Сама скромность, сама скромность – не удивительно, что Дамблдор тебя так любит – значит, ты там *был*? Ну а остальная часть этих историй – такие невероятные вещи, конечно, не знаешь, чему верить... Эта байка насчёт пророчества, к примеру...

– Мы не слышали этого пророчества, – произнёс Невилл, тут же порозовев.

– Вот именно, – веско подтвердила Джинни. – Мы с Невиллом тоже там были, и вся эта ерунда насчёт «Избранного» – обычные байки «Пророка», не более того.

– Вы оба тоже там были? – с интересом переспросил Слагхорн, глядя сперва на Джинни, потом на Невилла, но перед его ободряющей улыбкой оба они были спокойны, как мидии.

– Да... ну что ж... Конечно, «Пророк» действительно частенько преувеличивает... – несколько разочарованно сказал Слагхорн. – Я помню, как-то дорогая Гвеног мне говорила... Гвеног Джонс, разумеется, я имею в виду, капитан «Головастых Гарпий»...

Он углубился в длинное, запутанное воспоминание, но у Гарри сложилось впечатление, что Джинни и Невилл Слагхорна не убедили и что он с Гарри ещё не закончил.

Время тянулось медленно; одна за другой шли истории о прославленных колдунах, которых Слагхорну доводилось обучать; все они с удовольствием посещали в Хогвартсе то, что он назвал «Клубом Салаг». Гарри не терпелось уйти, но он не мог придумать, как сделать это вежливо. Наконец, когда поезд вынырнул из очередной полосы тумана, за окном обнаружился багровый закат, и Слагхорн огляделся в наступившем сумраке.

– Ого, уже темнеет! Я и не заметил, что уже зажгли лампы! Вам лучше, пожалуй, пойти к себе и переодеться в мантии, всем вам. МакЛэген, обязательно как-нибудь загляни, я дам тебе почитать ту книгу о клинохвостах. Гарри, Блэйз – будете проходить мимо – тоже заходите. И вы, мисс, тоже, – подмигнул он Джинни. – Ну, давайте, давайте!

Пробираясь мимо Гарри в тёмный коридор, Забини кинул в его сторону враждебный взгляд; Гарри ответил ему тем же. Он, Джинни и Невилл вслед за Забини двинулись вдоль поезда.

– Наконец-то это закончилось, – пробормотал Невилл. – Станный тип, как вы думаете?

– Да, странноватый, – согласился Гарри, не отрывая взгляда от Забини. – А ты как там оказалась, Джинни?

– Он видел, как я наложила порчу на Захариаса Смита, – ответила Джинни. – Помнишь того идиота из Хаффлапффа, который был в ДА? Он всё спрашивал и спрашивал, как

⁴¹ Bat-Bogey Hex. (bat – летучая мышь; bogeyman – страшилище; призрак; пугало)

заведённый, что там было в Министерстве; в конце концов он меня достал, и я наложила на него порчу ... Когда вошёл Слагхорн, я подумала, что сейчас получу наказание, но он всего лишь решил, что это было очень хорошее колдовство, и пригласил меня на обед! Точно псих, а?

– Это лучший повод пригласить кого-то, чем знаменитая мамаша, – Гарри сердито посмотрел в затылок Забини, – или дядя...

Вдруг он замолчал. Его осенила идея, безрассудная, но многообещающая. Буквально через пару минут Забини должен вернуться в купе слизеринцев-шестикурсников, и там будет Малфой, полагающий, что его не слышит никто, кроме друзей-слизеринцев... если бы только Гарри удалось незамеченным пробраться туда за его спиной – что он мог бы там увидеть или услышать? Правда, дорога подходила к концу – судя по дикости мест, пролетающих за окном, до станции Хогсמיד оставалось не более получаса – но раз никто не воспринимал подозрения Гарри всерьёз, то кому, как не ему, их подтверждать?

– Увидимся позже, – пробормотал он, вытаскивая из рюкзака плащ-невидимку и накидывая его на себя.

– Что ты?.. – спросил Невилл.

– Потом! – прошептал Гарри, устремляясь за Забини, стараясь при этом шуметь как можно меньше; впрочем, стук колёс делал эту предосторожность почти излишней.

Теперь коридоры были практически пусты. Почти все вернулись в свои купе, чтобы переодеться и упаковаться. Гарри держался как можно ближе к Забини, практически касаясь его, но этого оказалось недостаточно, чтобы проскользнуть в купе через открытую Забини дверь. Забини уже задвигал дверь, когда Гарри выставил ногу, не давая ей захлопнуться.

– Что ещё с этой хреновиной? – сердито спросил Забини, с силой дёрнув дверь и впечатав её в ногу Гарри.

Гарри вцепился в дверь и изо всех сил рванул её. Дверь открылась; Забини, всё ещё державшийся за её ручку, потерял равновесие и свалился на колени Грегори Гойлу. Воспользовавшись начавшейся сумятицей, Гарри шмыгнул в купе, вскочил на пустующее сиденье Забини и забрался на багажную полку. К счастью, перебранка Гойлы и Забини привлекла к себе всеобщее внимание, поскольку Гарри был точно уверен, что какое-то мгновение его ступни и лодыжки были видны; по правде сказать, в один отнюдь не прекрасный момент ему показалось, что глаза Малфоя смотрели на его взлетающую вверх кроссовку. Но тут Гойл захлопнул дверь и оторвал от себя Забини; Забини с раздражённым видом рухнул на своё место; Винсент Крэбб вернулся к своему комиксу; Малфой, хихикая, лёг вдоль сиденья, примостив голову на колени Пэнси Паркинсон. Гарри лежал, свернувшись в неудобной позе под плащом, чтобы ни кусочка его тела не высывалось, и наблюдал за Пэнси. Та убирала гладкие светлые волосы Малфоя с его лба с такой самодовольной улыбкой, как будто думала, что на её месте жутко рад был бы оказаться любой. Свисающие с потолка лампы поливали всю сцену ярким светом; Гарри мог отчётливо разглядеть каждое слово в комиксе Крэбба, расположившегося прямо под ним.

– Итак, Забини, – произнёс Малфой, – что же от тебя хотел Слагхорн?

– Просто хотел подъехать к людям со связями, – ответил Забини, по-прежнему сердито глядя на Гойла. – Не сказал бы, чтобы он много таких нашёл.

Похоже, эта информация не очень-то порадовала Малфоя.

– Кого ещё он пригласил? – требовательно спросил он.

– МакЛэгтена из Гриффиндора...

– О да, его дядя – большая шишка в Министерстве, – откомментировал Малфой.

– ...ещё одного типа по имени Белби, из Рэйвенкло...

– О нет, только не его, он же полный идиот, – заметила Пэнси.

– ...а также Лонгботтома, Поттера и эту девчонку Уизли, – закончил Забини.

Малфой резко сел, отбросив в сторону руку Пэнси.

– Он пригласил *Лонгботтома*?

– Ну, наверно пригласил, коли Лонгботтом был там, – индифферентно ответил Забини.

– Что ж такого в этом Лонгботтоме, чтобы заинтересовать Слагхорна?

Забини пожал плечами.

– Поттер, драгоценный Поттер, ну конечно, ему хотелось взглянуть на *«Избранного»*, – насмешливо сказал Малфой. – Но девчонка Уизли! В *ней-то* что такого особенного?

– Многим мальчикам она нравится, – произнесла Пэнси, искоса наблюдая за реакцией Малфоя. – Даже ты думаешь, что она здорово выглядит, Блэйз, не так ли? А мы все знаем, как трудно тебе угодить.

– Я бы не притронулся к маленькой грязной кровотоотступнице⁴², как бы там она ни выглядела, – холодно процедил Забини, чем, похоже, удовлетворил Пэнси. Малфой снова опустился ей на колени, и она продолжила гладить его волосы.

– Ну, о вкусе Слагхорна можно только пожалеть. Должно быть, стареет. Жаль, мой отец всегда говорил, что он был хорошим колдуном в своё время. Мой отец был у него немножко любимчиком. Может, Слагхорн просто не в курсе, что я тоже еду в этом поезде, или...

– Я бы на твоём месте не рассчитывал на приглашение, – покачал головой Забини. – Он спросил меня об отце Нотта, когда я только вошёл туда. Они, видимо, были старые друзья, но когда он услышал, что его поймали в Министерстве, он не был особо доволен... и Нотта ведь он не пригласил, так? Не думаю, что Слагхорн интересуется Пожирателями Смерти.

Малфой выглядел очень рассерженным, но сумел выдавить из себя невесёлый смешок.

– А вообще, кого волнует, кем он интересуется? Кто он такой, если в корень смотреть? Всего лишь ещё один тупой учитель, – Малфой нарочито зевнул. – В смысле, меня, может, в следующем году и в Хогвартсе-то уже не будет, так что какое мне дело до того, нравлюсь я какому-то старому толстому огрызку или нет?

– Что значит, тебя может не быть в Хогвартсе в следующем году? – неодобрительно спросила Пэнси, прекратив приглаживать Малфоя.

– Ну, никогда не знаешь наперёд, – ответил Малфой с намёком на усмешку. – Возможно, я... э... буду заниматься более важными и почётными делами...

Сердце скорчившегося на багажной полке Гарри бешено застучало. Что бы Рон и Гермиона сказали про *это*? Крэбб и Гойл таращились на Малфоя; очевидно, они не

⁴² Blood traitor, дословно «предатель крови».

подозревали ни о каких планах заниматься более важными и почётными делами. Даже Забини позволил выражению любопытства исказить своё надменное лицо. Пэнси с ошеломлённым видом продолжила гладить волосы Малфоя.

— Ты хочешь сказать — *Он*?

Малфой пожал плечами.

— Мать хочет, чтобы я закончил своё образование, но лично я не считаю, что в наше время это так уж важно. Я имею в виду — вы подумайте... Когда Тёмный Лорд победит, будет ли его волновать, у кого там сколько СОВ или КРОТов? Нет, конечно... Вопрос будет только в том, кто какую службу ему сослужил и какую степень преданности ему показал.

— И ты думаешь, что *ты* сможешь сделать что-то для него? — едко спросил Забини. — В шестнадцать лет, и даже ещё недоучившись?

— Я уже сказал — имеет ли это значение? Возможно, его не волнует, доучился я или нет. Возможно, работа, которую он мне поручил, не требует, чтобы тот, кто её выполняет, непременно окончил школу? — тихо произнёс Малфой.

Крэбб и Гойл сидели с открытыми ртами, здорово напоминая горгулий. Пэнси взидала на Малфоя сверху вниз с таким видом, словно никогда раньше не видела ничего внушающего столь сильное благоговение.

— Я вижу Хогвартс, — Малфой, явно наслаждаясь произведённым им эффектом, показал рукой в сторону тёмного окна. — Нам лучше надеть мантии.

Гарри был настолько поглощён наблюдением за Малфоем, что не заметил, как Гойл потянулся за своим сундуком; когда он стянул сундук вниз, тот чувствительно стукнул Гарри по голове. Он непроизвольно зашипел от боли, и Малфой, нахмурившись, кинул взгляд на багажную полку.

Гарри не боялся Малфоя, но его не очень вдохновляла идея быть застигнутым под своим плащом бандой враждебно настроенных слизеринцев. Со слезящимися глазами и ноющей головой, он извлёк свою волшебную палочку, стараясь не трясти плащ, и, затаив дыхание, стал ждать. К облегчению Гарри, Малфой, похоже, решил, что звук ему показался; он, как и остальные, натянул мантию, защёлкнул свой сундук и, когда поезд замедлился, застегнул на шее свой новый плотный дорожный плащ.

Гарри увидел, что коридоры вновь заполняются народом; он надеялся, что Рон и Гермиона вынесут на платформу его вещи; сам он застрял в этом купе до тех пор, пока оно не опустеет. Наконец, поезд дёрнулся в последний раз и замер. Гойл распахнул дверь и продавил себе путь в коридор через толпу второкурсников; Крэбб и Забини последовали за ним.

— Ты иди, — сказал Малфой Пэнси, которая ждала его, словно надеясь, что он её возьмёт за руку. — Мне надо тут проверить кое-что.

Пэнси ушла; теперь Гарри и Малфой были в купе одни. Поток людей тёк мимо них, выливаясь на тёмную платформу. Малфой подошёл к двери купе и опустил штормовую занавеску, чтобы люди из коридора не могли подглядывать. Затем он склонился над своим сундуком и вновь открыл его.

Гарри перегнулся через край багажной полки; его сердце колотилось. Что Малфой хотел скрыть от Пэнси? Неужели сейчас он увидит тот загадочный предмет, который так важно было починить?

— *Petrificus totalus!*

Без предупреждения Малфой направил палочку на Гарри, и тот был мгновенно парализован. Как в замедленном кино, он перевалился через край полки и с жутким грохотом шмякнулся на пол к ногам Малфоя. Плащ оказался где-то под ним, и всё его тело, с ногами, скрюченными в неестественную коленопреклоненную позу, стало отлично видимым. Он не мог пошевелить ни единым мускулом; мог лишь взирать снизу вверх на широко улыбающегося Малфоя.

— Я так и думал, — радостно воскликнул Малфой. — Я слышал, как ты стукнулся о сундук Гойла. И мне показалось, я видел, как что-то белое мелькнуло в воздухе, когда вернулся Забини...

Его взгляд на мгновение задержался на Гарриных кроссовках.

— Ты не услышал ничего существенного, Поттер. Но раз уж ты тут у меня...

И он с силой ударил Гарри ногой в лицо. Гарри почувствовал, что у него сломан нос; кровь брызнула во все стороны.

— Это тебе от моего отца. Теперь посмотрим...

Он вытащил плащ из-под неподвижного тела Гарри и накинул его сверху.

— Не думаю, что тебя найдут раньше, чем поезд вернётся в Лондон, — тихо сказал он. — Ещё увидимся, Поттер... или не увидимся.

И, позаботившись о том, чтобы наступить Гарри на пальцы, Малфой покинул купе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СНЕЙП ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ

Гарри не мог пошевелить ни единым мускулом. Он лежал, укрытый собственным плащом-невидимкой, ощущая, как горячая кровь струится по лицу из разбитого носа, и слушал шум голосов и шагов в коридоре. В первое мгновение Гарри подумал, что кто-нибудь наверняка будет проверять все купе перед отправлением поезда. Но он сразу же осознал, что даже если кто-то заглянул бы в купе, то не смог бы ничего ни увидеть, ни услышать. Лучшее, на что оставалось надеяться, — что кто-то войдёт и наступит на него.

Никогда Гарри не ненавидел Малфоя сильнее, чем сейчас, лёжа на спине подобно гротескной черепахе и чувствуя, как струйка крови стекает ему в рот. В какую идиотскую ситуацию он умудрился вляпаться... Последние шаги затихали вдали; все спешили по платформе прочь от поезда; он слышал скрип сундуков и громкую болтовню.

Рон и Гермиона наверняка решили, что он сошёл с поезда отдельно от них. Когда они прибудут в Хогвартс, займут свои места в Большом Зале, несколько раз проглядыт весь стол Гриффиндора и наконец поймут, что Гарри нет, — он будет уже на полпути к Лондону.

Гарри попытался издать какой-нибудь звук, хотя бы промычать, но тщетно. Затем он вспомнил, что некоторые колдуны, например Дамблдор, могли производить заклинания беззвучно; он попытался призвать выпавшую из его руки волшебную палочку, снова и снова произнося про себя «*Accio палочка!*», но безрезультатно.

Ему казалось, что он слышит шелест деревьев, росших вокруг озера, и далёкое уханье совы, но ни малейших признаков поисков, ни даже (он слегка презирал себя за то, что надеялся на это) звуков паники, вызванной исчезновением Гарри Поттера. Гарри представил себе караван влекомых тестрами повозок, катящихся к Хогвартсу, и приглушённый смех из повозки Малфоя, где тот рассказывает о своём нападении на Гарри Крэббу, Гойлу, Забини и Пэнси Паркинсон. Им начало овладевать чувство отчаяния.

Поезд качнулся, и Гарри свалился на бок. Теперь вместо потолка перед его глазами был пыльный низ сиденья. Паровоз пробудился к жизни, и пол вагона начал вибрировать. Экспресс готовился к отъезду, и никто не знал, что Гарри всё ещё на поезде...

Затем он почувствовал, как с него сдёрнули плащ-невидимку, и услышал идущий сверху голос:

— Салют, Гарри.

Мелькнула красная вспышка, и тело Гарри снова стало его слушаться. Он смог принять более достойную сидячую позу, торопливо вытереть тыльной стороной руки кровь с разбитого лица и взглянуть на Тонкс, державшую только что сдёрнутый с него плащ-невидимку.

— Нам лучше выбираться отсюда, и побыстрее, — сказала она, в то время как окно вагона закрыла струя пара и поезд тронулся с места. — Пошли, нам надо соскочить.

Гарри поспешил в коридор вслед за ней. Тонкс отворила дверь вагона и спрыгнула на платформу, скользившую под ними всё быстрее. Он последовал за ней, с трудом удержал

равновесие при приземлении и выпрямился как раз вовремя для того, чтобы увидеть, как красный паровоз набирает скорость, сворачивает и пропадает из виду.

Холодный ночной воздух омыл его пульсирующий нос. Тонкс глядела на Гарри; он чувствовал себя одновременно сердитым и смущённым от того, что его застали в столь нелепом положении. Не сказав ни слова, Тонкс протянула ему плащ-невидимку.

– Кто это сделал?

– Дрэйко Малфой, – ожесточённо ответил Гарри. – Спасибо... ну...

– Без проблем, – не улыбувшись, ответила Тонкс. Насколько Гарри мог разобрать в темноте, она имела тот же печальный вид и мышиного цвета волосы, что и при встрече в Норе. – Стой тихо, я залечу твой нос.

Гарри был не очень высокого мнения об этой идее; он намеревался зайти к мадам Помфри, в способностях которой по части лечащих заклинаний он был больше уверен; но сказать это вслух было явно невежливо, так что он встал неподвижно и закрыл глаза.

– *Episkey*, – произнесла Тонкс.

Гарри почувствовал, что его нос стал очень горячим, потом очень холодным. Он поднял руку и осторожно потрогал нос. На ощупь всё было в порядке.

– Большое спасибо!

– Тебе лучше снова надеть этот плащ, и мы пойдём к школе, – предложила Тонкс, по-прежнему без тени улыбки. Когда Гарри накинул на себя плащ, она взмахнула палочкой; та извергла огромное серебристое четвероногое существо, немедленно устремившееся прочь в темноту.

– Это был Патронус? – спросил Гарри, вспомнив, как Дамблдор отправлял сообщения таким же способом.

– Да, я отправила в замок весточку, что ты со мной, чтобы там не волновались. Пошли, нечего нам тут прохлаждаться.

Они двинулись по дороге, ведущей к школе.

– Как ты меня нашла?

– Я заметила, что ты не сошёл с поезда, и я знала, что у тебя есть плащ-невидимка. Я подумала, что ты зачем-то прячешься. Когда увидела, что на окне того купе задёрнута штора, я решила проверить.

– А вообще что ты здесь делаешь?

– Я нахожусь в Хогсмиде для обеспечения дополнительной безопасности школы.

– Там только ты или?..

– Нет. Здесь ещё Праудфут, Сэведж и Долиш.

– Долиш? Тот аврор, которого Дамблдор атаковал прошлым летом?

– Он самый.

Они тащились вверх по тёмной пустой дороге по свежим следам повозок. Гарри из-под плаща искоса поглядывал на Тонкс. В прошлом году она была чрезвычайно любознательной (иногда до такой степени, что это слегка раздражало), легко смеялась, много шутила. Теперь она выглядела старше и казалась более серьёзной и целеустремлённой. Было ли это следствием того, что произошло в Министерстве? Гарри подумал, что Гермиона наверняка

предложила бы ему сказать Тонкс что-нибудь одобряющее про Сириуса, например, что это была не её вина, – но он не мог решиться. Гарри был далёк от того, чтобы винить Тонкс в гибели Сириуса; она была виновата не больше, чем кто-либо другой (и намного меньше, чем сам Гарри), – просто он не хотел говорить о Сириусе, если только этого можно было избежать. Так что они продолжали брести сквозь холодную ночь в полнейшем молчании, лишь длинный плащ Тонкс тихо шелестел по земле за их спинами.

Всегда раньше Гарри проезжал здесь в повозке и не осознавал, насколько далеко располагался Хогвартс от станции Хогсמיד. Наконец он с огромным облегчением увидел расположенные по обе стороны ворот высокие колонны, увенчанные крылатыми кабанами. Он замёрз, проголодался и желал покинуть эту новую, унылую Тонкс. Но когда он протянул руку и толкнул ворота, они оказались запертыми.

– *Alohomora!* – уверенно произнёс он, указав палочкой на висячий замок – но ничего не произошло.

– Это здесь не подействует, – сказала Тонкс. – Дамблдор лично зачаровал эти ворота.

Гарри осмотрелся.

– Может, я через стену смогу перелезть? – предположил он.

– Не сможешь, – скучным голосом ответила Тонкс. – На них на всех глаза против нарушителей. Этим летом защиту усилили стократно.

– Ну и ладно, – Гарри начал испытывать раздражение от её нежелания помочь. – Похоже, мне придётся спать здесь до утра.

– Кто-то сюда спускается, гляди.

Возле дальней части замка покачивался фонарь. Гарри был настолько рад его видеть, что, как ему в этот момент казалось, он мог вынести даже Филча с его хриплыми нотациями по поводу опоздания и напыщенными речами о том, насколько улучшило бы жизнь Филча регулярное применение им тисков для пальцев. Когда жёлтое пятно фонаря было в десяти футах от них, Гарри снял плащ-невидимку, чтобы его могли узнать. Только тогда он, ощутив внезапный импульс ненависти, узнал освещённый фонарём крючковатый нос и длинные, сальные чёрные волосы Северуса Снейпа.

– Так, так, так, – насмешливо процедил Снейп, вытащив волшебную палочку и ткнув ей один раз по висячему замку, отчего цепи уползли назад и ворота приоткрылись. – Очень мило с твоей стороны наконец появиться, Поттер, хотя ты, очевидно, решил, что ношение школьной мантии будет привлекать к тебе меньше внимания.

– Я не успел переодеться, мои... – начал Гарри, но Снейп его оборвал.

– Нет надобности ждать, Нимфадора, со мной Поттер в достаточной... э... безопасности.

– Я вообще-то Хагриду отправила сообщение, – нахмурившись, сказала Тонкс.

– Хагрид опоздал на пир по поводу начала года, точно так же как и Поттер, так что я принял сообщение вместо него. И кстати, – добавил он, делая шаг назад, чтобы Гарри смог пройти мимо него, – мне было интересно увидеть твоего нового Патронуса.

Снейп с громким лязгом захлопнул ворота прямо перед носом Тонкс и снова ткнул в цепи своей палочкой, так что они с тихим звяканьем поползли на место.

– Я думаю, с предыдущим Патронусом тебе было лучше, – произнёс Снейп, не скрывая злорадства в голосе. – Новый на вид совсем слабый.

Снейп развернулся, крутанув вокруг себя фонарь, и в его свете Гарри на мгновение увидел лицо Тонкс; на нём отражались шок и ярость. Затем она снова исчезла в темноте.

– Спокойной ночи, – обратился к ней Гарри через плечо, начав подниматься к школе вместе со Снейпом. – И спасибо... за всё.

– До свидания, Гарри.

Примерно минуту Снейп молчал. Гарри казалось, что его тело испускает волны ненависти столь интенсивные, что оставалось загадкой, как Снейп не чувствует ожогов от них. Он ненавидел и презирал Снейпа с самой первой их встречи, но окончательно и необратимо Снейп лишился возможности прощения благодаря своему отношению к Сириусу. Что бы там Дамблдор ни говорил – у Гарри было время подумать этим летом, и он пришёл к выводу, что Снейповы ядовитые замечания в адрес Сириуса (что тот-де прячется в безопасном месте, когда остальные члены Ордена Феникса дерутся с Волдемортом) послужили одной из важнейших причин того, что Сириус безрассудно рванулся в Министерство в ту ночь, когда он погиб. Гарри цеплялся за этот вывод, потому что он позволял ему винить Снейпа (что доставляло определённое удовлетворение), а также потому что точно знал: если есть кто-то, кто не жалеет о смерти Сириуса, то это именно тот человек, что шагает сейчас рядом с ним в темноте.

– Пятьдесят очков с Гриффиндора за опоздание, я полагаю, – произнёс Снейп. – И, скажем, ещё двадцать за твой маггловский наряд. Знаешь, мне кажется, ещё ни разу ни один Дом не имел отрицательных баллов в самом начале года: мы ещё и до пудинга не добрались. Ты, должно быть, установил рекорд, Поттер.

Ярость и ненависть, кипевшие внутри Гарри, казалось, вот-вот раскалят его добела, но он скорее предпочёл бы пролежать неподвижно всю дорогу до Лондона, чем рассказать Снейпу, отчего он опоздал.

– Тебе, конечно, хотелось своим появлением произвести фурор? – меж тем продолжал Снейп. – А поскольку летающего автомобиля в твоём распоряжении не оказалось, ты решил, что ворваться в Большой Зал посреди пира будет наиболее эффектно.

Гарри по-прежнему молчал, хотя ему казалось, что его грудная клетка сейчас взорвётся. Он знал, что Снейп пришёл забрать его именно для этого – ради этих нескольких минут, когда он мог колоть и терзать Гарри в отсутствие посторонних ушей.

Наконец они добрались до ступеней замка. Огромные дубовые двери распахнулись в просторный выстланный плитами холл, и через открытую дверь Большого Зала их приветствовали звяканье тарелок и стаканов, шум голосов и смех. В голове Гарри мелькнула мысль снова воспользоваться плащом-невидимкой, чтобы занять место за столом Гриффиндора (расположенном, к сожалению, дальше всех от холла), оставшись незамеченным. Однако Снейп словно прочёл эту мысль:

– Никакого плаща. Ты можешь смело войти на глазах у всех – чего, я уверен, ты и добивался.

Гарри развернулся и промаршировал прямо через открытую дверь: всё, что угодно — только бы избавиться от Снейпа. Большой Зал, с его четырьмя длинными столами Домов и преподавательским столом во главе, был, как обычно, украшен парящими свечами, отчего тарелки сияли и сверкали. Однако для Гарри это всё представлялось мерцающим маревом — он шёл настолько быстро, что миновал стол Хаффлапфа прежде, чем на него начали глядеть. К тому моменту, когда люди стали подниматься со своих мест, стремясь разглядеть его получше, он уже заметил Рона и Гермиону, почти пробежал вдоль скамей в их направлении и втиснулся между ними.

— Где ты... чёрт, что ты сделал со своим лицом? — спросил Рон, глядя на него квадратными глазами (так же как и все вокруг).

— А что, с ним что-то не так? — Гарри схватил ложку и начал изучать своё искажённое отражение.

— Ты весь в крови! — воскликнула Гермиона. — Дай-ка я...

Она подняла волшебную палочку, произнесла: «*Tergeo!*» — и словно смыла засохшую кровь.

— Спасибо, — поблагодарил Гарри, ощупывая своё очистившееся лицо. — Как мой нос выглядит?

— Нормально, — встревожено сказала Гермиона. — А не должен был? Гарри, что случилось? Мы были в ужасе!

— Расскажу позже, — коротко ответил Гарри. Он понимал, что Джинни, Невилл, Дин и Шеймас прислушиваются к их разговору; даже Почти Безголовый Ник, гриффиндорский призрак, подплыл вдоль скамьи поближе, чтобы подслушать, что они говорят.

— Но...

— Гермиона, не сейчас, — мрачным, значительным голосом оборвал её Гарри. Он изо всех сил надеялся, что все решат, что он принял участие в чём-то очень героическом, лучше всего — с участием пары Пожирателей Смерти и одного дементора. Конечно, Малфой разнесёт эту историю насколько сможет, но была некоторая вероятность, что она достигнет не очень большого числа гриффиндорских ушей.

Он протянул обе руки мимо Рона, чтобы взять пару куриных ног и пригоршню чипсов, но прежде чем он успел их схватить, они исчезли, сменившись пудингами.

— Да, и ты пропустил Сортировку, — заметила Гермиона; Рон потянулся за большим шоколадным печеньем.

— А что, шляпа сказала что-нибудь интересное? — поинтересовался Гарри, беря кусок пирога с патокой.

— На самом деле, в основном то же самое... Советовала всем объединиться перед лицом общего врага, ну ты понял.

— Дамблдор вообще упоминал Волдеморта?

— Пока нет, но он же всегда оставляет важную часть речи на после пира, верно? Должно быть, уже скоро...

— Снейп сказал, что Хагрид опоздал на пир...

– Ты видел Снейпа? Как это случилось? – спросил Рон между двумя гигантскими кусками печенья.

– Столкнулся с ним, – уклончиво ответил Гарри.

– Хагрид всего на несколько минут опоздал, – сказала Гермиона. – Смотри, он тебе машет, Гарри.

Гарри взглянул на учительский стол и ухмыльнулся Хагриду, который действительно махал ему рукой. Хагриду никогда не удавалось держаться с таким же достоинством, как профессору МакГонагалл, главе Гриффиндора. Последняя сидела рядом с Хагридом; её голова располагалась где-то между Хагридовым локтем и плечом; на это восторженное приветствование МакГонагалл взирала неодобрительно. К удивлению Гарри, по другую руку Хагрида сидела преподавательница прорицания, профессор Трелони; она редко покидала свою комнату в башне, и Гарри никогда раньше не видел её на пиру, посвящённом началу года. Вид у Трелони был столь же странный, как обычно, – со всеми её блестящими бусами, спадающими сзади шальями и глазами, невероятно увеличенными линзами очков. Гарри всегда считал её чем-то вроде шарлатанки, и тем больше был его шок в конце прошлого года, когда он узнал, что именно Трелони сделала предсказание, из-за которого Лорд Волдеморт убил родителей Гарри и пытался убить его самого. Теперь, узнав это, он в ещё меньшей степени, чем раньше, желал находиться в её компании; к счастью, в этом году он не должен был обучаться прорицанию. Её огромные, похожие на два маяка глаза повернулись в его направлении; Гарри поспешно отвернулся в сторону стола Слизерина. Дрэйко Малфой демонстрировал, как он разбивает воображаемый нос, под хриплый хохот и аплодисменты соседей. Гарри опустил глаза и стал смотреть на пирог с патокой; у него внутри снова всё горело. Что бы он сейчас отдал за встречу с Малфоем один на один...

– Так чего хотел профессор Слагхорн? – спросила Гермиона.

– Узнать, что именно произошло в Министерстве.

– Так же как и все остальные здесь, – фыркнула Гермиона. – В поезде нас об этом допрашивали, да, Рон?

– Ага, – кивнул Рон. – Все так и рвутся узнать, действительно ли ты «Избранный»...

– На эту конкретную тему идут многочисленные разговоры и среди призраков, – вмешался Почти Безголовый Ник, наклонив свою полутрубленную голову в сторону Гарри, так что она угрожающе качнулась. – Я считаюсь чем-то вроде специалиста по Поттеру; наши дружественные отношения общеизвестны. Однако я заверил сообщество духов, что не буду докучать тебе расспросами. «Гарри Поттер знает, что может доверять мне с абсолютной уверенностью, – сказал я им. – И я скорее умру, чем предам его доверие».

– Это не очень обнадеживающее заявление, учитывая, что ты уже мёртв, – заметил Рон.

– И вновь ты демонстрируешь деликатность, свойственную тупому топору, – оскорблённым тоном сказал Почти Безголовый Ник, взмывая в воздух и направляясь к дальнему концу гриффиндорского стола как раз в тот момент, когда Дамблдор поднялся на ноги за столом преподавательским.

– Самого доброго вечера всем вам! – с широкой улыбкой произнёс он, разведя руки, словно желая обнять весь зал.

– Что с его рукой? – ахнула Гермиона.

Она была не единственным человеком, который заметил. Правая рука Дамблдора была такая же почерневшая и мёртвая на вид, как в ту ночь, когда он забрал Гарри от Дёрзли. По залу пронёсся шёпот; Дамблдор, истолковав его правильно, улыбнулся и закрыл больную руку своим широким фиолетово-золотым рукавом.

– Ничего такого, о чём следовало бы беспокоиться, – легко сказал он. – Итак... нашим новым учащимся – добро пожаловать! Нашим старым ученикам – с возвращением! Вас ждёт ещё один год магического образования...

– Когда я видел его летом, его рука выглядела точно так же, – прошептал Гарри на ухо Гермионе. – Но я думал, к этому времени он её уже вылечит... или мадам Помфри...

– Выглядит так, как будто она умерла, – произнесла Гермиона таким голосом, словно её вот-вот стошнит. – Но существуют болезни, которые нельзя излечить... Старые проклятия... И есть яды, от которых нет противоядия...

– ...а мистер Филч, наш смотритель, просил меня объявить о том, что запрещённым является весь ассортимент предметов, продающихся в магазине под названием «Улётные Уловки Уизли».

Всем желающим играть в квиддич за свои Дома следует сообщить свои имена главам Домов в обычном порядке. Кроме того, нам требуются новые комментаторы квиддича, им следует сделать то же самое.

В этом году мы рады приветствовать нового преподавателя, профессора Слагхорна, – Слагхорн поднялся с места; его лысина ярко блеснула в свете свечей, а огромное затянутое в жилет брюхо погрузило в тень стол, – моего бывшего коллегу, который согласился вернуться на свою старую должность преподавателя зелий.

– Зелий?

– *Зелий?*

Последнее слово эхом пронеслось через весь зал; люди переспрашивали, пытаясь понять, всё ли они расслышали верно.

– Зелий? – дуэтом произнесли Рон и Гермиона, оборачиваясь к Гарри. – Но ты же сказал...

– В то же время профессор Снейп, – Дамблдор слегка повысил голос, чтобы перекрыть общий гул, – займёт пост преподавателя защиты от Тёмных искусств.

– Нет! – вскрикнул Гарри так громко, что многие повернули головы в его сторону. Ему было всё равно; он не отрываясь гневно смотрел на преподавательский стол. Как после всего того, что случилось, Снейпу могли поручить преподавание защиты от Тёмных искусств? Не было ли общеизвестно все эти годы, что Дамблдор не доверял Снейпу эту работу?

– Но Гарри, ты же говорил, что Слагхорн должен преподавать защиту от Тёмных искусств! – воскликнула Гермиона.

– Я был уверен, что так и будет! – Гарри лихорадочно копался в собственном мозгу, пытаясь понять, когда же Дамблдор говорил ему это, но так и не смог припомнить, чтобы Дамблдор вообще говорил ему что-либо о том, что будет преподавать Слагхорн.

Сидевший справа от Дамблдора Снейп не встал при упоминании своего имени; он просто лениво поднял руку в ответ на аплодисменты стола Слизерина, но Гарри был уверен, что заметил выражение триумфа на столь ненавистном ему лице.

– Что ж, хоть одна хорошая новость, – яростно произнёс он. – Через год Снейпа здесь не будет.

– В смысле? – переспросил Рон.

– Эта работа проклята. Никто не продержался больше года... Квиррелл, тот и вовсе помер... Лично я буду держать кулаки за ещё одну смерть...

– Гарри! – с шокированным и очень осуждающим видом посмотрела на него Гермиона.

– Может, он в конце года вернётся преподавать зелья, – рассудительно заметил Рон. – Этот тип, Слагхорн, может не захотеть остаться надолго. Муди вон не хотел.

Дамблдор прокашлялся. Гарри, Рон и Гермиона были не единственными, кто разговаривал, – весь Зал гудел, обсуждая новость об осуществлении самой сокровенной мечты Снейпа. Явно не обращая внимания на сенсационность новости, которой он только что поделился, Дамблдор прекратил говорить о назначениях преподавателей; он подождал несколько секунд, чтобы в Зале вновь установилось молчание, затем продолжил.

– Итак, как известно всем находящимся в этом Зале, Лорд Волдеморт и его сторонники снова сильны и становятся ещё сильнее.

При этих словах молчание в Зале, казалось, натянулось как струна. Гарри глянул на Малфоя. Малфой не смотрел на Дамблдора; он игрался с ложкой, своей палочкой заставляя её порхать в воздухе, словно находил слова директора недостойными своего внимания.

– Я не могу найти слов, чтобы подчеркнуть, насколько опасна нынешняя ситуация и как сильно каждый из нас здесь, в Хогвартсе, должен заботиться о том, чтобы мы все были в безопасности. За лето магические фортификации замка были усилены; мы защищены множеством новых и эффективных способов; но мы все ни в коем случае не должны допускать небрежности и легкомыслия со стороны как учеников, так и преподавателей. Поэтому я призываю вас терпеть все ограничения, которые преподаватели могут наложить в целях безопасности, сколь бы утомительными вам ни казались некоторые из них – в особенности правило о том, что вы не должны находиться вне здания в ночное время. Я заклинаю вас, в случае если вы заметите что-либо странное или подозрительное вне или внутри замка – немедленно сообщите об этом кому-нибудь из преподавательского состава. Я верю, что вы будете вести себя с максимальной заботой о безопасности своей и окружающих.

Голубые глаза Дамблдора прошлись по ученикам, после чего он снова улыбнулся.

– Ну а сейчас – вас ждут желанные постели, тёплые и комфортные; и я знаю, что главное для вас – хорошо отдохнуть перед завтрашними уроками. Так что давайте пожелаем друг другу спокойной ночи. Баюшки-баю!

С привычным оглушительным скрипом скамьи отодвинулись, и сотни учеников потекли из Большого Зала к своим спальням. Гарри, который совершенно не рвался покинуть зал вместе с пялящейся на него толпой, равно как и оказаться вблизи Малфоя (что позволило бы последнему в очередной раз пересказать историю разбития носа), приотстал, делая вид, что завязывает шнурок на кроссовке, так что большинство гриффиндорцев прошло вперёд.

Гермиона также унеслась вперёд — выполнять свои обязанности prefecta и пасти первокурсников; но Рон остался.

— Так что всё-таки случилось с твоим носом? — спросил он, когда они покинули Зал в самом конце толпы, вдали от чьих бы то ни было ушей.

Гарри рассказал. Рон не смеялся — что свидетельствовало о крепости их дружбы.

— Я видел, как Малфой изображает что-то с носом, — тяжело сказал он.

— Да, ну ничего удивительного, — горько ответил Гарри. — Слушай лучше, что он говорил, прежде чем обнаружил, что я там...

Гарри ожидал, что Рон будет ошеломлён похвалой Малфоя. Однако Рон был совершенно не впечатлён (проявляя, по мнению Гарри, полное тупоумие).

— Да ладно тебе, Гарри, он же просто выделялся перед Паркинсон... какую миссию мог бы возложить на него Сам-Знаешь-Кто?

— Откуда ты знаешь, что Волдеморту не нужен кто-то в Хогвартсе? Это уже не первый...

— Слышь, прекратил бы ты говорить это имя, Гарри, — раздался позади них неодобрительный голос. Гарри оглянулся и увидел качающего головой Хагрида.

— Дамблдор произносит имя, — упрямо возразил Гарри.

— Ага, ну то ж Дамблдор, скажешь нет? — таинственно произнёс Хагрид. — Так чё ты угораздило опоздать, Гарри? Я волновался.

— На поезде застрял, — ответил Гарри. — А ты почему опоздал?

— Я был с Группом, — счастливым голосом сказал Хагрид. — Ну и малёк не уследил за временем. У него щас новый дом в горах, Дамблдор всё устроил — отличная большая пещера. Он щас намного счастливее, чем когда был в лесу. Мы здорово с ним беседовали.

— Правда? — Гарри старался не смотреть на Рона; последний раз, когда он видел единоутробного брата Хагрида (злобного великана, обладающего талантом вырывать с корнем деревья), словарь того состоял из пяти слов, причём два из них он выговаривал неправильно.

— О да, он так быстро схватывает, — гордо заявил Хагрид. — Ты офигеешь. Я думаю обучить его мне помогать.

Рон громко фыркнул, но смог превратить этот звук в оглушительное чихание. Теперь они стояли перед дубовыми входными воротами.

— В любом случае, увидимся завтра, первый урок прямо после ланча. Приходите пораньше, сможете поприветствовать Бры... в смысле, Хилокрыла.

Помахав на прощанье рукой, Хагрид вышел через ворота в ночь.

Гарри и Рон переглянулись. Гарри мог с уверенностью сказать, что Рон испытывает сейчас такое же чувство опустошения, что и он сам.

— Ты не взял в этом году уход за магическими существами, так ведь?

Рон покачал головой.

— И ты тоже, да?

Гарри, в свою очередь, качнул головой.

— И Гермиона, — закончил Рон, — тоже не взяла, да?

Гарри вновь качнул головой. Он старался не думать о том, что именно скажет Хагрид, когда узнает, что три его любимых ученика забросили его предмет.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПРИНЦ-ПОЛУКРОВКА

С Гермионой Гарри и Рон встретились в общей комнате на следующее утро, незадолго до завтрака. Надеюсь, что Гермиона как-то поддержит его теорию, Гарри в нескольких словах рассказал ей о словах Малфоя, подслушанных им в Хогвартс-экспрессе.

– Но он просто выделялся перед Паркинсон, как ты думаешь? – тут же встрял Рон, прежде чем Гермиона успела что-либо сказать.

– Ну... – неуверенно протянула она, – я не знаю... Казаться более значительным, чем он есть, – было бы вполне в духе Малфоя... Но так нагло врать...

– Вот именно, – заметил Гарри, но развить эту мысль ему не удалось – слишком много народу вокруг прислушивалось к их разговору, не говоря уж о взглядах и перешёптывании у них за спиной.

– Показывать пальцем неприлично, – отругал Рон какого-то особенно мелкого первокурсника, когда они заняли очередь на выход из общей комнаты через дыру за портретом. Мальчик, который, прикрывшись ладошкой, бормотал что-то на тему Гарри своему приятелю, тут же покраснел и в смятении вывалился через дыру. Рон усмехнулся:

– Обожаю быть шестикурсником. *К тому же* в этом году у нас будет свободное время. Окна между уроками, когда мы сможем просто сидеть здесь и расслабляться.

– Нам это время понадобится для занятий, Рон! – сказала Гермиона, направляясь вместе с Гарри и Роном по коридору.

– Ага, но только не сегодня, – ответил Рон. – Сегодня, думаю, будет полная халява.

– Постой-ка! – Гермиона выбросила вперёд руку и задержала четверокурсника, который пытался протиснуться мимо неё, сжимая в руке ярко-зелёный диск. – Клыкастые Фрисби⁴³ запрещены, давай сюда, – жёстко потребовала она. Мальчик хмуро глянул на неё, протянул рычащую Фрисби, затем нырнул под её рукой и припустил за своими приятелями. Рон подождал, пока он исчезнет из виду, после чего попытался забрать Фрисби из рук Гермионы.

– Классно, я всегда хотел себе такого.

Протест Гермионы потонул в громком смешке. Лаванда Браун, по-видимому, нашла реплику Рона чрезвычайно забавной. Всё ещё смеясь, она прошла мимо них и кинула взгляд на Рона. Рон приобрёл довольный вид.

Потолок Большого Зала был мягко-голубого цвета, с разбросанными то тут, то там хрупкими на вид перистыми облаками – в точности как квадратики неба, видимые сквозь высокие двухстворчатые окна. В процессе уничтожения овсянки и яичницы с беконом Гарри и Рон рассказали Гермионе о смутившем их разговоре с Хагридом вчера вечером.

– Но не может же он на самом деле думать, что мы продолжим занятия уходом за магическими существами! – с несчастным видом воскликнула Гермиона. – Я имею в виду – когда кто-то из нас проявлял... ну вы поняли... энтузиазм?

⁴³ Fanged Frisbee. Fang – клык; bee – пчела. Frisbee – игрушка «летающая тарелка»;

– Но ведь так и было, скажешь нет? – произнёс Рон, разом проглотив остаток яичницы.
– Именно мы были старательнее других на занятиях, потому что мы любим Хагрида. Но он-то думает, что мы любим его дурацкий *предмет*. Как думаешь, хоть кто-то собирается продолжить учиться на КРОТа?

Ни Гарри, ни Гермиона не ответили; в этом не было нужды. Они отлично знали, что никто на их курсе не хотел бы продолжить занятия по уходу за магическими существами. До конца завтрака они избегали взгляда Хагрида и, когда он, вставая из-за преподавательского стола десять минут спустя, радостно помахал им рукой, ответили на его приветствие без особого энтузиазма.

По окончании завтрака они оставались на своих местах, ожидая, когда к ним из-за преподавательского стола спустится профессор МакГонагалл. Распределение расписаний в этом году было более сложным делом, чем обычно, поскольку профессор МакГонагалл сперва должна была подтвердить каждому, что он получил достаточные баллы СОВ для продолжения учёбы на избранные им КРОТы.

С Гермионой всё стало ясно сразу: она получила разрешение продолжить занятия чарами, защитой от Тёмных искусств, трансфигурацией, гербологией, арифмантикой, древними рунами и зельями и без дальнейших напоминаний потрусила в сторону класса древних рун. С Невиллом пришлось повозиться несколько дольше; его круглое лицо выглядело обеспокоенным, когда профессор МакГонагалл посмотрела его заявку, а затем проконсультировалась с результатами его СОВ.

– Гербология, порядок, – сказала она. – Профессор Спраут будет очень рада увидеть тебя снова и узнать, что у тебя «Отлично». И ты квалифицировался по защите от Тёмных искусств с оценкой «Выше ожидаемого». Но вот с трансфигурацией проблема. Я сожалею, Лонгботтом, но оценки «Приемлемо» недостаточно для продолжения обучения на КРОТа. Я думаю, что ты просто-напросто не будешь справляться с заданиями.

Невилл повесил голову. Профессор МакГонагалл вгляделась в него сквозь свои квадратные очки.

– Вообще, а почему ты хочешь продолжить занятия трансфигурацией? У меня не сложилось впечатления, что она тебе очень уж нравилась.

Невилл с расстроенным видом пробормотал что-то типа «бабушка хочет».

– Хм, – фыркнула профессор МакГонагалл. – Самое время твоей бабушке научиться гордиться тем внуком, который у неё есть, а не тем, который, как ей кажется, у неё должен быть, – особенно после того, что произошло в Министерстве.

Невилл сильно порозовел и сконфуженно моргнул; профессор МакГонагалл никогда раньше не удостоивала его комплиментом.

– Я сожалею, Лонгботтом, но я не могу допустить тебя заниматься со мной по программе КРОТа. Однако я вижу, у тебя «Выше ожидаемого» по чарам – почему бы тебе не попробовать КРОТ по чарам?

– Моя бабушка считает, что чары – выбор слабых, – пробормотал Невилл.

– Возьми чары, – решила профессор МакГонагалл. – А я черкну Августе пару строк и напомню ей, что, если она завалила свои собственные СОВ по чарам, это ещё не значит, что

предмет бесполезен. – Слегка улыбнувшись при виде радостного недоверия, написанного на лице Невилла, профессор МакГонаггал коснулась пустого расписания кончиком палочки и протянула его (уже детально заполненное) Невиллу.

Затем профессор МакГонаггал повернулась к Парвати Патил, которая сразу же спросила, продолжает ли Фиренце, красивый кентавр, преподавать прорицание.

– Он и профессор Трелони в этом году поделили уроки между собой, – ответила профессор МакГонаггал с тенью неодобрения на лице; было общеизвестно, что она презирает сам предмет прорицаний. – Шестикурсники обучаются у профессора Трелони.

Пять минут спустя Парвати отбыла на прорицание со слегка удручённым видом.

– Итак, Поттер, Поттер... – проговорила профессор МакГонаггал, повернувшись к Гарри и сверяясь со своими записями. – Защита от Тёмных искусств, гербология, трансфигурация, чары... всё нормально. Должна заметить, я довольна твоей оценкой по трансфигурации, Поттер, очень довольна. Так, а почему ты не подал заявку на продолжение занятий зельями? Я думала, ты стремишься стать аврором?

– Ну да, но вы же сказали мне, что мне понадобится получить «Отлично» на экзамене СОВ, профессор.

– Да, понадобилось бы, если бы профессор Снейп продолжал преподавать этот предмет. Профессор Слагхорн, однако, не имеет ничего против приёма учащихся КРОТа, получивших СОВ «Выше ожидаемого». Ты желаешь продолжить изучать зелья?

– Да, – ответил Гарри, – но только я не покупал ни книг, ни ингредиентов, ни...

– Я уверена, что профессор Слагхорн сможет одолжить тебе всё необходимое. Отлично, Поттер, вот твоё расписание. Да, и кстати – двадцать претендентов уже подали заявки в квиддичную команду Гриффиндора. Я передам тебе список обычным порядком, и ты можешь назначить просмотр, когда тебе будет удобно.

Несколько минут спустя Рон получил разрешение на те же предметы, что и Гарри, и они ушли из-за стола вместе.

– Смотри, – восторженно сказал Рон, изучая своё расписание, – у нас сейчас окно... и после перерыва ещё одно... и после обеда... *супер!*

Они вернулись в общую комнату, абсолютно пустую, если не считать полудюжины семикурсников. В их числе была Кэти Белл, последний оставшийся член той старой квиддичной команды Гриффиндора, в которую Гарри вступил на первом курсе.

– Я так и думала, что ты это получишь, поздравляю! – окликнула она Гарри, указав на значок на его груди. – Когда назначишь просмотр, скажи мне!

– Не валяй дурака, – ответил Гарри. – Тебе не надо пробоваться, я пять лет смотрел твою игру...

– Ты не должен так начинать, – предостерегающим тоном сказала она. – Откуда ты знаешь, может, там есть кто-то намного лучший, чем я. Многие хорошие команды разваливались из-за того, что их капитаны сохраняли в команде знакомые лица или принимали своих друзей...

Рон с несколько смущённым видом начал играть с Клыкастой Фрисби, отобранной Гермионой у четверокурсника. Фрисби порхала вокруг общей комнаты, рыча и пытаясь

отхватить кусок гобелена. Косолап следил за ним своими жёлтыми глазами и шипел, когда та подлетала слишком близко.

Через час они с неохотой оставили залитую солнцем общую комнату и направились в класс защиты от Тёмных искусств четырьмя этажами ниже. Гермiona уже стояла в очереди перед дверью, держа в руках стопку тяжёлых книг. Вид у неё был очень загруженный.

– Нам дали столько домашней работы по рунам, – озабоченно сказала она, когда Гарри и Рон присоединились к ней. – Эссе на пятнадцать дюймов, два перевода, и ещё это всё надо прочесть к среде.

– Какая жалость, – зевнул Рон.

– Подожди ещё, – обиженно произнесла она. – Держу пари, Снейп нам столько же навалит.

В этот самый момент дверь класса отворилась, и Снейп шагнул в коридор. Его бледное лицо, как обычно, было обрамлено двумя волнами сальных чёрных волос. В очереди немедленно воцарилось молчание.

– В класс, – процедил он.

Войдя, Гарри оглянулся. Личность Снейпа уже отразилась на кабинете: он выглядел мрачнее обычного, так как все окна были занавешены, а освещение давали только свечи. Стены были украшены новыми картинами; на большинстве их были изображены страдающие люди, демонстрирующие отвратительные травмы или странно искажённые части тела. В полном молчании ученики заняли свои места, рассматривая эти мрачные, ужасные картины.

– Я не просил вас доставать книги, – с этими словами Снейп закрыл дверь и встал за своим столом, чтобы видеть их всех; Гермiona быстро убрала обратно в сумку свой экземпляр «Противостояния неизвестному» и спрятала сумку под стулом. – Я хочу поговорить с вами, и мне нужно ваше полнейшее внимание.

Чёрные глаза Снейпа прощались по обращённым к нему лицам, зацепившись за лицо Гарри чуть дольше, чем за все остальные.

– До сих пор, я полагаю, этому предмету вас обучали пять разных преподавателей.

«Ты полагаешь... можно подумать, что ты не наблюдал, как они все приходят и уходят, каждый раз надеясь, что ты станешь следующим», со злобой думал Гарри.

– Естественно, каждый из этих преподавателей имел свои собственные методы и приоритеты. Учитывая эту мешанину, я удивлён тому, что столь многие из вас сумели получить СОВ по этому предмету. Я буду ещё больше удивлён, если всем вам удастся справиться с работой на уровне КРОТ, гораздо более сложной.

Снейп двинулся вокруг комнаты, понизив голос. Класс повернул головы, чтобы удержать его в поле зрения.

– Тёмные искусства, – продолжил Снейп, – многочисленны, разнообразны, изменчивы и вечны. Борьба с ними подобна борьбе с многоглавым монстром, который всякий раз, как одну из его голов отрубают, отращивает новую, ещё злее и умнее предыдущей. То, с чем вы боретесь, подвижно, быстро меняется, неуничтожимо.

Гарри не отрываясь смотрел на Снейпа. Безусловно, одно дело – уважать Тёмные искусства как опасного врага, и совсем другое – говорить о них, как Снейп, с любовной лаской в голосе.

– Ваша защита, – Снейп чуть повысил голос, – таким образом, должна быть столь же гибкой и изобретательной, как то искусство, которому вы хотите противостоять. Эти картины, – он указал на некоторые, проходя мимо них, – дают неплохое представление о происходящем с теми, кто подвергся, к примеру, проклятию Крусиатус (Снейп показал рукой на ведьму, очевидно кричащую в агонии), Поцелую дементора (колдун с пустыми глазами, мешком лежащий у стены), или кто спровоцировал агрессию со стороны преиспода (кровавая масса на земле).

– А преисподов правда видели? – спросила Парвати Патил высоким голосом. – Это точно, что *они* их использует?

– Тёмный Лорд использовал преисподов в прошлом, – ответил Снейп, – и это означает, что лучше всего исходить из того, что он может применить их снова. А сейчас...

Он опять направился вокруг комнаты и, обойдя её, вернулся к своему столу. И снова все безмолвно смотрели, как он идёт и как его тёмная мантия колышется вокруг его ступней.

– ...Вы, я полагаю, полные новички в применении невербальных заклинаний. В чём преимущество невербального заклинания?

Рука Гермионы взметнулась в воздух. Снейп некоторое время смотрел на остальных, наконец пришёл к выводу, что у него нет выбора, и коротко сказал:

– Да, мисс Грейнджер?

– Ваш противник не предупреждён о том, какого типа магию вы собираетесь применить, – ответила Гермиона. – И это даёт вам небольшое преимущество во времени.

– Ответ скопирован практически слово в слово из «Стандартной книги заклинаний, уровень 6», – пренебрежительно произнёс Снейп (Малфой в углу хихикнул), – но по сути верен. Да, те, кто умеет использовать магию, не вопя заклинаний, получают элемент неожиданности. Конечно, не все колдуны умеют делать это; всё дело в концентрации и силе мысли, которых некоторые, – он снова злорадно взглянул на Гарри, – лишены.

Гарри знал, что Снейп думает об их катастрофических прошлогодних уроках окклюменции. Он не отвёл взгляда, но смотрел на Снейпа, пока тот не отвернулся в сторону.

– Сейчас вы разделитесь на пары, – продолжил Снейп. – Один партнёр будет пытаться сглазить другого, *не произнося ни звука*. Другой будет пытаться отбить сглаз, *также молча*. Вперёд.

Снейп, конечно, не знал, что Гарри в прошлом году научил по крайней мере половину класса (всех, кто был членом ДА) производить Щитовые чары. Правда, никто из них никогда не производил этого заклинания молча. Поэтому многие слегка жульничали – просто-напросто шептали заклинание, а не произносили вслух. Разумеется, уже спустя десять минут Гермионе удалось отразить прошептаный Невиллом Желеногий сглаз, не произнеся ни единого слова, – подвиг, за который она непременно удостоилась бы двадцати очков в пользу Гриффиндора от любого нормального учителя (распаял себя Гарри), но который был полностью проигнорирован Снейпом. Пока ученики практиковались, Снейп скользил между

ними, как обычно смахивая на летучую мышь-переростка, и наконец задержался, чтобы понаблюдать за стараниями Гарри и Рона.

Предполагалось, что Рон должен был попытаться сглазить Гарри. Его лицо от напряжения приобрело фиолетовый оттенок, губы были плотно сжаты, чтобы противостоять искушению прошептать заклинание. Гарри поднял волшебную палочку, напружинившись, готовый отбить любой сглаз; только вот непохоже было, чтобы этот сглаз на него обрушился.

– Безнадёжно, Уизли, – произнёс Снейп спустя некоторое время. – Смотри – сейчас я покажу...

Он направил свою палочку на Гарри так быстро, что тот среагировал инстинктивно; все мысли о невербальных заклинаниях вылетели у него из головы, и он выкрикнул:

– *Protego!*

Его Щит оказался настолько силён, что Снейп потерял равновесие, отлетел и ударился о стол. Класс разом обернулся и уставился на Снейпа, когда тот, сердито глядя на всех, начал подниматься.

– Не припоминаешь ли ты, что я говорил, что мы практикуемся в *невербальных* заклинаниях, Поттер?

– Да, – твёрдо ответил Гарри.

– Да, *сэр*.

– Вам не обязательно называть меня «сэром», профессор, – вырвалось у Гарри, прежде чем он сообразил, что говорит. Несколько человек, включая Гермиону, ахнули. Зато за спиной Снейпа Рон, Дин и Шеймас одобрительно улыбнулись.

– Наказание, в субботу вечером, в моём кабинете, – процедил Снейп. – Я не терплю наглости ни от кого, Поттер... даже от «*Избранного*».

– Это было круто, Гарри! – ликовал Рон, когда некоторое время спустя они шли на перерыв.

– На самом деле тебе не следовало так говорить, – сказала Гермиона, хмуро покосившись на Рона. – Что за муха тебя укусила?

– Он пытался меня сглазить, на случай если ты не заметила! – кипел Гарри. – Я этого *вот так* наелся во время прошлогодних уроков окклюменции! Почему бы ему для разнообразия не выбрать себе другую морскую свинку? И вообще, в какие игры играет Дамблдор, позволяя ему преподавать защиту? Вы слышали, как он говорил про Тёмные искусства? Да он их обожает! Вся эта *непостоянная, неуничтожимая* фигня...

– Ну... – задумчиво произнесла Гермиона, – мне показалось, он говорил примерно как ты.

– Как *я*?

– Да, когда ты рассказывал нам, на что это похоже – стоять лицом к лицу с Волдемортом. Ты говорил, что тут недостаточно просто запомнить кучу заклинаний, всё решаешь ты сам, твои мозги, твой характер – разве это не то же, что говорил Снейп? Что на самом деле главное – быть смелым и быстро соображать?

Гарри был настолько обезоружен тем, что Гермиона сочла его слова столь же достойными запоминания, как и «Стандартную книгу заклинаний», что даже не стал спорить.

– Гарри! Эй, Гарри!

Гарри обернулся; к нему торопливо направлялся Джек Слоупер, один из загонщиков прошлогодней квиддичной команды Гриффиндора; в руках он сжимал свиток пергамента.

– Это тебе, – запыхавшись, выдал Слоупер. – Слушай, я узнал, что ты новый капитан. Когда устроишь просмотр?

– Пока точно не знаю, – ответил Гарри, думая про себя, что Слоуперу жутко повезёт, если он снова отберётся в команду. – Я тебе сообщу.

– А, ладно. А я надеялся, что он будет в эти выходные...

Но Гарри его не слушал; он как раз узнал бисерный, косой почерк на пергаменте. Покинув Слоупера на середине фразы, он вместе с Роном и Гермионой поспешил прочь, на ходу разворачивая свиток.

*«Дорогой Гарри,
Мне хотелось бы начать наши индивидуальные занятия в эту субботу. Пожалуйста,
приди в мой кабинет в 8 вечера. Надеюсь, первый день нового года в школе тебе нравится.*

С глубоким уважением,

Альбус Дамблдор

P.S. Я обожаю кислотные леденцы.»

– Он обожает кислотные леденцы? – недоумённо переспросил Рон, читавший послание через плечо Гарри.

– Это пароль, чтобы пройти мимо горгулий к его кабинету, – тихо ответил Гарри. – Ха! Снейп не будет в восторге... Мне придётся пропустить наказание!

До конца перерыва он вместе с Роном и Гермионой фантазировал на тему того, чему же будет Дамблдор обучать Гарри. Рон полагал, что это, скорее всего, будут какие-нибудь потрясающие глазы и порчи, неизвестные Пожирателям Смерти. На это Гермиона заметила, что такие вещи незаконны, и более вероятно, что Дамблдор хочет обучать Гарри продвинутой защитной магии. После перерыва она удалилась на занятия арифмантикой, а Гарри с Роном вернулись в общую комнату и нехотя приступили к домашнему заданию, выданному Снейпом. Задание оказалось настолько сложным, что они не успели завершить его к обеду. После обеда у них было очередное окно, и к ним присоединилась Гермиона, что значительно ускорило дело. Они только-только успели закончить, когда прозвонил звонок на двоянные зелья, и они двинулись по знакомому пути в подземелье – в классную комнату, которую так долго занимал Снейп.

Когда Гарри, Рон и Гермиона пришли в коридор перед классом, они обнаружили, что обучение на КРОТа продолжает лишь дюжина учеников. Крэбб и Гойл, очевидно, не смогли получить нужные оценки СОВ, но четверым слизеринцам это удалось, в том числе Малфою. Кроме того, там были четыре ученика Рэйвенкло и один из Хаффлпаффа – Эрни Макмиллан, который всегда нравился Гарри, несмотря на его несколько напыщенные манеры.

– Гарри, – важно произнёс Эрни, протягивая руку навстречу приближающемуся Гарри, – мне не представилась возможность поговорить сегодня утром во время занятия по защите от

Тёмных искусств. Хороший урок, мне представляется, хотя, конечно, для нас, старых волков из ДА, Щитовые чары – пройденный этап. А как ваши дела, Рон, Гермiona?

Однако, прежде чем они смогли в ответ произнести что-либо помимо «нормально», дверь подземелья открылась, и через неё выплыло сперва брюхо Слагхорна, затем он сам. Когда ученики начали заполнять комнату, его моржовые усы изогнулись в широкой улыбке; с особым энтузиазмом он поприветствовал Гарри и Забини.

В отличие от всех прошлых раз, подземелье уже было наполнено испарениями и необычными ароматами. Гарри, Рон и Гермiona с интересом принялись, проходя мимо больших котлов с пузырящимся содержимым. Четвёрка слизеринцев села вместе за один стол; четверо учеников Рэйвенкло сделали то же самое. В результате Гарри, Рон и Гермiona поделили третий стол с Эрни. Они выбрали стол рядом с золотого цвета котлом, испускавшим один из самых соблазнительных ароматов, какие Гарри доводилось вдыхать. Запах напоминал одновременно пирог с патокой, аромат деревянной рукояти метлы и что-то цветочное, что он, кажется, вдыхал в Норе. Он начал дышать очень медленно и глубоко; он почувствовал, что запах зелья наполняет его, как жидкость. Гарри погрузился в состояние полного удовлетворения; он улыбнулся Рону, тот лениво улыбнулся в ответ.

– Так, так, так, – сказал Слагхорн, чей огромный контур колыхался в мареве испарений. – Достаём весы, все, и наборы для зельеварения, и не забудьте достать свои экземпляры «Продвинутого зельеварения».

– Сэр? – поднял руку Гарри.

– Гарри, мо'мальчик?

– У меня нет ни книги, ни весов, ни всего остального – и у Рона тоже – мы не знали, что сможем заниматься на КРОТа, понимаете...

– А, да, профессор МакГонаггал действительно упоминала... Не волнуйся, мой дорогой, совершенно не волнуйся. Сегодня вы можете использовать ингредиенты из здешнего хранилища, и мы точно сможем одолжить вам весы, и у нас тут есть небольшой запас старых книг – этого хватит, пока вы не напишете во «Флориш и Блоттс»...

Слагхорн подошёл к шкафу в углу комнаты и после минутного исследования его недр появился оттуда с двумя весьма потрёпанными учебниками «Продвинутого зельеварения» Либатиуса Бораджа, которые и вручил Гарри и Рону вместе с двумя наборами старых потускневших весов.

– Итак, – повторил Слагхорн, снова заняв позицию перед учениками, и выпятил свою и без того выдающуюся грудь, что явно грозило ему лишением пуговиц жилета. – Я приготовил несколько зелий, чтобы вы на них взглянули, чисто ради интереса, ну вы понимаете. Такого типа вещи вы сами должны уметь делать после сдачи экзаменов КРОТ. Вы уже должны были слышать про них, даже если и не делали их сами. Кто-нибудь может мне сказать, что это такое?

Он указал на ближайший к столу Слизерина котёл. Гарри слегка приподнялся на своём месте и увидел выкипающую из котла, на первый взгляд, обычную воду.

Гермiona доведённым до автоматизма жестом взметнула руку вверх, прежде чем это успел сделать кто-либо ещё; Слагхорн указал на неё.

– Это Веритасерум⁴⁴, жидкость без цвета и запаха, заставляющая того, кто её выпьет, говорить только правду, – отбарабанила Гермиона.

– Очень хорошо, очень хорошо! – похвалил Слагхорн. – Теперь, – продолжил он, показывая рукой на котёл близ стола Рэйвенкло, – это зелье отлично известно... недавно упоминалось во многих буклетах Министерства... Кто может?..

Рука Гермиона вновь опередила всех.

– Это Многосущное зелье, сэр.

Гарри также узнал слабо пузырящуюся грязеподобную субстанцию во втором котле, но предоставил Гермионе честь ответить на этот вопрос; в конце концов, это она смогла сделать Многосущное зелье на втором курсе.

– Отлично, отлично! Ну, и наконец это... Да, моя дорогая? – со слегка ошеломлённым видом спросил он у Гермионы, чья рука снова пронзила воздух.

– Это Амортентия!

– Совершенно точно. Вряд ли стоит спрашивать, – добавил явно впечатлённый Слагхорн, – я думаю, вы знаете, что оно делает?

– Это самое сильное любовное зелье в мире! – ответила Гермиона.

– Абсолютно верно! Я полагаю, вы узнали его по отчётливому жемчужному сиянию?

– А ещё по пару, поднимающемуся в виде характерной спирали, – с энтузиазмом начала перечислять Гермиона. – И оно должно пахнуть для каждого по-разному, в зависимости от того, что его привлекает, а я чувствую запах свежескошенной травы, и нового пергамента, и... – тут она слегка покраснела и не закончила фразу.

– Могу ли я узнать ваше имя, моя дорогая? – спросил Слагхорн, не обращая внимания на смущение Гермионы.

– Гермиона Грейнджер, сэр.

– Грейнджер? Грейнджер? Не родственница ли вы Гектору Дагворту-Грейнджеру, основателю Экстраординарного Сообщества Зельеваров?

– Нет, сэр, вряд ли. Видите ли, я магглорождённая.

Гарри заметил, как Малфой склонился к Нотту и что-то прошептал; оба ухмыльнулись. Слагхорн, однако, не был разочарован; напротив, он широко улыбнулся и перевёл взгляд с Гермионы на сидящего рядом с ней Гарри.

– Ага! *«Одна из моих лучших друзей магглорождённая, и она лучшая на нашем курсе!»* Я полагаю, это и есть тот друг, о котором ты говорил, Гарри?

– Да, сэр.

– Ну что ж, получите для Гриффиндора честно заработанные двадцать очков, мисс Грейнджер, – сердечно сказал Слагхорн.

Малфой выглядел совсем как в тот раз, когда Гермиона ударила его по лицу. Гермиона повернула сияющее лицо в сторону Гарри и прошептала:

– Ты правда сказал ему, что я лучшая на всём курсе? О, Гарри!

⁴⁴ Veritaserum – в переводе с латыни «сыворотка правды»

– Ну а что в этом такого впечатляющего? – прошептал Рон, выглядящий почему-то раздосадованным. – Ты *действительно* лучшая на всём курсе – я бы тоже так ему сказал, если бы он меня спросил!

Гермиона улыбнулась, но тут же приложила палец к губам, чтобы они могли слышать, что говорит Слагхорн. Рон, похоже, слегка рассердился.

– Амортентия, разумеется, не создаёт *любовь*. Произвести или имитировать любовь невозможно. Нет, она просто создаёт слепое влечение, одержимость. Вероятно, это самое опасное и сильное зелье в этой комнате – о да, – добавил он, серьёзно кивнув скептически усмехавшимся Малфою и Нотту, – когда вы повидаете в жизни столько же, сколько я, вы не будете недооценивать силу навязанной любви... А теперь нам пора приступить к работе.

– Сэр, вы не рассказали нам, что там? – спросил Эрни Макмиллан, показывая на маленький чёрный котёл, стоящий на столе Слагхорна. Внутри котла весело плескалось зелье цвета расплавленного золота; большие капли скользили над его поверхностью подобно летучим рыбам, но ни капли не проливалось.

– Ага! – снова воскликнул Слагхорн. Гарри был уверен, что Слагхорн отнюдь не забыл про это зелье и только ждал, когда кто-нибудь спросит, для какого эффекта. – Да. Это. Что ж, *это*, леди и джентльмены, чрезвычайно любопытное зельице под названием Феликс Фелицис⁴⁵. Я так понимаю, – он повернулся к громко ахнувшей Гермионе, – что вы знаете, что делает Феликс Фелицис, мисс Грейнджер?

– Это жидкая удача! – возбуждённо ответила Гермиона. – Она делает вас везучим!

Весь класс ощутимо напрягся. Теперь единственной частью Малфоя, которую видел Гарри, был белобрысый гладковолосый затылок, ибо тот наконец-то уделил Слагхорну всё своё внимание.

– Совершенно верно, ещё десять очков в пользу Гриффиндора. Да, это забавное зельице называется Феликс Фелицис. Невероятно трудно его приготовить, и просто катастрофа будет, если приготовить неправильно. Однако если его сварить правильно, как вот это, вы обнаружите, что все ваши начинания оказываются успешными... по крайней мере, пока эффект не выветрится.

– Почему люди не пьют его всё время, сэр? – нетерпеливо спросил Терри Бут.

– Потому что в случае передозировки оно приводит к легкомыслию, безрассудству и опасной самоуверенности. Слишком много хорошего, знаете ли... тоже бывает опасно. Но если принимать с осторожностью и в очень редких случаях...

– А вы его когда-нибудь принимали, сэр? – с большим интересом спросил Майкл Корнер.

– Два раза за всю жизнь, – ответил Слагхорн. – Первый раз, когда мне было двадцать четыре, второй раз – в пятьдесят семь. Две столовых ложки после завтрака. Два превосходных дня.

Он мечтательно уставился в пространство. Играл ли он на публику или нет, думал Гарри, эффект был потрясающий.

⁴⁵ Felix felicis. Felix – по латыни «везучий».

– И именно это, – неожиданно добавил Слагхорн, по-видимому, вернувшись с небес на землю, – я предлагаю в качестве приза на сегодняшнем занятии.

Класс мгновенно окутало такое молчание, что каждое бульканье окружающих зелий казалось усиленным десятикратно.

– Крохотная бутылочка Феликс Фелицис, – сказал Слагхорн, доставая из кармана маленький пузырёк, закрытый пробкой, и показывая его всему классу. – Достаточно для двенадцатичасового везения. От рассвета до заката удача будет сопутствовать вам во всём, что вы предпримете.

Но сперва я должен вас предупредить, что Феликс Фелицис запрещён на всех организованных конкурсах и состязаниях: спортивных мероприятиях, к примеру, экзаменах, выборах. Так что победитель должен использовать его исключительно в обычный день... и смотреть, как этот обычный день становится совершенно необычным!

Итак, – неожиданно бодрым голосом завершил он свою речь, – что вам нужно сделать, чтобы выиграть этот сказочный приз? Ну, для начала – открыть страницу десять «Продвинутого зельеварения». У нас осталось чуть больше часа, и к этому времени вы должны попытаться приготовить приличного качества Глоток Живой Смерти. Я знаю, что это более сложное задание, чем всё, что вы делали раньше, и ни от кого из вас я не требую совершенного зелья. Однако тот, у кого получится лучше всех, выиграет этот маленький Феликс. Поехали!

Подземелье наполнилось скрипом пододвигаемых котлов и бряканьем гирек на весах, но только не звуком голосов. Напряжение в комнате было почти осязаемым. Гарри заметил, как Малфой лихорадочно листает своё «Продвинутое зельеварение». Не приходилось сомневаться, что Малфою действительно был очень нужен этот удачный день. Гарри быстро склонился над задрипанной книгой, данной ему Слагхорном.

К своему разочарованию, он обнаружил, что предыдущий владелец книги исписал все страницы, так что поля по цвету были неотличимы от текста. Низко склоняясь над книгой, Гарри с трудом разобрал необходимые ингредиенты (даже здесь предыдущий владелец что-то вписывал между строк и что-то вычёркивал) и торопливо направился к шкафу, чтобы взять нужные. Стремительно возвращаясь обратно к своему котлу, Гарри увидел, как Малфой со страшной скоростью нарезает корни валерианы.

Все ученики то и дело поглядывали, как идут дела у других; удержать свою работу в тайне от остальных было совершенно невозможно, что являлось преимуществом и одновременно недостатком уроков зелий. Не прошло и десяти минут, как всё помещение было наполнено голубоватым дымом. Гермиона, разумеется, продвинулась дальше других. Её зелье уже походило на упомянутую в книге как идеальный промежуточный результат «однородную жидкость цвета чёрной смородины».

Закончив нарезать корни, Гарри вновь склонился над книгой. Его жутко раздражала необходимость расшифровывать инструкции, продираясь сквозь тупые заметки предыдущего владельца. Тот по какой-то одному ему ведомой причине оспорил указание разрезать сопофорный боб и вписал альтернативную инструкцию:

«Раздавить боковиной серебряного кинжала, сок выделяется лучше, чем при резке.»

– Сэр, я думаю, вы знали моего дедушку, Абрахаса Малфоя? – Гарри поднял голову; Слагхорн как раз проходил мимо стола Слизерина.

– Да, – ответил Слагхорн, не взглянув на Малфоя, – мне было очень жаль услышать, что он умер, хотя, конечно, нельзя сказать, что это было неожиданностью, драконка⁴⁶ в его-то возрасте... – и с этими словами он отошёл от стола. Гарри с усмешкой снова клонился над котлом. Малфой явно ожидал, что Слагхорн будет относиться к нему, как к Гарри или Забини; возможно, он даже надеялся на какие-нибудь поблажки, к которым он привык у Снейпа. Однако всё шло к тому, что Малфою для выигрыша пузырька Феликс Фелицис придётся полагаться исключительно на свой талант.

Разрезать сопофорный боб оказалось чертовски трудно. Гарри повернулся к Гермионе.

– Можно я возьму твой серебряный нож?

Она нетерпеливо кивнула, не отрывая взгляда от своего зелья; зелье по-прежнему оставалось тёмно-фиолетовым, хотя, согласно книге, к этому моменту уже должно было приобрести лёгкий лиловый оттенок.

Гарри придавил боб боковиной ножа. К его изумлению, боб немедленно исторг такое количество сока, наличие которого трудно было заподозрить в этой маленькой скрюченной штучке.

Быстро слив весь сок в котёл, Гарри обнаружил, к своему удивлению, что зелье тут же приобрело тот самый лиловый оттенок, который был описан в учебнике.

Раздражение Гарри в отношении предыдущего хозяина книги испарилось немедленно; Гарри глянул на следующую строку. Согласно учебнику, он должен был помешивать против часовой стрелки, пока зелье не станет бесцветным, как вода. Однако согласно дополнению, сделанному предыдущим владельцем, ему следовало совершить один оборот по часовой стрелке после каждых семи оборотов против. Мог ли старый владелец оказаться правым и второй раз?

Гарри помешал против часовой стрелки, затаил дыхание и добавил один оборот по часовой. Результат не заставил себя ждать: зелье сменило цвет на бледно-розовый.

– Как ты это сделал? – требовательно спросила Гермиона; лицо её покраснелось, волосы распушались всё сильнее и сильнее под действием испарений от её котла. Её зелье по-прежнему упрямо оставалось фиолетовым.

– Один раз крутани по часовой...

– Нет, нет – в книге написано против! – резко ответила она.

Гарри пожал плечами и продолжил делать что делал. Семь оборотов против часовой, один по часовой, пауза... семь оборотов против часовой, оборот по часовой...

На другом конце стола Рон непрерывно чертыхался себе под нос; его зелье по цвету смахивало на жидкую лакрицу. Гарри огляделся. Насколько он мог видеть, ни у кого зелье не стало таким светлым, как у него. Он почувствовал воодушевление – нечто, чего с ним никогда ещё не случалось в этом подземелье.

– И-и – закончили! – провозгласил Слагхорн. – Прекратили мешать, пожалуйста!

⁴⁶ Dragon pox. Дословно, вообще-то, это «драконий сифилис». Но, поскольку это детская болезнь, и вряд ли она имеет какое-либо отношение к сифилису, я перевёл название по аналогии с ветрянкой – chicken pox.

Слагхорн медленно пошёл между столами, заглядывая в котлы. Он не произносил ни слова, но время от времени помешивал или нюхал то или иное зелье. Наконец, он достиг стола, за которым сидели Гарри, Рон, Гермиона и Эрни. Он сочувственно улыбнулся, глянув на смолоподобную субстанцию в котле Рона. Прошёл мимо тёмно-синего варева Эрни. Одобрительно кивнул при виде зелья Гермионы. Затем он увидел творение Гарри, и лицо его выразило невероятный восторг.

— А вот и победитель! — провозгласил он на всё подземелье. — Великолепно, великолепно, Гарри! Боже мой, ты определённо унаследовал талант своей матери. У Лили, у неё была лёгкая рука в том, что касалось зелий! Вот она, вот она — твоя бутылочка Феликс Фелицис, как я и обещал, и желаю тебе применить её с пользой!

Гарри погрузил крошечный пузырёк, наполненный золотистой жидкостью, во внутренний карман, ощущая странную смесь восторга (при виде яростных физиономий слизеринцев) и вины (при взгляде на явно разочарованную Гермиону). Рон выглядел просто ошеломлённым.

— Как тебе это удалось? — шёпотом спросил он у Гарри, когда они покидали подземелье.

— Повезло, я полагаю, — ответил Гарри, удостоверившись, что Малфой был в пределах слышимости.

Однако как только они уютно устроились на ужин за гриффиндорским столом, он решил, что их положение сейчас достаточно безопасно, и всё рассказал. С каждым словом лицо Гермионы становилось всё более каменным.

— Наверно, думаешь, что я сжульничал? — закончил он, раздосадованный её выражением лица.

— Ну, это же не была полностью твоя работа, не так ли? — жёстко сказала она.

— Он же просто следовал другим инструкциям, не тем, что мы, — вступился за него Рон. — Могло ведь закончиться катастрофой, скажешь нет? Но он рискнул, и это окупилось, — он тяжело вздохнул. — Слагхорн вполне мог дать мне эту книгу, но нет, я получил ту, в которой никто никогда не писал. *Блевал* на неё, судя по пятьдесят второй странице, но...

— Погоди-ка, — произнёс голос прямо за левым ухом Гарри, и он неожиданно ощутил волну того самого цветочного аромата, который почувствовал в подземелье Слагхорна. Он обернулся и увидел, что к ним присоединилась Джинни. — Правильно ли я расслышала? Гарри, ты исполнял какие-то приказы, которые кто-то написал в книге?

Она выглядела встревоженной и сердитой. Гарри мгновенно догадался, о чём она думает.

— Ничего такого, — успокаивающе ответил он, понизив голос. — Ничего общего с дневником Риддла. Просто старый учебник, на котором кто-то что-то написал.

— Но ты делал то, что там написано?

— Я всего лишь попробовал пару подсказок, написанных на полях, Джинни, ей-богу — там ничего такого странного нет.

— Джинни верно ухватила, — сразу воспряла духом Гермиона. — Нам надо проверить, действительно ли там ничего странного нет. В смысле, все эти забавные инструкции... Мало ли что?

– Эй! – недовольно воскликнул Гарри, когда она вдруг выхватила его «Продвинутое зельеварение» у него из сумки и подняла волшебную палочку.

– *Specialis Revelio!* – произнесла она, быстро стукнув переднюю обложку книги палочкой. Ничего сколь-нибудь заметного не произошло. Книга просто лежала на месте, всё такая же старая и грязная, с загнутыми уголками страниц, как и раньше.

– Ты закончила? – раздражённо спросил Гарри. – Или ты хочешь ещё немного подождать, вдруг она решит сделать пару сальто?

– Вроде всё в порядке, – сказала Гермиона, по-прежнему сверля книгу подозрительным взглядом. – В смысле, это, похоже, действительно... просто учебник.

– Вот и хорошо. Тогда я её заберу, – Гарри схватил книгу, но она выскользнула у него из рук и упала на пол. Никто не обернулся. Гарри нагнулся, чтобы забрать книгу, и тут он заметил нечто, написанное внизу на задней стороне обложки тем же самым мелким неровным почерком, что и указания, благодаря которым он выиграл пузырёк Феликс Фелицис (в настоящее время надёжно спрятанный в паре носков в его сундуке наверху):

«Эта книга является собственностью Принца-Полукровки».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ДОМ ГОНТА

Всю неделю во время занятий зельями Гарри следовал инструкциям Принца-Полукровки каждый раз, когда они расходились с указаниями Либатнуса Бораджа. В результате к четвёртому занятию Слагхорн с энтузиазмом разглагольствовал о способностях Гарри, заявляя во всеуслышание, что никогда ещё ему не приходилось учить кого-либо столь же талантливого. Ни Рон, ни Гермиона не были особо довольны таким положением дел. Хотя Гарри и предложил им обоим поделиться с ними книгой, но Рон с гораздо бóльшим трудом, нежели Гарри, разбирал трудный почерк, а просить Гарри читать вслух он не мог – это выглядело бы подозрительно. Гермиона же решительно придерживалась, как она говорила, «официальных» инструкций, а поскольку они стабильно приводили к худшим результатам, чем указания Принца, настроение её портилось всё сильнее.

Гарри часто рассеянно размышлял, кем бы мог быть этот Принц-Полукровка. Хотя им давали столько домашних заданий, что у Гарри не было возможности прочесть свой экземпляр «Продвинутого зельеварения» от корки до корки, он пролистал его по диагонали; этого было достаточно, чтобы понять, что во всей книге вряд ли нашлась бы страница, на которой Принц не оставил бы своих комментариев, причём далеко не все они относились к зельеварению. То здесь, то там ему попадались инструкции, напоминающие заклинания, которые Принц изобрёл сам.

– Или сама, – раздражённо произнесла Гермиона, подслушав, как Гарри в субботу вечером показывал некоторые из них Рону. – Это вполне могла быть девушка. Почерк, мне кажется, скорее женский, чем мужской.

– Его звали *Принц*-Полукровка, – возразил Гарри. – Сколько девушек, по-твоему, могло быть принцами?

На это у Гермионы, похоже, не нашлось что ответить. Она просто кинула на него сердитый взгляд и отёрнула свой обзор «Принципы рематериализации» подальше от Рона, пытавшегося прочитать его вверх ногами.

Гарри посмотрел на часы и поспешно запихнул своё старое «Продвинутое зельеварение» обратно в сумку.

– Уже без пяти восемь, мне пора, а то я опоздаю к Дамблдору.

– Ооох! – Гермиона сразу забыла, что сердится на Гарри. – Давай, удачи! Мы тебя обязательно дождёмся, мы хотим узнать, чему он тебя учил!

– Надеюсь, всё пройдёт нормально, – напутствовал его Рон, и они оба проводили взглядом Гарри, пока тот уходил через дыру за портретом.

Гарри пробирался по опустевшим коридорам. Неожиданно из-за угла появилась профессор Трелони, тасовавшая колоду замызганных игральные карт и бормотавшая себе под нос то, что она в них прочитала. Гарри быстро спрятался за статуей.

– Двойка пик: конфликт, – пробормотала она, проходя мимо укрытия, где скрючился Гарри. – Семёрка пик: плохое знамение. Валет пик: темноволосый молодой человек, возможно в беде, который не любит вопрошающего...

Она остановилась как вкопанная прямо перед Гарриной статуей.

– Нет, такого не может быть, – раздражённо сказала Трелони, и Гарри услышал, как она, ожесточённо перетасовывая колоду, удаляется. После неё в воздухе остался слабый запах шерри. Гарри подождал, пока не убедился окончательно, что он снова один, затем вновь припустил до горгульи у стены на восьмом этаже.

– Кислотные леденцы, – произнёс Гарри, и горгулья отскочила в сторону; стена за её спиной отодвинулась, открыв движущуюся каменную винтовую лестницу. Гарри ступил на лестницу и в несколько плавных витков был перенесён к двери кабинета Дамблдора с медным молоточком на ней.

Гарри постучал.

– Войдите, – откликнулся голос Дамблдора.

– Добрый вечер, сэр, – поздоровался Гарри, входя в кабинет директора.

– А, добрый вечер, Гарри, садись, – улыбнулся Дамблдор. – Я надеюсь, у тебя была приятная первая неделя?

– Да, сэр, спасибо.

– У тебя, должно быть, было много дел, в твоём послужном списке уже есть одно наказание!

– Э... – Гарри почувствовал себя неловко, но Дамблдор не выглядел особо строгим.

– Я договорился с профессором Снейпом о переносе твоего наказания на следующую субботу.

– Хорошо, – сказал Гарри, в голове которого вертелись более насущные проблемы, чем наказание у Снейпа, и исподтишка огляделся в поисках подсказки, что именно Дамблдор собирался делать вместе с ним в этот вечер. Круглый кабинет выглядел точь-в-точь как обычно; на столиках с витыми ножками стояли хрупкие серебряные инструменты, испуская дымок и жужжание; портреты предыдущих директоров и директрис сонно посапывали в своих рамах; а Фокс, великолепный феникс Дамблдора, сидел на своей жёрдочке возле двери, с интересом поглядывая на Гарри. Непохоже было, чтобы Дамблдор расчистил место для дуэльной практики.

– Итак, Гарри, – деловым голосом произнёс Дамблдор, – я уверен, что тебе интересно, что я запланировал для наших с тобой... за отсутствием лучшего термина назовём их уроками?

– Да, сэр.

– Что ж, я решил, что теперь, когда ты узнал, что заставило Лорда Волдеморта попытаться убить тебя пятнадцать лет назад, пришло время сообщить тебе некоторую информацию.

Последовала пауза.

– Вы говорили в конце прошлого года, что рассказали мне всё, – сказал Гарри, с трудом подавив нотку обвинения в голосе. – Сэр, – добавил он.

– И это было именно так, – спокойно ответил Дамблдор. – Я рассказал тебе всё, что знал. С этого момента мы покинем прочный фундамент фактов и углубимся сквозь мрачные болота воспоминаний в джунгли чистых гипотез. Здесь, Гарри, я могу быть столь же катастрофически неправым, как Хамфри Белчер, полагавший, что отличной идеей будет съесть целый котелок сыра.

– Но вы думаете, что вы правы? – спросил Гарри.

– Вообще-то да, но, как ты уже видел, мне случается совершать ошибки, как любому человеку. Фактически, поскольку я – извини за нескромность – несколько умнее, чем средний человек, мои ошибки имеют тенденцию оказываться соответственно крупнее.

– Сэр, – осторожно спросил Гарри, – имеет ли то, что вы собираетесь мне рассказать, какое-либо отношение к пророчеству? Поможет ли мне это... выжить?

– Это имеет огромное отношение к пророчеству, – произнёс Дамблдор столь же обыденным голосом, как если бы Гарри спросил его о погоде на завтра, – и я определённо надеюсь, что это поможет тебе выжить.

Дамблдор поднялся на ноги и обошёл стол, пройдя мимо Гарри; тот развернулся на месте, чтобы иметь возможность увидеть, как Дамблдор нагнулся над шкафчиком у двери. Когда Дамблдор вновь выпрямился, в его руках была знакомая неглубокая каменная чаша с загадочными отметками вокруг обода. Он поместил ситодум⁴⁷ на стол перед Гарри.

– У тебя встревоженный вид.

Гарри на самом деле взирал на ситодум с определённым опасением. Его предыдущее общение с этим загадочным предметом, хранившим и демонстрировавшим мысли и воспоминания, было столь же неприятным, сколь информативным. Последний раз, когда он сунул нос в его содержимое, он увидел гораздо больше, чем ему бы хотелось. Однако Дамблдор просто улыбнулся.

– На сей раз ты войдёшь в ситодум вместе со мной. И, что ещё более необычно, не без разрешения.

– Куда мы направимся, сэр?

– Мы прогуляемся через воспоминание Боба Огдена, – ответил Дамблдор, извлекая из кармана хрустальную бутылочку, наполненную вихрящейся серебристо-белой субстанцией.

– А кто был этот Боб Огден?

– Он был служащим департамента Поддержания магического правопорядка. Он скончался некоторое время назад, но не раньше, чем я его нашёл и убедил верить мне это воспоминание. Сейчас мы будем сопровождать его во время одного визита, который он нанёс, выполняя свои служебные обязанности. Будь любезен, Гарри, встань...

Однако тут же у Дамблдора возникли проблемы с открыванием затычки хрустальной бутылочки; травмированная рука плохо гнулась и, похоже, болела.

– Можно – можно я, сэр?

– Ничего, Гарри...

Дамблдор указал на бутылку своей волшебной палочкой, и пробка выскочила наружу.

⁴⁷ Pensieve. Слово включает в себя два корня: pensive (задумчивый) и sieve (сито, решето).

– Сэр... как вы повредили руку? – снова спросил Гарри, глядя на чёрные пальцы со смесью отвращения и жалости.

– Сейчас для этой истории не самое подходящее время, Гарри. Пока нет. Сейчас у нас встреча с Бобом Огденом.

Дамблдор вылил содержимое бутылочки тонкой струйкой в ситодум, где оно тут же закружилось, таинственно мерцая, не то жидкое, не то газообразное.

– После тебя, – Дамблдор жестом пригласил Гарри. Гарри наклонился над чашей, сделал глубокий вдох и окунул лицо в серебристую субстанцию. Тут же он почувствовал, как его ноги оторвались от пола кабинета; он падал, падал в водоворот темноты; затем неожиданно в глаза его ударил ослепительный солнечный свет. Прежде чем Гарри проморгался и привык к свету, рядом с ним приземлился Дамблдор.

Они стояли на просёлочной дороге, окаймлённой с обеих сторон плотной живой изгородью, под ярким и голубым, словно незабудка, небом. Футах в десяти перед ними стоял невысокий тучный мужчина в очках с чрезвычайно сильными линзами, за которыми его глаза казались маленькими пятнышками, наподобие родинок. Он читал надпись на деревянном указателе, торчавшем из зарослей ежевики слева от дороги. Гарри понял, что это, должно, быть, Огден: это был единственный человек в пределах видимости, и он был странно одет, как обычно одеваются неискушённые колдуны, пытающиеся выглядеть как маглы (в данном случае – в сюртук и короткие гетры поверх купального костюма). Однако у Гарри не нашлось времени на что-то большее, чем констатация его причудливого внешнего вида, – Огден бодрым шагом двинулся вдоль дороги.

Дамблдор и Гарри последовали за ним. Проходя мимо деревянного указателя, Гарри кинул взгляд на две его стрелки. На той, что указывала в направлении, откуда они пришли, было написано: «*Грэйт-Хэнглтон, 5 миль*». На руке, указывавшей вслед Огдену, значилось: «*Литтл-Хэнглтон, 1 миль*».

Некоторое время они шли, не видя ничего, кроме живых изгородей, синего неба над головой и фигуры в сюртуке перед ними. Затем дорога изогнулась влево и начала круто спускаться с холма, так что перед ними внезапно открылся вид на долину, лежащую впереди. Гарри увидел деревушку (несомненно, Литтл-Хэнглтон), утнездившуюся между двумя крутыми холмами, увидел её церковь и кладбище. Через долину, на противоположном склоне холма, располагался изысканный особняк, окружённый широким бархатисто-зелёным газоном.

Спускаясь по склону, Огден вынужденно перешёл на рысцу. Дамблдор запагал более размашисто, и Гарри за ним с трудом поспевал. Он решил, что именно Литтл-Хэнглтон является их целью, и подивился, так же как и в ночь, когда они нашли Слагхорна, почему им надо было приближаться к цели с такого большого расстояния. Однако вскоре Гарри обнаружил, что ошибался, полагая, что они направляются в деревню. Дорога изогнулась вправо, и когда они дошли до поворота, то успели увидеть самый краешек сюртука Огдена, исчезающий в дыре изгороди.

Дамблдор и Гарри следом за ним ступили на узкую грязную тропу, окружённую более высокими и дикими живыми изгородями, чем те, что они оставили позади. Тропа оказалась

извилистой, с многочисленными рытвинами и камнями; она спускалась вниз с холма, как и предыдущая дорога, и направлялась она, похоже, к группе тёмных деревьев, виднеющейся чуть ниже. И действительно, вскоре тропа вышла к рощице, и Дамблдор с Гарри остановились непосредственно позади Огдена, стоявшего на месте и державшего наготове волшебную палочку.

Несмотря на безоблачное небо, старые деревья перед ними давали глубокую, тёмную, прохладную тень, и из-за этого Гарри лишь через несколько секунд разглядел строение, наполовину скрытое в переплетении стволов. На его взгляд, это был очень странный выбор места для дома, либо странное решение оставить деревья расти вокруг него, заслоняя свет и загораживая весь вид на долину внизу. Гарри подумал, не заброшен ли этот дом; стены были густо покрыты мхом, а с крыши отвалилось столько плиток, что сквозь дыры в черепице виднелись стропила. Всё вокруг заросло крапивой, макушки которой доставали до крохотных грязных окошек. Однако, едва Гарри пришёл к выводу, что никто здесь жить не может, одно из окон с треском отворилось, и из него выплыла тонкая струйка пара или дыма, словно внутри кто-то что-то готовил.

Огден тихо и, как показалось Гарри, довольно осторожно двинулся вперёд. Оказавшись в тёмной тени деревьев, он снова остановился и уставился на входную дверь, к которой кем-то была прибита дохлая змея.

Затем послышался шорох и треск, и с ближайшего дерева прямо под ноги Огдену свалился человек, одетый в тряпье. Он тут же поднялся на ноги; Огден от неожиданности шагнул назад настолько быстро, что наступил на фалду собственного сюртука и споткнулся.

— *Тебя сюда не звали.*

У стоявшего перед ними человека были густые волосы, настолько грязные, что невозможно было разобрать их естественный цвет. Во рту не хватало нескольких зубов. Маленькие тёмные глаза смотрели в разные стороны. Он мог бы выглядеть комично, но не выглядел; эффект был пугающий, и Гарри не мог винить Огдена за то, что он сделал несколько шагов назад, а потом уж заговорил.

— Э... доброе утро. Я из Министерства магии...

— *Тебя сюда не звали.*

— Э... извините... я вас не понимаю, — нервно произнёс Огден.

Гарри подумал, что Огден на редкость бестолков; по мнению Гарри, незнакомец выражался предельно ясно, особенно с учётом того, что в одной руке у него была волшебная палочка, а в другой — короткий окровавленный нож.

— Я уверен, что ты его понимаешь, Гарри? — тихо спросил Дамблдор.

— Да, конечно, — в лёгком замешательстве ответил Гарри. — А почему Огден не?..

Затем его взгляд вновь упал на дохлую змею на двери, и он понял.

— Он говорит на Рассеязе?

— Молодец, — с улыбкой кивнул Дамблдор.

Одетый в тряпье человек тем временем наступал на Огдена, держа в руках нож и палочку.

– Значит, смотрите... – начал Огден, но было поздно: послышался удар, и Огден оказался на земле, сжимая нос, а между его пальцев струилась отвратительная на вид желтоватая юшка.

– Морфин! – послышался громкий голос.

Из домика выскочил пожилой человек, громко хлопнув за собой дверь (дохлая змея закачалась). Этот человек был ниже, чем первый, и обладал странным телосложением: его плечи были очень широки, а руки чрезмерно длинны; вкупе с яркими карими глазами, коротким ёжиком волос и морщинистым лицом всё это создавало впечатление мощной старой гориллы. Он остановился возле человека с ножом, хихикавшим над лежащим на земле Огденом.

– Министерство, вот как? – спросил пожилой человек, глядя сверху вниз на Огдена.

– Именно так! – сердито ответил Огден, вытирая лицо. – А вы, насколько я понимаю, мистер Гонт?

– Угу. Что, двинул он вас по физиономии?

– Да! – резко сказал Огден.

– Должны были дать о себе знать заранее, ага? – агрессивно произнёс Гонт. – Это частная собственность. Пришли сюда просто так – не удивляйтесь, что мой сын защищается.

– Защищается от чего? – поинтересовался Огден, снова поднимаясь на ноги.

– От любителей лезть не в свои дела. От непрошенных гостей. От магглов и прочей швали.

Огден направил волшебную палочку на свой нос, всё ещё испускавший нечто напоминающее жёлтый гной, и поток тотчас же прекратился. Мистер Гонт уголком рта сказал Морфину:

– *Иди в дом. Не спорь.*

На этот раз Гарри был наготове и распознал Рассеяз сразу же; хотя он понимал произносимые слова, также он различал странные шипящие звуки – единственное, что мог слышать Огден. Морфин, похоже, был готов послушаться, но после угрожающего взгляда, кинутого на него отцом, передумал и проворно направился к дому странной развалистой походкой. Войдя в дом, он снова хлопнул дверь, заставив змею печально закачаться.

– Собственно, именно к вашему сыну я и пришёл, мистер Гонт, – объявил Огден, стерев с сюртука остатки гноя. – Это ведь был Морфин, так?

– Угу, Морфин, – индифферентно кивнул пожилой человек. – Вы чистокровный? – неожиданно агрессивным тоном спросил он.

– Не имеет отношения к делу, – холодно ответил Огден, и Гарри почувствовал, как его уважение к Огдену усиливается. Гонт, похоже, думал иначе. Он покосился на лицо Огдена и пробормотал явственно оскорбительным тоном:

– Если подумать – я видел такие же носы, как ваш, внизу в деревне.

– Не сомневаюсь в этом, если ваш сын может свободно на них нападать, – отбрил Огден. – Возможно, мы продолжим разговор внутри?

– Внутри?

– Да, мистер Гонт. Я ведь уже сказал вам. Я здесь насчёт Морфина. Мы послали вам сову...

– Я не использую сов. И не открываю писем.

– Тогда вам вряд ли стоит жаловаться, что вас не предупреждают о визитах, – уколол его Огден. – Я пришёл сюда вследствие серьёзного нарушения колдовского закона, имевшего место здесь, сегодня рано утром...

– Ладно, ладно, ладно! – прорычал Гонт. – Идёмте в этот несчастный дом, хоть это и слишком много чести для вас!

Дом, похоже, состоял из трёх маленьких комнатушек. Из главной комнаты (служившей одновременно кухней и гостиной) вели две двери. Морфин сидел в грязном кресле близ огня, вертя между своими толстыми пальцами живую гадюку и мягко напевая ей на Рассеязе:

– Вейся, вейся, моя змейся
И с Морфином говори.
Если ты его обидишь,
Он прибьёт тебя к двери.

В углу близ открытого окна раздались шаркающие звуки, и Гарри осознал, что в комнате есть кто-то ещё – девушка в поношенном платье такого же серого цвета, что и стена позади неё. Она стояла рядом с грязной плитой, на которой стоял дымящийся горшок, и возилась с полкой, заставленной убогими на вид горшками и сковородками. Волосы у неё были гладкие и тусклые, лицо – некрасивое, бледное и глуповатое. Глаза её, как и у брата, заметно косили. Она выглядела немного более ухоженной, чем оба мужчины, но Гарри подумал, что он никогда раньше не встречал человека, выглядевшего столь потерянно.

– Дочь, Меропа, – нехотя буркнул Гонт в ответ на вопросительный взгляд Огдена.

– Доброе утро, – поздоровался Огден.

Она не ответила; кинув испуганный взгляд на отца, отвернулась и продолжила переставлять горшки на полке.

– Что ж, мистер Гонт, – сказал Огден. – К делу. Мы имеем основания считать, что ваш сын, Морфин, прошлой ночью применил магию в присутствии маггла.

Раздался грохот. Меропа уронила один из горшков.

– *Подбери обратно!* – рявкнул на неё Гонт. – Ну вот, ковыряешься на полу, как какой-то паршивый маггл, тебе палочка для чего, ты, бесполезный мешок дерьма?

– Мистер Гонт, пожалуйста! – потрясённым голосом воскликнул Огден. Меропа, уже подобравшая было горшок, пошла красными пятнами, снова его отпустила, дрожащей рукой извлекла из кармана волшебную палочку, направила её на горшок и поспешно пробормотала заклинание, которое Гарри не расслышал. Горшок рванулся по полу, словно выстреленный, вмазался в противоположную стену и раскололся надвое.

Морфин издал безумный смешок. Гонт завопил:

– Почини его, дубина безмозгая, почини!

Меропа, спотыкаясь, двинулась через комнату. Но прежде чем она успела вновь поднять волшебную палочку, Огден поднял свою и твёрдо произнёс:

– *Repairo*.

Горшок тут же восстановился.

У Гонта был такой вид, как будто он собирался заорать на Огдена, но передумал. Вместо этого он начал насмехаться над дочерью:

– Повезло тебе, что этот милый человек из Министерства здесь оказался, не правда ли? Может, он наконец избавит меня от тебя, может, ему нравятся грязные сквибы...

Ни на кого не глядя и не остановившись, чтобы поблагодарить Огдена, Меропа подобрала горшок и дрожащими руками поставила его обратно на полку. Затем она встала неподвижно, прижавшись спиной к стене между замызганным окном и плитой, словно желала провалиться сквозь эту стену.

– Мистер Гонт, – снова начал Огден, – как я уже сказал, мой визит вызван тем, что...

– Я и в первый раз вас расслышал, – отрезал Гонт. – И в чём дело? Морфин устроил одному магглу, что ему в голову пришло, так что с того?

– Морфин нарушил колдовской закон, – сурово произнёс Огден.

– «*Морфин нарушил колдовской закон*», – передразнил его Гонт, напыщенно выпевая слова (Морфин снова хихикнул). – Он преподавал урок поганому магглу, это что, теперь незаконно?

– Да. Боюсь, что так.

Он вытащил из внутреннего кармана маленький свиток пергамента и развернул его.

– Это ещё что, его приговор, что ли? – сердито повысил голос Гонт.

– Это вызов в Министерство на слушание...

– Вызов! *Вызов*? Да кто ты такой, вызывать моего сына куда-то там?

– Я глава отряда Поддержания магического правопорядка, – ответил Огден.

– А мы, по-твоему, шваль, так? – возопил Гонт и двинулся на Огдена, направив ему в грудь грязный палец, оканчивающийся жёлтым ногтем. – Шваль, которая прибежит в Министерство, как только оно прикажет? Да ты знаешь, с кем говоришь, ты, маленький поганый грязнокровка?

– У меня было впечатление, что я говорю с мистером Гонтом, – настороженно, но твёрдо сказал Огден.

– Вот именно! – проорал Гонт. Гарри показалось было, что Гонт сделал непристойный жест, но затем он понял, что Гонт совал Огдену под нос уродливое кольцо с чёрным камнем, надетое на его средний палец. – Видел это? Видел? Знаешь, что это? Знаешь, откуда оно? Веками оно было в нашей семье, вот какой древний наш род, и все чистокровные! Да ты знаешь, сколько мне за него предлагали, за это кольцо с выбитым в камне гербом Певерелла?

– Не имею ни малейшего представления, – Огден моргнул, когда кольцо пронеслось в дюйме от его носа, – и это не имеет никакого отношения к делу, мистер Гонт. Ваш сын совершил...

Издав яростное рычание, Гонт кинулся к своей дочери. Какое-то мгновение Гарри казалось, что он собирается её задушить – его рука рванулась к её горлу. В следующую секунду Гонт уже тянул Меропу к Огдену за золотую цепочку, надетую на её шею.

– Видишь? – крикнул Гонт, размахивая перед Огденом тяжёлым золотым медальоном, в то время как Меропа изо всех сил боролась за глоток воздуха; изо рта её стекала струйка слюны.

– Да вижу, вижу, – поспешно ответил Огден.

– Это *Слизерина!* – проорал Гонт. – Салазара Слизерина! Мы его прямые потомки, ну, что ты на это скажешь?

– Мистер Гонт, это же ваша дочь! – встревоженно произнёс Огден, но Гонт уже выпустил Меропу; та нетвёрдым шагом удалилась в свой угол, потирая шею и глотая воздух.

– Во как! – триумфально воскликнул Гонт, словно только что совершенно неопровержимо доказал сложнейшую теорему. – И нечего тебе тут говорить с нами, как будто мы грязь на твоих туфлях! Множество поколений чистокровных колдунов – что, нечем крыть?

После чего плюнул Огдену под ноги. Морфин ухмыльнулся. Съёжившаяся у окна Меропа молча повесила голову; волосы полностью закрыли её лицо.

– Мистер Гонт, – продолжил гнуть своё Огден. – Боюсь, что ни ваши, ни мои предки не имеют никакого отношения к вопросу, который мы сейчас обсуждаем. Я здесь из-за Морфина, Морфина и маггла, к которому он приставал прошлой ночью. Согласно нашей информации, – он мельком глянул на пергамент, – Морфин произвёл сглаз или порчу в отношении вышеупомянутого маггла, в результате чего последний весь покрылся чрезвычайно болезненными волдырями.

Морфин хихикнул.

– *Тише, малец!* – сердито проворчал Гонт на Рассеязе, и Морфин вновь затих.

– Ну а если и так, то что? – вызывающе произнёс Гонт, – я надеюсь, ты вытер грязное личико этому магглу, и память тоже протёр...

– Вы удаляетесь от темы, мистер Гонт, – перебил Огден. – Имело место неспровоцированное нападение на беззащитного...

– Ага, я сразу, как тебя увидел, понял, что ты магглолюб, – насмешливо заявил Гонт и снова плюнул под ноги Огдену.

– Эта дискуссия нас никуда не приведёт, – твёрдо сказал Огден. – По поведению вашего сына видно, что он не испытывает раскаяния в своих поступках, – он опять глянул в пергамент. – Морфину надлежит присутствовать на слушании четырнадцатого сентября, где ему будут предъявлены обвинения в применении магии в присутствии маггла и в причинении физического и морального вреда упомянутому магг-...

Огден прервался на полуслове. Сквозь открытое окно до них донеслось цоканье лошадиных копыт и громкий смех. Очевидно, извивающаяся по склону дорога в деревню проходила совсем рядом с рощицей, где располагался дом. Гонт замер, прислушиваясь, широко открытыми глазами. Морфин зашипел и повернулся в направлении звуков с голодным выражением лица. Меропа подняла голову. Гарри заметил, что в лице её не было ни кровинки.

– Боже, какое противное место! – девичий голос доносился сквозь окно так отчётливо, словно девушка стояла в комнате у них за спиной. – Том, неужели твой отец не мог приказать убрать этот сарай?

– Это не наш, – послышался в ответ голос молодого человека. – На той стороне долины всё принадлежит нам, а этот коттедж принадлежит одному старому бродяге по фамилии Гонт и его детям. Сынок – полный псих, ты наверняка слышала несколько историй в деревне...

Девушка засмеялась. Цоканье копыт и звяканье сбруи слышались всё ближе. Морфин привстал было с кресла.

– *Сиди на месте*, – предупредил его отец на Рассеязе.

– Том, – снова произнёс девичий голос (они, очевидно, были совсем рядом с домом, настолько отчётливо он был слышен), – мне это кажется или кто-то на самом деле прибил к двери змею?

– О господи, действительно! – ответил мужской голос. – Это наверняка сынок, я ж тебе говорил, он больной на всю голову. Не смотри туда, Сесилия, дорогая.

Звяканье и цоканье постепенно затихали.

– *«Дорогая»*, – на Рассеязе прошептал Морфин, глядя на сестру. – *Он называл её «дорогая».* Так что тебе в любом случае не светит.

Меропа была настолько бледна, что Гарри был уверен, что она вот-вот упадёт в обморок.

– *Что такое?* – резко произнёс Гонт, также на Рассеязе, глядя то на сына, то на дочь. – *Что ты сказал, Морфин?*

– *Ей нравится смотреть на этого маггла*, – сказал Морфин, глядя на сестру со злобным выражением лица. Та явно была в ужасе. – *Каждый раз она в саду, когда он проезжает, подсматривает сквозь изгородь. А прошлой ночью...*

Меропа умоляюще дёрнула головой, но Морфин безжалостно продолжал:

– *...торчала в окне, ожидая, когда он поедет домой, ага?*

– *Торчала в окне, чтобы взглянуть на маггла?* – тихо переспросил Гонт.

Все трое Гонтов, похоже, начисто забыли про Огдена, выглядевшего сбитым с толку и рассерженным этим новым взрывом неразборчивого шипения и скрежета.

– *Это правда?* – смертоносным голосом спросил Гонт, сделав пару шагов в сторону напуганной девушки. – *Моя дочь – чистокровный потомок Салазара Слизерина – втюрилась в паршивого, грязного маггла?*

Вжавшаяся в стену Меропа отчаянно замотала головой, явно не в состоянии говорить.

– *Но я достал его, отец!* – прокудахтал Морфин. – *Я его достал, когда он проходил мимо, и он уже не выглядел таким прелестным с волдырями по всему телу, как ты думаешь, Меропа?*

– *Ты, мерзкий маленький сквиб, грязная кровоотступница!* – выйдя из себя, взревел Гонт, и его руки сомкнулись на горле дочери.

Гарри и Огден крикнули «Нет!» одновременно; Огден поднял волшебную палочку и воскликнул:

– *Relashio!*

Гонта отбросило назад; он отлетел от дочери, врезался в стул и упал на спину. Морфин с яростным рыком взметнулся из своего кресла и кинулся на Огдена, вытаскивая свой окровавленный нож и беспорядочно паля глазами из своей палочки.

Огден пустился наутёк. Дамблдор жестом показал, что они с Гарри должны последовать за ним, и Гарри подчинился; крики Меропы звенели в его ушах.

Огден, прикрывая руками голову, пронёсся по тропе и вылетел на главную дорогу, где врезался в лоснящийся бок гнедой лошади, на которой сидел красивый черноволосый юноша. И он, и девушка, скакавшая рядом с ним на серой лошади, рассмеялись при виде Огдена; тот, отскочив от лошадиного бока, припустил очертя голову вверх по дороге, с головы до ног в пыли; фалды сюртука развевались за его спиной.

– Я думаю, этого достаточно, Гарри, – сказал Дамблдор. Он взял Гарри за локоть и потянул. В следующее мгновение они невесомо воспарили сквозь темноту и вскоре приземлились на ноги в сумрачном кабинете Дамблдора.

– Что случилось с девушкой в коттедже? – тут же спросил Гарри, в то время как Дамблдор взмахом палочки зажег несколько дополнительных ламп. – Меропой, или как там её звали?

– О, она выжила, – ответил Дамблдор, вновь заняв своё место за столом и жестом пригласив Гарри сесть. – Огден аппарировал обратно в Министерство и вернулся с подкреплением менее чем через пятнадцать минут. Морфин и его отец попытались оказать сопротивление, но были схвачены, уведены из коттеджа и впоследствии осуждены Визенгамотом. Морфин, уже известный своими нападениями на магглов, был приговорён к трём годам Азкабана. Марволо⁴⁸, нанёсший травмы нескольким служащим Министерства, включая Огдена, получил шесть месяцев.

– Марволо? – удивлённо переспросил Гарри.

– Именно, – одобрительно улыбнулся Дамблдор. – Рад видеть, что ты помнишь.

– Тот старик был?..

– Дедом Волдеморта, да, – закончил Дамблдор. – Марволо, его сын Морфин и его дочь Мeroпа были последними из Гонтов, очень древнего рода колдунов, известного своей склонностью к неуравновешенности и насилию, которая усиливалась из поколения в поколение благодаря их обычаю жениться на собственных кузинах. Недостаток здравого смысла вкупе с любовью к роскоши привели к тому, что всё семейное богатство было промотано за несколько поколений до рождения Марволо. Он, как ты видел, жил в грязи и нищете, обладал скверным характером, потрясающими заносчивостью и сомнением и парой фамильных реликвий, которые ценил примерно так же высоко, как сына, и заметно больше, чем дочь.

– Так значит, Мeroпа, – Гарри наклонился вперёд, не отрывая глаз от Дамблдора, – значит, Мeroпа была... сэр, это означает, что она была... *матерью Волдеморта*?

– Именно так. Кроме того, так получилось, что мы мельком глянули на отца Волдеморта. Интересно, заметил ли ты?

⁴⁸ Оригинальное имя Волдеморта – Tom Marvolo Riddle. Здесь две игры слов: во-первых, фамилия переводится как «ребус», «загадка»; во-вторых, полное имя является анаграммой «I am Lord Voldemort».

– Тот маггл, на которого напал Морфин? Человек на лошади?

– Очень хорошо, – широко улыбнулся Дамблдор. – Да, это и был Том Риддл-старший, красивый маггл, который частенько проезжал мимо коттеджа Гонтов и страсть к которому Меропа Гонт лелеяла глубоко в душе.

– И они поженились? – неверящим тоном спросил Гарри; ему казалось, что невозможно представить себе двух людей, которым труднее было бы влюбиться друг в друга.

– Думаю, ты забываешь, что Меропа была ведьмой. Я не думаю, что её магические способности проявлялись в полной мере, пока её терроризировал отец. Но как только Марволо и Морфин оказались заключены в Азкабан, как только она впервые в жизни оказалась свободна, я уверен, она смогла дать волю своим способностям и сбежать от той безнадежной жизни, какую она вела в течение восемнадцати лет. Не приходит ли тебе в голову какое-либо средство, с помощью которого Меропа могла бы заставить Тома Риддла забыть свою подружку-магл и влюбиться в Меропу?

– Проклятие Импернуса? – предположил Гарри. – Или любовное зелье?

– Хорошая мысль. Лично я склоняюсь к версии, что она применила любовное зелье. Я уверен, что для неё это выглядело более романтичным, и я не думаю, что это было так уж трудно – убедить Риддла глотнуть воды, когда он в одиночку проезжал мимо в какой-нибудь жаркий день. В любом случае, несколько месяцев спустя после того, чему мы только что были свидетелями, в деревне Литтл-Хэнгтон разразился потрясающий скандал. Можешь себе представить, сколько сплетен возникло, когда сын землевладельца сбежал с дочерью бродяги Меропой.

Но шок жителей деревни был не сравним с тем, что испытал Марволо. Он вернулся из Азкабана, рассчитывая, что дочь послушно ожидает его возвращения с горячим обедом наготове. А вместо этого он обнаружил дюймовый слой пыли и её прощальную записку, где она объяснила, что сделала.

Из того, что мне удалось узнать, можно понять, что с этого момента он никогда не упоминал её имени. Шок от её бегства внёс свой вклад в его преждевременную смерть – а может, он просто не научился самостоятельно питаться. Азкабан сильно ослабил Марволо, и он не дождался возвращения Морфина.

– А Меропа? Она... она умерла, да? Ведь Волдеморт вырос в приюте?

– Да, конечно. Здесь нам надо о многом догадываться, хотя я не думаю, что определить, что именно произошло, так уж трудно. Видишь ли, спустя несколько месяцев после бегства и свадьбы Том Риддл снова объявился в особняке Литтл-Хэнгтона, и без жены. Среди соседей разнёсся слух, что, по его словам, его «обманули» и «обвели вокруг пальца». Я уверен – он имел в виду, что был под воздействием заклинания, которое впоследствии прекратилось; хотя осмелюсь предположить, что он не решился употребить эти конкретные слова, чтобы его не посчитали сумасшедшим. Однако когда жители деревни слышали его слова, они решили, что Меропа солгала Тому Риддлу, что ждёт от него ребёнка, и что поэтому он на ней женился.

– Но у неё *действительно* был ребёнок.

– Но не менее чем через год после того, как они поженились. Том Риддл бросил её, когда она была ещё беременна.

– Что же пошло не так? – спросил Гарри. – Почему любовное зелье перестало работать?

– И вновь мы можем только догадываться, – ответил Дамблдор. – Но я полагаю, что Меропа, глубоко влюблённая в своего мужа, не смогла продолжать приковывать его к себе магическим путём. Полагаю, она приняла решение прекратить давать ему зелье. Возможно, опьянённая любовью, она решила, что он уже влюблён в неё по-настоящему. Возможно, она думала, что он останется ради ребёнка. Если так, то она ошиблась и в том, и в другом. Он бросил её, никогда больше её не видел и ни разу не озаботился поинтересоваться, что случилось с его сыном.

Небо за окном было чернильно-чёрным, и свет ламп в кабинете Дамблдора казался более ярким, чем раньше.

– Я думаю, на сегодня хватит, Гарри, – после паузы сказал Дамблдор.

– Да, сэр.

Гарри поднялся на ноги, но не попытался уйти.

– Сэр... это важно – узнать всё о прошлом Волдеморта?

– Очень важно, я полагаю, – ответил Дамблдор.

– И это... это имеет какое-то отношение к пророчеству?

– Это имеет огромное отношение к пророчеству.

– Ага, – произнёс Гарри, немного сконфуженный, но и немного успокоенный.

Он повернулся, чтобы уходить, но тут ему в голову пришёл ещё один вопрос, и он повернулся обратно.

– Сэр, можно ли мне рассказать Рону и Гермионе всё, что вы рассказали мне?

Дамблдор изучал Гарри в течение короткого времени, затем ответил:

– Да, я думаю, что мистер Уизли и мисс Грейнджер показали себя надёжными людьми. Но, Гарри, я хочу попросить тебя, чтобы ты попросил их не повторять что-либо из этого другим людям. Будет не очень хорошо, если просочится слух о том, как много я знаю или подозреваю о секретах Лорда Волдеморта.

– Да, сэр, я позабочусь о том, чтобы это были только Рон и Гермиона. Спокойной ночи.

Он снова повернулся к двери и уже почти вышел из кабинета, когда заметил его. На одном из столиков с витыми ножками, нагруженных многочисленными хрупкими на вид серебряными инструментами, возлежало уродливое золотое кольцо с большим, треснувшим чёрным камнем.

– Сэр, – спросил Гарри, уставившись на него. – Это кольцо...

– Да?

– Вы носили его в ту ночь, когда мы посетили профессора Слагхорна.

– Носил, – согласился Дамблдор.

– Но это... сэр, это не то же самое кольцо, которое Марволо Гонт показывал Огдену?

– То самое, – кивнул Дамблдор.

– Но как?.. Оно всегда было у вас?

– Нет, я обрёл его совсем недавно, – ответил Дамблдор. – Вообще говоря, это случилось за несколько дней до того, как я пришёл забрать тебя от тёти с дядей.

– Это значит, примерно тогда, когда вы повредили руку, сэр?

– Примерно тогда, да, Гарри.

Гарри заколебался. Дамблдор улыбнулся.

– Сэр, а как именно?..

– Уже очень поздно, Гарри! Ты услышишь эту историю в следующий раз. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, сэр.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ДРУЖЕСКАЯ РУКА ГЕРМИОНЫ

Как и предсказывала Гермиона, свободные «окна» шестикурсников оказались отнюдь не периодами блаженного ничегонеделания, которое предвкушал Рон, – во время этих «окон» они пытались сладить с заваливавшими их горами домашних заданий. Мало того, что заниматься приходилось так, словно у них каждый день экзамены, – ещё и сами уроки стали труднее, чем когда-либо раньше. Гарри не понимал и половины того, что в эти дни им говорила профессор МакГонаггалл; даже Гермионе один или два раза пришлось просить её повторить инструкции. К удивлению Гарри (и к растущему неодобрению Гермионы), его любимым предметом стали зелья, спасибо Принцу-Полукровке.

Теперь от них требовали невербальных заклинаний не только на защите от Тёмных искусств, но и на чарах, и на трансфигурации. Глядя на своих сокурсников в Большом Зале во время еды или в общей комнате, Гарри часто видел, как они сидят с багровыми от напряжения лицами, словно приняли слишком много «Сами-Не-Знаете-Как»: это они безуспешно пытались произвести заклинания, не говоря их вслух. Выбираться наружу, в теплицы, было громадным облегчением; на гербологии им теперь приходилось иметь дело с гораздо более опасными растениями, чем раньше, но, по крайней мере, им было позволено ругаться вслух, если ядовитая тентакула внезапно хватала их за плечи.

Одним из результатов их колоссальной загруженности и безумных часов отработывания невербальных заклинаний было то, что Гарри, Рон и Гермиона до сих пор не могли выкроить время, чтобы повидать Хагрида. Он перестал приходить за преподавательский стол во время трапез – зловещий знак; а в тех случаях, когда они пересекались с Хагридом в коридорах или снаружи, он загадочным образом не замечал их и не слышал их приветствий.

– Мы должны сходить к нему и объяснить, – заявила Гермиона, глядя на огромное пустующее кресло Хагрида во время завтрака в следующую субботу.

– Но у нас квиддичный просмотр сегодня утром! – воскликнул Рон. – А потом мы, по идее, должны отработывать эти чары *Агуаменти*, которые нам задал Флитвик! И, в любом случае, объяснить *что?* Как мы будем говорить ему, что всегда ненавидели его дурацкий предмет?

– Мы не ненавидели его!

– За себя говори, лично я всё ещё не забыл скрутов⁴⁹, – мрачно буркнул Рон. – И я тебе вот что скажу – нам здорово повезло. Ты не слышала, как он распинался о своём тупом братце, – если б мы остались, нам бы сейчас пришлось учить Гроупа завязывать шнурки.

– Ненавижу эту размолвку с Хагридом, – огорчённо произнесла Гермиона.

– Мы пойдём к нему после квиддича, – заверил её Гарри. Он также скучал по Хагриду, хотя, как и Рон, полагал, что без Гроупа их жизнь стала гораздо лучше. – Но просмотр может

⁴⁹ Blast-Ended Skrewt. Blast – взрыв; end – хвост, конец; skrewt – некая смесь из screw (винт), scorpion (скорпион) и newt (тритон).

занять всё утро, ты глянь, сколько народу записалось, — он слегка нервничал перед своим первым испытанием в роли капитана. — Не знаю, отчего команда вдруг стала так популярна...

— Ой, да ладно тебе, Гарри, — немного нетерпеливо ответила Гермиона. — Это не *квиддич* стал таким популярным, это ты! Ты никогда не вызывал большего интереса и, откровенно говоря, большей влюблённости тоже.

Рон подавился большим куском копчёной рыбы. Гермиона глянула на него свысока, после чего вновь повернулась к Гарри.

— Теперь все знают, что ты говорил правду, разве не так? Весь магический мир вынужден был признать, что ты был прав насчёт возвращения Волдеморта и что ты действительно дважды за последние два года дрался с ним и оба раза избежал смерти. И теперь тебя все называют «Избранным» — ну что, всё ещё не понимаешь, почему ты их так привлекаешь?

Неожиданно Гарри обнаружил, что в Большом Зале очень жарко, хоть потолок и выглядел по-прежнему холодным и дождливым.

— И, *кране того*, ты прошёл через все эти гонения Министерства, когда они на каждом углу кричали, что ты истеричный лжец. На тыльной стороне твоей ладони всё ещё видны следы того, что та злобная карга заставляла тебя писать твоей собственной кровью, но ты всё равно стоял на своём...

— И всё ещё видно, где меня достали те мозги в Министерстве, гляди, — встрял Рон, откинув рукава мантии.

— Ну и невредно также то, что за это лето ты на фут вырос, — закончила Гермиона, проигнорировав слова Рона.

— Я высокий, — невпопад брякнул Рон.

Сквозь забрызганные дождём окна ворвалась туча почтовых сов, орошая всех подряд каплями воды. Почти все ученики получали больше почты, чем обычно; обеспокоенные родители стремились получить весточку от своих детей и, в свою очередь, заверить их, что дома всё в порядке. Гарри с начала года не получал почты. Единственный человек, писавший ему постоянно, был мёртв; Гарри надеялся, что время от времени ему будет писать Люпин, но до сих пор, к его разочарованию, надежды не оправдывались. Поэтому он был сильно удивлён, заметив снежно-белую Хэдвиг среди стаи коричневых и серых сов. Она приземлилась прямо перед Гарри, держа большой квадратный пакет. Мгновение спустя точно такой же пакет приземлился на стол перед Роном, накрыв собой маленькую и очень уставшую сову Рона, Свинстуна.

— Ха! — воскликнул Гарри, развернув свёрток и достав новый экземпляр «Продвинутого зельеварения», только что из «Флориш и Блоттс».

— Ну наконец-то, — радостно сказала Гермиона. — Теперь ты можешь вернуть ту измалёванную книгу обратно.

— Ты с ума сошла? — поинтересовался Гарри. — Я её обязательно сохранию! Смотри, я уже придумал...

Гарри вытащил из сумки старое «Продвинутое зельеварение» и коснулся обложки волшебной палочкой, прошептав: «*Diffindo*». Обложка отвалилась. Затем он сделал то же

самое с новенькой книгой (Гермиона была возмущена). Потом Гарри поменял обложки, коснулся каждой из них и произнёс: «*Reparo!*»

В итоге на столе оказались: книга Принца, притворяющаяся новой; и свеженький экземпляр прямо из «Флорип и Блоттс», имеющий чрезвычайно подержанный вид.

– Я верну Слагхорну новую, он не может жаловаться – она стоит девять галлеонов.

Гермиона поджала губы с сердитым и неодобрительным видом. Однако третья сова, приземлившаяся перед ней со свежим номером «Ежедневном пророке», её отвлекла. Она поспешно развернула газету и просканировала первую полосу.

– Кто-нибудь знакомый умер? – намеренно будничным голосом поинтересовался Рон; он задавал один и тот же вопрос всякий раз, когда Гермиона открывала газету.

– Нет, но были ещё нападения дементоров, – ответила Гермиона. – И один арест.

– Отлично, кого арестовали? – спросил Гарри, подумав о Беллатрикс Лестрэндж.

– Стэна Шанпайка.

– Что?! – поражённо переспросил Гарри.

– «*Стэнли Шанпайк, кондуктор популярного колдовского транспортного средства «Ночной рыцарь»⁵⁰, арестован по подозрению в причастности к Пожирателям Смерти. 21-летний мистер Шанпайк был взят под стражу прошлой ночью после рейда в его доме в Клэпхеме...*»

– Стэн Шанпайк – Пожиратель Смерти? – повторил Гарри, вспомнив веснушчатого юношу, с которым он познакомился три года назад. – Не верю!

– Он мог быть под проклятием Имперкус, – разумно заметил Рон. – Никогда нельзя быть уверенным.

– На это непохоже, – возразила Гермиона, продолжавшая читать статью. – Здесь написано, что его арестовали после того, как услышали, как он в баре говорил о секретных планах Пожирателей Смерти, – она подняла глаза от газеты, лицо её было обеспокоенным. – Если он был под Имперкусом, вряд ли он торчал бы в баре и трепался об их планах?

– Звучит так, словно он делал вид, что знает больше, чем на самом деле, – произнёс Рон. – Не он ли заявлял, что станет министром магии, когда пытался беседовать с теми вилами⁵¹?

– Ага, он и был, – согласился Гарри. – Не знаю, чем они там думают, если принимают Стэна всерьёз.

– Возможно, они просто изображают активность, – нахмурилась Гермиона. – Люди напуганы – вы слышали, что родители сестёр Патил хотят вернуть их домой? А Элоиза Миджен уже ушла. Прошлой ночью её отец забрал.

– Что?! – воскликнул Рон, уставившись на Гермиону. – Но Хогвартс безопаснее, чем их дома, просто обязан быть безопаснее! У нас тут авроры, все эти защитные заклинания, и у нас есть Дамблдор!

⁵⁰ Knight Bus. Knight – рыцарь.

⁵¹ Вила – в верованиях и фольклоре южных славян и отчасти словаков женское мифологическое существо, наделяемое преимущественно положительными свойствами. Выглядит как стройная очаровательная девушка с длинными (иногда до земли) распущенными волосами и крыльями.

– Я не думаю, что у нас всё время есть Дамблдор, – очень тихо ответила Гермиона, глянув в сторону преподавательского стола поверх газеты. – Разве вы не заметили? Его кресло на этой неделе пустовало так же часто, как Хагрида.

Гарри и Рон одновременно посмотрели на преподавательский стол. Действительно, кресло Дамблдора было не занято. Теперь, когда Гарри задумался об этом, он осознал, что не видел Дамблдора с того их занятия на прошлой неделе.

– Я думаю, что он покинул школу по каким-то делам Ордена, – тихо сказала Гермиона. – Я имею в виду... всё ведь выглядит очень серьёзно, да?

Гарри и Рон не ответили, но Гарри знал, что все трое думают об одном и том же. Накануне случилось ужасное происшествие: Ханну Эббот вызвали посреди урока гербологии и сообщили ей, что её мать нашли мёртвой. С тех пор они Ханну не видели.

Когда пять минут спустя Гарри, Рон и Гермиона вышли из-за гриффиндорского стола и направились в сторону квиддичного поля, они прошли мимо Лаванды Браун и Парвати Патил. Помня слова Гермионы о том, что родители сестёр Патил хотят забрать их домой, Гарри не был удивлён тем, что лучшие подруги шептались между собой с озабоченным видом. Что его удивило, так это то, что, когда Рон поравнялся с ними, Парвати неожиданно пихнула Лаванду, а та обернулась и одарила Рона широкой улыбкой. Рон моргнул, нерешительно улыбнулся в ответ и тут же сменил нормальную походку на важное выпешивание. Гарри подавил искушение рассмеяться, помня о том, что Рон удержался от смеха, когда Малфой разбил Гарри нос; Гермиона же была холодна и суха на протяжении всего пути к стадиону сквозь прохладную туманную морось и удалилась на трибуну, не пожелав Рону удачи.

Как Гарри и ожидал, просмотр занял большую часть утра. Похоже, здесь околачивалась половина Гриффиндора, от первокурсников, нервно сжимающих кошмарные древние экземпляры школьных мётел, до устрашающего вида семикурсников, возвышавшихся над толпой. В числе последних был крупный юноша с жёсткими волосами, которого Гарри сразу же узнал по Хогвартс-экспрессу.

– Мы встречались на поезде, в купе старины Слагги, – уверенно сказал он, выбравшись из толпы и пожав Гарри руку. – Кормак МакЛэгген, вратарь.

– В прошлом году ты ведь не пробовался? – спросил Гарри, отмечая габариты МакЛэггена и думая, что тот, возможно, мог бы блокировать все три кольца, вообще не двигаясь с места.

– Я был в больничном крыле во время проб, – немного развязно ответил МакЛэгген. – Съел фунт яиц докси на спор.

– Хорошо, – проговорил Гарри. – Ну... подожди, пожалуйста, вон там... – он показал на край поля, рядом с тем местом, где сидела Гермиона. Ему показалось, что на лице МакЛэггена мелькнула тень разочарования. Гарри подумал, уж не ожидал ли тот кого-то особого отношения, раз они оба были любимчиками «старины Слагги».

Гарри решил начать с базовой проверки и попросил всех желающих вступить в команду разделиться на группы по десять человек и облететь разок вокруг поля. Это было хорошее решение: первая десятка состояла из первокурсников, и было совершенно очевидно, что все

они вряд ли когда-либо раньше летали. Только одному мальчику удалось продержаться в воздухе более чем несколько секунд, и он был так этим удивлён, что немедленно впечатался в одну из стоек с кольцом.

Вторая группа состояла из десятка глупейших девушек, которых Гарри когда-либо встречал. Они, когда он свистнул в свисток, просто начали перехихикиваться и хвататься друг за друга. Когда он сказал им покинуть поле, они радостно заняли места на трибунах, чтобы подкалывать всех остальных.

Третья группа свалилась в кучу малу, пролетев полкруга. Большая часть четвёртой группы явилась вообще без мётел. Пятая группа состояла из хаффлапфцев.

– Если тут есть ещё кто-то не из Гриффиндора, – заорал Гарри, которого это всё начало серьёзно злить, – пожалуйста, уйдите!

После паузы пара мелких из Рэйвенкло припустила прочь от поля, фыркая от смеха.

Спустя два часа, много жалоб и несколько скандалов (один из которых закончился разбитым «Метеором-260» и несколькими выбитыми зубами) Гарри наконец-то подобрал трёх гончих: Кэти Белл, вернувшуюся в команду с отличным результатом испытаний; новенькую по имени Демэла Робинс, особенно хорошо уворачивавшуюся от бладзеров; и Джинни Уизли, которая летала лучше всех и впридачу забила семнадцать голов. С одной стороны, Гарри был доволен выбором; с другой – он охрип, крича на жалующихся; позже ему пришлось выдержать ещё одно такое же сражение с отвергнутыми загонщиками.

– Это моё окончательное решение, и если вы не уберётесь с дороги вратарей, то я на вас порчу наложу! – прокричал он.

Ни один из выбранных им загонщиков не был таким блестящим игроком, как Фред и Джордж, но тем не менее он был в целом удовлетворён: Джимми Пикс, низкорослый, но широкоплечий третьекурсни́к, которому удалось набить шишку размером с яйцо на Гаррином затылке смачно посланным бладзером, и Ритчи Кут, который выглядел нескладным, зато хорошо целился. Они присоединились к Кэти, Демэле и Джинни на трибуне, чтобы понаблюдать за выбором последнего члена команды.

Гарри умышленно отложил испытание вратарей на самый конец, надеясь, что на стадионе будет не так многолюдно и давление на всех кандидатов окажется меньше. Но, к сожалению, все отвергнутые, а также куча народу, пришедшего поглазеть после затянувшегося завтрака, присоединились к толпе на трибунах, так что она стала ещё больше, чем была в начале. Каждый раз, когда очередной вратарь направлялся к кольцам, толпа кричала и свистела в равной степени. Гарри глянул на Рона, у которого всегда были проблемы с нервами. Гарри надеялся, что выигрыш последнего матча в прошлом году вылечил это, но, судя по всему, нет: лицо Рона приобрело нежно-зелёный оттенок.

Первые пять претендентов не взяли больше двух голов на брата. К большому разочарованию Гарри, Кормак МакЛэген взял четыре пенальти из пяти. Однако при последнем он рванулся в совершенно неверном направлении; толпа смеялась и улюлюкала, а МакЛэген вернулся на землю, скрипя зубами.

Когда Рон садился на свой «Чистомёт-11», у него был вид человека, который вот-вот упадёт в обморок. «Удачи!» – донеслось с трибуны. Гарри оглянулся, ожидая увидеть

Гермиону, но это оказалась Лаванда Браун. Он бы с удовольствием закрыл лицо руками, как мгновение спустя сделала она, но решил, что, как капитан, должен проявить больше выдержки. Так что он снова повернулся к кольцам и начал смотреть на испытание Рона.

Оказалось, что ему не о чем было волноваться: раз, два, три, четыре, пять – пять пенальти подряд Рон взял. Радуюсь и с трудом подавляя желание присоединиться к приветственным возгласам толпы, Гарри обернулся к МакЛэгтену, чтобы сказать ему, что, к несчастью, Рон его победил – и обнаружил красное лицо МакЛэгтена вплотную к своему. Он поспешно сделал шаг назад.

– Его сестра толком не старалась, – угрожающе заявил он. На его виске пульсировала жилка, совсем как у дяди Вернона. – Она поддалась ему.

– Фигня, – холодно ответил Гарри. – Этот гол он чуть не пропустил.

МакЛэгген шагнул ближе к Гарри; тот на сей раз остался на месте.

– Дай мне ещё один подход.

– Нет. У тебя уже был один подход. Ты взял четыре. Рон взял пять. Рон вратарь, он добился этого честно и справедливо. Убирайся с дороги.

В какой-то момент ему показалось, что МакЛэгген хочет его ударить; но тот сдержался и с жутким выражением лица умчался прочь, рыча сквозь зубы что-то напоминающее угрозы.

Гарри обернулся и увидел свою радостную новую команду.

– Отличная работа, – прокаркал он. – Вы действительно здорово летали...

– Ты был великолепен, Рон!

На сей раз это действительно была Гермиона, бежавшая к ним от трибун; Гарри заметил, как Лаванда уходит с поля под руку с Парвати с довольно сердитым выражением лица. Рон выглядел чрезвычайно довольным самим собой и даже более высоким, чем обычно; он радостно ухмылялся членам команды и Гермионе.

Назначив первую полноценную тренировку на ближайший четверг, Гарри, Рон и Гермиона попрощались с остальными членами команды и направились к хижине Хагрида. Бледное солнце изредка выглядывало из-за облаков; морось наконец прекратилась. Гарри был чертовски голоден; он надеялся, что у Хагрида найдётся что-нибудь пожевать.

– Я уж думал, что пропущу тот четвёртый пенальти, – счастливым голосом разглагольствовал Рон. – Хитро бросила Демэлза, видели – слегка подкрутила...

– Да, да, ты был великолепен, – с довольным видом заверила его Гермиона.

– В любом случае я был лучше, чем этот МакЛэгген, – глубоко удовлетворённым тоном сказал Рон. – Вы видели, как он неуклюже дёрнулся совершенно не туда во время пятого? Словно на него Конфундус наложили...

К удивлению Гарри, Гермиона при этих словах заметно порозовела. Рон ничего не заметил; он был слишком занят, любовно описывая в деталях каждый из своих сейфов.

Перед фасадом Хагридовой хижины был привязан большой серый гиппогриф, Брыкляув. При их приближении он щёлкнул своим острым, как бритва, клювом и повернул к ним свою огромную голову.

– О ёлки, – нервно произнесла Гермиона. – Он по-прежнему страшноватый, вы не находите?

– Да ладно тебе, ты ж на нём уже летала, забыла? – успокоил Рон.

Гарри шагнул вперёд и низко поклонился гиппогрифу, не отрывая от него глаз и не моргая. Несколько секунд спустя Брыкляв тоже сделал поклон.

– Как ты? – тихо спросил Гарри, подойдя поближе, чтобы погладить пернатую голову. – Скучаешь по нему? Но тебе ведь с Хагридом хорошо, да?

– Эй! – послышался громкий возглас.

Из-за угла хижины огромными шагами вылетел Хагрид в большом фартуке в цветочек и с мешком картошки в руках. Его гигантский волкодав Клык, бежавший за ним по пятам, оглушительно гавкнул и рванул вперёд.

– Прочь от него! Он вам пальцы оттяпает... а, эт вы.

Клык прыгал вокруг Рона и Гермионы, пытаясь облизать им уши. Секунду Хагрид стоял и смотрел на них, затем отвернулся и большими шагами удалился в хижину. Дверь за ним захлопнулась.

– О боже! – с болью в голосе воскликнула Гермиона.

– Не волнуйся, – мрачно сказал Гарри. Он подошёл к двери и громко постучал.

– Хагрид! Открой, мы хотим с тобой поговорить!

Изнутри не донеслось ни звука.

– Если ты не откроешь дверь, мы её вынесем! – крикнул Гарри, доставая волшебную палочку.

– Гарри! – шокированным голосом произнесла Гермиона. – Ты же не можешь...

– Ещё как могу! Отойди-ка...

Но прежде чем он успел сказать что-либо ещё, дверь распахнулась (как Гарри и предполагал); в проёме стоял Хагрид, глядя на него сверху вниз с очень угрожающим (несмотря на передник в цветочек) видом.

– Я учитель! – крикнул он на Гарри. – Учитель, Поттер! Чё ты се позволяешь, угрожаешь выбить мою дверь!

– Я извиняюсь, *сэр*, – сказал Гарри, делая ударение на последнем слове, и убрал палочку обратно внутрь мантии.

Хагрид выглядел поражённым.

– С каких эт пор *ты* называешь меня «сэром»?

– С каких это пор ты называешь меня «Поттером»?

– О, очень умно, – проворчал Хагрид. – Жутко забавно. Типа наколол меня, ага? Лана, входите, вы, маленькие неблагоприятные...

Продолжая мрачно бормотать себе под нос, он шагнул назад, давая всем троим пройти. Гермиона поспешила внутрь следом за Гарри; вид у неё был довольно испуганный.

– Ну? – сварливо произнёс Хагрид, когда Гарри, Рон и Гермиона уселись вокруг огромного деревянного стола, а Клык положил голову на колено Гарри и облизывал ему всю мантию. – И в чём дело? Пришли меня пожалеть? Думаете, мне одиноко тут или типа того?

– Нет, – мгновенно ответил Гарри. – Мы хотели повидать тебя.

– Мы по тебе скучали! – дрожащим голосом добавила Гермиона.

– Скучали по мне, э? – фыркнул Хагрид. – Ага. Поверил, шас.

Он ходил взад-вперёд, пока чай не закипел в его гигантском медном чайнике, и что-то непрерывно бормотал себе под нос. Наконец он брякнул на стол перед гостями три кружки тёмно-красного чая (каждая с ковш размером) и тарелку твердокаменных кексов. Гарри настолько проголодался, что был согласен даже на кулинарию Хагрида, и немедленно взял один.

– Хагрид, – робко сказала Гермиона, когда он присоединился к ним за столом и принялся чистить картошку с таким остервенением, как будто каждый клубень нанёс ему страшное личное оскорбление. – Знаешь, мы очень хотели продолжить заниматься уходом за магическими существами.

Хагрид снова громко фыркнул. Гарри даже показалось, что несколько соплей попали на картошку, и он про себя порадовался, что никто из них не остаётся ужинать.

– Мы хотели! – повторила Гермиона. – Но мы не смогли уместить его в своё расписание!

– Ага. Поверил, шас, – вновь ответил Хагрид.

Неожиданно раздался странный хлюпающий звук, и все трое обернулись; Гермиона коротко вскрикнула, а Рон соскочил со стула и поспешно отошёл вокруг стола подальше от стоявшей в углу большой бочки, которую они только теперь заметили. Бочка была заполнена чем-то типа червяков длиной в фут, склизких, белых и извивающихся.

– Что это, Хагрид? – спросил Гарри, стараясь голосом изобразить заинтересованность, а не отвращение, но в то же время опуская на стол свой кекс.

– Всего лишь гигантские личинки.

– А когда они вырастут, то станут?.. – уточнил Рон с видом человека, предчувствующего недоброе.

– Эти никем не станут, совсем, – ответил Хагрид. – Я их взял Арагогу похавать.

И вдруг, совершенно неожиданно, он разрыдался.

– Хагрид! – вскрикнула Гермиона, вскочив из-за стола и оббежав его по большой дуге, чтобы не оказаться рядом с бочкой с червями. Добравшись до Хагрида, она положила руку на его вздрагивающие плечи. – Что случилось?

– Это... он, – всхлипнул Хагрид, вытирая лицо фартуком, в то время как слёзы текли ручьём из его глаз. – Это... Арагог... Думаю, помирает он... Болел всё лето, и ему не становится лучше... Не знаю, чё я буду делать, если он... если он... Мы стока были вместе...

Гермиона гладила Хагрида по плечу, явно потеряв дар речи. Гарри отлично понимал, что она сейчас чувствует. Он знал, что Хагрид одарил злобного детёныша дракона плюшевым мишкой; видел, как он пел колыбельные огромным скорпионам с присосками и жалами; пытался поладить с его звероподобным единоутробным братом-великаном. Но это, по-видимому, была самая непостижимая из его монстрических привязанностей: гигантский говорящий паук, Арагог, который обитал в глубине Запретного Леса и от которого Гарри с Роном еле сбежали четыре года назад.

– Мы можем... мы можем чем-то помочь? – спросила Гермиона, игнорируя отчаянные гримасы и мотание головы в исполнении Рона.

– Наверяд ли, Гермiona, – с трудом выговорил Хагрид, пытаясь сдержать поток слёз. – Вишь ли, остальное племя... ну, семья Арагога... Они щас становятся малость странные, када он болен... Малость беспокойные...

– Ага, я думаю, мы их немного знаем с этой стороны, – вполголоса пробормотал Рон.

– ...и не думаю, шо кто-то окромя, значит, меня может щас там ходить, – закончил Хагрид, после чего громко высморкался в фартук и поднял глаза. – Но пасибо за предложение, Гермiona... Эт так много значит...

После этого атмосфера заметно разрядилась. Хотя ни Гарри, ни Рон не выказали ни малейшего стремления пойти покормить кошмарного чудовищного паука гигантскими личинками, Хагрид принял как само собой разумеющееся, что они бы занялись этим с удовольствием, и вновь стал прежним Хагридом.

– А, я всегда знал, шо у вас не выгорит просунуть меня в ваше расписание, – грубовато произнёс он, наливая им ещё чаю. – Даже если б вы подали заявки на времевороты⁵²...

– Мы не смогли бы, – перебила Гермiona. – Мы расколотили весь министерский запас времеворотов, когда были в Министерстве летом. Об этом в «Ежедневном пророке» писали.

– Ну и ладно, – сказал Хагрид. – Никак вы это не могли сделать, чё уж там... Простите, шо я... Ну вы знаете... Я просто волновался за Арагога... и я думал, а ежели б профессор Граббл-Планк вас учила...

Тут все трое начали категорическим тоном врать, что профессор Граббл-Планк, замещавшая Хагрида несколько раз, была просто кошмарным учителем; в результате к тому моменту, когда, уже в сумерках, Хагрид помахал им на прощание рукой, вид у него был довольно радостный.

– Умираю с голоду, – заявил Гарри, как только за ними закрылась дверь и они поспешили в замок через тёмный пустой парк; он оставил попытки победить твердокаменный кекс после того, как услышал злое похрустывание в одном из коренных зубов. – А у меня ещё Снейпово наказание вечером, не так уж много времени остаётся для ужина...

Первым, кого они заметили, очутившись в замке, был входящий в Большой Зал Кормак МакЛэген. Сквозь дверь он прошёл лишь со второй попытки – в первой он врезался в косяк. Рон злорадно загоготал и прошёл в Зал следом за ним; Гарри же поймал Гермionу за руку и придержал её.

– Чего? – спросила Гермiona заранее оправдывающимся тоном.

– Если тебя интересует моё мнение, – тихо произнёс Гарри, – похоже, что на МакЛэгена *действительно* наложили Конфундус. А стоял он точно перед тем местом, где ты сидела.

Гермiona покраснела.

– Ох, ну да, да, я это сделала, – прошептала она. – Но тебе стоило послушать, как он говорил о Роне и Джинни! И вообще, у него мерзкий характер, ты же видел, как он отреагировал, когда не прошёл в команду – ты и сам бы не захотел иметь у себя в команде *такое*.

⁵² Time-Turners, дословный перевод.

– Да, – признал Гарри. – Да, подозреваю, что действительно не захотел бы. Но не было ли это нечестно, Гермиона? Я имею в виду – ты же префект, разве нет?

– Ай, да замолчи ты, – огрызнулась она; Гарри ухмыльнулся.

– Что это вы двое там делаете? – подозрительно спросил Рон, вновь появляясь в дверях Большого Зала.

– Ничего, – хором сказали Гарри и Гермиона и поспешили вслед за Роном. От аромата жареной говядины голодный Гарри желудок начал играть зорю; но не сделали они и трёх шагов в сторону гриффиндорского стола, когда на пути их возник профессор Слагхорн.

– Гарри, Гарри, тебя-то я и хотел повидать! – сердечно прогудел он, выпячивая свой гигантский живот; кончики его моржовых усов подрагивали. – Я надеялся перехватить тебя до ужина! Как ты смотришь на то, чтобы вместо этого сегодня вечером устроить поздний ужин в моих покоях? У нас намечается маленькая вечеринка, всего лишь несколько восходящих звёзд. МакЛэгген будет, Забини, очаровательная Мелинда Бобин – ты её знаешь? Её семья владеет большой сетью аптек – и разумеется, я очень рассчитываю, что мисс Грейнджер также окажет мне любезность своим приходом.

Закончив говорить, Слагхорн чуть поклонился Гермионе. Рон словно не существовал; Слагхорн на него даже не взглянул.

– Я не смогу прийти, профессор, – тут же ответил Гарри. – Я должен отбыть наказание у профессора Снейпа.

– О боже! – на лице Слагхорна отразилось разочарование; столь быстрая смена выражения смотрелась немного комично. – Ай-яй-яй, а я рассчитывал на тебя, Гарри! Ну ладно, я сейчас перекинусь с Северусом парой слов и объясню ситуацию, я уверен, что смогу убедить его отложить наказание. Так что увидимся позже, с вами обоими!

С этими словами он поспешно удалился из Зала.

– Снейпа убедить – ни единого шанса, – заметил Гарри сразу же, как только Слагхорн оказался за пределами слышимости. – Это наказание уже было один раз отложено; Снейп согласился ради Дамблдора, но ради кого бы то ни было ещё – ни в жизнь.

– Хотела бы я, чтобы ты смог пойти, я не хочу идти туда одна, – обеспокоенно сказала Гермиона; Гарри догадался, что она думает про МакЛэггена.

– Вряд ли ты будешь одна, думаю, Джинни он тоже пригласит, – вмешался Рон, который явно не был в восторге от того, что Слагхорн его игнорировал.

После ужина Гарри, Рон и Гермиона вернулись в гриффиндорскую башню. Общая комната была забита, так как большинство учеников к этому времени закончили ужинать; тем не менее им удалось найти свободный столик и усесться. Рон, пребывавший в плохом настроении после встречи со Слагхорном, сложил руки на груди и насупленно смотрел в потолок. Гермиона потянулась к номеру «Вечернего пророка», оставленному кем-то на стуле.

– Что-нибудь новое? – поинтересовался Гарри.

– Да вроде нет... – Гермиона раскрыла газету и просматривала внутренние страницы. – О, смотри, про твоего отца, Рон – с ним всё в порядке! – быстро добавила она, глянув на встревоженно обернувшегося Рона. – Просто написано, что он был в доме Малфоев. «По-видимому, этот повторный обыск в жилище Пожирателя Смерти не принёс результатов. Артур Уизли,

служащий отдела Обнаружения и конфискации поддельных защитных заклинаний и предметов, сообщил, что его команда действовала на основе неофициальной информации.»

– Ага, моей информации! – сказал Гарри. – Я на Кингс-Кросс рассказал ему про Малфоя и про эту штуку, которую он пытался заставить Боргина починить! Ну, раз это не у них дома, значит, он притащил эту штуку с собой в Хогвартс...

– Но как он мог это сделать, Гарри? – произнесла Гермиона, удивлённо опустив газету. – Нас всех обыскали, когда мы приехали, так ведь?

– Обыскали? – переспросил Гарри, захваченный врасплох этим сообщением. – Меня нет!

– А, ну разумеется, тебя нет, я забыла, что ты опоздал... Ну, когда мы входили в холл, Филч прошёлся по каждому из нас сенсорами секретности⁵³. Любой Тёмный предмет бы нашли, я точно знаю, что у Крэбба конфисковали усохшую голову. Так что видишь, не мог Малфой принести с собой ничего опасного!

Пытаясь выбраться из этого тупика, Гарри некоторое время наблюдал за Джинни, игравшей с Карликовым Пушистиком Арнольдом; вскоре он нашёл выход.

– Значит, кто-то ему это послал совой. Его мать или кто-нибудь ещё.

– И сов тоже проверяют, – возразила Гермиона. – Филч нам сказал, пока тыкал свои сенсоры секретности повсюду, куда мог дотянуться.

Окончательно поставленный в тупик, Гарри не нашёл что ответить. Он не видел решительно никаких способов, как бы Малфой мог пронести в школу опасный или Тёмный предмет. Он с надеждой глянул на Рона, который сидел со сложенными на груди руками и взирал на Лаванду Браун.

– Тебе не приходит в голову какой-нибудь способ, которым Малфой?..

– Ой, смени тему, Гарри, – ответил Рон.

– Слушай, я же не виноват, что Слагхорн пригласил нас с Гермионой на свою дурацкую вечеринку, мы оба не хотим туда идти, знаешь ли! – вспыхнул Гарри.

– Что ж, раз меня не приглашали ни на какие вечеринки, – снова поднялся на ноги Рон, – я, пожалуй, пойду спать.

Он тяжело направился к двери, ведущей к спальням мальчиков, оставив Гарри и Гермиону смотреть ему вслед.

– Гарри? – произнесла Демэлза Робинс, новая гончая, неожиданно появившись сбоку от него. – У меня для тебя сообщение.

– От профессора Слагхорна? – с надеждой выпрямился в своём кресле Гарри.

– Нет... от профессора Снейпа, – ответила Демэлза. Сердце Гарри упало. – Он сказал, что ты должен прийти в его кабинет в полдевятого сегодня вечером для отбытия наказания... э... независимо от того, сколько приглашений на вечеринки ты получил. И он хотел, чтобы ты знал, что ты будешь отделять хороших червешлюхов от протухших, чтобы использовать их в зельях, и ещё... ещё он сказал, что защитные перчатки брать с собой не нужно.

– Замечательно, – мрачно сказал Гарри. – Большое спасибо, Демэлза.

⁵³ Secrecy Sensor, почти дословный перевод (secrecy – тайна, секретность).

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

СЕРЕБРО И ОПАЛЫ

Где же Дамблдор и что он сейчас делает? В течение следующих нескольких недель Гарри видел директора лишь дважды. Он редко появлялся во время трапез; Гарри был уверен, что Гермиона права, утверждая, что Дамблдор каждый раз покидает школу на несколько дней подряд. Не забыл ли он об уроках, которые, предположительно, он должен давать Гарри? Дамблдор сказал, что эти уроки должны привести к чему-то, что имеет отношение к пророчеству; Гарри эти слова ободрили и немного успокоили, теперь же он ощущал себя покинутым.

В середине октября пришло время их первого в этом году визита в Хогсмид. Гарри частенько думал, останутся ли эти прогулки по-прежнему разрешены, учитывая все эти усиленные меры безопасности вокруг школы. К его радости, их не запретили; всегда было приятно на несколько часов покинуть школу и школьный парк.

В день, когда должен был состояться этот визит, Гарри проснулся рано. Погода за окном была отвратительная, и он коротал время до завтрака, читая своё «Продвинутое зельеварение». Обычно Гарри в постели учебников не читал; такое поведение, как справедливо замечал Рон, было совершенно неприличным для любого, кроме Гермионы, которая была просто повернута на этом. Однако Гарри склонялся к тому, что экземпляр «Продвинутого зельеварения», принадлежавший Принцу-Полукровке, вряд ли можно было считать учебником. Чем больше Гарри углублялся в книгу, тем больше осознавал, сколько же там всего; не только полезные подсказки и упрощения при зельеварении, заработавшие ему столь блистательную репутацию у Слагхорна, но и впечатляющие сглазы и порчи, записанные на полях; судя по многочисленным вычёркиваниям и вариантам, Принц сам их все изобрёл.

Гарри уже испытал несколько изобретённых Принцем заклинаний. Так, например, одна порча вызывала чрезвычайно быстрый рост ногтей (Гарри опробовал её на Крэббе в школьном коридоре, с весьма приятным результатом); ещё был сглаз, прилепляющий язык к нёбу (он был применён Гарри дважды к ни о чём не подозревавшему Аргусу Филчу, что вызывало всеобщие аплодисменты); и, наконец, возможно самое полезное из всех – *Muffliato*, заклинание, заполнявшее уши всех находящихся поблизости неразборчивым гудением, что позволяло вести длительные разговоры во время уроков, не боясь подслушивания. Единственным человеком, не находившим эти заклинания забавными, была Гермиона; она смотрела на это всё с явственным неодобрением и отказывалась участвовать в разговоре, если Гарри применял на кого-либо заклинание *Muffliato*.

Усевшись в кровати, Гарри развернул книгу боком, чтобы получше рассмотреть записи, относящиеся к заклинанию, которое, видимо, вызвало у Принца определённые затруднения. Там было много вычеркнутых слов и исправлений, а в конце, втиснутая в угол страницы, надпись:

«*Levicorpus* (нвбл)».

Слушая, как дождь и ветер неистово стучатся в окна и как храпит Невилл, Гарри не отрываясь смотрел на буквы в скобках. «*Нвбл*»... это должно было означать «невербальное». Гарри засомневался, сможет ли он применить данное конкретное заклинание; с невербальными заклинаниями у него по-прежнему были трудности, что Снейп с удовольствием комментировал на каждом занятии зОТи. С другой стороны, до сих пор Принц проявлял себя гораздо лучшим учителем, нежели Снейп.

Направив палочку куда-то в пространство, Гарри сделал ей движение вверх и мысленно произнёс: «*Levicorpus!*»

– Аааааааррр!

Мелькнула вспышка света, и комната наполнилась голосами: вопль Рона разбудил всех. Гарри в панике отшвырнул «Продвинутое зельеварение»; Рон висел в воздухе вверх ногами, словно подцепленный за лодыжку невидимым крюком.

– Прости! – закричал Гарри, в то время как Дин и Шеймас хохотали во всё горло, а вывалившийся из кровати Невилл поднимался с пола. – погоди – я щас тебя спущу...

Он потянулся за учебником зельеварения и в панике начал его лихорадочно перелистывать, ища нужную страницу; наконец он её нашёл и расшифровал неразборчивое слово, записанное под заклинанием; молясь, чтобы это оказался противослаз, Гарри изо всех сил подумал: «*Liberacorpus!*»

В комнате вспыхнуло вновь, и Рон бухнулся на свой матрас.

– Прости, – слабым голосом повторил Гарри; Дин и Шеймас продолжали хохотать.

– Завтра, – приглушённым голосом попросил Рон, – я предпочёл бы, чтобы ты поставил будильник.

К тому времени, когда они оделись, закутавшись в несколько связанных миссис Уизли свитеров и взяв в руки плащи, шарфы и перчатки, шок Рона прошёл, и он решил, что новое Гаррино заклинание чертовски забавное; настолько забавное, что он попотчевал этой историей Гермиону сразу же, как только они сели завтракать.

– ...и тут вспыхнуло ещё раз, и я снова приземлился на кровать! – ухмыльнулся Рон, накладывая себе сосисок.

Гермиона выслушала эту анекдотическую историю без малейшей тени улыбки, после чего с ледяным видом повернулась к Гарри.

– Это заклинание совершенно случайно не из той твоей книжки по зельеварению? – поинтересовалась она.

Гарри хмуро глянул на неё.

– Всегда подозреваешь худшее, да?

– Оттуда?

– Ну... допустим, оттуда, ну и что с того?

– Стало быть, ты просто-напросто решил опробовать незнакомое и неизвестно кем вписанное в книгу заклинание и посмотреть, что получится?

– Ну и что с того, что оно вписано в книгу от руки? – Гарри предпочёл не отвечать на остальную часть вопроса.

– А то, что оно, возможно, не одобрено Министерством магии, – ответила Гермиона. – А ещё, – добавила она, увидев, как Гарри и Рон возвели очи горе, – мне начинает казаться, что этот Принц – малость подозрительный тип.

Тут же и Гарри, и Рон её перебили.

– Это была просто шутка! – воскликнул Рон, опрокидывая бутылку с кетчупом над своими сосисками. – Просто прикольная шутка, Гермиона, только и всего!

– Подвешивание людей вверх ногами за лодыжки? – спросила Гермиона. – Кто тратит время и силы на придумывание таких заклинаний?

– Фред и Джордж, – пожал плечами Рон. – Это в их стиле. И ещё, э...

– Мой папа, – тихо произнёс Гарри. Он только сейчас вспомнил.

– Что?! – воскликнули Рон и Гермиона одновременно.

– Мой папа применял это заклинание. Я... мне Люпин рассказывал.

Это последнее было неправдой; на самом деле Гарри видел, как его отец применял это заклинание к Снейпу, но он никогда не рассказывал Рону и Гермионе про эту конкретную свою экскурсию в ситодум. Теперь, однако, его посетила замечательная мысль. Не мог ли Принц-Полукровка оказаться?..

– Может, твой папа и применял его, Гарри, – гнула свою линию Гермиона, – но не только он. Мы видели, как целая куча народу его применяла, на случай если ты забыл. Подвешивали людей в воздухе. Заставляли их летать, спящих, беспомощных.

Гарри уставился на неё. Ощувив внезапную слабость, он тоже вспомнил поведение Пожирателей Смерти во время Чемпионата мира по квиддичу. Рон поспешил ему на выручку.

– Это было совсем другое, – стойко парировал он. – Они этим злоупотребляли. А Гарри и его папа просто прикалывались. Просто тебе не нравится Принц, Гермиона, – добавил он, сурово ткнув в её сторону сосиской, – потому что он лучше тебя в зельях...

– Это тут совершенно ни при чём! – покраснев, ответила Гермиона. – Я просто считаю, что это очень безответственно – применять заклинания, когда вы даже не знаете, для чего они; и прекратите наконец говорить об этом «Принце» так, словно это его титул! Держу пари, это просто дурацкое прозвище, и вообще мне он совсем не кажется такой очаровательной персоной!

– Не понимаю, с чего ты это всё взяла, – возбуждённо сказал Гарри. – Если бы это был подрастающий Пожиратель Смерти, он не стал бы хвастаться тем, что он «Полукровка», разве не так?

Произнося это, Гарри вспомнил, что его отец был чистокровный, но он выкинул эту мысль из головы; об этом он будет волноваться позже...

– Пожиратели Смерти не могут все быть чистокровными, сейчас просто не нашлось бы столько чистокровных колдунов, – упрямо заявила Гермиона. – Я полагаю, большая их часть – полукровки, притворяющиеся чистыми. Они только магглорождённых ненавидят, если бы вы с Роном к ним присоединились, они были бы только рады.

– Ну уж мне они никак не позволили бы стать Пожирателем Смерти! – возмущённо произнёс Рон и с такой яростью ткнул вилок в сторону Гермионы, что насаженный на неё

кусоч сосиски слетел и попал в голову Эрни Макмиллану. — Вся моя семья — кровоотступники! Для Пожирателей Смерти это так же плохо, как маглорождённые!

— Ну а меня они, конечно, всю жизнь мечтают заполучить в ряды, — саркастически добавил Гарри. — Мы бы с ними были лучшими друзьями, если б только они раз за разом не пытались меня пришить.

При этих словах Рон рассмеялся; даже Гермиона не смогла подавить улыбку. Отвлечение от темы неожиданно появилось в форме Джинни.

— Эй, Гарри, меня попросили передать тебе вот это.

«Это» оказалось свитком пергамента, на котором знакомым косым бисерным почерком было написано имя Гарри.

— Спасибо, Джинни... это следующий урок с Дамблдором! — сообщил Гарри Рону и Гермионе, развернув пергамент и быстро прочитав его содержимое. — В понедельник вечером! — неожиданно на душе его стало легко и радостно. — Пошли с нами в Хогсמיד, Джинни? — предложил он.

— Я иду с Дином — может, там увидимся, — ответила она, помахала им рукой и отошла.

Филч, как обычно, стоял у дубовых входных ворот, сверяя выходящих со списком имён тех, кто имел разрешение на посещение Хогсмид. Процедура заняла больше времени, чем обычно, поскольку Филч по три раза проверял каждого сенсором секретности.

— Кому какое дело, если мы проносим Тёмную фигию ИЗ Хогвартса? — требовательно спросил Рон, с опаской глядя на длинный тонкий сенсор секретности. — Не лучше ли вам проверять, что мы принесём ОБРАТНО?

Эта тирада стоила ему нескольких дополнительных тычков сенсором, отчего он продолжал дрожать, уже когда все трое вышли наружу под дождь и ветер.

Прогулка до Хогсмид не доставила им ни малейшего удовольствия. Гарри обернул шарф вокруг носа и рта; открытая часть лица быстро окоченела, и кожа стала очень чувствительной. Дорога к деревне была заполнена учениками, согнувшимися против злого ветра. Несколько раз Гарри задавался вопросом, не лучше ли им было остаться в тепле общей комнаты; а когда они наконец-то добрались до Хогсмид и обнаружили, что магазин шуток Зонко закрыт, Гарри практически окончательно уверился, что ничего хорошего из этой прогулки не выйдет. Рон указал закутанной в толстую перчатку рукой на милосердно открытую «Пригоршню сладостей», и Гарри с Гермионой, пошатываясь от ветра, пошли в битком набитый магазин вслед за ним.

— Слава богу, — поёжился Рон, когда их окутал тёплый, пахнущий ирисками воздух. — Давайте никуда больше отсюда не пойдём.

— Гарри, мо'мальчик! — прогудел голос прямо у них за спиной.

— О нет, — прошептал Гарри. Троица развернулась и посмотрела на профессора Слагхорна, одетого в колоссальных размеров меховую шапку и пальто с таким же меховым воротником. Слагхорн сжимал в руках большую коробку ананасовых цукатов и, казалось, занимал собой по меньшей мере четверть магазина.

– Гарри, ты пропустил уже три моих скромных ужина! – произнёс Слагхорн, добродушно тыкая его пальцем в грудь. – Так не пойдёт, мо'мальчик, ты должен там появляться! Мисс Грейнджер от них в восторге, так ведь?

– Да, – беспомощно кивнула Гермиона, – они действительно...

– Так почему ты не приходишь вместе с ней? – потребовал ответа Слагхорн.

– Ну, у меня квиддичные тренировки, профессор, – ответил Гарри, который действительно назначал квиддичные тренировки всякий раз, как получал от Слагхорна приглашения, перевязанные светло-фиолетовыми ленточками. Эта стратегия позволяла ему не оставлять Рона в одиночестве, а после они частенько развлекались, когда Джинни изображала Гермиону, стиснутую между МакЛэггеном и Забини.

– Что ж, я надеюсь, что вы выиграете свой первый матч после столь усердной работы! Но немного отдыха ещё никому не вредило. Теперь, как насчёт вечера понедельника? Ты же вряд ли захочешь тренироваться в такую погоду...

– Не могу, профессор, у меня... э... в тот вечер встреча с профессором Дамблдором.

– Вновь неудача! – драматическим голосом воскликнул Слагхорн. – Ну ладно... Ты не сможешь избегать меня вечно, Гарри!

И, царственно взмахнув рукой, он вперевалку вышел из магазина, обратив на Рона ровно столько внимания, сколько он обратил бы на тараканью гроздь.

– Поверить не могу, что ты увильнул ещё от одного ужина, – покачала головой Гермиона. – Ты знаешь, они не *настолько* плохи... Иногда там даже забавно... – тут она заметила выражение лица Рона. – Ой, глядите – у них тут появились сахарные перья делюкс – их хватает на несколько часов!

Довольный, что Гермиона сменила тему, Гарри выказал новым сверхдлинным сахарным перьям гораздо больший интерес, чем при нормальных обстоятельствах, однако Рон по-прежнему выглядел утрюмым и лишь пожал плечами в ответ на вопрос Гермионы, куда он хочет пойти дальше.

– Пошли в «Три метлы», – предложил Гарри. – Там должно быть тепло.

Они вновь замотали лица шарфами и вышли из магазина. После сладкого тепла «Пригоршни сластей» ветер резал лица, словно ножом. Улица была не очень-то запружена; никто не задерживался потрепаться, все просто спешили по своим делам. Исключение составляли два человека, стоящие немного впереди них, прямо напротив «Трёх мётел». Один из них был очень высокий и худой; вглядевшись сквозь залитые дождём стёкла очков, Гарри узнал бармена, работавшего в другом пабе Хогсмита, «Кабаньей голове». Когда Гарри, Рон и Гермиона подошли ближе, бармен плотнее закутался в плащ и удалился, оставив второго, более низкорослого мужчину вертеть что-то в руках. Они подошли уже менее чем на фут, когда Гарри наконец сообразил, кто это.

– Мундунгус!

Приземистый кривоногий человек с длинными спутанными рыжеватыми волосами подпрыгнул на месте и уронил древний саквояж; тот раскрылся, извергнув из себя что-то напоминающее содержимое витрины лавки старьевщика.

– А, привет, ‘Арри, – сказал Мундунгус Флетчер, крайне неубедительно пытаясь выглядеть беззаботным. – Ну, не буду ты задерживать.

После чего он завожился, пытаясь собрать с земли содержимое саквояжа с видом человека, изо всех сил стремящегося удалиться поскорее.

– Ты это всё продаёшь? – спросил Гарри, наблюдая, как Мундунгус хватается кучу грязного вида предметов, валяющихся на земле.

– Ну, надо ж на чё-то жить-то, – ответил Мундунгус. – Дай-ка мне вон то!

Рон нагнулся и подобрал что-то серебряное.

– Погоди-ка, – медленно произнёс он. – Это выглядит знакомо...

– Спасибо! – Мундунгус выхватил кубок из руки Рона и засунул его обратно в сак. – Ну, увидимся... АЙ!

Гарри схватил Мундунгуса за глотку и прижал к стене паба. Крепко держа его одной рукой, другой он вытащил волшебную палочку.

– Гарри! – взвизгнула Гермиона.

– Ты взял это из дома Сириуса, – обвиняюще заявил Гарри, стоя нос к носу с Мундунгусом и вдыхая исходящий от него неприятный запах старого табака и спирта. – Там был фамильный герб Блэков.

– Я... нет... что?.. – просипел Мундунгус, лицо которого медленно приобретало фиолетовый оттенок.

– Что, вернулся в ту ночь, когда он умер, чтобы обобрать дом?! – прорычал Гарри.

– Я... нет...

– Отдавай сейчас же!

– Гарри, ты не должен! – вскрикнула Гермиона, когда лицо Мундунгуса стало синим.

Послышался звук удара, и Гарри почувствовал, как его рука отлетела от горла Мундунгуса. Глотая воздух и шипя, Мундунгус схватил свой упавший саквояж, затем – БРЯК – дезаппарировал.

Гарри выругался во весь голос, разворачиваясь на месте, чтобы посмотреть, куда делся Мундунгус.

– ВЕРНИСЬ, ТЫ, ВОРЮГА!..

– Бесполезно, Гарри.

Из ниоткуда вдруг возникла Тонкс; её мышиного цвета волосы были мокры от дождя.

– Мундунгус сейчас, должно быть, уже в Лондоне. Орать бесполезно.

– Он тырил вещи Сириуса! Он их тырил!

– Да, но тем не менее, – сказала Тонкс, которую эта информация, похоже, абсолютно не взволновала, – тебе надо уйти с холода.

Она проследила, чтобы Гарри, Рон и Гермиона прошли в «Три метлы». Оказавшись внутри, Гарри тут же взорвался вновь: *«Он тырил вещи Сириуса!»*

– Я знаю, Гарри, но, пожалуйста, сядь, люди смотрят, – прошептала Гермиона. – Иди и сядь, я принесу что-нибудь выпить.

Через несколько минут, когда Гермиона вернулась к их столу с тремя бутылками сливочного пива, Гарри всё ещё кипел.

– Неужели Орден не может контролировать Мундунгуса?! – яростным шёпотом спросил Гарри друзей. – Неужели они не могут хотя бы не давать ему красть всё, что плохо лежит, когда он находится в штаб-квартире?

– Шшш! – отчаянно прошипела Гермиона, оглядываясь, чтобы проверить, не слушает ли кто; поблизости сидела пара чародеев, взиравших на Гарри с большим интересом, и неподалёку к столбу небрежно прислонился Забини. – Гарри, я бы на твоём месте тоже разозлилась, я знаю, что это он твои вещи крадёт...

Гарри подавился сливочным пивом; он на какое-то время совершенно забыл, что владеет домом двенадцать по площади Гриммола.

– Точно, это мои вещи! – заявил он. – Понятно, что он был не рад меня видеть! Ну ладно, я расскажу Дамблдору, что происходит, он единственный, кого боится Мундунгус.

– Отличная мысль, – прошептала Гермиона, явно довольная тем, что Гарри постепенно успокаивался. – Рон, что там такое интересное?

– Ничего такого, – быстро ответил Рон, тут же отвернувшись от бара; Гарри догадался, что он пытался найти привлекательную пышнотелую женщину, работающую в баре, мадам Розмерту, к которой он давно питал некоторую слабость.

– Мне кажется, это «ничего такого» сейчас в задней комнате, пополняет запасы огневиски, – ядовито сказала Гермиона.

Рон проигнорировал этот укол, потягивая эль в исполненном достоинства (как, видимо, ему казалось) молчании. Гарри думал о Сириусе и о том, что тот всё равно ненавидел эти серебряные кубки. Гермиона барабанила пальцами по столу, переводя глаза с Рона на бар и обратно.

Как только Гарри осушил свою бутылку, она предложила:

– Ну что, будем считать сегодняшнюю программу завершённой и пойдём обратно в школу?

Гарри и Рон кивнули; прогулка сложилась неудачно, и чем дольше они сидели, тем сильнее портилась погода. Вновь они поплотнее завернулись в плащи и шарфы и натянули перчатки; вслед за Кэти Белл и её подругой вышли из паба и направились обратно по Центральной улице. Пока они устало тащились к Хогвартсу по замёрзшей грязи, мысли Гарри ни с того ни с сего перекинулись на Джинни. Они не пересеклись с ней, думал Гарри, несомненно потому, что она с Дином уютно устроилась в чайном магазинчике мадам Паддифут, пристанище счастливых парочек. Сердито наклонив голову навстречу косым струям воды, он продолжил идти.

Прошло некоторое время, прежде чем Гарри осознал, что доносимые до них ветром голоса Кэти Белл и её подруги становятся всё громче и пронзительнее. Гарри искоса глянул на их размытые фигуры. Девушки спорили о чём-то, что Кэти держала в руках.

– Это тебя совершенно не касается, Линн! – услышал Гарри голос Кэти.

Дорога свернула; дождь усилился, заливая Гарри очки. В тот момент, когда он поднял руку в перчатке, чтобы стереть с них воду, Линн удалось вцепиться в свёрток, который держала Кэти; та потянула его обратно, и свёрток упал на землю.

Неожиданно Кэти взмыла в воздух; не так, как Рон, комично подвешенный за лодыжку, а грациозно, раскинув руки, словно собираясь полететь. Но тем не менее что-то в этом было не так, что-то жуткое... Ветер полоскал её волосы вокруг головы, но глаза её были закрыты, а лицо ничего не выражало. Гарри, Рон, Гермиона и Линн остановились как вкопанные, не отводя от Кэти глаз.

Затем, в шести футах над землёй, Кэти издала ужасающий вопль. Её глаза распахнулись, но что бы она ни видела или чувствовала, это причиняло ей страшную муку. Она кричала не останавливаясь; Линн тоже закричала и, ухватив Кэти за лодыжки, попыталась притянуть её обратно к земле. Гарри, Рон и Гермиона устремились на помощь, но как только они схватили Кэти за ноги, та свалилась на них; Гарри и Рон исхитрились её поймать, но девушка извивалась настолько отчаянно, что они с трудом её удерживали. Всё, что им удалось, – это положить Кэти на землю, где она металась и кричала, явно не в состоянии узнать кого-либо из них.

Гарри оглянулся; вокруг не было ни души.

– Оставайтесь здесь! – крикнул он остальным, пытаясь перекрыть вой ветра. – Я пойду за помощью!

Он рванул в направлении школы; ему никогда раньше не доводилось видеть, чтобы кто-то вёл себя так, как Кэти сейчас, и ему не приходило в голову никаких идей, что бы могло это вызвать; не снижая скорости, он прошёл поворот и врезался во то-то напоминающее огромное, вставшего на задние лапы медведя.

– Хагрид! – выдохнул он, выпутываясь из живой изгороди, в которую отлетел.

– Гарри! – воскликнул Хагрид, облачённый в своё огромное грубое пальто из бобровых шкур; капли воды виднелись в его бровях и бороде. – А я тока что ходил к Группу, он так быстро всё схватывает, ты не...

– Хагрид, там человек ранен, или проклят, или что-то типа...

– Чё? – переспросил Хагрид, склоняясь ниже, чтобы сквозь завывание ветра расслышать слова Гарри.

– Там человек проклят! – завопил Гарри.

– Проклят? Кто проклят – не Рон? Гермиона?

– Нет, это не они, это Кэти Белл – сюда...

Они вдвоём побежали по дороге обратно. Скоро они обнаружили маленькую группу людей, окружающих Кэти, которая по-прежнему корчилась и кричала, лежа на земле; Рон, Гермиона и Линн вместе пытались её успокоить.

– Назад! – крикнул Хагрид. – Дайте я на неё гляну!

– С ней что-то случилось! – всхлинула Линн. – Я не знаю что...

Секунду Хагрид смотрел на Кэти, затем без единого слова нагнулся, взял её на руки и побежал к замку. Спустя несколько секунд пронзительные вскрики Кэти затихли вдали, и всё, что они по-прежнему слышали, был вой ветра.

Гермиона поспешила к рыдающей подружке Кэти и обняла её за плечо.

– Тебя Линн зовут, да?

Девушка кивнула.

– Это произошло неожиданно, или?..

– Это было, когда порвался свёрток, – всхлипнула Линн, показывая на лежащий на земле промокший свёрток из коричневой бумаги; свёрток приоткрылся, и изнутри блестело что-то зелёное.

Рон нагнулся и протянул руку, но Гарри схватил её и потянул обратно.

– *Не прикасайся к нему!*

Он сел на корточки. Из бумаги кокетливо выглядывало украшенное опалами ожерелье.

– Я видел эту штуку раньше, – произнёс Гарри, не отрывая взгляда от ожерелья. – Когда-то давно она была на витрине у «Боргина и Бёркса». Там было написано, что это ожерелье проклято. Похоже, Кэти до него дотронулась. – Он поднял голову и посмотрел на Линн, начавшую шататься. – Как оно попало к Кэти?

– Ну... из-за этого мы и спорили. Она вышла из туалета в «Трёх метлах» со свёртком в руках, сказала, что это подарок кое для кого в Хогвартсе и что она должна его отнести. Она так странно выглядела, когда это говорила... О нет, о нет, конечно, она была под Империиусом, а я этого не заметила!

Линн вновь ударилась в слёзы. Гермиона мягко похлопала её по плечу.

– Она не сказала, кто передал это ей, Линн?

– Нет... она не хотела мне говорить... Я сказала, что она ведёт себя как дура, и чтобы она не несла его в школу, но она ничего не слушала, а... а потом я попыталась его у неё отнять, и... и... – и Линн испустила стон отчаяния.

– Давайте пойдём к школе, – сказала Гермиона, по-прежнему одной рукой обнимая Линн. – Там мы сможем узнать, как она. Давай...

Гарри мгновение помешкал, затем размотал с лица шарф и, не обращая внимания на «ах!» Рона, осторожно обернул шарфом ожерелье и поднял его.

– Надо будет показать это мадам Помфри, – пояснил он.

Следуя по дороге за Гермионой и Линн, Гарри лихорадочно размышлял. Уже войдя на территорию школы, он заговорил, не в силах больше удерживать мысли в голове.

– Малфой знает про это ожерелье. Оно было в витрине «Боргина и Бёркса» четыре года назад; когда я прятался от Малфоя и его отца, я видел, как Малфой его рассматривал. *Вот* что он покупал в тот день, когда мы за ним следили! Он вспомнил его и вернулся за ним!

– Я... я не знаю, Гарри, – неуверенно произнёс Рон. – В «Боргин и Бёркс» ходит куча народу... и вроде эта девушка сказала, что Кэти получила его в женском туалете?

– Она сказала, что она вышла из туалета с ним, не обязательно она его получила именно там...

– МакГонагалл! – предостерегающе произнёс Рон.

Гарри поднял голову. Действительно, по каменным ступеням им навстречу спешила профессор МакГонагалл.

– Хагрид утверждает, что вы четверо видели, что случилось с Кэти Белл, – прошу вверх, в мой кабинет! Что ты там держишь, Поттер?

– Это то, до чего она дотронулась, – ответил Гарри.

– Боже правый, – встревоженно сказала профессор МакГонагалл, забирая ожерелье из рук Гарри. – Нет, нет, Филч, они со мной! – поспешно добавила она в адрес Филча, нетерпеливо шаркающего к ним через холл с сенсором секретности наперевес. – Отнеси это ожерелье профессору Снейпу немедленно, и ни в коем случае не дотрагивайся до него, оставь его в шарфе!

Гарри и остальные последовали за профессором МакГонагалл вверх по лестнице и затем в её кабинет. Залитые дождём окна дребезжали в своих рамах; в комнате было холодно, несмотря на огонь, весело потрескивающий на каминной решётке. Профессор МакГонагалл закрыла дверь и быстро обошла свой стол, оказавшись лицом к Гарри, Рону, Гермионе и по-прежнему всхлипывающей Линн.

– Ну? – резко спросила она. – Что произошло?

С многочисленными остановками, пытаясь справиться с плачем, Линн рассказала профессору МакГонагалл, как Кэти пошла в туалет в «Трёх мётлах» и вернулась оттуда, держа в руках неподписанный свёрток; как Кэти выглядела немного странно; как они спорили о том, насколько разумно доставлять неизвестно что; и как этот спор закончился борьбой за свёрток, который в результате порвался. Дойдя до этого места, Линн стала настолько подавленной, что добиться от неё ещё хоть слова было невозможно.

– Хорошо, – мягко сказала профессор МакГонагалл. – Линн, пожалуйста, поднимись в больничное крыло и попроси мадам Помфри дать тебе чего-нибудь успокаивающего.

Как только она вышла из комнаты, профессор МакГонагалл вновь повернулась к Гарри, Рону и Гермионе.

– Что произошло, когда Кэти коснулась ожерелья?

– Она поднялась в воздух, – ответил Гарри, прежде чем Рон или Гермиона смогли заговорить. – Потом начала кричать, а потом свалилась. Профессор, можно мне пойти к профессору Дамблдору, пожалуйста?

– Директор до понедельника отсутствует, Поттер, – с удивлённым видом ответила профессор МакГонагалл.

– Отсутствует? – рассерженно повторил Гарри.

– Да, Поттер, отсутствует! – резко произнесла профессор МакГонагалл. – Но я уверена, что всё, что ты хочешь сообщить об этом ужасном происшествии, ты можешь рассказать и мне!

Какую-то долю секунды Гарри колебался. Профессор МакГонагалл не располагала к тому, чтобы верить ей секреты; Дамблдор, хоть и был во многих отношениях более пугающим, оказался бы предпочтительнее, ибо вряд ли высмеял бы его теорию, какой бы дикой она ни была. Однако это был вопрос жизни и смерти, и не время было волноваться о том, будут над ним смеяться или нет.

– Я думаю, что ожерелье Кэти дал Дрэйко Малfoy, профессор.

По одну сторону от него Рон потёр нос с явно смущённым видом; по другую Гермиона сделала движение ногой, словно стремясь немного увеличить дистанцию между собой и Гарри.

– Это очень серьёзное обвинение, Поттер, – после паузы (которая потребовалась ей, чтобы выйти из шока) произнесла профессор МакГонагалл. – Есть ли у тебя доказательства?

– Нет, – ответил Гарри, – но... – и он рассказал ей о том, как они следили за Малфоем до «Боргина и Бёркса» и как подслушали разговор между ним и Боргином.

Когда он закончил говорить, профессор МакГонагалл выглядела несколько смущённой.

– Малфой что-то отнёс в «Боргин и Бёркс» для ремонта?

– Нет, профессор, он только хотел, чтобы Боргин рассказал ему, как что-то починить, с собой у него этого не было. Но не в этом дело, суть в том, что он тогда же что-то купил, и я думаю, это и было то ожерелье...

– Ты видел, как Малфой выходил из магазина с похожим свёртком?

– Нет, профессор, он сказал Боргину придержать это для него в магазине...

– Но Гарри, – перебила Гермиона, – Боргин спросил тогда, хочет ли он забрать это с собой, а Малфой ответил «нет»...

– Ну разумеется, потому что он не хотел его касаться! – сердито ответил Гарри.

– В точности он тогда произнёс: «Как бы я выглядел, неся эту штуку по улице?», – заметила Гермиона.

– Ну вообще-то он действительно выглядел бы немного по-идиотски в этом ожерелье, – встрял Рон.

– Ох, Рон, – безнадежно сказала Гермиона. – Оно было бы тщательно завернуто, так что ему не пришлось бы его касаться, и он бы легко мог спрятать его под плащом, и никто бы не увидел! Я думаю, то, что он зарезервировал в «Боргине и Бёрксе», было либо очень громким, либо громоздким; что-то, что точно привлекло бы к нему внимание, если бы он понёс это по улице, и он об этом знал – и вообще, – повысила голос она, прежде чем Гарри смог вмешаться, – я же спросила Боргина об этом ожерелье, неужели не помнишь? Когда я туда вошла и попыталась выяснить, что Малфой просил его придержать, я же его видела. А Боргин просто назвал мне цену, он не сказал, что оно уже продано или что-то такое...

– Ну, ты была настолько очевидна, что он через пять секунд понял, что тебе нужно, разумеется, он не собирался тебе говорить – и вообще, Малфой мог заказать его позже...

– А ну хватит! – оборвала их профессор МакГонагалл, прежде чем разозлённая Гермиона открыла рот, чтобы парировать. – Поттер, я признательна за то, что ты мне это рассказал, но мы не можем обвинять Малфоя просто потому, что он посетил магазин, где могло быть приобретено это ожерелье. То же самое может быть верно в отношении сотен людей...

– Что я и говорил... – пробормотал Рон.

– ...и в любом случае, мы в этом году применили здесь такие строгие меры безопасности, я не верю, что ожерелье могло попасть внутрь школы без нашего ведома...

– ...но...

– ...и более того, – поставила точку профессор МакГонагалл, – мистера Малфоя сегодня не было в Хогсмиде.

Гарри неподвижно таращился на неё, резко остывая.

– Откуда вы знаете, профессор?

– Потому что он отбывал у меня наказание. Он не сделал домашнюю работу по трансфигурации дважды подряд. Так что спасибо за то, что ты высказал мне свои подозрения, Поттер, – сказала она, проходя мимо них, – но сейчас мне надо идти в больничное крыло проводить Кэти Белл. Желаю вам всем приятного дня.

Она открыла дверь кабинета и удерживала её рукой. Им не оставалось ничего, кроме как без единого слова по очереди пройти мимо неё.

Гарри был сердит на своих друзей за то, что они приняли сторону МакГонагалл; тем не менее он не мог не присоединиться к ним, когда они начали обсуждать произошедшее.

– Как ты думаешь, кому Кэти должна была передать ожерелье? – спросил Рон, когда они поднимались по лестнице в общую комнату.

– А кто его знает, – ответила Гермиона. – Но кто бы это ни был, ему крупно повезло. Никто не смог бы открыть свёрток, не коснувшись ожерелья.

– Оно могло предназначаться куче народу, – сказал Гарри. – Дамблдору – Пожиратели Смерти с удовольствием бы избавились от него, он должен быть одной из их главных целей. Или Слагхорну – Дамблдор считает, что он был очень нужен Волдеморту, и они теперь вряд ли довольны, что он на стороне Дамблдора. Или...

– Или тебе, – с обеспокоенным видом закончила Гермиона.

– Это вряд ли, – возразил Гарри, – иначе Кэти просто повернулась бы и дала его мне там, на дороге, разве не так? Я был прямо за её спиной всю дорогу от «Трёх мётел». Доставить свёрток куда-то вне Хогвартса имело бы гораздо больший смысл, с учётом того, что Филч обыскивает всех входящих и выходящих. Удивляюсь, почему Малфой сказал ей отнести его в замок?

– Гарри, Малфоя не было в Хогсмиде! – сказала Гермиона, аж притопнув ногой от расстройства.

– Ну значит, это был его сообщник, – ответил Гарри. – Крэбб или Гойл – или, если хорошенько подумать, скорее всего ещё какой-нибудь Пожиратель Смерти; теперь, когда он один из них, у него есть дружки куда лучше Крэбба с Гойлом...

Рон и Гермиона обменялись взглядами, в которых явственно читалось: «спорить с ним бесполезно».

– Диаллигаут, – твёрдо проговорила Гермиона, когда они подошли к Полной Леди.

Портрет распахнулся, пропуская их в общую комнату. Она была заполнена людьми и пахла сырой одеждой; похоже, из-за плохой погоды многие вернулись из Хогсмида пораньше. Однако беспокойного гудения, наполненного страхом и версиями, не было; очевидно, новости о происшедшем с Кэти пока не распространились.

– Если хорошенько подумать, это трудно назвать очень уж хитрым нападением, – заметил Рон, буднично выпихнув какого-то первокурсника из удобного кресла у огня и усевшись в него. – Проклятие даже до замка не дошло. Никакой защиты от дурака.

– Совершенно верно, – согласилась Гермиона, ногой вытолкнув Рона из кресла и предложив первокурснику усесться обратно. – Этот план был совсем не продуман.

– Но с каких это пор Малфой считается одним из величайших мыслителей мира? – задал риторический вопрос Гарри.

Ни Рон, ни Гермиона ему не ответили.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

СКРЫТЫЙ РИДДЛ⁵⁴

Кэти забрали в Больницу магических болезней и травм св. Мунго на следующий день. К этому времени известие о том, что её проклинали, распространилось по всей школе, хотя подробностей никто не знал; похоже, лишь Гарри, Рону, Гермионе и Линн было известно, что настоящей целью злоумышленника являлась не Кэти.

– О, и Малфой, конечно, знает, – сказал Гарри Рону и Гермионе; те по-прежнему притворялись глухими всякий раз, как Гарри касался своей теории «Малфой – Пожиратель Смерти».

Гарри размышлял, успеет ли Дамблдор вернуться оттуда, где он был, к назначенному для вечернего урока времени. Не имея доказательств обратного, он явился к кабинету Дамблдора ровно в восемь часов вечера, постучался и получил разрешение войти. Дамблдор сидел на своём месте с чрезвычайно усталым видом; рука его была такая же чёрная и обожжённая, как раньше; однако он улыбнулся, жестом пригласив Гарри сесть. Ситодум вновь стоял на столе, отбрасывая на потолок серебристый отсвет.

– Ты был сильно занят в моё отсутствие, – произнёс Дамблдор. – Насколько я знаю, ты был свидетелем инцидента с Кэти.

– Да, сэр. Как она?

– Всё ещё очень плохо. Должен сказать, что ей ещё повезло: похоже, она коснулась ожерелья исключительно маленьким участком кожи, в её перчатке оказалась крошечная дырка. Если бы она его надела, даже если бы просто взяла его рукой без перчатки – она бы умерла, скорее всего мгновенно. К счастью, профессор Снейп смог сделать достаточно для того, чтобы остановить быстрое распространение проклятия.

– Почему он? – быстро спросил Гарри. – Почему не мадам Помфри?

– Какая дерзость! – заявил негромкий голос из одного из портретов на стене, и притворявшийся спящим Финеас Найджеллус Блэк, прапрадед Сириуса, оторвал голову от сложенных рук. – В моё время я бы не позволил ученикам задавать вопросы, касающиеся работы Хогвартса.

– Да, благодарю тебя, Финеас, – успокаивающе ответил Дамблдор. – Профессор Снейп знает о Тёмных искусствах гораздо больше, нежели мадам Помфри, Гарри. Как бы то ни было, работники больницы св. Мунго посылают мне доклады ежечасно, и я полон надежды на то, что со временем Кэти полностью выздоровеет.

– Где вы были в эти выходные, сэр? – спросил Гарри, подавляя ощущение, что он искушает судьбу; так же, видимо, думал и Финеас Найджеллус – тот что-то мягко прошепел.

– Я предпочёл бы воздержаться от ответа прямо сейчас, – произнёс Дамблдор. – Однако в нужное время я тебе расскажу.

– Расскажите? – поражённо переспросил Гарри.

⁵⁴ Secret Riddle. Игра слов: название главы может переводиться как «Скрытый Риддл» и как «Тайная загадка». Увы, передать эту игру слов мне не удалось.

– Полагаю, да, – с этими словами Дамблдор извлёк из своей мантии новую бутылочку с серебристым воспоминанием и открыл её касанием волшебной палочки.

– Сэр, – напряжённо сказал Гарри, – я встретил Мундунгуса в Хогсмиде.

– А, да, я уже в курсе, что Мундунгус чересчур вольно обращался с твоим наследством, – слегка нахмурился Дамблдор. – Он осознал свою неправоту после того, как ты поприветствовал его возле «Трёх мётел»; мне даже кажется, что он боится показаться мне на глаза. Однако можешь быть уверенным в том, что он не будет более выносить из дома вещей, принадлежавших Сириусу.

– Этот старый паршивый полукровка крал реликвии Блэков? – в ярости вскричал Финеас Найджеллус, после чего тут же прошествовал за пределы картины, несомненно чтобы нанести визит в свой портрет в доме двенадцать по площади Гриммола.

– Профессор, – спросил Гарри после небольшой паузы. – Профессор МакГонагалл передала вам то, что я рассказал ей после того случая с Кэти? Про Дрэйко Малфоя?

– Она рассказала мне о твоих подозрениях, да, – подтвердил Дамблдор.

– А вы?..

– Я приму все необходимые меры для проведения расследования в отношении каждого, кто мог бы быть причастен к происшествию с Кэти. Но сейчас меня в первую очередь занимает наш урок.

Гарри немного обиделся: если эти занятия столь важны, почему был такой большой промежуток между первым и вторым? Однако он оставил дальнейшие мысли о Дрэйко Малфое при себе и молча следил за тем, как Дамблдор наполняет ситодум свежим воспоминанием и слегка вращает каменную чашу своими длинными пальцами.

– Ты, разумеется, помнишь, что мы отложили историю начала пути Лорда Волдеморта на том месте, где красивый маггл Том Риддл бросил свою жену Меропу и вернулся в родной дом в Литтл-Хэнглатоне. Меропа осталась одна в Лондоне, ожидая ребёнка, который впоследствии должен был стать Лордом Волдемортом.

– Откуда вы знаете, что она была в Лондоне, сэр?

– Из свидетельства некоего Карактакуса Бёрка, – ответил Дамблдор, – который, по странному совпадению, участвовал в основании того самого магазина, в котором было продано ожерелье, которое мы только что обсуждали.

Он вращал содержимое ситодума, как и в предыдущие разы, словно золотонскатель, промывающий породу в поисках золота. Из вихрящейся серебряной массы вверх поднялась медленно вращающаяся фигура невысокого пожилого мужчины, серебристая, словно призрак, но гораздо более плотная, с густой шевелюрой, полностью закрывавшей глаза.

– Да, мы заполучили его при любопытных обстоятельствах. Нам его принесла молодая ведьма перед самым Рождеством, когда же это было, много уже лет назад... Она сказала, что очень нуждается в деньгах, ну вообще-то это было и так видно. Одета в тряпье и совершенно одна... да ещё и готовилась родить. Она сказала, что медальон когда-то принадлежал Слизерину. Ну, эту историю мы всё время слышим, «о, это принадлежало Мерлину, точно принадлежало, это был его любимый чайник», но, когда я взглянул на него, там действительно была его монограмма, и несколько простых заклинаний позволили мне узнать

правду. Да, медальон оказался практически бесценный. Она и понятия не имела о его истинной стоимости. Счастлива была, когда получила за него десять галлеонов. Лучшая сделка из всех, какие мы когда-либо совершали!

Дамблдор встрянул ситодум сильнее обычного, и Карактакус Бёрк погрузился обратно в серебристую массу воспоминания, из которой появился.

– Он дал ей всего десять галлеонов? – возмущённо сказал Гарри.

– Карактакус Бёрк никогда не славился особой щедростью. Теперь мы знаем, что к концу своей беременности Мeroпа была в Лондоне и отчаянно нуждалась в деньгах, настолько отчаянно, что продала свою единственную и последнюю драгоценность, медальон, бывший одной из фамильных реликвий Марволо.

– Но она ведь могла применять магию! – нетерпеливо воскликнул Гарри. – Она могла добывать себе еду и прочее магией, так?

– А, – ответил Дамблдор, – вероятно, могла. Но я предполагаю – это вновь лишь догадка, но я уверен, что она верна, – что, когда муж её бросил, Мeroпа перестала использовать магию. Я не думаю, что она хотела оставаться ведьмой. Разумеется, нельзя исключить также возможности того, что её безответная любовь и вызванное ею отчаяние лишили её сил; такое бывает. В любом случае, как ты скоро увидишь, она отказалась использовать свою волшебную палочку даже для спасения собственной жизни.

– Она не хотела жить даже ради сына?

Дамблдор поднял брови.

– Может быть, ты начинаешь жалеть Лорда Волдеморта?

– Нет, – быстро ответил Гарри, – но у неё был выбор, разве не так? В отличие от моей матери...

– У твоей матери тоже был выбор, – мягко сказал Дамблдор. – Да, Мeroпа Риддл выбрала смерть, несмотря на то, что сын нуждался в ней, но не суди её слишком строго, Гарри. Она была чрезвычайно ослаблена долгим страданием, и она никогда не обладала храбростью твоей матери. А теперь, если тебя не затруднит, подойди сюда...

– Куда мы пойдём? – спросил Гарри, когда Дамблдор присоединился к нему перед своим столом.

– На сей раз мы войдём в моё воспоминание. Я думаю, ты найдёшь его и весьма детальным, и достаточно точным. После тебя, Гарри...

Гарри склонился над ситодумом; его лицо коснулось прохладной поверхности воспоминания, и он снова начал падать сквозь тьму... несколько секунд спустя Гаррины ноги ударились о твёрдую землю, он открыл глаза и обнаружил, что они с Дамблдором стоят на заполненной народом старой лондонской улочке.

– Вон я, – весело произнёс Дамблдор, показывая пальцем на высокую фигуру, переходящую через дорогу перед запряжённой лошастью повозкой молочника.

Длинные волосы и борода этой молодой версии Дамблдора были светло-каштановыми. Достигнув их стороны улицы, он направился широким шагом вдоль тротуара, притягивая многочисленные любопытные взгляды своим тёмно-фиолетовым бархатным костюмом весьма экстравагантного покроя.

– Милый костюм, сэр, – брякнул Гарри, прежде чем смог сдержать себя, но Дамблдор лишь усмехнулся. Они некоторое время следовали за молодой версией Дамблдора, пока не прошли наконец через железные ворота в бедный дворик. Дворик раскинулся перед мрачноватым квадратным зданием, огороженным высоким забором. Молодой Дамблдор в несколько шагов преодолел расстояние до парадной двери и постучал. Через несколько секунд дверь открыла неряшливого вида девушка в фартуке.

– Добрый день, мне назначена встреча с миссис Коул – она, я полагаю, здесь главная?

– О, – сказала девушка, явно сбитая с толку эксцентричным внешним видом Дамблдора.

– Аа... момент... МИССИС КОУЛ! – прокричала она, развернув голову внутрь здания.

Гарри услышал далёкий голос, кричащий что-то в ответ. Девушка обернулась обратно к Дамблдору.

– Входите, она щас будет.

Дамблдор шагнул в прихожую, выложенную чёрными и белыми плитками; всё вокруг выглядело ветхим, но вылизанно-чистым. Гарри и старый Дамблдор прошли за ним. Прежде чем входная дверь закрылась за ними, им навстречу торопливо вышла худая, утомлённая на вид женщина. У неё было острое лицо, скорее озабоченное, чем недоброе, и, направляясь к Дамблдору, она одновременно говорила через плечо ещё одной своей помощнице в фартуке:

– ...и отнеси йод наверх Марте, Билли Стаббс опять расковырял свои болячки, а Эрик Уэлли запачкал всю простыню – ещё и ветрянка, в кучу ко всему прочему, – добавила она, не обращая ни к кому конкретно; затем её взгляд пал на Дамблдора, и она замерла как вкопанная с таким ошеломлённым видом, словно на её пороге появился жираф.

– Добрый день, – поздоровался Дамблдор, протянув руку.

Миссис Коул стояла и таращилась на него.

– Моё имя Альбус Дамблдор. Я послал вам письмо с просьбой о встрече, и вы любезно пригласили меня на сегодня.

Миссис Коул мигнула. Придя к выводу, что Дамблдор, по-видимому, не является галлюцинацией, она слабым голосом произнесла:

– Ах, да. Вот... ну, тогда – пройдёмте ко мне в комнату. Да.

Она привела Дамблдора в маленькую комнату, судя по всему, совмещавшую в себе гостиную и кабинет. Комната была такой же обветшалой, как и холл; вся мебель была старая и разнокалиберная. Миссис Коул пригласила Дамблдора занять расшатанный стул, а сама уселась за загромождённый всякой всячиной стол и вперила в Дамблдора нервный взгляд.

– Как я уже упоминал в своём письме, я здесь для того, чтобы обсудить Тома Риддла и заняться устройством его будущего.

– Вы его родственник? – поинтересовалась миссис Коул.

– Нет, я преподаватель, – ответил Дамблдор. – Я пришёл, чтобы пригласить Тома в мою школу.

– А что это за школа?

– Она носит название «Хогвартс».

– А почему вас интересует именно Том?

– Мы считаем, что у него есть качества, которые нам нужны.

– Вы имеете в виду, что он выиграл конкурс на обучение? Как он мог это сделать? Он никогда не подавал никаких заявок.

– Ну, его имя было в списке учеников нашей школы с его рождения...

– Кто его туда внёс? Его родители?

Несомненно, миссис Коул была весьма умной женщиной, что вызывало определённые затруднения. Видимо, Дамблдор думал так же, ибо Гарри увидел, как он извлёк волшебную палочку из кармана своего бархатного костюма, одновременно взяв со стола миссис Коул совершенно чистый лист бумаги.

– Вот, – сказал Дамблдор, взмахнув палочкой и протянув ей лист бумаги. – Я думаю, это снимет все вопросы.

Глаза миссис Коул на мгновение приобрели пустое выражение, после чего она внимательно взгляделась в чистый лист.

– Да, похоже, всё абсолютно верно, – спокойно сказала она, протягивая лист обратно. Затем её взор обратился на бутылку джина и два бокала, которых здесь только что определённо не было.

– Э... могу ли я предложить вам бокал джина? – предложила она сверхутивным голосом.

– Буду вам очень благодарен, – просиял в ответ Дамблдор.

Скоро стало ясно, что в вопросе поглощения джина миссис Коул была не новичком. Налив в оба бокала приличное количество напитка, она осушила свой одним глотком. После этого она откровенно причмокнула губами от удовольствия и впервые улыбнулась Дамблдору. Тот не упустил возможности развить успех.

– Интересно, не могли бы вы рассказать мне что-нибудь об истории Тома Риддла? Кажется, он родился здесь, в приюте?

– Именно так, – ответила миссис Коул, наливая себе ещё джина. – Я помню это абсолютно чётко, потому что сама как раз тогда начинала здесь работать. Был вечер перед Новым годом, и жуткая холодина, снегопад, ну вы понимаете. Мерзкая ночь. И эта девушка, ненамного старше, чем я тогда была, с трудом добрела до нашего крыльца. Ну, не она первая. Мы впустили её, и через час она родила младенца. А ещё через час она умерла.

Миссис Коул внушительно кивнула и сделала ещё один немаленький глоток джина.

– Сказала ли она что-нибудь перед смертью? – спросил Дамблдор. – Например, что-нибудь об отце мальчика?

– Вы знаете, так получилось, что сказала, – миссис Коул явно наслаждалась ситуацией: джин в руке и благодарная аудитория напротив.

– Помню, она мне сказала: «Надеюсь, он похож на папу», – и не буду врать, ей только на это и оставалось надеяться, сама-то она была совсем не красавица – и потом она сказала мне, что его надо назвать Томом, в честь его отца, и Марволо, в честь её отца – да, знаю, забавное имя, ага? Мы тогда ещё подумали, не из цирка ли она, – и ещё она сказала, что фамилия мальчика Риддл. И больше она ни слова не произнесла, а вскоре после умерла.

Вот, мы называли его как она сказала, это выглядело для бедняжки таким важным, но ни Том, ни Марволо, ни хоть кто-то по фамилии Риддл ни разу о нём не справлялся, вообще ни один родственник, так что он остался в приюте, ну и с тех пор он здесь.

Миссис Коул с отсутствующим выражением лица налила себе ещё одну приличную порцию джина. Её скулы слегка порозовели. Затем она произнесла:

– Станный ребёнок.

– Да, – согласился Дамблдор. – Я предполагал, что такое возможно.

– Младенцем тоже был странным. Почти никогда не плакал, представляете. А потом, когда немного подрос, стал... необычным.

– В каком именно смысле «необычным»? – мягко поинтересовался Дамблдор.

– Ну, он...

Однако тут миссис Коул прервалась и бросила на Дамблдора пытливый взгляд, не содержащий ни намёка на туман и рассеянность.

– Вы говорите, он точно получил место в вашей школе?

– Совершенно точно, – подтвердил Дамблдор.

– И то, что я тут говорю, этого не изменит?

– Абсолютно.

– Вы в любом случае его заберёте?

– В любом случае, – веско ответил Дамблдор.

Она искоса посмотрела на него, словно решая, доверять ему или нет. Похоже, она решила, что можно доверять, потому что неожиданно выпалила:

– Другие дети его боятся.

– Вы имеете в виду, что он пристаёт к ним? – уточнил Дамблдор.

– Подозреваю, что да, – чуть нахмурилась миссис Коул. – Но его очень трудно за этим поймать. Однако были происшествя... скверные случаи...

Дамблдор не настаивал на продолжении, хотя Гарри видел, что он был заинтригован. Миссис Коул снова глотнула джина, и её розовые щёки порозовели ещё больше.

– Кролик Билли Стаббса... ну, Том *утверждал*, что он не делал этого, и я не понимаю, как он мог бы это сделать, но так или иначе, не сам же он повесился на стропилах?

– Да, это вряд ли, – тихо согласился Дамблдор.

– Но чёрт меня побери, если я знаю, как он умудрился туда залезть, чтобы сделать это! Всё, что я знаю, – это что за день до того они с Билли поссорились. А потом... – миссис Коул хлебнула ещё джина, на сей раз чуть пролив мимо рта, – во время летнего выезда – ну вы знаете, мы их раз в году вывозим из Лондона в деревню или на море – вот, с тех пор Эми Бенсон и Деннис Бишоп немного... не в себе; и всё, что нам удалось из них вытянуть, это что они пошли в пещеру вместе с Томом Риддлом. Он поклялся, что они просто ушли исследовать пещеру, но *что-то* там произошло, я уверена. И ещё, ну, много было случаев, странных случаев...

Она опять глянула на Дамблдора, и, хотя её щёки пылали, взгляд оставался твёрдым.

– Не думаю, что кто-нибудь сильно расстроится, если он нас оставит.

– Я уверен, вы понимаете, что мы не будем держать его там постоянно? – уточнил Дамблдор. – Он будет возвращаться сюда, по крайней мере, каждое лето.

– Что ж, всё лучше, чем терпеть эту занозу всё время, – слегка икнув, ответила миссис Коул. Она поднялась на ноги, и Гарри был впечатлён тем, как твёрдо она держится на ногах,

учитывая, что от содержимого бутылки осталась лишь треть. — Я думаю, вы хотели бы его увидеть?

— Очень хотел бы, — следом за ней встал и Дамблдор.

Миссис Коул повела его прочь из кабинета, затем вверх по каменной лестнице, раздавая указания и замечания своим помощникам и детям, мимо которых проходила. Сироты, разглядел Гарри, все носили одинаковую одежду — что-то типа сероватой туники. Они выглядели довольно ухоженными, но тем не менее место, в котором росли эти дети, явно было мрачноватым.

— Пришли, — сказала миссис Коул, когда они свернули на второй лестничной площадке в длинный коридор и остановились перед первой дверью. Она дважды стукнула в дверь и вошла.

— Том? К тебе посетитель. Это мистер Дамбертон — простите, Дандербор. Он хочет тебе сказать... А, ну пусть он сам скажет.

Гарри и оба Дамблдора вошли в комнату, и миссис Коул закрыла за ними дверь. Это была маленькая комната, в которой не было абсолютно ничего, за исключением гардероба и железной кровати. На стопке серых одеял, вытянув перед собой ноги, сидел мальчик с книгой в руках.

В лице Тома Риддла не было ничего общего с Гонтами. Предсмертное желание Меропы исполнилось: он был точной миниатюрной копией своего отца. Он был темноволос, бледен и довольно высок для своих одиннадцати лет. Глядя на эксцентричный внешний вид Дамблдора, он чуть прищурился. На несколько мгновений в комнате повисло молчание.

— Здравствуй, Том, — произнёс Дамблдор, сделав шаг вперёд и протянув руку.

Мальчик заколебался, затем протянул свою руку, и они обменялись рукопожатием. Дамблдор пододвинул к кровати Риддла жёсткий деревянный стул, так что они двое выглядели как пациент больницы и пришедший к нему посетитель.

— Я профессор Дамблдор.

— «Профессор»? — с настороженным видом переспросил Риддл. — Это что-то типа доктора? Что вам здесь надо? Это *она* вас прислала, чтобы вы меня осмотрели? — он указал рукой на дверь, через которую только что ушла миссис Коул.

— Нет, нет, — улыбнулся Дамблдор.

— Я вам не верю. Она хочет, чтобы меня осмотрели, так? Говорите правду!

Последние два слова он произнёс с такой звонкой силой, что они почти шокировали. Это был приказ, и звучал он так, словно отдавался ранее многократно. Глаза Риддла расширились, и он не отрываясь смотрел на Дамблдора; тот никак не отреагировал на приказ, лишь продолжал приятно улыбаться. Несколько секунд спустя Риддл опустил глаза, но выглядел, если такое возможно, ещё более настороженно.

— Кто вы такой?

— Я уже сказал. Меня зовут профессор Дамблдор, я работаю в школе, которая называется Хогвартс. Я пришёл, чтобы пригласить тебя учиться в моей школе — в твоей новой школе, если ты захочешь прийти.

Реакция Риддла на эти слова была удивительной. Он соскочил с кровати и с яростным видом попятился от Дамблдора.

– Вы меня не проведёте! Из психушки, вот вы откуда, так ведь? «Профессор», да, конечно – так вот, никуда я не пойду, ясно? Этой старой кошке место в психушке, а не мне! Я ничего не сделал ни маленькой Эми Бенсон, ни Деннису Бишопу, можете их спросить, они вам скажут!

– Я не из психушки, – терпеливо ответил Дамблдор. – Я преподаватель, и если ты посидишь спокойно, то я расскажу тебе про Хогвартс. Разумеется, если ты решишь не ходить в школу, никто тебя принуждать не будет...

– Посмотрел бы я на того, кто попробует, – ядовито усмехнулся Риддл.

– Хогвартс, – продолжил Дамблдор, словно не слыша последней реплики Риддла, – это школа для людей с особыми способностями...

– Я не псих!

– Я знаю, что ты не псих. Хогвартс – это не школа для сумасшедших. Это школа магии.

Пало молчание. Риддл застыл на месте, лицо его было бесстрастным, однако глаза бегали взад-вперёд между обоими Дамблдорами, словно пытаясь поймать одного из них на лжи.

– Магии? – шёпотом переспросил он.

– Совершенно верно.

– Так это... это магия, то, что я могу делать?

– А что именно ты можешь делать?

– Всякое, – выдохнул Риддл. Он раскраснелся от возбуждения – сперва шея, затем впалые щёки; он был словно в лихорадке. – Я могу двигать предметы, не касаясь их. Могу заставлять животных делать то, что я хочу, не дрессируя их. Я могу делать разные плохие вещи людям, которые меня раздражают. Я могу причинять им боль, если хочу.

Его ноги дрожали. Спотыкаясь, он сделал несколько шагов и снова уселся на кровати, глядя на свои руки, склонив голову, словно в молитве.

– Я знал, что я не такой, как они, – прошептал он, обращаясь к своим трясущимся пальцам. – Я знал, что я особенный. Всегда знал, что есть что-то такое.

– Что ж, ты был прав, – сказал Дамблдор, прекративший улыбаться, но внимательно наблюдавший за Риддлом. – Ты колдун.

Риддл поднял голову. Его лицо преобразилось: на нём была написана дикая радость, однако по какой-то причине его внешность не стала от этого более привлекательной; напротив, его тонкие черты лица казались более грубыми, а выражение – почти звериным.

– И вы тоже колдун?

– Да.

– Докажите, – тут же потребовал Риддл таким же командным тоном, каким он раньше произнёс «говорите правду».

Дамблдор поднял брови.

– Если ты согласен обучаться в Хогвартсе – а я так понимаю, что ты согласен...

– Конечно, согласен!

– В таком случае ты будешь обращаться ко мне «профессор» или «сэр».

На какое-то мгновение черты лица Риддла отвердели; затем он неузнаваемо вежливым тоном произнёс:

– Прошу прощения, сэр. Я хотел сказать – пожалуйста, профессор, не могли бы вы показать мне?..

Гарри был уверен, что Дамблдор откажет; что он скажет Риддлу, что в Хогвартсе будет полно времени для практических занятий, что они находятся в здании, полном магглов, и потому должны быть осторожными. Однако, к его величайшему удивлению, Дамблдор извлёк из внутреннего кармана жилета свою волшебную палочку, направил её на ветхий гардероб в углу и небрежно взмахнул.

Гардероб вспыхнул.

Риддл вскочил на ноги. Гарри не мог винить его за вскрик потрясения и ярости – должно быть, там были все его вещи; но, прежде чем Риддл набросился на Дамблдора, пламя исчезло, оставив гардероб целым и невредимым.

Риддл переводил глаза с гардероба на Дамблдора, затем с выражением жадности на лице показал на палочку.

– Где я могу достать такую же?

– Всему своё время, – ответил Дамблдор. – Кажется, что-то хочет выбраться из твоего гардероба.

И точно, изнутри шкафа доносилось слабое дребезжание. Впервые Риддл выглядел испуганным.

– Открой дверцу, – приказал Дамблдор.

Риддл помешкал, затем пересёк комнату и распахнул дверцу гардероба. На верхней полке, над вешалкой с потёртой одеждой, лежала маленькая картонная коробка. Она шаталась и дребезжала, словно внутри неё сидело несколько безумных мышей.

– Достань её.

Риддл вытащил дрожащую коробку. Он явно нервничал.

– Есть ли в этой коробке что-то, чему у тебя не полагается быть? – спросил Дамблдор.

Риддл кинул в Дамблдора долгий, ясный, оценивающий взгляд.

– Да, я думаю, есть, сэр, – наконец без всякого выражения произнёс он.

– Открой.

Риддл снял крышку и вывалил содержимое коробки на кровать, не глядя на него. Гарри ожидал увидеть нечто гораздо более интересное, но увидел кучку повседневных мелочей, в том числе йо-йо, серебряный напёрсток и потускневшую губную гармошку. Вывалившись из коробки, они перестали дрожать и неподвижно лежали на тонком одеяле.

– Ты вернёшь всё это владельцам и извинишься, – спокойно произнёс Дамблдор, убирая волшебную палочку обратно внутрь жилета. – Я узнаю, сделал ты это или нет. И имей в виду: воровство в Хогвартсе не допускается.

Риддл даже отдалённо не выглядел смущённым; он холодно и оценивающе смотрел на Дамблдора. Наконец он абсолютно бесцветным голосом произнёс:

– Да, сэр.

– В Хогвартсе, – продолжил Дамблдор, – мы учим не только применять магию, но и контролировать её. Ты – я уверен, неумышленно – применял свои способности так, как в нашей школе не учат и не принимают. Не ты первый, не ты последний, кто выпустил свою магию из-под контроля. Но тебе следует знать, что Хогвартс может исключать своих учеников, а Министерство магии – да, есть такое министерство – наказывает нарушителей закона ещё более сурово. Все новые колдуны должны согласиться с тем, что, входя в наш мир, они подчиняются нашим законам.

– Да, сэр, – снова ответил Риддл.

Что он думает, понять было невозможно; лицо Риддла оставалось совершенно бесстрастным, пока он складывал свою коллекцию краденых предметов обратно в коробку. Когда он закончил, он повернулся к Дамблдору и прямо сказал:

– У меня нет денег.

– Это легко поправимо, – Дамблдор извлёк из кармана кожаный мешочек с деньгами. – В Хогвартсе есть фонд для тех, кому требуется помощь в приобретении книг и мантий. Возможно, тебе придётся купить часть учебников и прочего б/у, но...

– Где можно купить учебники? – перебил Риддл, изучая большой золотой галлеон; он взял тяжёлый мешочек, не поблагодарив Дамблдора.

– В Косом переулке, – ответил Дамблдор. – У меня здесь список книг и школьного снаряжения. Я могу помочь тебе найти всё...

– Вы идёте со мной? – поднял глаза Риддл.

– Разумеется, если ты...

– Не надо, – заявил Риддл. – Я привык делать всё сам, я всё время хожу по Лондону самостоятельно. Как добраться до Косого переулка... сэр? – добавил он, поймав взгляд Дамблдора.

Гарри подумал, что Дамблдор будет настаивать на том, чтобы сопровождать Риддла, но его снова ждал сюрприз. Дамблдор протянул Риддлу конверт, содержащий его список снаряжения, и, рассказав ему, как добраться до «Дырявого Котла», добавил:

– Ты сможешь его увидеть, в то время как маглы вокруг тебя – то есть немагический народ – нет. Спроси бармена Тома – достаточно легко запомнить, он твой тёзка...

Риддл раздражённо дёрнулся, словно пытаясь отогнать надоедливую муху.

– Тебе не нравится имя «Том»?

– Томов полно, – пробормотал Риддл. Затем, словно не в силах подавить вопрос, словно этот вопрос вырвался помимо его воли, он спросил:

– Мой отец был колдуном? Его тоже звали Том Риддл, мне рассказали.

– Боюсь, я не знаю, – мягким голосом ответил Дамблдор.

– Не могла же моя мать быть ведьмой, иначе она бы не умерла, – произнёс Том, скорее себе, чем Дамблдору. – Это должен был быть он. Так – после того как я достану все свои вещи – когда я должен прийти в этот Хогвартс?

– Все подробности на втором листе пергамента в твоём конверте. Ты отъедешь со станции Кингс-Кросс первого сентября. Билет на поезд тоже там, внутри.

Риддл кивнул. Дамблдор поднялся на ноги и вновь протянул руку. Пожимая её, Риддл сказал:

– А ещё я могу говорить со змеями. Я узнал это, когда мы выезжали за город, – они меня нашли, они мне шептали. Это нормально для колдуна?

Гарри был уверен, что он откладывал упоминание об этой самой странной своей особенности до последнего момента, стремясь произвести наибольшее впечатление.

– Это необычно, – ответил Дамблдор, чуть поколебавшись, – но не уникально.

Он произнёс это небрежным тоном, но глаза его с любопытством обшаривали лицо Риддла. Некоторое время они стояли – мальчик и мужчина, глядящие друг на друга. Затем они разжали руки; Дамблдор отошёл к двери.

– До свидания, Том. Увидимся в Хогвартсе.

– Думаю, достаточно, – произнёс седовласый Дамблдор, стоящий рядом с Гарри, и несколько секунд спустя они вновь невесомо взмыли сквозь тьму, после чего приземлились в кабинете.

– Садись, – пригласил Дамблдор, приземляясь рядом с Гарри.

Гарри подчинился, всё ещё думая о том, что он только что увидел.

– Он поверил гораздо быстрее, чем я, – в смысле, когда вы сказали ему, что он колдун, – заметил Гарри. – Я сначала не поверил Хагриду, когда он мне сказал.

– Да, Риддл был полностью готов поверить в то, что он – говоря его словами – «особенный».

– Вы знали – тогда? – спросил Гарри.

– Знал ли я, что только что познакомился с самым опасным Тёмным колдуном всех времён? – переспросил Дамблдор. – Нет, я не имел ни малейшего представления, что он вырастет в то, чем является сейчас. Однако он меня определённо заинтриговал. Я вернулся в Хогвартс, намереваясь приглядывать за ним – в общем-то, я в любом случае должен был это делать, с учётом того, что он был один и не имел друзей, – но уже тогда я чувствовал, что должен делать это не только ради него, но и ради других.

Его способности, как ты слышал, были поразительно хорошо развиты для столь юного колдуна, и – самое интересное и зловещее – он уже обнаружил, что может ими в какой-то степени управлять, и начал сознательно использовать их. И, как ты видел, это не были случайные эксперименты, типичные для юных колдунов: он уже применял магию против других людей, для того чтобы запугивать, чтобы наказывать, чтобы управлять. Эти маленькие истории про задушенного кролика и про мальчика с девочкой, которых он заманил в пещеру, были наиболее показательны... *Я могу причинять им боль, если хочу...*

– И он был Рассегубом, – перебил Гарри.

– Да, конечно; редкий дар, и предположительно связанный с Тёмными искусствами, хотя мы знаем, что Рассегубы были и среди великих добрых колдунов. На самом деле его способность разговаривать со змеями не встревожила меня так сильно, как его очевидная тяга к жестокости, скрытности и власти.

– Время снова смеётся над нами, – добавил Дамблдор, указывая на тёмное небо за окнами, – но прежде чем мы расстанемся, я хочу привлечь твоё внимание к некоторым

деталюм увиленной нами сцены, ибо они окажут огромное влияние на события, которые мы обсудим во время следующих встреч. Во-первых, я надеюсь, ты заметил реакцию Риддла, когда я упомянул, что другой человек носит то же имя, что и он, «Том»?

Гарри кивнул.

– Так он продемонстрировал своё презрение ко всему, что связывало его с другими людьми, что делало его обычным. Даже в то время он хотел быть отличным от других, выделенным, знаменитым. Через несколько лет после этой беседы, как ты знаешь, он отказался от своего имени и создал маску «Лорда Волдеморта», за которой он скрывался так долго.

Я полагаю, ты заметил также, что Том Риддл уже тогда был крайне самостоятелен, скрытен и, по-видимому, не имел друзей? Он не желал ни помощи, ни сопровождения в походе в Косой переулок. Он предпочитал действовать в одиночку. Взрослый Волдепорт такой же. Ты будешь слышать от многих Пожирателей Смерти, что они пользуются его доверием, что только они близки к нему, даже что они понимают его. Они заблуждаются. У Лорда Волдеморта никогда не было друзей, и я не думаю, что он когда-либо желал иметь друга.

И последнее – надеюсь, ты не настолько хочешь спать, чтобы не заметить, – юный Том Риддл любил собирать трофеи. Ты видел коробку краденых вещей, которые он спрятал у себя в комнате. Он забрал их у своих жертв, сувениры, если позволишь так выразиться, его особенно неприятных проявлений магии. Имей в виду, что такая сорочья ухватка, особенно в этом отношении, будет очень важна в дальнейшем. А теперь – время отправляться в постель.

Гарри поднялся на ноги. Когда он пересекал кабинет, его взор пал на столик, где в прошлый раз покоилось кольцо Марволо Гонта; кольца там больше не было.

– Да, Гарри? – поинтересовался Дамблдор, увидев, что Гарри остановился.

– Кольцо исчезло, – оглянувшись, произнёс Гарри. – Но я думал, что у вас тут окажется губная гармошка или что-то ещё.

Дамблдор широко улыбнулся ему, глядя поверх полумесяцевидных очков.

– Весьма проникательно, Гарри – но губная гармошка всегда была не более чем губной гармошкой.

Отпустив это загадочное замечание, Дамблдор помахал Гарри рукой; Гарри понял, что занятие окончено.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ФЕЛИКС ФЕЛИЦИС

Первым предметом на следующее утро у Гарри была гербология. Во время завтрака он не имел возможности рассказать Рону и Гермионе о своём занятии из боязни быть подслушанным, но излил на них всю информацию, пока они шагали через полянки к теплицам. Свирепый ветер, дувший все выходные, наконец-то успокоился; над землёй вновь повис непонятный туман, и у них ушло немного больше времени, чем обычно, на то, чтобы найти нужную теплицу.

– Ух ты, страшненький этот мелкий Сам-Знаешь-Кто, – тихо сказал Рон, когда они заняли места вокруг одного из шишковатых пеньков плетегруба⁵⁵, составляющих основу обучения в этом семестре, и начали надевать защитные перчатки. – Но я всё равно не секу, зачем Дамблдор всё это тебе показывает. В смысле, это очень интересно и вообще, но какой в этом смысл?

– Без понятия, – ответил Гарри, вставляя в рот капю. – Но он говорит, что это всё очень важно и поможет мне выжить.

– Это замечательно, я думаю, – искренне произнесла Гермиона. – О Волдеморте совершенно необходимо знать как можно больше. Как иначе можно обнаружить его слабые места?

– Кстати, как прошла последняя вечеринка у Слагхорна? – неразборчиво спросил её Гарри сквозь капю.

– О, знаешь, довольно забавно, – ответила Гермиона, надевая защитные очки. – То есть он, конечно, опять жужжал на тему знаменитостей, бывших его учениками, и он просто *увивается* за МакЛэггеном, потому что у него столько полезных знакомств, зато у него действительно очень вкусно кормили, и он познакомил нас с Гвеног Джонс.

– Гвеног Джонс? – переспросил Рон, широко раскрыв глаза за очками. – *Та самая* Гвеног Джонс? Капитан «Головастых Гарпий»?

– Она самая. Лично мне кажется, что она была немного поглощена собственной персоной, но...

– Эй там, *хватит* болтать! – отрывисто прикрикнула профессор Спраут, мечущаяся между учениками со строгим выражением лица. – Вы отстаёте, все уже начали, а Невилл уже достал свой первый стручок!

Они оглянулись; и точно, Невилл уже обзавёлся разбитой губой и несколькими скверными ссадинами на лице, зато в руке он сжимал неприятно пульсирующую зелёную штуковину размером с грейпфрут.

– Хорошо, профессор, мы уже начинаем! – ответил Рон, а когда она вновь отвернулась, тихо добавил: – Надо было использовать *Muffliato*, Гарри.

⁵⁵ Snargaluff. Snarl – спутанные нити (или «ворчание», но это, мне кажется, здесь меньше подходит), gruff – грубый, сердитый.

– Нет, не надо было! – тут же встряла Гермиона, как обычно, рассердившись при одном упоминании Принца-Полукровки и его заклинаний. – Ладно, давайте... лучше нам действительно приступить...

Она тревожно глянула на Гарри и Рона; все трое сделали глубокий вдох и нагнулись на стоящий между ними шипковатый пенёк.

Тот мгновенно ожил; из его верхушки выстрелили длинные шипастые плети и яростно хлестнули воздух. Одна запуталась в волосах Гермионы, и Рон отрубил её своими секаторами; Гарри удалось поймать ещё две плети и завязать их узлом; у самого основания щупальцевидных ветвей открылось отверстие; Гермиона отважно засунула туда руку, вокруг которой оно тут же сомкнулось; Гарри с Роном принялись всячески тянуть и крутить ветви, заставив наконец отверстие открыться вновь, после чего Гермиона выдернула руку, сжимающую точно такой же стручок, как у Невилла. Колючие плети мгновенно втянулись обратно, и пенёк снова стоял перед ними с невинным видом, как простая мёртвая деревяшка.

– Знаете, когда у меня будет свой дом, я, наверное, не стану сажать у себя в саду такие штуки, – заявил Рон, сдвинув очки на лоб и вытирая пот с лица.

– Дай мне чашу, – сказала Гермиона, держа пульсирующий стручок как можно дальше от себя; Гарри протянул требуемое, и она с отвращением бросила стручок в чашу.

– Не брезгуйте, выдавливайте их оттуда, свежие они лучше всего, – призывала профессор Спраут.

– В любом случае, – Гермиона продолжила прерванный разговор, словно они не отбивались только что от деревяшки, – Слагхорн устраивает рождественскую вечеринку, Гарри, и от неё тебе не отвертеться ну никак; он специально попросил меня узнать, когда у тебя свободные вечера, чтобы он наверняка назначил её на тот день, когда ты сможешь прийти.

Гарри испустил стон. В то же время Рон, пытавшийся раздавить стручок в чаше, встав на ноги и изо всех сил налегая на него обеими руками, сердито произнёс:

– И это будет очередная вечеринка для любимчиков Слагхорна, да?

– Да, для Клуба Салаг, – ответила Гермиона.

Стручок выскользнул из-под пальцев Рона и врезался в стекло теплицы, затем отскочил, ударил профессора Спраут по затылку и сбил с её головы старую заплатанную шляпу. Гарри пошёл забирать стручок обратно; когда он вернулся, Гермиона как раз говорила:

– Слушай, не я же придумала это название, «Клуб Салаг»...

– «*Клуб Салаг*», – повторил Рон с презрительной усмешкой, достойной Малфоя. – Жалкое сборище. Ну, надеюсь, вечеринка доставит тебе удовольствие. Почему бы тебе не отправиться туда вместе с МакЛэггеном, Слагхорн мог бы произвести вас в Короля и Королеву Салаг...

– Мы можем приглашать своих гостей, – сказала Гермиона, внезапно почему-то покраснев, как варёный рак, – и я *собиралась* пригласить тебя пойти, но если ты думаешь, что это всё идиотизм, то я не буду себя утруждать!

Внезапно Гарри пожалел, что стручок не улетел чуть дальше – тогда ему не пришлось бы сидеть здесь рядом с Роном и Гермионой. Они не обращали на Гарри никакого внимания;

он схватил чашу со стручком и принялся вскрывать его самым шумным и энергичным способом, какой только мог себе вообразить; к сожалению, несмотря на это, он продолжал слышать каждое слово их разговора.

– Ты собиралась пригласить меня? – переспросил Рон изменившимся голосом.

– Да, – сердито ответила Гермиона. – Но, разумеется, если ты хотел бы, чтобы я *отправилась туда вместе с МакАзгеном...*

Последовала пауза, в течение которой Гарри продолжал колотить несчастный стручок совком.

– Нет, я не хотел бы, – очень тихо произнёс Рон.

Гарри промахнулся мимо стручка, ударил по чаше и разбил её.

– *Refaro*, – поспешно прошептал он, коснувшись осколков волшебной палочкой, и чаша восстановилась. Однако из-за этой аварии Рон и Гермиона вновь вспомнили о присутствии Гарри. Гермиона выглядела возбуждённой и немедленно начала суетиться над своим экземпляром «Плотоядных деревьев мира» в поисках правильного способа получения сока стручков плетегруба; Рон же казался оробевшим и одновременно довольным собой.

– Дай его сюда, Гарри, – торопливо сказал Гермиона, – тут сказано, что мы должны проткнуть его чем-нибудь острым...

Гарри протянул ей чашу со стручком; они с Роном надвинули очки обратно на глаза и вновь атаковали пенёк.

Не то чтобы он был так уж удивлён, думал Гарри, борясь с шипастой ветвью, пытающейся его придушить; у него уже было подозрение, что рано или поздно такое может случиться. Однако он не был уверен в своих чувствах по этому поводу... Гарри с Чоу сейчас стеснялись даже смотреть в сторону друг друга, не то что разговаривать; что если Рон и Гермиона влюбятся, а потом разойдутся? Сможет ли их дружба это пережить? Гарри припомнил несколько недель на третьем курсе, когда Рон и Гермиона не разговаривали друг с другом; ему тогда не доставляло ни малейшего удовольствия быть в роли посредника между ними. И кроме того, а что если они не разойдутся? Что если они станут как Билл и Флер, и одно присутствие рядом с ними будет мучительным, ибо они отторгнутся от него?

– Достал! – вскричал Рон, вытаскивая из пня второй стручок; именно в этот момент Гермионе удалось наконец вскрыть первый, и чаша наполнилась клубнями, извивающимися подобно бледно-зелёным червям.

Остаток занятия прошёл без дальнейших упоминаний вечеринки у Слагхорна. В течение следующих нескольких дней Гарри наблюдал за двумя своими друзьями пристальнее обычного, однако Рон и Гермиона оставались такими же, как прежде, разве что стали чуть вежливее по отношению друг к другу. Гарри предположил, что самое интересное может произойти под действием сливочного пива в тускло освещённой комнате Слагхорна во время вечеринки. В настоящее же время у него были более насущные проблемы.

Кэти Белл по-прежнему находилась в больнице св. Мунго без каких-либо надежд на скорое возвращение. Это означало, что перспективная гриффиндорская команда, которую Гарри так заботливо тренировал с сентября, лишилась одного гончег. Он долго откладывал замену Кэти в надежде, что она всё-таки вернётся, но их первый матч сезона против

Слизерина стремительно надвигался, и в конце концов он вынужден был признать, что Кэти не примет участия в игре.

Гарри не думал, что он выдержит ещё один общеДомовый просмотр. С тяжёлым чувством, имеющим весьма отдалённое отношение к квиддичу, он в один прекрасный день поймал Дина Томаса после урока трансфигурации. Большинство учеников уже покинули класс; по комнате, весело щебеча, порхали несколько жёлтых птичек, все призванные Гермионой; никто, кроме неё, не преуспел в попытке призвать хотя бы перо.

– Ты по-прежнему хочешь играть за гончего?

– Что?.. Ага, разумеется! – возбуждённо ответил Дин. Через плечо Дина Гарри увидел, как Шеймас Финниган с кислым видом запихивает книги в сумку. Одной из причин, по которой Гарри предпочёл бы не приглашать в команду Дина, было то, что такое приглашение должно было не понравиться Шеймасу. С другой стороны, он должен был делать то, что лучше для команды, а Дин во время просмотра летал лучше Шеймаса.

– Вот и отлично, ты в команде, – заявил Гарри. – Сегодня вечером тренировка, в семь часов.

– Ладно, – ответил Дин. – Спасибо, Гарри! Чёрт, не терпится сказать Джинни!

Он выскочил из комнаты, оставив Гарри и Шеймаса вдвоём. Момент был неприятный, и он отнюдь не перестал быть таковым после того, как одна из Гермиониных канареек, пролетая над ними, капнула Шеймасу на голову.

Шеймас оказался не единственным, кому не понравился Гарри выбор кандидата на замену Кэти. То, что Гарри взял к себе в команду уже двух своих одноклассников, вызвало много перешёптываний в общей комнате. Гарри это не очень-то волновало – за минувшие годы пребывания в школе ему приходилось выдерживать отношение к себе и похуже, – но теперь на него всё сильнее давила необходимость во что бы то ни стало выиграть надвигающийся матч против Слизерина. Гарри знал: если Гриффиндор победит, весь Дом забудет о том, как они его критиковали, и все будут утверждать, что всегда знали, что у них классная команда. Если же они проиграют... что ж, с кислой миной думал Гарри, ему *действительно* приходилось выдерживать отношение к себе и похуже...

У Гарри не было повода пожалеть о своём решении, когда он наблюдал за полётами Дина на тренировке в этот вечер; он отлично сыгрался с Джинни и Демэлзой. Загонщики, Пикс и Кут, играли всё лучше и лучше. Единственная трудность была с Роном.

Гарри знал всё это время, что Рон нестабильный игрок, проблемами которого были нервы и отсутствие уверенности в себе; и, к сожалению, надвигающийся матч открытия сезона, похоже, вскрыл все эти его болячки. После того как Рон пропустил полдюжины голов (от Джинни в основном), он начал бросаться и размахивать руками всё более безумно, пока, наконец, не ударил в лицо атаковавшую ворота Демэлзу Робинс.

– Я нечаянно, прости, Демэлза, прости пожалуйста! – крикнул Рон ей вслед, пока она по спирали опускалась на землю, роняя капли крови. – Я просто...

– ...запаниковал, – сердито продолжила Джинни, приземляясь рядом с Демэлзой и осматривая её распухшую губу. – Рон, ты просто идиот, посмотри, в каком она виде!

– Это поправимо, – Гарри приземлился рядом с девушками, направил волшебную палочку на рот Демэлзы и произнёс «*Episkey*». – И, Джинни, не называй Рона идиотом, ты же не капитан команды...

– Знаешь, мне показалось, что ты слишком занят, чтобы назвать его идиотом, а кто-то должен был...

Гарри не без труда подавил желание рассмеяться.

– Ладно, все вверх, пошли...

В целом это была худшая тренировка из всех, что они провели в этом году, но Гарри решил, что перед самым матчем честность – не лучшая тактика.

– Неплохо поработали, ребята, уверен, мы раскатаем Слизерин, – бодро заявил он, после чего гончие и загонщики покинули раздевалку, вполне довольные собой.

– Я играл, как мешок драконьего дерьма, – пустым голосом произнёс Рон, как только дверь закрылась за спиной Джинни.

– Абсолютно нет, – твёрдо ответил Гарри. – Ты лучший вратарь из всех, кого я просматривал, Рон. Твоя единственная проблема – это нервы.

Он непрерывно сыпал ободряющими словами, пока они шли к замку, и когда они добрались до второго этажа, Рон немного повеселел. Когда Гарри отодвинул гобелен, чтобы, как обычно, добраться до гриффиндорской башни короткой дорогой, они внезапно воткнулись в Дина и Джинни, обнимающихся и неистово целующихся, словно они были склеены между собой губами.

Гарри показалось, что нечто большое и чешуйчатое пробудилось к жизни в его животе и начало рвать когтями его внутренности; кровь ударила в голову, выметя оттуда все мысли и принеся взамен дикое желание взглянуть на Дина в порошок. Борясь с этим внезапно накатившим безумием, он услышал голос Рона, прозвучавший словно откуда-то издалека.

– Эй!

Дин и Джинни отклеились друг от друга и оглянулись.

– Ну чего? – спросила Джинни.

– Я не желаю обнаруживать свою сестру, целующуюся с другими на людях!

– Этот коридор был пустым, пока вы сюда не припёрлись! – отрезала Джинни.

Дин выглядел смущённым. Он криво ухмыльнулся Гарри, который не ответил ему тем же; новорождённый монстр внутри Гарри начал требовать немедленного отчисления Дина из команды.

– Э... пошли, Джинни, – произнёс Дин. – Вернёмся обратно в общую комнату.

– Ты иди! А мне тут надо кое о чём поговорить с моим дорогим братцем!

Дин ушёл, явно не сожалея о том, что покидает сцену.

– Ладно, – Джинни движением руки откинула с лица свои длинные рыжие волосы и свирепо уставилась на Рона. – Давай определимся раз и навсегда. Это совершенно не твоё дело, Рон, с кем я гуляю и что я с ними делаю...

– Очень даже моё! – столь же сердито ответил Рон. – Или ты думаешь, мне хочется, чтобы мою сестру называли...

– Кем? – выкрикнула Джинни, извлекая волшебную палочку. – Ну, кем именно?

– Он ничего такого не имел в виду, – автоматически сказал Гарри, хотя монстр во всю глотку выражал одобрение словам Рона.

– Ещё как имел! – Джинни обожгла взглядом Гарри. – Только потому, что *он* никого в жизни не целовал, только потому, что лучший поцелуй, который *он* когда-либо получал, был от нашей тётушки Мюриэл...

– Заткни пасть! – взорвался Рон, лицо которого мгновенно стало пунцовым, минуя стадию красного.

– И не подумаю! – окончательно вышла из себя Джинни. – Я видела тебя с Флегмой, ты каждый раз, как её видел, всё надеялся, что она поцелует тебя в щёчку, ты был просто жалок! Если бы ты сам за кем-нибудь приударил и с кем-нибудь целовался-обнимался, ты бы не возбуждал так сильно насчёт того, что все остальные это делают!

Рон тоже вытащил свою палочку; Гарри поспешно встал между ними.

– Да ты сама не знаешь, что несёшь! – проорал Рон, пытаясь прицелиться в Джинни мимо Гарри, который стоял перед ней, расставив руки в стороны. – Только потому, что я не делаю этого на людях!..

Джинни безумно захохотала, пытаясь отпихнуть Гарри в сторону.

– Что, Свинстуна целовал, что ли? Или у тебя фото тётушки Мюриэл под подушкой спрятано?

– Ах ты...

Под левой рукой Гарри промелькнула оранжевая вспышка, чуть не задевшая Джинни; Гарри пихнул Рона к стене.

– Да не будь же ты идиотом!..

– Гарри целовался с Чоу Чанг! – кричала Джинни, явно близкая к истерике. – А Гермiona с Виктором Крамом, ты один ведёшь себя так, будто это что-то омерзительное, Рон, а всё потому, что у тебя опыта, как у двенадцатилетнего!

С этими словами она унеслась прочь. Гарри тут же отпустил Рона; у того было лицо убийцы. Они стояли в коридоре, тяжело дыша, пока из-за угла не появилась миссис Норрис, кошка Филча; её появление разрядило обстановку.

– Пошли, – сказал Гарри, услышав шарканье Филча.

Они побежали вверх по лестнице, затем по коридору на восьмом этаже.

– А ну с дороги! – рявкнул Рон на подвернувшуюся под ноги девчушку; та подпрыгнула от испуга и выронила бутылку с жабьей икрой.

Гарри едва расслышал звук бьющегося стекла; он был как в состоянии гроги, ничего не соображал; должно быть, примерно так чувствует себя человек, в которого ударила молния. *«Это всё только из-за того, что она сестра Рона, внушал он самому себе. Тебе не нравится, что она целует Дина, просто потому что она сестра Рона...»*

Но вдруг помимо его воли в его воображении возникла картина: тот же самый пустой коридор, только не Дин, а он, Гарри, целуется с Джинни... Монстр в его груди довольно заурчал... Но тут же Гарри увидел, как Рон отдёргивает гобелен и направляет на Гарри свою палочку, выкрикивая что-то типа «предатель, я-то тебе верил», «а я-то думал, ты мой друг»...

– Как ты думаешь, Гермиона действительно целовалась с Крамом? – внезапно спросил Рон, когда они уже подошли к Полной Леди. Гарри вздрогнул, словно его застали на месте преступления, и не без труда увёл свои мысли прочь от коридора, в который не врвался Рон, в котором они с Джинни были совершенно одни...

– Что? – сконфуженно переспросил он. – О... э...

Честным ответом было «да», но этот ответ он давать не хотел. Однако, судя по всему, Рон, взглянув на лицо Гарри, сам пришёл к худшему.

– Диллиграут, – мрачно сказал Рон Полной Леди, и они пробрались сквозь дыру в общую комнату.

Ни Джинни, ни Гермиону никто из них больше не упоминал; они вообще почти не разговаривали в этот вечер и пошли спать в молчании, каждый был поглощён своими собственными мыслями.

Гарри долго не мог заснуть; он глядел на полог своей кровати и пытался убедить себя, что он относится к Джинни исключительно как старший брат. Они ведь всё лето жили как брат и сестра, разве не так, вместе играли в квиддич, подкалывали Рона и смеялись над Биллом и Флегмой? Он знал Джинни уже четыре года... Вполне естественно, что он испытывал желание её опекать... Естественно, что он хотел оберегать её от опасностей... хотел оторвать Дину руки за то, что он её целовал... Нет... ему придётся контролировать это конкретное братское чувство...

Рон громко всхрапнул.

«Она сестра Рона», твёрдо сказал самому себе Гарри. *Сестра Рона. Она под запретом*. Он не будет рисковать своей дружбой с Роном ради чего бы то ни было. Гарри взбил подушку поудобнее и попытался заснуть, изо всех сил отгоняя свои мысли от Джинни.

На следующее утро Гарри проснулся слегка ошеломлённым и сконфуженным своими сновидениями, в которых Рон гонялся за ним с битой. Однако уже к середине дня Гарри с радостью обменял бы Рона из снов на настоящего: последний не только холодно обращался с Джинни и Дином, но также демонстрировал ледяное, презрительное безразличие сбитой с толку и оскорблённой Гермионе. Что ещё хуже, Рон за ночь явно стал таким же вспыльчивым и обидчивым, как среднестатистический взрывохвостый скрут. Гарри весь день пытался поддерживать мир между Роном и Гермионой, но безуспешно; в конце концов, Гермиона ушла спать в глубоком возмущении, а Рон удалился в спальню для мальчиков, грубо выругав нескольких перепуганных первокурсников за то, что они на него смотрели.

К унынию Гарри, новоприобретённая агрессивность Рона не прошла в течение нескольких ближайших дней. Хуже того, его игра как вратаря стала ещё более плачевной, что, в свою очередь, делало его ещё более агрессивным; в результате на последней тренировке перед субботним матчем ему не удалось взять ни одного мяча, посланного в его кольца гончими, но зато он так много на всех кричал, что довёл Демэзу Робинс до слёз.

– Слушай ты, заткнись и оставь её в покое! – крикнул на него Пикс, который был раза в полтора ниже Рона, зато в силу своего игрового амплуа держал в руке тяжёлую биты.

– ХВАТИТ! – взревел Гарри; он заметил, что Джинни сверкает глазами в направлении Рона, и, припомнив её репутацию великолепного исполнителя Пугалётной порчи, взмыл

вверх, чтобы вмешаться, прежде чем ситуация окончательно выйдет из-под контроля. — Пикс, иди на место и занимайся блаждерами. Демэлза, соберись, сегодня ты играла очень хорошо. Рон... — он подождал, пока остальные члены команды удалятся за пределы слышимости, — ты мой лучший друг, но если ты продолжишь обращаться с ними так, как сейчас, то я вышибу тебя из команды.

Какое-то мгновение ему казалось, что Рон готов его ударить, но вдруг случилось нечто гораздо худшее: Рон, казалось, обмяк на метле; весь пыл из него вышел, и он вяло произнёс:

— Я ухожу из команды. Я играю отвратительно.

— Ты не играешь отвратительно, и ты не уходишь из команды! — яростно выпалил Гарри, хватая Рона за грудки. — Когда ты в форме, ты всё можешь брать, все проблемы у тебя с психикой!

— Ты называешь меня психом?

— Да, на то похоже!

Секунду они смотрели друг на друга, затем Рон устало покачал головой.

— Я знаю, у тебя нет времени найти другого вратаря, так что завтра я сыграю, но если мы сольём — а мы точно сольём — я сам уйду из команды.

Всё, что говорил Гарри, было тщетно. Во время ужина он непрерывно пытался подстегнуть уверенность Рона в своих силах, но Рон был слишком занят, грубя Гермионе, чтобы это заметить. Гарри весь вечер гнул своё в общей комнате, однако его заверения, что вся команда рассыплется, если Рон уйдёт, были не совсем убедительны с учётом того, что остальные члены команды собрались в кучку в отдалённом углу комнаты и явно перешёптывались о Роне, одаряя его злобными взглядами. В конце концов Гарри попытался снова рассердиться в надежде пробудить в Роне злость — вдруг она поможет ему брать мячи, — но эта тактика, похоже, работала не лучше, чем подбадривание; Рон ушел спать таким же удручённым и отчаявшимся, каким был.

Гарри долго лежал в темноте без сна. Он не хотел проигрывать надвигающийся матч. Дело было не только в том, что это был его первый матч в качестве капитана команды — он был полон решимости побить Дрэйко Малфоя в квиддиче, даже если не мог пока подтвердить свои подозрения относительно него. Но если Рон будет играть так же, как на последних нескольких тренировках, их шансы на победу будут весьма бледными...

Если бы только он мог что-то сделать, чтобы заставить Рона собраться... заставить его играть на максимуме своих возможностей... чтобы у Рона выдался удачный день...

И неожиданно на Гарри снизошло озарение — ответ оказался очевиден.

Завтрак на следующее утро был возбуждающим, как обычно; слизеринцы громко пилили и свистели каждый раз, как в Большой Зал входил кто-то из команды Гриффиндора. Гарри глянул на потолок и увидел безоблачное светло-голубое небо — хороший знак.

Гриффиндорский стол, сплошь красно-золотой, при приближении Гарри и Рона взорвался приветственными криками. Гарри ухмыльнулся и помахал рукой; Рон изобразил на лице что-то вялое и повесил голову.

— Веселей, Рон! — крикнула ему Лаванда. — Я уверена, что ты будешь великолепен!

Рон не обратил на неё внимания.

- Будешь чай? – предложил ему Гарри. – Или кофе? Тыквенный сок?
- Что хочешь, – хмуро ответил Рон, с угрюмым видом жуя кусок тоста.

Несколько минут спустя возле них задержалась Гермиона; она настолько устала от поведения Рона в последние дни, что перестала ходить на завтрак вместе с ними.

- Как самочувствие? – осторожно осведомилась она, сверля глазами затылок Рона.

– Отлично, – ответил Гарри, сосредоточиваясь на вручении Рону бокала с тыквенным соком. – Вот, Рон. Выпей.

Едва Рон успел поднести бокал к губам, как Гермиона резко потребовала:

- Рон, не пей это!

Гарри и Рон одновременно взглянули на неё.

- Почему? – спросил Рон.

Теперь Гермиона взирала на Гарри, будто не веря собственным глазам.

- Ты только что добавил что-то в этот бокал.

- Не понял? – сказал Гарри.

– Ты слышал. Я всё видела. Ты только что подлил что-то в питье Рона. Да у тебя сейчас пузырёк в руке!

- Не знаю, о чём это ты толкуешь, – Гарри поспешно спрятал пузырёк в карман.

– Рон, я тебя предупреждаю, не пей! – снова встревоженным тоном произнесла Гермиона, но Рон уже поднял свой бокал, осушил его одним глотком и сказал:

- Кончай тут распорядиться, Гермиона.

Она была явно шокирована. Наклонившись к Гарри, чтобы только он мог слышать, она прошипела:

- Тебя за это следовало бы исключить. Никогда не ожидала от тебя такого, Гарри!

– Чья бы корова мычала, – прошептал он в ответ. – Ни на кого Конфундус не накладывала в последнее время?

Гермиона унеслась прочь. Гарри наблюдал, как она уходит, без малейшего сожаления. Гермиона никогда не понимала, насколько серьёзное дело квиддич. Затем он обернулся в сторону Рона, облизовавшего губы.

- Ну, пора, – жизнерадостно произнёс Гарри.

Подмёрзшая трава хрустела под ногами, пока они спускались к стадиону.

- Как удачно, что погода такая хорошая, а? – спросил Гарри у Рона.

- Угу, – ответил Рон, выглядящий бледным и больным.

Джинни и Демэлза уже ждали в раздевалке в своих квиддичных мантиях.

– Условия идеальные, – сказала Джинни, игнорируя Рона. – И ещё знаешь что? Этот гончий Слизерина, Вейзи – он вчера на тренировке получил бладжером по голове, и сейчас он не может играть! И, что ещё лучше – Малфой тоже болен и пропускает игру!

- *Что?* – Гарри крутанулся на месте и уставился на неё. – Он болен? Что с ним такого?

– Без понятия, но для нас это классно, – беспечно ответила Джинни. – Они поставили вместо него Харпера; я знаю его, он с моего курса – полный дебил.

Гарри рассеянно улыбнулся в ответ, но, когда он натягивал свою алую мантию, мысли его были далеки от квиддича. Один раз Малфой уже заявлял, что не может играть из-за

травмы, но тогда он сделал так, что матч был перенесён на время, более подходящее для слизеринцев. Почему сейчас он согласился, чтобы его заменили? Был ли он действительно болен или симулировал?

– Подозрительно, как думаешь? – вполголоса спросил он у Рона. – То, что Малфой не играет?

– Удачно, я бы сказал, – отозвался Рон, выглядящий сейчас немного более оживлённо. – И Вейзи тоже выбыл, он у них лучший забивала, я не думаю... эй! – внезапно воскликнул он, застыв в процессе натягивания вратарских перчаток и неотрывно глядя на Гарри.

– Что?

– Я... ты... – Рон понизил голос; он выглядел испуганным и возбуждённым одновременно. – Моё питье... тыквенный сок... ты не?..

Гарри поднял брови, но ничего не ответил, кроме:

– Мы начинаем минут через пять, лучше тебе побыстрее сапоги надеть.

Они вышли на поле под возбуждённый рёв и свист трибун. Одна сторона стадиона была вся в красном и золотом; вторая – море зелени и серебра. Многие ученики Хаффлапфа и Рэйвенкло тоже болели за ту или иную команду: среди криков и аплодисментов Гарри отчётливо слышал рык знаменитой львиноголовой шляпы Луны Лавгуд.

Гарри выступил вперёд, к рефери матча мадам Хуч, готовящейся выпустить мячи из ящика.

– Капитаны, пожмите руки, – произнесла она, и рука Гарри была стиснута новым капитаном слизеринцев, Уркуартом. – Займите ваши метлы. По свистку... три... два... один...

Прозвучал свисток, Гарри и все остальные с силой оттолкнулись от мёрзлой земли, и игра началась.

Гарри парил по периметру поля, ища глазами снитч и одновременно приглядывая за Харпером, который двигался зигзагом далеко внизу. Затем вступил голос, неприятно отличающийся от голоса прежнего комментатора.

– Что ж, вот они и начали, и я думаю, всем нам не терпится посмотреть на новую команду, которую Поттер собрал в этом году. Многие полагали, учитывая нестабильную игру Рональда Уизли в качестве вратаря в прошлом году, что он может не попасть в команду, но, разумеется, близкие дружеские отношения с капитаном решают многое...

Эти слова были встречены смешками и аплодисментами со слизеринской стороны. Гарри изогнулся на своей метле, чтобы разглядеть комментаторскую площадку. Там стоял высокий, худой, курносый блондин и вещал в магический мегафон, принадлежавший некогда Ли Джордану; Гарри узнал Захариаса Смита, игрока команды Хаффлапфа, который Гарри откровенно не нравился.

– О, вот и первая атака Слизерина, это Уркуарт рвётся к кольцам, и... – Гаррин желудок, казалось, перевернулся, – ...Уизли берёт его, что ж, должно же иногда ему везти, я полагаю...

– Точно, Смит, должно, – пробормотал Гарри, улыбаясь самому себе; он непрерывно пнырял мимо гончих, обшаривая глазами пространство в поисках хоть намёка на неуловимый снитч.

Через полчаса после начала игры Гриффиндор вёл со счётом шестьдесят — ноль, причём Рон совершил несколько поистине невероятных сейвов (некоторые из них — самыми кончиками пальцев), а Джинни забила четыре из шести гриффиндорских голов. Это прекратило громогласные рассуждения Смита на тему того, оказались ли в команде оба Уизли лишь из-за пристрастий Гарри, и взамен он принялся за Пикса и Кута.

— Конечно, Кут сложен не совсем так, как полагается загонщику, — высокомерно вещал Захариас, — У них, как правило, немного больше мускулов...

— Стукни его бладжером! — крикнул Гарри Куту, пролетая мимо него, но Кут, широко ухмыльнувшись, предпочёл направить следующий удар на Харпера, как раз пролетавшего мимо Гарри в противоположном направлении. Гарри с удовольствием услышал глухое «шмяк», означающее, что бладжер достиг цели.

Похоже было, что Гриффиндору удавалось буквально всё. Они забивали вновь и вновь, и вновь и вновь Рон на другом краю поля с видимой лёгкостью брал всё, что летело в его кольца. Теперь он улыбался, и когда толпа отметила особенно красивый сейв хоровым исполнением старой доброй «Уизли — наш король», он сделал вид, что дирижирует ими с высоты.

— Что, он думает, что он сегодня особенный, да? — произнёс подловатый голос, и Гарри чуть не слетел с метлы, когда в него жёстко и преднамеренно врезался Харпер. — Твой дружок-кровеотступник...

Мадам Хуч смотрела в другую сторону; гриффиндорцы под ними гневно кричали, но к тому моменту, когда она обернулась, Харпер уже устремился в сторону. Чувствуя боль в плече, Гарри рванул за ним, стремясь таранить его в отместку...

— Кажется, Харпер из команды Слизерина видит снитч! — сказал в свой мегафон Захариас Смит. — Да, он явно увидел что-то, чего не увидел Поттер!

Смит точно идиот, думал Гарри, неужели он не заметил их столкновения? Но в следующий момент его желудок, казалось, упал вниз на поле — Смит оказался прав, а Гарри нет: Харпер не случайно устремился вверх; он заметил то, чего не заметил Гарри: снитч быстро пролетал над ними, ярко сверкая в чистом голубом небе.

Гарри рванул вверх; ветер выл в его ушах, заглушая звуки комментария Смита и толпы внизу, но Харпер всё ещё был впереди, а Гриффиндор вёл с разницей всего в сто очков; если Харпер доберётся до снитча первым, Гриффиндор проиграет... а Харпер был уже всего в футе от него, он вытянул руку...

— Эй, Харпер! — в отчаянии выкрикнул Гарри. — Сколько тебе заплатил Малфой, чтобы ты вышел вместо него?

Он не знал, что заставило его произнести это, но Харпер отвлёкся: он неловко ухватил снитч, позволил ему выскользнуть сквозь пальцы и ухватил воздух сразу за ним; Гарри изо всех сил рванул к крохотному порхающему мячику и поймал его.

— ДА! — вскричал Гарри; заложив вираж, он понёсся вниз, к полю, держа снитч высоко над головой. Когда зрители осознали, что произошло, снизу донёсся страшный шум, который почти полностью поглотил свисток, отметивший окончание игры.

– Джинни, куда ты? – крикнул Гарри, оказавшийся в центре группового объятия прямо в воздухе, в котором приняли участие все, кроме Джинни; та на полной скорости пронеслась мимо них и с жутким грохотом врезалась в комментаторскую площадку. Толпа вопила и смеялась; гриффиндорская команда приземлилась рядом с деревянными развалинами, под которыми вяло барахтался Захариас; Гарри услышал, как Джинни жизнерадостно говорит разгневанной МакГонагалл:

– Забыла затормозить, профессор, прошу прощения.

Смеясь, Гарри вырвался из объятий команды и обнял Джинни, однако тотчас её отпустил. Избегая её взгляда, он взамен хлопнул по спине радостного Рона, когда, забыв былую вражду, команда вместе покидала поле, победно вскидывая вверх руки и махая своим болельщикам.

Атмосфера в раздевалке была праздничной.

– Шеймас сказал, будет пирушка в общей комнате! – буйно кричал Дин. – Пошли, Джинни, Демэлза!

Рон и Гарри остались в раздевалке, когда остальные уже ушли. Они тоже собирались уходить, когда вошла Гермиона. Она вертела в руке свой гриффиндорский шарф и выглядела расстроенной, но решительной.

– Мне нужно с тобой поговорить, Гарри, – она сделала глубокий вдох. – Ты не должен был этого делать. Ты слышал, что говорил Слагхорн, это запрещено.

– И что ты теперь собираешься делать, донести на нас? – потребовал ответа Рон.

– О чём это вы двое говорите? – спросил Гарри, отворачиваясь и вешая свою мантию, чтобы скрыть от них свою ухмылку.

– Ты прекрасно знаешь, о чём это мы двое говорим! – настойчиво сказала Гермиона. – Ты во время завтрака подлил в сок Рона зелье удачи! Феликс Фелицис!

– Я этого не делал, – Гарри снова повернулся к ним лицом.

– Очень даже делал, Гарри, и именно поэтому всё шло как надо, и игроки Слизерина пропускали матч, и Рон всё тянул!

– Я не подливал его! – повторил Гарри, на сей раз широко улыбаясь. Он засунул руку в карман жилета и вытащил оттуда пузырьрёк, который Гермиона видела в его руке утром. Пузырёк был полон золотистого зелья, а пробка – по-прежнему запечатана воском. – Я хотел, чтобы Рон *думал*, что я это сделал, вот и притворился, когда знал, что ты согласишься, – он глянул на Рона. – Ты брал всё, потому что чувствовал, что удача на твоей стороне. Ты сделал это всё сам.

Он снова спрятал зелье в карман.

– Так что, там ничего не было в моём тыквенном соке? – Рон был потрясён. – Но хорошая погода... и Вейзи не играл... Ты правда не давал мне зелья удачи?

Гарри покачал головой. Рон взирал на него несколько мгновений, затем повернулся к Гермионе, имитируя её голос.

– *«Ты сегодня утром добавил Феликс Фелицис Рону в сок, вот почему он всё тянул!»* Видишь! Я могу брать мячи и без посторонней помощи, Гермиона!

– Я не говорила, что ты не можешь... Рон, ты же и *сам* думал, что тебе его дали!

Но Рон уже прошагал мимо неё и вышел из раздевалки со своим помелом на плече.

– Э... – во внезапно наступившей тишине произнёс Гарри; он никак не ожидал, что его план будет иметь такой побочный эффект. – Ну что... пойдём тогда на пирушку?

– Ты иди! – со слезами на глазах ответила Гермиона. – Я сейчас сыта Роном *по горло*, и я сама не знаю, что я сейчас наделала...

И она также выскочила из раздевалки.

Гарри медленно шёл в замок сквозь толпу; отовсюду слышались поздравления, но он ощущал упадок сил; он-то был уверен, что, если Рон выиграет матч, они с Гермионой тут же вновь станут друзьями. Он не знал, как объяснить Гермионе, что оскорбила Рона она, поцеловав Крама, – ведь это произошло так давно.

Когда Гарри добрался до общей комнаты, гриффиндорская праздничная пирушка была в полном разгаре, но Гермионы там не было. Появление Гарри было встречено новой волной аплодисментов и радостных криков, и вскоре он оказался окружён плотным кольцом людей, желающих его поздравить. Гарри долго пытался отвязаться от братьев Криви, требовавших от него чуть ли не посекундного анализа матча; потом его окружила большая группа девушек, хлопавших глазами и смеявшихся над наименее смешными его ремарками; в итоге, прошло немало времени, прежде чем он смог поискать Рона. Наконец ему удалось отцепить от себя Ромильду Вейн, прозрачно намекавшую, что не прочь пойти с ним на рождественскую вечеринку к Слагхорну. Пробираясь к столу с напитками, он неожиданно воткнулся в Джинни, на плече которой восседал Арнольд, её Карликовый Пушистик, а мяукающий Косолап с надеждой увивался под её ногами.

– Рона ищешь? – ухмыльнулась она. – Вон он, грязный лицемер.

Гарри глянул в тот угол, куда она показывала. Там, на глазах у всей комнаты, стоял Рон, настолько плотно переплетённый с Лавандой Браун, что было трудно разобрать, где чьи руки.

– Такое впечатление, что он ест её лицо, – бесстрастно сказала Джинни. – Думаю, ему надо немного поработать над техникой. Кстати, отличная игра, Гарри.

Она похлопала его по руке; в животе Гарри словно всё оборвалось, но Джинни тут же отошла взять себе ещё сливочного пива. Косолап порыскал за ней, не отрывая своих жёлтых глаз от Арнольда.

Гарри отвернулся от Рона, явно не собиравшегося выплывать на поверхность в ближайшее время, и увидел закрывающуюся дыру за портретом. Его сердце упало, когда ему показалось, что там мелькнула на мгновение густая грива каштановых волос.

Он рванул вперёд, снова уклонился от Ромильды Вейн и распахнул портрет Полной Леди. Коридор снаружи казался пустым.

– Гермиона?

Гарри нашёл её в первом же незапертом классе, в который заглянул. Гермиона сидела на преподавательском столе совершенно одна, если не считать маленького кольца щебечущих жёлтых птичек вокруг её головы, которых она, видимо, призвала из воздуха только что. Даже в такой момент Гарри не мог не восхититься её мастерством.

– А, привет, Гарри, – нетвёрдым голосом сказала она. – Я тут практикуюсь.

– Ага... у тебя... э... здорово получается.

Он не имел ни малейшего представления, что ещё можно было сказать. Он как раз думал, не могло ли так получиться, что Гермиона не заметила Рона, а из комнаты ушла просто потому, что там было слишкомлюдно, – но тут она неестественно высоким голосом произнесла:

– Рон, похоже, наслаждается празднованием.

– Э... ты так думаешь?

– Не притворяйся, что ты его не видел. Он, знаешь ли, не очень-то это скрывал, он...

Дверь за их спинами распахнулась. К ужасу Гарри, в класс, смеясь, вошёл Рон, таща за собой за руку Лаванду.

– О, – только и смог сказать он, резко тормозя при виде Гарри и Гермионы.

– Ой! – Лаванда, хихикая, попятилась вон из комнаты. Дверь за ней захлопнулась.

Комнату затопило жуткое молчание. Гермиона неотрывно глядела на Рона, избегавшего её взгляда; наконец Рон произнёс полу-весело, полу-смущённо:

– Эй, Гарри! А я-то думал, куда это ты делся!

Гермиона слезла со стола. Золотистые птички по-прежнему порхали кругами вокруг её головы, отчего она походила на странную пернатую модель Солнечной системы.

– Зря ты оставил Лаванду ждать снаружи, – тихо сказала она. – Она будет думать, куда ты пропал.

Очень медленно и прямо она прошла к двери. Гарри глянул на Рона, который явно был доволен тем, что всё закончилось не так уж плохо.

– *Oppugno!* – раздался отчаянный крик со стороны двери.

Гарри развернулся и увидел, как Гермиона с безумным выражением лица указывает волшебной палочкой на Рона; стайка птиц устремила к нему золотой пулемётной очередью; Рон взвыл и закрыл лицо руками, но птицы атаковали снова и снова, вонзая клювы и коготки всюду, докуда могли достать.

– Уберихотсюда! – завопил он, но Гермиона, кинув на него последний полный мстительной ярости взгляд, распахнула дверь и была такова. Прежде чем дверь захлопнулась обратно, Гарри показалось, что он услышал рыдание.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

НЕРУШИМЫЙ ОБЕТ

Вокруг замёрзших окон снова кружился снег; приближалось Рождество. Хагрид уже приволок в Большой Зал традиционные двенадцать рождественских ёлок; гирлянды остролиста и блёсток обвивали перила лестниц; вечногорящие свечи сияли из шлемов доспехов, а на потолках коридоров через равные интервалы были развешаны пучки омелы. Девушки взяли за обыкновение кучковаться под ними всякий раз, когда Гарри проходил мимо. К счастью, многочисленные ночные прогулки Гарри обеспечили ему отличное знание секретных проходов, каким мало кто мог похвастаться; таким образом, он мог без особых проблем перемещаться от класса к классу свободными от омелы путями.

Рон, прежде скорее завидовавший Гарри за то, что ему вообще требуются подобные обходные манёвры, сейчас по этому поводу откровенно веселился. Гарри однозначно предпочитал этого нового, шутящего и смеющегося, Рона той мрачной и агрессивной его версии, которую он был вынужден терпеть последние несколько недель, однако это улучшение далось дорогой ценой. Во-первых, Гарри пришлось смириться с частым присутствием Лаванды Браун, которая, похоже, считала потраченным впустую любой момент, когда она не целовалась с Роном; и, во-вторых, Гарри снова оказался лучшим другом двух людей, которые даже разговаривать между собой не желали.

Рон, кисти и предплечья которого по-прежнему были покрыты ссадинами и царапинами от атаки Гермиониных птиц, избрал оправдывающийся и обиженный тон.

– Чего ей не нравится? – говорил он Гарри. – Она целовалась с Крамом. Ну так теперь она увидела, что и меня кто-то хочет поцеловать. Что ж, у нас свободная страна. Я ничего такого не сделал.

Гарри не ответил; он усиленно притворялся, что читает книгу «Квинтэссенция: в поисках», которую надо было прочесть к завтрашнему утреннему занятию чарами. Стремясь во что бы то ни стало остаться друзьями и с Роном, и с Гермионой, Гарри в беседах с ними теперь преимущественно молчал.

– Я никогда ничего Гермионе не обещал, – пробормотал Рон. – То есть – ну да, я хотел пойти с ней к Слагхорну на рождественскую вечеринку, но она никогда не говорила... Просто по-дружески... Я свободный агент...

Гарри перевернул страницу «Квинтэссенции», зная, что Рон смотрит на него. Скоро голос Рона увял до шёпота, трудноразличимого за треском огня в камине, хотя Гарри показалось, что он снова разобрал слова «Кра́м» и «что ей не нравится».

Расписание Гермионы было таким загруженным, что Гарри мог нормально беседовать с ней лишь по вечерам; Рон в любом случае так плотно увязал в объятиях Лаванды, что не замечал, чем занимается Гарри. Гермиона отказывалась находиться в общей комнате, если там был Рон, так что Гарри, как правило, присоединялся к ней в библиотеке, и общались они шёпотом.

– Он абсолютно свободен целоваться с кем пожелает, – заявила Гермиона, пока библиотекаря, мадам Пинс, тихонько ходила мимо полок за их спиной. – Меня это совершенно не волнует.

Она подняла перо и поставила точку над «i» с такой яростью, что проделала дырку в пергаменте. Гарри ничего не ответил. Ему пришло в голову, что если так пойдёт дальше, то он вовсе разучится говорить. Он склонился чуть ниже над «Продвинутым зельеварением» и продолжил конспектировать сведения о Вечнодействующих эликсирах, время от времени прерываясь, чтобы расшифровать полезные комментарии Принца к тексту Либатиуса Бораджа.

– И кстати, – через некоторое время добавила Гермиона, – тебе надо быть осторожным.

– В последний раз тебе говорю, – прошептал Гарри (после почти часа молчания голос его звучал хрипло), – я не собираюсь возвращать эту книгу, я выучил благодаря Принцу-Полукровке больше, чем Снейп и Слагхорн научили меня за...

– Я говорю не про твоего дурацкого так называемого Принца, – ответила Гермиона, окинув книгу ядовитым взглядом, как будто та ей нагрубила, – я говорю про то, что слышала недавно. Я зашла в женский туалет, прежде чем идти сюда, и там была где-то дюжина девушек, включая эту Ромильду Вейн; они пытались придумать, как подсунуть тебе любовное зелье. Они там все надеются, что им удастся добиться от тебя приглашения на вечеринку Слагхорна. И они, кажется, все накупили у Фреда и Джорджа любовных зелий, и боюсь, эти зелья вполне могут действовать.

– Что ж ты их тогда не конфисковала? – спросил Гарри. Казалось невероятным, чтобы мания Гермионы к соблюдению правил дала сбой именно в этот критический момент.

– У них там не было зелий с собой, – презрительно ответила Гермиона. – Они только обсуждали тактику действий. Ну а поскольку я сомневаюсь, что даже *Принц-Полукровка*, – она окинула книгу ещё одним ядовитым взглядом, – способен выдумать противоядие от дюжины различных любовных зелий сразу, то я бы на твоём месте просто пригласила кого-нибудь пойти с тобой – тогда остальные перестанут думать, что у них есть шанс. Вечеринка завтра вечером, они сейчас способны на всё.

– Никого я не хочу приглашать, – пробормотал Гарри, по-прежнему старающийся думать о Джинни как можно меньше; несмотря на все его усилия, она продолжала появляться в его снах, причём в таком виде, что Гарри был искренне рад неумению Рона применять леглименцию.

– Ну тогда просто следи за тем, что пьёшь, потому что Ромильда Вейн выглядела настроенной очень решительно, – упрямо посоветовала Гермиона.

Она рывком продвинула перед собой свиток пергамента, на котором писала эссе по арифмантике, и продолжила скрипеть пером. Гарри наблюдал за ней, но мысли его витали далеко отсюда.

– Погоди-ка минутку, – медленно проговорил он. – Я думал, Филч запретил всё, что продаётся в «Улётных Уловках Уизли»?

– И с каких пор кто-то обращает внимание на то, что там запретил Филч? – спросила Гермиона, не отвлекаясь от своего эссе.

– Но я думал, что всех сов проверяют? Тогда как так получилось, что эти девушки смогли протащить любовные зелья в школу?

– Фред и Джордж посылают их под видом духов и средств от кашля. Это входит в их Совиную Службу Заказов.

– Однако ты много об этом знаешь.

Гермиона одарила его таким же ядовитым взглядом, что и его «Продвинутое зельеварение» чуть раньше.

– Это всё было на этикетках бутылок, которые они летом показывали нам с Джинни, – холодно сказала она. – Я не разгуливаю по школе, подливая зелья людям в питьё... или притворяясь, что подливаю, что столь же отвратительно...

– Ага, но давай не будем об этом, – быстро оборвал её Гарри. – Я что хочу сказать: они одурачили Филча, так? Эти девушки проносят в школу разные штуки, маскируя их подо что-то другое! Почему тогда Малфой не мог пронести в школу ожерелье?..

– О, Гарри... только не это, опять...

– Давай-давай, ну почему нет? – потребовал ответа Гарри.

– Смотри, – тяжело вздохнула Гермиона. – Сенсоры секретности обнаруживают сглазы, проклятия и маскирующие чары, так? Их используют для обнаружения Тёмной магии и Тёмных предметов. Такое мощное проклятие, как на том ожерелье, они бы засекали в несколько секунд. Но что-то, что просто налито не в ту бутылку, они пропустят – и, в конце концов, любовные зелья не Тёмные и не опасные...

– Тебе легко говорить, – пробормотал Гарри, вспоминая Ромильду Вейн.

– ...так что это обязанность Филча – определить, что в тех бутылках было вовсе не средство от кашля, а он, знаешь ли, не очень сильный колдун, не думаю, что он способен отличить одно зелье от...

Гермиона оборвала фразу на полуслове; Гарри тоже услышал. Кто-то двигался между тёмных полок прямо за их спинами. Они ждали на месте, и несколько мгновений спустя из-за угла выплыло похожее на грифа лицо мадам Пинс; её впалые щёки, пергаментная кожа и длинный крючковатый нос были ярко освещены лампой, которую она держала в руках.

– Библиотека закрывается, – произнесла она. – Будьте любезны вернуть всё, что вы взяли, на те же... *Что ты сделал с этой книгой, испорченный мальчишка?*

– Это не библиотечная, это моя! – Гарри поспешно схватил со стола своё «Продвинутое зельеварение», когда библиотекаря рванулась за книгой своей когтистой лапой.

– Осквернил! – шипела мадам Пинс. – Изгадил! Изуродовал!

– Это всего лишь книга, в которой внутри написали! – воскликнул Гарри, вырывая книгу из её рук.

У мадам Пинс был такой вид, словно её вот-вот хватит удар; поспешно упаковавшая свои вещи Гермиона схватила Гарри за руку и уволокла его прочь.

– Если ты не будешь вести себя осторожнее, она запретит тебе ходить в библиотеку. Почему тебе обязательно надо было принести с собой эту идиотскую книгу?

– Я не виноват, что она разлаялась, как полоумная, Гермiona. Или ты думаешь, она подслушала, как ты прошлась по Филчу? Мне всегда казалось, что между ними что-то такое может быть...

– Ой, ха-ха...

Наслаждаясь тем, что они вновь могут говорить нормальным голосом, Гарри и Гермiona шли по пустым, освещённым лампами коридорам обратно к общей комнате, споря о том, влюблены ли друг в друга втайне от всех остальных Филч и мадам Пинс.

– Ёлочные игрушки, – обратился Гарри к Полной Леди; это был новый, праздничный пароль.

– И тебе того же, – ответила Полная Леди с проказливой ухмылкой и повернулась, выпуская их внутрь.

– Привет, Гарри! – воскликнула Ромильда Вейн сразу же, как только он пролез через дыру. – Хочешь газировки?

Гермiona обернулась и посмотрела на него взглядом типа «ну-что-я-тебе-говорила».

– Нет, спасибо, – тут же ответил Гарри, – я её не очень люблю.

– Ну хорошо, тогда всё равно возьми вот это, – Ромильда сунула ему в руки какую-то коробочку. – Это шоколадные котлы, там внутри огневиски. Их мне бабушка прислала, а мне они не нравятся.

– О... ага... спасибо большое, – поблагодарил Гарри, не придумав, что ещё можно на это сказать. – Э... извини, мне сейчас надо идти с...

Он поспешил за Гермионой, проглотив окончание фразы.

– Говорила же, – кратко откомментировала Гермiona. – Чем раньше ты кого-нибудь пригласишь, тем раньше тебя оставят в покое и ты сможешь...

Внезапно её лицо утратило всякое выражение: она заметила Рона и Лаванду, сплетённых между собой в одном кресле.

– Ну, спокойной ночи, Гарри, – сказала она, хотя было всего лишь семь вечера, и, не произнеся больше ни слова, удалилась в спальню для девочек.

Гарри шёл спать с приятной мыслью, что осталось пережить всего один последний день занятий плюс вечеринку Слагхорна, после чего он вместе с Роном отправится в Нору. Казалось совершенно невозможным, чтобы Рон и Гермiona помирились до начала каникул, но возможно, перерыв каким-то образом их успокоит, и они смогут нормально подумать о том, что они делают...

Но, по правде сказать, надеялся Гарри не очень сильно, и его надежда ослабла ещё больше на следующий день, когда ему пришлось вытерпеть с ними урок трансфигурации. Они как раз вступили в чрезвычайно трудную область трансфигурации человека; работая перед зеркалами, они должны были изменять цвет собственных бровей. Гермiona злорадно посмеялась над первой попыткой Рона, оказавшейся совершенно катастрофической: каким-то образом он умудрился заполучить себе на лицо потрясающие усы размером с велосипедный руль. Рон отомстил, жестоко, но очень похоже изображая, как Гермiona подпрыгивает на стуле, всякий раз, когда профессор МакГонаггалл задавала вопрос; Лаванда и Парвати нашли эту пантомиму очень забавной, а Гермiona вновь была доведена до слёз. Как

только прозвучал звонок, она вылетела из класса, забыв половину своих вещей; Гарри, рассудив, что его присутствие сейчас нужнее Гермионе, чем Рону, собрал её оставшиеся пожитки и отправился следом.

Некоторое время спустя он наконец нашёл Гермиону, когда она вышла из туалета этажом ниже. Вместе с ней шла Луна Лавгуд, мягко похлопывая её по спине.

– А, привет, Гарри, – сказала Луна. – Ты в курсе, что у тебя одна бровь жёлтая?

– Здорово, Луна. Гермиона, ты там кое-что забыла...

Он протянул ей книги.

– А, да, – с трудом выдавила из себя Гермиона, забрав свои вещи и быстро отвернувшись в попытке скрыть, что вытирает глаза футляром для перьев. – Спасибо, Гарри. Ну, я, пожалуй, пойду...

И она поспешно удалилась, не дав Гарри возможности произнести что-либо в утешение; с другой стороны, следует признать, что ему всё равно ничего подходящего в голову не приходило.

– Она немного расстроена, – заметила Луна. – Я сперва подумала, что там Плакса Миртл, но это оказалась Гермиона. Она что-то говорила про Рона Уизли...

– Ага, они поссорились.

– Иногда он говорит такие смешные вещи, правда? – произнесла Луна, когда они вместе направились по коридору. – Но иногда он бывает немного грубым. Я это в прошлом году заметила.

– Похоже, так, – согласился Гарри. Луна вновь продемонстрировала свою обычную обескураживающую прямооту; ему никогда раньше не приходилось встречать таких людей. – Да, так как прошёл твой семестр, удачно?

– О, нормально, – ответила Луна. – Немного скучно без ДА. Зато Джинни просто прелесть. Недавно на уроке трансфигурации она отучила двух мальчишек из моего класса называть меня «Психуной»⁵⁶...

– Как ты насчёт пойти со мной сегодня на вечеринку Слагхорна?

Слова вырвались у Гарри совершенно произвольно; он услышал, как произносит их, словно вместо него говорил какой-то незнакомец.

Луна удивлённо устремила на него свои глаза чуть навывкате.

– На вечеринку Слагхорна? С тобой?

– Ага. Мы можем приглашать своих гостей, ну и я подумал, что, может, ты захочешь... в смысле... – Гарри стремился донести свои намерения предельно ясно, – в смысле, просто по-дружески, ну ты понимаешь? Но если ты не хочешь, то...

Он уже почти надеялся, что она не хочет.

– О нет, я с удовольствием пойду с тобой просто по-дружески, – Луна просияла так, как он ещё никогда в её исполнении не видел. – Никто ещё не приглашал меня пойти с ним на вечеринку по-дружески! Ты поэтому бровь покрасил, для вечеринки? Мне свою тоже покрасить?

⁵⁶ Loony – прозвище Луны. Переводится как «сумасшедшая, чокнутая».

– Нет, – твёрдо ответил Гарри, – это я нечаянно, я попрошу Гермиону вернуть ей нормальный цвет. Так значит, встречаемся в холле в восемь, да?

– АГА! – возопило откуда-то сверху, так что они оба подпрыгнули; они, сами того не заметив, только что прошли под злорадно ухмыляющимся Пивзом, свисающим вниз головой с люстры.

– *Потёртый пригласил Психуну на вечеринку! Потёртый любит Психуну! Потёртый люууубит Психуну!*

И он унёсся прочь, хихикая и выкрикивая: «Потёртый любит Психуну!»

– Как мило обсуждать такие вещи приватно, – заметил Гарри. И действительно, вся школа, казалось, мгновенно узнала, что Гарри Поттер пригласил Луну Лавгуд на вечеринку к Слагхорну.

– Ты мог пригласить *кого угодно!* – неверящим голосом воскликнул Рон во время ужина. – *Кого угодно!* И ты выбрал Психуну Лавгуд?

– Не называй её так, Рон! – выпалила Джинни, останавливаясь за спиной Гарри по пути к своей компании. – Ты молодец, что её пригласил, Гарри, она так рада!

С этими словами она пошла дальше вдоль стола и села рядом с Дином. Гарри попытался почувствовать удовлетворение от радости Джинни по поводу того, что он пригласил Луну на вечеринку, но ему это не вполне удалось. На другом конце стола в гордом одиночестве сидела Гермиона и помешивала тушёное мясо в тарелке. Гарри заметил, что Рон исподтишка на неё поглядывает.

– Ты мог бы и извиниться, – прямо предложил Гарри.

– Ага, и получить ещё одну стаю канареек на свою голову? – пробормотал Рон.

– Зачем ты её передразнивал?

– Она смеялась над моими усами!

– Я тоже смеялся, в жизни ничего более дурацкого не видел.

Но Рон, похоже, не услышал; как раз пришли Лаванда и Парвати. Втиснувшись между Гарри и Роном, Лаванда обвила руками шею Рона.

– Привет, Гарри, – поздоровалась Парвати; похоже, её, так же как и Гарри, поведение Рона и Лаванды слегка смущало и утомляло.

– Привет. Как у тебя дела? Ты, значит, остаёшься в Хогвартсе? Я слышал, твои родители хотели тебя забрать.

– Мне удалось отговорить их на некоторое время. Эта история с Кэти вывела их из себя, но поскольку с тех пор ничего такого не было... О, привет, Гермиона!

Парвати просияла. Гарри показалось, что она чувствовала себя виноватой за то, что смеялась над Гермионой на трансфигурации. Оглянувшись, он увидел, что Гермиона улыбнулась в ответ ещё шире, если такое вообще возможно. Иногда девушки ведут себя очень странно.

– Привет, Парвати! – воскликнула Гермиона, не обращая ни малейшего внимания на Рона и Лаванду. – Идёшь сегодня на вечеринку к Слагхорну?

– Не приглашают, – печально ответила Парвати. – А пойти хотелось бы, похоже, там будет просто здорово... Ты сама идёшь, да?

– Да, я в восемь встречаюсь с Кормаком, и мы...

Раздался звук, словно из засорившейся раковины вытащили вантуз, и Рон снова вернулся к действительности. Гермиона словно ничего не видела и не слышала.

– ...и мы идём на вечеринку вместе.

– Кормак? – переспросила Парвати. – Ты имеешь в виду Кормака МакЛэггена?

– Именно его, – сладким голосом подтвердила Гермиона. – Того самого, который *почти*, – она сделала ударение на последнем слове, – стал вратарём Гриффиндора.

– Он что, твой парень? – у Парвати от удивления глаза на лоб полезли.

– А, да... а ты что, не знала? – сказала Гермиона и совершенно не по-гермионьи хихикнула.

– Нет! – ответила Парвати, которую эта информация, похоже, возбудила чрезвычайно. – Ух ты, тебе нравятся игроки в квиддич, да? Сначала Крам, теперь МакЛэгген...

– Мне нравятся *действительно классные* игроки в квиддич, – поправила её Гермиона, по-прежнему с улыбкой. – Ладно, пока... Мне пора идти готовиться к вечеринке...

Она ушла. Лаванда и Парвати немедленно уединились, чтобы обсудить это новое открытие с учётом всего, что они когда-либо слышали о МакЛэггене, и всего, что они когда-либо думали о Гермионе. Рон выглядел на редкость озадаченным и молчал. Гарри оставалось лишь молча размышлять о том, как низко могут пасть девушки ради мести.

В восемь вечера, придя в холл, Гарри обнаружил там необычайно большое количество прячущихся по углам девушек; казалось, все они обиженно смотрели на него, когда он подходил к Луне. Она была одета в серебристую мантию с блёстками, над которой окружающие слегка посмеивались, но в остальном выглядела вполне прилично. В любом случае Гарри был рад, что она не стала брать с собой свои редископодобные серёжки, ожерелье из пробок от сливочного пива и Радужные очки.

– Привет, – сказал он. – Ну что, пошли?

– Да, конечно, – радостно ответила она. – А где будет вечеринка?

– В кабинете Слагхорна, – ответил Гарри, уводя её к мраморной лестнице, подальше от всех этих переглядываний и перешёптываний. – Ты слышала – говорят, должен прийти вампир!

– Руфус Скримджер?

– Я... что? – в замешательстве переспросил Гарри. – Ты имеешь в виду министра магии?

– Да, он вампир, – заявила она таким тоном, словно это было нечто общеизвестное. – Отец написал об этом большую статью сразу, как только Скримджер сменил Корнелиуса Фаджа, но кто-то из Министерства заставил его отказаться от её публикации. Ну разумеется, они не хотят, чтобы правда выплыла наружу!

Гарри, полагавший вампирскую сущность Руфуса Скримджера маловероятной, но привычный к тому, что Луна повторяет эксцентричные мнения отца как нечто очевидное, ничего не ответил; они подходили к кабинету Слагхорна, и доносившиеся оттуда смех, разговоры и музыка с каждым их шагом становились всё громче.

То ли кабинет Слагхорна был так построен, то ли его хозяин применил какие-то магические приёмы, но он был гораздо больше, чем обычный кабинет преподавателя.

Потолок и стены были драпированы изумрудными, малиновыми и золотыми портьерами, в результате чего у людей создавалось впечатление, что они находятся внутри огромной палатки. В комнате было многолюдно и душновато; она была освещена красным светом разукрашенной золотой лампы, свисающей с потолка в самом центре; внутри лампы порхали настоящие феи, каждая словно яркое пятнышко света. Из дальнего угла доносилось громкое пение под аккомпанемент чего-то типа мандолин; облако дыма от трубок видело над группой старых чародеев, поглощённых беседой; сквозь дебри ног с писком прокладывали себе путь многочисленные домовые эльфы, заслонённые несомыми ими серебряными подносами с едой и похожие на блуждающие столики.

– Гарри, мо'мальчик! – прогудел Слагхорн практически сразу же, как только Гарри и Луна переступили порог. – Входи, входи, здесь столько людей, с которыми я хочу тебя познакомить!

На голове Слагхорна была бархатная шляпа с кисточкой под цвет жилета. Вцепившись Гарри в руку так крепко, словно он собрался дезаппарировать вместе с ним, Слагхорн потащил его прямо в гущу народа. Гарри схватил руку Луны и повлёк её за собой.

– Гарри, я обязательно должен тебя познакомить с Элдредом Ворплом, это мой бывший ученик, автор книги «Братья по крови: моя жизнь среди вампиров» – и, разумеется, с его другом Сангвини⁵⁷.

Ворпл, маленький тучный мужчина в очках, энергично пожал руку Гарри; вампир Сангвини, высокий и тощий, с тенями под глазами, просто кивнул. Ему явно было скучно. Неподдалёку возбуждённо толпилась стайка девушек, с любопытством глядевших на него.

– Гарри Поттер, я так рад с тобой познакомиться! – воскликнул Ворпл, близоруко шурясь на него снизу вверх. – Буквально на днях я говорил профессору Слагхорну: «*А где биография Гарри Поттера, которую мы все с таким нетерпением ожидаем?*»

– Э... правда ожидаете?

– Сама скромность, как и говорил Гораций! Но если серьёзно, – его голос внезапно изменился, Ворпл заговорил деловым тоном, – я бы с удовольствием сам её написал – народ жаждет узнать о тебе побольше, дорогой, просто жаждет! Если ты готов дать мне несколько интервью, скажем, часов по четыре-пять каждое, мы эту книгу закончим в несколько месяцев. И от тебя почти ничего не потребуется, могу тебя заверить – спроси вон Сангвини, так это или нет... *Сангвини, иди сюда!* – неожиданно жёстко добавил Ворпл, заметив, как вампир с голодным блеском в глазах медленно подбирается к ближайшей кучке девушек. – Вот, возьми пирожок, – Ворпл схватил один с подноса проходящего мимо эльфа и сунул его в руку Сангвини, после чего снова повернулся к Гарри. – Мой дорогой, ты себе не представляешь, сколько золота ты можешь заработать...

– Спасибо, но мне это совершенно не интересно, – твёрдо перебил его Гарри. – Кстати, я вижу одного своего друга, мне надо подойти к нему, прошу прощения... – он потащил Луну вслед за собой в толпу; он действительно только что заметил копну каштановых волос, мелькнувших между двумя, как ему показалось, музыкантами из «Станных Сестричек».

– Гермиона! *Гермиона!*

⁵⁷ Sanguini. Имя вампира происходит от слова sanguine – румяный, кроваво-красный.

– Гарри! Вот ты где, слава богу! Привет, Луна!

– Что случилось? – спросил Гарри: Гермиона была взъерошена, словно только что выбралась из зарослей дьявольских силков.

– Ой, я только что сбежала... в смысле, только что оставила МакЛэггена. Под омельой, – в качестве объяснения добавила она, поскольку Гарри по-прежнему смотрел на неё вопросительно.

– Так тебе и надо, раз пошла с ним, – беспощадно сказал он.

– Я думала, это разозлит Рона сильнее всего, – хладнокровно ответила Гермиона. – Некоторое время я обдумывала кандидатуру Захариаса Смита, но решила, что в целом...

– Ты думала пригласить Смита? – с ужасом и отвращением переспросил Гарри.

– Да, и уже начинаю жалеть, что не выбрала его, по сравнению с МакЛэггеном даже Гроуп кажется джентльменом. Давай пойдём вон туда, там мы сможем увидеть, если он будет приближаться, он такой высокий... – все трое стали пробираться к противоположной стене комнаты, по пути забрав с подносов по кубку с мёдом. Они слишком поздно заметили, что там, куда они шли, в одиночестве стояла профессор Трелони.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась Луна.

– Добрый вечер, моя дорогая, – ответила профессор Трелони, не без труда фокусируясь на лице Луны. Гарри вновь ощутил запах шерри. – Я в последнее время не вижу тебя на занятиях...

– Да, у меня в этом году ведёт Фиренце.

– А, конечно, – профессор Трелони издала пьяный смешок. – Цирковая лошадка, как я его называю. Коли уж я вернулась в школу, можно было бы ожидать, что профессор Дамблдор избавится от этой лошади, вы согласны? Но нет... мы поделили учебные часы... Это просто оскорбление, откровенное оскорбление. Знаете ли вы... – профессор Трелони явно была слишком навеселе, чтобы заметить Гарри.

Пока она яростно критиковала Фиренце, Гарри наклонился вплотную к Гермионе и тихо сказал:

– Давай мы с тобой кое-что проясним. Собираешься ли ты рассказать Рону, что ты сделала во время просмотра вратарей?

Гермиона удивлённо подняла брови.

– Неужели ты действительно думаешь, что я опущусь до такого?

Гарри пристально посмотрел на неё.

– Гермиона, если ты смогла пригласить МакЛэггена...

– Это же совсем другое дело! – с достоинством ответила Гермиона. – Я совершенно не планирую рассказывать Рону о том, что могло произойти – или не произойти – во время просмотра вратарей.

– Вот и отлично, – лихорадочно произнёс Гарри. – А то он опять раскиснет, и мы проиграем следующий матч...

– Квиддич! – сердито заявила Гермиона. – Это всё, что вас, мальчишек, волнует? Кормак не задал ни одного вопроса обо мне – нет, мне пришлось выслушивать про Сто Величайших Сейвов Кормака МакЛэггена, без перерыва, с самого начала... О нет, вот он опять!

Она исчезла с такой скоростью, словно дезаппарировала; только что была тут, раз – просочилась между двух болтающих между собой ведьм, и её нет.

– Гермину не видели? – спросил МакЛэген, пробив себе путь сквозь толпу минуту спустя.

– К сожалению, нет, – ответил Гарри и тут же отвернулся, чтобы присоединиться к беседе, в которой участвовала Луна, забыв на секунду, с кем именно она разговаривала.

– Гарри Поттер! – впервые за всё это время заметив его, воскликнула профессор Трелони глубоким вибрирующим голосом.

– О, здравствуйте, – вяло сказал Гарри.

– Мой милый мальчик! – проговорила она взволнованным голосом. – Эти слухи! Это сплетни! Избранный! Конечно, я давно знала... Предзнаменования всегда были тревожные, Гарри... Но почему ты не продолжил прорицание? Из всех людей именно для тебя этот предмет представляет наибольшую важность!

– Ах, Сибилла, все мы считаем, что наш предмет самый важный! – послышался громкий голос, и по другую руку от профессора Трелони появился Слагхорн; лицо его было красным, глаза налиты кровью, бархатная шляпа слегка съехала набок; в одной руке он держал бокал с мёдом, в другой – огромный кусок мясного пирога. – Но я думаю, что никогда ещё не встречал кого-то с таким даром в зельях! – Слагхорн посмотрел на Гарри влюблёнными глазами. – Врождённый талант, знаешь ли – совсем как у его матери! Могу сказать, Сибилла, я лишь нескольких столь одарённых учил – даже Северус...

Тут, к ужасу Гарри, Слагхорн выбросил в сторону руку и вытащил Снейпа, казалось, прямо из воздуха.

– Кончай прятаться и присоединяйся к нам, Северус! – икнув, радостно заявил Слагхорн. – Я как раз говорил о невероятных успехах Гарри в зельеварении! В этом есть и твоя заслуга, несомненно, ты пять лет его учил!

Пойманный рукой Слагхорна, обнявшей его за плечи, Снейп взглянул на Гарри сверху вниз, прищурив свои чёрные глаза.

– Забавно, у меня не сложилось впечатления, что мне хоть чему-то удалось научить Поттера.

– Ну, значит, это врождённый дар! – воскликнул Слагхорн. – Тебе надо было видеть, что он приготовил на первом занятии, Глоток Живой Смерти – ни один ученик не делал лучше с первой попытки, думаю, даже ты, Северус...

– Вот как? – тихо произнёс Снейп, по-прежнему сверля Гарри глазами; тот начал ощущать некоторое беспокойство. Последнее, чего ему бы хотелось, – чтобы Снейп начал доискиваться до источника новоприобретённого Гарриного таланта в зельях.

– Напомни мне, какими ещё предметами ты сейчас занимаешься, Гарри? – поинтересовался Слагхорн.

– Защитой от Тёмных искусств, чарами, трансфигурацией, гербологией...

– Короче говоря, всеми предметами, необходимыми аврору, – с чуть заметной издёвкой пояснил Снейп.

– Ага, им я и хочу стать, – вызывающе ответил Гарри.

– И из тебя получится отличный аврор! – прогудел Слагхорн.

– Не думаю, что тебе следует становиться аврором, Гарри, – неожиданно сказала Луна. Все посмотрели на неё. – Авроры входят в Тайное Общество «Гнилозуб»⁵⁸, я думала, это все знают. Они стремятся разрушить изнутри Министерство магии, применяя Тёмную магию в сочетании с пародонтозом.

У Гарри от смеха мёд попал не в то горло. Да, Луну стоило пригласить сюда уже ради одного этого момента. Подняв голову от своего кубка, капля, утирая слёзы, но всё ещё смеясь, он увидел нечто, что улучшило его настроение ещё больше: Дрэйко Малфоя, влекомого к ним за ухо Аргусом Филчем.

– Профессор Слагхорн, – одышливо прохрипел Филч; его челюсти дрожали, а выкаченные глаза горели азартом борьбы с нарушителями правил. – Я обнаружил этого мальчишку прячущимся в коридоре наверху. Он заявляет, что был приглашён к вам на вечеринку, но задержался с приготовлениями. Действительно ли вы дали ему приглашение?

Малфой с яростным видом вырвался из рук Филча.

– Ну ладно, ладно, не был я приглашен! – сердито огрызнулся он. – Я хотел прийти так, устраивает?

– Нет, не устраивает! – ликующе воскликнул Филч с выражением полного превосходства на лице. – У тебя большие проблемы, точно тебе говорю! Разве не говорил директор, что ночные прогулки запрещены без специального разрешения, разве не говорил, э?

– Да ладно, Аргус, всё нормально, – успокаивающе махнул рукой Слагхорн. – Сейчас Рождество, и хотеть попасть на вечеринку – не преступление. Сделаем исключение, не будем его наказывать сегодня; Дрэйко, ты можешь остаться.

Выражение гнева и разочарования на лице Филча было абсолютно предсказуемо; но почему, удивлялся Гарри, наблюдая за Малфоем, *его* лицо выглядело почти таким же несчастным? И почему Снейп смотрел на Малфоя так, словно был рассержен и... возможно ли такое?.. слегка испуган?

Но прежде чем Гарри полностью осознал, что же он увидел, Филч развернулся и уковылял прочь, что-то бормоча себе под нос; Малфой изобразил на лице улыбку и стал благодарить Слагхорна за его великодушие; а лицо Снейпа вновь стало совершенно непроницаемым.

– Ничего, не стоит благодарности, – произнёс Слагхорн, отмахиваясь от Малфоя. – В конце концов, я же знал твоего деда...

– Он всегда очень хорошо о вас отзывался, сэр, – тут же сказал Малфой. – Говорил, что вы лучший специалист по зельям, которого он когда-либо знал...

Гарри внимательно смотрел на Малфоя. Его интересовало вовсе не лизоблюдство; Гарри достаточно насмотрелся этого в исполнении Малфоя перед Снейпом. Его заинтересовало то, что Малфой действительно казался немного больным. Впервые за довольно долгий срок он мог рассмотреть Малфоя так близко; теперь он видел и тени под глазами, и чуть пепельный оттенок кожи.

– Мне надо с тобой поговорить, Дрэйко, – неожиданно заявил Снейп.

⁵⁸ Rotfang Conspiracy. Rot – гниль, fang – клык, корень зуба, conspiracy – тайная организация.

– Ой, да ладно, Северус, – произнёс Слагхорн, снова икнув. – Сейчас Рождество, не будь таким строгим...

– Я глава его Дома, и мне решать, должен я быть строгим или нет, – отрезал Снейп. – Иди за мной, Дрэйко.

Они отошли, Снейп впереди, Малфой с возмущённым видом за ним. Гарри некоторое время стоял в нерешительности, затем сказал:

– Я скоро вернусь, Луна... э... мне в туалет.

– Хорошо, – бодро ответила она; когда Гарри поспешно нырнул в толпу, ему показалось, что она продолжила обсуждение темы Тайного Общества «Гнилозуб» с явно заинтересованной Трелони.

После того как он выбрался из толпы, вытащить из кармана плащ-невидимку и накинуть его на себя оказалось легче лёгкого – коридор был пуст. Что было труднее, так это найти Снейпа и Малфоя. Гарри побежал по коридору; топот его ног приглушался музыкой и голосами, по-прежнему доносившимися из кабинета Слагхорна за его спиной. Возможно, Снейп повёл Малфоя в свой кабинет в подzemелье... или он сопровождает его обратно в общую комнату Слизерина... тем не менее Гарри перебежками пробирался от двери к двери, прижимаясь ухом к каждой из них; наконец, приложив ухо к замочной скважине последней двери по коридору, он ощутил радостное возбуждение – из-за двери доносились голоса.

– ...не должен допускать ошибок, Дрэйко, потому что если тебя исключат...

– Я тут вообще ни при чём, понятно?

– Очень надеюсь, что ты говоришь правду, потому что это было сделано неуклюже и просто глупо. Тебя уже подозревают в причастности к этому.

– Кто меня подозревает? – сердито спросил Малфой. – В последний раз говорю, я этого не делал, понятно? У этой девчонки Белл, должно быть, есть какой-то враг, о котором никто не знает, – не смотрите на меня так! Я знаю, что вы делаете, я не дурак, но это у вас не пройдёт – я могу вас остановить!

После небольшой паузы Снейп тихо произнёс:

– Ага... тётя Беллатрикс обучала тебя окклюменции, понятно. Так какие мысли ты пытаешься скрыть от своего наставника⁵⁹, Дрэйко?

– Я не пытаюсь скрыть что-либо от *него*, я просто не хочу, чтобы *вы* в это вмешивались!

Гарри плотнее прижался ухом к замочной скважине... Что же произошло, после чего Малфой стал говорить со Снейпом таким тоном – со Снейпом, которому он всегда оказывал уважение и даже симпатию?

– Именно поэтому ты избегаешь меня весь семестр? Ты боялся моего вмешательства? Ты осознаёшь, что никто ещё не отказывался посещать мой кабинет, если я неоднократно говорил ему прийти туда, Дрэйко?..

– Так назначьте мне наказание! Доложите Дамблдору! – зло усмехнулся Малфой.

После ещё одной паузы Снейп сказал:

– Ты отлично знаешь, что я не желаю делать ни того, ни другого.

⁵⁹ В оригинале здесь слово *master*, оно означает и «наставник», и «преподаватель», и «господин». Снейп имеет в виду себя (преподавателя), а Дрэйко – Волдеморта (господина).

– Тогда прекратите требовать от меня, чтобы я пришёл в ваш кабинет!

– Слушай меня внимательно, – произнёс Снейп настолько тихо, что Гарри пришлось прижать ухо к скважине изо всех сил, чтобы расслышать. – Я пытаюсь помочь тебе. Я поклялся твоей матери, что буду тебя защищать. Я дал Нерушимый Обет, Дрэйко...

– Тогда, похоже, вам придётся его нарушить, потому что мне ваша защита не нужна! Это *моя* работа, он поручил её мне, и я её делаю. У меня есть план, и он сработает, это просто займёт немного больше времени, чем я ожидал!

– Что это за план?

– Не ваше дело!

– Если ты расскажешь мне, что ты хочешь сделать, я смогу помочь тебе...

– Я уже получил всю необходимую помощь, спасибо, я не один!

– Сегодня ты определённо был один, это исключительно глупо – бродить по коридорам без прикрытия и наблюдателей. Есть элементарные ошибки...

– Со мной пошли бы Крэбб и Гойл, если бы вы не назначили им наказания!

– Тише ты! – выплюнул Снейп; действительно, Малфой от возбуждения стал говорить очень громко. – Если твои друзья Крэбб и Гойл собираются в этом году всё же получить СОВ по защите от Тёмных искусств, им придётся работать немного более усердно, чем сей-
...

– А смысл? Защита от Тёмных искусств – это же просто шутка на самом деле, ведь так, просто спектакль? Можно подумать, что кому-то из нас нужно защищаться от Тёмных искусств...

– Этот спектакль чрезвычайно важен для общего успеха, Дрэйко! Где бы я, по-твоему, был все эти годы, если бы не был хорошим актёром? Теперь слушай меня! Крайне неосторожно с твоей стороны бродить тут по ночам и позволить себя поймать, и если ты собираешься доверять таким помощникам, как Крэбб и Гойл...

– Не только им, у меня есть и другие люди, получше!

– Тогда почему бы тебе не поделиться со мной, я смогу...

– Я знаю, чего вы хотите! Вы хотите присвоить себе мою славу!

После очередной паузы Снейп холодно произнёс:

– Ты рассуждаешь, как ребёнок. Я, конечно, понимаю, что арест и заключение твоего отца тебя сильно расстроили, но...

У Гарри оставалось не больше секунды на то, чтобы среагировать; он услышал шаги Малфоя по ту сторону двери и рванулся в сторону в тот самый момент, как она распахнулась; Малфой большими шагами направился по коридору, прошёл мимо двери кабинета Слагхорна, свернул за угол и пропал.

Едва осмеливаясь дышать, Гарри остался скрюченным под плащом; из класса медленно вышел Снейп. С непонятным выражением лица он отправился в кабинет Слагхорна, присоединиться к вечеринке. Гарри остался на полу, по-прежнему скрытый под плащом; мысли его скакали.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ЛЕДЯНОЕ РОЖДЕСТВО

– Снейп что, предлагал ему помочь? Он точно *предлагал ему помочь*?

– Если ты ещё раз задашь этот вопрос, – огрызнулся Гарри, – я засуну этот кочанчик...

– Я просто лишний раз проверяю! – ответил Рон. Они вдвоём стояли около раковины на кухне Норы и чистили для миссис Уизли огромную кучу брюссельской капусты. За кухонным окном вился снежок.

– *Да, Снейп предлагал ему помочь!* – отчеканил Гарри. – Он сказал, что обещал матери Малфоя, что будет его защищать, и что сделал Несокрушимый Обед или что-то типа того...

– Нерушимый Обет? – Рон выглядел потрясённым. – Не, не может быть... Ты уверен?

– Да, уверен. А что, это что-то особенное?

– Ну, Нерушимый Обет нельзя нарушить...

– Забавно, я и сам до этого додумался. А если ты его нарушишь, что будет?

– Ты умрёшь, – просто ответил Рон. – Когда мне было пять лет, Фред и Джордж пытались заставить меня его дать. Я почти дал, мы с Фредом уже держались за руки, и всё такое, но тут нас папа отыскал. Он тогда просто с цепи сорвался, – при этом воспоминании в глазах Рона мелькнули искорки. – Единственный раз, когда я видел папу таким же разозлённым, как маму. Фред говорит, что его левая ягодица запомнила тот день на всю жизнь.

– Ага, ну, а если отвлечься от левой ягодицы Фреда...

– Вы что-то сказали? – раздался голос Фреда, и близнецы вошли на кухню. – Аааа, Джордж, ты только посмотри на это. Они пользуются ножами и всем прочим. Надо же.

– Мне будет семнадцать через два месяца с небольшим, – сердито произнёс Рон, – и тогда я смогу делать это с помощью магии!

– Ну а пока, – сказал Джордж, усаживаясь за кухонный стол и кладя на него ногу, – мы можем насладиться, наблюдая, как надо правильно обращаться с... опа! Класс.

– Это всё из-за тебя! – буркнул Рон, посасывая порезанный большой палец. – Погоди, вот будет мне семнадцать...

– Я просто уверен, что ты поразишь нас всех доселе незамеченными в тебе магическими талантами, – зевнул Фред.

– Кстати, насчёт доселе незамеченных талантов, Рональд, – сказал Джордж. – Что это мы такое слышали от Джинни про тебя и юную леди по имени – если наша информация верна – Лаванда Браун?

Рон слегка порозовел, но вернулся к капусте, не проявляя особого недовольства.

– Не суйте нос не в своё дело.

– Какой потрясающе остроумный ответ, – заметил Фред. – Удивляюсь, как ты их придумываешь. Нет, единственное, что мы хотели узнать... как это произошло?

– В каком смысле?

– Она попала в аварию, или что?

– Чего?

– Ну, как её угораздило так сильно стукнуться головой? Па-аберегись!

Миссис Уизли вошла в комнату в тот самый момент, когда Рон запустил во Фреда своим кухонным ножом; Фред одним ленивым движением волшебной палочки превратил нож в бумажный самолётик.

– *Рон!* – прикрикнула она. – Чтобы я больше не видела, как ты швыряешься ножами!

– Хорошо, – ответил Рон. – Не увидишь, – добавил он себе под нос, снова поворачиваясь к горе брюссельской капусты.

– Фред, Джордж, извините, дорогие, но сегодня приезжает Римус, так что Билл будет спать вместе с вами!

– Нет проблем, – ответил Джордж.

– Теперь: раз Чарли не смог приехать, то чердак останется в распоряжении Гарри и Рона, и если Флер поделит комнату с Джинни...

– ...то у Джинни будет отличное Рождество... – пробормотал Фред.

– ...все удобно устроятся. Ну, им придётся потерпеть в одной кровати на двоих, – слегка встревоженным тоном закончила миссис Уизли.

– Пёрси, значит, точно не покажет сюда свою рожу? – спросил Фред.

Миссис Уизли отвернулась, прежде чем ответить.

– Нет, он сейчас занят, должно быть, в Министерстве.

– Или же он величайший в мире дебил, – добавил Фред, как только миссис Уизли покинула кухню. – Одно из двух. Ну ладно, пошли, Джордж.

– Чего это вы двое собираетесь делать? – спросил Рон. – Не помогли бы нам со всей этой капустой? Вы бы могли только палочкой взмахнуть, и мы тоже были бы свободны!

– Нет, я не думаю, что мы можем вам помочь, – серьёзно ответил Фред. – Знаешь, это очень закаляет характер – учиться чистить брюссельскую капусту без магии, это позволит вам оценить труд магглов и сквибов...

– ...и если ты хочешь, чтобы другие тебе помогали, Рон, – добавил Джордж, запустив в него бумажным самолётиком, – я бы тебе не рекомендовал швырять в них ножи. Так, маленький совет на будущее. Мы отчаливаем в деревню, там в газетном киоске работает одна очаровательная девушка, которая считает, что мои карточные фокусы совершенно невероятны... прямо как настоящая магия...

– Вот мерзавцы, – мрачно сказал Рон, наблюдая, как Фред и Джордж идут через заснеженный двор. – Десять секунд это бы у них отняло, и мы тоже могли бы идти.

– Только не я, – покачал головой Гарри. – Я обещал Дамблдору, что не буду бродить по окрестностям, пока я здесь.

– Ах, да, – Рон очистил ещё пару кочанчиков и спросил: – Ты расскажешь Дамблдору, что ты услышал из разговора Снейпа с Малфоем?

– Угу. Я готов рассказать любому, кто может это прекратить, Дамблдору в первую очередь. Возможно, и с твоим папой тоже поговорю.

– Жаль, что ты не услышал, чем же всё-таки занимается Малфой.

– Ну на это шансов не было никаких, так ведь? В том-то вся и загвоздка, что он отказывался рассказать Снейпу.

После недолгой паузы Рон продолжил:

– Ты, конечно, знаешь, что они все тебе ответят? Папа, и Дамблдор, и все прочие? Они скажут, что Снейп на самом деле вовсе не пытается помочь Малфоя, он просто хотел выяснить, что Малфой затевает.

– Они его не слышали, – ровно сказал Гарри. – Никто не может быть таким хорошим актёром, даже Снейп.

– Ага... ну я только говорю, что они все скажут.

Гарри, нахмурившись, повернулся к Рону.

– Но ты-то веришь, что я прав?

– Верю! – поспешно ответил Рон. – Серьёзно, я тебе верю! Но они все там убеждены, что Снейп в Ордене, скажешь нет?

Гарри ничего не ответил. Ему уже приходило в голову это возражение, которое наверняка будет высказано в первую очередь, как только он расскажет об увиденном; он будто слышал голос Гермионы:

– *Гарри, но это же очевидно, он притворялся, что хочет помочь, чтобы обмануть Малфоя и заставить его рассказать, что он затевает...*

Однако это было лишь в Гаррином воображении – у него не было возможности пересказать Гермионе то, что он подслушал. Она ушла с вечеринки Слагхорна, прежде чем Гарри туда вернулся (по крайней мере, так ему сказал разгневанный МакЛэгген), а к тому времени, как он пришёл в общую комнату, Гермиона уже удалилась в свою спальню. Поскольку Гарри вместе с Роном отбывал в Нору на следующий день рано утром, у него хватило времени только пожелать счастливого Рождества и сообщить, что у него есть важные новости, которые он расскажет после каникул. Притом он был не очень уверен, что Гермиона его расслышала: за его спиной в это же время вдумчиво и невербально прощались Рон и Лаванда.

Тем не менее, даже Гермиона не смогла бы отрицать одного: Малфой определённо что-то затевает, и Снейп это знает; так что Гарри мог с полным удовлетворением восклицать «Ну, что я говорил!», что он уже и проделал несколько раз в разговорах с Роном.

До самого Сочельника у Гарри не было возможности переговорить с мистером Уизли – тот работал в Министерстве допоздна. Семейство Уизли и его гости сидели в гостиной. Джинни её так щедро и обильно украсила, что комната находилась словно в эпицентре взрыва бумажных гирлянд. Лишь Фред, Джордж, Гарри и Рон знали, что ангел на верхушке ёлки был на самом деле гномом, укусившим Фреда за лодыжку, когда тот рвал морковь для рождественского ужина. Оглушённый, выкрашенный золотой краской и засунутый в миниатюрное белое платье, с приклеенными за спиной крылышками, он взирал на них сверху вниз – самый уродливый ангел, какого Гарри когда-либо видел, с большой лысой головой, похожей на картофелину, и мохнатыми ногами.

Все они должны были слушать рождественскую радиопередачу с участием любимой певицы миссис Уизли, Селестины Уорбек, чьи трели доносились из большого деревянного

приёмника. Флер, похоже, находила песни Селестины очень скучными и разговаривала в углу так громко, что хмуро косившаяся на неё миссис Уизли то и дело указывала волшебной палочкой на регулятор громкости, так что голос Селестины всё усиливался. Во время особенно оживлённой композиции под названием «Котёл, полный горячей, страстной любви» Фред, Джордж и Джинни затеяли партию в «Разрывной Щелчок»⁶⁰. Рон периодически кидал взгляды исподтишка на Флер и Билла, словно надеясь подсмотреть что-то полезное. В то же время Римус Люпин, ещё более тощий и неухоженный, чем обычно, сидел у огня и смотрел на пламя, словно и не слышал голоса Селестины.

Приходи же сегодня к котлу моему,
И побудь рядом с ним, если хочешь.
Я горячую в нём приготовлю любовь,
Что согреет тебя этой ночью.

– Под это мы танцевали, когда нам было восемнадцать! – миссис Уизли промокнула глаза своим вязанием. – Ты помнишь, Артур?

– Эmmm? – ответил мистер Уизли, задремавший было в процессе очистки мандарина. – А, да... прекрасное было время...

Не без труда выпрямившись, он оглянулся на Гарри, сидевшего рядом с ним.

– Прости за это вот, – он дёрнул головой в сторону приёмника, где к Селестине присоединился хор. – Скоро закончится.

– Нет проблем, – ответил Гарри, ухмыльнувшись. – Много работы в Министерстве?

– Очень. И ладно, если бы были хоть какие-то результаты, но из трёх арестованных за последнюю пару месяцев вряд ли хоть один является настоящим Пожирателем Смерти... Но только это между нами, Гарри, – быстро добавил он, внезапно утратив все признаки сонливости.

– Они всё ещё не отпустили Стэна Шанпайка? – спросил Гарри.

– Боюсь, что нет. Насколько я знаю, Дамблдор обращался по поводу Стэна непосредственно к Скримджеру... Я имею в виду, всякий, кто лично общался со Стэном, понимает, что он такой же Пожиратель Смерти, как этот мандарин... Но наверху хотят выглядеть так, словно они чего-то достигли, а «трое арестованных» звучит куда лучше, чем «трое ошибочно арестованных и отпущенных»... но это тоже сверхсекретно...

– Я никому не скажу, – пообещал Гарри. Несколько секунд он колебался, пытаясь сообразить, как лучше всего подступить к тому, что он собирался сообщить; пока он приводил мысли в порядок, Селестина Уорбек начала балладу под названием «Ты зачаровал моё сердце».

– Мистер Уизли, вы помните, что я рассказал вам на вокзале, когда мы отъезжали в школу?

⁶⁰ Exploding Snap. Explode – взрываться. «snap» – детская карточная игра: игроки одновременно открывают карты, выигрывает тот, первым крикнет «Snap!» (Щёлк!), увидев две карты одинакового достоинства

– Я проверил, Гарри, – тут же ответил мистер Уизли. – Я обыскал дом Малфоев. Там не было совершенно ничего – ни сломанного, ни целого, – чему там не полагалось быть.

– Да, я знаю, я прочёл в «Пророк», что вы там были... но тут другое... ну, кое-то большее...

И он поделился с мистером Уизли всем, что подслушал в разговоре между Малфоем и Снейпом. Пока Гарри говорил, он заметил, как Люпин чуть повернул голову, внимая каждому слову. Когда он закончил, повисло молчание, в котором было слышно лишь проникновенное пение Селестины:

Куда же ушло моё сердце?

Оно заколдовано...

– А не приходило ли тебе в голову, Гарри, – сказал мистер Уизли, – что Снейп просто притворялся...

– Притворялся, что предлагает помощь, чтобы выяснить, что затевает Малfoy? – быстро перебил его Гарри. – Я так и знал, что вы это скажете. Но можем ли мы быть уверены?

– Это не наше дело, – неожиданно произнёс Люпин. Он повернулся к огню спиной и смотрел на Гарри через плечо мистера Уизли. – Это дело Дамблдора. Дамблдор доверяет Снейпу, и для всех нас этого должно быть достаточно.

– Но, – возразил Гарри, – допустим – только допустим, что Дамблдор ошибается насчёт Снейпа...

– Это многие говорили, и много раз. Всё сводится к тому, доверяешь ли ты суждению Дамблдора или нет. Я – доверяю; поэтому я доверяю Северусу.

– Но и Дамблдор может ошибаться, он сам это говорит! А вам... – Гарри посмотрел Люпину в глаза, – вам, если честно, нравится Снейп?

– Не могу утверждать, что он мне «нравится» или «не нравится», – ответил Люпин. – Да, Гарри, это так, – добавил он, увидев скептическое выражение Гарриного лица. – Скорее всего, мы никогда не станем закадычными друзьями; всё, что происходило между Джеймсом, Сириусом и Северусом, наложило на нас слишком сильный и горький отпечаток. Но я не забыл, что весь тот год, когда я преподавал в Хогвартсе, Северус каждый месяц делал для меня Волкогонное зелье, и делал его идеально, так что мне не приходилось страдать, как я обычно страдаю в полнолуние.

– Но после он «случайно» пустил слух, что вы оборотень, и вам пришлось уйти! – сердито напомнил Гарри.

Люпин пожал плечами.

– Всё равно это бы просочилось. Мы оба знаем, что он метил на моё место, но он мог причинить мне гораздо больше вреда, если бы подпортил зелье. Он поддерживал моё здоровье. Я должен быть признателен ему за это.

– Может, он не решился химичить с зельем в присутствии Дамблдора!

– Ты не можешь не испытывать ненависти к Снейпу, – чуть улыбнувшись, сказал Люпин. – И я тебя понимаю; ты сын Джеймса и крестник Сириуса – естественно, ты

унаследовал их старое предубеждение. В любом случае расскажи Дамблдору всё, что ты рассказал нам с Артуром, но не очень надейся на то, что он разделит твою точку зрения; не очень надейся даже на то, что твои новости будут для него сюрпризом. Не исключено, что Снейп расспрашивал Дрэйко по его приказу.

Теперь моё сердце разбито –
Его мне обратно верни ты!

Селестина завершила песню длинной, высокой нотой; из приёмника слышались аплодисменты, к которым с удовольствием присоединилась миссис Уизли.

– Это закончилось? – громко сказала Флер. – Слава богу, какой ужас...

– Ну что, ещё чего-нибудь на ночь? – ещё громче спросила миссис Уизли, поднимаясь на ноги. – Кто хочет эгг-ног⁶¹?

– А чем вы занимались в последнее время? – спросил Гарри Люпина, когда миссис Уизли унеслась делать эгг-ног, а все остальные потянулись, чтобы размять затёкшие конечности, и начали беседовать друг с другом.

– О, я был в подполье, – ответил Люпин. – Почти буквально. Поэтому я и не мог писать, Гарри; отсылка писем тебе меня бы выдала.

– В каком смысле?

– Я жил среди моих собратьев, среди таких же, как я. Обратней, – добавил он в ответ на непонимающий взгляд Гарри. – Они почти все на стороне Волдеморта. Дамблдору нужен был агент, а я был... уже готовенький.

Последние слова прозвучали немного горько, и, вероятно, Люпин сам осознал это – прежде чем продолжить, он тепло улыбнулся.

– Я не жалуюсь; эта работа необходима, а кто может выполнить её лучше, чем я? Однако добиться их доверия оказалось очень трудно. По мне сразу видно, что я пытался жить среди колдунов, тогда как они избегают нормального общества и живут на лесных опушках, ворую – а иногда и убивая, – чтобы добыть себе пропитание.

– А почему они на стороне Волдеморта?

– Они думают, что при его правлении они будут жить лучше, – ответил Люпин. – А ещё им там очень трудно спорить с Грэйбэком...

– Кто такой Грэйбэк?

– Ты не слыхал о нём? – Люпин судорожно сжал руками колено. – Фенрир Грэйбэк – на сегодняшний день, вероятно, самый злобный оборотень. Смысл его жизни состоит в том, чтобы укусить и заразить как можно больше людей: он хочет создать достаточно большое число оборотней, чтобы доминировать над колдунами. В обмен на службу Волдеморт пообещал ему богатую добычу. Грэйбэк предпочитает детей... Их надо кусать, пока они маленькие, говорит он, и выращивать подальше от родителей, выращивать в ненависти к нормальным колдунам. Волдеморт часто угрожал напустить его на сыновей и дочерей своих врагов, эта угроза обычно приносила хорошие результаты.

⁶¹ Egg-nog – это яичный желток, растёртый с сахаром, с добавлением сливок, молока или спиртного напитка.

Люпин сделал паузу и добавил:

– Меня укусил именно Грэйбэк.

– Что? – переспросил пораженный Гарри. – Когда... когда вы были ребёнком, вы имеете в виду?

– Да. Мой отец оскорбил его. В течение очень долгого времени я не знал, какой именно оборотень на меня напал. Уже зная, каково это – трансформироваться, я даже испытывал жалость к нему, думая, что он не мог себя контролировать. Но Грэйбэк не таков. В полнолуние он располагается рядом со своими жертвами, достаточно близко, чтобы нанести удар. Он это всё планирует заранее. И этого человека Волдеморт использует, чтобы управлять оборотнями. Не берусь утверждать, что мой метод разумного убеждения более действенен, чем заявления Грэйбэка, что мы, оборотни, заслуживаем крови, и что нам надо мстить за себя нормальным людям.

– Но вы же нормальный! – воскликнул Гарри. – У вас всего лишь... э... проблема...

Люпин расхохотался.

– Иногда ты очень напоминаешь мне Джеймса. В компании он частенько называл это моей «маленькой пушистой проблемой». Многие думали, что у меня дома живёт кролик с плохим характером.

Люпин принял из рук миссис Уизли стакан с эгг-ногом и поблагодарил её; его настроение несколько улучшилось. В то же время Гарри ощутил прилив возбуждения: слова об отце напомнили ему ещё кое о чём, что он давно хотел спросить у Люпина.

– Вы когда-нибудь слышали про кого-то, кого звали Принц-Полукровка?

– Кто-Полукровка?

– Принц, – повторил Гарри, пытаясь прочесть узнавание на его лице.

– Среди колдунов нет принцев, – улыбнувшись, ответил Люпин. – Это что, титул, который ты хочешь принять? Я бы сказал, что «Избранного» вполне достаточно.

– Ко мне это совершенно не относится! – недовольно сказал Гарри. – Принц-Полукровка – это кто-то, кто раньше учился в Хогвартсе. У меня его старый учебник по зельям. Он весь исписан заклинаниями, которые этот Принц придумал. Одно из них – Левикорпус...

– О, эта штука была в большой моде, когда я учился в Хогвартсе, – углубился в воспоминания Люпин. – На пятом курсе было несколько месяцев, когда шагу нельзя было ступить, чтобы тебя не подвесили в воздухе за лодыжку.

– Мой папа его применял. Я видел его в ситодуме, он применял его к Снейпу.

Он хотел, чтобы фраза прозвучала небрежно, словно это было мелкое, незначительное замечание, но не был уверен, что достиг желаемого эффекта; Люпин улыбнулся понимающе.

– Да, – произнёс он. – Но не он один. Как я уже говорил, оно было очень популярным... Ты же знаешь, как переменчива мода на заклинания...

– Но похоже, что оно было изобретено, когда вы были в школе, – гнул свою линию Гарри.

– Не обязательно. Сглазы становятся модными и немодными, как и всё остальное. – Он глянул Гарри в глаза и тихо добавил: – Джеймс был чистокровным, Гарри, и я тебе точно говорю, что он никогда не просил нас называть его «Принцем».

Отбросив экивоки, Гарри спросил прямо:

– И это не Сириус? И не вы?

– Определённо нет.

– О, – некоторое время Гарри неотрывно смотрел на огонь. – Я просто подумал... В общем, он здорово помог мне на уроках зелий, этот Принц.

– Как давно издана эта книга, Гарри?

– Не знаю, никогда не проверял.

– Что ж, возможно, это даст тебе какое-никакое представление о том, когда Принц учился в Хогвартсе.

Вскоре Флер решила спародировать Селестину, поющую про «Котёл, полный горячей, страстной любви»; после этого все остальные, едва глянув на лицо миссис Уизли, поняли, что им пора идти спать. Гарри и Рон забрались на чердак, в комнату Рона, где для Гарри уже была поставлена раскладушка.

Рон уснул почти мгновенно; Гарри же, прежде чем лечь, порылся в своём сундуке и достал оттуда своё «Продвинутое зельеварение». Уже лёжа в постели, он листал страницы, пока, наконец, не нашёл в самом начале книги дату издания. Книге оказалось около пятидесяти лет. Ни его отец, ни друзья отца не учились в Хогвартсе пятьдесят лет назад. Чувствуя разочарование, Гарри зашвырнул книгу обратно в сундук, выключил свет и лёг. Он долго ворочался, думая о Снейпе и оборотнях, Стэне Шанпайке и Принце-Полукровке, и в конце концов провалился в тяжёлый сон, наполненный крадущимися тенями и плачем укушенных детей...

– Ну и шуточки у неё...

Гарри проснулся внезапно и тут же обнаружил какую-то кучу, громоздящуюся у него в ногах. Он нацепил очки и огляделся; крохотное окошко было почти полностью залеплено снегом, а прямо перед ним в своей кровати сидел Рон и осматривал нечто напоминающее толстую золотую цепь.

– Что это? – спросил Гарри.

– Это от Лаванды, – с отвращением ответил Рон. – Неужели она думает, что я буду носить...

Гарри присмотрелся получше и расхохотался. С цепи свисали большие золотые буквы, образуя слова «Любовь моя».

– Мило, – сказал он. – Просто класс. Тебе определённо надо покрасоваться с этой штукой перед Фредом и Джорджем.

– Если ты им расскажешь, – Рон засунул ожерелье под подушку, с глаз долой, – я... я... я...

– Что, будешь всегда говорить со мной заикаясь? – ухмыльнулся Гарри. – Да ладно, не скажу...

– Ну как ей могло в голову взбрести, что мне понравится что-то подобное? – потребовал ответа у непонятно кого всё ещё шокированный Рон.

– Что ж, попытайся вспомнить, – посоветовал Гарри. – Не обронил ли ты случайно намёка на то, что ты хотел бы появиться на людях, неся на шее слова «Любовь моя»?

– Вообще-то... мы на самом деле не очень много говорили. Мы в основном...

– Лобзались, – подсказал Гарри.

– Ну... да, – сказал Рон. Секунду он колебался, затем спросил:

– Гермiona на самом деле влюбилась в МакЛэгглена?

– Не знаю. На вечеринке у Слагхорна они были вместе, но я не думаю, что всё зашло настолько далеко.

Немного повеселевший Рон нырнул в свою кучу подарков.

Гаррины подарки включали в себя связанный миссис Уизли свитер с вышитым на груди золотым снитчем, большая коробка товаров «Улётных Уловов Уизли» от близнецов и немного влажный, пахнущий плесенью свёрток с наклейкой, на которой было написано: «Господину от Кричера».

Гарри уставился на него.

– Как думаешь, его открывать безопасно? – спросил он.

– Ничего опасного быть не может, всю нашу почту по-прежнему проверяют в Министерстве, – ответил Рон, в то же время пожирая свёрток подозрительным взглядом.

– Я и не думал что-либо дарить Кричеру! А другие обычно дарят рождественские подарки своим домовым эльфам? – поинтересовался Гарри, осторожно тыкая свёрток пальцем.

– Гермiona бы подарила, – ответил Рон. – Но давай посмотрим, что там, прежде чем ты начнёшь чувствовать себя виноватым.

В следующее мгновение Гарри издал громкий вопль и прыгнул с раскладушки – в свёртке были черви, в большом количестве.

– Как мило, – расхохотался Рон. – И очень заботливо.

– Уж лучше этих получить, чем то ожерелье, – отбрил Гарри, тем самым мгновенно успокоив Рона.

Собравшись на рождественский ланч, все надели новые свитера – все, кроме Флер (на которую, очевидно, миссис Уизли не хотела тратить время и шерсть) и самой миссис Уизли, которая щеголяла новенькой тёмно-синей шляпой, звёздно сверкавшей чем-то похожим на маленькие брильянты, и шикарным золотым ожерельем.

– Это мне Фред и Джордж подарили! Правда, красивые?

– Да, мам, теперь, когда мы сами стираем свои носки, мы ценим тебя всё больше и больше, – легко помахал рукой Джордж. – Положить пастернаку, Римус?

– Гарри, у тебя червяк в волосах, – весело произнесла Джинни и потянулась через стол, чтобы снять его. У Гарри по коже побежали мурашки, не имеющие никакого отношения к червяку.

– Какой кошмар, – Флер при виде червя слегка передёрнуло.

– Ага, точно, – согласился Рон. – Соус передать, Флер?

В своём стремлении помочь ей Рон опрокинул соусницу; Билл взмахнул волшебной палочкой, и разлитый соус поднялся в воздух и покорно вернулся в соусницу.

– Ты такой же неуклюжий, как эта Тонкс, – сказала Флер Рону, закончив целовать Билла в благодарность. – Она всегда роняет...

– Я пригласила *дорогую* Тонкс прийти сегодня, – заявила миссис Уизли, глядя на Флер и одновременно накладывая в тарелку морковь более энергично, чем это требовалось. – Но её не будет. Ты в последнее время с ней общался, Римус?

– Нет, я в последнее время вообще мало общаюсь с кем бы то ни было, – ответил Люпин. – Но у Тонкс есть своя семья, куда она могла бы пойти, разве не так?

– Хммм, – задумчиво произнесла миссис Уизли. – Возможно. Хотя у меня сложилось впечатление, что она собиралась провести Рождество одна.

Она раздражённо посмотрела на Люпина, словно это он был виноват, что её невесткой должна стать Флер, а не Тонкс; однако Гарри, глянув на Флер, потчующую Билла кусочками гуся⁶² со своей вилки, подумал, что миссис Уизли ведёт заведомо проигранное сражение. Тем временем он припомнил один вопрос относительно Тонкс, и кто мог бы ответить на него лучше, чем Люпин, человек, знающий о Патронусах всё?

– А у Тонкс Патронус изменился, – обратился он к Люпину. – По крайней мере, так Снейп сказал. Я и не знал, что такое бывает. Отчего Патронус меняется?

Люпин некоторое время задумчиво жевал кусок гуся, наконец, проглотив его, медленно ответил:

– Иногда это бывает... Сильный шок... эмоциональная встряска...

– Он был большой, и у него было четыре ноги, – Гарри, осенённый неожиданной догадкой, понизил голос. – О!.. А это случайно не?..

– Артур! – внезапно воскликнула миссис Уизли. Она встала со стула и неотрывно смотрела в кухонное окно, прижав руки к груди. – Артур – там Пёрси!

– *Что?*

Мистер Уизли обернулся. Все тут же посмотрели в окно; Джинни даже встала, чтобы лучше видеть. Действительно, через заснеженный двор шагал Пёрси Уизли, его очки в роговой оправе блестели на солнце. Однако там был не только он.

– Артур, он... он с министром!

И действительно, сразу за Пёрси шёл человек, портрет которого Гарри видел в «Ежедневном пророке»; он чуть прихрамывал, грива подёрнутых сединой волос и чёрный плащ были припорошены снегом. Прежде чем кто-либо из них успел открыть рот, прежде чем мистер и миссис Уизли смогли сделать что-то большее, чем обменяться ошеломлёнными взглядами, задняя дверь открылась, и в проёме появился Пёрси.

Какое-то мгновение в комнате висела тяжёлая тишина. Затем Пёрси довольно скованно произнёс:

– С Рождеством тебя, мать.

– О, *Пёрси!* – воскликнула миссис Уизли, бросаясь в его объятия.

⁶² На самом деле там фигурировал не гусь, а индейка (turkey), но она гораздо хуже вписывалась в маленькую игру слов, которая будет чуть дальше по тексту.

Руфус Скримджер остановился на пороге, опёршись на трость, и с улыбкой смотрел на эту трогательную сцену.

– Простите нас за вторжение, – сказал он, едва миссис Уизли повернулась к нему, широко улыбаясь и вытирая глаза. – Мы с Пёрси проходили мимо – по работе, вы понимаете, – и он не мог удержаться от того, чтобы заглянуть повидаться с вами.

Однако Пёрси не выказывал желания поприветствовать остальных членов семьи. Он стоял, неловко выпрямившись, словно аршин проглотил, и глядел в пространство поверх голов. Мистер Уизли, Фред и Джордж с непроницаемыми лицами смотрели на него.

– Пожалуйста, министр, входите, присаживайтесь! – поправив шляпу, засуетилась миссис Уизли. – Возьмите кусочек пуса или гудинга⁶³... то есть...

– Нет, нет, дорогая Молли, – отказался Скримджер. Гарри предположил, что, прежде чем войти в дом, он уточнил имя у Пёрси. – Я не хочу к вам вторгаться, меня бы вообще здесь не было, если бы Пёрси не хотел так сильно вас всех повидать...

– О, Пёрс! – со слезами на глазах снова воскликнула миссис Уизли, вставая на цыпочки, чтобы поцеловать его.

– ...мы заглянули всего на пять минут, так что я просто поброжу по двору, пока вы тут общаетесь с Пёрси. Нет, нет, заверяю вас, я не хочу вмешиваться! Вот если бы только кто-нибудь согласился показать мне ваш очаровательный садик... А, вон тот молодой человек уже закончил трапезу, почему бы ему со мной не прогуляться?

Атмосфера в комнате сразу же заметно изменилась. Все перевели взгляды со Скримджера на Гарри. Похоже, попытка Скримджера сделать вид, что он не знает имени Гарри, никого не убедила; да и то, что именно Гарри был выбран для сопровождения министра, когда Джинни, Фред и Джордж также сидели перед пустыми тарелками, выглядело не очень-то естественно.

– Ага, хорошо, – в полной тишине ответил Гарри.

Он не строил иллюзий; при всех заверениях Скримджера, что они просто случайно оказались поблизости и что Пёрси просто захотел повидать семью, – именно это и было настоящей причиной их визита: министр хотел поговорить с Гарри наедине.

– Всё в порядке, – тихо сказал он, проходя мимо наполовину поднявшегося со стула Люпина. – В порядке, – добавил он, увидев, как мистер Уизли открыл рот, чтобы что-то произнести.

– Замечательно! – Скримджер сделал шаг назад, позволяя Гарри пройти в дверь первым. – Мы просто пройдемся вокруг сада, а потом мы с Пёрси удалимся. Так что продолжайте праздновать!

Гарри шагал через двор по направлению к разросшемуся, заваленному снегом саду Уизли; Скримджер, чуть прихрамывая, шёл рядом. Гарри знал, что раньше он был главой отдела авроров. Он казался крепким и прошедшим немало сражений, совсем не то, что тучный Фадж в своём котелке.

⁶³ Та самая маленькая игра слов. Миссис Уизли от волнения перепутала буквы в названиях блюд. В оригинале – «Purkey or tooding».

– Очаровательно, – произнёс Скримджер, остановившись у садовой изгороди и глядя поверх заснеженной лужайки и неразличимых под снегом растений. – Просто очаровательно.

Гарри промолчал. Он был уверен, что Скримджер за ним наблюдает.

– Я давно хочу с тобой познакомиться, – несколько секунд спустя сказал Скримджер. – Ты это знал?

– Нет, – честно ответил Гарри.

– Да, очень давно. Но Дамблдор очень тщательно тебя оберегал. Это естественно, разумеется, совершенно естественно, после всего, через что ты прошёл... Особенно после того происшествия в Министерстве...

Скримджер подождал, думая, что Гарри что-нибудь ответит, но Гарри не оправдал ожиданий, так что он продолжил:

– Я надеялся, что мне представится возможность поговорить с тобой, с того самого момента, как я получил эту должность, но Дамблдор всеми силами – и, как я уже сказал, его нельзя за это осуждать – препятствовал нашей встрече.

Гарри по-прежнему молча ожидал, что будет дальше.

– А сколько слухов бродит вокруг! – воскликнул Скримджер. – Ну, разумеется, мы оба знаем, как эти вещи искажаются... Все эти сплетни насчёт пророчества... насчёт того, что ты «Избранный»...

Вот мы и подбираемся к причине визита Скримджера, подумал Гарри.

– ...я полагаю, Дамблдор обсуждал с тобой эту тему?

Гарри задумался, следует ли ему сейчас лгать ли нет. Он взглянул на гномьи следы по всей клумбе и на взрыхлённый участок снежной целины в том месте, где Фред поймал гнома, сидящего в настоящий момент на ёлке в белом платье. Наконец, он решил сказать правду... по крайней мере, её часть.

– Да, мы это обсуждали.

– Конечно, конечно... – пробормотал Скримджер. Гарри уловил краем глаза, что Скримджер искоса смотрит на него, и сделал вид, что его очень занимает гном, высунувший голову из-под замёрзшего рододендрона. – И что Дамблдор тебе сказал, Гарри?

– Извините, но это наше с ним дело.

Гарри произнёс это как можно более вежливо, и Скримджер ответил таким же лёгким и дружественным тоном:

– О, ну конечно, если это конфиденциальный вопрос, я не хочу заставлять тебя что-либо разглашать... Нет, нет... И в любом случае, имеет ли какое-то значение, Избранный ты или нет?

Несколько секунд Гарри пытался переварить последнюю фразу, после чего ответил.

– Я не понимаю, что вы имеете в виду, министр.

– Да, ну конечно, для *тебя* это имеет огромное значение, – со смешком поправился Скримджер. – Но для колдовского сообщества в целом... это вопрос восприятия, не так ли? Во что люди верят – вот самое важное.

Гарри вновь ничего не ответил. Ему показалось, что он смутно догадывается, куда клонит Скримджер, но он не собирался помогать ему подойти к этой теме. Гном под рододендроном начал копать в земле в поисках червей, и Гарри не отрывал от него глаз.

– Видишь ли, люди верят, что ты *действительно* Избранный. Они считают тебя героем – да ты и есть герой, Гарри, независимо от того, избран ты ли нет! Сколько уже раз ты стоял лицом к лицу с Тем-Кого-Нельзя-Называть? Как бы то ни было, – продолжил Скримджер, не дожидаясь ответа, – суть в том, что ты для многих – олицетворение надежды, Гарри. Сама идея, что есть кто-то, кто способен, возможно даже, кому *предначертано* уничтожить Того-Кого-Нельзя-Называть – естественно, это способствует поднятию духа. И я не могу не надеяться, что теперь, когда ты это осознаешь, ты сочтёшь, так сказать, своим долгом быть на стороне Министерства и тем самым оказать всем нам поддержку.

Гному наконец-то удалось добраться до червя. Теперь он изо всех сил тянул, пытаясь вытащить его из мёрзлой земли. Гарри молчал так долго, что Скримджер перевёл взгляд с Гарри на гнома и сказал:

– Забавные ребята, не так ли? Но что ты думаешь, Гарри?

– Я не вполне понимаю, чего вы хотите, – медленно ответил Гарри. – «Быть на стороне Министерства»... что это значит?

– О, ну, в общем-то, ничего обременительного, уверяю тебя. Если бы, например, тебя время от времени видели входящим и выходящим из Министерства, это как раз произвело бы нужное впечатление. И, разумеется, будучи в Министерстве, ты получишь отличную возможность пообщаться с Гэвейном Робардсом, моим преемником на посту главы отдела авроров. Долорес Амбридж рассказала мне, что ты намереваешься стать аврором. Что ж, это можно было бы легко устроить...

Гарри почувствовал, как в нём закипает гнев: стало быть, Долорес Амбридж по-прежнему работает в Министерстве, вот как?

– Грубо говоря, – сказал он, словно желая уточнить отдельные детали, – вы хотите произвести впечатление, что я сотрудничаю с Министерством?

– Если люди будут думать, что ты активно участвуешь в событиях, это поддержит общее настроение, Гарри, – ответил Скримджер, явно испытав облегчение от того, что Гарри так легко поддался. – «Избранный», сам понимаешь... Всё для того, чтобы дать людям надежду, подарить чувство, что происходит что-то хорошее...

– Но если я буду периодически входить и выходить из Министерства, – спросил Гарри, всё ещё стремясь, чтобы его голос звучал дружелюбно, – не будет ли это выглядеть так, словно я одобряю то, что Министерство предпринимает?

– Ну, – чуть нахмурился Скримджер, – в общем, да, отчасти поэтому нам бы хотелось...

– Нет, не думаю, что так у нас с вами получится, – вежливо перебил его Гарри. – Видите ли, мне не нравятся некоторые вещи, которые делает Министерство. Заключение Стэна Шанпайка, к примеру.

Некоторое время Скримджер молчал, но лицо его мгновенно отвердело.

– Как я и ожидал, ты не понимаешь ситуацию, – произнёс он, не сумев, в отличие от Гарри, убрать гневные нотки из своего голоса. – Сейчас опасные времена, и мы должны принять определённые меры. Тебе всего шестнадцать лет...

– А Дамблдору намного больше, чем шестнадцать, но он также полагает, что Стэн не должен быть в Азкабане. Вы сделали Стэна козлом отпущения, так же как меня хотите сделать своим талисманом.

Они долго, не отрываясь, смотрели друг другу в глаза. Наконец Скримджер без малейшего намёка на теплоту в голосе произнёс:

– Понимаю. Ты предпочитаешь – как и твой герой Дамблдор – порвать отношения с Министерством?

– Я не хочу, чтобы меня использовали.

– Некоторые могли бы сказать, что это твой долг – быть использованным Министерством!

– Ага, а другие могли бы сказать, что это ваш долг – проверить, действительно ли человек является Пожирателем Смерти, прежде чем засунуть его в тюрьму, – ответил Гарри, постепенно выходя из себя. – Вы делаете то же, что делал Барти Крауч. У Министерства никак не получается делать вещи правильно! Либо мы имеем Фаджа, притворяющегося, что всё замечательно, пока людей убивают прямо у него под носом, либо мы имеем вас, запикивающего в тюрьму невиновных и пытающегося сделать вид, что на вас работает Избранный!

– Так значит, ты не Избранный? – спросил Скримджер.

– Мне казалось, вы говорили, что это не имеет значения? – горько рассмеялся Гарри. – По крайней мере, для вас.

– Мне не следовало этого говорить, – быстро произнёс Скримджер. – Это было нетактично...

– Нет, это было честно, – возразил Гарри. – Одна из немногих честных вещей, которые вы мне сказали. Вас не волнует, выживу я или умру, зато вас волнует, чтобы я помог вам убедить всех, что вы выигрываете войну с Волдемортом. Я всё ещё не забыл, министр...

Он поднял правый кулак. Там, на тыльной части его замёрзшей кисти, белели шрамы, которые Долорес Амбридж заставила его вырезать в собственной плоти: *«Я не должен лгать»*.

– Что-то я не припомню, чтобы вы рвались мне на помощь, когда я пытался рассказать всем, что Волдеморт вернулся. В том году Министерство не очень-то стремилось со мной подружиться.

Они стояли в молчании столь же ледяном, как земля у них под ногами. Гному наконец-то удалось извлечь своего червя, и он с наслаждением затягивал его в рот, прислонившись к нижним ветвям рододендрона.

– Что затевает Дамблдор? – отрывисто спросил Скримджер. – Куда он исчезает, когда его нет в Хогвартсе?

– Без понятия, – ответил Гарри.

– И если б ты знал, всё равно бы мне не рассказал, не так ли?

– Совершенно верно.

– Ну что ж, посмотрим, не смогу ли я выяснить это другими путями.

– Попробуйте, – индифферентно сказал Гарри. – Но вы, похоже, умнее Фаджа, и мне казалось, что его ошибки вас чему-то научили. Он пытался вмешиваться в дела Хогвартса. Возможно, вы заметили, что он больше не министр, а вот Дамблдор по-прежнему директор. На вашем месте я бы оставил Дамблдора в покое.

Повисла долгая пауза.

– Что ж, мне ясно, что он очень хорошо с тобой поработал, – произнёс Скримджер, холодно и жёстко глядя из-за своих очков в проволочной оправе. – Значит, ты целиком и полностью человек Дамблдора, так, Поттер?

– Ага, именно так, – ответил Гарри. – Рад, что мы это прояснили.

И, повернувшись к министру магии спиной, он зашагал обратно к дому.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

СЛАЖОВОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Через несколько дней после Нового Года во второй половине дня Гарри, Рон и Джинни выстроились перед кухонным камином для возвращения в Хогвартс. Министерство организовало разовое подключение к сети летучего пороха, чтобы ученики могли вернуться в школу быстро и безопасно. Попрощаться с ними пришла только миссис Уизли – мистер Уизли, Фред, Джордж, Билл и Флер были на работе. Расставаясь, миссис Уизли разрыдалась. Честно говоря, в последнее время она плакала из-за малейшего пустяка. Это началось с того рождественского дня, когда Пёрси пулей вылетел из дома, стирая с лица и очков пастернаковую кашлицу (что ставили себе в заслугу Фред, Джордж и Джинни одновременно).

– Не плачь, мам, – Джинни ласково похлопала её по спине, пока миссис Уизли всхлипывала у неё на плече. – Всё нормально...

– Да, о нас не беспокойся, – сказал Рон, позволяя матери запечатлеть на его щеке мокрый поцелуй, – и о Пёрси тоже. Такой козёл – невелика потеря, правда?

Заклячая в объятия Гарри, миссис Уизли расплакалась ещё сильнее.

– Обещай мне, что будешь осторожен... будешь избегать неприятностей...

– Я всегда их избегаю, миссис Уизли, – ответил Гарри. – Я люблю спокойную жизнь, вы же меня знаете.

Она издала смешок сквозь слёзы и отошла назад.

– Ну, ведите себя хорошо, все трое...

Гарри шагнул в изумрудный огонь и крикнул: «Хогвартс!» В последний раз перед его глазами появилась кухня семьи Уизли и залитое слезами лицо миссис Уизли, после чего пламя подхватило его; быстро вращаясь, он мельком видел другие комнаты в домах колдунов, но они пропадали из виду, прежде чем ему удавалось хотя бы попытаться что-либо разглядеть. Наконец вращение замедлилось, и он остановился в камине кабинета профессора МакГонагалл. Когда Гарри выбирался на каминную решётку, она едва подняла голову от своей работы.

– Добрый вечер, Поттер. Постарайся просыпать на ковёр поменьше пепла.

– Хорошо, профессор.

Пока Гарри поправлял очки и приглаживал волосы, в камине появился вращающийся Рон. Потом прибыла Джинни, и все трое вышли из кабинета МакГонагалл и направились в гриффиндорскую башню. Проходя мимо окон, Гарри поглядывал наружу; солнце уже садилось, снега вокруг было больше, чем в саду Норы. Вдалеке он разглядел Хагрида, кормившего Брыклюва перед своей хижинкой.

– Ёлочные игрушки, – уверенно сказал Рон, когда они подошли к Полной Леди, выглядящей несколько бледнее обычного. От громкого голоса Рона она вздрогнула.

– Нет, – ответила она.

– Что значит «нет»?

– Пароль поменялся. И пожалуйста, не кричите так.

– Но мы же уезжали, откуда нам?..

– Гарри! Джинни!

К ним спешила разругавшаяся Гермиона, одетая в плащ, шапку и перчатки.

– Я вернулась буквально пару часов назад, спустилась навестить Хагрида и Бры... то есть Хилокрыла, – запыхавшись, выпалила она. – Как прошло Рождество, нормально?

– Ага, – тут же ответил Рон. – Столько всего было, Руфус Скрим...

– У меня есть кое-что для тебя, Гарри, – Гермиона не посмотрела на Рона и вообще не подала виду, что слышала его. – Ах, да – пароль. *Воздержание*.

– Именно, – слабым голосом согласилась Полная Леди, и портрет повернулся, открывая дыру.

– Что это с ней? – поинтересовался Гарри.

– Перебрала на Рождество, по-видимому, – ответила Гермиона и, закатив глаза, прошла первой в забитую народом общую комнату. – Они с её подругой Виолеттой как следует продегустировали всё вино в той картине с пьяными монахами, в коридоре возле класса чар. Так...

Она немного порылась в кармане и вытащила оттуда свиток пергамента, подписанный почерком Дамблдора.

– Класс, – произнёс Гарри, немедленно развернув свиток и обнаружив, что очередное занятие с Дамблдором назначено на следующий вечер. – Мне надо кучу всего ему рассказать – и тебе тоже. Давай где-нибудь сядем...

Но в тот же самый момент послышался громкий вскрик: «Вон-Вон!»⁶⁴ – после чего объявившаяся из ниоткуда Лаванда Браун бросилась в объятия Рона. Несколько человек хихикнули; Гермиона издала звонкий смешок и предложила:

– Вон там столик один... Пошли, Джинни?

– Нет, спасибо, я пообещала встретиться с Дином, – ответила Джинни; Гарри не мог не заметить, что особого энтузиазма в её голосе не наблюдалось. Покинув Рона с Лавандой сцепленными, как боксёры в клинче, Гарри прошёл к свободному столу, Гермиона за ним.

– А как твоё Рождество прошло?

– О, нормально, – она пожала плечами. – Ничего особенного. А как было у Вон-Вона?

– Чуть позже расскажу. Слушай, Гермиона, не могла бы ты?..

– Нет, не могла бы, – ровно ответила она. – Так что даже и не спрашивай.

– Я просто подумал, ну ты понимаешь, после рождественских каникул...

– Это Полная Леди выпила бочку пятисотлетнего вина, Гарри, а вовсе не я. Так что это за важные новости ты хотел мне рассказать?

Она выглядела слишком свирепой, чтобы спорить с ней, так что Гарри оставил тему Рона и пересказал всё, что ему удалось подслушать из разговора Малфоя и Снейпа.

Когда он закончил, Гермиона некоторое время сидела в задумчивости, после чего сказала:

– А ты не думаешь?..

⁶⁴ В оригинале так и было: Won-Won. В чём смысл прозвища (кроме созвучия с именем Рона), я так и не понял; won – форма прошедшего времени глагола to win – побеждать, выигрывать.

– ...что он делал вид, что хочет помочь, чтобы Малфой рассказал ему, чем он занимается?

– Ну... да.

– Папа Рона и Люпин так считают, – неохотно произнёс Гарри. – Но это явно означает, что Малфой что-то затевает, это нельзя отрицать.

– Да, нельзя, – медленно ответила она.

– И он действует по приказу Волдеморта, в точности как я говорил!

– Хммм... кто-нибудь из них реально упомянул имя Волдеморта?

Гарри нахмурил брови, пытаясь вспомнить.

– Я точно не помню... Снейп определённо сказал «твой наставник», а кто бы это ещё мог быть?

– Ну, я не знаю, – сказала Гермиона, покусывая губу. – Может, его отец?

Она смотрела сквозь комнату, погрузившись в раздумья и даже не обращая внимания на Лаванду, щекочущую Рона.

– Как Люпин?

– Не очень, – и Гарри рассказал ей о миссии Люпина среди оборотней и о трудностях, которые перед ним стоят. – Ты раньше слышала про этого Фенрира Грэйбэка?

– Да, слышала! – с испугом в голосе ответила Гермиона. – Так же как и ты, Гарри!

– Это когда, на истории магии, что ли? Ты же отлично знаешь, что я её не слушаю...

– Нет, нет, не на истории магии – Малфой пугал им Боргина! Там, в Ноктёмном переулке, неужели не помнишь? Он сказал Боргину, что Грэйбэк – старый друг семьи и что он будет проверять его работу!

Гарри уставился на неё.

– Я и забыл совсем! Но это *доказывает*, что Малфой – Пожиратель Смерти, как иначе он может быть в контакте с Грэйбэком и указывать ему, что делать?

– Чертовски подозрительно, – выдохнула Гермиона. – Если только...

– Да ладно тебе, – раздражённо произнёс Гарри, – из этого ты уже не выкрутишься!

– Ну... остаётся возможность, что это была пустая угроза.

– Ну ты Фома неверующий, – покачал головой Гарри. – Ещё увидим, кто прав... Ты проглотил свои слова, Гермиона, точно так же, как и Министерство. Ах да, я же ещё поругался с Руфусом Скримджером...

Остаток вечера прошёл мирно и без споров, в перемиывании косточек министру магии. Гермиона, так же как и Рон, считала, что просить Гарри о помощи было потрясающей наглостью со стороны Министерства, после всего того, через что благодаря им прошёл Гарри в прошлом году.

Новый семестр начался на следующее утро с приятного сюрприза для шестикурсников: ночью к доске объявлений общей комнаты был прикреплен большой плакат.

«УРОКИ АППАРИРОВАНИЯ»

Если вам исполнилось семнадцать лет, либо исполнится семнадцать 31 августа или раньше, вы допускаетесь к двенадцатинедельному курсу аппарирования под руководством инструктора Министерства магии.

Если вы желаете участвовать, впишите своё имя ниже.

Стоимость: 12 галлеонов.»

Гарри и Рон присоединились к ученикам, толпящимся вокруг объявления и по очереди писавшим под ним свои имена. Рон как раз извлекал своё перо, чтобы вписать себя вслед за Гермионой, когда сзади к нему подкралась Лаванда, закрыла ему глаза руками и пропела:

– Угадай кто, Вон-Вон?

Гарри, повернувшись, увидел, как Гермиона уходит прочь, и поспешил за ней, не имея особого желания оставаться в компании Рона и Лаванды. Однако, к его удивлению, Рон догнал их очень скоро (они только успели отойти от дыры за портретом); лицо его было сердитым, а уши горели. Гермиона без единого слова прибавила шагу и пошла вместе с Невиллом.

– Стало быть, аппарирование, – голос Рона прозрачно намекал, что Гарри лучше даже не заикаться о только что произошедшем. – Должно быть забавно, а?

– Ну не знаю, – ответил Гарри. – Может, это более приятно, когда ты делаешь это сам, я лично не получил особого удовольствия, когда Дамблдор со мной прогуливался.

– Я и забыл, что ты это уже делал... Надо бы мне сдать экзамен с первого раза, – озабоченно сказал Рон. – Фреду и Джорджу это удалось.

– А Чарли нет, кажется?

– Ага, но Чарли крупнее меня, – Рон расставил руки, словно изображая гориллу, – так что Фред и Джордж на эту тему особо не распространялись... по крайней мере, в его присутствии...

– А когда мы будем сдавать этот экзамен?

– Как только нам стукнет семнадцать. Я – уже в марте!

– Да, но ты всё равно не сможешь аппарировать здесь, в замке...

– Ну и что? Главное, все будут знать, что я *смогу* аппарировать, если захочу.

Перспектива аппарирования возбудила не только Рона. Целый день все только и говорили, что об аппарировании; основной темой была возможность исчезать и появляться по желанию.

– Круто будет, когда мы сможем просто раз! – Шеймас щёлкнул пальцами, изображая исчезновение. – Мой кузен Фергус всё время это делает, просто чтоб меня позлить, ну подождите, я ему отплачу... У него теперь минутки спокойной не будет...

Замечтавшись о столь счастливых перспективах, он чересчур энергично взмахнул палочкой; в результате вместо фонтанчика воды (цели урока чар в этот день) он испустил струю, как из пожарного шланга; струя отразилась от потолка и ударила профессора Флитвика в лицо.

– А Гарри уже аппарировал, – сказал Рон немного сконфуженному Шеймасу, после того как профессор Флитвик высушил себя одним движением своей палочки и заставил Шеймаса много раз написать «*Я колдун, а не бабун с палкой*». – Дам... э... кое-кто его взял с собой. Совместное аппарирование, ну ты знаешь.

– Ух ты! – прошептал Шеймас, и они вместе с Дином и Невиллом придвинулись чуть поближе к Гарри, чтобы послушать, на что похоже аппарирование. После этого Гарри до

конца дня был осаждён другими шестикурсниками, требующими от него описать свои ощущения при аппарировании. Когда он рассказал, насколько это было неприятно, они не разочаровались, а, напротив, начали смотреть на него с благоговением, и ему пришлось подробно отвечать на вопросы до без десяти восемь. После этого, дабы вовремя прийти на занятие к Дамблдору, Гарри был вынужден соврать, что ему надо вернуть книгу в библиотеку, и сбежал.

Все лампы в кабинете Дамблдора были зажжены, портреты предыдущих директоров тихо храпели в своих рамах, а ситодум вновь стоял на столе. Дамблдор сидел, положив руки по обе стороны от него, и его правая рука была такой же почерневшей и обожжённой на вид, как раньше. Похоже, ей совсем не становилось лучше, и Гарри в сотый раз подивился, что могло вызвать такое особое ранение, но спрашивать не стал: Дамблдор уже сказал, что в своё время Гарри об этом узнает, и в любом случае у Гарри на уме была другая тема, которую он хотел обсудить. Но прежде чем Гарри успел сказать что-либо о Снейпе и Малфое, Дамблдор заговорил первым.

– Я слышал, что во время рождественских каникул ты встречался с министром магии?

– Да, – ответил Гарри. – Он остался мной не очень доволен.

– Да, – вздохнул Дамблдор. – Он и мной не очень доволен. Но мы должны попытаться не посыпать голову пеплом по поводу такого несчастья, а бороться.

Гарри ухмыльнулся.

– Он хотел, чтобы я рассказывал сообществу колдунов, что Министерство отлично работает.

Дамблдор улыбнулся.

– Вообще-то, знаешь, эта идея принадлежит Фаджу. Перед отставкой, когда он отчаянно цеплялся за свой пост, он искал встречи с тобой, надеясь на твою поддержку...

– После всего, что Фадж сделал в том году? – рассерженно произнёс Гарри. – После *Амбриджа*?

– Я сказал Корнелиусу, что шансов у него нет, но идея не умерла, когда он ушёл в отставку. Через несколько часов после назначения Скримджера мы встретились, и он потребовал, чтобы я устроил ему встречу с тобой...

– Так вот о чём вы спорили! – вырвалось у Гарри. – Об этом было в «Ежедневном пророке».

– Должен же «Пророк» время от времени писать правду, – сказал Дамблдор. – Не специально, разумеется. Да, именно об этом мы и спорили. Что ж, похоже, Руфус в итоге нашёл-таки способ тебя поймать.

– Он обвинил меня, что я «целиком и полностью человек Дамблдора».

– Как грубо с его стороны.

– Я сказал ему, что так оно и есть.

Дамблдор открыл рот, чтобы что-то сказать, и закрыл его обратно. За спиной Гарри феникс Фокс издал низкую, мягкую, мелодичную трель. К своему огромному смущению, Гарри обнаружил, что в голубых глазах Дамблдора стоят слёзы, и поспешно перевёл взгляд

на собственные колени. Однако, когда Дамблдор заговорил, его голос был ровным и спокойным.

– Я очень тронут, Гарри.

– Скримджер хотел знать, куда вы отправляетесь, когда вас нет в Хогвартсе, – продолжил Гарри, по-прежнему не отрывая взгляда от коленей.

– Да, он чрезвычайно любопытен в этом отношении, – произнёс Дамблдор повеселевшим голосом, и Гарри решил, что поднять глаза вполне безопасно. – Он даже пытался следить за мной. Забавно это всё. Он отправил Долиша в качестве «хвоста». Как негуманно. Мне уже пришлось один раз сглазить Долиша; с глубочайшим сожалением я сделал это вторично.

– Значит, они по-прежнему не знают, куда вы отправляетесь? – спросил Гарри, надеясь получить больше информации на эту интригующую тему, но Дамблдор лишь улыбнулся поверх своих полумесяцевидных очков.

– Да, они не знают, и тебе тоже ещё не время знать. А сейчас я предлагаю начать занятие – или у тебя есть что-то ещё?..

– На самом деле есть, сэр. Это насчёт Малфоя и Снейпа.

– *Профессора* Снейпа, Гарри.

– Да, сэр. Я подслушал их разговор во время вечеринки у профессора Слагхорна... ну, на самом деле я следил за ними...

Дамблдор слушал рассказ Гарри с непроницаемым выражением лица. Когда Гарри закончил, он несколько секунд молчал, после чего произнёс:

– Спасибо, что рассказал мне всё это, Гарри, но сейчас я предлагаю тебе выбросить это из головы. Я не думаю, что это имеет большое значение.

– Не имеет большого значения? – недоверчиво переспросил Гарри. – Профессор, вы понимаете?..

– Да, Гарри, обладая от природы экстраординарным интеллектом, я прекрасно понял всё, что ты мне рассказал, – немного резко ответил Дамблдор. – Мне кажется, ты мог бы даже рассмотреть такую возможность, что я понял больше, чем ты. Повторяю, я рад, что ты со мной поделился, но позволь мне заверить тебя, что ты не сказал ничего, что вызвало бы моё беспокойство.

Гарри молча сидел и смотрел на Дамблдора; внутри него всё кипело. Что вообще происходило? Означало ли это, что Дамблдор на самом деле приказал Снейпу выяснить, чем занимается Малфой, и поэтому он уже слышал всё это от Снейпа? Или он на самом деле был встревожен услышанным, но притворялся спокойным?

– Значит, сэр, – спросил Гарри, как ему показалось, вежливым и спокойным голосом, – вы точно по-прежнему доверяете?..

– Я был достаточно терпелив, чтобы уже ответить на этот вопрос, – голос Дамблдора на этот раз совершенно не казался терпеливым. – Мой ответ с тех пор не изменился.

– Вот бы никогда не подумал, – произнёс неискренний голос: Финеас Найджеллус, очевидно, лишь притворялся спящим. Дамблдор его проигнорировал.

– А теперь, Гарри, я настаиваю на том, чтобы мы начали занятие. Сегодня я должен обсудить с тобой более важные вещи.

Гарри сидел, испытывая острое желание взбунтоваться. Что если он не согласится сменить тему, если настаит на продолжении обсуждения дела Малфоя? Словно прочтя Гаррины мысли, Дамблдор покачал головой.

– Ах, Гарри, как часто такое происходит, даже между лучшими друзьями! Каждый из нас верит, что он может сказать нечто гораздо более важное, чем всё, что мог бы сообщить другой!

– Я не думаю, что вы хотите сказать что-то несущественное, сэр, – скованно произнёс Гарри.

– И ты совершенно прав, потому что это как раз существенно, – отрывисто сказал Дамблдор. – Сегодня вечером я собираюсь показать тебе два воспоминания, каждое из которых было невероятно трудно заполучить, а второе, думаю, вообще самое важное из всех, что я собрал.

На это Гарри ничего не ответил; он всё ещё был рассержен тем, как были приняты его сведения, но не видел, чего он мог бы добиться продолжением спора.

– Итак, – звучным голосом заявил Дамблдор, – мы встретились сегодня, чтобы продолжить изучать историю Тома Риддла, оставленного нами в прошлый раз непосредственно перед началом его учёбы в Хогвартсе. Ты помнишь, как он был взбодоражен, узнав, что он колдун; помнишь, как он отказался от моей помощи при посещении Косого переулка и как я, в свою очередь, предостерёг его от воровства в школе.

Что ж, учебный год вскоре начался, и вместе с другими первокурсниками, выстроившимися перед Сортировкой, в школе появился Том Риддл, спокойный мальчик в подержанной мантии. Он был направлен в Слизерин практически сразу же, как только Сортировочная Шляпа коснулась его головы, – Дамблдор взмахнул почерневшей рукой, указав на полку над своей головой, где неподвижно лежала старая Сортировочная Шляпа. – Я не знаю, как скоро Риддл узнал, что знаменитый основатель его Дома мог разговаривать со змеями, – возможно, в тот же вечер. Эта информация могла лишь взволновать его и усилить его ощущение значимости.

Однако даже если он и пытался запугать или впечатлеть своих сокурсников, демонстрируя им знание Рассеяза в общей комнате Слизерина, преподавателям об этом ничего известно не было. Он совершенно не выказывал надменности и агрессивности, свойственных ему до школы. Необычайно способный, всегда производящий хорошее впечатление сирота, он, естественно, обратил на себя внимание и вызвал симпатию всех преподавателей практически с момента своего появления. Он был вежлив, спокоен и жадно тянулся к знаниям. Почти все были им восхищены.

– А вы им не рассказали, каков он был, когда вы познакомились с ним в приюте? – спросил Гарри.

– Нет, не рассказав. Хотя он не демонстрировал даже намёка на раскаяние, я не мог исключить возможности того, что он сожалеет о своём прошлом поведении и хочет перевернуть эту страницу своей биографии. Я решил предоставить ему такую возможность.

Дамблдор сделал паузу и вопросительно посмотрел на Гарри, открывшего рот, чтобы заговорить. Вот опять это стремление Дамблдора доверять людям, хотя всё указывает на то, что они этого не заслуживают! Но тут Гарри кое-что вспомнил...

— Но вы ведь не доверяли ему *всёрьёз*, да? Он мне говорил... Риддл из дневника сказал: «Похоже, я никогда не нравился Дамблдору так, как прочим учителям».

— Скажем так: я не принимал как данность, что он заслуживает доверия. Как я уже упоминал, я решил за ним тщательно приглядывать, и я приглядывал. Не могу сказать, что с самого начала мои наблюдения принесли богатый урожай. Он был очень осторожен в отношениях со мной — уверен, он чувствовал, что, когда он узнал свою истинную природу, от возбуждения он сказал мне немного больше, чем нужно. Он никогда более не был так неосторожен, но он не мог забрать назад то, что он выдал в минуту волнения, равно как и то, что поведала мне миссис Коул. Однако у него хватило ума никогда не пытаться очаровать меня, как он очаровал многих моих коллег.

Со временем он собрал вокруг себя группу преданных друзей, назовём их так за отсутствием лучшего термина — как я уже упоминал, Риддл, несомненно, не испытывал привязанности к кому-либо из них. Эта группа была окружена в замке неким Тёмным ореолом. Это была пёстрая коллекция: слабые, искавшие защиты; амбициозные, желавшие разделить славу других; и подлые, тянувшиеся к лидеру, могущему показать им более изощрённые формы жестокости. Другими словами, это были предшественники Пожирателей Смерти, и некоторые из них действительно стали первыми Пожирателями Смерти после окончания Хогвартса.

Управляемые твёрдой рукой Риддла, они никогда не были замечены в чём-либо противозаконном, хотя семь лет, что они провели в Хогвартсе, были отмечены немалым числом зловещих происшествий, которые ни разу не удалось с ними как следует связать. Самым серьёзным из них, разумеется, было открытие Камеры Секретов, приведшее к смерти девушки. Как тебе известно, в этом преступлении был ошибочно обвинён Хагрид.

Мне не удалось найти много воспоминаний о школьных годах Риддла, — Дамблдор положил свою скрюченную руку на ситодум. — Немногие из тех, кто его знал, готовы говорить о нём — они слишком напуганы. Всё, что я знаю, я выяснил после того, как он покинул Хогвартс, в результате долгих стараний, поисков тех немногих, кого можно было вовлечь в разговор, рытывая в архивах и расспросов свидетелей — как маглов, так и колдунов.

Все, кого я убедил побеседовать со мной на эту тему, говорили о том, что Риддл был одержим идеей узнать о своём происхождении. Разумеется, это вполне понятно: он вырос в приюте и, естественно, желал знать, каким образом он там оказался. Судя по всему, он долго, но тщетно искал упоминание Тома Риддла-старшего на щитах в призовой комнате, в списках префектов в школьном архиве, даже в книгах по истории магического мира. В конце концов ему пришлось признать, что нога его отца никогда не ступала на территорию Хогвартса. Я считаю, что именно тогда он окончательно отказался от своего имени, принял личину Лорда Волдеморта и начал разыскивать семью ранее презираемой им матери — насколько ты помнишь, он полагал, что эта женщина не могла быть ведьмой, раз она поддалась позорной человеческой слабости и позволила себе умереть.

Всё, с чего ему пришлось начать, – единственное имя «Марволо», которое, как он узнал ещё в приюте, было именем отца его матери. Наконец, после кропотливых изысканий в старых книгах семей колдунов, он узнал о существовании потомков Слизера. В шестнадцать лет он покинул приют, куда возвращался каждое лето, и отправился разыскивать своих родственников Гонтов. А теперь, Гарри, я попрошу тебя встать и подойти...

Дамблдор поднялся с места, и Гарри увидел, что он вновь держит маленькую хрустальную бутылочку с клубящимся внутри жемчужно-белым воспоминанием.

– Мне очень повезло, что я достал это, – произнёс Дамблдор, выливая мерцающую субстанцию в ситодум. – Ты это поймёшь, когда мы туда заглянем. Пойдём?

Гарри подошёл к каменной чаше и послушно наклонился, чтобы его лицо погрузилось в воспоминание; он ощутил знакомое чувство падения сквозь ничто, после чего приземлился на грязный каменный пол. Вокруг царил практически абсолютная темнота.

Через несколько секунд, когда Дамблдор приземлился рядом с ним, Гарри наконец узнал это место. Дом Гонтов был неописуемо грязен – более грязен, чем что-либо виденное Гарри ранее. Потолок был затянут паутиной, пол покрыт толстым слоем сажи, на столе среди кучи покрытых плесенью горшков валялась гнилая пища. Единственным источником света была мерцающая свеча в ногах у человека с настолько длинными волосами и бородой, что Гарри не мог различить его глаза и рот. Человек сутуло сидел в кресле у очага, и Гарри на какое-то мгновение показалось, что он мёртв. Но тут послышался громкий стук в дверь, и человек, похоже, проснулся – он резко вскинулся, держа наготове волшебную палочку в правой руке и короткий нож в левой.

Дверь со скрипом отворилась. На пороге, держа в руке старинного вида лампу, стоял человек, которого Гарри узнал с первого взгляда: красивый, высокий, бледный, черноволосый юноша – Волдеморт-подросток.

Взгляд Волдеморта медленно прошёлся по интерьеру лачуги и наконец обратился на мужчину в кресле. Несколько секунд они смотрели друг на друга, затем мужчина пошатываясь встал, так что многочисленные пустые бутылки, лежавшие у него в ногах, со звоном раскатились по всему полу.

– ТЫ! – проорал он. – ТЫ!

После чего он пьяно бросился к Риддлу, держа палочку и нож наготове.

– *Стой.*

Риддл произнёс это слово на Рассеязе. Мужчина, потеряв равновесие, врезался в стол; заплесневелые горшки полетели на пол. Он уставился на Риддла. Повисла долгая пауза, во время которой они созерцали друг друга. Наконец мужчина прервал молчание.

– *Ты говоришь на нём?*

– *Да, я говорю на нём,* – ответил Риддл. Он прошёл в комнату, дверь за его спиной захлопнулась. Гарри не мог не испытать восхищения (пополам с возмущением) полным бесстрашием Волдеморта. Лицо последнего выражало лишь отвращение и, кажется, разочарование.

– *Где Марволо?* – спросил он.

– *Мёртв,* – ответил его собеседник. – *Уж много лет как помер, ага.*

Риддл нахмурился.

— *А ты тогда кто?*

— *Я Морфин, понял?*

— *Сын Марволо?*

— *Его самого, ага...*

Морфин убрал волосы со своего грязного лица, чтобы лучше видеть Риддла, и Гарри заметил на его правой руке кольцо Марволо с чёрным камнем.

— *Я думал, ты тот маггл,* — прошептал Морфин. — *Ты дьявольски похож на того маггла.*

— *Какого маггла?* — быстро спросил Риддл.

— *Того самого маггла, в которого втюрилась моя сестра, маггла, который живёт в большом доме в той стороне,* — тут Морфин неожиданно плюнул на пол. — *Ты на вид прям как он. Риддл. Тока он сейчас старше, ага? Он старше тебя, если подумать...*

Морфин застыл на месте, чуть покачиваясь и по-прежнему держась за край стола, чтобы не упасть.

— *Он назад вернулся, ага,* — неожиданно ляпнул он.

Волдеморт глядел на Морфина, словно просчитывая дальнейшие варианты своих действий. После этой фразы он пододвинулся чуть ближе и переспросил:

— *Риддл вернулся?*

— *Угу, он бросил её, и так ей и надо, будет знать, как выходить замуж за такую мразь!* — Морфин вновь плюнул на пол. — *Обокрала нас, ты прикинь, а потом сбежала. Ну и где теперь медальон, а, где медальон Слизерина?*

Волдеморт не ответил. Морфин вводил себя в раж; размахивая ножом, он проорал:

— *Она нас обесчестила, вот что она сделала, маленькая шлюха! И кто ты такой, что припёрся сюда и спрашиваешь обо всём этом? Всё кончено, да... всё кончено...*

Слегка покачиваясь, он отвернулся, и Волдеморт сделал шаг вперёд. И тут же всё поглотила непонятная, неестественная мгла — лампу Волдеморта, свечу Морфина, всё... пальцы Дамблдора крепко стиснули Гаррину руку, и они снова взмыли в реальность. После непроницаемого мрака мягкое золотистое освещение кабинета Дамблдора показалось Гарри слепящим.

— Это всё? — немедленно спросил Гарри. — А что случилось, почему всё потемнело?

— Потому что с этого момента Морфин ничего не помнил, — ответил Дамблдор, жестом приглашая Гарри сесть. — На следующее утро, когда он очнулся, лёжа на полу, он был один. Кольцо Марволо исчезло. А по главной улице деревни Литтл-Хэнгтон в то же самое время бежала служанка, крича, что в гостиной большого дома лежат три тела: Том Риддл-старший и его родители.

Магловские власти были совершенно сбиты с толку. Насколько мне известно, они и по сей день не знают, как умерли Риддлы, ибо проклятие Авада Кедавра не оставляет никаких следов... Единственное исключение сейчас сидит передо мной, — Дамблдор кивнул на Гаррина шрам. — Министерство же узнало, что колдун совершил убийство, в тот же момент. Они также знали, что через долину от дома Риддлов живёт известный маглоненавистник, человек, уже отбывший срок за нападение на одного из тех, кто был убит.

Министерство призвало к ответу Морфина. Им даже не пришлось его допрашивать, применять легилименцию или Веритасерум. Он сознался мгновенно, рассказав такие детали, которые мог знать лишь убийца. Он сказал, что гордится тем, что, наконец, прождав своего шанса столько лет, убил этих маглов. Он предоставил свою волшебную палочку, которая, как было тут же показано, была использована для убийства Риддлов. После чего он без борьбы позволил отправить себя в Азкабан.

Единственным, что его беспокоило, было исчезновение отцовского кольца. «Он меня убьёт за то, что я его потерял», раз за разом он повторял своим тюремщикам. «За потерю его кольца он меня убьёт». И, по-видимому, это было всё, что он с тех пор произносил. Он провёл остаток своих дней в Азкабане, оплакивая потерю последней драгоценности Марволо, и был похоронен возле тюрьмы вместе с другими несчастными, чьи души отлетели в её стенах.

– Значит, Волдеморт похитил и использовал палочку Морфина? – спросил Гарри, выпрямившись на своём стуле.

– Именно так. У нас нет воспоминаний, которые могли бы это подтвердить, но, полагаю, мы можем с уверенностью сказать, что произошло. Волдеморт оглушил своего дядю, забрал его палочку и проследовал через долину в «большой дом вон в той стороне». Там он умертвил маггла, который бросил его мать-ведьму, а на всякий пожарный случай – и своих бабушку с дедушкой, таким образом полностью стерев с лица Земли недостойный род Риддлов и отомстив своему отцу, которому он не был нужен. Затем он вернулся к лачуге Гонта, произвёл довольно сложную магическую модификацию памяти своего дяди, положил рядом с бесчувственным Морфином его волшебную палочку, прикарманил его старинное кольцо и был таков.

– И Морфин так и не осознал, что он этого не делал?

– Никогда, – ответил Дамблдор. – Как я уже говорил, он с гордостью дал полное признание.

– Но ведь настоящее воспоминание у него было всё это время!

– Да, но, чтобы добиться от него этого воспоминания, потребовалась интенсивная и очень искусная легилименция; и зачем кому-то было лезть в воспоминания Морфина, когда он уже сознался в совершении этого преступления? Однако мне удалось нанести визит Морфину за несколько недель до его смерти; к тому времени я уже пытался разузнать как можно больше о прошлом Волдеморта. Это воспоминание я извлёк не без труда. Когда я узнал, что в нём, я попытался с его помощью обеспечить освобождение Морфина из Азкабана. Однако Морфин скончался прежде, чем Министерство пришло к какому-либо решению.

– Но как же так получилось, что Министерство не узнало, что всё это сделал Волдеморт? – рассерженным тоном спросил Гарри. – Он ведь был тогда несовершеннолетний, правильно? Я думал, они могут засекать магию, применяемую несовершеннолетними!

– Ты абсолютно прав – они могут обнаруживать магию, но не того, кто её применяет: вспомни, как Министерство обвинило тебя в использовании чар Парения, хотя применил их не ты, а...

– Добби, – проворчал Гарри; та несправедливость всё ещё его терзала. – Так значит, если ты несовершеннолетний и применяешь магию в доме взрослой ведьмы или колдуна, Министерство об этом не узнает?

– Во всяком случае, они не смогут определить, кто именно применил магию, – Дамблдор слегка улыбнулся при виде выражения негодования на лице Гарри. – Они полагаются на родителей-колдунов в вопросе обеспечения послушания их чад в своём доме.

– Фигнёй страдают, – резко прокомментировал Гарри. – Вы только посмотрите, что здесь произошло, что стало с Морфином!

– Я с тобой согласен. Каков бы ни был Морфин, он не заслуживал умереть так, как он умер, обвинённый в убийствах, которых он не совершал. Однако время идёт, а я хочу, чтобы ты увидел ещё вот это воспоминание, прежде чем мы расстанемся...

Дамблдор извлёк из внутреннего кармана ещё один хрустальный фиал, и Гарри, вспомнив, что, по словам Дамблдора, это воспоминание – самое важное из всех, немедленно замолчал. Гарри заметил, что содержимое фиала с трудом переливалось в ситодум, словно немного загустело; возможно, воспоминания со временем портятся?

– Это не займёт много времени, – заверил Дамблдор, когда ему наконец удалось опустошить фиал. – Ты и глазом моргнуть не успеешь, как мы уже вернёмся. Что ж, пойдём снова в ситодум...

И вновь Гарри летел сквозь серебристую поверхность; на этот раз он приземлился прямо перед человеком, которого узнал сразу же.

Это был заметно помолодевший Гораций Слагхорн. Гарри настолько привык видеть его лысым, что вид густой и блестящей соломенного цвета шевелюры Слагхорна привёл его в замешательство; впечатление было такое, что Слагхорн покрыл свою голову соломенным париком, хотя на самой макушке всё же блеснула маленькая плешь размером с галлеон. Его усы, гораздо менее внушительные, чем теперешние, были светло-рыжими. Он был не настолько толст, как тот Слагхорн, которого Гарри знал, однако его телеса весьма прилично растягивали богато расшитый жилет с золотыми пуговицами. Слагхорн устроился в удобном кресле с широкими подлокотниками, вытянув свои короткие ноги на бархатном пуфике. В одной руке он держал маленький бокал вина, другой шарил в коробке ананасовых цукатов.

В то время как Дамблдор материализовался рядом с ним, Гарри огляделся и убедился, что они находятся в кабинете Слагхорна. Вокруг Слагхорна сидело где-то полдюжины подростков, всем на глаз лет по шестнадцать; все сидели на более твёрдых и более низких сиденьях, чем он. Гарри узнал Риддла тотчас же. Его лицо было самым красивым, и он выглядел самым непринуждённым из ребят. Его правая рука небрежно лежала на подлокотнике кресла, и Гарри увидел на ней чёрно-золотое кольцо Марволо. Гарри передёрнуло: Риддл к этому времени уже убил своего отца.

– Сэр, это правда, что профессор Мерритот⁶⁵ уходит в отставку? – спросил Риддл.

– Том, Том, даже если б я знал, я бы тебе не сказал, – ответил Слагхорн, грозя Риддлу своим испачканным сахарной пудрой пальцем; правда, эффект был слегка смазан тем, что

⁶⁵ Merrythought – дословно «весёлая мысль».

одновременно он подмигнул. — Должен сказать, хотелось бы мне знать, откуда ты всё это узнаёшь, мальчик — ты знаешь больше, чем половина преподавателей.

Риддл улыбнулся; остальные мальчики засмеялись, восхищённо поглядывая на него.

— С твоей потрясающей способностью знать вещи, которые тебе знать не положено, и с твоим умением тонко льстить тем, кто имеет вес в обществе, — кстати, спасибо за ананасы, ты совершенно прав, это мои любимые...

Несколько мальчиков хихикнули, и тут произошло нечто странное. Неожиданно комната заполнилась густым белым туманом, сквозь который Гарри не видел ничего, кроме лица стоявшего рядом Дамблдора. Затем сквозь туман прогремел неестественно громкий голос Слагхорна:

— ...*ты плохо кончишь, мальчик, помни мои слова.*

Туман рассеялся так же внезапно, как появился, но никто о нём даже не заикнулся; все выглядели так, словно ничего необычного не произошло. Озадаченный, Гарри огляделся вокруг; маленькие золотые часы на столе Слагхорна пробили одиннадцать.

— Боже ты мой, это уже столько времени? — воскликнул Слагхорн. — Вам лучше идти к себе, мальчики, а то нас всех ждут неприятности. Лестрэйндж, завтра последний срок сдачи твоего эссе, иначе ты будешь наказан. Это и тебя касается, Эйвери.

Слагхорн выбрался из кресла и отнёс свой пустой бокал на стол, пока мальчики по одному выходили из кабинета. Риддл, однако, был в хвосте. Гарри показалось, что он нарочно замешкался, чтобы остаться в комнате последним, наедине со Слагхорном.

— Живей, Том, — сказал Слагхорн, обернувшись и увидев, что он ещё здесь. — Тебе же не надо, чтобы тебя поймали в неурочный час в неправильном месте, и к тому же ты префект...

— Сэр, я хотел вас кое о чём спросить.

— Ну тогда давай, мо'мальчик, спрашивай...

— Сэр, я подумал, не знаете ли вы, что такое... что такое Хоркраксы?

И тут это произошло снова: комнату залил густой туман, так что Гарри не видел ни Слагхорна, ни Риддла — никого, кроме Дамблдора, спокойно улыбавшегося рядом. Затем, как и в прошлый раз, прогудел голос Слагхорна.

— *Я ничего не знаю о Хоркраксах, а если б и знал, не сказал бы! Теперь выметайся отсюда, и чтобы я больше от тебя даже упоминания этого слова не слышал!*

— Вот так вот, — спокойно произнёс Дамблдор рядом с Гарри. — Нам пора идти.

Гаррины ноги оторвались от пола и несколько секунд спустя вновь оказались на ковре перед столом Дамблдора.

— И что, это всё? — тупо спросил Гарри.

Дамблдор говорил, что это самое важное воспоминание из всех, но он не увидел в нём ничего такого значительного. Разумеется, туман, а также то обстоятельство, что его никто, похоже, не заметил, выглядели довольно необычно; но кроме этого, судя по всему, не произошло ничего — разве что Риддл задал вопрос и не смог получить ответа.

— Как ты, возможно, заметил, — сказал Дамблдор, вновь заняв своё место за столом, — в это воспоминание было совершено вмешательство.

— Вмешательство? — повторил Гарри, также усаживаясь.

– Совершенно верно. Профессор Слагхорн модифицировал своё собственное воспоминание.

– Но почему?

– Потому, полагаю, что он стыдится того, что помнит, – ответил Дамблдор. – Он попытался переработать воспоминание, чтобы показать себя в лучшем свете, затерев те места, которые он не хотел мне показывать. Сделано это, как ты должен был заметить, весьма грубо, и это хорошо, поскольку свидетельствует, что истинное воспоминание всё ещё там, под всеми этими изменениями.

А теперь я впервые дам тебе домашнее задание, Гарри. Твоей задачей будет уговорить профессора Слагхорна поделиться своим реальным воспоминанием, которое, несомненно, предоставит нам более важную информацию, чем что бы то ни было ещё.

Гарри уставился на него.

– Но, сэр, – он постарался говорить настолько уважительно, насколько возможно, – не может быть, чтобы вам был нужен я – вы можете использовать легилименцию... или Веритасерум...

– Профессор Слагхорн – чрезвычайно сильный колдун, и он ожидает от меня и того, и другого, – ответил Дамблдор. – Он гораздо более сведущ в окклюменции, чем бедняга Морфин Гонт, и я буду невероятно удивлён, если окажется, что он не носит с собой противоядия от Веритасерума с того самого момента, как я вынудил его дать мне эту пародию на воспоминание.

Нет, я думаю, пытаться выжать правду из профессора Слагхорна силой будет весьма глупо, и это может принести больше вреда, чем пользы: я не хочу, чтобы он покинул Хогвартс. Однако он, подобно всем прочим, имеет свои слабости, и я верю, что ты один из тех, кто способен проникнуть сквозь его защитные барьеры. Для нас чрезвычайно важно заполучить истинное воспоминание, Гарри... Насколько именно важно, мы узнаем лишь тогда, когда его увидим. Так что удачи тебе... и спокойной ночи.

В некотором замешательстве от столь неожиданного окончания урока Гарри поднялся на ноги.

– Спокойной ночи, сэр.

Закрывая за собой дверь кабинета, он отчётливо услышал, как Финеас Найджеллус произнёс:

– Не понимаю, почему мальчишка сможет сделать это лучше, чем ты, Дамблдор.

– Я и не ожидал, что ты поймёшь, Финеас, – ответил Дамблдор. Фокс испустил ещё один низкий певучий звук.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

СЮРПРИЗЫ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

На следующий день Гарри поделился с Роном и Гермионой всем тем, чем его нагрузил Дамблдор, – правда, по отдельности: Гермиона по-прежнему отказывалась находиться в одной компании с Роном дольше, чем требуется, чтобы бросить на него презрительный взгляд.

Рон полагал, что у Гарри вряд ли будут со Слагхорном какие-либо проблемы.

– Он же тебя обожает, – разглагольствовал он, беспечно размахивая вилкой с куском яичницы. – Он ни в чём не сможет тебе отказать, как думаешь? Только не своему любимому маленькому Знатоку Зелий. Просто задержись сегодня после занятия и спроси его.

Гермиона, однако, видела проблему в более мрачном свете.

– Он, должно быть, *очень* хочет скрыть, что произошло на самом деле, если Дамблдору не удалось это из него вытянуть, – тихо произнесла она во время перерыва, когда они стоя беседовали в пустом заснеженном дворе. – Хоркраксы... *Хоркраксы*... никогда о таких не слышала.

– Не слышала?

Гарри был разочарован; он надеялся, что Гермиона сможет дать ему какую-то подсказку на предмет того, что такое Хоркраксы.

– Это, должно быть, очень продвинутая Тёмная магия, иначе зачем Волдеморту пытаться узнать про них? Думаю, заполучить эту информацию будет очень трудно, Гарри, тебе надо быть очень осторожным, подступаясь к Слагхорну, сперва выработай стратегию...

– Рон думает, что мне надо просто задержаться после урока сегодня...

– О, ну если уж *Вон-Вон* так считает, то тебе, конечно, следует так и поступить, – мгновенно вспыхнула Гермиона. – В конце концов, когда же суждения *Вон-Вона* оказывались ошибочными?

– Гермиона, нельзя ли?..

– *Нельзя!* – яростно отрубилла она и унеслась, оставив Гарри стоять по щиколотку в снегу.

Занятия зельями в эти дни были весьма неприятными, поскольку Гарри, Рон и Гермиона вынуждены были сидеть за одним столом. Сегодня Гермиона сдвинула свой котёл поближе к Эрни и игнорировала как Гарри, так и Рона.

– *Ты*-то что сделал? – прошептал Рон, глядя на надменный профиль Гермионы.

Но прежде чем Гарри смог ответить, Слагхорн, стоя перед классом, призвал всех к молчанию.

– Усаживайтесь, усаживайтесь, пожалуйста! Побыстрее, у нас сегодня очень много работы! Третий закон Голпалотта... кто может рассказать? Ну, конечно, мисс Грейнджер может!

Гермиона со страшной скоростью процитировала:

– В-Третьем-законе-Голпалотта-утверждается-что-противоядие-к-смеси-ядов-есть-более-чем-сумма-противоядий-от-каждого-яда-по-отдельности.

– Абсолютно точно! – просиял Слагхорн. – Десять очков для Гриффиндора! Теперь, если предположить, что Третий закон Голпалотта справедлив...

Гарри был вынужден поверить Слагхорну на слово, что Третий закон Голпалотта справедлив, поскольку дальше он перестал что-либо понимать. Все остальные (кроме Гермионы), похоже, также не смогли уследить за мыслью Слагхорна.

– ...это означает, разумеется, что, если нам удалось правильно идентифицировать ингредиенты яда с помощью Ренвелоэакла, наша главная цель не сводится к тривиальному добавлению противоядий от каждого из этих ингредиентов по отдельности – вдобавок к этому нам ещё требуется найти тот самый добавочный компонент, который сможет почти алхимически трансформировать эти отдельные элементы...

Рон сидел рядом с Гарри с полуоткрытым ртом и с отсутствующим видом рисовал что-то в своём новом «Продвинутом зельеварении». Рон никак не мог привыкнуть к тому, что он не может рассчитывать на помощь Гермионы, когда ему не удастся понять тему.

– ...таким образом, – закончил Слагхорн, – я хочу, чтобы каждый из вас подошёл к моему столу и взял с него один из этих фиалов. К концу урока вы должны приготовить противоядие к яду в вашем фиале. Желаю удачи – да, и не забудьте надеть защитные перчатки!

Гермиона была уже на полпути к столу Слагхорна, когда все остальные, наконец, осознали, что пора приниматься за работу; к тому моменту, когда Гарри, Эрни и Рон вернулись к своему столу, она уже опорожнила свой фиал в котёл и начала разводить под ним огонь.

– Какая жалость, что Принц тебе тут особо не поможет, Гарри, – весело произнесла она, выпрямляясь. – На этот раз тебе надо понять сам принцип. Никаких упрощений и жульничества!

Раздосадованный, Гарри откупорил фиал с ядом, взятый им со стола Слагхорна, вылил его ослепительно-розовое содержимое в свой котёл и развёл огонь. Что делать дальше, он не имел ни малейшего представления. Он глянул на Рона, с туповатым видом стоящего рядом и повторяющего всё, что только что сделал Гарри.

– У Принца точно нет никаких подсказок? – пробормотал Рон в сторону Гарри.

Гарри вытащил своё верное «Продвинутое зельеварение» и открыл главу «Противоядия». Там он сразу же нашёл Третий закон Голпалотта (слово в слово совпадавший с тем, что процитировала Гермиона), но ни одного примечания Принца, которое могло бы объяснить, что это всё значит, рядом не было. Видимо, у Принца, так же как и у Гермионы, не было никаких проблем с его пониманием.

– Пусто, – уныло произнёс Гарри.

Гермиона тем временем активно размахивала над своим котлом волшебной палочкой. К сожалению, они не могли повторить заклинание, которое она производила – она так поднаторела в невербальных заклинаниях, что ей не требовалось произносить что-либо вслух. Однако они слышали, как Эрни бормочет над своим котлом «*Specialis revelio!*»; звучало впечатляюще, так что Гарри и Рон поспешно сделали то же самое.

Гарри потребовалось не более пяти минут, чтобы понять, что его репутация лучшего зельевара в классе стремительно летит в тартарары. Слагхорн с надеждой заглянул в его котёл при первом обходе класса, готовясь, как обычно, восторженно прокомментировать увиденное, но, когда в нос ему ударил запах тухлых яиц, закашлялся и поспешно отёрнул голову. Лицо Гермионы было чопорным как никогда; она ненавидела, что её превосходят на всех уроках зелий. Она уже разливала таинственным образом разделившиеся компоненты своего яда в десять хрустальных флагов. Скорее чтобы не видеть этого раздражающего зрелища, чем для чего-либо ещё, Гарри склонился над книгой Принца-Полукровки и перевернул несколько страниц (сделав это более энергично, чем было необходимо).

И там, прямо поперёк длинного списка противоядий, небрежным почерком был написан ответ.

Просто засунуть им в глотку безоар.

Несколько мгновений Гарри просто смотрел на эти слова. Не доводилось ли ему когда-то давно слышать про безоар? Не упоминал ли его Снейп на самом первом занятии зельями? *«Камень из желудка козы, защищающий от большинства ядов».*

Конечно, это не было решением проблемы Голпалотта, и, если бы их по-прежнему учил Снейп, Гарри не осмелился бы сделать это, но сейчас пришло время принимать отчаянные меры. Он поспешил к хранилищу ингредиентов и начал рыться в нём, сдвигая в сторону рога единорогов и пучки сушёных трав, пока наконец не нашёл в самом дальнем углу маленькую картонную коробку с надписью «Безоары».

Он открыл коробку; Слагхорн за его спиной воскликнул: «Осталось две минуты!» Внутри лежала дюжина сморщенных бурых предметов, больше похожих на сушёные фасолины, чем на камни. Гарри взял один из них, вернул коробку на место и поспешно вернулся к своему котлу.

– Время... вышло! – добродушно воскликнул Слагхорн. – Ну что ж, давайте посмотрим, что у вас получилось. Блэйз... что ты для меня приготовил?

Слагхорн медленно шёл по комнате, проверяя получившиеся противоядия. Закончить работу не успел никто, хотя Гермиона пыталась запихнуть в свою бутылку ещё несколько ингредиентов, прежде чем Слагхорн до неё доберётся. Рон сдался окончательно и сейчас просто старался не вдыхать тошнотворные испарения от своего котла. Гарри ждал, стоя на месте и стискивая безоар вспотевшей рукой.

До их стола Слагхорн добрался в последнюю очередь. Он понюхал зелье Эрни и, скорчив гримасу, тут же пошёл дальше, к Рону. У котла Рона он тоже не задержался – слегка рыгнув, он быстро попятился.

– Теперь ты, Гарри, – наконец сказал он. – Что ты мне можешь показать?

Гарри протянул ладонь с лежащим на ней безоаром.

Слагхорн смотрел на камень секунд десять, не меньше. Какое-то мгновение Гарри думал, закричит Слагхорн на него или нет. Затем Слагхорн откинул голову и расхохотался.

– Ну ты и нахал, парень! – прогудел он, беря у Гарри безоар и поднимая его вверх, чтобы всем было видно. – Ты совсем как твоя мать... Не могу тебя за это винить, конечно... Ну разумеется, безоар может быть противоядием от всех этих ядов!

Гермиона, лицо которой было покрыто потом, а нос испачкан сажей, была явно рассержена до предела. Её полуготовое противоядие, включающее в себя пятьдесят два ингредиента (в том числе прядь её собственных волос), неторопливо булькало за спиной Слагхорна, который не отрывал глаз от Гарри.

– И до безоара ты, конечно, сам додумался, правда? – сквозь сжатые зубы спросила она.

– Вот такой дух и должен иметь настоящий зельевар! – радостно произнёс Слагхорн, прежде чем Гарри ей ответил. – Ну весь в мать, у неё был такой же талант к зельеварению, и от неё, несомненно, он этот талант и унаследовал... Да, Гарри, да, если у тебя есть при себе безоар, разумеется, это сработает... Хотя, поскольку они не всегда помогают и к тому же чертовски редки, знать про смешивание противоядий всё же следует...

Единственным человеком в комнате, кто казался ещё более сердитым, чем Гермиона, был Малфой, который, как с удовольствием отметил Гарри, пролил на себя нечто напоминающее копящую мочу. Однако, прежде чем кто-либо из них успел выразить свой гнев по поводу того, что Гарри стал лучшим, вообще ничего не сделав, прозвенел звонок.

– Пора собираться! – сказал Слагхорн. – И ещё десять баллов Гриффиндору, за потрясающее нахальство!

Всё ещё посмеиваясь, он вразвалку направился к своему столу в передней части подземелья.

Гарри замешкался, потратив необычайно много времени на то, чтобы собрать свои вещи. Ни Рон, ни Гермиона не пожелали ему удачи, выходя из класса; вид у обоих был раздражённый. Наконец Гарри и Слагхорн остались в комнате одни.

– Давай поторопись, Гарри, а то на следующий урок опоздаешь, – дружелюбно произнёс Слагхорн, защёлкивая золотые застёжки на своём портфеле из драконьей кожи.

– Сэр, – Гарри, вспомнив сцену с Волдемортом, не удержался от соблазна говорить так же, как он, – я хотел вас кое о чём спросить.

– Ну давай, мой дорогой, спрашивай...

– Сэр, я подумал, не знаете ли вы, что такое... что такое Хоркраксы?

Слагхорн застыл на месте. Круглое лицо его словно втянулось. Облизав губы, он хрипло переспросил:

– Что ты сказал?

– Я спросил, не знаете ли вы, что такое Хоркраксы, сэр. Понимаете...

– Это тебя Дамблдор подучил, – шёпотом произнёс Слагхорн.

Его голос изменился разительно. Он более не звучал добродушно – напротив, потрясённо и напуганно. Слагхорн нащупал в нагрудном кармане носовой платок и вытер разом вспотевший лоб.

– Дамблдор показал тебе это... это воспоминание, – сказал он. – Так? Показал?

– Да, – Гарри решил, что в данной ситуации лгать неразумно.

– Да, конечно, – тихо произнёс Слагхорн, по-прежнему вытирая платком своё побелевшее лицо. – Конечно... ну что ж, если ты видел это воспоминание, Гарри, ты должен знать, что я не знаю ничего – *ничего*, – с нажимом повторил он, – о Хоркраксах.

Он схватил свой портфель, засунул носовой платок обратно в карман и прошествовал к входной двери.

– Сэр, – в отчаянии сказал Гарри, – я просто подумал, что кроме этого воспоминания может быть ещё что-нибудь...

– Подумал, да? Так вот, ты неверно подумал, нет больше ничего, понял? НИЧЕГО!

Он выкрикнул последнее слово и, прежде чем Гарри смог произнести ещё хоть что-нибудь, захлопнул за собой дверь подземелья.

Ни Рон, ни Гермиона не выказали своего сочувствия, когда Гарри рассказал им об этом провале. Гермиона всё ещё кипела из-за того, что Гарри удалось опередить всех, не сделав правильно задания. Рон обиделся, что Гарри не передал безоар и ему.

– Если бы мы оба это сделали, это бы выглядело просто тупо! – сердито сказал ему Гарри. – Послушай, мне же надо было попытаться смягчить его немного, чтобы потом спросить про Волдеморта, так? Ох, да *когда ж ты перестанешь трястись!* – раздражённо добавил он, увидев, как Рон вздрогнул при упоминании имени.

Разъярённый своей неудачей и поведением Рона и Гермионы, Гарри следующие несколько дней размышлял над тем, что ему дальше делать со Слагхорном. Наконец он решил, что пока что позволит Слагхорну думать, что о Хоркраксах он забыл; убаюкать его бдительность перед следующим заходом выглядело наиболее правильным.

Когда Гарри перестал допрашивать Слагхорна, тот вернулся к своему обычному нежному обращению с ним и, похоже, выкинул это дело из головы. Гарри ждал приглашения на очередную маленькую вечеринку, намереваясь принять его в этот раз, даже если бы ему пришлось перенести для этого квиддичную тренировку. К сожалению, однако, приглашения не поступало. Гарри осведомился у Гермионы и Джинни: оказалось, что они также не получали никаких приглашений и, насколько им было известно, никто не получал. Гарри не мог не задуматься: не означало ли это, что Слагхорн был не столь забывчивым, каким казался, и что он был полон решимости не предоставлять Гарри лишней возможности расспросить его?

В то же время Гермиону впервые в жизни подвела библиотека. Она была этим так шокирована, что даже забыла дуться на Гарри за его фокус с безоаром.

– Я не нашла ни одного упоминания того, для чего применяются Хоркраксы! – сказала она ему. – Ни единого! Я перерыла всю закрытую секцию, но даже в самых *ужасных* книгах, где говорится, как готовить самые *мерзкие* зелья, – ничего! Всё, что мне удалось найти, – вот это, во введении к книге «Волхование всех презлейшее» – смотри – «про Хоркракс, самое дьявольское из всех магических изобретений, мы не будем ни говорить, ни даже упоминать»... Я хочу сказать, зачем тогда вообще писать об этом? – раздражённо произнесла она, захлопывая древний том; тот издал жуткий вопль. – О, да заткнись ты, – добавила она, засовывая книгу обратно в сумку.

В первых числах февраля снег вокруг школы растаял, сменившись тоскливой слякотью. Над замком нависли красновато-серые облака, и из-за постоянно моросящего дождика лужайки стали скользкими и грязными. В результате этого первый урок аппарирования у

пестикурсников, назначенный на утро субботы, чтобы не пересекаться с остальными уроками, прошёл не снаружи замка, а в Большом Зале.

Когда Гарри и Гермиона пришли в Зал (Рон шел с Лавандой), они обнаружили, что столы исчезли. Дождь хлестал в высокие окна Зала, зачарованный потолок мрачно клубился наверху. Все ученики собрались в группу перед профессорами МакГонагалл, Снейпом, Флитвиком и Спраут – главами Домов – и низкорослым колдуном, в котором Гарри угадал инструктора из Министерства. Он был странно бесцветным, с прозрачными ресницами, тонкими волосами и каким-то бесплотным внешним видом, словно его могло унести любым дуновением ветра. Гарри подивился, не стал ли он таким бесплотным от постоянных исчезновений и появлений, или, быть может, столь хрупкое телосложение наилучшим образом подходит для тех, кто хочет исчезать?

– Доброе утро, – поздоровался колдун из Министерства, когда все ученики собрались и главы Домов призвали их к тишине. – Меня зовут Уилки Туайкросс, и я буду вашим инструктором аппарирования в течение следующих двенадцати недель. Я надеюсь, что за это время я подготовлю вас к вашим экзаменам по аппарированию...

– Малфой, не болтай и не отвлекайся! – рявкнула профессор МакГонагалл.

Все оглянулись. Лицо Малфоя приобрело тускло-розовый оттенок; с разозлённым видом он отошёл от Крэбба, с которым только что, по-видимому, шёпотом о чём-то спорил. Гарри кинул быстрый взгляд на Снейпа; тот тоже казался раздосадованным, хотя Гарри сильно подозревал, что это было вызвано не столько невоспитанностью Малфоя, сколько тем, что МакГонагалл сделала замечание ученику с его Дома.

– ...и к этому времени, думаю, многие из вас будут готовы сдать экзамен, – продолжал Туайкросс, словно его никто не прерывал.

– Как вам, вероятно, известно, обычно в пределах Хогвартса аппарировать или дезаппарировать невозможно. Директор прекратил действие этого заклинания в пределах Большого Зала на один час, чтобы дать вам возможность практиковаться. Должен ещё раз подчеркнуть, что вы не сможете аппарировать за пределы этого Зала, так что не стоит даже пытаться. А сейчас я прошу, чтобы каждый из вас встал так, чтобы перед ним было пять футов свободного пространства.

Началась толкотня и давка: ученики сталкивались, расходились и требовали друг от друга убираться с дороги. Главы Домов ходили между учениками, выстраивая их в ряды и прекращая споры.

– Гарри, ты куда? – спросила Гермиона.

Но Гарри не ответил; он быстро направился сквозь толпу, мимо профессора Флитвика, что-то пискляво говорившего в безуспешных попытках построить нескольких учеников Рэйвенкло (каждый из них хотел стоять в первом ряду), мимо профессора Спраут, заставлявшей хаффлапфцев выстроиться в линию; наконец, обогнув Эрни Макмиллана, он смог разместиться в задних рядах прямо позади Малфоя, который, пользуясь общим движением, продолжил спор с Крэббом, стоявшим с возмущённым видом в пяти футах от него.

– Не знаю я, сколько ещё, понятно? – рывкнул на него Малфой, не замечая Гарри, стоящего прямо за его спиной. – Это требует больше времени, чем я думал.

Крэбб открыл рот, но Малфой, похоже, предугадал, что он собирается сказать.

– Слушай, Крэбб, чем я занимаюсь – это не твоё дело, вы с Гойлом должны просто делать, что вам сказано, и стоять на стрёме!

– А я обычно рассказываю своим друзьям, что я собираюсь делать, если хочу, чтобы они стояли на стрёме, – произнёс Гарри достаточно громко, чтобы Малфой его услышал.

Малфой крутанулся на месте, кинув руку к своей волшебной палочке, но именно в этот момент четыре главы Домов хором крикнули: «Тихо!» – и все разом замолчали. Малфой медленно повернулся лицом вперёд.

– Благодарю вас, – сказал Туайкросс. – А теперь...

Он взмахнул волшебной палочкой. Перед каждым учеником на полу мгновенно появились старинного вида деревянные обручи.

– Самое важное, что надо помнить при аппарировании – это три «Н»⁶⁶! Назначение, Нацеленность, Настойчивость!

Первый шаг: твёрдо зафиксируйте в мыслях место *назначения*. В данном случае это точка внутри вашего обруча. Сейчас, пожалуйста, сосредоточьтесь на этом месте назначения.

Ученики начали исподтишка поглядывать по сторонам, чтобы убедиться, что все остальные глядят на обручи, после чего поспешно сделали, как им было сказано. Гарри таращился на круглый кусок пыльного пола, видимый сквозь его обруч, и изо всех сил попытался не думать ни о чём другом. Оказалось, что это невозможно: он не мог прекратить гадать, что же такое делал Малфой, что ему понадобились дозорные.

– Второй шаг, – сказал Туайкросс, – это ваша *нацеленность* на то, чтобы занять место, о котором вы думаете! Пусть ваше стремление попасть туда истекает из вашего разума и наполняет каждую частицу вашего тела!

Гарри украдкой глянул вокруг. Недалеко слева от него Эрни Макмиллан ел глазами свой обруч настолько усердно, что даже покраснел; выглядел он так, словно вот-вот отложит яйцо размером с квоффл. Гарри подавил смешок и поспешно уставился на свой собственный обруч.

– Третий шаг, – продолжил Туайкросс, – только по моей команде... развернитесь на месте, ощущая своё движение в ничто, двигаясь *настойчиво*! Теперь, по моей команде... раз...

Гарри снова оглянулся; многие были явно встревожены столь неожиданно близкой перспективой первого аппарирования.

– ...два...

Гарри снова попытался сосредоточиться на обруче; он уже успел забыть, что означали эти три «Н».

– ...ТРИ!

Гарри крутанулся на месте, потерял равновесие и чуть не упал. Впрочем, не он один. Весь Зал наполнился шатающимися людьми; Невилл лежал на спине; Эрни Макмиллан, с

⁶⁶ В оригинале – три “D”: соответственно Destination, Determination, Deliberation (Назначение, Решимость, Обдумывание/осторожность/неторопливость)

другой стороны, изящным прыжком нырнул в свой обруч и несколько мгновений был страшно возбуждён – пока не заметил хохочущего над ним Дина Томаса.

– Ничего, ничего, – сухо произнёс Туайкросс, похоже, и не ожидавший лучшего результата. – Пожалуйста, поправьте ваши обручи и вернитесь в исходную позицию...

Вторая попытка оказалась не удачнее первой. Столь же плачевной была и третья. Вплоть до четвёртой не происходило вообще ничего интересного. Потом раздался страшный крик боли. Все в ужасе обернулись и увидели Сьюзен Боунс из Хаффлапфа, стоявшую, шатаясь, в своём обруче, в то время как её левая нога стояла на стартовой позиции в пяти футах от неё.

Главы Домов подбежали к ней; раздалось громкое БАМ, и все заслонили клубы фиолетового дыма. Когда дым рассеялся, все вновь увидели всхлипывающую Сьюзен, воссоединившуюся с ногой, но страшно напуганную.

– Щепление⁶⁷, или отделение различных частей тела, – бесстрастно сообщил Туайкросс, – случается, когда разум недостаточно *нацелен*. Вы должны быть постоянно сконцентрированы на своём *назначении* и двигаться без спешки, но с *настойчивостью*... вот так.

Туайкросс шагнул вперёд, грациозно крутанулся на месте, разведя руки в стороны, и исчез в завихрении своей мантии, после чего объявился в другом конце Зала.

– Помните о трёх «Н», – сказал он, – и попробуйте ещё раз... Раз – два – три...

Прошёл час, но Щепление Сьюзен так и осталось самым интересным из всего, что произошло за это время. Туайкросс не выглядел обескураженным. Застёгивая свой плащ на шее, он произнёс всего лишь:

– До следующей субботы, и не забывайте: *Назначение. Нацеленность. Настойчивость*.

С этими словами он взмахнул волшебной палочкой, Испарив обручи, и вышел из Зала в сопровождении профессора МакГонагалл. Ученики тут же начали обмениваться впечатлениями, двигаясь к холлу.

– У тебя что-нибудь получилось? – спросил Рон, поспешно пробираясь навстречу Гарри. – Мне показалось, во время последней попытки я что-то почувствовал – какое-то покалывание в ступнях.

– Думаю, тебе просто кроссовки малы, Вон-Вон, – послышался голос за их спинами, и мимо них с ухмылкой прошла Гермиона.

– Я ничего не почувствовал, – Гарри проигнорировал это вмешательство. – Но сейчас меня это не беспокоит...

– В каком смысле «не беспокоит»? Ты что, уже не хочешь научиться аппарировать? – недоверчиво спросил Рон.

– Ну, я на самом деле не заморачиваюсь такими мелочами, я предпочитаю летать, – ответил Гарри, кидая взгляд через плечо в поисках Малфоя, и как только они вошли в холл, прибавил шаг. – Слушай, давай побыстрее, мне надо кое-что сделать...

Рон в недоумении поспешил вслед за Гарри обратно в гриффиндорскую башню. Их немного задержал Пивз, заперший дверь на четвёртом этаже и отказывающийся пропустить кого-либо, пока они не подожгут собственные штаны; но Гарри и Рон просто-напросто

⁶⁷ Splinching. Слово образовано от глагола to splint – расщепляться.

вернулись чуть назад и воспользовались одним из своих верных потайных проходов. Пять минут спустя они уже пробирались через дыру за портретом.

– Так ты собираешься мне сказать, что мы будем делать? – спросил слегка запыхавшийся Рон.

– Давай наверх, – коротко ответил Гарри, пересекая общую комнату и направляясь к лестнице, ведущей в спальни мальчиков.

Их спальня, как Гарри и надеялся, была пуста. Он откинул крышку своего сундука и начал в нём рыться под нетерпеливым взглядом Рона.

– Гарри...

– Малфой использует Крэбба и Гойла на стрёме. Он только что спорил с Крэббом. Я хочу знать... ага.

Наконец-то Гарри нашёл что искал – сложенный кусок чистого на первый взгляд пергамента. Он разгладил пергамент и коснулся кончиком волшебной палочки.

– *Торжественно клянусь, что не затеваю ничего хорошего...* и Малфой тоже не затевает, однозначно.

На поверхности пергамента тотчас появилась Карта Мародёра. Там был детальный план каждого этажа замка, а также движущиеся по нему крохотные чёрные точки с подписями под ними, изображающие всех, кто был в замке.

– Помоги мне найти Малфоя, – настойчиво потребовал Гарри.

Он положил карту на свою кровать, и Рон склонился над ней в поисках.

– *Есть!* – воскликнул Рон где-то через минуту. – Он в общей комнате Слизерина, смотри... тут рядом и Паркинсон, и Забини, и Крэбб, и Гойл...

Гарри разочарованно глянул на карту, но тут же вновь собрался с мыслями.

– Что ж, с этого момента я буду за ним присматривать, – твёрдо произнёс он. – И когда я увижу, что он где-то прячется, а Крэбб и Гойл стоят на стрёме поблизости, я надену свой старый добрый плащ-невидимку и пойду выяснять, что он...

Он прервался – в спальню вошёл Невилл, распространяя сильный запах палёной ткани, и начал рыться в своём сундуке в поисках новой пары штанов.

В следующие две недели, однако, стремление Гарри вывести Малфоя на чистую воду не принесло никаких результатов. Хотя он сверялся с картой так часто, как только возможно, иногда даже посещая для этого туалет между уроками, он ни разу не обнаружил Малфоя в каком-либо подозрительном месте. Правда, он чаще обычного замечал, что Крэбб и Гойл вдвоём слоняются по замку и иногда стоят неподвижно в пустых коридорах, но каждый раз Малфоя не только не было где-то поблизости – его вообще не удавалось обнаружить на карте. Это было самым загадочным. Гарри некоторое время вертел в голове вариант, что Малфой действительно покидал территорию школы, но не смог придумать, как он мог бы такое проделать, учитывая меры безопасности, принятые в замке. Единственное, до чего он додумался, – он просто не замечал Малфоя среди сотен крохотных чёрных точек на карте. Что же касается того факта, что Малфой, Крэбб и Гойл, бывшие неразлучной троицей, ходили теперь по отдельности, то такое иногда случается, когда люди взрослеют, – Рон и Гермиона были живым примером, печально размышлял Гарри.

Февраль сменился мартом, но на погоду это повлияло слабо – теперь она была не только сырой, но и ветреной. К всеобщему возмущению, на доске объявлений общей комнаты появился плакат, сообщающий об отмене ближайшего визита в Хогсмид. Рон был в ярости.

– Он должен был быть в мой день рождения! – воскликнул он. – Я так его ждал!

– Однако, это не очень-то неожиданно, а? – сказал Гарри. – После того случая с Кэти.

Она по-прежнему не вернулась из больницы св. Мунго. Более того, в «Ежедневном пророке» сообщили ещё о ряде исчезновений, в том числе нескольких родственников учеников Хогвартса.

– Теперь единственное, чего мне остаётся ждать – это дурацкое аппарирование! – буркнул Рон. – Хорошенький день рождения...

Три урока спустя аппарирование оставалось столь же трудным, как раньше, хотя ещё несколько человек подверглись Щеплению. Учеников всё сильнее охватывало разочарование и раздражение Уилки Туайкроссом и его тремя «Н», что привело к появлению множества кличек, самыми вежливыми из которых были Носорог и Навозник.

– С днём рождения, Рон, – сказал Гарри утром первого марта, когда они были разбужены шумным отбытием Шеймаса и Дина на завтрак. – Держи подарок.

Он кинул свёрток с подарком Рону на кровать, где уже лежала небольшая кучка других свёртков, доставленных этой ночью, как предположил Гарри, домовыми эльфами.

– Пасибо, – сонно поблагодарил Рон и начал разрывать упаковочную бумагу. Гарри же выбрался из постели, открыл свой сундук и принялся рыться в нём в поисках Карты Мародёра (он прятал её после каждого использования). Ему пришлось вывалить на пол половину содержимого сундука, прежде чем он, наконец, нашёл её под скрученными носками, в которых он по-прежнему хранил пузырёк с зельем удачи, Феликс Фелицис.

– Хорошо, – пробормотал Гарри, возвращаясь вместе с картой в кровать, коснулся её палочкой и прошептал: – Торжественно клянусь, что не затеваю ничего хорошего, – так, чтобы Невилл, как раз в этот момент свесивший ноги со своей кровати, ничего не услышал.

– Классно, Гарри! – с восторгом воскликнул Рон, размахивая новой парой вратарских перчаток, которую ему подарил Гарри.

– Всегда пожалуйста, – рассеянно ответил Гарри, рассматривающий спальню Слизерина в поисках Малфоя. – Так... похоже, в постели его нет...

Рон не ответил; он был слишком увлечён разворачиванием своих подарков; периодически до Гарри доносились его радостные возгласы.

– Отличный набор в этом году, – заявил он, держа в руках тяжёлые золотые часы со странными символами по краям и маленькими движущимися звёздами вместо стрелок. – Смотри, что мне мама с папой подарили! Чёрт, пожалуй, в следующем году надо будет ещё разок совершеннолетним стать...

– Круто, – пробормотал Гарри, кинув взгляд на часы, прежде чем ещё более внимательно уставиться на карту. Где Малфой? Похоже, его не было за столом Слизерина в Большом Зале за завтраком... его не было нигде поблизости от Снейпа, сидящего в своём кабинете... в туалетах и в больничном крыле тоже...

– Хочешь штучку? – невнятно спросил Рон, протягивая коробку шоколадных котлов.

– Нет, спасибо, – Гарри поднял глаза. – Малфой опять исчез!

– Не может быть, – Рон слез с кровати, запихивая в рот второй Котёл, и начал одеваться.
– Давай быстрее, поторапливайся, а то тебе придётся ашпарировать на пустой желудок... Может, тогда легче будет...

Рон оценивающе посмотрел на коробочку с шоколадными котлами, пожал плечами и взялся за третий.

Гарри коснулся карты волшебной палочкой, прошептал «Шалость удалась» (хотя она не удалась) и, изо всех сил размышляя, начал одеваться. Периодические исчезновения Малфоя должны были иметь какое-то объяснение, просто он никак не мог его найти. Лучшим способом прояснить ситуацию была бы слежка, но даже с учётом плаща-невидимки это было неосуществимо: у самого Гарри были уроки, квиддичные тренировки, домашние задания и ашпарирование; он не мог целый день ходить за Малфоем по школе так, чтобы его отсутствие не было замечено.

– Пошли? – спросил он Рона.

Гарри был уже на полпути к двери спальни, когда осознал, что Рон не двинулся с места; он прислонился к стойке своей кровати и смотрел куда-то в залитое дождём окно со странно отсутствующим видом.

– Рон? Завтракать!

– Я не голоден.

Гарри уставился на него.

– Но ты же сам только что сказал?..

– Ну ладно, я пойду с тобой, – вздохнул Рон. – Но я не хочу есть.

Гарри окинул его подозрительным взглядом.

– Это из-за того, что ты сожрал полкоробки шоколадных котлов, так?

– Да это тут ни при чём, – опять вздохнул Рон. – Ты... ты не понимаешь.

– Это точно, – Гарри был озадачен, но тем не менее снова повернулся, чтобы открыть дверь.

– Гарри! – неожиданно позвал Рон.

– Чего?

– Гарри, я так больше не могу!

– Ты больше не можешь что? – переспросил Гарри, начиная беспокоиться всерьёз. Рон был бледен и выглядел так, словно его тошнило.

– Я не могу не думать о ней! – хрипло произнёс Рон.

Гарри уставился на него. Такого он не ожидал и не был уверен, что ему это нравится. Они, конечно, друзья, но если Рон начнёт называть Лаванду «Лав-Лав», ему придётся поговорить с Роном на эту тему очень серьёзно.

– А почему это мешает тебе завтракать? – спросил Гарри, пытаясь привести в беседу хоть какую-то крупицу здравого смысла.

– Она даже не знает о моём существовании, – сказал Рон, сделав безнадёжный жест.

– Она определённо знает о твоём существовании, – в полном замешательстве возразил Гарри. – Она же с тобой всё время целуется, разве не так?

Рон мигнул.

– Это ты о ком?

– А *ты* о ком? – вернул вопрос Гарри, всё сильнее ощущая, что разговор становится совершенно безумным.

– О Ромильде Вейн, – мягко выговорил Рон, и лицо его при этом словно осветилось солнечным лучом.

Почти минуту они смотрели друг на друга, прежде чем Гарри наконец сказал:

– Это шутка такая, да? Ты просто шутишь.

– Мне кажется... Гарри, мне кажется, я её люблю, – сдавленным голосом произнёс Рон.

– Ну ладно, – Гарри подошёл к Рону, чтобы получше разглядеть его остекленевшие глаза и мертвенно-бледное лицо. – Ладно... Скажи это ещё раз и не улыбнись.

– Я её люблю, – одними губами повторил Рон. – Ты видел её волосы, все такие чёрные, и блестящие, и шелковистые... А её глаза? Большие тёмные глаза? А её...

– Это, конечно, очень смешно и всё такое, – перебил его Гарри, – но шутку пора кончать, хорошо? Закругляйся.

Он повернулся к выходу; однако он успел сделать в направлении двери лишь два шага, когда на его правое ухо обрушился сильнейший удар. Пошатнувшись, Гарри обернулся назад. Рон с искажённым от ярости лицом уже замахнулся кулаком, собираясь ударить ещё раз.

Гарри среагировал чисто инстинктивно; его палочка была в руке, а слово заклинания мелькнуло в голове, прежде чем он это осознал: *Levicorpus!*

Рон взвыл; ступни его взлетели вверх, и он беспомощно повис вниз головой; мантия свободно болталась под ним.

– *За что?* – вскрикнул Гарри.

– Ты оскорбил её, Гарри! Ты сказал, что это просто шутка! – крикнул в ответ Рон, постепенно багровевший от прилива крови к голове.

– Ты свихнулся! Какая муха тебя?.. – тут он заметил открытую коробочку на кровати Рона, и внезапное озарение ударило его с силой бегущего в панике тролля.

– Где ты взял эти шоколадные котлы?

– Это подарок на день рождения! – крикнул Рон, медленно вращаясь в воздухе в попытках освободиться. – Я же тебе предлагал один!

– Ты ведь их подобрал с пола, так?

– Они упали с моей постели, понятно? Пусти меня!

– Они вовсе не упали с твоей постели, ты что, не понимаешь, ты, идиот?! Это мои, я их выкинул из сундука, когда искал карту! Это шоколадные котлы, которые мне дала Ромильда перед Рождеством, и они все напичканы любовным зельем!

Но из всего этого Рон, похоже, уловил только одно слово.

– Ромильда? – переспросил он. – Ты сказал «Ромильда»? Гарри – ты её знаешь? Познакомь меня?

Гарри смотрел на висящего Рона, лицо которого теперь светилось надеждой, и с огромным трудом удерживался от смеха. Часть его – та, что была ближе к пульсирующему от

боли правому уху – находила весьма заманчивой идею отпустить Рона и смотреть, как он бежит, весь вне себя, пока действие зелья не выветрится... но с другой стороны, всё же они друзья, Рон просто не соображал, что делает, когда напал, и Гарри решил, что заслужил бы ещё один удар, если бы сейчас позволил Рону пойти к Ромильде Вейн и признаться ей в вечной любви.

– Да, конечно, познакомлю, – ответил Гарри, лихорадочно соображая. – Сейчас я тебя опущу, ладно?

Он отправил Рона на пол довольно жёстко (его ухо болело *очень* сильно), но тот, улыбнувшись, с лёгкостью вскочил на ноги.

– Она должна быть в кабинете Слагхорна, – уверенно заявил Гарри, направляясь к двери.

– А почему там? – обеспокоенно спросил Рон, стараясь не отставать от Гарри.

– О, она с ним дополнительно занимается зельями, – на ходу придумывал Гарри.

– Может, мне попросить, чтобы и я вместе с ней занимался? – жадно спросил Рон.

– Отличная идея, – похвалил Гарри.

Рядом с портретом их поджидала Лаванда – этого затруднения Гарри не предусмотрел.

– Ты поздно сегодня, Вон-Вон! – немного обиженно сказала она. – У меня для тебя подарок...

– Отстань, – нетерпеливо перебил Рон. – Гарри должен познакомить меня с Ромильдой Вейн.

И, не сказав ей больше ни слова, он пролез через дыру за портретом. Гарри попытался придать своему лицу извиняющееся выражение, но, возможно, со стороны казалось, что его ситуация просто забавляет, – во всяком случае, когда портрет Полной Леди захлопнулся за ними, вид у Лаванды был чрезвычайно оскорблённый.

Гарри немного беспокоило то, что Слагхорн именно сейчас может завтракать, но дверь его кабинета открылась после первого же стука; Слагхорн в зелёном бархатном халате и такого же цвета шапочке смотрел на них несколько затуманенными глазами.

– Гарри, – пробормотал он. – Ты слишком рано... Я обычно по субботам поздно встаю...

– Профессор, я очень извиняюсь, что побеспокоил вас, – произнёс Гарри как можно тише, в то время как Рон, приподнявшись на цыпочки, пытался заглянуть в комнату через голову Слагхорна, – но мой друг Рон по ошибке проглотил любовное зелье. Вы не могли бы сделать для него противоядие? Я бы отвёл его к мадам Помфри, но нам не положено иметь что-либо из «Улётных Уловов Уизли», и к тому же, вы понимаете... Всякие дурацкие вопросы...

– Я думал, ты и сам смог бы сварганить для него лекарство, ты ведь уже такой опытный зельевар? – спросил Слагхорн.

– Э... – Гарри был несколько отвлечён тем, что Рон пихал его локтем под рёбра, пытаясь проложить себе дорогу в комнату, – ну... мы никогда раньше не делали противоядий к любовным зельям, сэр, и пока я сделал бы нормально, Рон успел бы натворить что-нибудь серьёзное...

К счастью, именно в этот момент Рон простонал:

– Гарри, я не вижу её – он что, её прячет?

– Зелье было свежее? – спросил Слагхорн, начав рассматривать Рона с профессиональным интересом. – Они, знаешь ли, могут усиливаться при длительном хранении.

– Это многое объясняет, – пропыхтел Гарри, с огромным трудом удерживая Рона от попыток снести Слагхорна. – У него сегодня день рождения, профессор, – умоляюще добавил он.

– О, ну хорошо, входите, входите, – смягчился Слагхорн. – Всё необходимое у меня в сумке, это несложное противоядие...

Рон ворвался в жаркий, загромождённый кабинет Слагхорна, споткнулся об украшенную кистями скамеечку для ног, удержался от падения, ухватив Гарри за шею, и пробормотал:

– Она этого не видела, надеюсь?

– Её пока здесь нет, – сообщил ему Гарри, наблюдая, как Слагхорн открывает свой набор ингредиентов и добавляет по шепотке то одного, то другого в маленький хрустальный пузырёк.

– Это хорошо, – пылко сказал Рон. – Как я выгляжу?

– Очень впечатляюще, – мягко ответил Слагхорн, протягивая Рону стакан с бесцветной жидкостью. – А сейчас выпей вот это, это тоник для нервов, ну ты понимаешь, чтобы не волноваться сильно, когда она придёт.

– Здорово, – жадно произнёс Рон и с громким хлюпаньем выпил противоядие.

Гарри и Слагхорн наблюдали за ним. Какое-то мгновение Рон, широко улыбаясь, смотрел на них. Затем его улыбка постепенно увяла и в конце концов исчезла, сменившись выражением ужаса.

– Вернулся в норму, ага? – улыбнулся Гарри. Слагхорн хихикнул. – Большое спасибо, профессор.

– Не стоит благодарности, мо'мальчик, не стоит, – сказал Слагхорн, в то время как Рон, совершенно опустошённый, рухнул в ближайшее кресло. – Что-нибудь укрепляющее, вот чего ему не хватает, – Слагхорн уже сутился над столиком, уставленным напитками. – У меня тут есть сливочное пиво, есть вино, вот моя последняя бутылка мёда, настоящего на дубе... Хмм... Вообще-то я хотел подарить её Дамблдору на Рождество... ну да ладно... – Слагхорн пожал плечами, – он не будет тосковать по тому, о чём даже не знает! Почему бы нам сейчас её не открыть и не отметить день рождения мистера Уизли? Нет ничего лучше, чтобы прогнать боль безответной любви...

Он снова хихикнул, и Гарри сделал то же самое. Впервые после своей катастрофической первой попытки извлечь истинное воспоминание он оказался со Слагхорном почти наедине. Возможно, если только ему удастся поддержать хорошее настроение Слагхорна... Возможно, если они выпьют достаточно много мёда...

– Вот, держите, – Слагхорн протянул Гарри и Рону по бокалу мёда, после чего поднял свой собственный. – Ну что ж, с днём рождения, Ральф...

– ...Рон... – шёпотом подсказал Гарри.

Но Рон, судя по всему, не вслушивавшийся в тост, уже отправил мёд к себе в рот одним большим глотком.

Прошло не больше секунды, не больше одного удара сердца, когда Гарри почувствовал: произошло что-то ужасное; Слагхорн, похоже, ничего не почувствовал.

— ...и желаю тебе ещё долгих...

— *Рон!*

Рон уронил бокал; он привстал со своего кресла, после чего рухнул на пол, бессознательно дрыгая всеми конечностями. Из рта его пошла пена, глаза выкатились из орбит.

— Профессор! — завопил Гарри. — Сделайте же что-нибудь!

Но Слагхорн, похоже, был в столбняке от шока. Рон дёргался и ловил воздух ртом; его кожа приобретала голубой оттенок.

— Что... но... — бессвязно мямлил Слагхорн.

Гарри перепрыгнул через низкий столик и кинулся к открытому слагхорнову набору для зелий. Он начал выкидывать наружу пузырьки и мешочки под жуткие клопочущие звуки дыхания Рона, наполнившие комнату. И тут он нашёл то, что искал — похожий на фасолину сморщенный камешек, который Слагхорн забрал у него на уроке зелий.

Бегом вернувшись к Рону, Гарри силой открыл его рот и запихнул туда безоар. Рона страшно передёрнуло, он с шумом вздохнул и обмяк.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ЭЛЬФИЛЕРЫ⁶⁸

– В общем и целом, сегодня у Рона, похоже, не лучший день рождения? – сказал Фред.

Уже наступил вечер; в больничном крыле было тихо, окна занавешены, лампы зажжены. Пациентов, помимо Рона, не было. Вокруг Рона сидели Гарри, Гермiona и Джинни; они весь день ждали перед двойными дверями, пытаясь заглянуть внутрь всякий раз, как кто-нибудь входил или выходил. Мадам Помфри разрешила им зайти лишь в восемь часов. Фред и Джордж прибыли десять минут спустя.

– Мы немного не так себе представляли вручение нашего подарка, – мрачно произнёс Джордж, кладя большой свёрток на тумбочку у изголовья кровати Рона и усаживаясь рядом с Джинни.

– Ага, когда мы воображали эту сцену, он там был в сознании, – добавил Фред.

– Мы были в Хогсмиде, рассчитывая его удивить... – продолжил Джордж.

– Вы были в Хогсмиде? – подняла глаза Джинни.

– Мы подумывали о том, чтобы купить магазин Зонко, – уныло ответил Фред. – Ну ты понимаешь, организовать в Хогсмиде наш филиал, хотя, конечно, много мы тут заработаем, если вас отсюда теперь не выпускают по выходным, чтобы вы могли покупать наши товары... но сейчас не будем об этом.

Он пододвинул свой стул поближе к Гарри и посмотрел на бледное лицо Рона.

– Как именно это произошло, Гарри?

Гарри пересказал всю историю, как ему казалось, уже в сотый раз; ранее он уже успел рассказать то же самое Дамблдору, МакГонагалл, мадам Помфри, Гермione и Джинни.

– ...и тогда я запихнул ему в глотку безоар, и его дыхание стало немного полегче, Слагхорн побежал за помощью, потом прибежали МакГонагалл и мадам Помфри и отнесли Рона сюда. Они считают, что всё будет нормально. Мадам Помфри говорит, что ему придётся тут побыть с недельку... и продолжить принимать эссенцию руты...

– Чёрт, как удачно ты вспомнил про безоар, – тихим голосом произнёс Джордж.

– Удачно, что он нашёлся в комнате, – ответил Гарри, которого продирал мороз по коже всякий раз при мысли о том, что случилось бы, не найди он тот маленький камень.

– Мама и папа уже знают? – спросил Фред у Джинни.

– Они его уже видели, они прибыли час назад – сейчас они в кабинете Дамблдора, но скоро вернутся...

Они сделали небольшую паузу, наблюдая, как Рон что-то пробормотал во сне.

– Значит, яд был в питье? – тихо спросил Фред.

– Да, – тут же ответил Гарри; ничего другого ему в голову не шло, и он был рад представившейся возможности вернуться к обсуждению этой темы. – Слагхорн его налил...

– А он не мог подсыпать что-нибудь в бокал Рона, пока ты не видел?

⁶⁸ Elf Tails. В оригинале здесь игра слов. Название главы переводится как «Эльфийская слежка» (или «эльфы-филеры»), в то же время оно созвучно с «Elf Tales» – эльфийские сказания.

– Может, и мог... но зачем Слагхорну травить Рона?

– Без понятия, – нахмурился Фред. – А ты не думаешь, что он мог просто перепутать бокалы? И что он хотел отравить тебя?

– А зачем Слагхорну травить Гарри? – вмешалась Джинни.

– Не знаю, – ответил Фред, – но сейчас, должно быть, куча народу желала бы отравить Гарри, не так ли? «Избранный» и всё такое?

– Так ты полагаешь, что Слагхорн – Пожиратель Смерти? – уточнила Джинни.

– Всё возможно, – мрачно произнёс Фред.

– Или он мог быть под проклятием Импернуса, – предположил Джордж.

– Или он мог быть вообще ни при чём, – сказала Джинни. – Яд мог быть и в бутылке, в таком случае он предназначался для самого Слагхорна.

– Кому могло понадобиться убить Слагхорна?

– Дамблдор считает, что Волдеморт хотел, чтобы Слагхорн перешёл на его сторону, – произнёс Гарри. – Слагхорн год скрывался, прежде чем пришёл в Хогвартс. И ещё... – он подумал о воспоминании, которое Дамблдор пока не смог извлечь из Слагхорна, – Волдеморт хочет убрать его с дороги, потому что думает, что он может быть полезен Дамблдору.

– Но ты говорил, что Слагхорн планировал подарить эту бутылку на Рождество Дамблдору, – напомнила Джинни. – Так что отравитель мог целиться и в Дамблдора.

– В таком случае отравитель не очень хорошо знал Слагхорна, – впервые за последние несколько часов открыла рот Гермiona; её голос звучал так, словно у неё был сильнейший насморк. – Всякий, кто знает Слагхорна, догадался бы, что, скорее всего, нечто столь вкусное он побережёт для себя.

– Эр-мьо-на, – неожиданно прокаркал лежащий между ними Рон.

Все тотчас замолчали, обеспокоенно глядя на него, но он, неразборчиво пробормотав что-то ещё, просто захрапел.

Входная дверь распахнулась, заставив всех подскочить: к ним огромными шагами шёл Хагрид с арбалетом в руке, оставляя позади себя грязные отпечатки ног размером с дельфина. Его волосы были мокрыми от дождя, пальто из медвежьей шкуры развевалось за его спиной.

– Весь день был в Лесу! – запыхавшись, проговорил он. – Арагогу плошает, я ему читал вслух – тока щас вернулся поужинать, и профессор Спраут рассказала о Роне! Как он?

– Не так уж плохо, – ответил Гарри. – Говорят, с ним всё будет в порядке.

– Не больше шести посетителей одновременно! – воскликнула мадам Помфри, выскочив из своей комнаты.

– Вместе с Хагридом как раз шестеро, – указал Фред.

– О... да... – мадам Помфри, похоже, посчитала гигантского Хагрида за нескольких человек. Чтобы скрыть своё смущение, она поспешила стереть его грязные следы своей волшебной палочкой.

– Не верю своим глазам, – хрипло произнёс Хагрид, глядя сверху вниз на Рона и качая своей огромной косматой головой. – Просто не верю... Он тут так лежит... Кто хотел ему зла, э?

– Это мы сейчас и обсуждаем, – ответил Гарри. – Мы не знаем.

– Мож, кому-то гриффиндорская команда по квиддичу не нравится? – озабоченно сказал Хагрид. – То Кэти, щас Рон...

– Не вижу, кто бы мог попытаться таким образом убрать квиддичную команду, – возразил Джордж.

– Вуд мог бы так сделать со слизеринцами, если бы ему удалось отвести от себя подозрения, – честно заметил Фред.

– Ну, не думаю, что дело в квиддиче, но мне кажется, связь между нападениями есть, – тихо произнесла Гермиона.

– С чего ты взяла? – спросил Фред.

– Ну, во-первых, оба нападения должны были стать смертельными, но не стали, хотя и по чистой случайности. А во-вторых, похоже, ни ожерелье, ни яд не попали к тем, кого они должны были убить. Конечно, – задумчиво добавила она, – это делает тех, кто стоит за всем этим, ещё более опасными, потому что их, похоже, совершенно не волнует, сколько народу они прикончат, прежде чем доберутся до своей жертвы.

Прежде чем кто-либо успел ответить на это зловещее заявление, дверь палаты снова открылась, и в неё вбежали мистер и миссис Уизли. Во время своего первого визита они лишь убедились, что с Роном будет всё в порядке; теперь миссис Уизли крепко обняла Гарри.

– Дамблдор рассказал нам, как ты спас Рона с помощью безоара, – всхлипнула она. – О, Гарри, как тебя благодарить? Ты спас Джинни... ты спас Артура... теперь ты спас Рона...

– Не надо... я не... – смущённо бормотал Гарри.

– Если подумать, половина нашей семьи обязана тебе жизнью, – скованно произнёс мистер Уизли. – Что я могу сказать? Удачным для семьи Уизли выдался тот день, когда Рон решил ехать в твоём купе в Хогвартс-экспрессе, Гарри.

Гарри не нашёлся, что на это ответить, и был почти рад, когда мадам Помфри снова напомнила им, что у постели Рона должно быть не более шести человек. Он и Гермиона тут же поднялись, чтобы выйти из палаты, и Хагрид присоединился к ним, оставив Рона с семьёй.

– Ужасно, – проворчал в бороду Хагрид, когда они втроём возвращались по коридору к мраморной лестнице. – Все эти новые меры безопасности, а всё ж дети страдают... Дамблдор жутко встревожен... Он не говорит особо, но я ж вижу...

– Может, у него есть какие-то идеи, Хагрид? – в отчаянии спросила Гермиона.

– Думаю, у него миллион идей, с его-то мозгами, – твёрдо ответил Хагрид. – Но он не знает, ни кто послал то ожерелье, ни кто отравил это вино, а то их бы поймали, ага? Шо меня волнует, – понизил голос Хагрид, оглянувшись через плечо (Гарри на всякий случай осмотрел потолок, нет ли там Пивза), – так это скока ещё Хогвартс продержится, ежли на детей будут продолжать нападать. Помните ту историю с Камерой Секретов, а? Будет паника, всё больше родителей будут забирать детей из школы, ну и дальше, вы знаете... Попечительский совет...

Хагрид прервался, пока мимо них спокойно проплывал призрак длинноволосой женщины, затем продолжил:

– ...Управляющий совет будет говорить, чтоб прикрыть школу, для общего блага.

– Не может быть! – обеспокоенным тоном воскликнула Гермиона.

– Глянь с их точки зрения, – тяжело сказал Хагрид. – В смысле, ведь посылать ребёнка в Хогвартс всегда было малость рискованно, а? Надо ожидать происшествий, када сотня несовершеннолетних колдунов собирается вместе, но покушение на убийство – эт совсем другое. Понятно, что Дамблдор сердит на Сн-...

Хагрид застыл на месте; на той части его лица, что виднелась из-за спутанной чёрной бороды, было знакомое виноватое выражение.

– Что? – быстро переспросил Гарри. – Дамблдор сердит на Снейпа?

– Эт я не говорил, – поспешно ответил Хагрид, хотя выражение паники на лице выдавало его с головой. – Гляньте на время, уж скоро полночь, мне надо...

– Хагрид, почему Дамблдор сердит на Снейпа? – громко спросил Гарри.

– Шшшш! – шикнул Хагрид, выглядя одновременно обеспокоенным и сердитым. – Не кричи такие вещи, Гарри, или ты хошь, чтоб я работу потерял? Ну да, вряд ли это вас волнует, коли вы бросили уход за маг-...

– И не пытайся заставить меня чувствовать себя виноватым, это не пройдёт! – напирал Гарри. – Что такого сделал Снейп?

– Я не знаю, Гарри. Я ваще не должен был этого слышать! Я... ну, я однажды вечером шёл из леса, ну и подслушал, как они говорили... ну, спорили. Я не хотел, чтоб они меня заметили, так шо просто пробрался мимо них, стараясь не слушать, но эт был... ну, довольно горячий спор, и не слышать их я не мог.

– Ну? – подстегнул его Гарри; Хагрид тревожно шаркал ногами рядом с ним.

– Ну... я тока услышал, как Снейп сказал, что Дамблдор слишком многое принимает как данность, и, может, он – Снейп – больше не хочет эт делать...

– Что делать?

– Не знаю, Гарри, кажись, Снейп просто думал, шо слишком много работает, вот и всё – в любом случае, Дамблдор ему прямо сказал, шо он согласился эт делать, и деваться ему больше некуда. Очень твёрдо ему сказал. А потом он сказал чё-то типа того, шо Снейпу надо провести расследование на своём Доме, Слизерине. Ну и ничё особо странного в этом нет! – поспешно добавил Хагрид, увидев, как Гарри и Гермиона обменялись глубокомысленными взглядами. – Всех глав Домов просили расследовать тот случай с ожерельем...

– Ага, но с остальными Дамблдор не ругался, правда? – возразил Гарри.

– Послушай, – Хагрид неловко сжал в руках арбалет; раздался громкий треск, и арбалет разломился надвое. – Я знаю, шо ты Снейпа не любишь, Гарри, и не хочу, чтоб ты в этом видел больше, чем там есть.

– Осторожно, – кратко вмешалась Гермиона.

Обернувшись, они успели увидеть тень Аргуса Филча на стене коридора позади них, прежде чем из-за угла вышел её обладатель, сутулясь и подёргивая челюстью.

– Ого, – пропыхтел он. – Так поздно, и не в постели, это будет наказание!

– Не-а, не будет, Филч, – отрезал Хагрид. – Они со мной, ага?

– И что с того? – неприятным голосом осведомился Филч.

– А то, шо я, чёрт возьми, учитель, понял, ты, гнусный сквиб! – немедленно вспыхнул Хагрид.

Раздался противный шипящий звук; Филч, казалось, раздулся от ярости. Незаметно появилась миссис Норрис и стала виться вокруг тощих лодыжек Филча.

– Идите, – уголком рта скомандовал Хагрид.

Гарри не пришлось просить дважды – они с Гермионой поспешили вперёд, сзади до них доносились возбуждённые голоса Хагрида и Филча. У поворота к гриффиндорской башне они пробежали мимо Пивза, но он радостно летел в направлении источника криков, хихикая и напевая:

Тарарам, всё рвёт и воет,
Кликни Пивза – он удвоит!

Полная Леди посапывала и была недовольна тем, что её разбудили, но всё же сердито сдвинулась, пропуская их в общую комнату; там, слава богу, всё было мирно и тихо, она была пуста. Похоже, никто ещё не узнал про Рона; Гарри почувствовал облегчение, его сегодня достаточно уже допрашивали. Гермиона пожелала ему спокойной ночи и отправилась в спальню для девочек. Гарри, однако, задержался, усевшись перед камином и глядя на тлеющие угли.

Стало быть, Дамблдор спорил со Снейпом. Несмотря на всё, что он говорил Гарри, несмотря на его настойчивые утверждения, что он полностью доверяет Снейпу, он вышел из себя при разговоре с ним... Он думал, что Снейп недостаточно старается, чтобы исследовать роль слизеринцев во всём этом... или, возможно, роль одного-единственного слизеринца – Малфоя?

Может быть, Дамблдор притворялся, что Гаррины подозрения его не беспокоят, потому что не хотел, чтобы Гарри сам занялся расследованием и наделал глупостей? Это казалось весьма вероятным. А может, Дамблдор хотел, чтобы ничто не отвлекало Гарри от их занятий или от добычи того воспоминания Слагхорна. Или же, возможно, Дамблдор не считал правильным посвящать в свои подозрения относительно персонала школы шестнадцатилетних подростков...

– Вот ты где, Поттер!

От неожиданности Гарри вскочил на ноги, рефлекторно выхватив волшебную палочку. Он был абсолютно уверен, что общая комната пуста, внезапное появление из дальнего кресла огромной фигуры застало его врасплох. При ближайшем рассмотрении оказалось, что фигура принадлежит Кормаку МакЛэггену.

– Я всё ждал, когда ты вернёшься, – произнёс МакЛэгген, не обращая внимания на палочку Гарри. – Ну и задремал, похоже. Слушай, я видел сегодня, как Уизли уносили в больничное крыло. Похоже, к следующей неделе, когда у нас игра, он не поправится.

Гарри понадобилось несколько секунд, чтобы понять, о чём говорит МакЛэгген.

– О... да, конечно... квиддич, – он заткнул палочку обратно за пояс джинсов и вяло провёл рукой по волосам. – Мда... возможно, он не успеет.

– В таком случае вратарём стану я, так? – уточнил МакЛэгген.

– Ага, – ответил Гарри. – Ага, похоже, что так...

Он не мог придумать, что тут можно возразить; и, в конце концов, именно МакЛэгген был вторым во время просмотра.

– Отлично, – удовлетворённо сказал МакЛэгген. – Так когда тренировка?

– Что? Ах да... завтра вечером.

– Хорошо. Слушай, Поттер, нам надо перед тренировкой кое о чём поговорить. У меня есть пара идей насчёт стратегии игры, возможно, ты сочтёшь их полезными.

– Ага, – без особого энтузиазма согласился Гарри. – Ну хорошо, завтра послушаю. Сейчас я жутко устал... до завтра...

Известие об отравлении Рона распространилось по всей школе на следующий день, но не произвело такого впечатления, как нападение на Кэти. Похоже, многие считали это несчастным случаем, учитывая то, что он в это время находился в комнате преподавателя зелий и что, получив противоядие немедленно, он избежал серьёзных последствий. Честно говоря, гриффиндорцев больше интересовал предстоящий матч с Хаффлапффом – многие желали посмотреть, как Захариас Смит, гончий команды Хаффлапффа, будет прилюдно наказан за его комментарии во время первого матча со Слизерином.

В то же время Гарри никогда ещё не интересовался квиддичем так мало: он стал буквально одержим проблемой Дрэйко Малфоя. По-прежнему сверяясь с Картой Мародёра всякий раз, как ему предоставлялась такая возможность, он периодически совершал вылазки туда, где находился в это время Малфой, но ни разу ему не удалось застать Малфоя за чем-то необычным. И по-прежнему время от времени Малфой необъяснимым образом просто исчезал с карты...

Но у Гарри было не очень много времени на то, чтобы обдумать эту проблему, с учётом квиддичных тренировок, домашней работы, а также того, что теперь его повсюду преследовали Кормак МакЛэгген и Лаванда Браун.

Он никак не мог решить, кто же из них раздражает его сильнее. МакЛэгген при любом удобном случае всячески намекал, что он был бы лучшим основным вратарём, чем Рон, и что теперь, когда Гарри постоянно видит его игру, он (Гарри) обязательно должен прийти к такому же мнению. Кроме того, он активно критиковал остальных игроков и давал Гарри подробные тренировочные схемы, так что Гарри неоднократно приходилось напоминать ему, кто здесь капитан.

В то же время Лаванда то и дело подбиралась к Гарри, чтобы поговорить о Роне, что Гарри находил не менее утомительным, чем квиддичные лекции МакЛэггена. Сперва Лаванда была очень обижена, что никто и не подумал сказать ей, что Рон в больничном крыле – «в конце концов, ведь я же его девушка!» – но, к сожалению, в итоге она решила простить Гарри эту его забывчивость и теперь жаждала подолгу и во всех подробностях обсуждать самочувствие Рона – весьма неприятное времяпровождение, от которого Гарри бы с удовольствием воздержался.

– Слушай, а почему бы тебе с Роном об этом не поговорить? – спросил её Гарри после одного особенно продолжительного допроса Лаванды, включавшего в себя решительно всё,

начиная от того, что именно сказал Рон про её новую парадную мантию, и кончая тем, считает ли Рон, по мнению Гарри, свои отношения с Лавандой «серьёзными».

– Вообще-то я бы хотела, но он всё время спит, когда я к нему заглядываю! – капризно заявила Лаванда.

– Правда? – удивился Гарри. Сам он всякий раз, когда появлялся в больничном крыле, находил Рона в полном сознании; Рон крайне заинтересовался новостью о ссоре Дамблдора и Снейпа и был готов сколь угодно долго перемывать косточки МакЛэггену.

– А Гермiona Грейнджер его по-прежнему навещает? – неожиданно спросила Лаванда.

– Думаю, да. Ну вообще-то они же друзья, так ведь? – неловко ответил он.

– «Друзья», не смейся меня, – презрительно усмехнулась Лаванда. – Она уже несколько недель с ним не разговаривает – с тех пор, как он начал ухаживать за мной! Но, кажется, теперь, когда он такой *интересный*, она хочет с ним помириться...

– Ты считаешь, что, если человека отравили, он стал интересным? – спросил Гарри. – Да, кстати – прости, мне надо бежать – вон МакЛэгген идёт, мне надо с ним поговорить насчёт квиддича, – поспешно извинился Гарри и нырнул вбок, в дверь, притворяющуюся честной стеной, после чего припустил потайным проходом к классу зелий, куда, слава богу, ни Лаванда, ни МакЛэгген последовать за ним не могли.

Наутро в день квиддичного матча против Хаффлапфа Гарри, прежде чем идти на поле, заскочил в больничное крыло. Рон был чрезвычайно взволнован и рассержен – мадам Помффри не разрешала ему пойти посмотреть игру, опасаясь, что это его перевозбудит.

– Ну так как тебе МакЛэгген? – нервно спросил он, явно забыв, что уже задавал этот вопрос, причём дважды.

– Я ж тебе уже говорил, – терпеливо ответил Гарри, – даже если б он был суперклассным игроком, я бы не желал оставлять его. Он вечно пытается учить всех, что им надо делать, он уверен, что может сыграть на любой позиции лучше, чем все остальные. Жду не дождусь, когда я наконец-то от него избавлюсь. Кстати, к вопросу об избавлении от кого-то, – добавил Гарри, поднимаясь на ноги и беря в руки свой «Всполох», – может, ты прекратишь притворяться спящим всякий раз, когда к тебе приходит Лаванда? Она и меня скоро с ума сведёт.

– О, – с застенчивым видом произнёс Рон. – Ага. Хорошо.

– Если ты больше не хочешь быть её парнем, прямо так ей и скажи.

– Ага... вообще-то... это не так-то просто, – промямлил Рон. После паузы он будничным голосом добавил:

– Гермiona не собиралась заглянуть перед игрой?

– Нет, они с Джинни уже пошли на поле.

– А, – несколько уныло протянул Рон. – Ладно. Ну, удачи. Надеюсь, ты раскатаешь этого МакЛэг-... в смысле, Смита.

– Попробую, – ответил Гарри, взваливая метлу на плечо. – После матча увидимся.

Он поспешил к выходу из замка; коридоры были пусты, вся школа была снаружи, либо уже на стадионе, либо подходя к нему. Проходя мимо окон, Гарри смотрел на них, пытаясь оценить силу ветра снаружи, как вдруг какой-то звук спереди заставил его оглянуться.

Навстречу ему шёл Малфой в сопровождении двух девушек весьма кислого и обиженного вида.

Заметив Гарри, Малфой застыл на месте, затем издал короткий невесёлый смешок и продолжил движение.

— Куда это ты? — осведомился Гарри.

— Ага, щас всё скажу, это ведь исключительно твоё дело, — усмехнулся Малфой. — А тебе бы лучше поторопиться, они там ждут своего Избранного Капитана — Мальчика, Который Забил, — или как там они тебя сейчас называют.

Одна из девушек непроизвольно хихикнула. Гарри уставился на неё; она покраснела. Малфой тем временем прошёл мимо Гарри, и девушка вместе со своей подружкой рысцой припустили за ним; все трое свернули за угол и пропали из виду.

Гарри стоял словно в столбняке и смотрел, как они уходят. Он был взбешён: он как раз спешил, чтобы успеть на матч вовремя, а тут Малфой бродит по школе, пока в ней никого нет — лучшая за всё это время возможность выяснить, что Малфой затевает. Секунды молча текли за секундами, пока наконец Гарри не осознал, что по-прежнему неподвижно стоит и таращится на то место, где скрылся Малфой...

— Где ты был? — спросила Джинни, как только Гарри ворвался в раздевалку. Вся команда уже переоделась и была готова к выходу; загонщики Кут и Пикс нервно постукивали битами себе по ногам.

— Встретил Малфоя, — тихо ответил Гарри, натягивая через голову свою алую мантию.

— И что?

— Ну и хотел выяснить, чего это он бродит по замку с парой подружек, когда все остальные здесь...

— Неужели это так важно именно сейчас?

— Что ж, теперь я это вряд ли узнаю, не так ли? — Гарри схватил свой «Всполох» и поправил очки. — Ну ладно, пошли!

И, не произнеся больше ни слова, он вышел на поле, навстречу оглушающим крикам и свисту. Ветер был слабый; небо было усеяно отдельными облачками; солнце то пряталось за ними, то кидало ослепительные вспышки.

— Хитрые условия! — бодро сказал МакЛэгген остальным игрокам. — Кут, Пикс, вам надо держаться против солнца, чтобы они не видели, когда вы атакуете...

— Я здесь капитан, МакЛэгген, так что заткнись и перестань их накачивать, — сердито оборвал его Гарри. — Займись лучше своими кольцами!

Как только МакЛэгген удалился, Гарри повернулся к Куту и Пиксу.

— Вам *действительно* лучше держаться против солнца, — неохотно произнёс он.

Гарри обменялся рукопожатием с капитаном Хаффлапфа, после чего по свистку мадам Хуч оттолкнулся от земли, взмыл в воздух, выше всех остальных членов команды, и начал рыскать над полем в поисках снитча. Если удастся поймать его пораньше, возможно, у Гарри будет шанс побыстрее вернуться в замок, добраться до Карты Мародёра и выяснить, что делает Малфой...

– Вот квоффл получает Смит из Хаффлапфа, – разнёсся над стадионом мечтательный голос. – Он комментировал в прошлый раз, вы помните, и Джинни Уизли врезалась в него, я думаю, преднамеренно – на это было похоже. Смит был весьма невежлив в отношении гриффиндорской команды, подозреваю, что сейчас, играя против них, он об этом жалеет – о, смотрите, он потерял квоффл, его отобрала Джинни, она мне так нравится, очень мила...

Гарри уставился на комментаторскую площадку. Неужели кто-то в здравом уме додумался позволить комментировать Луне Лавгуд? Но даже отсюда, с высоты, невозможно было не узнать эти длинные грязно-белые волосы, это ожерелье из пробок от сливочного пива... Профессор МакГонагалл, сидевшая рядом с Луной, выглядела немного неловко, словно она уже начала раскаиваться в этом назначении.

– ...но вот у неё забрал квоффл этот большой парень из Хаффлапфа, не помню его имени, что-то типа Биббл – нет, Баггинс...

– Это Кэдуолладер! – прокричала профессор МакГонагалл из-за спины Луны. Болельщики засмеялись.

Гарри начал вертеть головой в поисках снитча; его не было видно. Через несколько секунд Кэдуолладер забил. МакЛэгген слишком увлёкся отчитыванием Джинни за то, что она упустила квоффл, и в результате даже не заметил, как большой красный мяч просвистел над его правым ухом.

– МакЛэгген, будь любезен заниматься своими прямыми обязанностями, а других оставь в покое! – проорал Гарри, заложив вираж и подлетев к своему вратарю.

– Сам-то какой пример подаёшь? – крикнул в ответ покрасневший от ярости МакЛэгген.

– А сейчас Гарри Поттер о чём-то спорит со своим вратарём, – спокойно произнесла Луна; хаффлапфцы и слизеринцы внизу разразились аплодисментами и улюлюканьем. – Не думаю, что это поможет ему поймать снитч, но, возможно, это такой хитрый ход...

Вырутавшись, Гарри развернулся на месте и снова направился вокруг поля, всматриваясь в небеса в поисках хоть какого-то признака крохотного крылатого золотого мячика.

Джинни и Демэлза забили по голу, дав возможность поаплодировать красно-золотым болельщикам. Затем вновь забил Кэдуолладер, сравнив счёт, но Луна, похоже, этого не заметила; казалось, такие приземлённые вещи, как счёт, её мало интересуют; вместо этого она обращала внимание болельщиков, к примеру, на интересную форму облаков, или на то, что Захариас Смит, которому до сих пор не удавалось удержать у себя квоффл более чем на минуту, похоже, подцепил некую болезнь под названием «Лихорадка Лузера»⁶⁹.

– Семьдесят – сорок в пользу Хаффлапфа! – рявкнула профессор МакГонагалл в микрофон Луны.

– Что, уже? – рассеянно произнесла Луна. – О, смотрите! Гриффиндорский вратарь забрал битку у одного из загонщиков.

Гарри крутанулся в воздухе. Действительно, МакЛэгген по одному ему ведомой причине вырвал битку из рук Пикса и, похоже, собирался показать ему, как надо целиться бладжером в приближающегося Кэдуолладера.

⁶⁹ Loser's Lurgy. Loser – неудачник, lurch – крен, тенденция.

– *Верни ему эту штуку и дуй обратно к кольцам!* – взревел Гарри, устремляясь к МакЛэгтену в тот самый момент, когда тот изо всех сил взмахнул битой, но не попал по центру блажера.

Жуткая, слепящая боль... вспышка перед глазами... далёкие вскрики... и чувство падения в длинный-длинный тоннель...

И следующее, что Гарри осознал, – что он лежит в замечательно тёплой и удобной кровати и смотрит на лампу, отбрасывающую круг света на затенённый потолок. Он неловко поднял голову. Слева от него обнаружилось знакомое веснушчатое лицо, увенчанное шапкой рыжих волос.

– Очень мило, что заглянул, – ухмыльнувшись, сказал Рон.

Гарри моргнул и огляделся. Ну разумеется: он был в больничном крыле. Небо за окном было тёмно-синим с багровыми от заката прядями облаков. Матч, должно быть, уже много часов как кончился... равно как и его надежда поймать Малфоя. Голова Гарри казалась странно тяжёлой; он поднял руку и обнаружил жёсткую тюрбанообразную повязку.

– А что произошло?

– Трещина в черепе, – ответила мадам Помфри, подскочив к Гарри и уложив его обратно на подушки. – Беспокоиться не о чем, я её уже залечила, но тебе надо остаться здесь на ночь. Несколько часов тебе нельзя перенапрягаться.

– Я не хочу оставаться здесь на всю ночь, – сердито заявил Гарри, усаживаясь и отбрасывая одеяло. – Я хочу найти МакЛэгтена и убить его.

– Боюсь, это как раз попадает под определение «перенапряжения», – мадам Помфри твёрдо пихнула его обратно в постель и угрожающе подняла волшебную палочку. – Ты останешься здесь, пока я тебя не отпущу, Поттер, а не то я обращусь к директору.

Она умчалась в свой кабинет, и Гарри откинулся в подушки; всё в нём кипело.

– Не в курсе, с каким счётом мы продули? – сквозь сжатые зубы спросил он у Рона.

– К сожалению, в курсе, – извиняющимся тоном ответил Рон. – Общий счёт был триста двадцать – шестьдесят.

– Блестяще, – злобно произнёс Гарри. – Просто блестяще! Когда я доберусь до МакЛэгтена...

– Вряд ли тебе стоит до него добираться, он же размером с тролля, – рассудительно заметил Рон. – Лично я на твоём месте подумал бы о том, чтобы наложить на него ту порчу с ногтями, которую ты взял у Принца. И в любом случае, остальные наши игроки, возможно, поработают с ним прежде, чем ты отсюда выйдешь, они не очень-то довольны...

В голосе Рона слышалось плохо скрытое злорадование: у Гарри сложилось впечатление, что полный провал МакЛэгтена его невероятно возбудил. Гарри лежал и смотрел на пятно света на потолке, его свежезалеченный череп не то чтобы болел, но казался довольно чувствительным под своей повязкой.

– Я слышал отсюда комментарий матча, – голос Рона задрожал от смеха. – Надеюсь, Луна и дальше будет комментировать... *Лихорадка Лузера*...

Однако Гарри по-прежнему был слишком зол, чтобы разглядеть юмор в ситуации, и через некоторое время смешки Рона утихли.

– Джинни заходила, пока ты был без сознания, – после продолжительной паузы сказал Рон, и воображение Гарри тут же пустилось вскачь, нарисовав картину, в которой фигурировали Джинни, рыдающая над его бесчувственным телом и признающаяся в своей глубочайшей привязанности к нему, и Рон, дающий им своё благословение... – Она говорит, что ты успел на матч в последний момент. Что произошло? Ты же ушёл отсюда достаточно рано.

– О, – сцена в воображении Гарри рухнула. – Да... я увидел Малфоя, который шёл куда-то с парой девушек, которые, судя по всему, не очень-то хотели идти с ним, и это уже второй раз, когда его нет на квиддичном стадионе, когда все остальные там. Помнишь, он и прошлую игру пропустил? – Гарри вздохнул. – Лучше бы я пошёл за ним, матч всё равно получился провальным...

– Не валяй дурака, – резко ответил Рон. – Ты не мог прогулять квиддичный матч просто чтобы проследить за Малфоем, ты же капитан!

– Я хочу знать, что он затевает. Только не говори мне, что я это всё выдумал, только не теперь, когда я слышал его разговор со Снейпом...

– Я никогда не говорил, что ты это выдумал, – Рон опёрся на локоть и хмуро посмотрел на Гарри, – но нет такого правила, что в этой школе не могут что-то замышлять больше одного человека одновременно! Ты немного свихнулся на Малфое, Гарри. Это ж надо, хотеть пропустить матч просто чтобы следить за ним...

– Я хочу поймать его на месте преступления! – разочарованно произнёс Гарри. – В смысле, куда он девается, когда исчезает с карты?

– Не знаю... Хогсмид? – зевнув, предположил Рон.

– Никогда не видел его в одном из тайных ходов на карте. И, в любом случае, я думал, за ними теперь наблюдают?

– Ну, тогда не знаю.

Они оба замолчали. Гарри взирал на круг света над своей головой и думал...

Если бы только у него была власть Руфуса Скримджера, он бы мог приставить к Малфою филера, но, к сожалению, в распоряжении Гарри не было целого департамента авроров... Он мельком подумал о том, чтобы каким-то образом подключить ДА, но тут снова возникала проблема отсутствия людей на уроках – в конце концов, у большинства расписание всё ещё было без «окон»...

Из кровати Рона донесся низкий раскатистый храп. Вскоре из своего кабинета вышла мадам Помфри, на этот раз одетая в плотный халат. Притвориться спящим было легче лёгкого; Гарри повернулся на бок и прислушался к шороху занавесок, задвигающихся от взмаха её волшебной палочки. Свет ламп потускнел, и мадам Помфри вернулась к себе в кабинет; он услышал, как дверь за ней щёлкнула, и понял, что она пошла спать.

Это, вспоминал Гарри в темноте, уже третий раз, когда он попадает в больничное крыло из-за травмы, полученной на квиддиче. В предыдущий раз он свалился с метлы из-за дементоров, столпившихся вокруг поля, а в первый из его руки пропали все кости из-за безнадежно некомпетентного профессора Локхарта... То была самая болезненная травма за

всю его жизнь... Он припомнил мучения, с которыми он растил все кости в руке за одну ночь и которых отнюдь не облегчило появление неожиданного посетителя посреди...

Гарри рывком сел на постели; сердце его колотилось, тюрбан съехал набок. Наконец-то он нашёл решение: *есть* способ организовать слежку за Малфоем – как же он мог забыть, почему не додумался до этого раньше?

Весь вопрос в том, как его позвать? Что для этого надо сделать?

Тихо и осторожно Гарри произнёс в темноту:

– Кричер?

Послышался громкий треск, и тихую доселе комнату наполнили писк и звуки драки. Рон проснулся и вскрикнул.

– Что за?..

Гарри поспешно направил волшебную палочку на дверь кабинета мадам Помфри и прошептал «*Muffliato*», чтобы она не явилась в самый неподходящий момент. Затем он сполз к краю кровати, чтобы лучше разглядеть, что происходит.

В центре палаты по полу катались два домовых эльфа, один в севшем бордовом джемпере и нескольких шерстяных шапочках, другой в старой грязной тряпке, обтянутой вокруг пояса подобно набедренной повязке. Раздался ещё один хлопок, и в воздухе над дерущимися эльфами материализовался полтергейст Пивз.

– Я смотрел на них, Потёртый! – обиженно заявил он, показывая пальцем на драку, и громко хохотнул. – Глянь, как эти крошки вздорят, кусь-кусь, бах-бах...

– Кричер не смеет оскорблять Гарри Поттера на глазах Добби, нет, не смеет, или Добби заткнёт Кричеру пасть вместо него! – высоким голосом крикнул Добби.

– ...трах, царап! – весело вопил Пивз, швыряя в эльфов кусочки мела, чтобы раззадорить их ещё больше. – Щип, тык!

– Кричер будет говорить о своём господине всё, что ему захочется, о да, и что он за господин, паршивый дружок грязнокровок, о, что бы сказала бедная госпожа Кричера?..

Что конкретно сказала бы госпожа Кричера, они так и не выяснили, поскольку в этот самый момент Добби ткнул своим узловатым кулачком Кричеру в рот и выбил ему половину зубов. Гарри и Рон спрыгнули с кроватей и растащили эльфов, хотя те всё ещё пытались пнуть и стукнуть друг друга, подстрекаемые Пивзом, который вился вокруг лампы, вереща:

– Сунь свой пальчик ему в глазик, выбей зубки, вырви язык...

Гарри нацелил волшебную палочку на Пивза и произнёс: «*Langlock!*» Пивз схватил самого себя за горло, сглотнул и умчался, сделав неприличный жест, но не имея возможности выразить словами то, что думает, ибо язык его прочно приклеился к небу.

– Классная вещь, – уважительно сказал Рон, приподнимая Добби так, чтобы его яростно размахиваемые конечности не дотягивались до Кричера. – Тоже от Принца порча, да?

– Ага, – ответил Гарри, захватывая сморщенную руку Кричера в полунельсон. – Так – я запрещаю вам драться друг с другом! Ну то есть – Кричер, я запрещаю тебе драться с Добби. Добби, я знаю, что не могу тебе приказывать...

– Добби свободный домовый эльф и может подчиняться кому захочет, и Добби сделает всё, о чём его попросит Гарри Поттер! – заявил Добби, заливая слезами свой джемпер.

– Вот и хорошо, – констатировал Гарри, и они с Роном отпустили эльфов; те шмякнулись на пол, но в драку не кинулись.

– Господин звал меня? – прокаркал Кричер, отвечивая низкий поклон и одновременно одаряя Гарри взглядом, в котором отчётливо читалось пожелание Гарри мучительной смерти.

– Ага, звал, – Гарри кинул взгляд на дверь кабинета мадам Помфри, чтобы убедиться, что заклинание *Muffliato* всё ещё работает; никаких признаков того, что она слышала всю эту суесу, не наблюдалось. – У меня для тебя задание.

– Добби выполнит его, Гарри Поттер! – пискнул Добби, по-прежнему извергая потоки слёз. – Добби почтёт за честь помочь Гарри Поттеру!

– Ну, если подумать, неплохо было бы использовать вас обоих, – сказал Гарри. – Значит, так... я хочу, чтобы вы следили за Дрэйко Малфоем.

Не обращая внимания на выражение удивления пополам с раздражением на лице Рона, Гарри продолжил:

– Мне надо знать, куда он ходит, с кем встречается и что делает. Вы должны следить за ним круглосуточно.

– Да, Гарри Поттер! – тут же с готовностью ответил Добби, и его огромные глаза засияли от возбуждения. – А если Добби сделает это плохо, Добби спрыгнет с самой высокой башни, Гарри Поттер!

– Это будет совершенно лишним, – поспешно произнёс Гарри.

– Господин желает, чтобы я следил за младшим членом семейства Малфоев? – прокаркал Кричер. – Господин хочет, чтобы я шпионил за чистокровным внучатым племянником моей старой госпожи?

– Именно так, – кивнул Гарри, предвидя опасность и намереваясь предотвратить её немедленно. – Кроме того, тебе запрещается давать ему любые намёки, Кричер, и показывать ему, что ты делаешь, и вообще говорить с ним, и писать ему записки, и... и вообще, любым способом связываться с ним. Понятно?

Гарри казалось, что он видит, как Кричер отчаянно пытается найти хоть какую-то дырку в полученных им инструкциях; он ждал. Через пару секунд, к большому удовлетворению Гарри, Кричер снова отвесил глубокий поклон и страшно негодующим голосом сказал:

– Господин обо всём подумал, и Кричер должен повиноваться, хотя Кричер предпочёл бы служить младшему Малфою, о да...

– Вот и договорились. Вам надо будет отчитываться регулярно, но появляйтесь только тогда, когда я не окружён другими людьми, Рон и Гермиона не в счёт. И никому не говорите, чем вы занимаетесь. Просто приклейтесь к Малфою, как пластырь.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ПРОШЕНИЕ ЛОРДА ВОЛДЕМОРТА

Гарри и Рон покинули больничное крыло в понедельник рано утром, полностью выздоровевшие усилиями мадам Помфри, и могли в полной мере наслаждаться положительными сторонами отравления и нокаута бладжером; лучше всего было то, что Гермиона помирилась с Роном. Гермиона даже проводила их к завтраку, сообщив по дороге новость, что Джинни поругалась с Дином. Существо, дремавшее в груди Гарри, неожиданно подняло голову, с надеждой втягивая носом воздух.

– И из-за чего они? – спросил он, стараясь говорить безразличным тоном. В этот момент они вошли в коридор на восьмом этаже, в котором не было никого, кроме маленькой девочки, изучавшей gobelens с троллями в балетных пачках. Взглянув на приближающихся шестикурсников с выражением ужаса на лице, она уронила тяжёлые медные весы, которые держала в руках.

– Всё в порядке! – любезно произнесла Гермиона, поспешив ей помочь. – Вот... – она ткнула волшебной палочкой в сломанные весы. – *Reparo*.

Девочка не поблагодарила, но стояла как истукан, глядя на них, пока они не прошли мимо; Рон напоследок оглянулся на неё.

– Готов поклясться, они становятся всё меньше, – сказал он.

– Да ну её, – чуть нетерпеливо перебил Гарри. – Так из-за чего поругались Джинни с Дином, Гермиона?

– О, Дин смеялся, когда МакЛэгген запустил в тебя тем бладжером.

– Должно быть, это и впрямь забавно выглядело, – рассудительно заметил Рон.

– Это выглядело абсолютно не забавно! – горячо воскликнула Гермиона. – Это выглядело ужасно, и если бы Кут и Пикс не поймали Гарри, он мог бы получить очень серьёзную травму!

– Да, но это же не повод, чтобы Джинни и Дину разругаться, – Гарри всё ещё старался говорить безразличным тоном. – Или они по-прежнему вместе?

– Да, по-прежнему – а почему это тебя так интересует? – спросила Гермиона, окинув Гарри пронзительным взглядом.

– Просто я не хочу, чтоб моя квиддичная команда снова перессорилась! – поспешно ответил он, но подозрения Гермионы, похоже, не вполне рассеялись, так что он испытал огромное облегчение, когда голос позади них произнёс: «Гарри!» – что дало ему возможность отвернуться.

– О, привет, Луна.

– Я зашла в больничное крыло, чтобы тебя разыскать, – сказала Луна, роясь в своей сумке. – Но там сказали, что ты уже ушёл...

Она сунула в руки Рону нечто напоминающее зелёную луковицу, большую пятнистую поганку и приличное количество чего-то вроде кошачьего помёта; наконец, она извлекла довольно потрёпанный свиток пергамента и передала его Гарри.

– ...Мне сказали, чтобы я дала тебе вот это.

Это был небольшой свиток, в котором Гарри немедленно угадал очередное приглашение на занятие с Дамблдором.

– Сегодня вечером, – сообщил он Рону и Гермионе, едва развернув его.

– Отлично откомментировала тот матч! – сказал Рон Луне, пока та забирала обратно зелёную луковицу, поганку и кошачий помёт. Луна спокойно улыбнулась.

– Смеёшься, да? – ответила она. – Все говорят, что я была невыносима.

– Да нет, я серьёзно! – искренне воскликнул Рон. – Более прикольного комментария я и не помню даже! Кстати, а это что? – добавил он, поднеся к глазам луковицеподобный предмет.

– О, это стражекоре⁷⁰, – ответила Луна, запихивая кошачий помёт и поганку обратно в сумку. – Оставь себе, если хочешь, у меня такие ещё есть. Они здорово защищают от телстогло⁷¹, – после чего она удалилась, оставив Рона сдавленно хихикать со стражекорнем в руках.

– А вы знаете, я начинаю ей восхищаться, Луной, – произнёс он, когда они вновь двинулись в направлении Большого Зала. – Я знаю, что она сдвинутая, но это в хорошем...

Он замолчал на полуслове. У основания мраморной лестницы стояла Лаванда Браун; выражение её лица предвещало большую бурю.

– Привет, – нервно промямлил Рон.

– Пошли, – пробормотал Гарри Гермионе, и они, прибавив шагу, прошли мимо, однако всё же успели услышать первую реплику Лаванды:

– Почему ты мне не сказал, что тебя сегодня выписывают? И почему с тобой *она*?

Полчаса спустя, когда Рон появился за завтраком, вид у него был мрачный и раздражённый, и, хотя он сел рядом с Лавандой, Гарри не заметил, чтобы они обменялись хоть словом, пока были вместе. Гермиона делала вид, будто она не обращает на всё это ни малейшего внимания, но пару раз Гарри заметил на её лице непонятную усмешку. На протяжении всего дня она была в превосходном настроении, а вечером в общей комнате даже согласилась проверить (другими словами, дописать) Гаррино эссе по гербологии – нечто, что она ранее решительно отказывалась делать, поскольку знала, что Гарри обязательно даст всё списать Рону.

– Огромное спасибо, Гермиона, – Гарри поспешно похлопал её по спине, одновременно сверившись с часами и убедившись, что уже почти восемь. – Слушай, мне пора бежать, а то я опоздаю к Дамблдору...

Гермиона ничего не ответила, просто вычеркнула с усталым видом несколько особенно неудачных предложений. Гарри с улыбкой выбрался через дыру за портретом и поспешил к кабинету директора. Горгулья отпрыгнула в сторону при упоминании эклеров с тянучкой, и Гарри, перепрыгивая через ступеньку, преодолел спиральную лестницу и постучался в дверь в тот самый момент, когда часы в комнате пробили восемь.

⁷⁰ Gurdyroot. Root – корень, а первая часть слова созвучна с Guard – стража, охрана.

⁷¹ Gulping Plimpies. Gulp – глотать. Смысл второго слова я, честно говоря, не уловил, кроме того, что оно похоже на Plump – толстый.

– Войдите, – отозвался Дамблдор, но едва Гарри протянул руку, чтобы толкнуть дверь, её открыли изнутри. В проёме стояла профессор Трелони.

– Ага! – воскликнула она, с драматическим видом показывая пальцем на Гарри и моргая на него сквозь свои увеличивающие очки. – Вот почему меня столь бесцеремонно вышвыривают из вашего кабинета, Дамблдор!

– Моя драгоценная Сибилла, – ответил Дамблдор слегка раздражённым голосом, – вопрос о бесцеремонном вышвыривании тебя откуда бы то ни было просто не стоит, но у Гарри сейчас назначена встреча, и я, честно говоря, не думаю, что нам сейчас есть смысл ещё о чём-то разговаривать...

– Отлично, – глубоко оскорблённым голосом заявила профессор Трелони. – Если вы не желаете прогнать эту клячу, захватившую мою должность, значит, так тому и быть... Возможно, я найду школу, где к моим талантам отнесутся с бóльшим уважением...

Она пронеслась мимо Гарри и исчезла за витком лестницы. Было слышно, как на полпути она споткнулась; Гарри предположил, что профессор Трелони запнулась за одну из своих свисающих до пола шалей.

– Пожалуйста, закрой дверь и садись, Гарри, – довольно усталым голосом попросил Дамблдор.

Гарри повиновался. Усаживаясь, как обычно, на стул перед столом Дамблдора, он заметил, что ситодум снова стоит между ними на столе, равно как и две новых хрустальных бутылочки с вихрящимися воспоминаниями.

– Профессор Трелони всё ещё недовольна тем, что Фиренце преподаёт, да? – спросил Гарри.

– Да, – ответил Дамблдор. – Прорицание доставляет гораздо больше хлопот, чем я мог предвидеть, – сам-то я этот предмет не изучал. Я не могу сказать Фиренце, чтобы он возвращался в Лес, откуда его изгнали, и равно я не могу предложить уйти Сибилле Трелони. Между нами говоря, она даже не представляет, какой опасности она подвергнется вне замка. Видишь ли, она не знает – и я думаю, просвещать её вряд ли разумно, – что она сделала предсказание относительно тебя и Волдеморта.

Дамблдор издал глубокий вздох, после чего продолжил:

– Но не обращай внимания на мои проблемы с персоналом. Нам надо обсудить более важные вещи. В первую очередь: удалось ли тебе выполнить задание, которое я тебе дал в конце предыдущего занятия?

– А... – Гарри был застигнут врасплох. Из-за своих уроков аппарирования, и квиддича, и отравления Рона, и собственного пробитого черепа, и своей решимости выяснить, что делает Малfoy, – Гарри почти забыл о воспоминании, которое Дамблдор просил его извлечь из профессора Слагхорна... – Ну... я спросил профессора Слагхорна об этом в конце урока зелий, сэр, но... э... он отказался дать его мне.

Некоторое время оба молчали.

– Понятно, – в конце концов сказал Дамблдор, глядя на Гарри поверх своих полумесяцеобразных очков, отчего у Гарри возникло обычное ощущение, что он его видит насквозь. – И ты чувствуешь, что ты приложил все возможные усилия к этой задаче, да? Что

ты использовал всю свою немалую изобретательность? Что ты применил всю свою хитрость при попытках заполучить это воспоминание?

– Ну... – Гарри зашнулся, не представляя, что говорить дальше. Его единственная попытка добраться до воспоминания неожиданно показалась ему жалкой. – Ну... в тот день, когда Рон нечаянно выпил любовного зелья, я отвёл его к профессору Слагхорну. Я думал, что, может быть, если я приведу профессора Слагхорна в достаточно хорошее настроение...

– И как, сработало? – спросил Дамблдор.

– Ну... вообще-то нет, сэр, потому что Рон отравился...

– ...что, естественно, заставило тебя полностью забыть о попытках заполучить воспоминание; ничего другого я и не ожидал, когда твой лучший друг в опасности. Однако, как только стало ясно, что мистер Уизли полностью восстановится, я надеялся, что ты вернёшься к заданию, которое я тебе поручил. Мне казалось, что я достаточно ясно дал тебе понять, насколько важным является это воспоминание. В самом деле, я сделал всё, чтобы убедить тебя, что это воспоминание является самым важным из всех и что без него мы будем просто терять время.

Горячее, колющее чувство стыда охватило Гарри – сперва запылало лицо, потом всё тело. Голос Дамблдора был ровным и спокойным, он даже не звучал сердито, но Гарри предпочёл бы, чтобы он закричал; это холодное разочарование было хуже всего на свете.

– Сэр, – с отчаянием произнёс он, – дело не в том, что меня это не беспокоило или что-то ещё, просто у меня были... были другие...

– Другие вещи на уме, – закончил его фразу Дамблдор. – Понимаю.

Комната снова погрузилась в молчание, самое неприятное молчание, которое Гарри когда-либо испытывал в разговорах с Дамблдором; оно всё тянулось и тянулось, лишь иногда тревожимое лёгким похрапыванием портрета Армандо Дипшета над головой Дамблдора. Гарри казался самому себе странно уменьшившимся, словно он стал ниже ростом с того момента, как вошёл в комнату.

Наконец, чувствуя, что больше не может этого вынести, он сказал:

– Профессор Дамблдор, я прошу у вас прощения. Я должен был сделать больше... я должен был осознать, что вы бы не попросили меня сделать это, если бы это не было действительно важным.

– Благодарю тебя за то, что ты это сказал, Гарри, – тихо ответил Дамблдор. – Могу ли я в таком случае надеяться, что в дальнейшем ты будешь придавать этому вопросу более высокое значение? От наших встреч после сегодняшней будет мало прока, пока у нас нет этого воспоминания.

– Я это сделаю, сэр, я добуду у него это воспоминание, – искренне произнёс Гарри.

– В таком случае сейчас мы закроем эту тему, – более любезным тоном проговорил Дамблдор, – и продолжим нашу историю там, где мы её прервали. Ты помнишь, где это было?

– Да, сэр, – быстро ответил Гарри. – Волдеморт убил своего отца и бабушку с дедушкой и устроил так, что всё указывало на виновность Морфина. Затем он вернулся в Хогвартс и

спросил... он спросил профессора Слагхорна о Хоркраксах, – пробормотал он с виноватым выражением лица.

– Очень хорошо. Далее, надеюсь, ты помнишь, что в самом начале наших встреч я говорил тебе, что мы вступим в область догадок и предположений?

– Да, сэр.

– До этого момента, думаю, ты согласишься, я демонстрировал тебе довольно надёжные источники фактов для моих заключений относительно того, что делал Волдеморт до семнадцати лет?

Гарри кивнул.

– Но теперь, Гарри, всё становится более мрачным и более странным. Если найти свидетельства о мальчике Риддле было трудно, то найти людей, готовых поделиться воспоминаниями о взрослом Волдеморте, оказалось почти невозможно. Я вообще сомневаюсь, что хоть одна живая душа сейчас, кроме него самого, конечно, может дать нам полный отчёт о его жизни с того момента, как он покинул Хогвартс. Однако у меня осталось два последних воспоминания, которыми мне хотелось бы с тобой поделиться, – Дамблдор указал на две блестящие хрустальные бутылочки, стоящие рядом с ситодумом. – Затем я буду рад выслушать твоё мнение о том, насколько правдоподобны заключения, которые я из них вывел.

Мысль, что Дамблдор так высоко ценит его мнение, заставила Гарри ещё больше устыдиться того, что он провалил задание по добыче воспоминания о Хоркраксах, и он с виноватым видом поёрзал на стуле, в то время как Дамблдор поднёс первую из двух бутылочек к свету и начал её рассматривать.

– Надеюсь, что ты ещё не устал от погружений в воспоминания других людей, ибо эти два – прелюбопытнейшие экземпляры, – сказал Дамблдор. – Первое принадлежало одному очень старому домовому эльфу по имени Хоки. Однако прежде чем мы увидим то, свидетелем чего была Хоки, я должен вкратце рассказать, как Лорд Волдеморт покинул Хогвартс.

К седьмому году своего обучения он пришёл, имея высшие баллы на всех экзаменах, которые он сдавал. Все его одноклассники респали, какую работу они изберут по окончании Хогвартса. Практически все ожидали невероятных достижений от Тома Риддла, prefecta, старосты школы, лауреата Особой Награды за Заслуги перед Школой. Я знаю, что некоторые учителя, в том числе профессор Слагхорн, предлагали ему поступить на работу в Министерство магии, предлагали устроить его на ту или иную должность, свести его с полезными людьми. Он отклонил все предложения. Следующее, о чём узнали преподаватели, это что Волдеморт работал в «Боргине и Бёрксе».

– В «Боргине и Бёрксе»? – переспросил поражённый Гарри.

– В «Боргине и Бёрксе», – спокойно повторил Дамблдор. – Думаю, ты увидишь, чем притягивало его это место, когда мы войдём в воспоминание Хоки. Но это было не первое место работы, которое выбрал для себя Волдеморт. Мало кто знал в то время – я был одним из немногих, с кем поделился тогдашний директор, – но Волдеморт подходил к профессору Диппету и спрашивал, не может ли он остаться в Хогвартсе в качестве учителя.

– Он хотел остаться здесь? Но почему? – спросил Гарри, удивлённый ещё сильнее, чем раньше.

– Полагаю, у него было несколько причин, хотя профессору Дишпету он не назвал ни одной из них. Во-первых, и это очень важно, Волдеморт был, я думаю, привязан к этой школе больше, чем к какому-либо человеку. В Хогвартсе он был счастливее всего; это было первое и единственное место, где он чувствовал себя дома.

Тут Гарри почувствовал себя немного неловко, ибо это были в точности его собственные чувства по отношению к Хогвартсу.

– Во-вторых, этот замок является цитаделью древней магии. Несомненно, Волдеморт постиг гораздо больше его секретов, чем большинство учеников, прошедших через эту школу, но он вполне мог чувствовать, что здесь ещё осталось немало загадок, которые он мог открыть, и огромное количество магии, к которой он мог прикоснуться.

И, в-третьих, будучи учителем, он получил бы огромную власть и влияние над юными ведьмами и колдунами. Возможно, он почерпнул эту идею у профессора Слагхорна, преподавателя, с которым он был в наилучших отношениях и который на собственном примере демонстрировал, насколько влиятельным может быть учитель. Я ни на мгновение не допускаю, что Волдеморт рассматривал возможность провести в Хогвартсе всю свою жизнь, но я думаю, что он расценивал его как полезный вербовочный пункт, как место, где он мог бы начать собирать свою армию.

– Но он не получил этой должности, сэр?

– Да, он её не получил. Профессор Дишпет сказал ему, что он ещё очень молод в свои восемнадцать лет, но предложил ему через несколько лет попробовать снова, если, конечно, у него всё ещё сохранится желание преподавать.

– А вы что чувствовали в тот момент, сэр? – стеснительно спросил Гарри.

– Сильное беспокойство, – ответил Дамблдор. – Я советовал Армандо не соглашаться на это назначение – я не указывал ему тех причин, которые назвал тебе, поскольку профессору Дишпету очень нравился Волдеморт и он был убеждён в его честности, – но я не хотел, чтобы Лорд Волдеморт снова оказался в школе, особенно в должности, дающей власть.

– А какую должность он хотел занять, сэр? Какой предмет он хотел преподавать?

Каким-то образом Гарри знал ответ ещё до того, как Дамблдор дал его.

– Защита от Тёмных искусств. В то время она преподавалась старым профессором по имени Галатея Мерритот, которая работала в Хогвартсе уже около пятидесяти лет.

Итак, Волдеморт ушёл в «Боргин и Бёркс», и все преподаватели, которые им восхищались, в один голос говорили, какая это трата времени и сил – работа такого блестящего молодого колдуна в магазине. Однако Волдеморт не был обычным ассистентом. Вежливый, красивый и умный, очень скоро он стал получать весьма специфические задания, свойственные лишь заведениям вроде «Боргина и Бёркса», которое специализируется, как ты знаешь, Гарри, на предметах, обладающих необычными свойствами и силами. Волдеморта посылали, чтобы он убеждал людей продать свои сокровища партнёрам, и, по всем отзывам, в этом он был необычайно талантлив.

– Да уж, это наверняка, – вставил Гарри, не в силах сдержаться.

– В общем, да, – с лёгкой улыбкой произнёс Дамблдор. – А теперь пришло время послушать Хоки, работавшую у очень старой и очень богатой ведьмы по имени Эпзиба Смит.

Дамблдор коснулся бутылки своей волшебной палочкой, пробка выскочила, и он вылил вихрящееся воспоминание в ситодум, после чего произнёс:

– После тебя, Гарри.

Гарри поднялся на ноги и в который уже раз наклонился над струящимся содержимым каменной чаши, пока его лицо не коснулось поверхности. Пролетев сквозь тёмное ничто, он приземлился в гостиной прямо перед невероятно толстой старой леди, носившей изысканный рыжеватый парик и ярко-розовую мантию, которая буквально стекала по её телу, создавая впечатление тающего торта-мороженого. Она смотрелась в маленькое украшенное драгоценными камнями зеркальце и румянила свои и без того красные щёки с помощью большой пуховки; в то же время самый маленький и старый домовый эльф, какого Гарри когда-либо видел, шнуровал на её пухлых ногах тесные сатиновые туфельки.

– Поторопись, Хоки! – властно сказала Эпзиба. – Он сказал, что придёт в четыре, сейчас уже без двух минут, а он никогда раньше не опаздывал!

Она спрятала пуховку, Хоки выпрямилась. Её макушка еле доставала до сиденья кресла Эпзибы, а её пергаментная кожа свисала со скелета, в точности как жёсткий полотняный лист, в который Хоки была завернута, словно в тогу.

– Как я выгляжу? – спросила Эпзиба, поворачивая голову, чтобы иметь возможность смотреть на себя в зеркало под разными углами.

– Прелестно, мадам, – пискнула Хоки.

Гарри предположил, что, согласно контракту Хоки, она должна была лгать сквозь зубы, отвечая на этот вопрос, ибо, по мнению Гарри, вид Эпзибы Смит был чрезвычайно далёк от прелестного.

Динькнул дверной звонок; и госпожа, и эльф одновременно вздрогнули.

– Скорее, скорее, он уже пришёл, Хоки! – вскрикнула Эпзиба, и эльф поспешил прочь из комнаты, столь тесно заставленной разными вещами, что трудно было понять, как кто-то умудрялся перемещаться по ней, не сбивая сразу по дюжине предметов как минимум. Там были шкафчики с маленькими лакированными шкатулками; коробки, заполненные книгами с золотым тиснением; полки с какими-то шарами и астрономическими глобусами; и многочисленные цветущие растения в медных ящичках. В целом комната выглядела как гибрид оранжереи и магазина магического антиквариата.

Хоки вернулась буквально через пару минут; за ней следовал высокий молодой человек, в котором Гарри, разумеется, без особого труда узнал Волдеморта. Он был одет в очень простой чёрный костюм; его волосы были чуть длиннее, чем в школьные годы, а щёки немного втянулись, но всё это ему шло: он выглядел более красивым, чем когда бы то ни было. Волдеморт проложил себе путь через загромождённую комнату с лёгкостью, свидетельствующей о том, что он здесь бывал уже многократно, и низко склонился над пухлой ручкой Эпзибы, коснувшись её губами.

– Я принёс вам цветы, – тихо сказал он, произведя из ниоткуда букет роз.

– Ах ты негодный мальчишка, ты не должен был этого делать! – воскликнула старая Эпзиба, хотя, как заметил Гарри, на ближайшем столике уже стояла наготове пустая ваза. – Ты совсем испортишь старую леди, Том... Садись, садись... Где же Хоки... а...

Домовый эльф поспешно вернулся в комнату, неся поднос с маленькими пирожными, и поставил поднос у локтя своей госпожи.

– Угощайся, Том, – предложила Эпзиба. – Я же знаю, как тебе нравятся мои пирожные. Вообще, как ты себя чувствуешь? Ты немного бледный. Я сто раз говорила, они там в магазине тебя перегружают работой...

Волдеморт механически улыбнулся, и Эпзиба жеманно улыбнулась в ответ.

– Ну-с, и по какому поводу твой визит на этот раз? – спросила она, кокетливо моргая.

– Мистер Бёрк хотел бы сделать новое предложение насчёт тех доспехов гоблинского производства, – ответил Волдеморт. – Пятьсот галлеонов, он считает, что это более чем справедливо...

– Ну, ну, не так быстро, а то я и впрямь подумаю, что ты здесь только из-за моих безделушек! – надула губы Эпзиба.

– Мне приказали прийти сюда из-за них, – тихо сказал Волдеморт. – Я всего лишь бедный ассистент, мадам, и я должен делать, что мне говорят. Мистер Бёрк желает, чтобы я спросил...

– О, этот мистер Бёрк, фи! – Эпзиба махнула ручкой. – Я хочу тебе кое-что показать, что я никогда не показывала мистеру Бёрку! Том, ты умеешь хранить секреты? Обещаешь мне, что не расскажешь мистеру Бёрку, что у меня есть? Он же не даст мне спокойно спать, если узнает, что я показала его тебе, но я не продаю его, ни Бёрку, ни кому-либо ещё! Но ты, Том, ты оценишь эту вещь за её историю, а не за то, сколько галлеонов она может стоить...

– Я был бы рад увидеть всё, что мисс Эпзиба желает мне показать, – тихо произнёс Волдеморт, и Эпзиба снова хихикнула совсем по-детски.

– Я сказала Хоки, чтобы она принесла мне его... Хоки, где ты? Я хочу показать мистеру Риддлу наше *лучшее* сокровище... Знаешь, на самом деле принеси оба, раз уж ты там...

– Вот, мадам, – пропихнула Хоки, и Гарри увидел два кожаных ящичка, один на другом, пересекающие комнату словно сами по себе, хотя он, конечно, знал, что это крохотный эльф держит их над головой, прокладывая свой путь между столами, пуфами и скамеечками для ног.

– Так, – радостно сказала Эпзиба, забрав ящички у Хоки, положив их на колени и готовясь открыть верхний. – Думаю, тебе понравится, Том... О, если бы моя семья узнала, что я его тебе показываю... Они ждут не дождутся, когда же смогут наложить на него лапы!

Она откинула крышку. Гарри пододвинулся чуть ближе и увидел нечто похожее на маленький золотой кубок с двумя тонко выделанными ручками.

– Интересно, знаешь ли ты, что это, Том? Возьми его, рассмотри получше! – прошептала Эпзиба, и Волдеморт протянул свою руку с длинными пальцами, взял кубок за одну ручку и извлёк его из уютного шёлкового ложа. Гарри показалось, что он заметил красный отблеск в тёмных глазах. Жадное выражение его лица странным образом отразилось

на лице Эпзибы, с той лишь разницей, что её крохотные глазки были устремлены на красивые черты Волдеморта.

– Барсук, – прошептал Волдеморт, осматривая гравировку на кубке. – Значит, это был кубок?..

– Хельги Хаффлапф, как тебе отлично известно, ты умница! – Эпзиба потянулась вперёд, заставив громко заскрипеть свои корсеты, и ущипнула его за впалую щёку. – Я не говорила тебе, что я её дальний потомок? Он передавался из поколения в поколение долгие годы. Очаровательный, правда? А ещё он должен обладать разными свойствами, но я его тщательно не изучала, я просто держу его здесь, в безопасности...

Эпзиба сняла кубок с длинного среднего пальца Волдеморта и осторожно вернула его в ящичек; она была слишком увлечена заботливой укладкой его в прежнее положение, чтобы заметить тень, наплывшую на лицо Волдеморта, когда у него забрали кубок.

– Так, а теперь, – радостно произнесла Эпзиба, – где Хоки? Ах да, вот ты где – теперь это забери, Хоки...

Эльф послушно взял ящичек с кубком, и Эпзиба перенесла своё внимание на более плоский ящичек, оставшийся у неё на коленях.

– Я думаю, это тебе понравится ещё больше, Том, – прошептала она. – Пододвинься поближе, дорогой мальчик, чтобы ты мог разглядеть... Конечно, Бёрк знает, что у меня это есть, я у него это и купила, и осмелюсь предположить, что он бы с радостью заполучил его обратно после моей смерти...

Она отодвинула тонкую филигранную застёжку и откинула крышку ящичка. Там на мягкой подложке из малинового бархата лежал тяжёлый золотой медальон.

На этот раз Волдеморт протянул руку, не дожидаясь приглашения, и поднёс его к свету, внимательно разглядывая.

– Знак Слизерина, – тихо сказал он, увидев, как луч света упал на витиеватую змееобразную «S».

– Именно! – воскликнула Эпзиба, радостно глядя на Волдеморта, взиравшего на медальон словно в транс. – Мне пришлось отдать за него половину состояния, но я не могла упустить такую возможность, только не такое сокровище, я просто обязана была заполучить его в свою коллекцию. Бёрк, кажется, купил его у какой-то оборвашки, которая наверняка украла его где-то, но не имела ни малейшего представления о его истинной ценности...

На этот раз ошибиться было невозможно: при этих её словах глаза Волдеморта полыхнули красным, и Гарри увидел, как костяшки его пальцев, держащих цепь медальона, побелели.

– Полагаю, Бёрк ей заплатил какие-то гроши, вот так вот... Красивая вещь, правда? И тоже имеет всякие свойства, но я просто держу его у себя...

Она протянула руку, чтобы взять медальон обратно. На какое-то мгновение Гарри показалось, что Волдеморт не хочет его отдавать, но затем цепь скользнула сквозь его пальцы, и медальон вернулся на свою красную бархатную подушку.

– Вот и всё, Том, дорогой, и я надеюсь, тебе это понравилось!

Она глянула ему прямо в лицо, и впервые Гарри увидел, как её глупая улыбка увяла.

– Ты в порядке, мой дорогой?

– О да, – тихо ответил Волдеморт. – Да, я себя отлично чувствую...

– Мне просто показалось – но думаю, это просто игра света, – нервно сказала Эпзиба, и Гарри предположил, что она тоже заметила красный отблеск, мелькнувший в глазах Волдеморта. – Вот, Хоки, забери их обратно и запри... Обычные заклинания...

– Пора идти, Гарри, – тихо произнёс Дамблдор, и в тот момент, когда эльф двинулся прочь, покачиваясь под ящичками, Дамблдор снова схватил руку Гарри выше локтя, и они вдвоём взмыли вверх сквозь ничто, обратно в кабинет Дамблдора.

– Эпзиба Смит скончалась через два дня после этой сцены, – сказал Дамблдор, заняв своё место и знаком показал Гарри, чтобы он сделал то же самое. – Домовой эльф Хоки был обвинён Министерством в непреднамеренном отравлении вечернего какао своей госпожи.

– Не может быть! – сердито воскликнул Гарри.

– Вижу, что здесь наши мнения совпадают, – ответил Дамблдор. – Разумеется, между этой смертью и смертью Риддлов есть много общего. В обоих случаях был обвинён кто-то другой, кто-то, кто отчётливо помнил, как он причинил эту смерть...

– Хоки созналась?

– Она вспомнила, как положила в какао своей госпожи нечто, что, как выяснилось, было не сахаром, а смертельным и малоизученным ядом. Они пришли к заключению, что она не хотела этого делать, но старость и помрачение сознания...

– Волдеморт модифицировал её память, так же как и Морфину!

– Да, я пришёл к такому же заключению. И, как и в случае с Морфином, Министерство было предрасположено к тому, чтобы подозревать Хоки...

– ...потому что она домовый эльф, – перебил Гарри. Нечасто ему доводилось испытывать такую, как в этот момент, симпатию к обществу РВОТЭ, организованному Гермионой.

– Именно так, – подтвердил Дамблдор. – Она была стара, она сама призналась, что намудрила с питьём, и никто в Министерстве не озаботился проведением дальнейшего расследования. Как и в случае с Морфином, к тому моменту, как мне удалось найти её и извлечь это воспоминание, она была уже практически мертва – но, разумеется, её воспоминание не доказывает ничего, кроме того, что Волдеморт знал о существовании кубка и медальона.

К тому времени, как Хоки получила свой приговор, родственники Эпзибы обнаружили нехватку двух из её самых ценных сокровищ. Им понадобилось немало времени, чтобы удостовериться в этом, – у неё было много тайников, в которых она ревниво укрывала свою коллекцию. Но прежде, чем они окончательно уверились в том, что и кубок, и медальон пропали, – ассистент, работавший в «Боргине и Бёрксе», тот самый молодой человек, который так часто навещал Эпзибу и так успешно её очаровал, уволился и исчез. Его начальники не имели ни малейшего представления о том, куда он делся; его исчезновение было для них таким же сюрпризом, как и для остальных. И в течение очень, очень долгого времени о Томе Ридdle не было ни слуху ни духу.

А теперь, – продолжил Дамблдор, – если ты не возражаешь, Гарри, я хочу ещё раз остановиться и привлечь твоё внимание к некоторым моментам нашей истории. Волдеморт совершил ещё одно убийство; было ли оно первым после того, как он убил Риддлов, я не знаю, но думаю, что было. На этот раз, как ты ещё увидишь, он убил не ради мести, но ради наживы. Он хотел заполучить две легендарных реликвии, которые эта бедная одурманенная им женщина ему показала. Как в своём приюте он когда-то грабил других детей, как он украл кольцо своего дяди Морфина, так и сейчас он сбегал с кубком и медальоном Эпзибы.

– Но, – нахмурившись, произнёс Гарри, – это выглядит каким-то безумием... рисковать всем, пожертвовать своей работой, лишь из-за этих...

– Для тебя, возможно, и безумие, но не для Волдеморта, – ответил Дамблдор. – Я надеюсь, в своё время ты поймёшь, что именно значили для него эти предметы, Гарри. Но ты должен признать, что, вероятно, по крайней мере медальон он рассматривал как принадлежащий ему по праву.

– Медальон – возможно, – сказал Гарри. – Но зачем он прихватил и кубок?

– Он принадлежал ещё одному из основателей Хогвартса. Думаю, Волдеморт по-прежнему ощущал большую тягу к школе, и он не смог устоять перед предметом, так глубоко погружённым в историю Хогвартса. Были и другие причины, я полагаю – и я надеюсь в своё время продемонстрировать их тебе.

А теперь перейдём к последнему воспоминанию, которое я должен тебе показать, по крайней мере, пока тебе не удастся раздобыть воспоминание профессора Слагхорна. Десять лет разделяют его и воспоминание Хоки, и мы можем только гадать, что делал Лорд Волдеморт в течение этих десяти лет...

Гарри вновь поднялся на ноги, в то время как Дамблдор опорожнил в ситодум последнюю бутылочку.

– Чье это воспоминание? – спросил Гарри.

– Моё.

И Гарри следом за Дамблдором нырнул в движущуюся серебристую массу, приземлившись в том самом кабинете, который только что покинул. Он увидел Фокса, с довольным видом дремлющего на своём насесте, а за столом он увидел Дамблдора, очень похожего на того, что стоял рядом с Гарри, – лишь обе руки его были здоровы, и морщин на лице, похоже, было поменьше. Единственное различие между настоящим кабинетом и этим заключалось в том, что здесь за окном шёл снег; голубоватые хлопья медленно проплывали в заоконной темноте и ложились на карниз маленьким сугробом.

Более молодой Дамблдор, похоже, ожидал кого-то, и действительно, через несколько секунд после их прибытия раздался стук в дверь, и он произнёс:

– Войдите.

Гарри поспешно подавил вырвавшееся «ах!». В комнату вошёл Волдеморт. Его лицо было не похоже на то, что на глазах у Гарри возникло из гигантского каменного котла почти два года назад. Его глаза ещё не стали красными, лицо не было столь змееподобным, ещё не застыло, словно маска, но это уже не был тот красивый Том Риддл. Черты его лица были словно обожжены и замазаны; они были странно искажены, словно вылепленные из воска;

белки глаз налились кровью, хотя зрачки ещё не превратились в вертикальные щёлки, которыми, Гарри знал, они станут впоследствии. На Волдемorte был длинный чёрный плащ, и лицо его было столь же белым, как снег, искрящийся на его плечах.

Дамблдор за столом не проявил признаков удивления. Очевидно, эта встреча была назначена заранее.

– Добрый вечер, Том, – непринуждённо поздоровался Дамблдор. – Не желаешь ли присесть?

– Благодарю, – ответил Волдеморт и устроился на стул, который жестом указал ему Дамблдор, – тот самый стул, судя по всему, который Гарри только что покинул в реальности. – Я слышал, что вы стали директором, – добавил он; его голос был несколько более высоким и холодным, чем раньше. – Мудрый выбор.

– Я рад, что ты одобряешь, – улыбнулся Дамблдор. – Не желаешь ли чего-нибудь выпить?

– Был бы очень признателен, – ответил Волдеморт. – Путь сюда был долог.

Дамблдор встал и подошёл к шкафчику, в котором он в настоящее время хранил ситодум, но в воспоминании он был полон бутылок. Протянув Волдеморту кубок с вином и налив себе второй, он вернулся к своему креслу за столом.

– Итак, Том... чем обязан?

Волдеморт ответил не сразу – сперва он отхлебнул вина.

– Меня больше не называют Томом, – сказал он. – Сейчас я известен как...

– Я знаю, под каким именем ты сейчас известен, – вежливо улыбнулся Дамблдор. – Но для меня, боюсь, ты всегда останешься Томом Риддлом. Это одно из неприятных свойств старых учителей, я боюсь – они всегда помнят начало пути своих питомцев.

Он поднял свой бокал, словно приветствуя Волдеморта; лицо того осталось бесстрастным. Тем не менее, Гарри ощутил, что атмосфера в комнате слегка изменилась: отказ Дамблдора использовать имя, выбранное для себя Волдемортом, означал отказ позволить Волдеморту вести эту встречу на своих условиях, и Гарри был уверен, что Волдеморт это так и понял.

– Я удивлён, что вы работаете здесь так долго, – после небольшой паузы произнёс Волдеморт. – Я всегда недоумевал, почему такой колдун, как вы, не желает покинуть школу.

– Ну, – с той же улыбкой ответил Дамблдор, – для такого колдуна, как я, нет ничего важнее, чем передавать другим древние знания, помогать оттачивать юные умы. Если я не ошибаюсь, ты тоже когда-то видел притягательную силу преподавания.

– Я по-прежнему её вижу. Я лишь удивляюсь, почему вы – человек, совета которого так часто просят в Министерстве и которому дважды предлагали пост министра...

– На самом деле уже три раза, – уточнил Дамблдор. – Но министерская карьера никогда меня не прельщала. Ещё одна наша с тобой общая черта, я полагаю.

Волдеморт чуть наклонил голову, не улыбувшись, и отхлебнул ещё вина. Дамблдор не стал прерывать натянувшееся между ними молчание, но с вежливым выражением лица ожидал, что скажет Волдеморт.

– Я вернулся, – некоторое время спустя заговорил он. – Возможно, позже, чем ожидал профессор Диппет... но тем не менее я вернулся, чтобы снова попросить то, для чего, по его словам, я тогда был слишком молод. Я пришёл к вам, чтобы попросить разрешения вернуться в замок и преподавать. Я думаю, вам известно, что, покинув это место, я многое повидал и многое сделал. Я мог бы показать и рассказать вашим ученикам то, чего они не получают ни от одного другого колдуна.

Некоторое время Дамблдор рассматривал Волдеморта поверх своего кубка; наконец он заговорил.

– Да, я определённо знаю, что, покинув нас, ты многое повидал и сделал, – тихо сказал он. – Слухи о твоих деяниях достигли твоей старой школы, Том. Мне было бы очень грустно, если бы я верил хотя бы половине из них.

С непроницаемым выражением лица Волдеморту произнёс:

– Величие порождает зависть, зависть вызывает злобу, злоба плодит ложь. Вы должны знать это, Дамблдор.

– Ты называешь «величием» то, что ты делаешь, вот как? – деликатно поинтересовался Дамблдор.

– Безусловно, – ответил Волдеморту, и его глаза полыхнули красным. – Я много экспериментировал; я отодвинул границы магии, возможно, дальше, чем их отодвигал кто-либо другой...

– Некоторых областей магии, – спокойно поправил его Дамблдор. – Некоторых. В других областях ты остался... извиняюсь... ужасающе невежественным.

Впервые за всё это время Волдеморту улыбнулся. Это была натянутая плотоядная ухмылка, злобная, более угрожающая, чем выражение ярости.

– Старый спор, – мягко сказал он. – Но ничто из того, что я видел в этом мире, не подтвердило ваших знаменитых заявлений, что любовь сильнее, чем мой тип магии, Дамблдор.

– Возможно, ты не там искал, – предположил Дамблдор.

– Ну, в таком случае, какое место лучше подходит для начала моих новых изысканий, чем Хогвартс? Позвольте ли вы мне вернуться? Позвольте ли вы мне поделиться своими знаниями с вашими учениками? Я полностью отдаю вам себя и мои таланты. Я в вашем распоряжении.

Дамблдор поднял брови.

– А что будет с теми, кто сейчас в *твоем* распоряжении? Что случится с теми, кто называет себя – по крайней мере, по слухам – Пожирателями Смерти?

Гарри готов был поклясться, что Волдеморту не ожидал, что Дамблдору известно это название; он заметил, как глаза Волдеморта вновь полыхнули красным, а щелевидные ноздри раздулись.

– Мои друзья, – после короткой паузы ответил он, – обойдутся без меня, я уверен.

– Рад слышать, что ты считаешь их друзьями, – произнёс Дамблдор. – У меня сложилось впечатление, что они скорее на положении слуг.

– Вы ошибались.

– Значит, если бы мне сегодня ночью понадобилось наведаться в «Кабанью голову», я не нашёл бы там некоторых из них – Нотта, Розье, Малсибера, Долохова, – ожидающих твоего возвращения? Ну разумеется, преданные друзья, настолько преданные, что этой снежной ночью проделали вместе с тобой такой долгий путь, просто чтобы пожелать тебе удачи в получении должности преподавателя.

Несомненно, такая детальная осведомлённость Дамблдора о тех, с кем он путешествовал, ещё более неприятно поразила Волдеморта; однако он пришёл в себя очень быстро.

– Вы, как обычно, всеведущи, Дамблдор.

– О, нет, просто поддерживаю хорошие отношения с местными барменами, – непринуждённо ответил Дамблдор. – А теперь, Том...

Дамблдор поставил свой пустой бокал и выпрямился в своём кресле, характерным жестом сложив кончики пальцев «домиком».

– ...давай поговорим прямо. Зачем ты пришёл сюда сегодня ночью, в окружении своих приспешников, и запрашиваешь работу, которую, как мы оба знаем, ты не хочешь?

Волдеморт посмотрел на него с видом холодного удивления.

– Работа, которую я не хочу? Напротив, Дамблдор, я её очень хочу.

– О, ты хочешь вернуться в Хогвартс, но ты не хочешь преподавать, так же как и тогда, когда тебе было восемнадцать. Что тебе нужно, Том? Почему бы для разнообразия не попробовать запросить это в открытую?

Волдеморт презрительно усмехнулся.

– Если вы не хотите давать мне работу...

– Разумеется, не хочу, – отрезал Дамблдор. – И я ни на мгновение не допускаю мысли, что ты ожидал обратного. И тем не менее ты пришёл сюда и спросил, у тебя должна быть какая-то цель.

Волдеморт встал. Лицо его налилось яростью; в этот момент он походил на Тома Риддла меньше, чем когда-либо.

– Это твоё последнее слово?

– Да, – ответил Дамблдор, также поднявшись на ноги.

– В таком случае нам больше нечего сказать друг другу.

– Да, нечего, – ответил Дамблдор, и лицо его наполнилось печалью. – Давно прошли те времена, когда я мог напугать тебя горящим гардеробом и заставить тебя расплатиться за твои преступления. А хотел бы я по-прежнему иметь такую власть... очень хотел бы...

Какое-то мгновение Гарри был готов выпалить бесполезное предостережение: он был уверен, что рука Волдеморта дёрнулась к карману с волшебной палочкой. Но это мгновение осталось позади, Волдеморт отвернулся, дверь за ним закрылась, и он исчез.

Гарри почувствовал, как пальцы Дамблдора снова сомкнулись на его руке, и несколько мгновений спустя они вдвоём стояли практически на том же месте, только на карнизе не было снежных наносов и рука Дамблдора снова была почерневшая и мёртвая на вид.

– Но почему? – тут же спросил Гарри, подняв глаза и глянув Дамблдору в лицо. – Почему он вернулся? Вы это узнали?

– У меня есть предположения, – ответил Дамблдор, – но не более того.

– Какие предположения, сэр?

– Я расскажу тебе, Гарри, когда ты достанешь то воспоминание профессора Слагхорна. Когда ты заполучишь этот последний фрагмент головоломки, я надеюсь, всё станет ясно... нам обоим.

Гарри по-прежнему сгорал от любопытства, и, хотя Дамблдор подошёл к двери и держал её открытой, приглашая его выйти, он двинулся с места не сразу.

– Он опять хотел заниматься защитой от Тёмных искусств, сэр? Он не сказал...

– О, он определённо хотел заниматься защитой от Тёмных искусств, – ответил Дамблдор. – Последствия нашей маленькой встречи показали это. Видишь ли, нам ни разу не удалось удержать преподавателя защиты от Тёмных искусств более чем на год с того самого времени, как я отказал Лорду Волдеморту.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

НЕПОСТИЖИМАЯ КОМНАТА

Всю следующую неделю Гарри ломал голову над тем, как убедить Слагхорна поделиться с ним истинным воспоминанием. Но озарение снисходить не спешило, и в конечном итоге Гарри, как всегда в последнее время, когда находился в затруднении, принялся сосредоточенно листать свой учебник зелий в надежде найти что-нибудь полезное, написанное на полях рукой Принца, как это уже бывало неоднократно.

– Там ты ничего не найдёшь, – твёрдо сказала Гермиона в субботу поздно вечером.

– Не начинай опять, Гермиона, – попросил Гарри. – Если б не Принц, Рон сейчас с нами бы не сидел.

– Сидел бы, если бы ты слушал Снейпа на первом курсе, – отмахнулась Гермиона.

Гарри никак не отреагировал на её слова. Он как раз нашёл заклинание (*Sectumsempra!*), накарябанное на полях рядом с интригующим примечанием «*Для врагов*»; Гарри не терпелось его испытать, но он решил, что в присутствии Гермионы лучше этого не делать. Вместо этого он незаметно загнул уголок страницы.

Гарри, Рон и Гермиона сидели у огня в общей комнате; кроме них, спать ещё не легли лишь их однокурсники. Все они пришли в возбуждение, когда, придя с ужина, обнаружили новое объявление, где была указана дата их экзамена по аппарированию. Те, кому исполнится семнадцать ко дню первого экзамена (двадцать первого апреля) или раньше, могли подать заявку на участие в дополнительных практических занятиях, которые под усиленной охраной будут проходить в Хогсмиде.

Прочтя это объявление, Рон начал паниковать: ему всё ещё не удалось аппарировать, и он боялся, что к экзамену окажется не готов. Гермиона, сумевшая аппарировать уже дважды, чувствовала себя немного более уверенно, но Гарри, которому до семнадцатилетия оставалось ещё целых четыре месяца, не мог сдавать экзамен независимо от того, был он готов или нет.

– Ты хотя бы можешь аппарировать! – напряжённо сказал Рон. – В июле у тебя никаких проблем не будет!

– Я всего один раз это сделал, – напомнил ему Гарри; на последнем занятии ему наконец удалось исчезнуть и появиться внутри своего обруча.

Потратив много времени на беспокойные размышления об аппарировании, Рон теперь изо всех сил боролся с кошмарно трудным эссе для Снейпа, которое Гарри и Гермиона уже закончили. Гарри был уверен, что за своё он ничего хорошего не получит, потому что он не согласился со Снейпом в вопросе о том, как лучше всего отгонять дементоров, но ему было всё равно: сейчас самым важным для него было воспоминание Слагхорна.

– Говорю тебе, твой дурацкий Принц тебе с этим не поможет, Гарри! – произнесла Гермиона чуть громче, чем в прошлый раз. – Единственный способ принудить кого-то сделать то, что ты хочешь, – это проклятие Импернус, но оно запрещено...

– Ага, я в курсе, спасибо, – ответил Гарри, не отрываясь от книги. – Поэтому-то я и ищу что-нибудь другое. Дамблдор сказал, что Веритасерум не сработает, но, возможно, тут есть ещё что-нибудь полезное, зелье или заклинание...

– Ты не там ищешь, – сказала Гермиона. – По словам Дамблдора, только ты можешь достать это воспоминание. Это должно означать, что ты способен убедить Слагхорна так, как другим не под силу. Это не должно сводиться к подсовыванию ему зелья, это любой может сделать...

– Как пишется «воинственный»? – спросил Рон, сильно встряхивая перо и глядя на свой пергамент. – Не может быть, чтобы В-Е-Н-...

– Да уж, не так, – Гермиона подтянула к себе Ронов пергамент. – И «гадание» тоже начинается не с Г-О-Н-. Что у тебя за перо?

– Одно из Самопроверяющихся, от Фреда и Джорджа... только мне кажется, заклинание выдыхается...

– Это точно, – Гермиона указала на заголовок эссе, – поскольку нас спрашивают, как бороться с дементорами, а вовсе не с «дуботрясами»⁷², и, кроме того, я не припоминаю, чтобы ты сменил имя на «Рунил Уазлиб».

– О нет! – воскликнул Рон, в ужасе уставившись на пергамент. – Только не говори, что мне придётся переписать заново всю эту фигню!

– Да ладно, мы это всё исправим, – Гермиона притянула к себе эссе и достала свою волшебную палочку.

– Я тебя люблю, Гермиона, – произнёс Рон, снова погружившись в кресло и устало потирая глаза.

Гермиона слегка порозовела, но сказала лишь:

– Только при Лаванде этого не говори.

– Не буду, – пообещал Рон, не отрывая рук от лица. – А может, скажу... Тогда она меня наконец-то пошлёт куда подальше...

– Почему бы тебе её не послать, если ты хочешь с этим покончить? – поинтересовался Гарри.

– Тебе ещё не приходилось кого-то отфутболивать, а? – спросил Рон. – Вы с Чоу просто...

– Разошлись, типа того, – кивнул Гарри.

– Хорошо бы у нас с Лавандой так же закончилось, – уныло сказал Рон, глядя, как Гермиона безмолвно касается кончиком волшебной палочки каждого неправильно написанного им слова, отчего они тут же исправляются. – Но чем больше я ей намекаю, что хочу с этим покончить, тем сильнее она в меня вцепляется. Всё равно что гигантский кальмар.

– Всё, – минут двадцать спустя произнесла Гермиона, протягивая Рону его эссе.

– Огромное спасибо, – поблагодарил Рон. – Можно я возьму твоё перо, чтобы написать заключение?

⁷² Dugbogs. Dug – вымя, bog – болото... я решил дословно не переводить, просто написал слово, отдалённо созвучное с «дементором».

Гарри, до сих пор так и не найдя ничего полезного в примечаниях Принца-Полукровки, оглянулся вокруг. В общей комнате остались только они трое – Шеймас только что ушёл в спальню, костеря на чём свет стоит Снейпа и его эссе. Единственными звуками было потрескивание огня и скрип пера Гермионы, которым Рон писал последний абзац эссе о дементорах. Но только Гарри закрыл книгу принца-Полукровки и зевнул, как вдруг...

Хлоп.

Гермиона слабо вскрикнула, Рон залил чернилами всё своё эссе; Гарри воскликнул:

– Кричер!

Домовый эльф низко поклонился и проговорил, обращаясь к своим узловатым пальцам ног.

– Господин сказал, что он хочет получать регулярные отчёты о том, что делает младший Малфой, поэтому Кричер пришёл, чтобы...

Хлоп.

Рядом с Кричером объявился Добби; чехол для чайника, служивший ему шапочкой, съехал набекрень.

– Добби тоже помогал, Гарри Поттер! – пропищал он, кинув в сторону Кричера негодующий взгляд. – И Кричер должен говорить Добби, когда он идёт к Гарри Поттеру, чтобы они могли отчитываться вместе!

– Что это? – спросила Гермиона, всё ещё не пришедшая в себя после этих внезапных появлений. – Что происходит, Гарри?

Гарри помешкал, прежде чем ответить, поскольку он не рассказал Гермионе о том, что послал Кричера и Добби отслеживать Малфоя: домовые эльфы всегда были её больным местом.

– Ну... они для меня следят за Малфоем, – наконец произнёс он.

– Днём и ночью, – прокаркал Кричер.

– Добби не спал целую неделю, Гарри Поттер! – гордо сказал Добби, покачнувшись на месте.

Гермиона сразу возмутилась:

– Ты не спал, Добби? Но, Гарри, ты же не мог сказать ему, чтобы он не...

– Ну, разумеется, я такого не говорил, – быстро ответил Гарри. – Добби, ты можешь спать, понял? Ну и как, кто-нибудь из вас что-нибудь выяснил? – поспешил он с вопросом, прежде чем Гермиона вмешалась вновь.

– Господин Малфой движется с достоинством, приличествующим его благородной крови, – проскрипел Кричер. – Его черты напоминают лицо моей госпожи, а его манеры совсем как...

– Дрэйко Малфой плохой мальчишка! – сердито пропищал Добби. – Плохой мальчишка, который... который...

Он содрогнулся всем телом, от кисточки на конце своего чехла для чайника до кончиков пальцев ног, и бросился к огню, словно намереваясь туда нырнуть; Гарри, для которого это не стало такой уж неожиданностью, быстро ухватил его поперёк туловища и остановил. Несколько секунд Добби вырывался, затем обмяк.

– Спасибо, Гарри Поттер, – пропыхтел он. – Добби по-прежнему трудно плохо говорить о своих бывших господах...

Гарри выпустил его; Добби поправил свой чехол и вызывающе сказал Кричеру:

– Но Кричер должен знать, что Дрэйко Малфой – плохой господин для домового эльфа!

– Точно, нам необязательно выслушивать от тебя, как ты влюблён в Малфоя, – сообщила Гарри Кричеру. – Давай сразу перемотаем вперёд: куда он ходил?

Кричер с разъярённым видом поклонился вновь, после чего начал перечислять:

– Господин Малфой ест в Большом Зале, спит в спальне в подземелье, посещает занятия в самых разных...

– Добби, скажи ты, – перебил Кричера Гарри. – Ходил ли он куда-либо, куда не должен был?

– Гарри Поттер, сэр, – пропищал Добби, сверкая в свете огня своими огромными выпученными глазами. – Младший Малфой не нарушал никаких правил на глазах у Добби, но тем не менее он стремится, чтобы его не видели. Он постоянно ходит на восьмой этаж с различными учениками, которые стоят на страже, пока он в...

– Насущной Комнате⁷³! – воскликнул Гарри, со всей силы стукнув себя по лбу «Продвинутым зельеварением». Гермиона и Рон уставились на него. – Вот куда он всё время сматывается! Вот где он делает... что бы он там ни делал! И готов поклясться, потому-то он и исчезает с карты – если подумать, я вообще не видел на карте Насущную Комнату!

– Возможно, Мародёры и не знали, что там есть эта Комната, – предположил Рон.

– Мне кажется, это часть магии Комнаты, – заметила Гермиона. – Если тебе надо, чтобы её нельзя было нанести на карту, так и будет.

– Добби, удалось ли тебе пролезть туда и глянуть, что делает Малфой? – нетерпеливо спросил Гарри.

– Нет, Гарри Поттер, это невозможно, – ответил Добби.

– Это возможно! – тут же возразил Гарри. – Малфой в прошлом году проник в нашу штаб-квартиру в этой Комнате, значит, и я смогу пролезть туда и шпионить там за ним, без проблем.

– Не думаю, что у тебя получится, Гарри, – медленно сказала Гермиона. – Малфой тогда совершенно точно знал, как мы использовали Комнату, поскольку эта дура Мариэтта всё разболтала. Ему надо было, чтобы Комната стала штаб-квартирой ДА, вот она и стала. Но ты же не знаешь, чем становится Комната, когда там Малфой, поэтому ты не знаешь, во что приказать ей превратиться.

– Должен быть способ это как-то обойти, – отмахнулся Гарри. – Великолепная работа, Добби.

– Кричер тоже неплохо поработал, – великодушно добавила Гермиона; однако Кричер с видом, далёким от благодарного, отвёл свои огромные, налитые кровью глаза и проскрипел в потолок:

– Грязнокровка обращается к Кричеру, Кричер сделает вид, что не слышит...

⁷³ Room of Requirement – дословно «Комната Необходимости».

– Всё, убирайся, – приказал ему Гарри, и Кричер, сделав последний глубокий поклон, дезаппарировал. – Тебе тоже лучше идти и немного поспать, Добби.

– Спасибо, Гарри Поттер, сэр! – счастливо пискнул Добби, после чего также испарился.

– Нет, ну каково, а? – с энтузиазмом воскликнул Гарри, обернувшись к Рону и Гермионе сразу, как только комната вновь обезэльфила. – Мы знаем, куда ходит Малфой! Теперь он у нас в руках!

– Точно, круто, – мрачно ответил Рон, пытавшийся вытереть насквозь пропитанное чернилами нечто, совсем недавно бывшее почти законченным эссе. Гермиона подтянула пергамент к себе и начала сдвигать чернила волшебной палочкой.

– Ну а что насчёт того, что он туда поднимается с «различными учениками»? – спросила Гермиона. – Сколько народу в этом участвует? Вряд ли он позволил бы большому числу людей быть в курсе того, что он делает...

– Да, это странно, – нахмурился Гарри. – Я слышал, как он говорил Крэббу, что это не Крэббово дело, чем он занимается... Но что тогда он говорит всем этим... всем этим...

Голос Гарри постепенно затих... Он неотрывно смотрел на огонь...

– Боже, какой же я дурак, – тихо произнёс он. – Это же очевидно! Там, в подземелье, его была целая бочка... Во время того урока он мог стырить немного в любой момент...

– Стырить немного чего? – спросил Рон.

– Многосущного зелья. Он стянул немного Многосущного зелья, которое Слагхорн показал нам на первом уроке зелий... На стрёме для Малфоя стоит вовсе не куча учеников... Это всего лишь те же Крэбб и Гойл... Точно, всё совпадает! – Гарри вскочил на ноги и начал лихорадочно ходить взад-вперёд перед камином. – Они достаточно тупы, чтобы делать всё, что он им говорит, даже если он и не рассказывает им, ради чего это всё... но он не хочет, чтобы их видели шныряющими вокруг Насущной Комнаты, поэтому он заставляет их принимать Многосущное зелье, чтобы они казались другими людьми... Те две девицы, которых я видел с ним, когда он пропустил квиддич – ха! Крэбб и Гойл!

– Уж не хочешь ли ты сказать, – сдавленным голосом спросила Гермиона, – что та девочка, которой я починила весы?..

– Ну конечно! – громко воскликнул Гарри, уставившись на неё. – Конечно же! Малфой в тот момент, должно быть, находился в Комнате, поэтому она – да что я говорю? – *он* уронил весы, чтобы дать понять Малфою, чтобы он не выходил оттуда, потому что снаружи кто-то есть! А ещё была та девчонка, уронившая жабыю икру! Мы всё это время ходили рядом с ним и не замечали этого!

– Он заставлял Крэбба с Гойлом превращаться в девчонок? – загоготал Рон. – Чёрт... Неудивительно, что они сейчас выглядят не очень счастливыми... Удивлён, как они до сих пор не сказали ему засунуть это...

– Ну, это вряд ли они ему скажут, если он показал им свою Тёмную Метку, – заметил Гарри.

– Хммм... ну, про Тёмную Метку мы ещё не знаем, существует ли она, – скептически сказала Гермиона, сворачивая Роново эссе, прежде чем с ним случилось что-нибудь ещё, и протягивая его Рону.

– Посмотрим, – уверенно заявил Гарри.

– Да, посмотрим... – Гермиона встала на ноги и потянулась. – Но, Гарри, прежде чем ты начнёшь тут прыгать от возбуждения – я по-прежнему думаю, что ты не сможешь попасть в Насущную Комнату, не выяснив сперва, что там. А ещё я думаю, тебе не следует забывать, – она взвалила свою сумку на плечо и серьёзно посмотрела на него, – что *в первую очередь* ты сейчас должен сосредоточиться на получении того воспоминания Слагхорна. Спокойной ночи.

Гарри проводил её взглядом, чувствуя лёгкое раздражение. Как только дверь в спальню девочек за ней закрылась, он снова взялся за Рона.

– А ты что думаешь?

– Хотел бы я уметь дезаппарировать, как домовый эльф, – произнёс Рон, глядя на то место, откуда исчез Добби. – Этот экзамен по аппарированию был бы у меня в кармане.

Этой ночью Гарри спал плохо. Он лежал без сна, казалось, часами, размышляя, как Малфой использует Насущную Комнату и что завтра увидит Гарри, когда войдёт в неё, ибо, что бы там ни говорила Гермиона, Гарри был уверен, что раз Малфой смог увидеть штаб-квартиру ДА, значит, он сможет увидеть штаб-квартиру Малфоя... Что бы это могло быть? Место для встреч? Убежище? Склад? Мастерская? Мысли Гарри лихорадочно скакали, и когда он наконец уснул, во сне его будоражили видения Малфоя, который превращался в Слагхорна, который превращался в Снейпа...

На следующее утро во время завтрака Гарри был в предвкушении: перед защитой от Тёмных искусств у него было «окно», и он твёрдо вознамерился потратить это время, пытаясь пробраться в Насущную Комнату. Гермиона демонстрировала нарочитое безразличие к его планам насильственного проникновения в Комнату, которые он шёпотом излагал. Гарри это раздражало, поскольку он был уверен, что она могла бы существенно помочь, если бы захотела.

– Слушай, – тихо сказал он, наклонившись вперёд и положив руку на только что снятый ею с лапы почтовой совы номер «Ежедневного пророка», чтобы не дать ей развернуть газету и спрятаться за ней. – Я не забыл про Слагхорна, но у меня пока нет идей, как взять у него это воспоминание, и пока мне не придёт в голову что-нибудь гениальное, почему бы мне не выяснить, что делает Малфой?

– Я уже тебе говорила, тебе надо *убедить* Слагхорна, – заявила Гермиона. – Проблема не в том, чтобы его обмануть или зачаровать – Дамблдор сделал бы это в момент. Вместо того чтобы шляться вокруг Насущной Комнаты, – она выдернула «Пророк» из-под руки Гарри и развернула его, чтобы просмотреть передовицу, – тебе бы следовало пойти найти Слагхорна и попытаться воззвать к его лучшим сторонам.

– Кто-нибудь знакомый?.. – начал Рон, пока Гермиона просматривала заголовки.

– Да! – воскликнула Гермиона, заставив и Гарри, и Рона подавиться завтраком. – Нет, всё нормально, он не умер – это Мундунгус, его арестовали и отправили в Азкабан! Что-то насчёт того, что он изображал преиспода при попытке ограбления... Ещё исчез кто-то по имени Октавиус Пеппер... Какой ужас, девятилетний мальчик арестован за попытку убить своих бабушку с дедушкой, предполагается, что он был под проклятием Импернуса...

Завтрак они закончили в молчании. Гермиона тут же ушла на древние руны, Рон – в общую комнату, чтобы всё-таки дописать своё заключение в Снейповом эссе о дементорах, а Гарри – в коридор на восьмом этаже, к участку стены напротив гобелена с Барнабасом Спятившим, который учит троллей танцевать балет.

Гарри натянул свой плащ-невидимку, как только нашёл первый же пустой коридор, но, как оказалось, беспокоиться было не о чем. Когда он достиг места назначения, там было пусто. Гарри был не уверен насчёт того, повышались ли его шансы попасть в Комнату, когда в ней не было Малфоя, или нет, но, по крайней мере, его первая попытка не осложнялась присутствием Крэбба или Гойла, притворяющегося одиннадцатилетней девочкой.

Приблизившись к месту, где была скрыта дверь в Насущную Комнату, он закрыл глаза. Он знал, что ему надо было делать – в прошлом году он в этом изрядно поднаторел. Сконцентрировавшись изо всех сил, он про себя произнёс: *«мне нужно увидеть, что здесь делает Малфой... мне нужно увидеть, что здесь делает Малфой... мне нужно увидеть, что здесь делает Малфой...»*

Трижды он прошёл мимо двери, затем с колотящимся от возбуждения сердцем он открыл глаза и посмотрел – но перед ним по-прежнему был абсолютно ровный участок стены.

Он подошёл и осторожно надавил на неё. Стена осталась прочной и неподатливой.

– Ну ладно, – вслух сказал Гарри. – Ладно... я думал не про то...

Какое-то мгновение он размышлял, затем снова закрыл глаза и принялся ходить, концентрируясь изо всех сил.

«Мне нужно увидеть то место, куда Малфой ходит втайне от всех... мне нужно увидеть то место, куда Малфой ходит втайне от всех...»

Пройдя трижды, Гарри в ожидании открыл глаза.

Двери не было.

– Ох, да хватит же! – раздражённо сказал он стене. – Это же было ясное указание... ладно...

Несколько минут он усердно раздумывал, потом двинулся снова.

«Мне нужно, чтобы ты стала местом, которым ты становишься для Дрэйко Малфоя...»

Закончив ходить, Гарри открыл глаза не сразу; он вслушивался, словно мог услышать, как в стене появляется дверь. Однако ничего он не услышал, за исключением отдалённого чириканья птиц снаружи. Он открыл глаза.

Двери по-прежнему не было.

Гарри выругался; тут же неподалёку кто-то вскрикнул. Он оглянулся и увидел кучку первокурсников, поспешно убегающих за угол коридора; у них явно сложилось впечатление, что они наткнулись на особо сквернословного призрака.

Целый час Гарри пробовал всё, какие только мог придумать, варианты на тему «мне нужно увидеть, что внутри тебя делает Дрэйко Малфой», после чего вынужден был признать, что в словах Гермионы было разумное зерно: Комната просто не желала открываться. Раздражённый и разочарованный, он направился на урок защиты от Тёмных искусств, по пути сняв и убрав в сумку плащ-невидимку.

– Снова опоздал, Поттер, – холодно произнёс Снейп, когда Гарри вбежал в освещённую свечами классную комнату. – Десять баллов с Гриффиндора.

Гарри сердито глянул на Снейпа, плюхаясь на своё место рядом с Роном; половина учеников ещё стояла на ногах, вытаскивая книги из сумок и раскладывая свои вещи; он пришёл ненамного позже, чем они.

– Прежде чем мы начнём, я соберу ваши эссе о дементорах, – Снейп непринуждённо взмахнул волшебной палочкой, и двадцать пять свитков пергамента взмыли в воздух и ровной стопкой приземлились на его стол. – И надеюсь – ради вашей же пользы, – что они окажутся лучше, чем тот вздор о сопротивлении проклятию Империи, который мне пришлось читать в прошлый раз. Теперь, все откройте учебники на странице – что, мистер Финниган?

– Сэр, – сказал Шеймас. – Я хотел бы спросить, как можно различить преиспода и призрака? А то в сегодняшнем «Пророк» было что-то о преиспode...

– Не было там ничего, – усталым голосом перебил его Снейп.

– Но, сэр, я слышал, как говорили...

– Если бы ты *прочёл* статью, о которой идёт речь, мистер Финниган, ты бы знал, что так называемый преиспод был никем иным, как грязным воришкой по имени Мундунгус Флетчер.

– Мне казалось, Снейп и Мундунгус на одной стороне? – пробормотал Гарри Рону и Гермионе. – Разве он не должен быть огорчён, что Мундунгуса арест-?..

– Но Поттеру, по-видимому, есть что сказать по этому поводу, – Снейп неожиданно указал в дальний угол комнаты, неотрывно глядя своими чёрными глазами на Гарри. – Давайте спросим Поттера, как нам отличить преиспода от призрака.

Весь класс обернулся в сторону Гарри, который лихорадочно вспоминал, что ему говорил Дамблдор в ту ночь, когда они шли к Слагхорну.

– Э... ну... призраки нематериальные... – произнёс он.

– О, просто замечательно, – перебил Снейп, презрительно скривив губу. – Да, сразу видно, что почти шесть лет магического образования не прошли для тебя даром, Поттер. *Призраки нематериальные.*

Пэнси Паркинсон аж взвизгнула от смеха. Ещё несколько человек ухмыльнулись. Гарри глубоко вздохнул и продолжил спокойным тоном, хотя внутри него всё кипело:

– Вот именно, призраки нематериальные, но ведь преисподы – это же просто мёртвые тела, так? Поэтому они вещественные...

– Это всё и пятилетний ребёнок мог бы сказать, – усмехнулся Снейп. – Преиспод – это тело, оживлённое заклинанием Тёмного колдуна. Он не живой, он просто используется как кукла, выполняющая все приказы колдуна. Призрак же, как, я полагаю, вы все уже осведомлены, является отпечатком отлетевшей души, оставшимся на земле... и он, конечно же, как мудро сообщил нам Поттер, *нематериален*.

– Но то, что сказал Гарри, самое полезное, когда нам надо отличить одного от другого! – заявил Рон. – Когда мы встретимся лицом к лицу с одним из них в тёмном переулке, нам

достаточно будет просто глянуть, вещественное оно или нет, правда, вряд ли нам надо будет спрашивать «скажите пожалуйста, не являетесь ли вы отпечатком отлетевшей души?»

По классу прокатилась волна смеха, мгновенно утихшая под взглядом Снейпа.

– Ещё десять баллов с Гриффиндора, – объявил Снейп. – Я и не ожидал ничего более сложного от тебя, Рональда Уизли, персоны настолько вещественной, что она не способна аппарировать даже на полдюйма.

– *Нем!* – предостерегающим шёпотом воскликнула Гермиона и схватила Гарри за руку, увидев, что он в гневе открыл рот. – Бесполезно, ты просто схлопочешь ещё одно наказание, оставь!

– А теперь откройте учебники на странице двести тридцать, – слегка ухмыльнувшись, продолжил Снейп, – и прочтите первые два параграфа о проклятии Крусиатус...

В течение всего этого урока Рон был чрезвычайно подавлен. Когда прозвенел звонок, возвестивший конец урока, Лаванда догнала Гарри и Рона (Гермиона при её приближении таинственным образом испарилась) и стала горячо костерить Снейпа за его удар ниже пояса касательно аппарирования Рона, но Рон от этого пришёл в ещё более раздражённое состояние и в конце концов стряхнул её, улизнув вместе с Гарри в мужской туалет.

Пару минут Рон, как в столбняке, стоял перед треснутым зеркалом, затем произнёс:

– Хотя Снейп прав, скажешь нет? Даже не знаю, стоит ли мне пытаться сдать экзамен. Я просто суть аппарирования не могу ухватить.

– Ну, ты в любом случае можешь участвовать в дополнительных практических занятиях в Хогсмиде, потом посмотришь, что у тебя получится, – рассудительно ответил Гарри. – Уж по крайней мере, это будет поинтереснее, чем пытаться попасть в тот дурацкий обруч. Ну а тогда, если у тебя будет получаться не так... ну... хорошо, как тебе хотелось бы, ты сможешь отложить экзамен, сдать его вместе со мной ле-... Миртл, это мужской туалет!

Призрак девочки возник из унитаза в кабинке, расположенной за их спинами, и плавал в воздухе, глядя на них сквозь белые круглые очки с толстыми линзами.

– О, – уныло сказала она, – это вы двое.

– А кого ты ожидала увидеть? – спросил Рон, глядя на неё через зеркало.

– Никого, – ответила Миртл, хмуро ковыряя прыщик на подбородке. – Он сказал, что вернётся меня навестить, но ведь и *ббл* тоже говорили, что заскочите ко мне... – она кинула на Гарри неодобрительный взгляд, – ...а вас я уже многие месяцы не видела. Я научилась не ждать слишком многого от мальчишек.

– Я думал, ты живёшь в том женском туалете? – спросил Гарри, который уже несколько лет старался обходить то место стороной.

– Я там и живу, – кисло пожала плечами она, – но это не значит, что я не могу *бывать* в других местах. Я один раз пришла и навестила тебя, когда ты был в ванне, помнишь?

– И очень отчётливо, – кивнул Гарри.

– Но я думала, что ему я нравлюсь, – горестно сказала она. – Может, если вы двое уйдёте, он снова придёт... У нас много общего... Я уверена, что он это почувствовал...

И она с надеждой посмотрела в сторону двери.

— Когда ты сказала, что у вас много общего, — повеселевшим голосом поинтересовался Рон, — ты имела в виду, что он тоже живёт в S-образной трубе?

— Нет! — вызывающе выкрикнула Миртл, и её голос гулко разнёсся по старой туалетной комнате. — Я имела в виду, что он чуткий, другие его тоже обижают, и ему одиноко, и ему не с кем поговорить, и он не боится показывать свои чувства и плакать!

— Здесь был мальчик, который плакал? — с любопытством переспросил Гарри. — Маленький мальчик?

— Не ваше дело! — воскликнула Миртл, не отрывая своих маленьких глаз от Рона, не скрывавшего ухмылки. — Я обещала, что никому не расскажу и унесу эту тайну в...

— ...не в могилу, надеюсь? — фыркнул Рон. — Скорее в канализацию...

Миртл испустила вопль ярости и нырнула обратно в унитаз, отчего вода выплеснулась из него на стены кабинки и стекла на пол. Вид доведённой до бешенства Миртл, похоже, приободрил Рона.

— Ты прав, — сказал он, закидывая сумку обратно на плечо. — Я потренируюсь в Хогсмиде, а потом уж решу, стоит ли сдавать экзамен.

Таким образом, в следующие выходные Рон присоединился к Гермионе и другим шестикурсникам, которым исполнится семнадцать ко дню экзамена через две недели. Гарри здорово завидовал, глядя, как они собираются идти в деревню; он скучал по этим прогулкам, а день на дворе был особенно ясный, один из первых безоблачных дней за очень долгое время. Тем не менее, он решил использовать эту возможность, чтобы предпринять ещё одно наступление на Насущную Комнату.

— Ты бы лучше, — заявила Гермиона в холле, когда он поделился этим планом с ней и Роном, — пошёл прямо в кабинет Слагхорна и попробовал заполучить это воспоминание!

— Да я только этим и занимаюсь! — резко ответил Гарри, и это была истинная правда. На этой неделе он задерживался после каждого урока зелий в попытках поговорить со Слагхорном с глазу на глаз, но преподаватель зелий всякий раз покидал класс так быстро, что Гарри никак не удавалось его поймать. Дважды Гарри подходил к двери его кабинета и стучал, но не получал ответа, причём во второй раз он был уверен, что слышал быстро заглушенный звук старого граммофона.

— Он просто не хочет говорить со мной, Гермиона! Он знает, что я опять пытаюсь застать его одного, и всячески старается этого не допустить!

— Что ж, значит, тебе надо продолжать, разве непонятно?

Филч, как обычно, тыкал выходящих сенсором секретности; короткая очередь собирающихся пройти мимо него подвинулась на несколько шагов вперёд, и Гарри не стал отвечать из боязни быть подслушанным зрителем. Он пожелал Рону и Гермионе удачи, затем повернулся и снова направился вверх по мраморной лестнице, твёрдо намереваясь, что бы там ни говорила Гермиона, посвятить час-другой Насущной Комнате.

Убедившись, что из холла его не видно, Гарри извлёк из сумки Карту Мародёра и плащ-невидимку. Укрыв себя плащом от любопытных глаз, он ткнул карту палочкой, пробормотал «Торжественно клянусь, что не затеваю ничего хорошего» и начал её внимательно изучать.

Поскольку было утро воскресенья, почти все ученики находились в своих общих комнатах: гриффиндорцы в одной башне, ученики Рэйвенкло в другой, слизеринцы в подземелье, а хаффлапаффы – в полуподвале, недалеко от кухни. То тут, то там какой-нибудь неприкаянный ученик бродил по коридорам или возле библиотеки... несколько человек были снаружи, в парке... а на восьмом этаже в гордом одиночестве маячил Грегори Гойл. Никаких признаков Насущной Комнаты не наблюдалось, но это Гарри не волновало: если Гойл стоял на часах возле неё, значит, Комната была открыта, независимо от того, знала об этом карта или нет. Поэтому он поспешил вверх по лестнице, затормозив лишь перед поворотом в коридор, после чего начал медленно-медленно подкрадываться к той самой маленькой девочке с медными весами, которой Гермиона так любезно помогла пару недель назад. Оказавшись прямо за её спиной, он нагнулся к самому её уху и прошептал:

– Здравствуй... Какая ты у нас хорошенькая, верно?

Гойл испустил полный ужаса вопль, отшвырнул весы и рванул прочь, пропав с глаз долой задолго до того, как в коридоре затих звук разлетевшихся вдребезги весов. Смеясь, Гарри повернулся к гладкому участку стены, за которым, он был уверен, Дрэйко Малфой стоял ни жив ни мёртв, сознавая, что снаружи находится незваный гость, но не осмеливаясь открыться. Это дало Гарри весьма приятное ощущение власти, пока он пытался припомнить те комбинации слов, которые ещё не пробовал.

Впрочем, его хорошее настроение длилось недолго. Полчаса спустя, когда он испробовал огромное количество вариантов своего требования увидеть, что делает Малфой, стена осталась такой же бездверной, какой была. Гарри был раздражён до чрезвычайности; Малфой, возможно, был лишь в нескольких футах от него, но ни намёка на то, что он там внутри делал, по-прежнему не было. Выйдя из себя, Гарри подскочил к стене и со злости пнул её.

– Ай!

Ему показалось, что он сломал большой палец; Гарри ухватился за него и начал скакать на одной ножке, отчего, конечно, плащ-невидимка тут же соскользнул.

– Гарри?

Он крутанулся вокруг своей оси на одной ноге и потерял равновесие. К его полному изумлению, к нему направлялась Тонкс, причём с таким видом, словно по этому коридору она бродит постоянно.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Гарри, снова поднимаясь на ноги. Почему она должна всякий раз наткаться на него в тот момент, когда он лежит на полу?

– Я пришла увидеться с Дамблдором, – ответила Тонкс.

Выглядела она, по мнению Гарри, ужасно; она была более худой, чем раньше, а её мышиного цвета волосы полегли и слиплись.

– Его кабинет не здесь, – заметил Гарри. – Он в противоположной стороне замка, за горгульей...

– Я знаю, – ответила Тонкс. – Но там его нет. Похоже, он снова куда-то исчез.

– Исчез? – переспросил Гарри, осторожно ставя ушибленную ногу на пол. – Эй – я так думаю, ты не знаешь, куда он девается?

– Нет.

– А зачем ты хотела его видеть?

– Ничего особенного, – сказала Тонкс, рассеянно ковыряя рукав своей мантии. – Я просто думала, может, он понимает, что происходит... Я слышала всякие слухи... На людей нападают...

– Да, знаю, это всё было в газетах, – кивнул Гарри. – Тот ребёнок, пытавшийся убить своих...

– «Пророк» часто отстаёт от жизни, – произнесла Тонкс, судя по всему, слушавшая Гарри вполуха. – Ты в последнее время не получал писем от кого-нибудь из Ордена?

– Никто из Ордена мне больше не пишет, – ответил Гарри. – После того как Сириус...

Он увидел, как её глаза наполнились слезами.

– Извини, – неуклюже пробормотал он. – В смысле... я тоже по нему скучаю...

– Что? – рассеянно переспросила Тонкс, будто не слышала, что он сейчас сказал. – Ладно... увидимся, Гарри...

Она резко повернулась и двинулась обратно по коридору, оставив Гарри смотреть ей вслед. Прошла минута или около того, прежде чем он вновь надел плащ-невидимку и продолжил пытаться войти в Насущную Комнату, но уже без того рвения. В конце концов сосущее чувство пустоты в желудке и то, что Рон с Гермионой должны скоро вернуться на обед, заставили его прекратить попытки и оставить коридор в распоряжении Малфоя. Гарри оставалось только надеяться, что Малфой достаточно напуган, чтобы не осмелиться выйти в течение ещё нескольких часов.

Он нашёл Рона и Гермиону в Большом Зале; они пришли пораньше и уже вовсю уплетали свой ланч.

– У меня получилось – ну, почти! – радостно сообщил Рон, едва увидев Гарри. – Я должен был ашпарировать рядом с чайным магазином мадам Паддифут, но малость перелетел и очутился около магазина Скривеншафта, но, по крайней мере, я смог!

– Здорово! – воскликнул Гарри. – А у тебя как, Гермиона?

– О, ну она, разумеется, была безупречна, – сказал Рон, прежде чем Гермиона смогла ответить. – Безупречная настойчивость, наглядность, невыносимость⁷⁴, какая там ещё фигня – мы все потом зашли в «Три метлы», чтобы чего-нибудь выпить по-быстрому, так слышал бы ты, как о ней Туайкросс распиался, – по-моему, он скоро сделает ей предложение...

– А что у тебя? – спросила Гермиона, не обращая внимания на Рона. – Ты всё это время был там наверху, возле Насущной Комнаты?

– Угу. И угадай, кого я там встретил? Тонкс!

– Тонкс? – с удивлённым видом переспросили Рон и Гермиона одновременно.

– Ага, она сказала, что хочет увидеться с Дамблдором...

– Что до меня, – произнёс Рон, как только Гарри закончил пересказывать свой разговор с Тонкс, – я думаю, она слегка не в себе. Теряет самоконтроль после того случая в Министерстве.

⁷⁴ В оригинале Рон называет первые попавшиеся слова на D – deliberation, divination, desperation (неторопливость, прорицание, безрассудство).

– Это немного странно, – заметила Гермиона, почему-то выглядящая очень обеспокоенной. – Она должна охранять школу, почему она ни с того ни с сего покидает свой пост, чтобы увидеть Дамблдора, которого здесь вообще сейчас нет?

– Есть у меня одна мысль, – осторожно сказал Гарри. Он испытывал странное ощущение, произнося эту мысль вслух; это было скорее по части Гермионы, чем его. – Вам не кажется, что она могла быть... ну... влюблена в Сириуса?

Гермиона уставилась на него.

– Это с чего ты решил?

– Не знаю, – пожал плечами Гарри, – но она чуть не заплакала, когда я упомянул его имя... и её Патронус теперь большой четвероногий зверь... Я подумал, уж не стал ли он... ну ты понимаешь... им.

– А это мысль, – задумчиво сказала Гермиона. – Но я по-прежнему не понимаю, зачем ей врываться в замок и искать Дамблдора, если, конечно, она действительно здесь из-за этого...

– Что возвращает нас к тому, что я сказал, точно? – произнёс Рон, отправляя в рот картофельное пюре. – Она немного сдвинулась. Потеряла рассудок. Женщины, – с мудрым видом добавил он, обращаясь к Гарри, – их так легко расстроить.

– Но, по крайней мере, – парировала Гермиона, выйдя из состояния задумчивости, – вряд ли ты найдёшь *женщину*, которая бы полчаса дулась из-за того, что мадам Розмерта не смеялась над её шуткой про старую каргу, лекаря и мимбулус мимблтонию.

Рон сердито нахмурился.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ПОСЛЕ ПОГРЕБЕНИЯ

Над башнями замка начали появляться просветы ярко-голубого неба, но эти признаки приближающегося лета не улучшили Гарри настроение. Он потерпел полное фиаско как в выяснении того, что делает Малфой, так и в попытках завязать со Слагхорном разговор, каким-то образом долженствующий привести к получению воспоминания, очевидно, подавляемого Слагхорном десятилетиями.

– В последний раз тебе говорю, забудь ты про Малфоя, – твёрдо сказала ему Гермиона.

Они вместе с Роном сидели в солнечном уголке двора и переваривали обед. И Гермиона, и Рон сжимали в руках листовки Министерства магии «Типичные ошибки при аппарировании и как их избежать», ибо сдавать экзамен им предстояло уже сегодня после полудня; но какими бы большими ни были эти листовки, это их обоих мало успокаивало. Когда из-за угла вышла какая-то девочка, Рон подскочил на месте и попытался спрятаться за спиной Гермионы.

– Это не Лаванда, – устало произнесла Гермиона.

– О, слава богу, – с облегчением выдохнул Рон.

– Гарри Поттер? – обратилась к Гарри девочка. – Меня просили передать тебе это.

– Спасибо...

Когда Гарри взял в руки маленький свиток пергамента, его сердце упало. Как только девочка оказалась за пределами слышимости, он воскликнул:

– Дамблдор же говорил, что у нас с ним не будет больше уроков, пока я не достану воспоминание!

– Может, он хочет проверить, как у тебя продвигается это дело? – предположила Гермиона, пока Гарри разворачивал пергамент; однако вместо тонкого косого почерка Дамблдора он обнаружил расплывающиеся каракули, плохо читаемые из-за многочисленных мокрых пятен, размывших чернила.

«Дорогие Гарри, Рон и Гермиона,

Прошлой ночью Арагог скончался. Гарри и Рон, вы встречали его и знаете, какой он был особенный. Гермиона, я знаю, что тебе бы он обязательно понравился. Если бы вы смогли выбраться на время погребения сегодня вечером, я был бы вам очень признателен. Я собираюсь сделать это в сумерках, это было его любимое время суток. Я знаю, что вам нельзя выходить наружу так поздно, но вы можете воспользоваться плащом. Я бы не стал просить вас, но я не могу вынести это один.

Хагрид».

– Ты только посмотри на это, – Гарри протянул письмо Гермионе.

– О господи, – произнесла она, быстро пробежав письмо и передав его Рону; тот читал его с таким видом, словно с каждой строчкой всё сильнее не верил своим глазам.

– Да он *свихнулся!* – рассерженно воскликнул он. – Эта тварь приказала своим друзьям сожрать нас с Гарри! Сказала им, чтобы они не стеснялись! А теперь Хагрид хочет, чтобы мы пошли туда и рыдали над его мерзкой волосатой тушей!

– Дело не только в этом, – заметила Гермиона. – Он просит нас выйти из замка ночью, а ведь он знает, что сейчас охрана в миллион раз сильнее, чем раньше, и знает, насколько серьёзные неприятности нам светят, если нас поймают.

– Мы уже ходили к Хагриду ночью, – возразил Гарри.

– Да, но чтобы ради чего-то такого? Мы действительно здорово рисковали, вытаскивая Хагрида из беды, но в конце концов – Арагог уже умер. Если бы вопрос стоял о его спасении...

– ...то я бы ещё меньше хотел пойти, – твёрдо заявил Рон. – Ты его не видела, Гермиона. Поверь мне, мёртвый он намного лучше.

Гарри взял письмо обратно и уставился на усыпавшие его чернильные пятна. Очевидно, над пергаментом было пролито немало слёз...

– Гарри, надеюсь, ты не *думаешь* о том, чтобы пойти, – сказала Гермиона. – Это слишком бессмысленная выходка, чтобы из-за неё получить наказание.

Гарри вздохнул.

– Да, я знаю. Похоже, Хагриду придётся хоронить Арагога без нас.

– Вот именно, – с явным облегчением согласилась Гермиона. – Смотри, сегодня на уроке зелий почти никого не будет, мы все будем сдавать экзамены... Попытайся немного умаслить Слагхорна!

– Пятьдесят седьмой раз самый удачливый, ты думаешь? – ядовито спросил Гарри.

– Удачливый, – неожиданно проговорил Рон. – Гарри, это идея – стань удачливым!

– В смысле?

– Используй своё зелье удачи!

– Рон, это – это отличная мысль! – с поражённым видом воскликнула Гермиона. – Ну конечно же! Как я сама об этом не подумала?

Гарри уставился на них.

– Феликс Фелицис? Ну не знаю... Я его вроде как приберегал...

– Для чего? – скептически поинтересовался Рон.

– Что сейчас может быть важнее, чем это воспоминание, Гарри? – спросила Гермиона.

Гарри не ответил. Мысль об этом маленьком золотом пузырьке уже некоторое время болталась в уголке его сознания. Смутные и неясные планы, включающие в себя разрыв Джинни с Дином и радость Рона при виде её с новым парнем, бродили в глубинах Гарриного мозга, выбираясь на поверхность лишь во время сна и в сумеречные часы между сном и бодрствованием...

– Гарри? Ты всё ещё тут? – спросила Гермиона.

– Что?.. А, да, конечно, – поспешно произнёс Гарри, взяв себя в руки. – Ну... хорошо. Если я не разговарю Слагхорна сегодня днём, я выпью немного Феликса и сделаю второй заход вечером.

– Значит, решено, – коротко подытожила Гермиона, вскочив на ноги и описав грациозный пируэт. – Назначение... нацеленность... настойчивость... – пробормотала она.

– О, перестань, – умоляющим тоном сказал Рон. – Меня и так от этого тошнит... Быстрее, спрячьте меня!

– Это не Лаванда! – раздражённо произнесла Гермиона, когда в дворике появилась ещё пара девушек, от которых Рон опять спрятался за её спиной.

– Хорошо, – Рон выглянул из-за плеча Гермионы, чтобы удостовериться. – Чёрт, они выглядят не очень-то радостными, а?

– Это же сёстры Монтгомери, и, разумеется, они не выглядят радостными, ты разве не слышал, что случилось с их младшим братом?

– Честно говоря, я уже перестаю ориентироваться, что происходит с родственниками окружающих.

– Так вот, на их брата напал оборотень. Вроде бы их мать отказалась помогать Пожирателям Смерти. Как бы там ни было, мальчику было всего пять лет, и он умер в больнице св. Мунго, им не удалось его спасти.

– Он умер? – переспросил Гарри, потрясённый услышанным. – Но оборотни же не убивают, они только превращают тебя в одного из своих?

– Иногда они убивают, – ответил Рон с необычно мрачным для себя видом. – Я слышал, что такое может произойти, если оборотень полностью теряет контроль.

– И как звали этого оборотня? – быстро спросил Гарри.

– Ну, по слухам, это был Фенрир Грэйбэк, – ответила Гермиона.

– Я так и знал – этот маньяк, который любит нападать на детей, тот, о котором мне рассказывал Люпин! – сердито воскликнул Гарри.

Гермиона очень серьёзно посмотрела на него.

– Гарри, ты должен достать это воспоминание. Это же всё ради того, чтобы остановить Волдеморта, так ведь? Все эти кошмарные вещи происходят из-за него...

В замке над их головами прозвенел звонок, и Гермиона с Роном вскочили на ноги с выражением ужаса на лицах.

– У вас всё будет нормально, – приободрил их обоих Гарри, когда они направились к холлу, чтобы присоединиться к остальным ученикам, собирающимся сдавать экзамен по аппарированию. – Удачи!

– И тебе того же! – ответила Гермиона, многозначительно посмотрев на Гарри, когда тот пошёл в сторону подземелий.

В тот день на уроке зелий их было только трое: Гарри, Эрни и Дрэйко Малфой.

– Что, не доросли ещё до аппарирования? – добродушно встретил их Слагхорн. – Пока нету семнадцати?

Они хором покачали головой.

– Ну хорошо, – весело сказал Слагхорн. – Поскольку нас сейчас так мало, мы немного *повеселимся*. Я хочу, чтобы вы состряпали для меня что-нибудь забавное.

– Звучит неплохо, сэр, – льстиво произнёс Эрни, потирая руки. Малфой, с другой стороны, даже не улыбнулся.

– Что значит «что-нибудь забавное»? – раздражённым тоном поинтересовался он.

– О, удивите меня, – беззаботно ответил Слагхорн.

Малфой открыл своё «Продвинутое зельеварение» с угрюмым выражением лица. Было совершенно очевидно, что, с его точки зрения, этот урок был бездарнейшей тратой времени. Несомненно, подумал Гарри, следивший за ним поверх своего учебника, Малфой жалел о времени, которое он мог бы провести в Насушной Комнате.

Ему показалось – или Малфой, так же как и Тонкс, действительно похудел? Определённо он выглядел бледнее обычного; кожа приобрела землистый оттенок, вероятно из-за того, что в последнее время он слишком редко бывал на открытом воздухе. На лице его не было ни следа самодовольства, или возбуждения, или превосходства; он не имел ничего общего с тем чванливым Малфоем в Хогвартс-экспрессе, открыто разглагольствовавшим о миссии, порученной ему Волдемортом... По мнению Гарри, тут могло быть только одно объяснение: что бы это ни была за миссия, она продвигалась плохо.

Приободрённый этой мыслью, Гарри пролистал своё «Продвинутое зельеварение» и нашёл изрядно подправленную Принцем-Полукровкой версию Эликсира, Возбуждающего Эйфорию. Этот эликсир, судя по всему, не только удовлетворял требованиям Слагхорна, но также мог бы (сердце Гарри подпрыгнуло при этой мысли) привести Слагхорна в такое хорошее настроение, что он отдал бы Гарри воспоминание – если бы только Гарри удалось убедить его попробовать немного этого зелья...

– Ну что ж, это выглядит абсолютно потрясающе, – поаплодировал Слагхорн полтора часа спустя, глядя на солнечно-жёлтое содержимое Гарриного котла. – Эйфория, я так понимаю? А что это за запах такой? Мммм... ты добавил туда веточку мяты, да? Нестандартно, но как удачно, Гарри. Конечно же, это должно привести к частичному подавлению побочных эффектов – излишней склонности к пению и щипкам... Не знаю, где ты берёшь такое вдохновение, мой мальчик... разве только...

Гарри ногой закинул книгу Принца-Полукровки поглубже в сумку.

– ...в тебе просыпаются гены твоей матери?

– О... ага, может быть, – с облегчением произнёс Гарри.

Эрни выглядел довольно сердито; полный решимости хоть раз переплюнуть Гарри, он очертя голову ударился в изобретение своего собственного зелья, которое немедленно свернулось, приняв вид какого-то тёмно-фиолетового комочка на дне котла. Малфой с кислым выражением лица уже собирал вещи; Слагхорн оценил его Икотный Раствор как всего лишь «приемлемый».

Прозвенел звонок; и Эрни, и Малфой тотчас удалились.

– Сэр, – начал было Гарри; Слагхорн тут же обернулся и посмотрел назад. Убедившись, что в комнате, кроме него и Гарри, никого больше нет, он умчался прочь с максимальной скоростью.

– Профессор... профессор, не хотите ли вы попробовать моё зе-?.. – отчаянно прокричал Гарри ему вслед.

Но Слагхорн исчез. Разочарованный, Гарри очистил свой котёл, собрал вещи, вышел из подземелья и медленно побрёл к общей комнате.

Рон с Гермионой вернулись ближе к вечеру.

– Гарри! – воскликнула Гермиона, едва пробравшись через дыру за портретом. – Гарри, я сдала!

– Здорово! – ответил он. – А Рон?

– Он – он *почти* сдал, – прошептала Гермиона, в то время как крайне мрачно выглядящий Рон, нагнувшись, пролезал в комнату. – Ему здорово не повезло, маленький кусочек, представляешь, экзаменатор заметил, что он оставил позади себя половину брови... А что получилось со Слагхорном?

– Ничего хорошего, – ответил Гарри, когда Рон присоединился к ним. – Не повезло, дружище, но в следующий раз ты его сдашь – мы можем сдавать вместе.

– Угу, наверно, – сердито пробормотал Рон. – Но *половина брови!* Как будто это имеет какое-то значение!

– Я согласна, – успокаивающе произнесла Гермиона, – это действительно выглядит чересчур сурово...

Большую часть ужина они провели, костеря экзаменатора по аппарированию; к тому времени, как они направились обратно в общую комнату, перейдя к обсуждению проблемы Слагхорна и его воспоминания, Рон немного повеселел.

– Итак, Гарри – собираешься ты использовать Феликс Фелицис, или как? – потребовал ответа Рон.

– Угу, похоже, это лучший вариант, – ответил Гарри. – Не думаю, что мне понадобится всё зелье, не на двенадцать часов, не может же это занять всю ночь... Я только глоток сделаю. Двух-трёх часов должно хватить.

– Потрясающее ощущение, когда ты его принимаешь, – словно припоминая, произнёс Рон. – Как будто ты просто не можешь сделать ничего неправильно.

– Ты это о чём? – рассмеялась Гермиона. – Ты же ни разу его не принимал!

– Да, но я же *думал*, что принял, так? – возразил Рон таким тоном, словно это было совершенно очевидно. – Это же то же самое...

Они только что видели Слагхорна входящим в Большой Зал. Поскольку они знали, что трапезничать Слагхорн любил подолгу, они ещё некоторое время провели в общей комнате. План состоял в том, что Гарри должен был пойти к кабинету Слагхорна, сперва дав преподавателю время самому туда прийти. Когда солнце опустилось до макушек деревьев в Запретном Лесу, они решили, что время пришло, и, тщательно удостоверившись, что Невилл, Дин и Шеймас сидят в общей комнате, проникли в спальню мальчиков.

Гарри извлёк со дна сундука скрученные носки и вытащил из них маленький сверкающий пузырёк.

– Ну, поехали, – сказал он, после чего поднёс пузырёк ко рту и сделал тщательно отмеренный глоток.

– На что это похоже? – прошептала Гермиона.

Гарри ответил не сразу. Медленно, но уверенно по его телу разлилось радостное ощущение бесконечных возможностей; он почувствовал, что способен сделать всё,

абсолютно всё... И получение воспоминания Слагхорна выглядело теперь не только возможным, но даже совсем лёгким...

Он поднялся на ноги с улыбкой, преисполненный уверенности в себе.

– Отлично, – произнёс он. – Просто отлично. Ладно... я пошёл к Хагриду.

– Что? – с ошеломлённым видом переспросили хором Рон и Гермиона.

– Нет, Гарри – тебе надо пойти и найти Слагхорна, ты забыл? – воскликнула Гермиона.

– Нет, – уверенно ответил Гарри. – Я иду к Хагриду. У меня хорошее предчувствие насчёт визита к Хагриду.

– У тебя хорошее предчувствие насчёт участия в похоронах огромного паука? – словно не веря своим ушам, переспросил Рон.

– Точно, – ответил Гарри, доставая из сумки плащ-невидимку. – Я чувствую, что именно там я и должен быть сегодня ночью, ну вы понимаете, что я имею в виду?

– Нет, – хором сказали Рон с Гермионой; теперь вид у обоих был встревоженный.

– Надеюсь, это действительно Феликс Фелицис? – озабоченно произнесла Гермиона, поднося пузырёк к свету. – У тебя нет ещё одного пузырька?.. Ну не знаю...

– Эссенции Помешательства? – предположил Рон, в то время как Гарри накинул плащ себе на плечи.

Гарри засмеялся, отчего Рон и Гермиона приобрели ещё более встревоженный вид.

– Поверьте, я знаю, что делаю... или, во всяком случае, – он уверенно направился к двери, – Феликс знает.

Гарри натянул плащ-невидимку на голову и двинулся вниз по лестнице; Рон с Гермионой поспешили за ним. Дойдя до основания лестницы, Гарри прошмыгнул через открытую дверь.

– Что это ты там делал с *ней*? – возопила Лаванда Браун, уставившись прямо сквозь Гарри на Рона и Гермиону, появившихся вместе из спальни мальчиков. Гарри, устремившись к противоположной стороне комнаты, успел расслышать, как Рон что-то бессвязно лопочет в ответ.

Пробраться сквозь дыру оказалось легко: едва он к ней приблизился, через неё вошли Джинни с Динем, и Гарри смог проскользнуть между ними. При этом он нечаянно коснулся Джинни.

– *Не надо* меня толкать, Дин, пожалуйста, – раздражённым тоном сказала она. – Ты всегда так делаешь, я прекрасно могу пройти и сама...

Портрет захлопнулся позади Гарри, но не раньше, чем он услышал сердитую реплику Дина... С всё возрастающим чувством восторга Гарри помчался по замку. Ему не приходилось красться, ибо на своём пути он не встретил ни единого человека, но это его абсолютно не удивляло: сегодня вечером он был самым везучим обитателем Хогвартса.

Почему он был так уверен, что пойти к Хагриду было правильной идеей, – Гарри не имел ни малейшего представления. Зелье словно осветило тропинку в темноте на несколько шагов вперёд: он не мог разглядеть свою конечную цель, не мог увидеть, где должен появиться Слагхорн, – но он знал, что идёт туда, куда надо идти, чтобы заполучить это воспоминание. Добравшись до холла, он увидел, что Филч забыл запереть входную дверь.

Широко улыбаясь, Гарри распахнул дверь. Он постоял, вдыхая запахи травы и чистого воздуха, после чего двинулся вниз по ступеням, навстречу сумраку.

Как только он добрался до последней ступени, ему вдруг пришло в голову, как приятно было бы по пути к Хагриду заглянуть на овощную грядку. Должен был выйти небольшой крюк, но Гарри было совершенно ясно, что эту прихоть нужно удовлетворить; поэтому он направил стопы в сторону грядки, где с радостью, но без особого удивления обнаружил профессора Слагхорна, беседующего с профессором Спраут.

– ...спасибо, что уделила мне время, Помона, – учтиво говорил Слагхорн. – Большинство специалистов считают, что они наиболее действенны, если собраны в сумерках.

– О, я совершенно согласна, – тепло ответила профессор Спраут. – Вам этого количества достаточно?

– С запасом, с запасом, – произнёс Слагхорн, держащий в руках, как заметил Гарри, охапку каких-то листьев. – Хватит по несколько листьев на каждого из моих третьекурсников, и ещё останется на случай, если кто-то переусердствует с кипячением... Ну ладно, спокойной ночи, и ещё раз огромное спасибо!

Профессор Спраут удалилась в темноту в направлении своих теплиц, а Слагхорн направился туда, где под плащом-невидимкой стоял Гарри.

Охваченный внезапным желанием открыться, Гарри одним движением стянул с себя плащ.

– Добрый вечер, профессор.

– Боже ты мой, Гарри, ты меня напугал, – Слагхорн застыл на месте и настороженно посмотрел на него. – Как ты выбрался из замка?

– Филч, похоже, забыл запереть входную дверь, – весело ответил Гарри и с восторгом заметил, что Слагхорна это явно рассердило.

– Я обязательно на него пожалуюсь, этот человек больше думает о мусоре, чем о безопасности, на мой взгляд... Но что ты здесь делаешь, Гарри?

– Э, сэр, дело в Хагриде, – Гарри откуда-то знал, что именно сейчас нужно говорить правду. – Он очень расстроен... Но вы никому не расскажете, профессор? Я не хочу, чтобы у него были неприятности...

Эти слова явно возбудили любопытство Слагхорна.

– Ну, обещать я ничего не могу, – грубовато ответил он. – Но я знаю, что Дамблдор полностью доверяет Хагриду, так что я уверен, он не мог натворить чего-нибудь ужасного...

– В общем, у него был гигантский паук, много лет был... Он жил в Лесу... умел говорить и ещё кучу всего...

– Я слышал, что в Лесу живут Акромантулы, – мягко произнёс Слагхорн, оглядываясь на тёмную стену деревьев. – Значит, это правда?

– Да. Но этот, Арагог, был первым, кто появился у Хагрида, а прошлой ночью он умер. Хагрид совершенно разбит. Он хочет, чтобы с ним кто-то был, когда он его будет хоронить, и я сказал, что приду.

– Трогательно, очень трогательно, – с отсутствующим видом сказал Слагхорн, не отводя больших грустных глаз от далёких огней Хагридовой хижины. – Однако яд Акромантула очень ценен... Если животное только что умерло, возможно, он ещё не успел высохнуть... Конечно, я бы не хотел делать чего-либо нетактичного, если Хагрид сильно расстроен... Но если бы нашёлся способ достать немного... В смысле, из живого Акромантула извлечь яд почти невозможно...

Похоже, Слагхорн сейчас говорил скорее с самим собой, нежели с Гарри.

– ...Если сейчас не собрать – какая возможность пропадёт... Можно выручить сто галлеонов за пинту... Честно говоря, моё жалованье не очень-то велико...

Теперь Гарри видел, что надо сделать, совершенно отчётливо.

– Вообще-то, – произнёс он, очень правдоподобно изображая нерешительность, – если бы вы захотели прийти, профессор, Хагрид, наверно, был бы очень рад... Прощание получилось бы гораздо торжественнее, ну вы понимаете...

– Да, разумеется, – с энтузиазмом согласился Слагхорн. – Давай так, Гарри, мы с тобой встретимся прямо там, я принесу бутылочку или две... Выпьем за... ну – не за здоровье бедняги, конечно – но помянем его как положено, когда он будет погребён. И мне надо сменить галстук, этот слишком цветастый для такого случая...

Он поспешил в замок, а Гарри, довольный собой – к Хагриду.

– Пришёл всё ж, – прохрипел Хагрид, открыв дверь и увидев снимающего плащ-невидимку Гарри.

– Ага... правда, Рон с Гермионой не смогли, – ответил Гарри. – Они очень сожалеют...

– Лана... не важно... Он был бы очень тронут, если б знал, шо ты здесь, Гарри...

Хагрид громко всхлипнул. Он соорудил себе траурную повязку на руку из чего-то вроде тряпки, намазанной гуталином; глаза его были красные и заплывшие. Гарри ободряюще похлопал его по локтю – это была самая высокая часть Хагрида, до которой он мог дотянуться, не вставая на цыпочки.

– Где мы его похороним? – спросил он. – В Лесу?

– Чёрт, конечно нет, – Хагрид вытер мокрые от слёз глаза подолом рубахи. – Щас, када Арагог умер, другие пауки мне даже подойти к своим сетям не дадут. Оказалось, тока из-за его приказа они меня не съели! Ты представляешь, Гарри?

Правдивым ответом было «да». Гарри мгновенно вспомнил сцену, когда они с Роном оказались лицом к лицу с Акромантулами: было совершенно очевидно, что лишь Арагог удерживал их от того, чтобы сожрать Хагрида.

– Никада раньше не было части Леса, куда б я не мог пойти! – покачал головой Хагрид. – Нелегко мне было забрать оттуда тело Арагога, я те скажу – они, вишь ты, обычно едят своих умерших... но я хотел похоронить его как положено... попрощаться как положено...

Он снова начал всхлипывать; Гарри возобновил похлопывание его по локтю, одновременно сказав (зелье наемкнуло ему, что сейчас это самое правильное):

– По пути сюда я встретил профессора Слагхорна, Хагрид.

– У тя не будет проблем? – встревоженно спросил Хагрид, подняв глаза. – Те ж нельзя выходить из замка вечером, я ж знаю, это я виноват...

– Нет, нет, когда он услышал, зачем я вышел, то сказал, что тоже хотел бы прийти и отдать последние почести Арагогу. Он пошёл переодеться во что-нибудь более подходящее, я так думаю... и ещё он сказал, что принесёт несколько бутылок, чтобы мы могли выпить за светлую память Арагога...

– Правда? – переспросил Хагрид, выглядя поражённым и растроганным одновременно. – Эт... эт очень мило с его стороны, ага, и не наказывать ты – тоже. Я раньше особо дел с Горацием Слагхорном не имел... Хочет прийти проводить старину Арагога, надо же, э? Ну... ему б это понравилось, Арагогу, ага...

Про себя Гарри подумал, что больше всего в Слагхорне Арагогу понравилось бы огромное количество съедобной плоти, но вслух ничего говорить не стал, а просто подошёл к заднему окну хижины Хагрида, сквозь которое был виден огромный мёртвый паук, лежащий на спине, поджав ноги, – жутковатое зрелище.

– Хагрид, мы его похороним прямо тут, в твоём саду?

– Пряма за тыквенной грядкой, я так думаю, – задыхаясь от слёз, ответил Хагрид. – Я уже вырыл... это... могилу. Просто подумал, шо нам надо сказать о нём малость хороших вещей – счастливые воспоминания, ну ты понимаешь...

Его голос задрожал и осёкся. Послышался стук в дверь; Хагрид повернулся, чтобы открыть, одновременно высморкавшись в огромный пятнистый носовой платок. В хижину ввалился Слагхорн с несколькими бутылками в руках и строгим чёрным галстуком на шее.

– Хагрид, – глубоким серьёзным голосом произнёс он. – Я так соболезную тебе в твоём горе.

– Так любезно с твоей стороны, – ответил Хагрид. – Пасибо огромное. И пасибо за то, шо не наказал Гарри.

– Об этом я и помыслить не мог. Печальная ночь, печальная ночь... Где сейчас бедное создание?

– Там, – неровным голосом произнёс Хагрид. – Ну шо, тада... тада сделаем это?

Втроём они вышли в тёмный сад. Бледная луна сверкала сквозь деревья, и её лучи, скрещиваясь с лучами света, льющегося из Хагридова окна, освещали тупую Арагога, лежащую на краю глубокой ямы рядом с десятифутовой горой вынутой земли.

– Грандиозно, – проговорил Слагхорн, приближаясь к голове паука, восемь затуманенных глаз которого бессмысленно смотрели в небо, а гигантские изогнутые жвала неподвижно сияли в лунном свете. Гарри показалось, что он услышал звяканье бутылок, когда Слагхорн склонился над жвалами, видимо осматривая огромную волосатую голову.

– Не каждый видит, какие они красивые, – обратился Хагрид к спине Слагхорна, не в силах удержать слёзы, текущие из уголков глаз. – Я и не знал, что те нравятся такие создания, как Арагог, Гораций.

– Нравятся? Дорогой Хагрид, я перед ними благоговею, – Слагхорн отошёл от тела. Гарри увидел блеск бутылки, исчезающей под его плащом, но Хагрид, вновь промокающий глаза платком, ничего не заметил. – Итак... приступим к погребению?

Хагрид кивнул и двинулся вперёд. Он обхватил гигантского паука руками и с невообразимым рыком столкнул его в тёмную яму. Паук ударился о дно с жутковатым хрустом. Хагрид снова заплакал.

– Конечно, тебе тяжело, ты же знал его лучше всех, – Слагхорн, как и Гарри, не мог достать Хагриду выше локтя, но также начал его утешающе похлопывать. – Почему бы мне не сказать несколько слов?

Похоже, он заполучил от Арагога много первосортного яда, подумал Гарри, ибо на лице Слагхорна была удовлетворённая улыбка, когда он подошёл к краю ямы и медленно, внушительно произнёс:

– Прощай, Арагог, король арахнид, долгую и преданную дружбу которого никогда не забудут те, кто тебя знал! Хотя твоё тело распадётся, твоя душа навеки останется в тихих затянутах паутиной углах твоего дома в Лесу. Да процветают вечно твои многоглазые потомки, да выдержат твои друзья тяжёлую потерю, которую они понесли.

– Эт было... эт было... прекрасно! – взвыл Хагрид и повалился на кучу компоста, зарывав ещё сильнее.

– Ну, ну, – Слагхорн взмахнул волшебной палочкой, отчего куча земли поднялась в воздух и с мягким шумом накрыла мёртвого паука, образовав ровный холмик. – Пойдёмте внутрь и выпьем. Зайди к нему с другой стороны, Гарри... Вот так... Давай вставай, Хагрид... Вот молодец...

Они оттащили Хагрида к креслу у стола. Клык, прятаящийся в своей корзинке во время похорон, мягко притопал к ним и, как обычно, положил свою тяжёлую голову Хагриду на колени. Слагхорн открыл одну из принесённых бутылок вина.

– Я их *все* проверил на яд, – заверил он Гарри, вылив большую часть содержимого первой бутылки в одну из Хагридовых ведроподобных кружек и протянув её Хагриду. – После того, что произошло с твоим бедным другом Рупертом, я заставил домового эльфа отпить из каждой бутылки.

В воображении Гарри всплыло лицо Гермiony, услышавшей о таком использовании домовых эльфов, и он твёрдо решил никогда не говорить ей об этом.

– Это тебе, Гарри... – продолжил Слагхорн, разливая вторую бутылку по двум кружкам, – ...а это мне. Ну, – он поднял свою кружку, – за Арагога.

– За Арагога, – хором отозвались Гарри и Хагрид.

И Слагхорн, и Хагрид выпили до дна. Гарри же, чьи ближайшие действия были освещены Феликсом, знал, что пить не должен, поэтому он лишь притворился, что делает глоток, после чего поставил кружку обратно на стол перед собой.

– Я его знал ещё с яйца, прикиньте, – угрюмо произнёс Хагрид. – Такая крошка был, када вылунился. Размером с пекинеса.

– Просто лапочка, – согласился Слагхорн.

– Держал его в шкафу там, в школе, пока... ну...

Лицо Хагрида потемнело, и Гарри догадывался почему: Том Риддл добился того, чтобы Хагрида выпшвырнули из школы, обвинив в открытии Камеры Секретов. Однако Слагхорн,

судя по всему, не слушал; он смотрел в потолок, с которого свисали многочисленные медные горшки, а между ними – длинный пучок шелковистых ярко-белых волос.

– Это случайно не волосы единорога, Хагрид?

– Ага, они самые, – безразлично ответил Хагрид. – Выпадают из их хвостов, када они в лесу натываются на ветки и всякое прочее...

– Но, дружище, знаешь ли ты, *сколько* это стоит?

– Я их применяю для повязок и прочего, ежли какой зверь ранен, – пожал плечами Хагрид. – Жутко полезная вещь... очень помогает, ага.

Слагхорн сделал ещё один глубокий глоток из своей кружки, в то время как его глазки обшаривали комнату, высматривая, как догадался Гарри, другие сокровища, которые могли бы обеспечить ему отличный приток мёда, настоящего на дубе, ананасовых цукатов и бархатных жилетов. Он долил вина в кружку Хагрида и в свою и начал расспрашивать его о созданиях, обитающих в Лесу, и о том, как Хагриду удаётся за ними за всеми присматривать. Хагрид, став более откровенным под влиянием спиртного и лстивого интереса Слагхорна, перестал промокать глаза и с удовольствием пустился в долгие объяснения семейных взаимоотношений среди подвоточников.

В этот момент Феликс Фелицис слегка подтолкнул Гарри, и он заметил, что запасы принесённого Слагхорном вина быстро подходят к концу. До сих пор Гарри не удавалось произвести Наполняющие чары, не произнося заклинания вслух, но сама мысль о том, что у него это может не получиться *сегодня*, была смехотворной. И точно, Гарри, ухмыльнувшись самому себе, указал волшебной палочкой под столом на пустые бутылки (ни Хагрид, ни Слагхорн этого не заметили – они были заняты тем, что обменивались историями о незаконной торговле драконьими яйцами), и те немедленно начали наполняться.

Примерно через час Хагрид и Слагхорн начали произносить экстравагантные тосты: за Хогвартс, за Дамблдора, за эльфийское вино и за –

– За Гарри Поттера! – воскликнул Хагрид, отправляя себе в глотку остатки вина из четырнадцатой по счёту ведроподобной кружки.

– Да, точно, – не без труда пробормотал Слагхорн. – За Парри Оттера, Избранного Мальчика, Который... это... ну что-то вроде, – и тоже осушил свою кружку.

Вскоре после этого Хагрид вновь пришёл в слезливое состояние и насильно всучил Слагхорну целый хвост единорога; Слагхорн засунул его в карман с криком: «Ради дружбы! Ради щедрости! Ради десяти галлеонов за волос!»

Ещё через некоторое время Хагрид и Слагхорн сидели бок о бок, обнявшись, и пели тягучую печальную песню об умирающем колдуне по имени Одо.

– Ааарр, лучшие всегда умирают рано, – пробормотал слегка окосевший Хагрид, сползая на стол, в то время как Слагхорн продолжал выводить припев. – Мой папа не дожил до старости... Твоя мама и папа тож, Гарри...

Крупные слёзы снова начали собираться в морщинах в уголках его глаз; он схватил Гаррину руку и с чувством её пожал.

– ...лучшие ведьун и колдма⁷⁵ тех лет, кого я ваще знал... Ужасно... просто ужасно...

⁷⁵ «Wiz and witchard» в оригинале, Хагрид перепутал части слов.

Слагхорн вывел заунывную руладу:

И Одо-героя домой принесли,
В края, где он бегал юнец,
Сломав его палочку, там погребли -
Таков был печальный конец.

– ...ужасно, – проворчал Хагрид и, уронив свою огромную косматую голову на руки, громко захрапел.

– Извини, – икнув, сказал Слагхорн. – Мне медведь на ухо наступил.

– Хагрид не имел в виду ваше пение, – тихо произнёс Гарри. – Он говорил о смерти моих мамы и папы.

– О, – Слагхорн подавил отрыжку. – О боже. Да, это было – это действительно было ужасно. Ужасно... ужасно...

Похоже, он не знал, что ещё можно было сказать, так что вернулся к наполнению кружек.

– Вряд ли... вряд ли ты это помнишь, Гарри? – наконец неловко спросил он.

– Нет... ну, мне же был всего год, когда они погибли, – ответил Гарри, не отрывая глаз от пламени свечи, колыхавшегося от тяжёлого храпа Хагрида. – Но с тех пор я много узнал о том, что там произошло. Мой папа погиб первым. Вы это знали?

– Нет... не знал, – глухо сказал Слагхорн.

– Да... Волдеморт убил его, а затем переступил через его тело и подошёл к моей маме.

Слагхорна передёрнуло, но он был не в силах оторвать полного ужаса взгляда от лица Гарри.

– Он сказал ей, чтобы она убиралась с дороги, – беспощадно продолжал Гарри. – Он позже говорил мне, что она могла не умирать. Ему нужен был только я. Она могла уйти.

– О боже, – выдохнул Слагхорн. – Она могла... она могла не... Какой кошмар...

– Ужас, правда? – Гарри почти шептал. – Но она не двинулась с места. Папа был уже мёртв, она не хотела, чтобы и я умер. Она пыталась умолить Волдеморта... но он только смеялся...

– Хватит! – неожиданно вскрикнул Слагхорн, подняв дрожащую руку. – На самом деле, мой дорогой, хватит, а... Я старик... Мне не нужно этого слышать... Я не хочу слышать...

– Я и забыл, – соврал Гарри, влекомый Феликсом. – Вам же она нравилась, да?

– Нравилась? – переспросил Слагхорн, и его глаза вновь наполнились слезами. – Не могу себе представить, чтобы кому-то, кто был с ней знаком, она не нравилась... Такая смелая... такая забавная... Это было самое страшное...

– Но вы не хотите помочь её сыну. Она отдала мне свою жизнь, а вы не хотите отдать воспоминание.

Храп Хагрида наполнил хижину. Гарри не отрываясь смотрел в наполненные слезами глаза Слагхорна. Учитель зелий был явно не в силах отвести взгляд.

– Не говори так, – прошептал он. – Дело не в... Если бы это могло тебе как-то помочь, то конечно... но никакой же пользы не будет...

– Будет, – отчётливо произнёс Гарри. – Дамблдору нужна информация. Мне нужна информация.

Он знал, что находится в полной безопасности: Феликс подсказал ему, что наутро Слагхорн ничего не будет помнить. Глядя Слагхорну прямо в глаза, Гарри наклонился чуть вперёд.

– Я Избранный. Я должен убить его. И мне нужно это воспоминание.

Слагхорн стал ещё бледнее, чем обычно; лоб его заблестел от пота.

– Ты *действительно* Избранный?

– Разумеется, да, – спокойно ответил Гарри.

– Но, значит... Мой дорогой... ты просишь очень многого... ты просишь меня, фактически, оказать тебе помощь в попытке уничтожить...

– Вы не хотите избавить мир от колдуна, убившего Лили Эванс?

– Гарри, Гарри, конечно же, хочу, но...

– Вы боитесь, что он узнает, что вы мне помогли?

Слагхорн не ответил; похоже, страх склеил его челюсти.

– Будьте же храбрым, как была моя мать, профессор...

Слагхорн поднял свою пухлую руку и приложил дрожащую ладонь ко рту; в этот момент он выглядел огромным ребёнком.

– Я не горжусь... – прошептал он сквозь пальцы. – Я очень стыжусь того... того, что в этом воспоминании... Думаю, в тот день я нанёс огромный вред...

– Вы исправите всё, что сделали, если дадите мне это воспоминание. Это будет очень храбрый и благородный поступок.

Хагрид дёрнулся во сне и снова захрапел. Слагхорн и Гарри, не отрывая глаз, смотрели друг на друга сквозь пламя свечи. Повисло долгое, тяжёлое молчание, но Феликс Фелицис подсказал Гарри, что его не надо нарушать, надо просто подождать.

Затем Слагхорн очень медленно засунул руку в карман и вытащил волшебную палочку. Другой рукой он извлёк из внутреннего кармана плаща маленький пустой флакон. По-прежнему глядя Гарри в глаза, Слагхорн дотронулся до виска кончиком волшебной палочки. Потом он отвёл палочку, и, цепляясь за её конец, из его головы стала вытягиваться длинная серебристая нить воспоминания. Она всё тянулась и тянулась, пока наконец не оборвалась и не закачалась, свисая с палочки. Слагхорн опустил её во флакон, где она свилась в спираль, затем заполнила весь объём, словно газ. Дрожащей рукой он закупорил флакон и протянул его через стол Гарри.

– Большое спасибо, профессор.

– Ты хороший мальчик, – сказал профессор Слагхорн; слёзы текли по его пухлым щекам, задерживаясь в моржовых усах. – И у тебя её глаза... Только не думай обо мне очень плохо, когда ты это увидишь...

После чего он тоже уронил голову на руки, глубоко вдохнул и погрузился в сон.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ХОРКРАКСЫ

Пробираясь в замок, Гарри ощутил, что Феликс Фелицис постепенно перестаёт действовать. Входная дверь по-прежнему была не заперта, но на третьем этаже он наткнулся на Пивза и лишь с трудом избежал обнаружения, в последний момент нырнув в один из потайных проходов. Когда Гарри добрался до портрета Полной Леди и стянул с себя плащ-невидимку, он уже не удивился, застав её в чрезвычайно дурном настроении.

– Как ты думаешь, сколько сейчас времени?

– Я очень извиняюсь... Мне надо было выйти наружу по важному...

– Так вот, пароль в полночь поменялся, так что тебе теперь придётся спать в коридоре, понятно?

– Ты шутишь! – воскликнул Гарри. – С чего это он должен был смениться в полночь?

– А вот с того, – ответила Полная Леди. – Если тебе это не нравится – пойди и пожалуйся директору, это он усилил меры безопасности.

– Фантастика, – горько сказал Гарри, посмотрев на твёрдый пол. – Просто супер. Да, конечно, я бы пошёл и пожаловался Дамблдору, если б только он был в замке, потому что он-то как раз и хотел, чтобы я...

– Он здесь, – произнёс голос за спиной у Гарри. – Профессор Дамблдор вернулся в школу около часа назад.

Навстречу Гарри скользил Почти Безголовый Ник, в своей обычной манере покачивая головой над своим жабо.

– Я узнал это от Кровавого Барона, видевшего, как он прибыл, – пояснил Ник. – Согласно Барону, он, похоже, в хорошем настроении, хотя, разумеется, немного устал.

– Где он? – сердце Гарри подпрыгнуло.

– О, стонет и гремит цепями в Астрономической Башне, это его любимое развлечение...

– Да не Кровавый Барон, Дамблдор!

– А, он... он в своём кабинете, – ответил Ник. – Судя по тому, что сказал Барон, у него есть ещё дела, прежде чем он отойдёт ко...

– Точно, есть, – заявил Гарри, которого буквально распирало от возбуждения при мысли о том, что он сообщит Дамблдору о добытом воспоминании. Он снова развернулся и побежал, не обращая внимания на призывы Полной Леди:

– Вернись! Ну хорошо, хорошо, я соврала! Я просто была сердита, что ты меня разбудил! Пароль по-прежнему «Солитёр»!

Но Гарри уже спешил обратно по коридору; уже через несколько минут он сообщил про «эклеры с тянучкой» Дамблдоровой горгулье, которая немедленно отпрыгнула, открыв путь к витой лестнице.

– Войдите, – отозвался Дамблдор в ответ на Гарриин стук. Голос его был очень усталым.

Гарри толкнул дверь. Кабинет Дамблдора выглядел совершенно как обычно, лишь небо за окном было чёрным и звёздным.

– Боже мой, Гарри, – с удивлением произнёс Дамблдор. – Чем обязан удовольствию столь поздней встречи?

– Сэр – я его достал. Я достал воспоминание Слагхорна.

Гарри вытащил маленький стеклянный флакон и показал его Дамблдору. Секунду или две директор выглядел потрясённым. Затем его лицо осветила широкая улыбка.

– Гарри, какая замечательная новость! Действительно великолепная работа! Я знал, что ты можешь это сделать!

Полностью позабыв о позднем часе, он быстро обошёл вокруг стола, взял флакон с воспоминанием Слагхорна здоровой рукой и подошёл к шкафу, где хранился ситодум.

– Вот теперь, – сказал Дамблдор, ставя каменную чашу на стол и опорожня в неё флакон, – теперь мы наконец-то увидим... Гарри, быстрее...

Гарри послушно склонился над ситодумом и ощутил, как его ноги отрываются от пола кабинета... В очередной раз пролетев сквозь тьму, он приземлился в кабинете Горация Слагхорна многолетней давности.

В кабинете снова был значительно более молодой Гораций Слагхорн с густыми, блестящими соломенно-жёлтыми волосами и светло-рыжими усами. Снова он сидел в удобном кресле с широкими подлокотниками, положив ноги на бархатный пуфик, держа в одной руке небольшой бокал вина, а другой шаря в коробке ананасовых цукатов. Вокруг него сидело полдюжины подростков, среди них – Том Риддл с чёрно-золотым кольцом Марволо на пальце.

Дамблдор приземлился рядом с Гарри в тот самый момент, когда Риддл спросил:

– Сэр, это правда, что профессор Мерритот уходит в отставку?

– Том, Том, даже если б я знал, я бы тебе не сказал, – ответил Слагхорн, грозя Риддлу своим испачканным сахарной пудрой пальцем и в то же время подмигивая. – Должен сказать, хотелось бы мне знать, откуда ты всё это узнаёшь, мальчик; ты знаешь больше, чем половина преподавателей.

Риддл улыбнулся; остальные мальчики засмеялись, восхищённо поглядывая на него.

– С твоей потрясающей способностью знать вещи, которые тебе знать не положено, и с твоим умением тонко льстить тем, кто имеет вес в обществе, – кстати, спасибо за ананасы, ты совершенно прав, это мои любимые...

Несколько мальчиков снова хихикнули.

– ...я уверен, что лет через двадцать ты станешь министром магии. Через пятнадцать, если и дальше будешь присылать мне ананасы. У меня *отличные* знакомства в Министерстве.

Том Риддл улыбнулся, в то время как остальные вновь засмеялись. Гарри заметил, что он был явно не самым старшим среди подростков, но, похоже, все они признавали его своим лидером.

– Не уверен, что занятие политикой мне подходит, – сказал он, когда смех поутих. – Начать с того, что у меня происхождение неподходящее.

Несколько мальчиков вокруг него ухмыльнулись друг другу. Гарри был уверен, что они смеются над тем, что понятно только им: они либо знали, либо догадывались о знаменитом предке лидера их компании.

— Ерунда, — резко произнёс Слагхорн. — С твоими-то способностями — никаких сомнений, что ты из достойного колдовского рода. Нет, Том, ты далеко пойдёшь, я ещё ни разу ни в одном ученике не ошибся.

Маленькие золотые часы на столе Слагхорна пробили одиннадцать, и Слагхорн оглянулся.

— Боже ты мой, это уже столько времени? Вам лучше идти к себе, мальчики, а то нас всех ждут неприятности. Лестрэндж, завтра последний срок сдачи твоего эссе, иначе ты будешь наказан. Это и тебя касается, Эйвери.

Мальчики по одному вышли из кабинета. Слагхорн выбрался из кресла и отнёс свой пустой бокал на стол. Ощутив какое-то движение за своей спиной, он обернулся; Риддл по-прежнему был в комнате.

— Живей, Том. Тебе же не надо, чтобы тебя поймали в неурочный час в неправильном месте, и к тому же ты префект...

— Сэр, я хотел вас кое о чём спросить.

— Ну тогда давай, мо'мальчик, спрашивай...

— Сэр, я подумал, не знаете ли вы, что такое... что такое Хоркраксы?

Слагхорн уставился на него, с отсутствующим видом поглаживая своими пухлыми пальцами ножку бокала.

— Это тебе для задания по защите от Тёмных искусств, так, что ли?

Однако Гарри был абсолютно уверен: Слагхорн прекрасно знал, что эта тема не имеет никакого отношения к школьным заданиям.

— Не совсем, сэр, — ответил Риддл. — Я наткнулся на этот термин в одной из книг и не вполне его понял.

— Ну... тебе трудновато будет найти в Хогвартсе книгу, которая бы подробно рассказала тебе о Хоркраксах, Том. Это очень Тёмная вещь, на самом деле очень Тёмная.

— Но вы ведь всё о них знаете, сэр? В смысле, такой колдун, как вы... Простите, я хотел сказать — не знаю, можете ли вы мне рассказать... Я просто знаю, что если кто-то и может рассказать, то это вы... И я просто подумал, что у вас надо спросить...

Отличная работа, подумал Гарри, эта застенчивость, обыденный тон, осторожная лесть, и нигде он не переиграл. У самого Гарри накопился немалый опыт по части умасливания людей, не желающих делиться информацией, и он не мог не разглядеть почерк мастера. Он был уверен, что эта информация была очень, очень нужна Риддлу; возможно, к этому моменту Риддл готовился неделями.

— Что ж, — произнёс Слагхорн, играясь с лентой, которой была перевязана коробка с цукатами, и не глядя на Риддла. — Что ж, если дать тебе самое общее представление, никакого вреда от этого не будет. Просто чтобы ты понял этот термин. Слово «Хоркракс» используется для обозначения предмета, в котором кто-либо спрятал часть своей души.

— Но я не очень понимаю, как это работает, сэр, — сказал Риддл.

Он тщательно сдерживал свой голос, но Гарри ощущал его возбуждение.

– Ну, понимаешь, душа расщепляется, – начал объяснять Слагхорн, – и часть её прячется в какой-либо предмет вне тела. После этого, даже если тело будет уничтожено, человек не может умереть, так как часть его души остаётся привязанной к земле и неповреждённой. Но, разумеется, существование в таком виде...

Лицо Слагхорна скривилось, а Гарри поневоле вспомнил слова, услышанные им почти два года назад.

– Я был оторван от своего тела, я был меньше чем дух, меньше чем самый завалящий призрак... но тем не менее я был жив.

– ...немногие захотели бы такого, Том, очень немногие. Смерть куда лучше.

Но жажда Риддла теперь была очевидной, он не мог более её скрывать. С жадным выражением лица он спросил:

– А как можно расщепить душу?

– Вообще-то, – в некотором смятении ответил Слагхорн, – ты должен осознавать, что душа должна оставаться целой и невредимой. Расщепление её – это насилие, это против природы.

– Но всё же как это можно сделать?

– Совершив злодеяние – величайшее злодеяние. Совершив убийство. Убивая, человек разрывает собственную душу. Колдун, желающий создать Хоркракс, использует это в своих целях: он помещает оторванную часть в...

– Помещает? Но как?..

– Ну есть там какое-то заклинание, не спрашивай меня, мне-то откуда знать! – Слагхорн дёрнул головой подобно старому слону, которому докучают комары. – Я что, похож на человека, который пробовал это – я похож на убийцу?

– Нет, сэр, конечно же нет, – быстро ответил Риддл. – Я извиняюсь... Я не хотел вас оскорбить...

– Ничего, ничего, я не обиделся, – хрипло произнёс Слагхорн. – Это естественно – ощущать любопытство в отношении таких вещей... Крупных колдунов всегда притягивала эта область магии...

– Да, сэр. Но чего я всё ещё не понимаю – чисто из любопытства – я хочу сказать, какая польза от одного Хоркракса? А душу можно расщепить только один раз? Не лучше ли было бы, не стали бы вы сильнее, если бы душа состояла из нескольких частей? К примеру, семь – разве не самое сильное магическое число, и разве семь частей не –

– Чёрт побери, Том! – вскричал Слагхорн. – Семь! Неужели думать об убийстве всего одного человека – это недостаточно омерзительно? И в любом случае... разделить душу надвое уже плохо... но разорвать её на семь частей...

Слагхорн выглядел глубоко обеспокоенным: он смотрел на Риддла так, словно никогда раньше его толком не видел. Гарри был уверен, что он начал сожалеть о том, что этот разговор вообще начался.

– Конечно, – прошептал он, – всё, что мы тут обсуждаем, это чисто гипотетически, так? Чисто академический интерес...

– Да, сэр, конечно же, – быстро кивнул Риддл.

– Но всё равно, Том... не очень распространяйся о том, что я тебе рассказал... то есть, что мы обсуждали. Людям не понравится, что мы беседовали о Хоркраксах. Это, видишь ли, в Хогвартсе запрещённая тема... Особенно Дамблдор на этом настаивает...

– Я никому не скажу, сэр, – и Риддл вышел из комнаты, но Гарри успел разглядеть его лицо, полное той же дикой радости, как тогда, когда он узнал, что он колдун, – радости, которая не освещала его красивые черты лица, но каким-то образом делала их менее человеческими...

– Спасибо тебе, Гарри, – тихо сказал Дамблдор. – Пойдём...

Когда Гарри вновь очутился на полу кабинета, Дамблдор уже усаживался за свой стол. Гарри также сел и начал ждать, что скажет Дамблдор.

– Очень долго я надеялся получить это доказательство, – наконец произнёс Дамблдор. – Оно подтверждает теорию, над которой я работал, оно означает, что я прав, и оно даёт понять, как много ещё предстоит сделать...

Внезапно Гарри заметил, что все до единого бывшие директора и директрисы в настенных портретах внимательно прислушивались к их разговору. Дородный красноносый колдун даже достал слуховой рожок.

– Что ж, Гарри, – продолжил Дамблдор, – Я уверен, ты понимаешь всю важность того, что мы только что услышали. Когда Тому было столько же лет, сколько сейчас тебе, плюс-минус несколько месяцев, Том Риддл делал всё возможное, чтобы выяснить, как стать бессмертным.

– Значит, вы думаете, ему удалось, сэр? – спросил Гарри. – Он создал Хоркракс? И именно поэтому он не умер, когда попытался меня убить? Где-то у него был спрятанный Хоркракс? И часть его души была в безопасности?

– Часть души... или несколько. Ты слышал Волдеморта: больше всего он хотел услышать мнение Горация о том, что произойдёт с колдуном, который создаст более одного Хоркракса; что произойдёт с колдуном, настолько сильно стремящимся избежать смерти, что он готов убивать многократно, раз за разом калечить свою душу, чтобы хранить её в нескольких спрятанных в разных местах Хоркраксах. Никакая книга не могла дать ему таких сведений. Насколько мне известно – и, я уверен, насколько было известно Волдеморту, – ни один колдун не зашёл дальше разделения своей души надвое.

Дамблдор помолчал, приводя в порядок свои мысли, после чего сказал:

– Четыре года назад я получил, как я тогда же подумал, серьёзное доказательство того, что Волдеморт разделил свою душу.

– Откуда? – спросил Гарри. – И каким образом?

– Его дал мне ты, Гарри. Это дневник, дневник Риддла, тот самый, который давал указания, как открыть Камеру Секретов.

– Не понимаю, сэр.

– Что ж, хотя я сам и не был свидетелем того, как Риддл вышел из дневника, по твоему описанию я понял, что такого явления я никогда не видел. Простое воспоминание, начавшее думать и действовать само по себе? Простое воспоминание, способное высасывать

жизненные силы из девочки, в руки которой оно попало? Нет, в этой книге жило нечто гораздо более зловещее... часть души, в этом я был почти уверен. Дневник был Хоркраксом. Но в результате возникло не меньше вопросов, чем было отвечено. Что больше всего меня заинтриговало и встревожило – так это то, что дневник предназначался для использования в качестве оружия, а не только как средство страховки.

– Я всё равно пока не понимаю, – сказал Гарри.

– Ну, он сработал так, как должен работать Хоркракс, – другими словами, скрытая в нём часть души осталась в безопасности и, несомненно, сыграла свою роль в предотвращении смерти своего хозяина. Но, несомненно, Риддл хотел, чтобы его дневник был прочитан, чтобы часть его души вселилась или завладела кем-то, так что монстр Слизерина мог быть выпущен вновь.

– Ну, наверно, он не хотел, чтобы его труд пропал впустую, – предположил Гарри. – Он хотел, чтобы люди узнали, что он наследник Слизерина, раз он не мог заявить об этом открыто в то время.

– Совершенно верно, – кивнул Дамблдор. – Но неужели ты не понимаешь, Гарри, что если он намеревался передать или подложить свой дневник какому-либо будущему ученику Хогвартса, это означало, что он на удивление пренебрежительно относился к драгоценной частице своей души, которая в нём хранилась? Назначение Хоркракса, как объяснил профессор Слагхорн, состоит в том, чтобы хранить часть себя в безопасности, а вовсе не в том, чтобы швырнуть её в кого-то ещё, рискуя её уничтожением – что, кстати, и произошло: благодаря тебе эта конкретная часть души перестала существовать.

Та беспечность, с которой Волдеморт распорядился своим Хоркраксом, казалась мне наиболее зловещей. Это предполагало, что он создал – или собирался создать – ещё Хоркраксы, так что потеря первого из них не должна была нанести слишком серьёзного ущерба. Я не хотел в это верить, но других осмысленных предположений не было.

Затем, два года спустя, ты рассказал мне, что в ту ночь, когда Волдеморт вернул себе тело, он сообщил своим Пожирателям Смерти чрезвычайно информативную и тревожную вещь. *«Я, прошедший дальше, чем кто бы то ни было, по тропе, ведущей к бессмертию»*. Вот что, согласно твоим словам, он тогда сказал. *«Дальше, чем кто бы то ни было»*. И мне показалось, что я догадался, что это значит, хотя Пожиратели Смерти и не догадались. Он имел в виду свои Хоркраксы, Хоркраксы во множественном числе, Гарри, чего, насколько я знаю, не достиг ещё ни один колдун. Но всё совпадало: Лорд Волдеморт с годами казался всё менее похожим на человека, и его преобразование, на мой взгляд, могло объясняться лишь тем, что он подвергал свою душу увечью за пределами того, что мы считаем обычным злом...

– Значит, он добился того, что его стало невозможно убить, ценой убийства других людей? Почему он тогда не сделал или не украл Философский Камень, если он так стремился к бессмертию?

– Вообще-то мы знаем, что он пытался сделать именно это, пять лет назад. Но, на мой взгляд, есть несколько причин, по которым Философский Камень должен был привлекать Волдеморта в меньшей степени, нежели Хоркраксы.

Хотя Эликсир Жизни на самом деле продлевает жизнь, его необходимо пить постоянно, вечно, если человек собирается быть действительно бессмертным. Таким образом, Волдеморт был бы полностью зависим от Эликсира, и если бы он кончился, или испортился, или Камень был бы украден – Волдеморт бы умер, как любой человек. Волдеморт любит действовать в одиночку, не забывай. Я полагаю, сама мысль о том, чтобы от чего-либо зависеть, даже от Эликсира, была для Волдеморта невыносима. Разумеется, он был готов пить его, если бы это избавило его от кошмарного полусуществования, к которому он был приговорён после нападения на тебя, – но только чтобы обрести тело. После этого, я уверен, он намеревался по-прежнему полагаться на Хоркраксы; если бы только ему удалось вернуть себе человеческий облик, ничто другое ему бы не потребовалось. Он был уже бессмертен, понимаешь ли... или настолько близок к бессмертию, насколько может быть близок человек.

Теперь, Гарри, вооружённые этой информацией, ключевым воспоминанием, которое тебе удалось для нас добыть, мы подошли к секрету смерти Лорда Волдеморта ближе, чем кто-либо до нас. Ты сам слышал его, Гарри: «Не лучше ли было бы, не стали бы вы сильнее, если бы душа состояла из нескольких частей... Семь – разве не самое сильное магическое число...» *Семь – самое сильное магическое число.* Да, думаю, идея расщепления души на семь частей очень понравилась бы Лорду Волдеморту.

– Он создал *семь* Хоркраксов? – Гарри был в ужасе от услышанного; некоторые портреты на стенах также издавали возгласы, полные шока и негодования. – Но они же могут быть где угодно... спрятаны – зарыты или сделаны невидимыми...

– Я рад, что ты проникся всей глубиной проблемы, – спокойно ответил Дамблдор. – Но, для начала, нет, Гарри, не семь Хоркраксов – шесть. Седьмая часть его души, хоть и искалеченная, обитает в его новом теле. Это была та его часть, которая вела призрачное существование все годы его изгнания; без этой части его личности просто бы не было. Эта часть души должна быть последней, которую должен атаковать любой, кто желает уничтожить Волдеморта, – часть, живущая в его теле.

– Но всё равно, шесть Хоркраксов, – несколько отчаянно произнёс Гарри. – Как мы сможем их найти?

– Ты забываешь... ты уже уничтожил один из них. А ещё один уничтожил я.

– Правда? – жадно спросил Гарри.

– Да, безусловно, – Дамблдор поднял свою почерневшую, обожжённую на вид руку. – Кольцо, Гарри. Кольцо Марволо. И в придачу – страшное проклятие, которое на нём лежало. Извини меня за нескромность, но, если бы не мои экстраординарные способности и не своевременные меры, принятые профессором Снейпом, когда я, тяжело раненный, вернулся в Хогвартс, – я, скорее всего, не дожил бы до того, чтобы рассказать тебе эту историю. Однако иссохшая рука не выглядит слишком большой платой за одну седьмую часть души Волдеморта. Кольцо более не является Хоркраксом.

– Но как вы его нашли?

– Ну, как ты уже знаешь, уже многие годы я работал над получением как можно более подробной информации о прошлом Волдеморта. Я много путешествовал по тем местам, которые он знал. Я наткнулся на это кольцо, скрытое в развалинах дома Гонтов. Судя по

всему, как только Волдеморту удалось запереть в нём часть своей души, он перестал его носить. Он спрятал его, защитив многочисленными сильными заклятиями, в хижине, где когда-то жили его предки (Морфин, как ты помнишь, был уже отправлен в Азкабан). Он не предполагал, что в один прекрасный день я озабочусь нанесением визита в эти развалины и что я буду искать следы магической маскировки.

Однако нам рано пока радоваться и поздравлять друг друга. Ты уничтожил дневник, я – кольцо, но, если мы правы в нашем предположении о разделённой на семь частей душе, остались ещё четыре Хоркракса.

– Но это может быть что угодно? – сказал Гарри. – Это могут быть старые консервные банки, там, не знаю, пустые бутылки из-под зелий?..

– Ты думаешь о портключах, Гарри – они действительно должны быть обычными предметами, которые легко проглядеть. Но чтобы Лорд Волдеморту использовал консервные банки и старые бутылки для хранения своей драгоценной души? Ты забываешь то, что я тебе показывал. Лорду Волдеморту нравилось коллекционировать, и он предпочитал предметы с богатой магической историей. Его гордыня, вера в собственное превосходство, его намерение вписать своё имя в историю громадными буквами – всё это говорит мне, что Волдеморту подбирал Хоркраксы очень тщательно, отдавая предпочтение предметам, достойным такой чести.

– Но дневник не был таким уж особенным.

– Дневник, как ты сам сказал – доказательство того, что он – наследник Слизерина. Уверен, Волдеморту придавал ему колоссальную важность.

– Так что насчёт других Хоркраксов? Как вы считаете, вы уже знаете их, сэр?

– Я могу только догадываться, – ответил Дамблдор. – В силу уже упомянутых мною причин, я полагаю, что Лорд Волдеморту предпочёл бы предметы, обладающие знатным происхождением. Поэтому я изучил прошлое Волдеморта, чтобы посмотреть, не исчезали ли такие артефакты где-либо поблизости от него.

– Медальон! – вскричал Гарри. – И кубок Хаффлпаффа!

– Да, – улыбнулся Дамблдор. – Готов поставить... ну, наверное, всё же не свою вторую руку, но пару пальцев уж точно, – что они и стали Хоркраксами номер три и четыре. Два последних, если мы предполагаем, что всего он создал шесть, представляют собой более серьёзную проблему, но я позволю себе высказать догадку, что, завладев предметами, принадлежавшими Хаффлпафф и Слизерину, он вознамерился найти те, которыми владел Гриффиндор или Рэйвенкло. Четыре артефакта от четырёх основателей школы, уверен, в воображении Волдеморта выглядели бы весьма заманчиво. Я не могу сказать, удалось ли ему найти что-либо принадлежавшее Рэйвенкло. Однако я уверен, что единственная известная реликвия Гриффиндора в настоящее время в безопасности.

Дамблдор указал своей почерневшей рукой на стену позади себя, где в стеклянном шкафчике, прислонённый к его стенке, стоял инкрустированный рубинами меч.

– Вы думаете, это и было истинной причиной его желания вернуться в Хогвартс, сэр? – спросил Гарри. – Он хотел попробовать найти что-нибудь принадлежавшее другим основателям?

– В точности так я и думаю, – согласился Дамблдор. – Но, к сожалению, это нас не слишком продвигает вперёд, ибо он получил отказ, и, полагаю, у него не было возможности обыскивать школу. Отсюда следует однозначный вывод, что ему так и не удалось воплотить свою мечту собрать предметы всех четырёх основателей. У него определённо были два – возможно, он нашёл три – и это всё, что мы сейчас можем утверждать.

– Даже если он достал что-то от Рэйвенкло или от Гриффиндора, остаётся ещё шестой Хоркракс, – произнёс Гарри, загибая пальцы. – Если только он всё же не заполучил оба?

– Не думаю, – ответил Дамблдор. – Мне кажется, я знаю, что из себя представляет шестой Хоркракс. Интересно, что ты скажешь, если я сознаюсь, что уже некоторое время меня занимает поведение его змеи, Нагини?

– Змеи? – удивлённо переспросил Гарри. – А что, можно делать Хоркраксами животных?

– Ну, вообще-то это не лучший вариант – естественно, доверять часть своей души чему-то, что может само думать и двигаться, весьма рискованно. Однако, если мои расчёты верны, Волдеморту не хватало как минимум одного Хоркракса до намеченных им шести, когда он вошёл в дом твоих родителей, намереваясь убить тебя.

Похоже, для создания Хоркраксов он использовал особенно значимые для него смерти. Твоя смерть таковой определённо являлась. Он верил, что, убивая тебя, он уничтожает опасность, предсказанную пророчеством. Он считал, что он делает себя неуязвимым. И я уверен, что последний Хоркракс он собирался изготовить с твоей смертью.

Как нам известно, он потерпел неудачу. Несколько лет спустя, однако, он использовал Нагини для того, чтобы убить одного старого маггла, и тогда, возможно, ему пришла в голову мысль сделать её своим последним Хоркраксом. Она подчёркивает его связь со Слизерином, что ещё больше усиливает загадочность Лорда Волдеморта. Думаю, он её любит так, как только вообще способен любить. Ему определённо нравится держать её при себе, и он имеет над ней необычайно большую власть, даже для Рассегуба.

– Значит, что мы имеем, – подытожил Гарри. – Дневника больше нет, кольца тоже. Кубок, медальон и змея по-прежнему остаются в целости, и вы предполагаете, что может быть ещё один Хоркракс, принадлежавший когда-то Рэйвенкло или Гриффиндору?

– Чрезвычайно лаконичное и точное резюме, – кивнул Дамблдор.

– Значит... вы по-прежнему их разыскиваете, сэр? Именно этим вы занимаетесь, когда покидаете школу?

– Верно. Я ищу уже очень долгое время. Мне кажется... возможно, я близок к тому, чтобы найти ещё один. Некоторые факты вселяют в меня такую надежду.

– А если вы его найдёте, – быстро произнёс Гарри, – можно я пойду с вами и помогу избавиться от него?

Некоторое время Дамблдор пристально смотрел на него, затем ответил:

– Да, полагаю, можно.

– Можно? – переспросил Гарри, застигнутый врасплох.

– О да, – слегка улыбнулся Дамблдор. – Думаю, ты заслужил это право.

Гарри охватило воодушевление. Приятно было в кои-то веки не слышать слов предостережения и опеки. Директора и директрисы на стенах, похоже, были менее впечатлены решением Дамблдора; Гарри заметил, как некоторые из них качали головами, а Финneas Найджеллус даже фыркнул.

– А когда Хоркракс уничтожается, Волдеморт узнаёт об этом, сэр? Может ли он это почувствовать? – спросил Гарри, не обращая внимания на портреты.

– Очень интересный вопрос, Гарри. Думаю, что нет. Думаю, Волдеморт сейчас настолько погряз во зле, а эти важнейшие части его самого отделены от него уже так долго, что он уже не ощущает так, как ощущаем мы. Может быть, на пороге смерти он обнаружит свою потерю... Но, например, он не знал об уничтожении дневника, пока не вытянул правду из Люциуса Малфоя. Когда Волдеморт обнаружил, что дневник был изуродован и лишён всех магических свойств, его гнев, насколько мне говорили, даже видеть было страшно.

– Но я думал, он хотел, чтобы Люциус Малфой протащил его в Хогвартс?

– Он хотел, но много лет назад, когда он был уверен, что сможет создать ещё Хоркраксы. И в любом случае Люциус должен был ждать его команды, а её-то он и не получил, поскольку Волдеморт исчез вскоре после того, как передал ему дневник. Волдеморт, несомненно, думал, что Люциус не осмелится сделать с Хоркраксом что-то большее, чем просто оберегать, но он слишком полагался на страх Люциуса перед своим господином, который отсутствовал многие годы и которого Люциус считал умершим. Конечно же, Люциус не знал, чем в действительности являлся дневник. Насколько я понимаю, Волдеморт сказал ему, что дневник приведёт к новому открытию Камеры Секретов, поскольку на нём лежит очень хитрое заклятие. Знай Люциус, что в его руках была частица души его господина, он, несомненно, отнёсся бы к дневнику с большим почтением – но вместо этого он, недолго думая, принялся осуществлять уже готовый план, причём намереваясь и для себя извлечь выгоду. Подсовывая дневник дочери Артура Уизли, он надеялся одним выстрелом убить трёх зайцев: дискредитировать Артура, добиться моего увольнения из Хогвартса и избавиться от компрометирующего его предмета. Бедняга Люциус... При той ярости, которую испытал Волдеморт, узнав, что он выбросил Хоркракс ради собственной выгоды, да плюс ещё фиаско в Министерстве в том году – не удивлюсь, если сейчас он втайне рад, что находится в безопасном Азкабанае.

Некоторое время Гарри сидел, размышляя, после чего спросил:

– Значит, если все его Хоркраксы уничтожить, Волдеморта всё-таки *можно* убить?

– Полагаю, что так, – ответил Дамблдор. – Без своих Хоркраксов Волдеморт станет простым смертным с искалеченной и униженной душой. Однако не следует забывать, что, хотя его душа необратимо повреждена, но его разум и его магическая сила в полном порядке. Для того чтобы уничтожить такого колдуна, как Волдеморт, даже без его Хоркраксов, потребуется экстраординарные силы и умения.

– Но у меня нет никаких экстраординарных сил и умений, – не удержавшись, сказал Гарри.

– Они у тебя есть, – твёрдо ответил Дамблдор. – Ты владеешь силой, которой у Волдеморта никогда не было. Ты способен...

– Да знаю я, – немного раздражённо перебил Гарри. – Я способен любить! – С огромным трудом он удержался от того, чтобы добавить: «Тоже мне сила!»

– Да, Гарри, ты способен любить, – произнёс Дамблдор с таким видом, словно он отлично знал, что Гарри сейчас чуть не ляпнул. – С учётом всего, что с тобой происходило, это великое и замечательное свойство. Ты всё ещё слишком молод, чтобы понять, насколько ты необычен, Гарри.

– Значит, то, что сказано в пророчестве, что я обладаю «силой, о которой Тёмный Лорд не знает», – это любовь? – спросил Гарри, ощущая некоторый упадок.

– Да – всего лишь любовь. Но, Гарри, ни в коем случае не забывай: всё, о чём говорит пророчество, имеет значение лишь потому, что Волдеморт в это верит. Я тебе это уже говорил в конце прошлого года. Волдеморт выделил тебя как человека, который для него наиболее опасен, – и тем самым он *сделал* тебя человеком, который для него наиболее опасен!

– Но в итоге-то получается то же самое...

– Нет, не получается! – воскликнул Дамблдор, на сей раз в его голосе звучало нетерпение. Указывая на Гарри своей чёрной скрюченной рукой, он заявил:

– Ты придаёшь пророчеству слишком большое значение!

– Но... – пролепетал Гарри, – но вы же сами сказали, что пророчество означает...

– Если бы Волдеморт так и не услышал об этом пророчестве, было бы оно выполнено? Значило бы оно хоть что-нибудь? Конечно же нет! Неужели ты думаешь, что все пророчества в Зале Пророчеств сбылись?

– Но, – сказал Гарри, поражённый услышанным, – но в том году вы же сказали, что один из нас должен будет убить другого...

– Гарри, Гарри, это только потому, что Волдеморт совершил серьёзную ошибку, основывая свои действия на словах профессора Трелони! Если бы Волдеморт не убил твоего отца, вселил бы он в тебя яростную жажду мести? Конечно же, нет! Если бы он не вынудил твою мать умереть ради тебя, дал бы он тебе магическую защиту, которую сам не мог пробить? Конечно же, нет, Гарри! Неужели ты не видишь? Волдеморт сам создал своего злейшего врага, точно так же, как это делают все тираны! Представляешь ли ты, насколько все тираны боятся людей, которых они угнетают? Все они прекрасно знают, что однажды среди их многочисленных жертв наверняка найдётся тот, кто восстанет против них и нанесёт ответный удар! Волдеморт точно такой же! Он всегда высматривал тех, кто мог бы ему противостоять. Услышав пророчество, он начал действовать, и в итоге он не только собственными руками выбрал человека, наиболее способного к тому, чтобы его убить, но ещё и лично вручил ему невероятно сильное оружие!

– Но...

– Гарри, мне очень важно, чтобы ты это понял, – Дамблдор встал и начал мерить шагами кабинет, его блестящая мантия развевалась за его спиной; Гарри никогда раньше не видел его в таком возбуждении. – Попытавшись убить тебя, Волдеморт сам выделил из всех одну примечательную личность, которая сейчас сидит у меня перед глазами, и дал ей всё, чтобы она могла сделать свою работу! Это исключительно вина Волдеморта, что ты можешь проникать в его мысли, в его устремления, даже понимаешь змеиный язык, которым он отдаёт

приказания! Но тем не менее, Гарри, несмотря на свою привилегию вхождения во внутренний мир Волдеморта (ради обладания этим даром, между прочим, любой Пожиратель Смерти был бы способен на что угодно), тебя никогда не соблазняли Тёмные искусства, ты никогда, ни на секунду не выказывал даже малейшего желания стать одним из последователей Волдеморта!

– Конечно, не выказывал! – сердито произнёс Гарри. – Он убил моих маму и папу!

– Другими словами, тебя защищает твоя способность любить! – воскликнул Дамблдор. – Это единственная защита, которая может противостоять соблазну такой силы, как у Волдеморта! Несмотря на все искушения, которым ты подвергался, несмотря на все страдания, ты сохранил чистое сердце – такое же чистое, как в возрасте одиннадцати лет, когда ты смотрел в зеркало, отражавшее твоё самое сокровенное желание, и оно показало тебе лишь способ помешать Лорду Волдеморту, но не бессмертие или богатство. Гарри, ты хоть имеешь представление о том, насколько мало колдунов смогли бы увидеть в этом зеркале то, что увидел ты? Волдеморту ещё тогда следовало бы знать, с чем он имеет дело, но он этого не знал!

Но теперь он знает. Ты проник в мысли Лорда Волдеморта, не причинив себе вреда, но он не может обладать тобой, не испытывая смертельной агонии, как обнаружилось в Министерстве. Не думаю, что он понимает, почему именно, Гарри, но он так торопился изувечить свою душу, что в спешке не успел оценить несравненную силу души целой и незапятнанной.

– Но, сэр, – сказал Гарри, изо всех сил стараясь не выглядеть заядлым спорщиком, – всё равно это всё сводится к тому же, разве не так? Я должен попытаться его убить, а иначе...

– Должен? Конечно же, ты должен! Но только не из-за пророчества! А из-за того, что ты, ты сам, не будешь знать покоя, пока не попытаешься! Мы оба это знаем! Пожалуйста, представь себе на минуточку, что ты никогда не слышал этого пророчества! Что бы ты сейчас чувствовал в отношении Волдеморта? Подумай!

Гарри наблюдал, как Дамблдор ходит перед ним взад-вперёд, и думал. Он подумал про свою мать, про отца, про Сириуса. Он подумал про Седрика Диггори. Он подумал про все страшные дела Волдеморта, о каких только знал. Казалось, пламя разгорается в его груди, опаливая горло.

– Я хотел бы, чтобы он был уничтожен, – тихо ответил он. – И я хотел бы сделать это сам.

– Ну конечно, ты хотел бы! – вскричал Дамблдор. – Ты понимаешь, пророчество вовсе не означает, что ты *должен* что-либо делать! Но пророчество заставило Лорда Волдеморта *пометить тебя как равного себе*... Другими словами, ты свободен выбирать свою дорогу, ты абсолютно свободен отринуть пророчество! Но Волдеморту по-прежнему придаёт пророчеству большое значение. Он будет продолжать охотиться за тобой... и это, очевидно, означает, что...

– ...что в конце концов один из нас должен убить другого, – закончил Гарри. – Да.

Но он наконец-то понял то, что пытался объяснить ему Дамблдор. Это, думал Гарри, как различие между человеком, которого тащат на арену, где ему предстоит драться за свою

жизнь, и человеком, выходящим на арену с высоко поднятой головой. Кое-кто, возможно, сказал бы, что здесь нет особой разницы, но Дамблдор знает – и я теперь тоже знаю, с яростной гордостью думал Гарри, и мои родители знали – разница есть, и огромнейшая.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

SECTUMSEMPRA

Вымотанный, но чрезвычайно довольный проделанной этой ночью работой, Гарри пересказал всё произошедшее Рону и Гермионе на следующее утро во время урока чар (предварительно наложив заклинание *Muffliato* на всех находившихся поблизости). К удовольствию Гарри, они оба были впечатлены тем, как он выманил у Слагхорна его воспоминание, и просто потрясены, услышав его рассказ о Хоркраксах Волдеморта и об обещании Дамблдора взять Гарри с собой, если он найдёт ещё один.

– Ух ты, – произнёс Рон, когда Гарри наконец закончил своё повествование; Рон рассеянно взмахивал своей волшебной палочкой в направлении потолка, не обращая ни малейшего внимания на то, что он делает. – Ух ты. Ты на самом деле пойдёшь с Дамблдором... и попытаешься уничтожить... Ничего себе.

– Рон, там из-за тебя снег идёт, – терпеливо сказала Гермиона, хватая его за запястье и отводя палочку от потолка, с которого действительно начали падать большие белые хлопья. Гарри заметил, как Лаванда Браун посмотрела на Гермиону покрасневшими и припухшими глазами, после чего Гермиона тут же отпустила руку Рона.

– Ой, правда, – Рон в рассеянном удивлении скосил глаза на свои плечи. – Прости... Теперь похоже, будто у нас у всех жуткая перхоть...

Он стряхнул немного фальшивого снега с плеча Гермионы. Лаванда разрыдалась. Рон сразу же принял очень виноватый вид и повернулся к ней спиной.

– Мы разругались окончательно, – уголком рта объяснил он Гарри. – Вчера вечером. Когда она увидела, как я выходил из спальни с Гермионой. Ну конечно, тебя-то она видеть не могла, поэтому подумала, что мы там были вдвоём.

– А, – произнёс Гарри. – Ну... ты же не против, что это закончилось, правда?

– Да, – признал Рон. – Правда, когда она орала, это было просто жутко, но, по крайней мере, мне не пришлось самому это прекращать.

– Трусишка, – сказала Гермиона с таким видом, словно её это забавляло. – Вообще, вчерашний вечер для романов оказался очень неудачным. Джинни с Дином тоже разругались, Гарри.

Гарри показалось, что, говоря это, она смотрела на него очень понимающим взглядом, но вряд ли она могла знать, что внутренности Гарри при этих словах внезапно начали отплясывать конгу. Стараясь сохранять спокойное лицо и равнодушный голос, он небрежно поинтересовался:

– Как это они умудрились?

– О, совершенно по-глупому... Она сказала, что он вечно пытается помочь ей пролезть через дыру за портретом, словно она сама не может этого сделать... Но вообще-то они уже давно не очень ладили.

Гарри кинул взгляд на Дина, сидящего в противоположном конце класса. Вид у него определённо был унылый.

– Это, конечно, ставит перед тобой некоторую дилемму, не так ли? – продолжила Гермиона.

– В каком смысле? – быстро спросил Гарри.

– Квиддичная команда. Если Джинни и Дин не разговаривают друг с другом...

– А... ах да.

– Флитвик, – предостерегающе произнёс Рон. Крохотный преподаватель чар, подсакивая, двигался в их сторону, а превратить уксус в вино пока удалось лишь Гермионе; её стеклянный флакон был полон тёмно-красной жидкости, в то время как содержимое флаконов Гарри и Рона оставалось тёмно-бурым.

– Ну, ну, мальчики, – неодобрительно пропищал профессор Флитвик. – Чуть меньше болтовни, чуть больше работы... Дайте-ка я гляну, как у вас получается...

Они синхронно подняли волшебные палочки, сконцентрировавшись изо всех сил, и направили их на свои флаконы. Гарри уксус тотчас превратился в лёд; флакон Рона взорвался.

– Так... на дом вам... – профессор Флитвик вынырнул из-под стола, стряхивая осколки стекла со своей шляпы, – *упражняться*.

После чар было одно из редких окон в расписании у всех троих сразу, и они вместе направились в общую комнату. Рон выглядел совершенно счастливым по поводу разрыва своих отношений с Лавандой. Гермиона тоже была радостной, хотя на вопрос, чему она улыбается, она просто ответила: «отличный день сегодня». Оба они, похоже, не замечали, какая жестокая битва кипит у Гарри в голове.

Она сестра Рона.

Но она же отшила Дина!

И тем не менее она сестра Рона.

Я его лучший друг!

Это ещё хуже.

Если бы я сперва с ним поговорил...

Он бы тебя побил.

Ну а если мне наплевать?

Он твой лучший друг!

Гарри едва заметил, что они пробрались в освещённую солнцем общую комнату, и лишь рассеянно зафиксировал собравшуюся там кучку семикурсников, но тут Гермиона вскрикнула:

– Кэти! Ты вернулась! У тебя всё нормально?

Гарри вытаращил глаза: действительно, это была Кэти Белл, абсолютно здоровая на вид и окружённая своими торжествующими друзьями.

– Всё просто отлично! – радостно ответила она. – Меня выписали из больницы в понедельник, пару дней я провела дома с родителями, а сегодня утром приехала сюда. Линн как раз мне рассказывала про МакЛэгтена и последний матч, Гарри...

– Ага, – кивнул Гарри. – Ну, теперь, когда ты с нами и Рон в порядке, у нас отличный шанс вынести Рэйвенкло, а значит, мы всё ещё можем взять Кубок. Слушай, Кэти...

Он не мог не расспросить её немедленно; любопытство даже временно вытеснило из его головы Джинни. Он понизил голос, в то время как друзья Кэти принялись собираться; судя по всему, они опаздывали на трансфигурацию.

– ...то ожерелье... Ты сейчас не помнишь, кто тебе его дал?

– Нет, – удручённо покачала головой Кэти. – Меня все об этом спрашивают, но я не имею ни малейшего понятия. Последнее, что я помню, – это что я направлялась в женский туалет в «Трёх мётлах».

– Ты точно пошла в туалет? – спросила Гермиона.

– По крайней мере, я знаю, что открыла дверь. Поэтому я думаю, что тот, кто наложил на меня Имперкус, стоял прямо за ней. После этого я ничего не помню, пока не пришла в себя две недели назад в больнице св. Мунго. Слушай, мне пора идти, с МакГонаггалл станется заставить меня писать, даже если я только что вернулась в школу...

Она подхватила свою сумку с книгами и поспешила за своими однокурсниками, предоставив Гарри, Рону и Гермионе сесть за столик у окна и обсуждать то, что она им только что сказала.

– Значит, ожерелье Кэти дала женщина или девушка, – сказала Гермиона. – Раз она была в женском туалете.

– Или кто-то, кто выглядел женщиной или девушкой, – поправил её Гарри. – Не забывай, в Хогвартсе был целый котёл Многосущного зелья. И мы знаем, что часть его была украдена...

В его воображении продефилировала целая колонна Крэббов и Гойлов, превращённых в девушек.

– Пожалуй, мне придётся ещё хлебнуть Феликса, – задумчиво проговорил Гарри, – и снова попытать счастья с Насущной Комнатой.

– И это будет совершенно бесполезная трата зелья, – тускло сказала Гермиона, откладывая в сторону «Справочник заклинателя», только что вынутый ею из сумки. – Удача – это ещё далеко не всё, Гарри. Со Слагхорном было совсем другое дело; ты всегда мог убедить его, тебе просто надо было чуть подтолкнуть обстоятельства. А вот чтобы пройти сквозь сильное заклятье, одной удачи недостаточно. Так что лучше не трать остаток зелья! Тебе понадобится вся твоя удача, – она понизила голос до шёпота, – если Дамблдор возьмёт тебя с собой...

– А мы не сможем его ещё сделать? – спросил Рон, не обращая внимания на Гермиону. – Иметь запас было бы просто классно... глянь в книгу, а?

Гарри вытащил из сумки своё «Продвинутое зельеварение» и пролистал его в поисках Феликса.

– Ёлки, трудная штука, – сказал он, пробежав взглядом длинный список ингредиентов. – И его надо шесть месяцев делать... Оно должно прокипеть...

– Как всегда, – подытожил Рон.

Гарри уже собирался убрать книгу обратно, когда на глаза ему попался загнутый уголок страницы; открыв эту страницу, он обнаружил найденное им пару недель назад заклинание «*Sectumsempra*» с пометкой «*Для врагов*». Он пока так и не выяснил, что делает это заклинание,

главным образом из-за того, что ему не хотелось испытывать его в присутствии Гермионы, но он решил всерьёз рассмотреть возможность опробовать его на МакЛэгене в следующий же раз, когда сможет подкараулить его сзади.

Единственным, кто был не особо доволен возвращением в школу Кэти Белл, был Дин Томас, поскольку заменять её в качестве гончего от него более не требовалось. Он весьма достойно перенёс этот удар, когда Гарри сказал ему об этом, – лишь пожал плечами и проворчал что-то себе под нос, – но, когда Гарри отошёл, у него сложилось впечатление, что за его спиной Дин с Шеймасом начали о чём-то возмущённо перешёптываться.

На протяжении следующих двух недель квиддичные тренировки проходили лучше, чем когда бы то ни было при Гаррином капитанстве. Команда была настолько довольна избавлением от МакЛэгена, настолько рада долгожданному возвращению Кэти, что все игроки летали просто великолепно.

Джинни, похоже, совершенно не огорчилась по поводу своего разрыва с Дином; напротив, она была душой команды. Когда она изображала Рона, встревоженно мечущегося взад-вперёд перед кольцами при приближении квоффла, или Гарри, кричащего на МакЛэгена перед тем, как тот его вырубил, все просто умирали со смеху. Гарри, смеявшийся вместе со всеми, был рад лишнему поводу посмотреть на Джинни; он получил ещё несколько ударов бладжером, поскольку уделял меньше внимания снитчу и вообще игре.

В его голове по-прежнему кипела битва: Джинни или Рон? Иногда ему казалось, что теперь, после Лаванды, Рон не станет возражать, если он начнёт ухаживать за Джинни. Но потом он припоминал выражение лица Рона, когда тот заметил, как Джинни целуется с Дином, и приходил к выводу, что Рон сочтёт страшнейшим предательством, если Гарри до неё хотя бы дотронется...

При всём при том Гарри не мог не разговаривать с Джинни, смеяться вместе с ней, возвращаться с тренировок вместе с ней. Несмотря на угрызения совести, он помимо своей воли размышлял над тем, как бы оказаться с ней наедине. Идеальным вариантом было бы, если бы Слагхорн устроил ещё одну из своих маленьких вечеринок, поскольку там не было бы Рона, – но, к сожалению, Слагхорн, похоже, их забросил. Пару раз у Гарри мелькала мысль попросить помощи у Гермионы, но каждый раз он думал, что не вынесет чопорного выражения её лица; ему казалось, что иногда он видел Гермиону с таким лицом, когда она замечала, как он смотрит на Джинни или смеётся её шуткам. И, что ещё больше усложняло ситуацию, его постоянно грызло беспокойство, что, если он не начнёт ухаживать за Джинни, в ближайшее время это сделает кто-нибудь другой. Они с Роном были солидарны по крайней мере в том, что Джинни была чрезмерно популярна.

Со всеми этими проблемами, искушение сделать ещё глоток Феликс Фелицис усиливалось с каждым днём – определённо это был тот самый случай, когда требовалось, как говорила Гермиона, «чуть подтолкнуть обстоятельства». Замечательные майские деньки текли один за другим, а Рон, казалось, находился за спиной Гарри всякий раз, когда тот видел Джинни. Гарри иногда просто мечтал об импульсе удачи, благодаря которому Рон вдруг осознал бы, что для него нет ничего лучше, чем влюблённость друг в друга Гарри и своей сестры, и оставил бы их наедине больше чем на несколько секунд. Однако и на то, и на

другое шансов, похоже, не было никаких, ибо на них стремительно надвигался последний квиддичный матч сезона; Рон всё время желал обсуждать с Гарри вопросы тактики и ни о чём другом просто не думал.

В этом отношении Рон был не единственным: интерес к предстоящему матчу Гриффиндор – Рэйвенкло по всей школе был колоссален – от этого матча зависела вся турнирная таблица, в которой на данный момент не было ясности абсолютно. Если Гриффиндор обыграет Рэйвенкло с разницей не менее трёхсот очков (тяжёлая задача, но Гарри никогда ещё не видел, чтоб его команда так здорово летала), они выиграют чемпионат. Если они выиграют меньше трёхсот очков, то станут вторыми после Рэйвенкло. Если они проиграют до ста очков, то займут третье место, пропустив Хаффлпафф. И наконец, если они проиграют больше ста, то останутся четвёртыми, и никто, думал Гарри, в жизни не забудет и ему не даст забыть, что это при его капитанстве Гриффиндор закончил чемпионат на последней строчке впервые за последние двести лет.

В преддверии матча всё было как обычно: ученики пытались запугивать членов команды соперника в коридорах, при появлении отдельных игроков хором выкрикивались оскорбительные речёвки, посвящённые персонально им. Сами игроки либо разгуливали с важным видом, наслаждаясь всеобщим вниманием, либо, наоборот, прятались по туалетам в перерывах между уроками, чтобы его избежать. В голове Гарри каким-то образом игра неразрывно связалась с успехом или провалом его планов относительно Джинни. Он не мог удержаться от мысли, что если они привезут Рэйвенкло более трёхсот очков, то всеобщая эйфория и замечательная шумная послематчевая вечеринка вполне будут стоить хорошего глотка Феликс Фелицис.

При всей своей озабоченности Гарри не забыл про другую свою надежду: выяснить, чем занимается Малфой в Насущной Комнате. Он по-прежнему периодически сверялся с Картой Мародёра и, поскольку частенько не находил на ней Малфоя, сделал вывод, что тот до сих пор проводит в Комнате много времени. Хотя Гарри уже начал терять надежду, что ему когда-либо удастся проникнуть в Комнату, он всё же пытался сделать это всякий раз, как оказывался поблизости; однако, какими бы словами он ни формулировал своё требование, стена упорно оставалась бездверной.

За несколько дней до матча против Рэйвенкло Гарри случилось идти из общей комнаты на ужин в одиночестве – Рон нырнул в туалет, чтобы избежать всеобщего внимания, а Гермиона убежала поговорить с профессором Вектор насчёт ошибки, которую, как ей показалось, она допустила в своей последней работе по арифмантике. Скорее по привычке, чем по какой-то иной причине, Гарри сделал свой обычный крюк по коридору на восьмом этаже, по пути изучая Карту Мародёра. Сперва ему не удавалось найти Малфоя, и он предположил, что тот опять в Насущной Комнате, но затем он обнаружил маленькую точку с пометкой «Малфой» в мужском туалете этажом ниже, причём в сопровождении отнюдь не Крэбба или Гойла, но Плаксы Миртл.

Гарри смог оторвать глаза от этой невероятной парочки лишь после того, как воткнулся в комплект доспехов. Раздавшийся грохот мгновенно привёл его в себя; очистив место действия, пока там не появился Филч, он побежал вниз по мраморной лестнице и затем по

коридору. Добежав до туалета, он прислонил ухо к двери. Изнутри ничего не было слышно. Тогда он тихонько приоткрыл дверь.

Дрэйко Малфой стоял спиной к двери, сжимая обеими руками края раковины и склонив над ней белобрысую голову.

– Не надо, – раздался проникновенный голос Плаксы Миртл из одной из кабинок. – Не надо... Скажи мне, что не так... Я могу тебе помочь...

– Никто мне не может помочь, – ответил Малфой. Его всего трясло. – Я не могу это сделать... Не могу... Эта штука не желает работать... А если я не сделаю это в ближайшее время... Он сказал, что убьёт меня...

Внезапно Гарри осознал, что Малфой плачет, и шок этого осознания пригвоздил его к месту. Малфой действительно плакал; до Гарри доносились всхлипы, слёзы текли по его бледному лицу и капали в грязную раковину. Внезапно Малфой вздрогнул: взглянув в треснутое зеркало, он заметил за своей спиной уставившегося на него Гарри.

Малфой развернулся на месте, выхватывая волшебную палочку. Гарри инстинктивно извлёк свою. Сглаз Малфоя прошёл над самым ухом Гарри, разбив лампу на стене позади него; Гарри отпрыгнул в сторону, подумал *Levicorpus!* и взмахнул палочкой, но Малфой защитился от сглаза и поднял палочку, готовясь к новой атаке...

– Нет! Нет! Перестаньте! – вопила Плакса Миртл; её голос гулко раскатывался по комнате. – Перестаньте! ПЕРЕСТАНЬТЕ!

Послышалось громкое БАМ, и урна за спиной Гарри взорвалась; Гарри произвёл Ноговязное проклятие – оно отразилось от стены над ухом Малфоя и разнесло бачок под Плаксой Миртл, которая тотчас громко вскрикнула; всё вокруг было залито водой, и Гарри поскользнулся в тот самый момент, когда Малфой с искажённым лицом заорал:

– *Cruci...*

– *SECTUMSEMPRA!!!* – взревел лежащий на полу Гарри и яростно взмахнул палочкой.

Из лица и груди Малфоя брызнула кровь, словно его полоснули невидимым мечом. Шатаясь, он сделал шаг назад и с громким всплеском рухнул на залитый водой пол. Правая рука выронила палочку.

– Нет... – охнул Гарри.

Оскальзываясь и шатаясь, Гарри поднялся на ноги и бросился к Малфое; лицо того стало ярко-алым, а побелевшие руки скребли по залитой кровью груди.

– Нет... я не...

Гарри не сознавал, что он говорит; он упал на колени рядом с Малфоем, плавающим в собственной крови. Плакса Миртл испустила оглушительный вопль:

– УБИЙСТВО! УБИЙСТВО В ТУАТЕТЕ! УБИЙСТВО!!!

Дверь позади Гарри распахнулась, и он в ужасе поднял голову: в комнату с разъярённым лицом ворвался Снейп. Грубо оттолкнув Гарри в сторону, он встал на колени перед Малфоем, извлёк волшебную палочку и провёл ей по глубоким ранам, нанесённым Гарри проклятием, бормоча при этом заклинание, почти похожее на какой-то напев. Кровотечение заметно ослабло; Снейп стёр остатки крови с лица Малфоя и повторил заклинание. Раны начали затягиваться.

Гарри по-прежнему смотрел, в ужасе от только что содеянного, почти не замечая, что сам он тоже весь мокрый от воды и крови. Плакса Миртл всё ещё всхлипывала и завывала над головой. Произведя антипроклятие в третий раз, Снейп приподнял Малфоя в вертикальное положение.

– Тебе надо в больничное крыло. Могут остаться несколько шрамов, но если ты немедленно приложишь ясенец, возможно, нам удастся избежать и этого... Давай...

Он проводил Малфоя через туалет. В дверях он повернулся и полным холодной ярости голосом сказал:

– А ты, Поттер... ты жди меня здесь.

Гарри ни на мгновение не подумал о том, чтобы послушаться. Пошатываясь, он медленно встал и вперил взгляд в мокрый пол. Повсюду растекались пятна крови, они были похожи на багровые цветы. У него не было сил даже на то, чтобы сказать Плаксе Миртл заткнуться, – она продолжала завывать и всхлипывать, явно получая от этого всё большее удовольствие.

Снейп вернулся через десять минут. Он вошёл в туалет и закрыл за собой дверь.

– Вон, – сказал он Миртл, и она тотчас нырнула в унитаз. В туалете сразу повисла звонкая тишина.

– Я не нарочно, – тут же разбил эту тишину Гарри. В пустом залитом водой пространстве его голос прозвучал гулко. – Я не знал, что делает это заклинание.

Снейп пропустил это мимо ушей.

– Похоже, я тебя недооценил, Поттер, – тихо произнёс он. – Кто бы мог подумать, что тебе знакома столь Тёмная магия? Кто научил тебя этому заклинанию?

– Я... я его где-то вычитал.

– Где?

– Это... в какой-то библиотечной книге, – на ходу придумывал Гарри. – Только я не помню, как она наз-...

– Ажец, – выплюнул Снейп. У Гарри пересохло в горле. Он понял, что собирается сделать Снейп, а бороться с этим у него никогда не получалось...

Комната начала мерцать у него перед глазами; он изо всех сил постарался ни о чём не думать, но как он ни пытался, перед его глазами проплыл смутный образ «Продвинутого зельеварения» Принца-Полукровки...

И он снова смотрел на Снейпа, стоя посреди мокрого разрушенного туалета. Он не отрываясь смотрел в чёрные глаза Снейпа, надеясь вопреки всему, что Снейп не заметил то, чего он боялся, но...

– Принеси, пожалуйста, свою сумку, – мягко произнёс Снейп, – и все свои учебники. Все *до единого*. Прямо сюда принеси. Быстро!

Спорить было бесполезно. Гарри развернулся и захлопал к выходу из туалета. Оказавшись в коридоре, он побежал в Гриффиндорскую башню. Большинство народу шло в противоположную сторону; они глазели на него, вымокшего в воде и крови, но он, пробегая мимо, не отвечал на сыпавшиеся со всех сторон вопросы.

Он был потрясён; у него было ощущение, словно на него вдруг набросилось любимое домашнее животное. О чём думал Принц, записывая в книгу *такое* заклинание? И что

произойдёт, когда Снейп её увидит? Не расскажет ли он Слагхорну – при этой мысли Гарри ощутил спазм в животе, – благодаря чему Гарри весь год демонстрировал столь отличные результаты в зельях? Неужели он конфискует или даже уничтожит книгу, научившую Гарри столь многому... книгу, ставшую для него чем-то вроде помощника и друга? Гарри не должен был этого допустить... не должен был...

– Где ты?.. Почему ты мокрый?.. Это что, *кровь*?

Рон стоял на верхней ступени лестницы, с поражённым видом глядя на Гарри.

– Мне нужен твой учебник, – запыхавшись, выдал Гарри. – Твоя книга по зельям. Быстрее... дай мне её...

– Но что с книгой Прин-?..

– Потом объясню!

Рон вытащил свой экземпляр «Продвинутого зельеварения» и протянул его Гарри; тот кинулся мимо Рона, затем обратно в общую комнату. Там он схватил свою сумку, игнорируя потрясённые взгляды нескольких учеников, уже вернувшихся с ужина, вывалился через дыру за портретом и побежал по коридору на седьмом этаже.

У гобелена с танцующими троллями он резко затормозил, закрыл глаза и начал ходить взад-вперёд.

«Мне нужно место, где я могу спрятать свою книгу... мне нужно место, где я могу спрятать свою книгу... мне нужно место, где я могу спрятать свою книгу...»

Трижды он прошёл мимо ровного участка стены. Когда он открыл глаза, наконец-то он увидел её: дверь в Насущную Комнату. Гарри распахнул эту дверь, вбежал внутрь и захлопнул её за собой.

Он ахнул. Несмотря на свою спешку, несмотря на панику, на страх перед тем, что ожидает его в том туалете, он был ошеломлён зрелищем, открывшимся его глазам. Гарри стоял в комнате размером с собор. Струи света изливались из высоких окон на нечто, казавшееся целым городом с высокими стенами и состоявшее из всего, что прятали обитатели Хогвартса за века его существования. Там были целые улицы и переулки, образованные неустойчивыми грудями сломанной мебели, возможно, спрятанной в попытке скрыть следы неудавшейся магии, а может, её спрятали чистоплотные домовые эльфы. Там были тысячи и тысячи книг, несомненно запрещённых, или изрисованных, или краденых. Там были крылатые катапульты и Клыкастые Фрисби, причём в некоторых ещё было достаточно сил, чтобы вяло порхать над горами прочих запрещённых вещей. Там были треснутые бутылки со свернувшимися зельями, шляпы, ожерелья, плащи; там было что-то напоминающее скорлупу драконьих яиц, запечатанные бутылки, содержимое которых до сих пор злоемерно мерцало, несколько ржавых мечей и один тяжёлый, заляпанный кровью топор.

Гарри побежал одним из многочисленных проулков между всеми этими спрятанными сокровищами. Он свернул направо сразу за гигантским чучелом тролля, пробежал немного, повернул налево напротив Исчезательного Шкафа, в котором в прошлом году пропал Монтегю, и наконец остановился возле большого буфета, который, судя по всему, забрызгали кислотой, так что вся его поверхность пошла пузырями. Он открыл одну из скрипучих дверей буфета. Кто-то уже использовал его для того, чтобы спрятать нечто сидевшее в клетке.

Это нечто давным-давно издохло; его скелет имел пять ног. Гарри запихнул книгу Принца Полукровки за клетку и захлопнул дверь. Некоторое время он стоял, пытаясь унять отчаянно колотившееся сердце и оглядывая колоссальную свалку... Сможет ли он снова найти это место среди такого количества хлама? Он схватил треснутый бюст уродливого старого колдуна и поставил его на буфет, в котором была спрятана книга. Затем он напялил на голову статуи старый пыльный парик и блеклую тиару, чтобы она сильнее выделялась на общем фоне, после чего помчался со всех ног через проходы в спрятанном хламе, назад ко входу в комнату, в коридор; как только он захлопнул за собой дверь, та немедленно снова превратилась в голый камень.

Гарри буквально летел к туалету этажом ниже, на бегу запихивая Ронов экземпляр «Продвинутого зельеварения» себе в сумку. Минутой позже он вновь стоял перед Снейпом. Тот, не произнося ни слова, протянул руку за Гарриной сумкой. Гарри, глотая воздух и пытаясь успокоить боль в груди, протянул сумку и стал ждать.

Снейп извлекал Гаррины книги по одной и внимательно их осматривал. В конце концов в сумке остался лишь учебник зелий. Снейп рассматривал его особенно тщательно, после чего, наконец, заговорил.

– Это твой экземпляр «Продвинутого зельеварения», Поттер, не так ли?

– Да, – ответил Гарри, всё ещё тяжело дыша.

– Ты в этом уверен, Поттер?

– Да, – повторил Гарри, на сей раз с ноткой вызова в голосе.

– Этот экземпляр «Продвинутого зельеварения» ты купил во «Флориш и Блоттс»?

– Да, – твёрдо ответил Гарри.

– В таком случае почему, – поинтересовался Снейп, – у него с внутренней стороны обложки написано «Руниль Уазлиб»?

Сердце Гарри ёкнуло.

– Это моё прозвище.

– Твоё прозвище, – повторил Снейп.

– Ага... так меня зовут мои друзья.

– Я в курсе, что означает слово «прозвище», – заверил Снейп. Его холодные чёрные глаза вновь искали Гаррины; Гарри попытался увести взгляд. *Закрой свой разум... закрой свой разум...* Но ему так и не удалось научиться делать это как следует...

– Знаешь, что я думаю, Поттер? – очень тихо произнёс Снейп. – Я думаю, что ты лжец и обманщик, и что ты вполне заслужил отбывать у меня наказание каждую субботу до конца учебного года. Что ты об этом думаешь, Поттер?

– Я... я не согласен, сэр, – ответил Гарри, по-прежнему отказываясь смотреть в глаза Снейпу.

– Что ж, посмотрим, что ты скажешь после наказания. В десять утра в ближайшую субботу, Поттер. В моём кабинете.

– Но, сэр... – Гарри в отчаянии поднял глаза, – квиддич... последний матч се-...

– В десять утра, – прошептал Снейп и улыбнулся, обнажив жёлтые зубы. – Бедный Гриффиндор... Боюсь, в этом году четвёртого места не избежать...

И, не сказав больше ни слова, он вышел из туалета, оставив Гарри смотреть в треснутое зеркало и чувствовать себя хуже, чем Рон за всю свою жизнь.

– Не буду утверждать «а ведь я говорила», – заявила Гермиона в общей комнате час спустя.

– Да ладно тебе, Гермиона, – сердито произнёс Рон.

Гарри так и не поужинал – кусок не лез в горло. Он как раз закончил рассказывать Рону, Гермионе и Джинни о произошедшем; впрочем, особой нужды в этом не было. Новости распространились мгновенно: судя по всему, Плакса Миртл взяла на себя обязательство пролезть в каждый туалет в замке, чтобы поведать всем эту историю. Пэнси Паркинсон уже навестила Малфоя в больничном крыле и теперь всю поносила Гарри, а Снейп в точности пересказал преподавателям всё, что случилось. Гарри уже вызвали из общей комнаты, и ему пришлось выдержать чрезвычайно неприятные пятнадцать минут в компании профессора МакГонагалл. Та сообщила, что ему чертовски повезло, что его не исключили, и что она всецело поддерживает идею Снейпа насчёт наказания каждую субботу до конца семестра.

– Я же говорила, что с этим Принцем что-то не так, – Гермиона явно не в силах была остановиться. – И ведь я оказалась права, да?

– Нет, думаю, что нет, – упрямо ответил Гарри.

Ему и без нотаций Гермионы было достаточно плохо; худшим наказанием было выражение на лицах гриффиндорской команды, когда он сообщил им, что не сможет играть в субботу. Он чувствовал на себе взгляд Джинни, но не осмеливался посмотреть ей в глаза – не хотел увидеть там разочарование и гнев. Только что он сказал ей, что в субботу она будет играть искателем, а Дин заменит её в качестве гончего. Если они выиграют, возможно, в послематчевой эйфории Джинни и Дин помирятся... Эта мысль пронзила Гарри подобно ледяному ножу...

– Гарри, – тем временем продолжала гнуть своё Гермиона, – Как ты можешь по-прежнему цепляться за эту книгу, когда это заклинание...

– Да прекрати ты зудеть об этой книге! – отрезал Гарри, – Принц его всего лишь записал! Это не то, что он кому-то там советовал его применять! Откуда мы знаем, может, он записывал что-то, что использовали против него самого!

– Я в это не верю. Ты просто оправдываешь...

– Я не оправдываю то, что сделал! – быстро перебил Гарри. – Я хотел бы, чтобы этого не было, и не только потому, что я огрѐб дюжину наказаний. Ты же знаешь, я в жизни не стал бы применять такие штуки, даже к Малфою, но ты не можешь обвинять Принца, он же не написал «Попробуй, клѐвая вещь!» – он просто делал заметки для самого себя, вовсе не для кого-то ещё...

– Уж не хочешь ли ты сказать, – поинтересовалась Гермиона, – что ты собираешься вернуться?..

– И забрать книгу обратно? Точно, это я и собираюсь сделать, – с нажимом ответил Гарри. – Слушай, если бы не Принц, я бы не выиграл Феликс Фелицис. Я бы не узнал, как спасти Рона от отравления. Я бы не...

– ...не заполучил репутацию гения зельеварения, которой ты не заслуживаешь, – ядовито завершила фразу Гермиона.

– Ой, да кончай ты, Гермиона! – произнесла Джинни, и Гарри был этим настолько поражён и настолько признателен Джинни, что наконец поднял на неё глаза. – Судя по всему, Малфой пытался применить Непростительное проклятие, и хорошо, что у Гарри нашлись козыри в рукаве!

– Ну, конечно же я рада, что Гарри не был проклят! – воскликнула явно уязвлённая этой репликой Гермиона, – но вряд ли тебе стоит называть эту Сектумсемпру «хорошей», глянь, к чему она привела! И мне кажется, с учётом того, что теперь стало с нашими шансами в матче...

– Ой, только не делай вид, что ты разбираешься в квиддиче! – отрезала Джинни. – От этого ты только глупее выглядишь.

Гарри и Рон смотрели, не веря своим глазам: Гермиона и Джинни, всегда отлично ладившие между собой, сидели, скрестив руки на груди и отвернувшись друг от друга. Рон нервно взглянул на Гарри, после чего схватил первую попавшуюся книгу и скрылся позади неё. Гарри же, хоть и знал, что не очень этого заслужил, вдруг заметно приободрился, даже несмотря на то, что никто из них до конца вечера не произнёс больше ни слова.

Его приподнятое настроение продлилось недолго. Весь следующий день ему пришлось терпеть насмешки от слизеринцев, не говоря уже о гневе своих сокурсников-гриффиндорцев, которые были крайне недовольны тем, что их капитан умудрился заработать дисквалификацию на последнюю игру сезона. К утру субботы, что бы там он ни говорил Гермионе, Гарри с радостью променял бы весь Феликс Фелицис в мире на возможность идти к квиддичному стадиону вместе с Роном, Джинни и остальными. Почти невыносимо было не присоединиться к толпе учеников, текущей наружу, на солнышко, пестрящей розетками, шарфами, шляпами и плакатами – но вместо этого спускаться в подземелье по каменным ступеням, пока шум толпы не угаснет окончательно, и знать, что он не сможет услышать ни единого слова комментатора, ни аплодисментов, ни стонов...

– А, Поттер, – сказал Снейп, когда Гарри постучал в его дверь и вошёл в отвратительно знакомый кабинет. Несмотря на то, что Снейп теперь преподавал несколькими этажами выше, кабинета он не сменил; как и прежде, комната была тускло освещена, а стены были заставлены сосудами с разноцветными жидкостями, в которых плавали мерзкие мёртвые твари. На столе, за которым Гарри, очевидно, предстояло сидеть, зловеще громоздилась куча заросших паутиной ящичков; от них исходила аура скучной, трудной и бесполезной работы.

– Мистер Филч как раз искал кого-то, чтобы разобраться с этой старой картотекой, – мягко произнёс Снейп. – Здесь хранятся записи о других нарушителях порядка Хогвартса и об их наказаниях. Те карточки, которые погрызли мыши, или на которых выцвели чернила, мы бы попросили тебя переписать заново – и преступления, и наказания – и расположить их в алфавитном порядке в своих ящичках. И без магии.

– Хорошо, профессор, – в последние три слога Гарри вложил всё презрение, на какое был способен.

– Мне кажется, тебе стоило бы начать, – со злорадной улыбкой на губах продолжил Снейп, – с ящичков тысяча двенадцать – тысяча пятьдесят шесть. Там ты найдёшь несколько знакомых фамилий, это наверняка добавит работе интереса. Вот, например...

Он изящно извлёк карточку из одного из верхних ящичков и прочёл вслух:

– «*Джеймс Поттер и Сириус Блэк. Задержаны за применение запрещённой порчи к Бертраму Обри. Голова Обри раздулась вдвое. Двойное наказание.*» – Снейп издевательски усмехнулся. – Тебе наверняка приятно будет сознавать, что, хотя их больше нет, история сохранила их великие достижения...

Гарри ощутил знакомое пламя в животе. Прикусив язык, чтобы удержаться от ответной колкости, он уселся перед грудой ящичков и подтянул один из них к себе поближе.

Как он и предчувствовал, работа оказалась бесполезная и скучная, периодически сопровождаемая (как, очевидно, и планировал Снейп) спазмами в желудке, когда он в очередной раз натёкался на имя отца или Сириуса. Эти имена частенько встречались вместе при упоминании самых разнообразных мелких проказ; иногда их сопровождали имена Римуса Люпина и Питера Петтигрю⁷⁶. Переписывая все их проступки и наказания, Гарри пытался представить себе, что происходит там, снаружи, где уже началась игра... где Джинни, будучи искателем, играет против Чоу...

Вновь и вновь Гарри кидал взгляды на большие настенные часы, тикающие в тишине. Казалось, они идут вдвое медленнее, чем полагается нормальным часам; может, это Снейп зачаровал их, чтобы они шли так медленно? Не может быть, чтобы он сидел тут всего полчаса... час... полтора...

Когда на часах было полпервого, Гарри желудок начал урчать. Снейп, не произнёсший ни слова после того, как дал Гарри задание, лишь в десять минут второго наконец-то посмотрел на него.

– Думаю, на сегодня достаточно, – холодно произнёс он. – Отметь то место, до которого ты добрался. Продолжишь в десять утра в следующую субботу.

– Да, сэр.

Гарри наугад воткнул загнутую карточку в ящичек и поспешил выскочить из дверей, прежде чем Снейп мог передумать. Он бежал вверх по ступеням, пытаясь поймать хоть один звук со стадиона, но там было тихо... Значит, всё закончилось...

Добравшись до переполненного Большого Зала, он помешкал в нерешительности, затем помчался вверх по мраморной лестнице; победил Гриффиндор или проиграл – команда всегда принимала поздравления или соболезнования в своей общей комнате.

– *Quid agis?*⁷⁷ – напряжённо сказал он Полной Леди, горя желанием узнать, что же он найдёт внутри.

– Увидишь, – с непроницаемым лицом ответила она, и портрет откинулся в сторону.

Из открывшейся дыры вырвался рёв восторга. При виде Гарри народ завопил ещё громче. Гарри уставился на них; несколько рук втащили его в комнату.

⁷⁶ Peter Pettigrew. Petty – маленький, мелкий. Grew – форма прошедшего времени глагола to grow – расти. Фамилия Pettigrew означает «низкорослый».

⁷⁷ Quid agis? – по латыни «Как дела?»

– Мы выиграли! – орал Рон, прыжком добравшись до Гарри и тыкая в него серебряным Кубком. – Мы выиграли! Четыреста пятьдесят – сто сорок! Выиграли!

Гарри обернулся; к нему бежала Джинни. С горячим, сияющим лицом она обвила его руками. И тогда, ни о чём не думая, ничего не планируя, не беспокоясь о том, что на них смотрит полсотни человек, – Гарри её поцеловал.

Спустя несколько долгих мгновений – а может, через полчаса – или даже через несколько замечательных солнечных дней – их губы разделились. В комнате было очень тихо. Потом несколько человек восхищённо присвистнули, другие нервно хихикнули. Поглядев через голову Джинни, Гарри увидел Дина Томаса, державшего в руке разбитый бокал, и Ромильду Вейн, словно собиравшуюся бросить что-то тяжёлое. Гермиона сияла, но Гарри искал глазами Рона. Наконец Рон нашёлся; в руках он всё ещё держал Кубок, а выражение лица его было как у человека, только что ударенного по голове дубинкой. Долю секунды они смотрели друг на друга. Затем Рон чуть заметно кивнул, что Гарри понял как «если иначе не можешь – давай».

Монстр в Гарриной груди взревел от восторга. Гарри улыбнулся Джинни и жестом пригласил её выйти из комнаты. Им предстояла долгая прогулка по парку, где – если у них будет на это время – они смогут обсудить игру.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

ПРОВИДЕЦ ПРОСЛЫШАН

То, что Гарри Поттер начал встречаться с Джинни Уизли, вызвало громадный интерес у большого числа учеников, преимущественно девушек. Однако на протяжении следующих нескольких недель Гарри был слишком счастлив, впервые за очень долгое время, чтобы обращать на сплетни внимание. В то же время явной переменной к лучшему было то, что теперь о нём говорили в связи с событием, сделавшим его таким счастливым, а не потому, что он участвовал в ужасных происшествиях с использованием Тёмной магии.

– Казалось бы, у людей есть темы для сплетен и получше, – сказала Джинни, привалившись к Гарриным ногам в общей комнате и листая «Ежедневный пророк». – Три нападения дементоров за последнюю неделю, а всё, чем интересуется Ромильда Вейн, – действительно ли у тебя на груди татуировка гиппогрифа.

Рон и Гермиона расхохотались. Гарри их проигнорировал.

– И что ты ей ответила?

– Я сказала, что это венгерский хвосторог, – Джинни лениво перевернула страницу. – Больше похоже на настоящего мачо.

– Ну спасибо, – ухмыльнулся Гарри. – А что ты ей сказала про Рона?

– Сказала, что у него выколот Карликовый Пушистик, но не сказала где.

Рон хмуро покосился на Гермиону, катавшуюся по полу от смеха.

– Поосторожнее, – он предостерегающе погрозил пальцем Гарри и Джинни. – Если я дал вам разрешение, это ещё не значит, что я не могу его забрать...

– «Разрешение», – издевательски передразнила Джинни. – С каких это пор ты даёшь мне разрешение на что-либо? И в любом случае, ты сам сказал, что лучше уж Гарри, чем Майкл или Дин.

– Ну да, лучше, – неохотно признал Рон. – И пока вы не обжимаетесь и не целуетесь на людях...

– Ах ты паршивый лицемер! Вспомни про себя и Лаванду, как вы таскались по всему замку, как два сплетённых угря! – отбрила Джинни.

Однако с началом июня терпение Рона перестало подвергаться серьёзным испытаниям, поскольку Гарри и Джинни проводили друг с другом всё меньше времени. Приближались Джиннины СОВы, и ей приходилось повторять пройденное до глубокой ночи. В один из таких вечеров, когда Джинни удалилась в библиотеку, а Гарри сидел у окна общей комнаты (теоретически – доделывая домашнее задание по гербологии, а на самом деле – прокручивая в голове особенно счастливый час, проведённый им вместе с Джинни у озера после ланча), Гермиона с неприятно целеустремлённым выражением лица плюхнулась в кресло между ним и Роном.

– Мне надо с тобой поговорить, Гарри.

– Насчёт чего? – подозрительно спросил Гарри. Не далее как вчера Гермиона отчитала его за то, что он отвлекал Джинни от подготовки к экзаменам.

– Насчёт так называемого Принца-Полукровки.

– О боже, опять ты за своё, – простонал он. – Может, хватит, а?

Гарри до сих пор не осмеливался вернуться в Насущную Комнату за своей книгой, что соответственно отразилось на его успехах во время занятий зельями (хотя Слагхорн, бывший очень высокого мнения о Джинни, шутливо приписывал это Гарриной влюблённости). Но Гарри был уверен, что Снейп всё ещё не оставил надежду наложить лапы на книгу Принца, и твёрдо решил оставить её там, где она есть, пока Снейп настороже.

– Нет, не хватит, – твёрдо ответила Гермиона, – по крайней мере, пока ты меня не выслушаешь. Я тут пыталась выяснить немного насчёт того, у кого могло бы быть такое хобби – изобретать Тёмные заклинания...

– Да не было у него такого хобби...

– У него, у него... Кто вообще сказал, что это «он»?

– Мы это уже проходили, – раздражённо заметил Гарри. – *Принц*, Гермиона, *Принц*!

– Вот именно! – воскликнула Гермиона, раскрасневшись от возбуждения. Она вытащила из кармана очень старую газету и плёнула её на стол перед Гарри. – Смотри сюда! На фотографию!

Гарри подобрал рассыпающийся лист бумаги и уставился на жёлтую от времени движущуюся фотографию; Рон тоже пододвинулся поближе, чтобы взглянуть. На фото была тощая девушка лет пятнадцати. Её трудно было назвать красивой: она казалась одновременно угрюмой и раздражённой, тяжёлые брови нависали над вытянутым бледным лицом. Подпись под фотографией гласила: «Эйлин Принц, капитан команды игры в плаюй-камни Хогвартса».

– И что? – поинтересовался Гарри, пробежав глазами заметку, к которой относилась фотография; это был довольно скучный репортаж о межшкольных состязаниях.

– Её звали Эйлин Принц. *Принц*, Гарри.

Они смотрели друг на друга, пока до Гарри не дошло, что она имела в виду. Затем он расхохотался.

– Не может быть.

– Что?

– И ты думаешь, что *она* и есть Принц-Полукровка? Ну ты даёшь.

– Ну а почему нет? Гарри, в магическом мире нет настоящих принцев! Это либо прозвище, самопальный титул, которым кто-то наделил сам себя, либо настоящее имя, согласен? Нет, послушай! Если бы, скажем, её отец был колдуном по фамилии Принц, а мать была маглом, то она стала бы «Принц-полукровка»!

– Ага, очень остроумно, Гермиона...

– Но ведь стала бы! Может, она гордилась тем, что она полу-Принц!

– Слушай, Гермиона, я знаю, что это не девушка. Просто знаю.

– Всё дело в том, что ты не считаешь, что девушка может быть такой умной, – рассерженно сказала Гермиона.

– Как я могу не думать, что девушки умные, после того как пять лет общался с тобой? – уязвлённым тоном спросил Гарри. – Дело в том, *как* он пишет. Я просто знаю, что этот Принц был парнем, и всё. Ну не могла это быть девушка. Кстати, а где ты это взяла?

– В библиотеке, – ответ Гермiony был предсказуем. – Там есть полная подборка старых номеров «Пророка». Ну что ж, постараюсь найти побольше сведений об Эйлин Принц.

– Желаю удачи, – сердито произнёс Гарри.

– Спасибо, – ответила Гермiona. – И в первую очередь, – добавила она напоследок, уже добравшись до дыры за портретом, – я посмотрю в архиве наград по зельям!

Гарри сердито смотрел ей вслед некоторое время, затем продолжил созерцать темнеющее небо.

– Она просто не может смириться с тем, что ты лучше неё в зельях, – предположил Рон, вернувшись к чтению «Тысячи магических трав и водорослей».

– А ты не думаешь, что я псих, что хочу эту книгу обратно, нет?

– Конечно нет, – твёрдо ответил Рон. – Этот Принц, он был просто гением. И в любом случае... без его подсказки насчёт безоара... – он подчёркнуто провёл пальцем по горлу, – я бы сейчас с тобой это не обсуждал, так ведь? То есть я не говорю, что то заклинание, которое ты применил к Малфою, было супер...

– И я тоже не говорю, – быстро перебил Гарри.

– ...но он же полностью вылечился, так? Поднялся на ноги почти сразу.

– Угу, – кивнул Гарри; это была истинная правда, хотя совесть его всё равно кольнула. – Спасибо Снейпу...

– У тебя и в эту субботу наказание у Снейпа? – поинтересовался Рон.

– Ага, и в следующую субботу, и в следующую за ней, – вздохнул Гарри. – А сейчас он ещё намекает, что если я не покончу со всеми этими ящиками к концу семестра, мы продолжим в следующем году.

Эти наказания казались ему особенно утомительными потому, что они приходились на и без того весьма ограниченное время, которое он мог проводить с Джинни. На самом деле Гарри нередко задавался вопросом, уж не знал ли Снейп об этом, ибо он с каждым разом задерживал Гарри всё дольше, одновременно отпуская намёки на хорошую погоду и разнообразные возможности, которые она предоставляла и которые Гарри приходилось упускать.

Эти горькие размышления были прерваны появлением Джимми Пикса, который протянул Гарри свиток пергамента.

– Спасибо, Джимми... Эй, это от Дамблдора! – возбуждённо воскликнул Гарри, развернув пергамент и пробежав его глазами. – Он хочет, чтобы я пришёл к нему в кабинет как можно скорее!

Они уставились друг на друга.

– Ни фиги себе, – прошептал Рон. – Тебе не кажется... Может, он напёл?..

– Не лучше ли мне пойти туда и узнать? – ответил Гарри, вскакивая на ноги.

Он выскочил из общей комнаты и побежал по восьмому этажу с максимальной скоростью. На пути ему встретился лишь Пивз, пролетевший мимо него в противоположном направлении. Пивз походя кинул в Гарри несколько кусочков мела и громко захихикал, увернувшись от ответного Гарриного сглаза. Как только Пивз исчез, в

коридорах повисла тишина: до начала комендантского часа оставалось всего пятнадцать минут, и большинство учеников уже вернулось в свои общие комнаты.

Затем Гарри услышал вскрик и грохот. Он остановился как вкопанный и прислушался.

– Как – ты – *смеешь* – аааарrrrrr!

Шум доносился из коридора по соседству; Гарри бросился туда, держа волшебную палочку наготове. Свернув за угол, он обнаружил профессора Трелони, растянувшуюся на полу; вокруг её головы обмоталась одна из её многочисленных шалей, вокруг лежало несколько бутылок шерри, одна из них была разбита.

– Профессор...

Гарри поспешил вперёд и помог профессору Трелони подняться на ноги. Часть её блестящих бус зацепилась за очки. Она громко икнула, пригладила волосы и оперлась на руку Гарри.

– Что случилось, профессор?

– Хороший вопрос! – визгливо ответила она. – Я спокойно шла, размышляя над определёнными тёмными знаменами, которые мне открылись...

Но Гарри слушал не очень внимательно. Только сейчас он заметил, где они стояли: справа от него был gobелен с танцующими троллями, а слева — ровный и непроницаемый участок стены, за которым была...

— Профессор, вы пытались проникнуть в Насущную Комнату?

— ...предзнаменованиями, которых я была удостоена... что?

Её глаза неожиданно забежали.

– В Насущную Комнату, – повторил Гарри. – Вы пытались туда проникнуть?

– Я... Ну... А я и не знала, что ученики знают о...

– Ну, не все знают, – сказал Гарри. – Но что произошло? Вы вскрикнули... Такое впечатление, как будто вас что-то ударило...

– Я... ну, – профессор Трелони задрапировалась в свои шали, словно пытаясь ими защититься, и посмотрела на Гарри сверху вниз своими огромными (из-за очков) глазами. – Я собиралась... э... поместить в Комнату определённые... мм... личные вещи... – и неразборчиво добавила что-то про «мерзкие обвинения».

– Понятно, – кивнул Гарри, кинув взгляд на бутылки шерри. – Но вы не смогли туда попасть и спрятать их?

Это ему показалось очень странным; в конце концов, для него-то Комната открылась, когда ему понадобилось спрятать книгу Принца-Полукровки.

– О, вошла-то я нормально, – произнесла профессор Трелони, глядя на стену. – Но там уже кто-то был.

– Кто-то уже?.. Кто? – потребовал Гарри. – Кто там внутри был?

– Понятия не имею, – ответила профессор Трелони, слегка опешившая от тревожного голоса Гарри. – Я вошла в Комнату и услышала голос, такого никогда раньше не было, за все годы, что я прятала... В смысле, пользовалась Комнатой.

— Голос? Что он говорил?

– Не уверена, что он вообще что-то говорил. Он... кричал.

– Кричал?

– Радостно кричал, – кивнула она.

Гарри уставился на неё.

– Он был мужской или женский?

– Осмелюсь предположить, что мужской, – ответила профессор Трелони.

– И он звучал радостно?

– Очень радостно, – фыркнула профессор Трелони.

– Как будто он что-то праздновал?

– Точно.

– А потом?

– А потом я спросила: «Кто там?»

– А разве вы не могли выяснить, кто это был, не спрашивая? – слегка расстроившись, спросил Гарри.

– Моё Внутреннее Око, – с достоинством ответила профессор Трелони, поправляя свои шали и многочисленные бусы, – было сосредоточено на материях, чрезвычайно далёких от таких земных вещей, как вопиющие голоса.

– Хорошо-хорошо, – поспешно сказал Гарри: про Внутреннее Око профессора Трелони он уже наслушался предостаточно. – И что, голос ответил, кто там?

– Нет, – покачала головой она. – Всё потемнело, и следующее, что я помню, – это что меня вышвырнули из Комнаты головой вперёд.

– Неужели вы этого не видели заранее? – спросил Гарри, не в силах удержаться.

– Нет, не видела, я же сказала, всё потемнело... – она оборвалась на полуслове и подозрительно поглядела на него.

– Думаю, вам лучше рассказать об этом профессору Дамблдору, – заявил Гарри. – Он должен знать, что Малфой празднует... В смысле, что кто-то вышвырнул вас из Комнаты.

К его удивлению, при этих словах профессор Трелони подтянулась и приобрела надменный вид.

– Директор дал мне понять, что предпочитает, чтобы я посещала его пореже, – холодно произнесла она. – Я не навязываю своё общество тем, кто его не ценит. Если Дамблдор предпочитает игнорировать предупреждения, которые показывают карты... – её костлявая рука неожиданно сомкнулась на Гаррином запястье, – снова и снова, как бы я их ни раскладывала...

Она с драматическим видом вытащила из-под шали карту.

– Башня, поражённая молнией, – прошептала она. – Бедствие. Катастрофа. И с каждым разом всё ближе...

– Хорошо, – снова сказал Гарри. – Вообще-то... я по-прежнему думаю, вам нужно сообщить Дамблдору про этот голос, и как всё стало темно и вас выкинуло из Комнаты...

– Ты так считаешь? – профессор Трелони делала вид, что обдумывает это предложение, но Гарри был уверен, что идея пересказать ещё раз своё маленькое приключение ей наверняка понравилась.

– Я как раз сейчас к нему направляюсь, – добавил Гарри. – У меня с ним встреча. Мы могли бы пойти вместе.

– А, ну если так... – улыбнулась профессор Трелони. Она нагнулась, собрала свои бутылки с шерри и бесцеремонно закинула их в большую бело-голубую вазу, стоящую в нише поблизости.

– Жаль, что ты не посещаешь мои уроки, Гарри, – задушевно произнесла она, когда они вдвоём направились дальше. – Ты никогда не был способным провидцем... зато был замечательным Объектом...

Гарри ничего не ответил; он ненавидел быть Объектом постоянных предсказаний смерти со стороны профессора Трелони.

– Боюсь, эта кляча – извини, кентавр – ничего не смыслит в гадании на картах. Я как-то спросила его – как провидец провидца – не ощущает ли и он отдалённых вибраций надвигающейся катастрофы? Но он, по-моему, напёл меня просто смешной! Да, смешной!

Её голос поднялся до визга, и Гарри ощутил сильный запах шерри, даже притом что бутылки остались позади.

– Вероятно, эта лошадка слышала тех, кто утверждает, что я не унаследовала дара моей прапрабабушки. Мои завистники разносят эти слухи годами. Знаешь, что я говорю таким людям, Гарри? Я им говорю: вы думаете, позволил бы Дамблдор мне преподавать в этой великой школе, оказал бы он мне такое доверие, если бы я не продемонстрировала ему свои способности?

Гарри пробормотал нечто неопределённое.

– Я отлично помню мою первую беседу с Дамблдором, – немного хрипло продолжила профессор Трелони. – Он был очень впечатлён, разумеется, очень... Я тогда остановилась в «Кабаньей голове», кстати, крайне не рекомендую – клопы, мой дорогой – но у меня были проблемы с деньгами. Дамблдор оказал мне любезность и пришёл ко мне в комнату. Он начал меня расспрашивать... Надо признать, сначала мне показалось, что он был предубеждён против прорицания... И помню, что я почувствовала себя немного странно, в тот день я не досыта поела... Но потом...

В этот момент Гарри впервые за всё время прислушался внимательно, ибо он знал, что произошло потом: профессор Трелони сделала предсказание, изменившее всю его жизнь, – предсказание о нём и о Волдеморте.

– ...но потом нас грубо прервал Северус Снейп!

– Что?!

– Да, там была какая-то суета за дверью, потом она открылась, и там стоял этот странноватый бармен вместе со Снейпом, и Снейп что-то мямлил о том, что он ошибся лестницей. Боюсь, однако, у меня сложилось впечатление, что его поймали за подслушиванием моей беседы с Дамблдором, – понимаешь, он сам тогда искал работу и, несомненно, надеялся узнать заранее, что его ждёт на собеседовании! Вот, ну а после этого, представляешь, Дамблдор стал гораздо более расположен принять меня на работу, и я сильно подозреваю, Гарри, это из-за того, что он оценил разительный контраст между моими

скромными манерами и неброским талантом и нетактичным, настырным молодым человеком, готовым подслушивать у замочных скважин... Гарри, дорогой?

Она обернулась, лишь теперь осознав, что Гарри уже не идёт рядом с ней; он на ходу остановился и теперь стоял в десяти футах от неё.

– Гарри? – нерешительно повторила она.

Вероятно, лицо Гарри побелело, и именно поэтому она выглядела столь озабоченной и испуганной. Гарри стоял как истукан, в то время как на него накатывали волны шока, одна за другой, стирая всё, кроме информации, которую от него так долго скрывали...

Это Снейп подслушал пророчество. Это Снейп рассказал пророчество Волдеморту. Снейп вместе с Питером Петтигрю послали Волдеморта за Лили, и за Джеймсом, и за их сыном...

Всё остальное сейчас для Гарри значения не имело.

– Гарри? – вновь повторила профессор Трелони. – Гарри – я думала, мы вместе идём к директору?

– Оставайтесь здесь, – непослушными губами произнёс Гарри.

– Но, дорогой... Я собиралась рассказать ему, как на меня напали в Насущной...

– Оставайтесь здесь! – рассерженно повторил Гарри.

Она казалась очень встревоженной, когда Гарри промчался мимо неё и свернул за угол в Дамблдоров коридор, где на страже стояла одинокая горгулья. Гарри прокричал горгулье пароль и понёсся по движущейся винтовой лестнице, прыгая через две ступеньки. В дверь Дамблдора он не стучал, а молотил; и, когда спокойный голос произнёс «войдите», Гарри уже ворвался в комнату.

Фокс обернулся и посмотрел на него; его большие чёрные глаза сияли отражённым светом заката. Дамблдор стоял у окна, держа в руках длинный чёрный плащ, и смотрел наружу.

– Что ж, Гарри, я обещал, что ты сможешь пойти вместе со мной.

Гарри понял не сразу; разговор с Трелони выбил из его головы все мысли, и мозги соображали неважно.

– Пойти... с вами?..

– Разумеется, только если ты этого хочешь.

– Если я...

Только тут Гарри вспомнил, почему он изначально так стремился в кабинет Дамблдора.

– Вы нашли его? Вы нашли один из Хоркраксов?

– Полагаю, что да.

Ярость и негодование боролись с потрясением и возбуждением. Несколько секунд Гарри не мог выговорить ни слова.

– Бояться вполне естественно, – произнёс Дамблдор.

– Я не боюсь! – тут же воскликнул Гарри, что было истинной правдой: именно страха он в данный момент не ощущал совершенно. – Который из Хоркраксов? И где он?

– Я не знаю, который именно – хотя думаю, что змею можно исключить, – но я полагаю, что он спрятан в пещере на берегу во многих милях отсюда, в пещере, которую я

пытался найти на протяжении очень долгого времени, в той самой пещере, где Том Риддл однажды мучил двух детей из своего приюта во время ежегодного выезда, надеюсь, ты помнишь?

– Да. Как он охраняется?

– Этого я не знаю; у меня есть лишь подозрения, но они могут быть абсолютно неверны, – Дамблдор поколебался, затем продолжил. – Гарри, я обещал, что ты можешь пойти со мной, и это обещание остаётся в силе, но с моей стороны было бы очень неправильно не предупредить тебя, что это будет чрезвычайно опасно.

– Я пойду, – ответил Гарри чуть ли не раньше, чем Дамблдор закрыл рот. Он кипел от ярости в адрес Снейпа, отчего его желание сделать что-то отчаянное и опасное за последние десять минут возросло десятикратно. По-видимому, это отразилось на Гаррином лице, поскольку Дамблдор отошёл от окна и более внимательно посмотрел на Гарри; между его серебристыми бровями пролегла небольшая складка.

– Что с тобой случилось?

– Ничего, – мгновенно соврал Гарри.

– Что тебя расстроило?

– Я не расстроен.

– Гарри, ты никогда не был хорошим окклюменсом...

Это слово стало той самой искрой, которая взорвала Гаррину ярость.

– Снейп! – громко произнёс он, и Фокс за его спиной негромко вскрикнул. – Снейп, вот что случилось! Он рассказал Волдеморту о пророчестве, это был *он*, это *он* подслушивал под дверью, мне Трелони рассказала!

Выражение лица Дамблдора не изменилось, но Гарри показалось, что его лицо побелело, несмотря на кровавый отсвет от заходящего солнца. Довольно продолжительное время Дамблдор молчал.

– Когда ты об этом узнал? – наконец спросил он.

– Только что! – Гарри с невероятным трудом удерживался от того, чтобы заорать. И тут вдруг его прорвало. – И ВЫ ПОЗВОЛИЛИ ЕМУ ПРЕПОДАВАТЬ, А ОН СКАЗАЛ ВОЛДЕМОРТУ УБИТЬ МОИХ МАМУ И ПАПУ!

Тяжело дыша, словно сразу после драки, Гарри отвернулся от Дамблдора, по-прежнему не двинувшего ни единым мускулом, и принялся ходить взад-вперёд по кабинету, потирая костяшки пальцев и проявляя всю свою силу воли, чтобы не начать разносить всё подряд. Он хотел выплеснуть свой гнев на Дамблдора, но и пойти с ним, чтобы попытаться уничтожить Хоркракс, он тоже хотел; он хотел заявить Дамблдору, что тот старый дурак, раз доверяет Снейпу, но он боялся, что Дамблдор не возьмёт его с собой, если он не справится с гневом...

– Гарри, – тихо сказал Дамблдор. – Пожалуйста, выслушай меня.

Прекратить мерить шагами кабинет Дамблдора оказалось так же трудно, как удержаться от крика. Гарри остановился, закусив губу, и посмотрел в испещрённое морщинами лицо Дамблдора.

– Профессор Снейп совершил ужасную...

– Не говорите мне, что это была ошибка, сэр, он подслушивал под дверью!

– Пожалуйста, позволь мне закончить, – Дамблдор подождал немного и, когда Гарри наконец коротко кивнул, продолжил. – Профессор Снейп совершил ужасную ошибку. Он всё ещё был на службе у Волдеморта в ту ночь, когда он услышал первую половину пророчества профессора Трелони. Естественно, он поспешил рассказать своему господину о том, что он услышал, поскольку это имело к его господину самое прямое отношение. Но он не знал – ему просто неоткуда было знать, – какого именно мальчика будет преследовать Волдеморт, он не знал, что родители, которых он уничтожит для достижения своей цели, – это знакомые профессору Снейпу люди, твои мать и отец...

Гарри невесело рассмеялся.

– Он ненавидел моего отца, так же как и Сириуса! Вы не заметили, профессор, что те, кого ненавидит Снейп, в основном умирают раньше срока?

– Ты не имеешь ни малейшего представления о том, какое раскаяние ощутил профессор Снейп, когда осознал, каким именно образом Лорд Волдеморт интерпретировал пророчество, Гарри. Я полагаю, это было самое большое раскаяние всей его жизни, и именно по этой причине он вернулся...

– Но *он* как раз хороший окклюменс, не правда ли, сэр? – голос Гарри дрожал от прилагаемых им усилий не заорать снова. – И разве Волдеморт не убеждён, что Снейп на его стороне, даже сейчас? Профессор... как вы можете быть *уверены*, что Снейп на нашей стороне?

Некоторое время Дамблдор молчал; у него был такой вид, словно он пытался прийти к какому-то решению. Наконец он сказал:

– Я уверен. Я доверяю Северусу Снейпу всецело.

Гарри несколько раз глубоко вдохнул-выдохнул в попытке успокоиться. Не помогло.

– Ну а я нет! – заявил он так же громко, как раньше. – Прямо сейчас они вместе с Дрэйко Малфоем что-то затевают, прямо у вас под носом, а вы по-прежнему...

– Мы уже обсуждали этот вопрос, Гарри, – голос Дамблдора вновь стал жёстким. – Я изложил тебе свои взгляды.

– Вы сегодня ночью оставите школу, и держу пари, вы даже не рассматривали возможность того, что Снейп и Малфой могут решить...

– Решить что? – подняв брови, спросил Дамблдор. – В каких конкретно действиях ты их подозреваешь?

– Я... они что-то затевают! – пальцы Гарри непроизвольно сжались в кулаки. – Профессор Трелони только что была в Насущной Комнате, чтобы спрятать там свои бутылки с шерри, и она слышала, как Малфой кричал от радости, что-то праздновал! Он пытается там починить что-то опасное, и если вас интересует моё мнение, то он наконец это починил, а вы собираетесь просто взять и уйти из школы без...

– Хватит, – сказал Дамблдор. Его голос был по-прежнему спокоен, но тем не менее Гарри тотчас замолчал – он почувствовал, что наконец перегнул палку. – Уж не думаешь ли ты, что я хоть раз в этом году оставил школу незащищённой во время своих отлучек? Ни разу. Сегодня, когда я уйду, в замке снова будет установлена дополнительная защита. Пожалуйста, не предполагай, что я не забочусь всерьёз о безопасности моих учеников, Гарри.

– Я не... – пробормотал Гарри, слегка сконфуженный, но Дамблдор его перебил:

– Я не желаю более обсуждать этот вопрос.

Гарри проглотил ответную реплику, опасаясь, что он и так зашёл слишком далеко и угробил свои шансы сопровождать Дамблдора, но Дамблдор продолжил как ни в чём не бывало:

– Желаете ли вы пойти вместе со мной сегодня ночью?

– Да, – тотчас ответил Гарри.

– Очень хорошо. Тогда слушай.

Дамблдор встал во весь рост.

– Я беру тебя с собой при одном условии: ты должен подчиняться любым приказаниям, которые я тебе отдам, причём немедленно и без вопросов.

– Конечно.

– Ты должен полностью это осознать, Гарри. Я имею в виду, что ты должен выполнять даже такие приказы, как «беги», «прячься» или «возвращайся». Даёшь ли ты слово?

– Я... да, конечно.

– Если я прикажу тебе прятаться, сделаешь ли ты это?

– Да.

– Если я прикажу тебе бежать, ты подчинишься?

– Да.

– Если я прикажу тебе оставить меня и спастись самому, сделаешь ли ты то, что я приказал?

– Я...

– Гарри?

Мгновение они смотрели друг на друга.

– Да, сэр.

– Очень хорошо. В таком случае я хочу, чтобы ты прихватил свой плащ-невидимку. Встретимся в холле через пять минут.

Дамблдор снова отвернулся и начал смотреть в пламенеющее окно. Солнце растеклось вдоль горизонта рубиново-красным огнём. Гарри быстро вышел из кабинета и спустился по винтовой лестнице. Внезапно сознание его странным образом прояснилось. Он отчётливо знал, что надо делать.

Когда он вбежал в общую комнату, Рон с Гермионой сидели вместе.

– Чего хочет Дамблдор? – увидев Гарри, тотчас спросила Гермиона. – Гарри, ты в порядке? – встревоженно добавила она.

– Всё нормально, – коротко ответил Гарри, пробегая мимо них. Он рванул вверх по лестнице в спальню, где открыл свой сундук и вытащил Карту Мародёра и пару свернутых носков. Затем он поспешил обратно вниз по лестнице в общую комнату, не без труда затормозив перед сидящими с поражённым видом Роном и Гермионой.

– У меня мало времени, – пропыхтел Гарри, – Дамблдор думает, что я просто беру свой плащ-невидимку. Слушайте...

Быстро, как из пулемёта, Гарри рассказал, куда и зачем он направляется. Он не обращал внимания на испуганные охи Гермионы и поспешные вопросы Рона; детали они сами могут обсудить позже.

— ...теперь вы видите, что это значит? — наконец протараторил он. — Этой ночью Дамблдора здесь не будет, так что Малфой сможет без помех попытаться сделать то, что собирается. *Нет уж, слушайте!* — сердито прошипел он, увидев, что Рон и Гермиона явно собираются его перебить. — Я знаю, это Малфой что-то праздновал в Насущной Комнате. Вот, — он сунул Карту Мародёра в руки Гермионе. — Вы должны следить за ним, и за Снейпом тоже. И всех, кого сможете собрать из ДА, тоже к этому подключите. Гермиона, эти галлеоны для связи всё ещё работают, верно? Дамблдор говорит, что он поставит дополнительную защиту, но если Снейп в этом участвует, то он знает, что это за защита и как её обойти, — но что вы будете на стрёме, он не ожидает, так?

— Гарри... — с огромными от страха глазами начала Гермиона.

— Нет времени спорить, — отрезал Гарри. — Ещё это возьмите, — он ткнул носки в руки Рону.

— Спасибо, — ответил Рон. — Э... а зачем мне носки?

— Не носки, а то, что в них, там Феликс Фелицис. Разделите его между вами и Джинни. Попрощайтесь с ней за меня. А мне пора идти, Дамблдор ждёт...

— Нет! — воскликнула Гермиона, пока Рон с благоговейным видом разворачивал крохотный пузырёк с золотистым зельем. — Нам оно не нужно, ты возьми, кто знает, с чем ты там встретишься?

— Со мной всё будет в порядке, я же с Дамблдором, — ответил Гарри. — Мне надо знать, что у вас, ребята, всё нормально... И не смотри так, Гермиона... Всё, до встречи...

И, пробравшись сквозь дыру за портретом, он поспешил в холл.

Дамблдор ждал возле дубовой входной двери. Когда Гарри, тяжело дыша и борясь с колючей болью в боку, подлетел к верхней ступени каменной лестницы, Дамблдор повернулся к нему.

— Я бы попросил тебя надеть свой плащ, — сказал он. Подождав, пока Гарри накинёт его на голову, он продолжил. — Очень хорошо. Пойдём?

Дамблдор тотчас направился вниз по каменным ступеням, его собственный плащ чуть колыхался в неподвижном летнем воздухе. Гарри под плащом-невидимкой, весь в поту, поспешил за ним, всё ещё пытаясь отдышаться.

— Но что люди подумают, когда увидят, как вы уходите, профессор? — спросил Гарри, не в силах выкинуть из головы Малфоя и Снейпа.

— Что я направляюсь в Хогсמיד, чтобы выпить, — беззаботно ответил Дамблдор. — Иногда я делаю заказы у мадам Розмерты или посещаю «Кабанью голову»... По крайней мере, так кажется со стороны. Такой же хороший способ скрыть своё истинное место назначения, как и все другие.

Они шли по аллее в собирающихся сумерках. Воздух был насыщен запахами тёплой травы, озёрной воды и дыма костра от хижины Хагрида. Казалось невероятным, что они направлялись навстречу чему-то страшному и опасному.

– Профессор, – тихо сказал Гарри, когда в их поле зрения появились ворота в конце аллеи, – мы будем аппарировать?

– Да, – ответил Дамблдор. – Я полагаю, сейчас ты умеешь аппарировать?

– Да, но у меня нет лицензии.

Ему казалось, что лучше всего сейчас быть честным; что, если он всё испортит, оказавшись в сотне миль от того места, куда намеревается попасть?

– Неважно, – сказал Дамблдор. – Я снова могу тебе помочь.

Они вышли из ворот на безлюдную сумрачную дорогу в Хогсмид. Пока они шли, тьма быстро сгущалась, и, когда они достигли Центральной улицы, уже наступила настоящая ночь. Свет пробивался из окошек над магазинами. Когда они подошли ближе к «Трёх метлам», до них донеслись хриплые вопли.

– ...и не смей здесь больше появляться! – прокричала мадам Розмерта, выпырывая вон дерзко выглядящего колдуна. – О, привет, Альбус... Поздновато ты сегодня выбрался...

– Добрый вечер, Розмерта, добрый вечер... Прости, но я в «Кабанью голову»... Никаких обид, просто сегодня я бы предпочёл более тихую атмосферу...

Минутой позже они свернули в переулок, где, несмотря на полное безветрие, чуть скрипела вывеска «Кабаньей головы». В отличие от «Трёх метел», паб казался абсолютно пустым.

– Заходить внутрь нам необязательно, – оглядевшись, пробормотал Дамблдор. – Пока никто не видит, как мы уходим... сейчас возьми меня за руку, Гарри. Нет необходимости хвататься слишком сильно, я тебя просто направляю. На счёт три – раз... два... три...

Гарри крутанулся. Тотчас он испытал то самое кошмарное ощущение, словно его протаскивают через толстый резиновый шланг; он не мог дышать, каждая частица его тела была сжата, это было почти невыносимо... и когда он уже подумал было, что сейчас задохнётся, невидимые пути вдруг исчезли. Он стоял в прохладной мгле, полной грудью вдыхая свежий солёный воздух.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ПЕЩЕРА

Гарри ощущал запах соли и слышал шум прибоя. Лёгкий прохладный ветер трепал ему волосы. Прямо перед ним простиралось залитое лунным светом море и усыпанное звёздами небо. Он стоял на огромном тёмном камне, вода бурлила и пенилась внизу. Гарри оглянулся. За его спиной возвышался скальный клиф, абсолютно отвесный, чёрный и гладкий. Несколько больших каменных обломков вроде того, на котором стояли Гарри с Дамблдором, выглядели так, словно когда-то давно откололись от поверхности клифа. Пейзаж выглядел сурово и уныло – только море и камни, ни дерева, ни вкрапления травы или песка.

– И что ты думаешь? – спросил Дамблдор с таким видом, словно интересуется мнением Гарри о пригодности этого места для пикника.

– Они приводили приютских детей *сюда*? – Гарри не мог представить себе менее уютного места для прогулки.

– Ну, не совсем сюда. На полпути отсюда к концу этих клифов есть что-то типа деревушки. Полагаю, сирот привозили туда, чтобы они могли подышать морским воздухом, посмотреть на волны. Нет, я думаю, это конкретное место посетили только Том Риддл и его юные жертвы. Ни один маггл не смог бы добраться до этого камня, если только это не высококлассный альпинист; лодки же не могут подойти к этим скалам – здесь слишком опасно. На мой взгляд, Риддл спускался сверху, магия куда надёжнее верёвок. А двух маленьких детей он взял с собой, вероятно, чтобы насладиться их страхом. Думаю, одного лишь такого спуска для этого оказалось бы достаточно, а ты?

Гарри взглянул вверх на клиф, и у него мурашки побежали по коже.

– Но его конечная цель – и наша тоже – лежит чуть дальше. Пошли.

Дамблдор жестом пригласил Гарри подойти к самому краю камня, где ряд иззубренных углублений образовывал что-то вроде лестницы, позволяя спуститься к валунам, наполовину погружённым в воду у самого подножия клифа. Спуск был очень опасен, и Дамблдор, не имевший возможности нормально пользоваться скрюченной рукой, продвигался медленно. Камни внизу оказались скользкими от морской воды. Гарри ощутил на своём лице холодные солёные брызги.

– *Литос*, – произнёс Дамблдор, добравшись до валуна, расположенного ближе всех к подножию клифа. Тысяча золотых отблесков появилась на поверхности воды в нескольких футах от того места, где он стоял. Чёрная каменная стена рядом с ним также оказалась освещена.

– Видишь? – тихо спросил Дамблдор, подняв волшебную палочку чуть выше. Гарри заметил расщелину в скале, куда стекала бурлящая вода.

– Ты не будешь возражать, если немного промокнуешь?

– Нет.

– Тогда сними свой плащ-невидимку – сейчас в нём нет надобности, – и пойдём внутрь.

И, неожиданно проявив проворство, какого можно было бы ожидать от гораздо более молодого человека, Дамблдор соскользнул с валуна прямо в море и поплыл великолепным брассом в направлении чёрной щели в скале; зажжённую волшебную палочку он держал в зубах. Гарри стянул плащ, запихнул его в карман и последовал за Дамблдором.

Вода оказалась ледяной; мгновенно пропитавшаяся водой Гаррина одежда колыхалась вокруг него и тянула вниз. С каждым вдохом наполняя ноздри резким запахом соли и водорослей, Гарри изо всех сил поплыл в направлении мерцающего светлячка, удаляющегося всё глубже внутрь клифа.

Вскоре расщелина превратилась в тёмный тоннель; Гарри был уверен, что во время прилива он весь заполняется водой. Между скользкими стенами было не больше трёх футов; в свете палочки Дамблдора они мерцали, словно мокрая смола. Вскоре проход свернул влево, и Гарри понял, что он уходит глубоко внутрь клифа. Гарри по-прежнему плыл вслед за Дамблдором, время от времени касаясь окоченевшими пальцами грубой, мокрой поверхности камня.

Затем он увидел, как Дамблдор впереди него выбирается из воды, его серебристые волосы и тёмная мантия блестели. Когда Гарри добрался до этого места, он обнаружил ступени, ведущие в большую пещеру. Он поднялся, ощущая, как вода стекает по его мокрой одежде, и, непроизвольно дрожа, оказался в неподвижном холодном воздухе.

Дамблдор стоял в середине пещеры, держа палочку высоко над головой, и медленно поворачивался, изучая стены и потолок.

– Да, место то самое, – произнёс он.

– Как вы узнали? – шёпотом спросил Гарри.

– Здесь знакомая мне магия, – просто ответил Дамблдор.

Гарри не мог сказать точно, была ли охватившая его дрожь следствием пробирающего до костей холода или результатом такого же ощущения магии. Он наблюдал за Дамблдором; тот продолжал медленно вращаться на месте, явно сосредотачиваясь на вещах, которых Гарри видеть не мог.

– Это всего лишь вестибюль, прихожая, – наконец сказал Дамблдор. – Нам надо проникнуть внутрь... И теперь на нашем пути препятствия, созданные Лордом Волдемортом, а не природой...

Дамблдор приблизился к стене пещеры и погладил её кончиками своих почерневших пальцев, пробормотав несколько слов на странном языке, которого Гарри не знал. Дважды Дамблдор обошёл по периметру всю пещеру, дотрагиваясь до грубого камня, время от времени задерживаясь и пробегая пальцами взад-вперёд над каким-то определённым местом, пока наконец не остановился, прижав руку к стене.

– Здесь, – произнёс он. – Мы пройдём внутрь здесь. Вход скрыт.

Гарри не стал спрашивать, как Дамблдор это узнал. Ему никогда раньше не приходилось видеть, как колдун узнаёт что-либо таким образом, просто глядя и трогая; но ему давно уже было известно, что взрывы и дым гораздо чаще свидетельствуют о некомпетентности, нежели об опыте.

Дамблдор сделал шаг назад от стены пещеры и направил на скалу волшебную палочку. На мгновение там появились ослепительно-белые контуры арки, словно трещина, за которой находился яркий источник света.

– Вам удалось! – стуча зубами, воскликнул Гарри, но, прежде чем слова сорвались с его губ, контур исчез, оставив камень таким же голым и твёрдым, как и раньше. Дамблдор обернулся.

– Гарри, прости, пожалуйста, я совсем забыл, – он указал палочкой на Гарри, и Гарриная одежда тотчас стала сухой и тёплой, словно только что сушилась перед огнём.

– Спасибо, – признательным тоном сказал Гарри, но Дамблдор уже вновь переключил своё внимание на стену пещеры. Он не пытался производить ещё каких-либо заклинаний, но просто стоял и неотрывно смотрел на стену, словно там было написано нечто чрезвычайно интересное. Гарри стоял неподвижно – он не хотел нарушать сосредоточенность Дамблдора.

Затем, не менее чем через две минуты, Дамблдор тихо произнёс:

– О, не может быть. Так грубо.

– Что там, профессор?

– Я начинаю думать, – Дамблдор запустил свою здоровую руку внутрь мантии и вытащил короткий серебряный нож, Гарри такими пользовался при нарезании ингредиентов для зелий, – что нам требуется заплатить, чтобы пройти.

– Заплатить? – переспросил Гарри. – Вы собираетесь этой двери что-то дать?

– Да. Кровь, если не ошибаюсь.

– *Кровь?*

– Я же сказал, это очень грубо, – голос Дамблдора звучал пренебрежительно, даже разочарованно, словно Волдеморт перестал соответствовать некоему стандарту, которого ожидал Дамблдор. – Идея, как ты, уверен, поймёшь, состоит в том, что враг, прежде чем войдёт, должен ослабить себя. Как всегда, Лорд Волдеморт не может понять, что есть вещи куда более ужасные, чем физические ранения.

– Да, но всё же, если этого можно избежать... – сказал Гарри, натерпевшийся в жизни достаточно боли, чтобы желать ещё.

– Иногда, однако, это неизбежно, – Дамблдор поддёрнул рукав мантии и обнажил запястье своей раненой руки.

– Профессор! – запротестовал Гарри, бросившись вперёд, когда Дамблдор поднял нож. – Давайте я, я...

Он сам не знал, что собирается сказать – моложе, здоровее? Но Дамблдор лишь улыбнулся. Серебряная вспышка, алая струя – и поверхность скалы покрылась тёмными блестящими каплями.

– Ты очень любезен, Гарри, – Дамблдор провёл кончиком палочки поверх глубокого разреза, сделанного им в своей собственной руке, и он мгновенно затянулся – совсем как Снейп вылечил раны Малфоя. – Но твоя кровь сейчас ценнее моей. А, похоже, фокус удался, не так ли?

Яркий серебряный контур арки вновь появился на стене, но на сей раз он не угас — заляпанный кровью камень внутри арки просто исчез, открыв проход куда-то в крошечную тьму.

— Я, пожалуй, пойду первым, ты за мной, — произнёс Дамблдор, проходя через арку. Гарри шёл за ним по пятам, на ходу зажигая свет на кончике своей палочки.

Их глазам открылось жутковатое зрелище: они стояли на берегу огромного чёрного озера, такого огромного, что Гарри не мог разглядеть противоположного берега. Пещера, в которой они находились, была столь громадна, что свод её также терялся в темноте. Где-то далеко, казалось, в середине озера, сиял туманный зеленоватый свет, отражаясь в абсолютно неподвижном зеркале воды. Кроме зелёного сияния и света двух палочек, бархатной тьмы не нарушало ничто; да и этот свет распространялся не так далеко, как Гарри ожидал. Тьма каким-то образом оказалась более плотной, чем положено быть нормальной темноте.

— Пойдём, — тихо сказал Дамблдор. — Ни в коем случае не наступи в воду. Не отходи от меня.

Он направился по узкому каменистому ободу, окаймляющему озеро, и Гарри пошёл следом за ним. Их шаги гулко и звонко раздавались в воздухе пещеры. Они шли и шли, но ничто не менялось: по одну сторону от них по-прежнему была шершавая стена пещеры, по другую — безграничное пространство мягкой стеклянистой черноты с этим загадочным зеленоватым сиянием посередине. И это место, и эта тишина показались Гарри угнетающими, обессиливающими.

— Профессор? — наконец спросил он. — Вы думаете, Хоркракс здесь?

— О да, — ответил Дамблдор. — Да, я уверен, что он здесь. Вопрос в том, как нам до него добраться.

— А мы не можем... не можем просто попробовать Манящие чары? — Гарри был уверен, что это дурацкое предложение, но ему очень не хотелось признаваться, что больше всего он сейчас желает выбраться отсюда, и как можно скорее.

— Несомненно, можем, — Дамблдор остановился столь внезапно, что Гарри на него чуть не налетел. — Почему бы тебе не попробовать?

— Мне? О... ладно...

Этого Гарри не ожидал. Тем не менее, он прокашлялся и, подняв вверх палочку, громко произнёс:

— *Accio Хоркракс!*

Раздался звук, похожий на взрыв, и футов в двадцати от них из воды вырвалось что-то очень большое и бледное; прежде чем Гарри смог разобратить, что это было, оно с громким всплеском исчезло. По зеркальной поверхности пошли круги. Гарри отпрыгнул, шокированный, и ударился о стену; когда он повернулся к Дамблдору, его сердце всё ещё колотилось.

— Что это было?

— Полагаю, это было нечто готовое действовать, если мы попытаемся взять Хоркракс.

Гарри снова посмотрел на воду. Поверхность озера вновь казалась сплошным блестящим чёрным стеклом, волны исчезли неестественно быстро. Гаррино сердце, однако, по-прежнему колотилось.

– Вы предполагали, что такое произойдёт, сэр?

– Я предполагал, что *нечто* должно произойти, если мы предпримем какую-либо очевидную попытку заполучить Хоркракс. Это была очень хорошая идея, Гарри – самый простой способ выяснить, с чем нам придётся иметь дело.

– Но мы так и не знаем, что это за штука, – Гарри оглянулся на зловеще ровную поверхность.

– Что это за *штуки*, ты хотел сказать. Очень сомневаюсь, что оно там одно. Пойдём дальше?

– Профессор?

– Да, Гарри?

– Вы думаете, нам придётся идти в озеро?

– В озеро? Только если нам очень сильно не повезёт.

– Вы не думаете, что Хоркракс лежит на дне?

– О нет... я думаю, Хоркракс *в центре*.

И Дамблдор указал на светящийся зелёный туман посреди озера.

– Значит, нам надо пересечь озеро, чтобы туда попасть?

– Думаю, да.

Гарри ничего не ответил. В голове его вертелись многочисленные водяные монстры: гигантские змеи, демоны, кельпи, духи...

– Ага, – Дамблдор снова остановился; на сей раз Гарри в него таки врезался. Какое-то мгновение он, потеряв равновесие, качался совсем рядом с чёрной водой, но здоровая рука Дамблдора цепко ухватила его повыше локтя и подтянула назад. – Очень извиняюсь, Гарри, должен был тебя предупредить. Отойди к стене, пожалуйста – кажется, я нашёл это место.

Гарри не имел ни малейшего представления о том, что имел в виду Дамблдор – этот тёмный кусок берега, насколько он мог разобрать, был абсолютно таким же, как любой другой, но Дамблдор, похоже, нашёл в нём что-то особенное. На этот раз он проводил рукой не по камню стены, а по воздуху, словно рассчитывая найти и схватить что-то невидимое.

– Есть! – радостно воскликнул Дамблдор несколько секунд спустя. Его рука сомкнулась прямо в воздухе вокруг чего-то, чего Гарри не видел. Дамблдор подошёл ближе к воде; Гарри нервно наблюдал, как загнутые носки туфель Дамблдора нависли над самым краем каменистого обода. По-прежнему сжимая одной рукой воздух, другой рукой Дамблдор поднял волшебную палочку и дотронулся её кончиком до своего кулака.

Тут же в воздухе проявилась толстая зелёная медная цепь, протянувшаяся откуда-то из глубины озера до сжатой в кулак руки Дамблдора. Дамблдор коснулся палочкой цепи, и она заскользила сквозь его кулак подобно змее, сворачиваясь бухтой со звяканьем, громко отражавшимся от каменных стен. Что-то эта цепь вытягивала из чёрной глубины. Гарри ахнул, когда над поверхностью внезапно возник призрачного вида нос лодки, такой же

сияюще-зелёной, как и цепь. Лодка, едва подымая волны, заскользила к тому месту, где стояли Гарри и Дамблдор.

– Как вы узнали, что она была там? – ошеломлённо спросил Гарри.

– Магия всегда оставляет следы, – ответил Дамблдор, в то время как лодка мягко стукнулась о берег, – и иногда очень отчётливые. Я обучал Тома Риддла. Я знаю его стиль.

– А эта лодка... она безопасная?

– О да, думаю, что да. Волдеморту надо было обеспечить способ пересечь озеро, не вызывая гнева тех созданий, которых он сам туда запустил, на тот случай, если он когда-либо захочет навестить или забрать свой Хоркракс.

– Значит, эти твари в воде ничего нам не сделают, если мы поплывём в лодке Волдеморта?

– Думаю, мы должны смириться с тем фактом, что в какой-то момент они осознают, что мы не Лорд Волдеморт. Однако до сих пор мы работали хорошо. Они позволили нам поднять лодку.

– Но почему они нам позволили? – спросил Гарри, которому никак не удавалось избавиться от встающего перед глазами зрелища: щупальца, вырастающие из тёмной воды, как только они достаточно далеко отплывут от берега.

– Волдеморт, видимо, был уверен, и не без оснований, что лишь очень сильный колдун смог бы найти лодку, – ответил Дамблдор. – Думаю, он был готов рискнуть той крайне маловероятной, с его точки зрения, возможностью, что лодку найдёт кто-либо другой, если знал, что впереди будут другие препятствия, которые сможет преодолеть лишь он сам. Скоро мы узнаем, прав он был или нет.

Гарри заглянул в лодку. Она на самом деле была очень маленькая.

– Непохоже, чтобы она была рассчитана на двоих. Она нас обоих выдержит? Не окажемся ли мы вдвоём слишком тяжёлыми?

Дамблдор усмехнулся.

– Волдеморт, скорее всего, волновался не о весе, а о величине магической силы, пересекающей озеро. Я полагаю, на эту лодку наложено заклинание, позволяющее лишь одному колдуну за раз плыть в ней.

– Но тогда?..

– Я не думаю, что тебя принимают в расчёт, Гарри: ты ещё несовершеннолетний и недоучившийся. Волдеморт никогда бы не предположил, что шестнадцатилетний подросток сможет найти это место. И я думаю, твои силы вряд ли будут замечены рядом с моими.

Эти слова не очень способствовали поднятию Гарриного духа. Видимо, Дамблдор это понял, ибо тут же добавил:

– Ошибка Волдеморта, Гарри, ошибка Волдеморта... Старость глупа и забывчива, когда недооценивает юность... На этот раз ты иди первым, и ни в коем случае не касайся воды.

Дамблдор отошёл в сторону, и Гарри осторожно забрался в лодку. Следом за ним шагнул Дамблдор, положив на дно лодки свёрнутую кольцами цепь. Они были притиснуты друг к другу; Гарри не мог нормально сесть, он скрючился, так что его колени торчали над бортом. Лодка тут же пришла в движение. До них не доносилось ни звука, за исключением

мягкого шелеста, с которым киль лодки рассекал поверхность воды; лодка двигалась без всяких усилий с их стороны, будто невидимая верёвка тянула её вперёд, навстречу сиянию в центре озера. Вскоре из виду пропали стены пещеры; Гарри с Дамблдором плыли словно в открытом море, разве что волн не было.

Гарри посмотрел вниз и увидел на чёрной воде отблески света своей волшебной палочки. Лодка создавала в водном зеркале глубокую зыбь...

И вдруг Гарри увидел *это*, мраморно-белое, промелькнувшее в нескольких дюймах под поверхностью.

– Профессор! – произнёс он, и его испуганный голос громким эхом разнёсся над безмолвной водой.

– Гарри?

– Мне показалось, я видел в воде руку – человеческую руку!

– Тебе не показалось, – спокойно ответил Дамблдор.

Гарри уставился в воду, пытаясь разглядеть руку, но она исчезла. К горлу подступил комок.

– Значит, та штука, которая выскочила из воды?..

Но Гарри получил ответ прежде, чем его дал Дамблдор: палочка осветила новый участок воды, и на этот раз Гарри увидел тело мужчины, лежащее лицом вверх в нескольких дюймах под поверхностью. Его открытые глаза были затуманены, словно затянуты паутиной, волосы и мантия колыхались вокруг него, как дым.

– Тут мёртвые тела! – воскликнул Гарри; голос его прозвучал куда выше обычного и был совершенно непохож на его нормальный голос.

– Да, – безмятежно ответил Дамблдор, – но в настоящий момент мы о них можем не волноваться.

– В настоящий момент? – повторил Гарри, оторвав взгляд от воды и посмотрев на Дамблдора.

– Не теперь, когда они всего-навсего мирно дрейфуют под нами. В мёртвом теле нет ничего такого, чего стоит бояться, Гарри, так же как ничего такого, чего стоит бояться, нет в темноте. Хотя Лорд Волдеморт, в душе боящийся и того, и другого, со мной не согласится. Но он снова проявляет недостаток мудрости. Когда мы смотрим на смерть и тьму, мы боимся неизведанного, не более того.

Гарри промолчал; ему не хотелось спорить, но сама мысль о том, что вокруг них и под ними плавают трупы, ему казалась ужасной. Кроме того, Гарри не верил, что они безвредны.

– Но один из них прыгнул, – наконец сказал он, стараясь, чтобы голос его звучал так же ровно и спокойно, как у Дамблдора. – Когда я попытался Призвать Хоркракс, одно из тел выпрыгнуло из озера.

– Да. Я уверен, что, когда мы возьмём Хоркракс, они станут куда менее миролюбивыми. Однако, как многие создания, обитающие в условиях холода и тьмы, они боятся света и тепла, каковые и придут к нам на помощь, если возникнет такая необходимость. Огонь, Гарри, – добавил Дамблдор в ответ на непонимающее выражение Гарриного лица.

– А... понятно... – поспешно кивнул Гарри. Он оглянулся на зеленоватое сияние, к которому неумолимо приближалась их лодка. Теперь ему уже не удавалось делать вид, что он не боится. Огромное чёрное озеро, кипящее покойниками... Казалось, многие часы прошли с тех пор, как он повстречал профессора Трелони... как он дал Рону и Гермионе Феликс Фелицис... Внезапно его охватило острое сожаление, что он не попрощался с ними как следует... а Джинни он и вовсе не повидал...

– Почти приехали, – жизнерадостно произнёс Дамблдор.

И точно, пятно зеленоватого света, похоже, начало наконец расти, и несколько минут спустя лодка остановилась, мягко воткнувшись во что-то, чего Гарри в первое мгновение не разглядел. Но, подняв свою светящуюся волшебную палочку, он увидел, что лодка приплыла к расположенному в центре озера маленькому островку гладкого камня.

– Не касаясь воды, – вновь напомнил Дамблдор, когда Гарри начал выбираться из лодки.

Остров оказался не крупнее кабинета Дамблдора: плоский чёрный каменный пятак, на котором не было ничего, кроме источника этого зелёного света, довольно яркого вблизи. Гарри искоса посмотрел на него; в первый момент ему показалось, что это что-то вроде фонаря, но затем он понял, что свет исходит из стоящей на постаменте каменной чаши, внешне немного напоминающей ситодум.

Дамблдор подошёл к чаше, Гарри двинулся за ним. Встав рядом, они вместе заглянули внутрь. Чаша была наполнена изумрудного цвета жидкостью, которая и испускала сияние.

– Что это? – тихо спросил Гарри.

– Не могу сказать точно, – ответил Дамблдор. – Во всяком случае, нечто более неприятное, чем кровь и мёртвые тела.

Дамблдор закатал рукав своей мантии и потянулся кончиками пальцев своей больной руки к поверхности зелья.

– Сэр, нет, не касайтесь!..

– Я не могу коснуться, – чуть улыбнулся Дамблдор. – Видишь? Не могу приблизить руку больше, чем сейчас. Попробуй ты.

Не отрывая глаз от чаши, Гарри протянул руку и попытался дотронуться до зелья. Тотчас он наткнулся на невидимый барьер, не подпускающей его руку ближе чем на дюйм к поверхности. Как бы сильно он ни нажимал, пальцы его встречали лишь очень твёрдый и непроницаемый воздух.

– Отойди, пожалуйста, Гарри, – попросил Дамблдор.

Он поднял палочку и начал ею совершать над поверхностью зелья какие-то сложные пассы, что-то неслышно бормоча при этом. Единственное, что произошло, – сияние, испускаемое зельем, усилилось. Гарри молча следил за работой Дамблдора, но спустя некоторое время тот убрал волшебную палочку, и Гарри решил, что теперь снова можно разговаривать.

– Вы думаете, Хоркракс там, сэр?

– О да, – Дамблдор, прищурившись, более пристально посмотрел вглубь чаши. Гарри увидел его лицо, отражённое вверх тормашками в ровной поверхности зелёного зелья. – Но как до него добраться? Сквозь это зелье нельзя провести руку, его нельзя испарить, разделить,

вычерпать или сдуть; равно оно не может быть трансфигурировано, зачаровано и вообще подвергнуто любому воздействию, меняющему его природу.

Почти рассеянно Дамблдор вновь поднял волшебную палочку, дёрнул ей разок в воздухе и поймал образовавшийся из ниоткуда хрустальный кубок.

– Единственное заключение, к которому я могу прийти – что это зелье следует выпить.

– Что? Нет!

– Думаю, да: лишь выпив это, я могу опустошить чашу и увидеть то, что в ней лежит.

– Но что если... что если это вас убьёт?

– О, сомневаюсь, что это работает таким образом, – небрежно ответил Дамблдор. – Лорд Волдеморт вряд ли хотел бы убивать тех, кто достигнет этого острова.

Гарри ушам своим не верил. Неужели безумное стремление Дамблдора видеть добро в каждом зашло так далеко?

– Сэр, – он попытался вложить в свой голос максимум рассудительности, – сэр, это же *Волдеморт*...

– Прости, Гарри – мне следовало бы сказать, он вряд ли хотел бы *немедленно* убивать тех, кто достигнет этого островка, – поправился Дамблдор. – Он наверняка хотел бы продержать их в живых достаточно долго, чтобы выяснить, каким образом им удалось так далеко пройти сквозь его барьеры и, что ещё важнее, почему они так стремятся опустошить эту чашу. Не забывай – Лорд Волдеморт полагает, что он единственный, кто знает о Хоркраксах.

Гарри вновь попытался заговорить, но Дамблдор поднял ладонь вверх, призывая к молчанию, и, чуть нахмурившись, снова посмотрел на изумрудную жидкость. Очевидно, он напряжённо размышлял.

– Не вызывает сомнений, – наконец произнёс он, – это зелье должно действовать таким образом, чтобы не позволить мне взять Хоркракс. Оно должно меня парализовать, или заставить забыть, зачем я здесь, или причинить столь сильную боль, что я отвлекусь, или ещё каким-либо способом лишить меня способности продолжать. Если это так, Гарри – твоей задачей будет проследить, чтобы я продолжал пить, даже если тебе придётся лить зелье в мой протестующий рот. Тебе всё понятно?

Стоя по разные стороны чаши, они смотрели глаза в глаза друг другу; бледные лица были залиты этим странным зелёным светом. Гарри не отвечал. Не за этим ли его взяли – чтобы он мог насильственно поить Дамблдора зельем, вызывающим у того невыносимую боль?

– Ты помнишь, – сказал Дамблдор, – то условие, при котором я взял тебя с собой?

Гарри в нерешительности посмотрел в голубые глаза, ставшие сейчас зелёными из-за света, исходящего от чаши.

– Но что если?..

– Ты поклялся или нет, что будешь следовать любому приказу, который я тебе отдам?

– Да, но...

– Я тебя предупреждал или не предупреждал, что это может быть опасно?

– Да, но...

– Вот и хорошо, – Дамблдор снова задрал рукава и поднял пустой кубок. – Ты получил мои приказания.

– Но почему я не могу выпить это зелье вместо вас? – в отчаянии спросил Гарри.

– Потому что я намного старше, намного умнее и намного менее ценен, – ответил Дамблдор. – В последний раз, Гарри: даёшь ли ты слово, что будешь делать всё, что в твоих силах, для того, чтобы я продолжал пить?

– Не могу ли?..

– Даёшь?

– Но...

– *Твоё слово, Гарри.*

– Я – ну хорошо, но...

Прежде чем Гарри успел выразить своё несогласие ещё каким-либо образом, Дамблдор погрузил хрустальный кубок в жидкость. Какую-то долю секунды Гарри надеялся, что ему не удастся коснуться зелья кубком, но, в отличие от всех предыдущих предметов, кубок легко прошёл сквозь поверхность. Когда он наполнился доверху, Дамблдор поднёс его ко рту.

– Твоё здоровье, Гарри.

И он осушил кубок. Гарри с ужасом наблюдал за ним; его пальцы ухватились за края чаши с такой силой, что их кончики онемели.

– Профессор? – встревоженно спросил он, когда Дамблдор отвёл ото рта пустой кубок. – Как вы себя чувствуете?

Дамблдор, закрыв глаза, покачал головой. Гарри показалось, что ему больно. Дамблдор не глядя ткнул бокал обратно в чашу, наполнил его и выпил вновь.

В полном молчании Дамблдор осушил три полных кубка зелья. Затем, выпив половину четвёртого кубка, он пошатнулся и рухнул лицом вперёд, прямо на чашу. Его глаза по-прежнему были закрыты, он тяжело дышал.

– Профессор Дамблдор? – сдавленным голосом спросил Гарри. – Вы меня слышите?

Дамблдор не ответил. Его лицо подёргивалось, словно он спал и видел кошмарный сон. Рука, держащая кубок, тряслась; зелье вот-вот должно было пролиться. Гарри потянулся вперёд и твёрдо взялся за хрустальный сосуд.

– Профессор, вы меня слышите? – громко повторил он; голос его в пространстве пещеры прозвучал гулко.

Дамблдор часто дышал. Потом он заговорил, и Гарри не узнал его голоса – он никогда раньше не слышал, чтобы Дамблдор был так напуган.

– Я не хочу... Не заставляй меня...

Гарри неотрывно смотрел на побелевшее лицо, которое было ему так хорошо знакомо, на кривой нос, на очки в форме полумесяца, и не знал, что делать.

– ...Не нравится... Хочу прекратить... – простонал Дамблдор.

– Вы... вы не можете прекратить, профессор, – сказал Гарри. – Вы должны продолжать пить, вы помните? Вы мне сказали, что вам надо продолжать пить. Вот...

И, ненавидя самого себя, испытывая сильнейшее отвращение к тому, что он делает, Гарри насильно поднёс кубок обратно ко рту Дамблдора и тонкой струйкой вылил туда его содержимое, так что Дамблдору пришлось его проглотить.

– Нет... – простонал он, когда Гарри снова погрузил кубок в чашу и наполнил его. – Я не хочу... Не хочу... Отпусти меня...

– Всё будет хорошо, профессор, – сказал Гарри; руки его тряслись. – Всё будет хорошо, я здесь...

– Прекрати это... прекрати... – стонал Дамблдор.

– Да... да, сейчас всё прекратится, – соврал Гарри. Он опорожнил кубок в открытый рот Дамблдора.

Дамблдор закричал; крик разнёсся над чёрной мёртвой водой, разлетелся по всей огромной пещере.

– Нет, нет, нет!.. Нет... Не могу... Не могу, не заставляй меня, я не хочу...

– Всё будет хорошо, профессор, всё будет нормально, – громко произнёс Гарри; теперь его руки тряслись настолько сильно, что ему с трудом удалось зачерпнуть шестую порцию зелья; теперь чаша была наполовину пуста. – С вами ничего плохого не происходит, вы в безопасности, вам всё это кажется, клянусь, только кажется – а сейчас выпейте вот это, выпейте...

И Дамблдор послушно выпил, словно Гарри дал ему противоядие, но, осушив кубок, он упал на колени, дрожа всем телом.

– Это всё я виноват, только я, – всхлипнул он. – Пожалуйста прекрати, я знаю, я всё сделал неправильно, о, пожалуйста прекрати, и я больше никогда, никогда...

– Выпейте это, и всё закончится, профессор, – чужим голосом сказал Гарри, вливая седьмую порцию зелья в рот Дамблдору.

Дамблдор начал съёживаться, словно его окружали невидимые истязатели; взмахнув рукой, он чуть не выбил из дрожащих рук Гарри вновь наполненный кубок и простонал:

– Не делай им больно, не делай им больно, пожалуйста, пожалуйста, это я виноват, мне делай больно...

– Вот, выпейте, выпейте это, и всё будет хорошо, – отчаянно уговаривал его Гарри, и снова Дамблдор повиновался и открыл рот, хотя глаза его были плотно закрыты и его трясло с ног до головы.

Выпив, он с воплем упал лицом вперёд, молотя кулаками по камню островка, в то время как Гарри наполнил кубок в девятый раз.

– Пожалуйста, пожалуйста, нет... Только не это, только не это, я всё сделаю...

– Просто выпейте, профессор, просто выпейте...

Дамблдор выпил, как ребёнок, умирающий от жажды, но, закончив, он снова взвыл, словно все его внутренности были в огне.

– Хватит, пожалуйста, хватит...

Гарри зачерпнул десятую порцию и услышал, как хрусталь скребёт по дну чаши.

– Мы уже почти закончили, профессор, выпейте это, выпейте...

Он поддержал Дамблдора за плечи, и тот снова осушил сосуд. Гарри поднялся на ноги, чтобы опять наполнить кубок. В этот момент Дамблдора начал кричать с ещё большей мукой в голосе:

– Я хочу умереть! Я хочу умереть! Прекрати это, прекрати, я хочу умереть!

– Выпейте это, профессор, выпейте...

Дамблдор выпил, и едва закончив, завопил:

– УБЕЙ МЕНЯ!

– Это... это последний! – выдохнул Гарри. – Только это выпейте... и всё закончится... закончится!

Дамблдор впился губами в кубок, осушил его до последней капли и тут же, громко охнув, повалился ничком.

– Нет! – вскрикнул Гарри, уже поднявшийся, чтобы снова наполнить кубок; он уронил кубок в чашу, бросился к Дамблдору и перевернул его на спину. Очки Дамблдора перекозились, рот был приоткрыт, глаза зажмурены.

– Нет, – сказал Гарри, начав трясти Дамблдора. – Нет, вы не умерли, вы же сказали, что это не яд, очнитесь, очнитесь... *Rennervate!* – он указал палочкой на грудь Дамблдору; мелькнула красная вспышка, но ничего не произошло. – *Rennervate...* сэр... пожалуйста...

Веки Дамблдора дрогнули, и Гаррино сердце подпрыгнуло.

– Сэр, вы?..

– Воды... – прохрипел Дамблдор.

– Воды, – выдохнул Гарри. – Сейчас... – он вскочил на ноги и схватил кубок, который уронил в чашу; краем сознания он отметил, что прямо под кубком, свернувшись, лежит золотой медальон.

– *Aguamenti!* – прокричал он, ткнув в кубок волшебной палочкой. Кубок наполнился чистой водой; Гарри упал на колени рядом с Дамблдором, поднял ему голову и поднёс кубок к его губам – но он оказался пуст. Дамблдор простонал и начал задыхаться.

– Но тут же была... подождите... *Aguamenti!* – снова сказал Гарри, указав палочкой на кубок. И опять на какую-то секунду внутри него блеснула вода, но, когда кубок оказался возле рта Дамблдора, она опять исчезла. – Сэр, я пытаюсь, пытаюсь! – отчаянно крикнул Гарри, но ему показалось, что Дамблдор не слышит; он перевернулся на бок, дыхание его стало хриплым и булькающим; он был в агонии. – *Aguamenti – Aguamenti – AGUAMENTI!!!*

Кубок наполнился и опустел ещё раз. Дыхание Дамблдора начало слабеть. Гаррино мозг панически метался в поисках выхода. И тут, чисто инстинктивно, Гарри понял, каким единственным способом можно достать воду – единственным, потому что так хотел Волдеморт... Он бросился к краю каменного островка, окунул кубок в озеро и вытащил его наполненным до краёв ледяной водой, и эта вода не исчезла.

– Сэр – вот! – прокричал Гарри, бросившись вперёд и неуклюже выплеснув воду Дамблдору на лицо.

Это было лучшее, что он смог сделать, ибо ледяное ощущение на коже его не занятой кубком руки было вызвано вовсе не холодной водой. В Гаррино запястье вцепилась скользкая белая рука, и тварь, которой она принадлежала, медленно тянула его назад к краю островка.

Поверхность озера перестала быть зеркально-гладкой — она бурлила, всюду, куда падал Гарри взгляд, из тёмной воды возникали белые головы и руки; мужчины, женщины, дети с ввалившимися невидящими глазами, целая армия мёртвых вырастала из чёрной воды и шла к островку.

— *Petrificus Totalus!* — вскрикнул Гарри, изо всех сил пытаясь уцепиться за гладкую мокрую поверхность островка и направляя волшебную палочку на преиспода, державшего его за руку. Тот выпустил Гарри и с громким всплеском упал обратно в воду. Гарри вскочил на ноги, но множество преисподов с плотоядным выражением на осунувшихся лицах уже карабкались на островок, цепляясь за его скользкую поверхность своими костлявыми руками, волоча за собой мокрое тряпье, пожирая Гарри холодными глазами.

— *Petrificus Totalus!* — вторично взревел Гарри, попятившись назад и энергично взмахнув палочкой; шесть-семь преисподов свалились, но к нему приближалось гораздо больше. — *Impedimenta! Incarcerous!*

Ещё несколько преисподов споткнулись, один-два запутались в верёвках, но полчища, карабкающиеся на камень позади них, просто прошли по упавшим телам. Продолжая рубить воздух палочкой, Гарри завопил:

— *Sectumsempra! SECTUMSEMPRA!!*

Но, хотя на их тряпье и на холодной коже появились разрезы — не было крови, которая бы из них вытекала; они пёрли, не обращая внимания ни на что, протянув к Гарри руки, а когда он попятился ещё чуть дальше, руки обхватили его сзади, тонкие, лишённые плоти, холодные, как сама смерть. Его ноги оторвались от поверхности — преисподы подняли его и медленно, но верно потащили обратно к воде, и он понял, что спасения нет, что он сейчас утонет, и одним мёртвым стражником у осколка души Волдеморта станет больше...

И тут тьму разорвал огонь — багрово-золотое кольцо, окружившее островок. Преисподы, так крепко державшие Гарри, начали шататься и спотыкаться — они не осмеливались пройти сквозь пламя к воде. Они уронили Гарри; он ударился о камень, поскользнулся и упал, обдирая руки, но тотчас вскочил и, подняв палочку, огляделся.

Дамблдор вновь стоял на ногах, бледный, как окружающие их преисподы, но намного выше любого из них; огонь плясал в его глазах. Его палочка была поднята вверх, словно факел, огонь вырывался из её кончика наподобие огромного лассо, окружая их теплом.

Преисподы сталкивались друг с другом, слепо и безуспешно пытаясь избежать огня, который их окружал...

Дамблдор схватил медальон, лежавший на дне каменной чаши, и спрятал его внутрь своей мантии. Не произнося ни слова, он жестом пригласил Гарри подойти к нему поближе. Отвлечённые огнём, преисподы, похоже, не заметили, что их добыча ускользает — Дамблдор повёл Гарри к лодке, и огненное кольцо двигалось вместе с ними, по-прежнему окружая их. Ошеломлённые преисподы внутри кольца сопровождали их до самой воды, в которую они с облегчением и нырнули.

Гарри, которого всего трясло, подумал в какой-то момент, что Дамблдор не сможет забраться в лодку: попытавшись сделать это, он слегка пошатнулся — все его силы, похоже, уходили на поддержание защитного огненного кольца вокруг них. Гарри взял его за руку и

помог занять своё место. Как только они оба оказались надёжно притиснуты друг к другу в лодке, та начала своё обратное движение через чёрные воды озера прочь от островка, по-прежнему окружённая кольцом огня, и, судя по всему, кипящие под ними преисподы не осмеливались подняться на поверхность.

– Сэр, – с трудом произнёс Гарри, – сэр, я забыл... про огонь... Они лезли на меня, я запаниковал...

– Ничего удивительного, – пробормотал Дамблдор. Гарри был встревожен тем, насколько слабым был его голос.

С лёгким стуком лодка достигла берега. Гарри выскочил первым, затем быстро обернулся, чтобы помочь Дамблдору. В тот момент, когда Дамблдор оказался на берегу, его рука с палочкой упала; огненное кольцо исчезло, но преисподы из воды так и не появились. Лодчонка вновь погрузилась в воду, цепь с лязгом и звяканьем тоже поползла в озеро. Дамблдор глубоко вздохнул и прислонился к стене пещеры.

– Сил нет... – выдавил он.

– Не волнуйтесь, сэр, – тут же сказал Гарри, встревоженный чрезвычайной бледностью и измученным голосом Дамблдора. – Не волнуйтесь, я помогу выбраться... Обопритесь на меня, сэр...

И, перекинув здоровую руку Дамблдора себе через плечо и приняв на себя большую часть его веса, Гарри повёл директора обратно вокруг озера.

– Защита... в конечном итоге... оказалась хорошей, – слабым голосом произнёс Дамблдор. – В одиночку никто бы не справился... Ты молодец, Гарри, настоящий молодец...

– Не надо сейчас говорить, – Гарри со страхом слушал, каким невнятным стал голос Дамблдора и как волочатся его ноги. – Берегите силы, сэр... Скоро мы отсюда выберемся...

– Арка, должно быть, опять закрылась... Мой нож...

– Это не понадобится, я порезался там, на камне, – твёрдо ответил Гарри. – Только скажите, где она...

– Здесь...

Гарри провёл ободранной рукой по камню; получив своё кровавое подношение, арка открылась мгновенно. Они прошли через внешнюю пещеру, и Гарри помог Дамблдору снова опуститься в ледяную морскую воду, заполнявшую расщелину в клифе.

– Всё будет в порядке, сэр, – снова и снова повторял Гарри; молчание Дамблдора начало беспокоить его сильнее, чем раньше беспокоил слабый голос. – Мы уже почти вышли... Я смогу аппарировать обратно нас обоих... Не волнуйтесь...

– Я не волнуюсь, Гарри, – голос Дамблдора немного окреп, несмотря на холодную воду. – Я ведь с тобой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

БАШНЯ, ПОРАЖЁННАЯ МОЛНИЕЙ

Снова оказавшись под звёздным небом, Гарри втащил Дамблдора на ближайший валун и там помог ему встать на ноги. Весь промокший и дрожащий от холода, согнувшийся под весом Дамблдора, Гарри тщательнее, чем когда-либо, сконцентрировался на месте назначения: Хогсмид. Закрыв глаза и держа руку Дамблдора как можно крепче, он шагнул вперёд, навстречу знакомому ощущению страшного сжатия.

Гарри понял, что у него получилось, прежде чем открыл глаза: запах соли и морской ветер исчезли. Они с Дамблдором стояли, насквозь промокшие, посреди Центральной улицы. На какое-то ужасное мгновение в воображении Гарри мелькнули новые преисподы, подкрадывающиеся к ним вдоль магазинов, но, моргнув, он понял, что это только воображение; всё вокруг было совершенно неподвижно, ночную темноту пробивали лишь немногочисленные фонари и светящиеся окошки верхних этажей.

– Нам удалось, профессор! – не без труда прошептал Гарри; неожиданно он почувствовал колющую боль в груди. – Удалось! Мы взяли Хоркракс!

Дамблдор пошатнулся и навалился на него. В первый момент Гарри подумал, что из-за его неопытности в апарировании Дамблдор потерял равновесие, но затем он увидел слабо освещённое фонарём лицо, более бледное и угнетённое, чем когда-либо.

– Сэр, с вами всё в порядке?

– Бывало и получше, – вяло ответил Дамблдор, хотя уголки его рта при этом слегка дёрнулись. – Это зелье... отнюдь не укрепляющая микстура...

И, к ужасу Гарри, Дамблдор опустился на землю.

– Сэр – всё в порядке, сэр, вы выздоровеете, не волнуйтесь...

Гарри начал отчаянно вертеть головой в поисках кого-то, кто мог бы помочь, но никого не увидел. Единственной его мыслью было то, что он должен каким-то образом доставить Дамблдора в больничное крыло, и как можно скорее.

– Надо вас отвести в школу, сэр... Мадам Помфри...

– Нет... Профессор Снейп... вот кто мне нужен... Но боюсь... я сейчас не смогу далеко идти...

– Да... послушайте, сэр... Я сейчас постучусь куда-нибудь, найду место, где вы можете остаться... Затем побегу и приведу мадам...

– Северус, – отчётливо произнёс Дамблдор. – Мне нужен Северус...

– Ну ладно, Снейпа так Снейпа – но мне придётся ненадолго вас оставить, чтобы я мог...

Однако прежде чем Гарри двинулся с места, он услышал шаги. Его сердце подпрыгнуло: кто-то их увидел, кто-то понял, что им нужна помощь! Оглянувшись, он увидел спешащую к ним по тёмной улице мадам Розмерту в своих пушистых туфлях на высоком каблуке и в шёлковом халате, вышитом драконами.

– Я видела, как вы аппарировали, когда задвигала занавески в спальне! Слава богу, слава богу, я и подумать не могла, что... но что с Альбусом?

Она резко остановилась, часто дыша после бега, и широко раскрытыми глазами уставилась на Дамблдора.

– Ему плохо, – ответил Гарри. – Мадам Розмерта, можно он побудет в «Трёх мётлах», пока я сбегаяю в школу за помощью?

– Но ты не можешь пойти туда один! Разве ты не понял... разве ты не видел?..

– Если вы мне поможете его поддержать, – Гарри не слушал, что она говорила, – думаю, нам удастся отвести его внутрь...

– Что случилось? – спросил Дамблдор. – Розмерта, что не так?

– Там... там Тёмная Метка, Альбус.

И она указала вверх, в направлении Хогвартса. При этих словах Гарри захлестнула волна ужаса... Он обернулся и посмотрел.

И она была там, она висела в небе над школой – яркий зелёный череп со змеей вместо языка, метка, которую оставляют Пожиратели Смерти всякий раз, как они входят в здание... Всякий раз, как они убивают...

– Когда она появилась? – спросил Дамблдор, поднимаясь на ноги, и его рука больно стиснула плечо Гарри.

– Должно быть, всего несколько минут назад, её там не было, когда я выпускала кошку, но когда я поднялась по лестнице...

– Нам необходимо вернуться в замок немедленно, – заявил Дамблдор. – Розмерта, – хотя его слегка пошатывало, было видно, что он полностью контролирует ситуацию, – нам понадобится транспорт – мётлы...

– У меня есть парочка за баром, – испуганно ответила она. – Мне принести?..

– Нет, Гарри сделает.

Гарри немедленно поднял волшебную палочку.

– *Аccio мётлы Розмерты!*

Секундой позже они слышали громкое «бум» – это распахнулась входная дверь паба; две метлы вылетели на улицу и наперегонки помчались к Гарри. Подлетев к нему, мётлы, чуть подрагивая, застыли на уровне пояса.

– Розмерта, пожалуйста, отошли сообщение в Министерство, – сказал Дамблдор, занимая ближайшую к себе метлу. – Не исключено, что никто в Хогвартсе ещё не осознал, что что-то не так... Гарри, надень свой плащ-невидимку.

Гарри вытащил плащ из кармана и накинул его на себя, после чего также оседлал метлу. Когда Гарри и Дамблдор оттолкнулись от земли и взмыли в воздух, мадам Розмерта уже нетвёрдой походкой возвращалась в паб. Ускоряясь в сторону замка, Гарри искоса поглядывал на Дамблдора, готовый подхватить его, в случае если он начнёт падать, но, похоже, вид Тёмной Метки подействовал на Дамблдора как стимулятор: он низко пригнулся к метле, не отрывая глаз от Метки, его длинные серебристо-белые волосы и борода реяли за его спиной. Гарри тоже посмотрел вперёд, на череп, и страх стал набухать в нём, как ядовитый пузырь, стискивая лёгкие, выметая из головы все прочие проблемы...

Сколько времени они отсутствовали? Закончилась ли к этому моменту удача Рона, Гермионы и Джинни? Что если кто-то из них был тем, над чьим телом была выпущена Метка? Или, возможно, это был Невилл, или Луна, или другой член ДА? А если так... Это же он сказал им патрулировать коридоры, это он попросил их покинуть безопасные постели... Неужели он снова будет ответственен за гибель своего друга?

Пока они летели над петляющей тёмной дорогой, по которой совсем недавно шли в противоположном направлении, Гарри сквозь свист ветра в ушах расслышал, как Дамблдор снова шепчет на каком-то незнакомом языке. Ему показалось, что он понял смысл этого, когда его метла, перелетая через стену замка в парк, содрогнулась: Дамблдор снимал заклятья, которые сам же поставил вокруг замка, благодаря чему они смогли проникнуть внутрь на скорости, не теряя времени. Тёмная Метка сверкала прямо над Астрономической Башней, самой высокой башней замка. Означало ли это, что именно там произошла смерть?

Дамблдор уже перелетел через зубчатую стенку верхней площадки и слез с метлы; Гарри приземлился рядом с ним несколько секунд спустя и тут же огляделся.

Площадка была пуста. Дверь на винтовую лестницу, ведущую в замок, была закрыта. Не было ни одного признака борьбы, смертельной схватки, ни одного тела.

— Что это значит? — спросил Гарри Дамблдора, подняв голову вверх и глядя на змеязыкий зелёный череп, зловеще сияющий у них над головой. — Это настоящая Метка? Правда, что кого-то... Профессор?

В тусклом зелёном свете Метки Гарри увидел, как Дамблдор схватился за грудь своей больной рукой.

— Иди разбуди Северуса, — слабо, но внятно произнёс Дамблдор. — Расскажи ему, что произошло, и приведи его ко мне. Ничего больше не делай, ни с кем больше не говори, не снимай плаща. Я буду ждать здесь.

— Но...

— Ты поклялся мне повиноваться, Гарри — давай!

Гарри поспешил к двери, ведущей на винтовую лестницу, но как только его рука сомкнулась на железном дверном кольце, он услышал звук шагов по ту сторону. Он оглянулся на Дамблдора — тот жестом предложил ему отойти. Гарри попятился, на ходу вынимая волшебную палочку.

Дверь распахнулась, и кто-то вырвался из неё с криком: «*Expelliarmus!*»

Гаррино тело мгновенно стало твёрдым и неподвижным, и он ощутил, как падает; он опёрся на стену башни, как неустойчивая статуя, не в силах ни двинуться с места, ни произнести хоть слово. Он не понимал, как такое могло произойти — *Expelliarmus* же не замораживает...

Затем в свете Метки он увидел, как палочка Дамблдора летит по дуге через стенку площадки, и понял... Дамблдор бесшумно парализовал Гарри, и та секунда, которая у него ушла на это заклинание, стоила ему шанса защититься самому.

Прислонившись к стенке, Дамблдор не выказывал признаков паники или беспокойства, хоть лицо его и было белым. Он просто посмотрел на того, кто его разоружил, и произнёс:

— Добрый вечер, Дрэйко.

Малфой шагнул вперёд и быстро огляделся, чтобы убедиться, что они с Дамблдором одни. Его взгляд упал на вторую метлу.

– Кто ещё здесь?

– Этот вопрос и я тебе мог бы задать. Или ты действуешь в одиночку?

В зелёном сиянии Метки Гарри увидел, как глаза Малфоя снова вернулись к Дамблдору.

– Нет, – ответил он. – Я получил подкрепление. Сегодня в твоей школе Пожиратели Смерти.

– Что ж, – произнёс Дамблдор с таким видом, словно Малфой показывает ему очень сложную домашнюю работу. – Неплохо сделано, действительно неплохо. Ты сумел найти способ провести их сюда, да?

– Ага, – Малфой всё ещё не мог отдышаться. – Прямо у тебя под носом, а ты так и не понял!

– Весьма изобретательно. Но... извиняюсь... где они? Впечатление такое, что ты один.

– Они повстречались с кем-то из охраны. Сейчас они дерутся там внизу. Это ненадолго... а я пошёл вперёд. У меня... у меня тут работка есть.

– Что ж, в таком случае ты должен её выполнить, мой мальчик, – мягко сказал Дамблдор.

Пало молчание. Гарри стоял, заключённый в собственном невидимом, парализованном теле, не в силах отвести взгляда от Дамблдора и Малфоя, напрягая слух в попытках уловить отдалённые звуки сражения с Пожирателями Смерти. Прямо перед ним Дрэйко Малфой неотрывно смотрел на Дамблдора. Невероятно, но тот улыбался.

– Дрэйко, Дрэйко, ты же не убийца.

– Откуда ты знаешь? – тут же спросил Малфой.

Похоже, он осознал, насколько по-детски это прозвучало – в зеленоватом свете Метки Гарри увидел, как он покраснел.

– Ты не знаешь, на что я способен, – с нажимом произнёс Малфой. – Ты не знаешь, что я уже сделал!

– О, отлично знаю, – мягко ответил Дамблдор. – Ты чуть не убил Кэти Белл и Рональда Уизли. Ты пытался убить меня весь этот год, с каждым разом всё более отчаянно. Прости, Дрэйко, но эти попытки были жалки... настолько жалки, что я, честно говоря, сомневался, вкладывался ли ты в них всерьёз...

– Ещё как вкладывался! – страстно воскликнул Малфой. – Я весь год над этим работал, и сегодня...

Где-то в замке раздался приглушённый вскрик. Малфой напрягся и глянул через плечо назад.

– Кто-то там хорошо сражается, – обыденным тоном откомментировал Дамблдор. – Но ты уже сказал... да, тебе удалось провести Пожирателей Смерти в мою школу, что, должен признать, я полагал невозможным... Как ты это сделал?

Но Малфой не ответил: он по-прежнему напряжённо прислушивался к тому, что происходило внизу. Он казался таким же парализованным, как Гарри.

– Вероятно, твою работу тебе всё-таки придётся сделать одному, – предположил Дамблдор. – Что если твоё подкрепление будет отброшено моей охраной? Как ты, вероятно,

осознал, сегодня здесь присутствуют члены Ордена Феникса. И, в конечном итоге, тебе же не нужна помощь... У меня нет палочки... Я не могу защитить себя.

Малфой смотрел на него.

– Понятно, – ласково сказал Дамблдор, увидев, что Малфой молча стоит на месте. – Ты боишься действовать, пока они к тебе не присоединятся.

– Я ничего не боюсь! – огрызнулся Малфой, однако никаких действий он по-прежнему не предпринимал. – Это ты должен бояться!

– Но почему? Я не думаю, что ты убьёшь меня, Дрэйко. Убить человека – намного труднее, чем полагают те, кто этого ни разу не пробовал... Так расскажи мне, пока мы ждём твоих друзей... Как ты протаскил их сюда? Похоже, у тебя ушло много времени на то, чтобы придумать, как это сделать.

У Малфоя был такой вид, как будто он старался подавить не то крик, не то рвоту. Он сглотнул и сделал несколько глубоких вдохов, глядя на Дамблдора и направляя палочку прямо ему в грудь. Затем, словно не в силах сдержаться, он произнёс:

– Я должен был починить тот сломанный Исчезательный Шкаф, который давно никто не использовал. Тот, в котором Монтегю пропал в прошлом году.

– Аааах.

Дамблдор наполовину вздохнул, наполовину простонал. На мгновение он прикрыл глаза.

– Умно... Я так понимаю, у него где-то есть пара?

– Второй стоит в «Боргине и Бёрксе», и между ними что-то типа прохода. Монтегю мне рассказал, что, когда его засунули в хогвартский, он оказался заточён непонятно где, но временами он мог слышать, что происходит в школе, а иногда – что в магазине, как будто шкаф перемещался между ними, но его самого никто не слышал... В конце концов ему удалось аппарировать наружу, хотя он и не сдавал экзамен. Он тогда чуть не помер. Все думали, что это классная байка, но только я понял, что это значит – даже Боргин не знал – именно я понял, что через шкафы можно попасть в Хогвартс, если мне удастся починить сломанный.

– Очень хорошо, – пробормотал Дамблдор. – Таким образом, Пожиратели Смерти смогли из «Боргина и Бёркса» пробраться в школу, тебе на помощь... Умный план, очень умный... и, как ты сказал, прямо у меня под носом...

– Да, – Малфоя, как ни странно, похвала Дамблдора взбодрила и успокоила. – Вот именно!

– Но время от времени, – продолжил Дамблдор, – ты терял уверенность в том, что преуспеешь в починке Шкафа, не правда ли? И тогда ты прибегал к грубым и непродуманным средствам, вроде того проклятого ожерелья, которое просто не могло не попасть в посторонние руки... или отравленного мёда – шанс, что его выпью именно я, был очень мал...

– Ага, но ты же не догадывался, кто за всем этим стоял, ага? – усмехнулся Малфой, в то время как Дамблдор чуть сполз вниз по стенке – ноги с трудом его держали, – и Гарри снова начал безмолвно и бесплодно бороться с заклятьем, которое его связывало.

– Вообще-то я догадывался, – ответил Дамблдор. – Я был уверен, что это ты.

– Ну и почему тогда ты меня не остановил?

– Я пытался, Дрэйко. Профессор Снейп следил за тобой по моему приказу...

– Он не *твои* приказы выполнял, он обещал моей матери...

– Разумеется, именно так он и должен был тебе сказать, Дрэйко, но...

– Он двойной агент, ты, глупый старик, он не работает на тебя, тебе это только кажется!

– Что ж, в этом вопросе наши мнения не совпадают, Дрэйко. Так сложилось, что я доверяю профессору Снейпу...

– Что ж, значит, ты теряешь хватку! – зло усмехнулся Малфой. – Он всё время предлагал мне помощь – хотел всю славу себе забрать, хотел сам в этом участвовать – «Что ты делаешь? Это ты подсунил ожерелье, это было глупо, это могло всё разрушить...» Но я так и не сказал ему, *что* я делал в Насущной Комнате! Завтра утром он проснётся, когда всё будет кончено, и он не будет больше фаворитом Тёмного Лорда, он будет никем по сравнению со мной, никем!

– Вижу, ты благодарный ученик, – мягко сказал Дамблдор. – Ну конечно, нам всем нравится, когда нашу работу оценивают по достоинству... Но в любом случае у тебя должен был быть помощник... Кто-то в Хогсмиде, кто-то, кто бы подсунил Кэти это... это... аааах...

Дамблдор вновь закрыл глаза и кивнул, словно собираясь заснуть.

– ...конечно же... Розмерта. Как давно она под проклятием Импернуса?

– Дошло наконец, да? – издевательски произнёс Малфой.

Снизу послышался ещё один вопль, несколько громче предыдущего. Малфой нервно оглянулся, затем снова перевёл глаза на Дамблдора, который продолжил:

– Значит, это бедная Розмерта была вынуждена прятаться в собственном туалете, чтобы передать ожерелье первому ученику, который зайдёт туда в одиночку? И отравленный мёд... Естественно, Розмерта могла отравить его по твоей просьбе и отослать Слагхорну, рассчитывая, что тот подарит его мне на Рождество... Да, очень толково... очень толково... Разумеется, бедняге Филчу и в голову не могло прийти проверить бутылку от Розмерты... Но скажи, как ты держал с Розмертой связь? Я думал, мы отслеживаем все пути, которыми можно передавать сообщения в школу и из неё.

– Заколдованные монеты, – Малфой словно не мог остановиться; его рука с волшебной палочкой тряслась. – Одна была у меня, вторая у неё, и я мог посылать ей сообщения...

– А, тот самый секретный метод связи, который в прошлом году применила группа, называвшая себя Дамблдоровой Армией? – уточнил Дамблдор. Его голос оставался ровным и спокойным, но Гарри заметил, что он сполз ещё чуть вниз.

– Ага, идею я у них позаимствовал, – криво улыбнулся Малфой. – И идею отравить мёд мне тоже подсказала грязнокровка Грейнджер, я слышал, как она говорила в библиотеке, что Филч не может распознавать яды...

– Я бы попросил тебя воздержаться от применения оскорбительных слов в моём присутствии.

Малфой жёстко рассмеялся.

– Тебя волнует, что я говорю слово «грязнокровка», даже в тот момент, когда я собираюсь тебя убить?

– Да, волнует, – ответил Дамблдор; Гарри заметил, что он чуть двинул ногой, пытаясь получше опереться, чтобы не упасть. – А что касается твоего намерения меня убить, Дрэйко – у тебя уже было на это несколько минут. Мы совершенно одни. Я более беззащитен, чем ты мог когда-либо мечтать, но ты всё ещё не начал действовать...

Рот Малфоя непроизвольно скривился, словно он попробовал что-то очень горькое.

– Возвращаясь к сегодняшней ночи, – продолжил тем временем Дамблдор. – Меня несколько озадачивает то, как это произошло... Ты знал, что я покинул школу? Ну конечно, – ответил он самому себе, – Розмерта видела, как я уходил, она и дала тебе знать с помощью этих твоих замечательных монет, наверняка...

– Именно, – кивнул Малфой. – Но она сказала, что ты просто пошёл чего-нибудь выпить и скоро вернёшься...

– Да уж, это точно – я чего-нибудь выпил... и скоро вернулся... в некотором роде... И ты после этого решил поставить для меня ловушку?

– Мы решили установить Тёмную Метку над башней, чтобы ты поспешил посмотреть, кого убили, – ответил Малфой. – И это сработало!

– Ну... отчасти, – сказал Дамблдор. – Но в таком случае, правильно ли я понимаю, что никто не был убит?

– Кто-то помер, – голос Малфоя при этих словах дал петуха. – Кто-то из твоих людей... Не знаю кто, темно было... Я перешагнул через тело... Я должен был ждать здесь, пока ты появишься, только твои ребята из Феникса на пути оказались...

– Да, они там оказались...

Снизу вновь послышались крики и грохот, намного громче, чем раньше; похоже было, что сражение шло непосредственно на лестнице, ведущей на площадку, где стояли Дамблдор, Малфой и Гарри. Гаррино сердце беззвучно колотилось в его невидимой груди... Кто-то умер... Малфой перешагнул через тело... но через чьё?

– Так или иначе, у нас мало времени, – произнёс Дамблдор. – Поэтому давай обсудим твой дальнейший выбор, Дрэйко.

– *Мой* выбор! – громко заявил Малфой. – Я тут стою с палочкой... Я собираюсь тебя убить...

– Дорогой мой, давай не будем больше притворяться. Если бы ты собирался меня убить, ты бы сделал это с самого начала, когда разоружил меня, ты бы не стал тут со мной мило беседовать о способах и возможностях.

– Нет у меня никакого выбора! – неожиданно Малфой побледнел, его лицо стало таким же белым, как у Дамблдора. – Я должен это сделать! Он меня убьёт! Он всю мою семью убьёт!

– Я понимаю всю сложность твоего положения, – кивнул Дамблдор. – Почему же ещё, как ты думаешь, я до сих пор не поговорил с тобой напрямую? Я знал, что Волдеморт убьёт тебя, как только осознает, что я тебя заподозрил.

При упоминании имени Малфой вздрогнул.

– Я не решался говорить с тобой о той миссии, которая, как мне было известно, тебе поручена, на случай если он применит к тебе легилименцию, – продолжил Дамблдор. – Но сейчас мы наконец-то можем поговорить без обвиняков... Ты не причинил вреда, никому не нанёс серьёзной травмы, хотя тебе сильно повезло, что твои нечаянные жертвы остались живы... Я могу помочь тебе, Дрэйко.

– Нет, не можешь, – держащая волшебную палочку рука Малфоя страшно тряслась. – Никто мне не поможет. Он сказал мне сделать это, или он меня убьёт. У меня нет выбора.

– Он не сможет убить тебя, если ты уже будешь мёртв. Перейди на верную сторону, Дрэйко, и мы сможем укрыть тебя так надёжно, как ты и представить себе не можешь. Более того, я могу сегодня же послать членов Ордена, чтобы они и твою мать тоже укрыли. Никто не удивится, узнав, что ты, пытаясь меня убить, погиб сам – извини меня, но, вероятно, Лорд Волдеморт этого и ожидает. Не удивит Пожирателей Смерти и известие, что мы схватили и убили твою мать – в конце концов, сами они так бы и поступили. Твой отец сейчас в Азкабана, там безопасно... Когда придёт время, мы и его защитим... Переходи на верную сторону, Дрэйко... Ты же не убийца...⁷⁸

Малфой не отрываясь смотрел на Дамблдора.

– Но я так далеко зашёл, верно? – медленно произнёс он. – Они думали, что я умру, пытаясь сделать это, но я всё-таки здесь... и ты в моей власти... У *меня* палочка... От моего милосердия зависит твоя жизнь...

– Нет, Дрэйко, – тихо ответил Дамблдор. – Моё милосердие сейчас имеет значение, не твоё.

Малфой не ответил. Рот его был приоткрыт, рука с волшебной палочкой по-прежнему тряслась. Гарри показалось, что она чуть опустилась...

Но вдруг по лестнице прогремели шаги, и Малфоя отнесло с дороги – из двери на площадку вырвались четверо в чёрных мантиях. Всё ещё парализованный, не в силах даже моргать, Гарри с ужасом смотрел на четвёрку пришельцев: похоже, Пожиратели Смерти вышгнали сражение вниз.

Крепко сбитый кривобокий мужчина с непонятной злой ухмылкой хрипло усмехнулся.

– Дамблдор пойман! – заявил он, повернувшись к нетерпеливо ухмыляющейся коренастой женщине, которая, судя по её виду, вполне могла быть его сестрой. – Дамблдор без волшебной палочки, Дамблдор в одиночестве! Отличная работа, Дрэйко, просто отличная!

– Добрый вечер, Амикус, – Дамблдор был спокоен, словно приветствовал гостя на чаепитии. – И Алекто ты тоже с собой взял... Очаровательно...

Женщина издала короткий сердитый смешок.

– Думаешь, на пороге смерти твои маленькие шуточки тебе помогут, а? – насмешливо сказала она.

⁷⁸ Этот абзац переведён по американской версии книги. В английской версии он несколько короче:

– Перейди на верную сторону, Дрэйко, и мы сможем укрыть тебя так надёжно, как ты и представить себе не можешь. Более того, я могу сегодня же послать членов Ордена, чтобы они и твою мать тоже укрыли. Твой отец сейчас в Азкабана, там безопасно... Когда придёт время, мы и его защитим... Переходи на верную сторону, Дрэйко... Ты же не убийца...

– Шуточки? Нет, нет, это просто хорошие манеры, – ответил Дамблдор.

– Кончай его, – выплюнул незнакомец, стоящий к Гарри ближе всех. Это был высокий широкоплечий человек со спутанными серыми волосами и бакенбардами; чёрная мантия Пожирателя Смерти явно была ему мала. Такого голоса, как у него, Гарри никогда раньше не слышал – не голос, а скрежещущий лай. От него разило смесью грязи, пота и – ошибиться было невозможно – крови. Грязные пальцы заканчивались длинными желтоватыми ногтями.

– Это ты, Фенрир? – поинтересовался Дамблдор.

– Точно, угадал, – проскрежетал тот. – Рад меня видеть, Дамблдор, а?

– Пожалуй, не стал бы так утверждать...

Фенрир Грэйбэк ухмыльнулся, обнажив заострённые зубы. По его подбородку стекала струйка крови; он медленно, демонстративно облизал губы.

– Но ты же знаешь, как я люблю детей, Дамблдор.

– Следует ли это так понимать, что теперь ты нападаешь, даже не дожидаясь полнолуния? Очень необычно... Ты чувствуешь такую жажду человеческой плоти, что одного раза в месяц для её утоления уже недостаточно?

– Именно так. Тебя это шокирует, а, Дамблдор? Пугает?

– Что ж, не могу сказать, что это не вызывает у меня некоторого отвращения. И да, я немного шокирован тем, что Дрэйко из всех возможных кандидатов именно тебя пригласил в школу, где живут его друзья...

– Я не приглашал, – выдохнул Малфой. Он не смотрел на Грэйбэка, похоже, он даже мельком его видеть не хотел. – Я не знал, что он придёт...

– Ни за что бы не пропустил прогулку в Хогвартс, Дамблдор, – проскрежетал Грэйбэк. – Только не сейчас, когда здесь столько глоток, которые можно перегрызть... Вкусно, очень вкусно...

Он поднял жёлтый ноготь и поковырял им в передних зубах, плотоядно ухмыляясь Дамблдору.

– Я и тебя могу... после остальных, Дамблдор...

– Нет, – резко произнёс четвёртый Пожиратель Смерти, с тяжёлым жестоким лицом. – У нас есть свои приказы. Это должен сделать Дрэйко. Давай, Дрэйко, и побыстрее.

Однако остатки решимости Малфоя, похоже, испарились. Он с ужасом смотрел в лицо Дамблдору; тот был ещё бледнее, чем раньше, и ниже ростом, поскольку ещё немного сполз по стенке.

– Если вы меня спросите, ему всё равно в этом мире недолго осталось! – заявил кривобокий, и его сестра хрипло захихикала. – Вы только посмотрите на него – что с тобой такое, а, Дамби?

– О, плохая выносливость, медленная реакция, Амикус, – ответил Дамблдор. – Старость, короче говоря... Однажды, возможно, и с тобой такое случится... если тебе повезёт...

– Не, ну что это такое, а, что такое? – неожиданно взвился Пожиратель Смерти. – Ты всё такой же, Дамби, а? Всё болтаешь и ничего не делаешь, ничего, даже не знаю, почему Тёмный Лорд беспокоится о том, чтобы тебя убить! Давай, Дрэйко, кончай его!

Но в тот же момент снизу вновь донёсся шум драки, и чей-то голос прокричал:

– Они перекрыли лестницу – *Reducto! REDUCTO!*

Гаррино сердце подпрыгнуло: значит, эти четверо не уничтожили всех своих противников, они просто прорвались через свалку к вершине башни и, судя по всему, создали позади себя какой-то барьер...

– Ну, Дрэйко, быстрее же! – сердито воскликнул жестоколицый человек.

Но рука Малфоя тряслась так сильно, что он даже прицелиться вряд ли мог.

– Дай я, – прорычал Грэйбэк и направился к Дамблдору, вытянув вперёд руки и оскалив зубы.

– Я сказал, нет! – прокричал жестоколицый; мелькнула вспышка, и оборотня отнесло в сторону. Он ударился о стенку и, пошатываясь, с яростным видом вскочил на ноги. Гаррино сердце бешено колотилось; казалось невозможным, что никто не слышал, как он тут стоит, плененный заклинанием Дамблдора... Если бы только он мог двигаться, он мог бы нацелить проклятие прямо из-под плаща...

– Дрэйко, или сделай это, или отойди в сторону, чтобы кто-то из нас... – взвизгнула женщина, но в этот самый момент дверь в очередной раз распахнулась. В проёме стоял Снейп. В руке он сжимал волшебную палочку, его чёрные глаза обежали всю сцену, от прислонившегося к стене Дамблдора до четырёх Пожирателей Смерти (включая разъяренного оборотня) и Малфоя.

– У нас тут проблема, Снейп, – сказал приземистый Амикус, взгляд и палочка которого были нацелены на Дамблдора. – Похоже, мальчишка не может...

Но тут имя Снейпа произнёс ещё один голос, очень мягкий.

– Северус...

При звуках этого голоса Гарри испугался сильнее, чем когда бы то ни было в эту ночь. Впервые за всё время Дамблдор умолял.

Снейп, не издав ни звука, двинулся вперёд; Малфоя он грубо отодвинул со своего пути. Трое Пожирателей Смерти отступили без единого слова. Даже оборотень, и тот присмирел.

Какое-то мгновение Снейп неотрывно глядел на Дамблдора; в каждой чёрточке его грубого лица читались отвращение и ненависть.

– Северус... пожалуйста...

Снейп поднял палочку и направил её на Дамблдора.

– *Avada Kedavra!*

Вспышка зелёного света исторглась из кончика волшебной палочки Снейпа и ударила Дамблдора точно в грудь. Крик ужаса так и не вырвался из Гарриного горла; безмолвный и неподвижный, Гарри вынужден был смотреть, как Дамблдора подбросило вверх; долю секунды казалось, что он повис в воздухе прямо под сияющим черепом, потом он медленно упал спиной вперёд, подобно огромной тряпичной кукле, перевалился через зубцы стенки и исчез.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

БЕГСТВО ПРИНЦА

Гарри чувствовал себя так, словно он тоже падает куда-то в пространство; *этого не произошло... это просто не могло произойти...*

– Уходим отсюда, быстро, – скомандовал Снейп.

Он схватил Малфоя за воротник и втащил в дверь первым; Грэйбэк и приземистые брат с сестрой последовали за ним, последние двое часто и возбуждённо дышали. Как только они исчезли в дверном проёме, Гарри осознал, что снова может двигаться – сейчас его припилила к стене башни отнюдь не магия, но собственный ужас и потрясение. Когда последний из Пожирателей Смерти, жестоколицый, был уже в дверях, Гарри отшвырнул плащ-невидимку.

– *Petrificus Totalus!*

Пожиратель Смерти сложился, словно его ударили в спину чем-то твёрдым, и упал на пол, как восковая скульптура. Не успел он коснуться пола, как Гарри перескочил через него и рванул вниз по тёмной лестнице.

В сердце его царил ужас... Он должен был идти к Дамблдору, и он должен был поймать Снейпа... Эти две вещи каким-то образом оказались связаны между собой... Если он сведёт их обоих вместе, он сможет вернуть всё назад... и Дамблдор не умрёт...

Гарри перескочил последние десять ступенек винтовой лестницы и застыл на месте, держа палочку наготове. В тускло освещённом коридоре клубилась пыль; половина потолка, судя по всему, рухнула; прямо перед ним кипела битва. Но пока Гарри пытался разобраться, кто с кем дерётся, впереди послышался ненавистный голос: *«Всё кончено, пора уходить!»* – и он увидел, как Снейп исчезает за углом в противоположном конце коридора; похоже, они с Малфоем сумели проскочить через эту кучу без особого ущерба для себя. Как только Гарри бросился за ними, один из дерущихся выскочил из общей свалки и бросился на него – это был оборотень, Грэйбэк. Он подмял Гарри под себя, прежде чем тот успел поднять палочку. Гарри упал на спину, лицо его оказалось под гривой грязных спутанных волос, смрад пота и крови наполнил его нос и рот, он ощутил горячее жадное дыхание на своём горле...

– *Petrificus Totalus!*

Гарри почувствовал, как Грэйбэк рухнул на него; с невероятным усилием он спихнул оборотня на пол в тот самый момент, как в его сторону полетел пучок зелёного света. Он пригнулся и очертя голову ринулся в схватку. Гаррины ноги задела что-то раздавленное и скользкое, и он споткнулся. На полу в луже крови лицом вниз лежали два тела, но времени выяснять, кто это, не было: Гарри увидел прямо перед собой развевающиеся подобно пламени рыжие волосы – Джинни сражалась с приземистым Пожирателем Смерти, Амикусом. Тот швырял в неё одно проклятие за другим, а она всякий раз уклонялась; Амикус хихикал, наслаждаясь этим состязанием:

– *Crucio! Crucio!* Ты же не сможешь танцевать вечно, красотка...

– *Impedimenta!* – прокричал Гарри.

Его глаз ударил Амикуса в грудь; тот, взвизгнув от боли, как поросёнок, взлетел в воздух и вмазался в противоположную стену, после чего сполз вниз и пропал из виду. Рядом с этим местом Гарри увидел Рона, профессора МакГонаггалл и Люпина, каждый из них сражался со своим Пожирателем Смерти. Чуть дальше Тонкс дралась с огромным белокурый колдуном, посылающим проклятия направо и налево; его заклинания рикошетили от окружающих стен, дробили камень, одно из них разнесло ближайшее окно...

– Гарри, ты откуда взялся? – крикнула ему Джинни, но на то, чтобы отвечать, у него не было времени. Гарри пригнулся и бросился вперёд, лишь чудом увернувшись от вспышки, мелькнувшей у него над головой и осыпавшей всех окружающих каменной крошкой, выбитой из стены. Снейп не должен уйти, ему надо догнать Снейпа...

– *Вот* тебе! – вскричала профессор МакГонаггалл, и Гарри мельком увидел Пожирателя Смерти, Алектю – она бежала по коридору, закрыв голову руками, её брат не отставал. Гарри кинулся за ними, но в тот же момент споткнулся и грохнулся прямо на чьи-то ноги. Оглянувшись, он увидел бледное круглое лицо лежащего на полу Невилла.

– Невилл, с тобой?..

– У меня прядок... – просипел Невилл, сжимая руками живот. – Гарри... Снейп и Малфой... пробежали только что...

– Знаю, я за ними! – крикнул в ответ Гарри, пуская прямо с пола порчу в огромного белокурого Пожирателя Смерти, который и вызвал практически весь этот хаос. Тот, получив заклинанием в лицо, взвыл от боли, развернулся и, пошатываясь, припустил следом за братом с сестрой. Гарри поднялся с пола и рванул по коридору за ними, не обращая внимания ни на грохот у себя за спиной, ни на крики остальных, чтобы он вернулся, ни на беззвучный призыв тех, кто неподвижно лежал на полу и чьей судьбы он пока не знал...

Он чуть не потерял равновесие, на полной скорости свернув за угол – его кроссовки стали скользкими от крови; у Снейпа была огромная фора. Успел ли он уже вскочить в шкаф в Насущной Комнате, или же Орден принял меры, чтобы предотвратить отход Пожирателей Смерти этим путём? Проносясь через следующий пустой коридор, Гарри не слышал ничего, кроме топота собственных ног и грохота собственного сердца; однако тут он заметил кровавый след, подсказавший ему, что по крайней мере один из Пожирателей Смерти направляется ко входной двери – похоже, Насущная Комната действительно заблокирована...

Когда Гарри выскочил из-за очередного угла, в него полетело проклятие. Он нырнул за статую в доспехах, статуя тут же разлетелась вдребезги. Он увидел брата с сестрой, убегающих вниз по мраморной лестнице, и послал им вслед по глазу, но попал всего лишь в нескольких ведьм в длинных париках, обитавших в портрете на лестничной площадке; те с воплями разбежались по соседним картинам. Перепрыгнув через останки доспехов, Гарри услышал новые крики и вопли – похоже, проснулся весь замок...

Он рванулся к одному из потайных проходов, надеясь обогнать брата с сестрой и приблизиться к Снейпу и Малфой – те уже наверняка добрались до парка. Не забыв перескочить исчезающую ступеньку посередине потайной лестницы, он вырвался сквозь гобелен прямо в коридор, набитый облачёнными в пижамы ошеломлёнными хаффлапфцами.

– Гарри! Мы услышали шум, и кто-то что-то сказал про Тёмную Метку... – начал было Эрни Макмиллан.

– С дороги! – Гарри оттолкнул в сторону двух мальчишек и, в несколько прыжков преодолев лестничную площадку, бросился вниз по последнему пролёту мраморной лестницы. Дубовая входная дверь была выбита наружу, на каменных плитах виднелись кровавые разводы. К стенам жались несколько перепуганных учеников, один или два всё ещё прикрывали головы руками. Огромные песочные часы Гриффиндора были разбиты попавшим в них заклинанием, и рубины с громким стуком сыпались на плиты.

Гарри пулей пролетел через холл и выскочил наружу. Он едва мог различить три фигуры, бегущие через лужайку в направлении ворот, за которыми они смогут дезаппарировать – судя по их виду, огромный Пожиратель Смерти блондин и, на некотором расстоянии впереди него, Снейп с Малфоем.

Гарри понёсся вслед за ними; холодный ночной воздух ножом вонзился в его лёгкие. Впереди он заметил вспышку, на мгновение осветившую силуэты всех троих. Что это было, он не понял, но продолжал бежать – он всё ещё был слишком далеко, чтобы нормально нацелить проклятие...

Впереди мелькнула ещё одна вспышка, затем послышались крики, ответные вспышки, и Гарри наконец понял: Хагрид выскочил из своей хижины и пытался преградить дорогу Пожирателям Смерти. И хотя каждый вдох, казалось, разрывал его лёгкие, а в боку жгло как огнём, Гарри прибавил скорость. Непрошенный голос в его голове повторял: *только не Хагрида... только не Хагрида...*

Что-то больно ударило Гарри в поясницу, и он упал ничком, крепко стукнувшись лицом о землю, так что кровь хлынула из обеих ноздрей. Уже перекатываясь набок и готовя палочку, он понял, что его настигли брат с сестрой, которых он обогнал, воспользовавшись потайным проходом...

– *Impedimenta!* – крикнул он, вновь перекатившись и пытаясь плотнее прижаться к тёмной земле. Как ни странно, в кого-то из них его взгляд попал – тот споткнулся и упал, зацепив при этом второго; Гарри вскочил на ноги и снова кинулся в погоню за Снейпом.

Теперь он видел огромный силуэт Хагрида, освещённый внезапно выбравшимся из облаков лунным серпом. Светловолосый Пожиратель Смерти швырял в егеря проклятие за проклятием, но невероятная сила и толстая кожа, унаследованная Хагридом от своей матери-великаниши, похоже, сводили на нет все усилия нападавшего. Снейп и Малфой, однако, продолжали бежать; скоро они уже окажутся за воротами и смогут дезаппарировать...

Гарри проскочил мимо Хагрида и его противника, прицелился Снейпу в спину и крикнул:

– *Stupefy!*

Он промазал; луч оранжевого света пролетел рядом с головой Снейпа.

– *Фрэйко, беги!* – прокричал Снейп и развернулся. Между ним и Гарри было около двадцати ярдов. Какое-то мгновение они сверлили друг друга глазами, после чего одновременно подняли волшебные палочки.

– *Cruc...*

Но Снейп парировал проклятие, сбив Гарри с ног, прежде чем тот успел закончить заклинание. Гарри перекувырнулся и снова вскочил на ноги в тот самый момент, когда огромный Пожиратель Смерти у него за спиной крикнул «*Incendio!*» Гарри услышал взрыв, и вся сцена разом оказалась освещена оранжевым огнём. Дом Хагрида горел.

– Там же Клык, ах ты сволочь!.. – взревел Хагрид.

– *Crucio*... – снова прокричал Гарри, целясь в фигуру впереди, освещённую танцующим пламенем, но Снейп вновь заблокировал заклинание. Гарри увидел, что он усмехается.

– Не выйдет у тебя Непростительных проклятий, Поттер! – голос Снейпа перекрыл и гул огня, и крики Хагрида, и отчаянный лай запертого Клыка. – У тебя нет ни силы духа, ни способности...

– *Incendio*... – отчаянно взревел Гарри, но Снейп отразил и это заклинание почти ленивым движением руки.

– Дерись! – заорал на него Гарри. – Дерись же, ты, трусливый...

– Трус, вот как ты меня назвал, Поттер? – заорал в ответ Снейп. – Твой отец никогда не осмеливался на меня напасть, если только их не было четверо на одного, интересно, как бы ты *его* назвал?

– *Stupe*...

– Отбиваю опять, и опять, и опять, и так до тех пор, пока ты не научишься держать рот и мысли на замке! – злорадно усмехнулся Снейп. – Теперь пошли! – крикнул он белокурому Пожирателю Смерти. – Пора уходить, пока тут не появились люди Министерства!

– *Impedi*...

Но, прежде чем Гарри смог закончить заклинание, его скрутила жесточайшая боль. Он упал на колени, кто-то кричал, сейчас он точно умрёт от этой боли, Снейп будет терзать его, пока он не умрёт или не сойдёт с ума...

– Нет! – прокричал голос Снейпа, и боль исчезла так же неожиданно, как и накатила. Гарри скорчившись лежал на траве, сжимая волшебную палочку и часто дыша; где-то над ним Снейп орал: – Вы что, забыли наши приказы? Поттер принадлежит Тёмному Лорду – мы сейчас должны его оставить! Пошли! Пошли!

Гарри ощутил, как земля у него под лицом содрогнулась – брат с сестрой и огромный Пожиратель Смерти подчинились приказу, кинувшись к воротам. Гарри испустил нечленораздельный вопль ярости. В этот момент ему было наплевать, выживет он или умрёт. Снова поднявшись на ноги, он слепо заковылял к Снейпу, человеку, которого он в этот момент ненавидел так же сильно, как самого Волдеморта...

– *Sectum*...

Снейп взмахнул палочкой, и проклятие вновь было отбито; но теперь Гарри был уже в считанных футах от него и наконец-то мог отчётливо видеть его лицо: Снейп уже не ухмылялся презрительно – огонь осветил лицо, полное ярости. Собрав всю свою способность сосредотачиваться, Гарри подумал: *Levi*...

– Нет, Поттер! – вскричал Снейп. Послышался громкий хлопок, и Гарри отлетел назад, вновь больно ударившись о землю, и на этот раз волшебная палочка выскочила из его руки. Он слышал крики Хагрида и лай Клыка, пока Снейп подходил к нему. Снейп смотрел сверху

вниз на него, беззащитного и лишённого палочки, совсем как Дамблдор чуть раньше. Бледное лицо Снейпа, освещённое огнём пылающей хижины, горело такой же ненавистью, как тогда, когда он убил Дамблдора.

– И ты осмеливаешься применять против меня мои собственные заклинания, Поттер? Именно я их придумал – я, Принц-Полукровка! И ты хочешь применять мои изобретения против меня же, подобно твоему отцу, да? Не думаю, что у тебя получится... Э, *нет!*

Гарри бросился к своей волшебной палочке; Снейп кинул в неё заклинание, и она отлетела на несколько футов в сторону, куда-то в темноту.

– Тогда убей меня, – задыхаясь, прохрипел Гарри; в этот момент он совершенно не ощущал страха, лишь ярость и презрение. – Убей меня так же, как ты убил его, ты, трус...

– НЕ СМЕЙ, – взревел Снейп, и внезапно его лицо исказилось до неузнаваемости, стало безумным, нечеловеческим, словно он испытывал такую же боль, как лающий, воющий пёс, запертый в горящей хижине у них за спиной, – НАЗЫВАТЬ МЕНЯ ТРУСОМ!

Он рубанул палочкой воздух; Гарри почувствовал, как что-то полоснуло его по лицу, словно раскалённым кнутом, и снова швырнуло наземь. Искры брызнули у него из глаз, и какое-то время он просто не мог дышать. Затем Гарри услышал над собой шум крыльев, и что-то огромное заслонило звёзды – на Снейпа спикировал Брыклов. Снейп, шатаясь, шагнул назад, когда его полоснули острые как бритва когти. Когда Гарри удалось принять сидячее положение (вопреки гудению в голове от последнего контакта с землёй), он увидел, что Снейп мчится со всех ног, а огромный зверь бьёт крыльями прямо у него за спиной и клекочет так яростно, как Гарри ещё никогда не слышал...

Гарри с трудом поднялся на ноги и начал осматриваться в поисках своей волшебной палочки; хотя в глазах его по-прежнему всё плыло, он не оставил надежду продолжить погоню. Но уже когда он шарил по траве, отбрасывая веточки, он знал, что опоздал. И действительно – к тому времени, когда он нашёл наконец палочку и осмотрелся, он увидел лишь гиппогрифа, нарезающего круги над воротами. Снейпу удалось дезаппарировать, едва он покинул территорию школы.

– Хагрид, – всё ещё не вполне придя в себя, пробормотал Гарри. – ХАГРИД?

Он ковылял в сторону горящей хижины, когда из огня прямо перед ним появилась огромная фигура, несущая на плечах Клыка. Издав крик благодарности непонятно кому, Гарри опустился на колени; его всего трясло, всё тело болело, и каждый вдох бил словно ножом.

– Ты в порядке, Гарри, э? В порядке? Ответь, Гарри...

Огромное заросшее лицо Хагрида плыло над Гарри, заслоняя звёзды. Гарри ощущал запах горелого дерева и собачьей шерсти; протянув руку, он с облегчением нащупал рядом с собой тёплое, живое, дрожащее тело Клыка.

– Нормально, – выдохнул Гарри. – А ты?

– Да чё там... Меня шоб прикончить, их куда больше надо...

Хагрид взял Гарри под мышки и рывком поднял его на ноги, с такой силой, что Гаррины ноги на какое-то мгновение оторвались от земли. Он увидел струйку крови, стекающую по щеке Хагрида из глубокого пореза под быстро заплывающим глазом.

– Надо твой дом потушить, – сказал Гарри. – Чары *Aguamenti*...

– Знал ведь, шо это чё-то типа того, – промямлил Хагрид, поднимая свой тлеющий розовый цветастый зонтик. – *Aguamenti!*

Из кончика зонта вырвалась струя воды. Гарри тоже поднял руку с палочкой, казавшейся отлитой из свинца, и тоже пробормотал «*Aguamenti*». Вдвоём он заливали дом Хагрида водой до тех пор, пока пламя не исчезло полностью.

– Ничё, не так уж плохо, – с надеждой в голосе произнёс Хагрид, глядя на дымящиеся развалины. – Ниче такого, шо Дамблдор не смог бы разрулить...

При звуке имени Гарри ощутил жестокую боль в груди. Сейчас, в тишине и покое, в нём начал нарастать ужас.

– Хагрид...

– Я залечивал ноги паре подвечников, када слышал, шо они идут, – печально сказал Хагрид, по-прежнему глядя на свою разрушенную хижину. – Сгорели, до последнего сучка, бедолаги...

– Хагрид...

– Да, но чё случилось-то, а? Я тока увидел этих Пожирателей Смерти, как они бежали из замка, но чё там, чёрт подери, делал Снейп? Он ваще куда делся – он их преследует?

– Он... – Гарри закашлялся, во рту от паники и дыма всё пересохло. – Хагрид, он убил...

– Убил?! – громко переспросил Хагрид, уставившись на Гарри. – Снейп убил? Ты эт о чём, Гарри?

– Дамблдора, – закончил Гарри. – Снейп убил... Дамблдора.

Хагрид просто смотрел на него; та малая часть его лица, которую можно было различить, оставалась бесстрастной, он явно не понимал.

– Чего Дамблдора, Гарри?

– Он мёртв. Снейп его убил...

– Не шути так, – грубо произнёс Хагрид. – Снейп убил Дамблдора – не валяй дурака, Гарри. Чего эт ты вдруг такое говоришь?

– Я видел, как это случилось.

– Не мог ты этого видеть.

– Я видел, Хагрид.

Хагрид покачал головой; на лице его было написано недоверие пополам с сочувствием, и Гарри догадался, что, по мнению Хагрида, он просто слишком сильно головой ударился и потому ничего не соображает – возможно, в результате попадания какого-нибудь глаза...

– Вот чё, наверно, случилось, Дамблдор сказал Снейпу идти за Пожирателями Смерти, – уверенно сказал Хагрид. – Думаю, он хотел сохранить его прикрытие. Слуш, пошли-ка обратно в школу. Пошли, Гарри...

Гарри не стал спорить или объяснять. Его всё ещё трясло. Скоро Хагрид сам всё узнает, слишком скоро... Пока они шли в сторону замка, Гарри заметил, что во многих окнах уже горит свет. Он мог отчётливо представить себе сцены внутри замка: люди ходят из комнаты в

комнату, рассказывая друг другу, что в Хогвартс ворвались Пожиратели Смерти, что над школой висит Тёмная Метка, что кого-то, должно быть, убили...

Входная дверь перед ними по-прежнему была выломана, яркий свет изливался сквозь дверной проём на лужайку. Одетые в ночные рубашки люди медленно и неуверенно выбирались наружу, нервно оглядываясь в поисках Пожирателей Смерти, исчезнувших в ночи. Гарри же не отрываясь смотрел на подножие самой высокой башни. Ему казалось, что на траве он может различить чёрную массу, хотя, разумеется, он был слишком далеко, чтобы рассмотреть что-то подобное. Однако, бессмысленно глядя на то место, где, как ему казалось, лежит тело Дамблдора, он заметил, что люди постепенно начинают двигаться туда же.

— Эт на чё они там все смотрят? — спросил Хагрид, когда они с Гарри и с жмущимся к их ногам Клыком приблизились к входу в замок. — Чё там на траве лежит? — резко добавил он, направляясь к подножию Астрономической Башни, где уже образовалась небольшая толпа. — Вишь, Гарри? Прямо у самой башни? Под тем местом, где Метка... Чёрт... Те не кажется, что кого-то сбросили?..

Хагрид замолчал — похоже, мысли его были слишком ужасны, чтобы их можно было выражать вслух. Гарри шёл рядом с ним, ощущая ноющую боль в голове и ногах, везде, куда последние полчаса попадали разнообразные порчи; но ощущал он это как-то отстранённо, словно эту боль испытывал не он сам, а кто-то рядом. Реальным и нестихающим было лишь страшное давящее чувство в груди...

Словно во сне, они с Хагридом прошли сквозь бормочущую толпу туда, где остоленевшие ученики и преподаватели оставили небольшой проём.

Гарри услышал полный потрясения и шока стон Хагрида, но не остановился; медленно он продолжил двигаться вперёд, пока не подошёл к лежащему ничком Дамблдору. Гарри знал, что надежды нет, с того самого момента, как с него снялось проклятие Телобинта, наложенное Дамблдором, — такое могло произойти только если наложивший его был мёртв, — но всё равно оказался не готов увидеть его распластанным, изломанным, величайшего колдуна из всех, кого Гарри знал и ещё узнает.

Глаза Дамблдора были закрыты, но из-за положения его рук и ног казалось, что он просто спит. Гарри протянул руку, поправил полумесяцеобразные очки на знакомом кривом носу, стёр своим собственным рукавом струйку крови, стекавшей изо рта... затем, глядя в старое мудрое лицо, он попытался полностью осознать эту огромную и невообразимую истину: никогда больше Дамблдор с ним не заговорит, никогда больше не поможет...

Толпа за спиной Гарри перешёптывалась. Спустя, как ему показалось, долгие часы он вдруг осознал, что его колено упирается во что-то твёрдое, и посмотрел вниз.

Медальон, который им удалось выкрасть, казалось, уже так давно, выпал из кармана Дамблдора. Он был открыт, видимо, раскрылся от сильного удара о землю. И хотя Гарри уже не мог испытывать большего шока, большего ужаса и печали, чем сейчас, но, едва подобрав медальон, тотчас же понял, что что-то не так...

Гарри перевернул медальон. Он был не таким большим, как тот, который Гарри помнил по ситодуму; кроме того, на нём не было никаких знаков, не было знака Слизерина —

разукрашенной буквы S. Более того, внутри него не было вообще ничего, за исключением обрывка пергамента, свернутого и плотно засунутого туда, где полагалось быть портрету.

Машинально, не думая о том, что он делает, Гарри извлёк пергамент, развернул его и при свете множества волшебных палочек, зажжённых за его спиной, прочёл:

«Тёмному Лорду

Я знаю, что буду мёртв задолго до того, как ты это прочтёшь, но я хочу, чтобы ты знал, что это я раскрыл твой секрет. Я украл настоящий Хоркфакс и намерен уничтожить его как можно скорее.

Я смотрю в лицо смерти с надеждой, что, когда ты встретишь равного себе, ты снова будешь смертен.

Р.А.Б.».

Гарри не понял, что означало это сообщение, да это его и не волновало. Лишь одно имело значение: это оказался не Хоркфакс. Дамблдор ослабил себя, выпив то ужасное зелье, без всякой пользы. Гарри скомкал пергамент в руках, и глаза его наполнились слезами. Клык за его спиной завыл.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

ПЛАЧ ФЕНИКСА

– Пошли, Гарри...

– Нет.

– Те незя так тут и оставаться, Гарри... Давай, пошли...

– Нет.

Он не хотел оставлять Дамблдора, не хотел куда-либо уходить. Рука Хагрида на его плече дрожала. Затем послышался ещё один голос:

– Гарри, пошли.

Его руку обхватила другая, гораздо меньшая и более тёплая, и потянула вверх. Он механически подчинился. Лишь бездумно плетясь обратно сквозь толпу, он ощутил намёк на цветочный аромат и понял, что это Джинни ведёт его в замок. Неразборчивые голоса долбили по ушам, всхлипывания, крики и плач пронзительно звучали в ночи, но Гарри и Джинни продолжали идти. По ступеням они поднялись в холл. На периферии поля зрения Гарри мелькали чьи-то лица, какие-то люди смотрели на него, перешёптывались, и, когда они шли к мраморной лестнице, гриффиндорские рубины на полу вокруг них сверкали подобно каплям крови.

– Идём в больничное крыло, – произнесла Джинни.

– Я не ранен.

– Это приказ МакГонагалл. Все там сейчас, Рон, и Гермиона, и Люпин, и все остальные...

Страх снова зашевелился в Гарриной груди: он совсем забыл про неподвижные фигуры, мимо которых он тогда пробежал.

– Джинни, кто ещё погиб?

– Не волнуйся, из нас никто.

– Но Тёмная Метка – Малфой сказал, что он перешагнул через тело...

– Он перешагнул через Билла, но он жив, всё нормально.

Однако в голосе её Гарри почувствовал нечто, сулившее недоброе.

– Ты уверена?

– Конечно, уверена... Он... он просто немного не в порядке, вот и всё. Грэйбэк на него напал. Мадам Помффри сказала, что он никогда... никогда больше не будет выглядеть как раньше... – голос Джинни слегка задрожал. – На самом деле мы не знаем точно, какие будут последствия... В смысле, Грэйбэк же оборотень, но в тот момент он не был преобразён.

– Но другие... там были ещё тела на полу...

– Невилл в больничном крыле, но мадам Помффри считает, что он полностью выздоровеет, и профессор Флитвик был без сознания, но он уже в порядке, только немного его шатает. Он настоял на том, чтобы уйти и присматривать за учениками Рэйвенкло. И ещё один из Пожирателей Смерти мёртв, в него угодило Убивающее проклятие, одно из тех,

которые тот огромный блондин рассылал куда попало... Гарри, если бы у нас не было твоего Феликса, думаю, нас бы всех поубивали, но каждый раз в нас это всё чуть-чуть не попадало...

Они добрались до больничного крыла. Первым, кого увидел Гарри, открыв дверь, был спящий на ближайшей кровати Невилл. Рон, Гермиона, Луна, Тонкс и Люпин струдились вокруг другой кровати, стоящей в дальнем углу палаты. При звуке открывающейся двери они все повернули голову. Гермиона подбежала к Гарри и обняла его; Люпин также подошёл, вид у него был встревоженный.

– Ты в порядке, Гарри?

– Я отлично... Как Билл?

Никто не ответил. Гарри посмотрел через плечо Гермионы и увидел на подушке Билла совершенно неузнаваемое лицо, настолько изрезанное и изорванное, что оно казалось гротескным. Мадам Помфри втирала в раны какую-то резко пахнущую зелёную мазь. Гарри тут же припомнил, как Снейп с лёгкостью залечил своей волшебной палочкой нанесённые Сектумсемпрой раны Малфоя.

– А их нельзя затянуть каким-нибудь заклинанием или типа того? – спросил он заведующую больничным крылом.

– Никакое заклинание с этим не справится, – ответила мадам Помфри. – Я испробовала всё, что знаю, но от укусов оборотня лекарства нет.

– Но его же не в полнолуние укусили, – произнёс Рон, глядя в лицо брата с таким упорством, словно каким-то образом мог вылечить его взглядом. – Грэйбэк не преобразился, так что Билл не должен стать... стать настоящим?..

Он неуверенно посмотрел на Люпина.

– Не думаю, что Билл станет настоящим оборотнем, – сказал Люпин, – но это не означает, что всё пройдет без следа. Это не простые ранения. Вряд ли они когда-либо полностью залечатся, и... и, возможно, у Билла теперь будут некоторые волчьи черты характера.

– Но Дамблдор наверняка ведь знает что-нибудь, что поможет, – с надеждой произнёс Рон. – Где он, кстати? Билл дрался с этими маньяками, выполняя приказ Дамблдора, Дамблдор ему обязан, он просто не может оставить его в таком состоянии...

– Рон... Дамблдор мёртв, – выдавила Джинни.

– Нет! – Люпин с диким видом перевёл взгляд с Джинни на Гарри, словно надеясь, что тот опровергнет её слова, но Гарри промолчал, и он рухнул в кресло рядом с кроватью Билла и закрыл лицо руками. Никогда раньше Гарри не видел, чтобы Люпин терял самообладание; он почувствовал, что видит что-то глубоко личное и что смотреть дальше неприлично. Он отвернулся и поймал взгляд Рона; ответным взглядом он безмолвно подтвердил сказанное Джинни.

– Как он умер? – прошептала Тонкс. – Как это произошло?

– Его убил Снейп, – ответил Гарри. – Я там был, я это видел. Мы вернулись обратно на Астрономическую Башню, потому что именно там была Метка... Дамблдору было плохо, он был слаб, но, думаю, он понял, что это ловушка, как только услышал, как кто-то бежит вверх

по лестнице. Он меня парализовал, я ничего не мог сделать, я был под плащом-невидимкой — и тут из двери выскочил Малфой и разоружил его...

Гермиона прижала руки ко рту, а Рон испустил стон. Губы Луны задрожали.

— ...потом появились ещё Пожиратели Смерти ... а потом Снейп... и Снейп это сделал. Авада Кедавра, — продолжать Гарри был не в силах.

Мадам Помффри разрыдалась. Никто на неё не обратил внимания, за исключением Джинни, прошептавшей:

— Шшш! Слушайте!

Всхлипнув, мадам Помффри прижала пальцы ко рту и широко раскрыла глаза. Где-то далеко в темноте запел феникс, запел так, как Гарри никогда раньше не слышал: это был горестный плач ужасающей красоты. И Гарри почувствовал, как он уже чувствовал раньше при звуках пения феникса, что эта музыка была не вовне, а где-то внутри него; это было его собственное горе, магическим образом превратившееся в песню, звучащую над парком и плывающую в замок через все окна.

Гарри не знал, сколько времени они так простояли, вслушиваясь; равно он не знал, почему это скорбное пение несколько ослабило их боль; но казалось, что прошло много времени к тому моменту, когда дверь больничного крыла открылась вновь и в палату вошла профессор МакГонагалл. Как и на остальных, на ней остались следы недавнего сражения: на лице виднелись царапины, мантия в нескольких местах порвана.

— Молли и Артур скоро придут, — сказала она, и магия музыки прекратилась: все встряхнулись, словно выйдя из транса. Кто-то снова перевёл взгляд на Билла, другие начали тереть глаза, кто-то помотал головой. — Гарри, что произошло? По словам Хагрида, ты был с профессором Дамблдором, когда он... когда это произошло. Он сказал, что профессор Снейп имеет к этому какое-то...

— Снейп убил Дамблдора, — перебил Гарри.

Какое-то мгновение она не отрываясь смотрела на него, затем пошатнулась; мадам Помффри, похоже, полностью пришедшая в себя, подбежала вперёд, призвала из воздуха стул и пододвинула его под МакГонагалл.

— Снейп, — слабым голосом повторила профессор МакГонагалл, рухнув на стул. — Мы все удивлялись... но он доверял... всегда доверял... *Снейп*... Не могу поверить...

— Снейп был превосходным окклюменсом, — произнёс Люпин непривычно жёстким голосом. — Мы всегда это знали.

— Но Дамблдор клялся, что он на нашей стороне! — шёпотом воскликнула Тонкс. — Я всё время думала, что Дамблдор знал про Снейпа что-то такое, чего мы все не знали...

— Он всегда намекал, что у него железные основания доверять Снейпу, — пробормотала профессор МакГонагалл, вытирая уголки своих слезящихся глаз клетчатым носовым платком. — Я имею в виду... С таким прошлым, как у Снейпа... Конечно, люди не могли не удивляться... Но Дамблдор мне ясно дал понять, что раскаяние Снейпа было абсолютно искренним... Он и слова против Снейпа слышать не хотел!

— Хотела бы я знать, что такого ему наплёл Снейп, что смог его убедить, — заявила Тонкс.

– Я знаю, – произнёс Гарри, и все разом уставились на него. – Снейп передал Волдеморту информацию, из-за которой Волдемонт стал искать моих маму и папу. Затем Снейп сказал Дамблдору, что он не сознавал, что делает, что ему очень жаль всего, что он натворил, жаль, что они мертвы.

– И Дамблдор этому поверил? – потрясённым голосом спросил Люпин. – Дамблдор поверил, что Снейп сожалеет о смерти Джеймса? Да Снейп *ненавидел* Джеймса...

– И мою мать он тоже презирал, – кивнул Гарри, – потому что она была магглорождённая... Грязнокровкой её называл...

Никто не поинтересовался, откуда Гарри всё это известно. Все, казалось, остолбенели, пытаясь переварить кошмарную правду о произошедшем.

– Это всё моя вина, – внезапно сказала профессор МакГонагалл. Она мяла в руках свой влажный платок; казалось, она была в прострации. – Всё моя вина. Я этой ночью послала Филиуса, чтобы он привёл Снейпа, я действительно послала за ним, чтобы он пришёл и помог нам! Если бы я не поставила Снейпа в известность о том, что происходит, он, возможно, не присоединился бы к Пожирателям Смерти. Не думаю, что он знал, что они в замке, пока Филиус не сказал ему об этом, не думаю, что он вообще знал, что они собирались прийти.

– Это не твоя вина, Минерва, – твёрдо ответил Люпин. – Нам всем нужна была помощь, мы все рады были думать, что Снейп вот-вот придёт...

– Значит, он прибыл на место драки и присоединился к Пожирателям Смерти? – уточнил Гарри, горя желанием узнать каждую деталь двуличия и бесчестности Снейпа, лихорадочно ища новые причины для того, чтобы ненавидеть его, чтобы поклясться отомстить.

– Не знаю точно, как это всё произошло, – рассеянно произнесла профессор МакГонагалл. – Всё так запутанно... Дамблдор сказал нам, что покинет школу на несколько часов и что мы должны патрулировать коридоры, просто на всякий случай... Римус, Билл и Нимфадора должны были к нам присоединиться... Вот мы и патрулировали. Всё было тихо. Каждый секретный выход из школы был под надзором. Мы знали, что никто не мог влететь по воздуху. На каждом входе в замок стояли мощные заклятья. По правде говоря, я до сих пор не понимаю, как Пожиратели Смерти смогли войти...

– Зато я понимаю, – и Гарри кратко рассказал о паре Исчезательных Шкафов и о магическом проходе, который они образовывали. – Так что они вошли через Насущную Комнату.

Почти против воли он глянул на Рона, затем на Гермиону. Оба выглядели совершенно уничтоженными.

– Я всё испортил, – вяло сказал Рон. – Мы сделали, как ты нам сказал: проверили по Карте Мародёра и не нашли на ней Малфоя, тогда мы подумали, что он опять в Насущной Комнате, и я, Джинни и Невилл пошли за ней наблюдать... но Малфой мимо нас проскочил.

– Он вышел из Комнаты где-то через час после того, как мы начали дежурить, – добавила Джинни. – Он был один и держал эту мерзкую скрюченную руку...

– Свою Руку Славы, – кивнул Рон. – Помнишь, ту, что даёт свет только тому, кто её держит?

– Как бы то ни было, – продолжила Джинни, – он, должно быть, проверял, чисто ли снаружи, чтобы выпустить Пожирателей Смерти, потому что как только он нас увидел, сразу швырнул что-то в воздух, и сразу стало абсолютно темно...

– Перуанский Порошок Мгновенной Тьмы, – сердито произнёс Рон. – От Фреда и Джорджа. Надо будет мне с ними потолковать насчёт того, кому они продают свои товары.

– Мы всё испробовали – *Lumos, Incendio*, – сказала Джинни. – Ничто в этой тьме не помогало. Всё, что мы могли сделать, – это на ощупь выбраться из коридора, и, пока мы выбирались, мы слышали, как мимо нас пробегают люди. Малфой, разумеется, мог видеть из-за этой своей Руки, и он их направлял, но мы не решались применять проклятия и прочие штуки, боясь попасть друг в друга, а к тому времени, как мы добрались до освещённого участка коридора, они уже убежали.

– К счастью, – хриплым голосом продолжил Люпин, – Рон, Джинни и Невилл наткнулись на нас почти сразу же и рассказали, что случилось. Мы нашли Пожирателей Смерти несколько минут спустя, они направлялись к Астрономической Башне. Малфой, очевидно, не ожидал, что так много людей будет патрулировать; во всяком случае, видимо, весь свой Порошок Тьмы он уже израсходовал. Началась драка, они рассеялись, и мы начали их преследовать. Один из них, Гиббон, вырвался и убежал вверх по лестнице башни...

– Чтобы поставить Метку? – спросил Гарри.

– Да, должно быть, это он сделал, они наверняка договорились об этом ещё до того, как покинули Насущную Комнату, – кивнул Люпин. – Но не думаю, что Гиббону очень нравилась идея одному там стоять и ждать Дамблдора, потому что он прибежал обратно вниз, чтобы присоединиться к драке, и в него тут же попало Убивающее проклятие, которое перед тем чуть не досталось мне.

– Значит, если Рон вместе с Джинни и Невиллом смотрел за Насущной Комнатой, – с этими словами Гарри повернулся к Гермione, – то ты была?..

– Около кабинета Снейпа, да, – со слезами на глазах прошептала Гермione, – вместе с Луной. Мы там болтались неизвестно сколько времени, и ничего не происходило... Мы не знали, что творится наверху, Рон забрал Карту Мародёра... Где-то около полуночи в подземелье прибежал профессор Флитвик. Он кричал про Пожирателей Смерти, проникших в замок, думаю, он вообще не осознал, что там были мы с Луной, он просто ворвался в кабинет Снейпа, и мы услышали, как он сказал, что Снейп должен пойти с ним и помочь, а потом мы услышали громкий удар, и Снейп выскочил из комнаты, и он нас увидел, и...

– И что? – поторопил её Гарри.

– Я так сглупила, Гарри! – высоким шёпотом воскликнула Гермione. – Он сказал, что профессор Флитвик упал, и что нам надо пойти позаботиться о нём, а он... а он должен пойти помочь драться с Пожирателями Смерти...

От стыда она закрыла лицо руками и дальше говорила в пальцы, так что её голос звучал приглушённо.

– Мы вошли в его кабинет, чтобы посмотреть, чем мы можем помочь профессору Флитвику, и нашли его на полу без сознания... И, ох, сейчас это так очевидно, Снейп наверняка оглушил Флитвика, но мы тогда этого не поняли, Гарри, мы просто не поняли, мы просто отпустили Снейпа!

– Вы не виноваты, – твёрдо сказал Люпин. – Гермiona, если бы вы не подчинились Снейпу, вероятно, он бы просто убил и тебя, и Луну.

– Значит, он поднялся наверх, – продолжил Гарри; в воображении его встала картина бегущего вверх по мраморной лестнице Снейпа, на бегу извлекающего волшебную палочку, а чёрная мантия, как обычно, развевалась у него за спиной, – и добрался до места, где вы сражались...

– Нам было тяжело, мы уступали, – тихо промолвила Тонкс. – Гиббон выбыл, но остальные Пожиратели Смерти, похоже, были готовы драться насмерть. Невилл был ранен, Билла искусал Грэйбэк... Было темно... повсюду летали проклятия... Малфой пропал, ему, должно быть, удалось проскочить к лестнице и наверх в башню... Затем часть их побежала за ним, но один из них перекрыл за собой лестницу каким-то непонятным проклятием... Невилл в него врезался, и его отбросило...

– Никто из нас не смог пройти, – произнёс Рон, – а этот толстый Пожиратель Смерти продолжал пугать глаза во все стороны, они отлетали от стен и едва не попадали в нас...

– И тут появился Снейп, – снова продолжила Тонкс. – И тут же раз – и его нет...

– Я видела, как он к нам бежит, но тут меня чуть не задел глаз этого огромного Пожирателя Смерти, я пригнулась и больше его не видела, – сказала Джинни.

– А я увидел, как он проскочил сквозь этот проклятый барьер, словно его там не было, – произнёс Люпин. – Я попытался последовать за ним, но меня отбросило, как и Невилла...

– Он, видимо, знал это заклинание, а мы нет, – прошептала МакГонаггалл. – Он же, в конце концов, был преподавателем защиты от Тёмных искусств... Я тогда просто подумала, что он спешит в погоню за Пожирателями Смерти, которые сбегали вверх, в башню...

– Ага, он спешил, – злобно сказал Гарри, – но только чтобы помочь им, а не чтобы остановить... и держу пари, что для того, чтобы пройти через этот барьер, нужно было иметь Тёмную Метку... Так, а что произошло, когда он вернулся обратно?

– Ну, тот большой Пожиратель Смерти как раз пустил порчу, из-за которой обвалилась половина потолка, и проклятие, перекрывшее лестницу, также было сброшено, – ответил Люпин. – Мы все кинулись вперёд – то есть все, кто ещё был на ногах, – и тогда прямо из пыли появились Снейп и мальчишка... Естественно, никто из нас на них не напал...

– Мы их просто пропустили, – тусклым голосом произнесла Тонкс. – Мы думали, за ними гонятся Пожиратели Смерти ... а в следующий момент вернулись остальные Пожиратели Смерти и Грэйбэк, и мы снова начали драться... Кажется, я слышала, как Снейп что-то кричал, но не разобрала, что именно...

– Он кричал «всё кончено», – кивнул Гарри. – Он сделал то, что хотел.

Повисло молчание. Плач Фокса всё ещё разносился по тёмному хогвартскому парку. Пока музыка плыла в воздухе, в Гаррину голову против воли проникали незванные мысли... Унесли ли уже тело Дамблдора от подножья башни? Что с ним будет дальше? Где оно

упокоится? Он сжал кулаки в карманах мантии. Костяшки пальцев правой руки ощутили холодную поверхность поддельного Хоркракса.

Дверь больничного крыла распахнулась, заставив всех подпрыгнуть. В палату ворвались мистер и миссис Уизли, сразу за ними вбежала Флер, её красивое лицо было искажено ужасом.

– Молли – Артур... – произнесла профессор МакГонагалл, вскакивая и спеша им навстречу. – Мне так жаль...

– Билл, – прошептала миссис Уизли, едва увидев изуродованное лицо Билла, и пронеслась мимо профессора МакГонагалл. – Ох, *Билл!*

Люпин и Тонкс поспешно встали и отошли, чтобы мистер и миссис Уизли смогли подойти ближе к кровати. Миссис Уизли склонилась над сыном и прижалась губами к окровавленному лбу.

– Так вы говорите, его атаковал Грэйбэк? – не отрывая взгляда от Билла, рассеянно спросил мистер Уизли у профессора МакГонагалл. – Но он не был преобразён? Тогда что это означает? Что будет с Биллом?

– Мы пока не знаем, – профессор МакГонагалл беспомощно взглянула на Люпина.

– Вероятно, какое-то заражение останется, Артур, – сказал Люпин. – Случай очень необычный, возможно, даже уникальный... Мы не знаем, на что он будет похож, когда очнётся...

Миссис Уизли взяла у мадам Помфри вонючую мазь и принялась втирать её в раны Билла.

– А Дамблдор... – продолжил мистер Уизли. – Минерва, это правда, что... Неужели он действительно?..

Профессор МакГонагалл кивнула; Гарри в этот момент почувствовал, как Джинни рядом с ним шевельнулась, и перевёл взгляд на неё. Она, чуть прищурившись, неотрывно смотрела на Флер, с застывшим лицом глядевшую на Билла.

– Дамблдор умер, – прошептал мистер Уизли, но для миссис Уизли в этот момент существовал лишь старший сын; она начала всхлипывать, и слёзы капали на изуродованное лицо Билла.

– Конечно, не важно, как он выглядит... Это на самом деле не очень важно... Но он всегда был такой красивый м-мальчуган... Всегда такой красивый... И он с-собирался жениться!

– И что вы хотите этим сказать? – неожиданно громко произнесла Флер. – Что значит, он *собирался* жениться?

Миссис Уизли с ошеломлённым видом подняла своё залитое слезами лицо.

– Ну... это... только...

– Вы думаете, Билл больше не захочет на мне жениться? – агрессивно спросила Флер. – Вы думаете, что из-за этих укусов он не будет меня любить?

– Нет, я совсем не то...

– Потому что он будет! – Флер выпрямилась во весь рост и откинула назад свою серебряную гриву. – Какого-то там оборотня недостаточно, чтобы Билл меня разлюбил!

– Да, конечно же, – сказала миссис Уизли, – но я просто подумала... после того, как... как он...

– Ви подумали, что я передумаю выходить за Билла? Или, может быть, вы на это надеялись? – ноздри Флер начали грозно раздуваться. – Что мне за дело до того, как он выглядит? Моей красоты вполне хватит на нас обоих, я так полюблю! Всё, что означают эти шрамы – это что мой муж храбр! И это я буду делить! – яростно добавила она, оттолкнув миссис Уизли в сторону и выхватив у неё из рук мазь.

Отступив поближе к мужу, миссис Уизли со странным выражением лица наблюдала за Флер, вытиравшей раны Билла. Никто не произносил ни слова; Гарри не осмеливался даже двинуться. Как и все, он ждал взрыва.

– У нашей тётюшки Мюриэл, – после долгой паузы произнесла миссис Уизли, – есть очень красивая диадема, гоблинской работы – я уверена, что смогу убедить тётюшку одолжить её тебе на свадьбу. Она очень любит Билла, понимаешь, а к твоим волосам эта диадема подойдёт просто замечательно.

– Спасибо, – скованно ответила Флер. – Я уверена, что это будет замечательно.

А потом – Гарри не уловил мгновения, когда это произошло – обе женщины обнимались и плакали друг у друга на плече. Абсолютно ошарашенный, недоумевающий, не сошёл ли мир с ума, он обернулся: Рон казался таким же ошеломлённым, каким Гарри себя чувствовал, а Джинни и Гермиона с изумлённым видом смотрели друг на друга.

– Видишь! – воскликнул сдавленный голос. Тонкс в упор смотрела на Люпина. – Она по-прежнему хочет выйти за Билла, даже несмотря на то, что он укушен! Ей плевать!

– Тут большая разница, – едва двигая губами, ответил внезапно напрягшийся Люпин. – Билл не станет полноценным оборотнем. Это совсем другое...

– Но мне тоже плевать, мне плевать! – Тонкс ухватила Люпина за грудки и встряхнула его. – Я миллион раз тебе говорила...

И смысл нового Патронуса Тонкс, и её мышиного цвета волосы, и то, почему она прибежала в замок искать Дамблдора, едва услышав, что на кого-то напал Грэйбэк, – всё для Гарри стало ясно. В конечном итоге, вовсе не в Сириуса Тонкс оказалась влюблена...

– А я тебе миллион раз говорил, – Люпин смотрел в пол, избегая встречаться с ней глазами, – я для тебя слишком стар, слишком беден... и слишком опасен...

– Я всё время тебе говорила, Римус, что ты ведёшь себя просто нелепо, – заявила миссис Уизли через плечо Флер, похлопывая её по спине.

– Я не веду себя нелепо, – твёрдо ответил Люпин. – Тонкс достойна кого-нибудь молодого и здорового.

– Но ей нужен ты, – чуть улынувшись, сказала миссис Уизли. – И, в конце концов, Римус, молодые и здоровые не обязательно такими и останутся, – она печально указала на лежащего между ними сына.

– Сейчас... не самый подходящий момент, чтобы это обсуждать, – произнёс Люпин и рассеянно огляделся, избегая чьих-либо взглядов. – Дамблдор погиб...

– Дамблдор был бы счастливее, чем кто-либо другой, если бы убедился, что в мире стало чуть больше любви, – коротко сказала профессор МакГонагалл. В этот самый момент дверь больничного крыла вновь открылась, и вошёл Хагрид.

Виднеющаяся из-под волос и бороды часть его лица была мокрой и заплывшей; он весь трясся от слёз, комкая в руке огромный носовой платок в горошек.

– Я... я это сделал, профессор, – давясь слезами, выговорил он. – Уб-убрал его. Профессор Спраут отправила детей обратно по кроватям. Профессор Флитвик щас прилёт, но говорит, шо будет в порядке совсем скоро. А профессор Слагхорн сказал, шо Министерство уже в курсе.

– Спасибо, Хагрид, – профессор МакГонагалл тотчас встала и оглянулась на остальных, собравшихся вокруг кровати Билла. – Я должна буду встретить людей Министерства, когда они придут. Хагрид, сообщи, пожалуйста, главам Домов – Слагхорн может представлять Слизерин, – что я жду их в своём кабинете немедленно. И я хотела бы, чтобы ты к нам тоже присоединился.

Когда Хагрид кивнул и, развернувшись, зашаркал прочь из комнаты, она посмотрела на Гарри.

– Прежде чем я встречусь с ними, мне надо с тобой поговорить наедине. Пойдём со мной...

Гарри поднялся, пробормотал Рону, Гермионе и Джинни «скоро увидимся» и последовал за профессором МакГонагалл к выходу из палаты. Коридоры были пусты, единственным звуком было лишь далекое пение феникса. Прошло несколько минут, прежде чем до Гарри дошло, что они направляются не в кабинет профессора МакГонагалл, а в Дамблдоров, и ещё несколько секунд ему понадобилось, чтобы сообразить, что конечно, она же была заместителем директора... Судя по всему, теперь она директор... так что комната, охраняемая горгульей, теперь её...

В молчании они поднялись по движущейся винтовой лестнице и вошли в круглый кабинет. Гарри сам не знал, чего ожидал: может быть, что комната будет задрапирована в чёрное, или даже что там будет лежать тело Дамблдора. На самом деле кабинет выглядел практически так же, как считанными часами ранее, когда они с Дамблдором покинули его: серебряные инструменты жужжали и пытели на своих столиках с веретенообразными ножками, меч Гриффиндора сиял в лунном свете в своём стеклянном шкафчике, Сортировочная Шаля стояла на полке позади стола. Лишь насест Фокса был пуст – феникс всё ещё изливал свой плач где-то над парком. И к портретам покойных директоров и директрис Хогwartса добавился ещё один... Дамблдор дремал в золотой раме прямо над столом, в своих полумесяцеобразных очках на кривом носу, дремал мирно и спокойно.

Кинув взгляд на этот портрет, профессор МакГонагалл сделала какое-то странное движение, словно пытаясь сохранить контроль над собой, затем обогнула стол и посмотрела на Гарри; её покрытое морщинами лицо было напряжено.

– Гарри, – произнесла она, – я хотела бы узнать, что вы с Дамблдором делали сегодня вечером, после того как покинули школу.

– Я не могу вам об этом рассказать, профессор, – Гарри ожидал этого вопроса, и ответ у него уже был готов. Именно здесь, в этой самой комнате, Дамблдор сказал ему, что он не должен поверять содержание их занятий никому, кроме Рона и Гермионы.

– Гарри, это может быть важно, – сказала профессор МакГонагалл.

– Это и есть важно, – ответил Гарри, – и даже очень важно, но он не хотел, чтобы я рассказывал кому бы то ни было.

Профессор МакГонагалл свирепо посмотрела на него.

– Поттер, – Гарри обратил внимание на то, что она снова назвала его по фамилии, – полагаю, ты не можешь не понимать, что в свете гибели профессора Дамблдора ситуация несколько изменилась...

– Не думаю, – пожал плечами Гарри. – Профессор Дамблдор не говорил мне, чтобы я перестал выполнять его приказы в случае его смерти.

– Но...

– Хотя одну вещь вы должны узнать раньше, чем придёт Министерство. Мадам Розмерта под проклятием Империиус, она помогала Малфою и Пожирателям Смерти, именно так ожерелье и отравленный мёд...

– Розмерта? – недоверчиво переспросила профессор МакГонагалл, но, прежде чем она смогла продолжить, в дверь позади них постучали, и в комнату один за другим вошли профессора Спраут, Флитвик и Слагхорн, замыкаемые по-прежнему рыдающим и дрожащим от горя Хагридом.

– Снейп! – выплюнул Слагхорн, самый потрясённый, бледный и потный из всех. – Снейп! А я-то его учил! Я думал, что я его знаю!

Но прежде чем кто-либо из них успел ответить, откуда-то сверху со стены раздался резкий голос: на пустовавший до этого момента холст вернулся колдун с болезненно-жёлтым лицом и короткой чёрной чёлкой.

– Минерва, министр будет здесь через несколько секунд, он только что дезаппарировал из Министерства.

– Благодарю, Эверард, – сказала профессор МакГонагалл, после чего быстро повернулась к учителям.

– Я хочу поговорить о том, что произойдёт с Хогвартсом, прежде чем он тут появится, – быстро произнесла она. – Лично я не уверена, что школу следует открыть на будущий год. Гибель директора от руки одного из наших коллег – это огромное пятно позора на истории Хогвартса. Это просто ужасно.

– Я уверена, что Дамблдор желал бы, чтобы школа оставалась открытой, – возразила профессор Спраут. – Мне кажется, если хоть один ученик хочет сюда прийти, школа должна остаться открытой для этого ученика.

– Но будет ли у нас этот один ученик после такого? – спросил Слагхорн, промокая потный лоб шёлковым носовым платком. – Родители наверняка захотят оставить своих детей дома, и я не могу их за это осуждать. Лично я не думаю, что в Хогвартсе мы в большей опасности, чем где-либо ещё, но вряд ли стоит ожидать такого же мнения от матерей. Они все не захотят разделять свои семьи, это вполне естественно.

– Я согласна, – кивнула профессор МакГонагалл. – И в любом случае неправдой было бы утверждать, что сам Дамблдор никогда не рассматривал ситуацию, при которой Хогвартс мог бы быть закрыт. Когда Камеру Секретов вновь открыли, он рассматривал возможность закрытия школы – и должна сказать, что убийство профессора Дамблдора беспокоит меня куда больше, чем мысль о монстре Слизерина, живущем втайне ото всех в недрах замка...

– Мы должны посоветоваться с управляющими, – своим тихим писклявым голосом произнёс профессор Флитвик. На лбу у него была большая шишка, но в остальном, похоже, после потери сознания в Снейповом кабинете он остался невредим. – Мы должны следовать установленному порядку. Нельзя принимать решение в спешке.

– Хагрид, ты пока не высказался, – сказала профессор МакГонагалл. – Как ты считаешь, должен ли Хогвартс оставаться открытым?

Хагрид, на протяжении всего разговора беззвучно плакавший в свой большой носовой платок, поднял свои красные заплавленные глаза и прохрипел:

– Не знаю, профессор... Эт главы Домов и директор должны решать...

– Профессор Дамблдор всегда высоко ценил твоё мнение, – ласково сказала профессор МакГонагалл, – так же как и я.

– Ну... я остаюсь, – крупные слёзы по-прежнему стекали из уголков глаз Хагрида в его спутанную бороду. – Эт мой дом, эт был мой дом с тринадцати лет ещё. И ежли есть дети, которые хотят, шоб я их обучал, я буду это делать. Но ваще-то... не знаю... Хогвартс без Дамблдора...

Он сглотнул и снова исчез за своим платком. Воцарилось молчание.

– Ну что ж, – подытожила профессор МакГонагалл, выглянув из окна, чтобы проверить, не приближается ли министр, – в таком случае я должна согласиться с Филнусом, что самое правильное – посоветоваться с управляющими, которые и должны принять окончательное решение.

Теперь что касается отправки учеников домой... полагаю, чем скорее мы это сделаем, тем лучше. В случае необходимости мы могли бы обеспечить прибытие Хогвартс-экспресса уже завтра...

– А что насчёт похорон Дамблдора? – наконец подал голос Гарри.

– Ну... – голос профессора МакГонагалл дрогнул и потерял свою обычную резкость и отрывистость. – Я... я знаю, что Дамблдор желал быть похороненным здесь, в Хогвартсе...

– Значит, так тому и быть, ведь верно? – настойчиво спросил Гарри.

– Если Министерство сочтёт это разумным, – ответила профессор МакГонагалл. – Ни один директор до сих пор не был...

– Ни один директор не сделал большего для этой школы, – проворчал Хагрид.

– Хогвартс должен стать последним пристанищем Дамблдора, – кивнул профессор Флитвик.

– Совершенно верно, – сказала профессор Спраут.

– И в таком случае, – продолжил Гарри, – вы не должны отсылать учеников по домам до окончания похорон. Они наверняка захотят...

Последнее слово застряло у него в горле, но профессор Спраут закончила фразу за него.

– ...попрощаться.

– Отлично сказано, – пропищал профессор Флитвик. – На самом деле! Наши ученики должны отдать последние почести, как надлежит. Отправку по домам мы можем отложить на потом.

– Это вторично, – кивнув, отрывисто сказала профессор Спраут.

– Полагаю... да... – взволнованным голосом сказал профессор Слагхорн; Хагрид испустил сдавленный всхлип, долженствующий означать согласие.

– Он идёт, – внезапно произнесла профессор МакГонагалл, глядя из окна вниз на парк. – Министр... и, похоже, с ним целая делегация...

– Можно мне уйти, профессор? – немедленно спросил Гарри.

Он не испытывал ни малейшего желания видеть сегодня Руфуса Скримджера, тем более подвергаться его расспросам.

– Можно, – кивнула профессор МакГонагалл, – и быстрее.

Широкими шагами она подошла к двери и придержала её, пока Гарри выходил. Он поспешно направился вниз по винтовой лестнице и бросился по пустому коридору; плащ-невидимку он оставил на вершине Астрономической Башни, но сейчас это не имело значения – в коридорах не было никого, кто мог бы его увидеть, даже Филча, миссис Норрис и Пивза. Ему не повстречалось ни единой живой души до самого прохода, ведущего в общую комнату Гриффиндора.

– Это правда? – прошептала Полная Леди, когда он к ней приблизился. – Это действительно так? Дамблдор – мёртв?

– Да, – ответил Гарри.

Она испустила вопль и, не дожидаясь пароля, откинулась в сторону и пропустила Гарри внутрь.

Как Гарри и предполагал, общая комната была набита битком. Едва он пробрался сквозь дыру за портретом, сразу же стало тихо. В ближайшей группе учеников он заметил Дина и Шеймаса – это означало, что спальня пуста или почти пуста. Ни с кем не заговаривая, ни с кем не встречаясь глазами, Гарри прошёл через комнату к двери, ведущей к спальням для мальчиков.

Как он и надеялся, Рон ждал его, сидя на своей кровати, полностью одетый. Гарри сел на свою собственную кровать, и некоторое время они просто глядели друг на друга.

– Они говорят о закрытии школы, – наконец произнёс Гарри.

– Люпин предполагал, что они будут об этом говорить, – кивнул Рон.

Снова повисло молчание.

– Ну так что? – очень тихо спросил Рон, словно опасался, что мебель может подслушивать. – Вы нашли его? Достали? Этот... этот Хоркракс?

Гарри покачал головой. Всё, что случилось на берегах того чёрного озера, казалось теперь старым ночным кошмаром; неужели это действительно произошло, причём всего несколько часов назад?

– Вы его не достали? – упавшим голосом переспросил Рон. – Его там не было?

– Да, – ответил Гарри. – Кто-то его уже забрал и оставил вместо него фальшивку.

– Уже *забрал*?

Без лишних слов Гарри вытащил из кармана фальшивый медальон, открыл его и протянул Рону. Полное изложение событий подождёт... Сейчас это не имело значения... Вообще ничто не имело значения, кроме конца, конца этой бесполезной авантюры, конца жизни Дамблдора...

– Р.А.Б., – шёпотом произнёс Рон. – Но кто это такой?

– Не знаю, – сказал Гарри и прямо в одежде откинулся на кровать, вперив невидящий взгляд куда-то в потолок. Ему совершенно не было любопытно, кто такой Р.А.Б.; он сомневался, что ему теперь вообще что-либо будет любопытно. И, лёжа в своей кровати, он неожиданно осознал, что снаружи воцарилась тишина. Фокс прекратил петь.

И тогда Гарри понял – не осознавая, как он это понял, – что феникс улетел, покинул Хогвартс навсегда, точно так же как Дамблдор покинул школу, покинул этот мир... покинул Гарри.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

БЕЛАЯ ГРОБНИЦА

Все уроки были отменены, все экзамены отложены. В течение следующей пары дней некоторых учеников поспешно увезли из Хогвартса их родители – близнецы Патил уехали ещё до завтрака на следующее утро после гибели Дамблдора, а Захариас Смит покинул Хогвартс со своим надменного вида отцом. В то же время Шеймас Финниган категорически отказался уезжать домой вместе со своей матерью; они долго орали друг на друга прямо в холле, пока она в конце концов не согласилась, что он может остаться на время похорон. Как сказал Шеймас Гарри с Роном, ей не удалось найти в Хогсмиде места для ночлега, ибо деревня переполнилась ведьмами и колдунами, намеревающимися оказать последние почести Дамблдору.

Наиболее юные ученики, никогда прежде такого не видевшие, были немного возбуждены, когда прямо перед похоронами на опушке леса приземлилась голубая карета размером с дом, запряжённая дюжиной гигантских пегих лошадей с крыльями и развевающимися белыми гривами. Из окна Гарри наблюдал, как по ступеням кареты спустилась огромная красивая черноволосая и смуглолицая женщина и бросилась в уже приготовленные объятия Хагрида. В то же время делегацию официальных представителей Министерства, включая самого министра магии, размещали непосредственно в замке. Гарри старательно избегал контакта с ними всеми; он был уверен, что рано или поздно от него опять потребуют отчёта о последней отлучке Дамблдора из Хогвартса.

Гарри, Рон, Гермиона и Джинни всё своё время проводили вместе. Великолепная погода, казалось, насмехалась над ними; Гарри представлял себе, как было бы здорово, если бы Дамблдор не умер... Они спокойно сидели бы все вместе в конце года, после окончания экзаменов Джинни, после избавления от груза домашней работы... И час за часом он откладывал слова, которые должен был произнести – слишком трудно ему было отказаться от своего лучшего источника успокоения.

Дважды в день они заходили в больничное крыло. Невилла уже выписали, но Билл по-прежнему оставался на попечении мадам Помфри. Его шрамы всё не заживали. По правде говоря, чем-то он стал внешне напоминать Безумного Глаза Муди, хотя и, к счастью, с обеими ногами и двумя глазами, зато характер его, похоже, совершенно не поменялся. Судя по всему, единственное, что изменилось, – теперь он пристрастился к очень непрожаренным бифштексам.

– ...так что это даже хорошо, что он на мне женится, – радостно заявила Флер, взбивая его подушки, – потому что британцы всегда пережаривают мясо, я всегда это говорила.

– Похоже, мне всё-таки придётся смириться с тем, что он в самом деле собирается на ней жениться, – вздохнула Джинни тем же вечером, когда они вместе с Гарри, Роном и Гермионой сидели возле окна гриффиндорской общей комнаты и смотрели на сумрачный парк.

– Она не так уж плоха, – успокаивающе заметил Гарри. – Хотя и уродина, – поспешно добавил он, увидев, как Джинни подняла брови, и она нехотя хихикнула.

– Ну, думаю, если мама это переживёт, то и я смогу.

– Ещё кто-нибудь знакомый умер? – спросил Рон у Гермионы, углубившейся в чтение «Вечернего пророка».

Показное спокойствие в его голосе заставило Гермиону вздрогнуть.

– Нет, – осуждающим тоном ответила она, сворачивая газету. – Они по-прежнему ищут Снейпа, но пока безрезультатно...

– Ну разумеется, безрезультатно, – зло произнёс Гарри, приходивший в дурное расположение духа всякий раз, когда поднималась эта тема. – Они не найдут Снейпа, пока не найдут Волдеморта, а поскольку это им до сих пор не удавалось...

– Пойду-ка я спать, – зевнула Джинни. – Мне не удавалось выспаться как следует с того самого... Ну... в общем, поспать не помешает.

Она поцеловала Гарри (Рон демонстративно отвернулся), помахала рукой Рону с Гермионой и отправилась в свою спальню. Едва дверь за ней закрылась, Гермиона подошла к Гарри с самым гермионским выражением лица.

– Гарри, сегодня утром в библиотеке я нашла кое-что...

– Р.А.Б.? – быстро спросил Гарри, мгновенно выпрямившись в своём кресле.

Он сейчас не испытывал того чувства, которое так часто охватывало его раньше – возбуждения, любопытства, жгучего стремления добраться до самого сердца тайны; он просто знал, что правда о настоящем Хоркраксе должна быть найдена, прежде чем он сможет продолжить свой тёмный и извилистый путь, тот самый путь, который они с Дамблдором начали вместе и который, он знал, теперь он должен будет пройти один. Вероятно, где-то там, в мире, ещё остались целых четыре Хоркракса, и каждый из них должен быть найден и уничтожен, прежде чем появится хотя бы возможность смерти Волдеморта. Он всё повторял и повторял про себя их названия, словно этим он мог приблизить их к себе: «Медальон... Кубок... Змея... Что-то принадлежавшее Гриффиндору или Рэйвенкло... Медальон... Кубок... Змея... Что-то принадлежавшее Гриффиндору или Рэйвенкло...»

Эта мантра, казалось, пульсировала у Гарри в голове, когда он засыпал, и сны его были наполнены кубками, медальонами и таинственными предметами, до которых ему никак не удавалось добраться; Дамблдор предлагал Гарри верёвочную лестницу, но она превращалась в змей всякий раз, когда он начинал по ней взбираться...

Он показал Гермионе записку, найденную в медальоне, на следующее утро после гибели Дамблдора. Хотя она не сразу поняла, что за этими инициалами кроется какой-то загадочный колдун из тех, о которых она всё время читала, с тех пор она удалялась в библиотеку немного чаще, чем полагалось человеку, которому не нужно было выполнять домашних заданий.

– Нет, – печально ответила она. – Я пытаюсь, Гарри, но пока я ничего не нашла... Есть парочка довольно известных колдунов с такими инициалами – Розалинда Антигона Бангс... Руперт «Арбалетчик» Брукстэнтон... но они явно не подходят, совсем. Судя по этой записке, человек, укравший Хоркракс, знал Волдеморта, а я не нашла ни намёка на то, что Бангс или

Арбалетчик когда-либо имели к нему хоть какое-то отношение... Нет, на самом деле то, что я нашла, это насчёт... ну... Снейпа.

Вид у неё стал очень нервный даже при простом произнесении этого имени.

– Что ещё насчёт него? – тяжело спросил Гарри, плюхаясь обратно в кресло.

– Ну... просто, похоже, я была не так уж права насчёт этого дела с Принцем-Полукровкой, – осторожно произнесла она.

– Гермiona, тебе обязательно опять это ковырять, а? Как ты считаешь, что я чувствую по этому поводу?

– Нет – нет – Гарри, я не это имела в виду! – поспешно сказала она и оглянулась, чтобы убедиться, что их не подслушивают. – Просто я была права насчёт того, что эта книга когда-то принадлежала Эйлин Принц. Понимаешь... она мать Снейпа!

– Я сразу подумал, что она уродина, – откомментировал Рон. Гермiona его проигнорировала.

– Я листала старые номера «Пророка» и нашла там маленькую заметку, что Эйлин Принц вышла замуж за человека по имени Тобиас Снейп, а позже – упоминание, что она родила...

– ...убийцу, – выплюнул Гарри.

– Ну... да, – кивнула Гермiona. – Так вот... я, значит, была права. Снейп наверняка гордился тем, что он «наполовину Принц», понимаешь? Судя по тому, что было написано в «Пророке», Тобиас Снейп был маглом.

– Да, всё сходится, – сказал Гарри. – Он наверняка изображал из себя чистокровного, так что смог сойтись с Люциусом Малфоем и прочими... Он совсем как Волдеморт. Чистокровная мать, отец-магл... Оба стыдились своего происхождения, пытались заставить всех бояться себя, используя Тёмные искусства, придумали себе красивые новые имена – *Лорд Волдеморт*, *Принц*-Полукровка – как мог Дамблдор не заметить?..

Он прервался на полуслове, уставившись в окно. Гарри не мог выкинуть из головы мысль о непростительной вере Дамблдора в Снейпа... Но, как Гермiona только что непреднамеренно напомнила ему, Гарри сам вёл себя точно так же... Несмотря на то, что эти вписанные в книгу заклинания становились с каждым разом всё более отвратительными, он просто отказывался думать плохо о мальчике, который был так умен, который ему так помогал...

Помогал ему... Теперь эта мысль была почти невыносимой...

– Я по-прежнему не понимаю, почему он не донёс, что ты пользуешься этой книгой, – произнёс Рон. – Он же должен был знать, откуда ты это всё берёшь.

– Он знал, – горько ответил Гарри. – Он узнал, когда я применил Сектумсемпру. Ему даже легилименция не очень-то нужна была... А может, он и раньше знал, когда Слагхорн распинаялся, как я крут в зельях... А нечего было оставлять свой старый учебник в том шкафу, да?

– Но почему он тебя не сдал?

– Не думаю, что он хотел, чтобы его связали с той книгой, – сказала Гермiona. – Я не думаю, что Дамблдору это бы очень понравилось, если бы он узнал. И даже если бы Снейп

сделал вид, что это не его, Слагхорн мгновенно бы узнал его почерк. В любом случае, книга была в классе, где раньше преподавал Снейп, и держу пари, что Дамблдор знал, что фамилия его матери была Принц.

— Я должен был показать эту книгу Дамблдору, — покачал головой Гарри. — Всё это время он мне показывал, какое зло творил Волдеморт, даже когда он учился в школе, а у меня в руках было доказательство, что Снейп тоже...

— «Зло» — это всё же слишком сильное слово, — тихо произнесла Гермиона.

— Ты же сама всё время говорила мне, что эта книга опасна!

— Я просто хочу сказать, Гарри, что ты слишком сильно себя винишь. Я всегда полагала, что у этого Принца мерзкое чувство юмора, но я и подумать не могла, что это потенциальный убийца...

— Все мы и подумать не могли, что Снейп... ну вы поняли, — сказал Рон.

Они замолчали, погруженные каждый в свои собственные мысли, но Гарри был уверен, что Рон с Гермионой, так же как и он, думают о завтрашнем утре, когда тело Дамблдора будет упокоено. Гарри никогда раньше не присутствовал на похоронах — когда Сириус умер, погребать было нечего. Он не знал, чего ожидать, и немного беспокоился о том, что он завтра увидит и как будет себя чувствовать. Он думал про себя, не станет ли для него гибель Дамблдора более реальной после окончания похорон. Хотя моментами этот ужасающий факт обрушивался на Гарри со всей своей ошеломляющей силой, но время от времени его охватывало оцепенение, когда он не мог поверить, что Дамблдора действительно не стало, даже несмотря на то, что во всём замке только об этом и говорили. Правда, в отличие от случая с Сириусом, он не искал отчаянно какой-нибудь выход, какой-нибудь способ, которым Дамблдора можно было бы вернуть назад... Гарри нащупал в кармане холодную цепочку поддельного Хоркракса, который он теперь носил с собой повсюду — не как талисман, но как напоминание о том, какую цену за него пришлось заплатить и сколько ещё осталось сделать.

На следующее утро Гарри встал пораньше, чтобы упаковаться; Хогвартс-экспресс должен был отправиться через час после окончания похорон. Спустившись по лестнице в Большой Зал, Гарри обнаружил, что атмосфера там царит подавленная. На всех были парадные мантии, и никто не казался особо голодным. Профессор МакГонаггал оставила главное кресло за преподавательским столом пустым. Кресло Хагрида также пустовало — Гарри решил, что, вероятно, он просто был не в силах прийти сюда на завтрак. Снейпово же место бесцеремонно занял Руфус Скримджер. Гарри избегал взгляда его желтоватых глаз, обшаривающих Зал; у него было неприятное ощущение, что его Скримджер и ищет. Среди свиты Скримджера Гарри узнал рыжие волосы и очки в роговой оправе Пёрси Уизли. Рон не подавал виду, что также заметил Пёрси, разве что тыкал вилкой куски копчёной рыбы с непривычным остервенением.

Немного подальше, за столом Слизера, о чём-то шептались Крэбб и Гойл. Какими бы огромными они ни были, но без высокой бледной фигуры командующего ими Малфоя они казались странно одинокими. Гарри не особо много думал о Малфое. Вся его ярость приберегалась для Снейпа, хотя он не забыл ни страха в голосе Малфоя там, на вершине башни, ни того, что Малфой опустил свою палочку непосредственно перед появлением

других Пожирателей Смерти. Гарри не верил, что Малфой убил бы Дамблдора. Он по-прежнему презирал Малфоя за его увлечённость Тёмными искусствами, но теперь к этому презрению примешалась малая толика жалости. Где, размышлял Гарри, мог находиться Малфой сейчас, и что ещё Волдеморт заставлял его делать, угрожая убить его самого и его родителей?

Гаррины размышления были прерваны Джинни, пихнувшей его под рёбра. Профессор МакГонаггалл поднялась на ноги, и унылый гул в Зале мгновенно стих.

— Пора, — сказала она. — Пожалуйста, следуйте наружу за дверями Домов Гриффиндорцы, за мной.

Практически в полном молчании они по одному выбрались из-за своих скамеек. Гарри мельком увидел во главе колонны слизеринцев Слагхорна, одетого в великолепную длинную изумрудно-зелёную мантию, расшитую серебром. Никогда он раньше не видел профессора Спраут, главу Хаффлапфа, выглядевшей столь опрятно; на её шляпе не было ни пятнышка. Когда они добрались до холла, там они встретили стоящих рядом мадам Пинс и Филча — она в плотной чёрной вуали, ниспадавшей до колен, он в старом чёрном костюме с галстуком, от которого разило нафталином.

Как только Гарри вышел на каменные ступени у входной двери, он понял, что все направляются к озеру. Солнышко ласково гладило его лицо, пока они молча шли вслед за профессором МакГонаггалл туда, где в ряды уже выстроились сотни стульев. По центру эти ряды были разрезаны проходом, ведущим к мраморному столу, к которому были обращены все стулья. Стоял прекраснейший летний день.

Половина стульев уже была занята чрезвычайно пёстрым обществом: оборванцы и щёголи, старики и юнцы... Большинство из них были Гарри незнакомы, но некоторых он узнал. Там были члены Ордена Феникса: Кингсли Шаклболт, Безумный Глаз Муди, Тонкс (её волосы чудесным образом вернули себе ярко-розовый цвет), Римус Люпин, с которым она держалась за руки, мистер и миссис Уизли, Билл в сопровождении Флер, за их спинами — Фред и Джордж, одетые в чёрные жилеты из драконьей кожи. Там же была мадам Максим, занявшая собой два с половиной стула, Том, владелец «Дырявого котла», сквиб Арабелла Фигг, Гаррина соседка, волосатый бас-гитарист из группы «Странные сестрички», Эрни Прэнг, водитель «Ночного рыцаря», мадам Малкин из магазина одежды в Косом переулке и ещё несколько человек, которых Гарри раньше только видел, например, бармен из «Кабаньей головы» и ведьма, возившая тележку с едой в Хогвартс-экспрессе. Призраки замка также были здесь; под ярким солнечным светом их было почти не видно, но можно было различить, когда они двигались, бесплотно мерцая в воздухе.

Гарри, Рон, Гермиона и Джинни протиснулись к местам на краю ближайшего к озеру ряда. Люди перешёптывались между собой; этот шёпот звучал, как шум ветра в траве, но не перекрывал пения птиц. Толпа продолжала расти. Гарри ощутил глубокую признательность, увидев Невилла и помогавшую ему занять своё место Луну. Из всей ДА лишь они откликнулись на призыв Гермионы в ту ночь, когда погиб Дамблдор, и Гарри знал, почему: именно они сильнее всех скучали по ДА... Вероятно, они единственные регулярно проверяли свои монеты, надеясь, что будут ещё встречи...

Корнелиус Фадж прошествовал мимо них к первым рядам со скорбным выражением лица, вертя зелёный котелок в своей обычной манере. Затем Гарри узнал Риту Скитер с ярко-красными ногтями на руках, сжимающую, к его негодованию, блокнот. И ещё больший приступ ярости он испытал, увидев Долорес Амбридж с неубедительным выражением скорби на жабоподобном лице и с чёрным бархатным бантом поверх стального цвета кудряшек. При виде кентавра Фиренце, стоящего подобно стражу у самой воды, она вздрогнула и поспешно потрусила к сиденью, расположенному подальше.

Наконец, места заняло начальство. Гарри увидел Скримджера, с серьёзным и величественным видом сидящего рядом с профессором МакГонагалл в первом ряду. Он подумал, действительно ли Скримджер или кто-либо ещё из всех этих шишек всерьёз сожалеет о гибели Дамблдора. Но тут он услышал музыку, странную, потустороннюю, и сразу же забыл о своей неприязни к Министерству, вертя головой в поисках источника этой музыки. И не он один: многие головы встревоженно поворачивались туда-сюда, пытаясь понять, откуда она исходит.

– Вон там, – прошептала Джинни на ухо Гарри.

И тогда Гарри увидел их в прозрачной залитой солнцем зелёной воде, в считанных дюймах под её поверхностью (он содрогнулся, вспомнив о преисподах) – хор русалок звучал на каком-то странном языке, которого он не понимал; их бледные лица колыхались от пробегающей над ними ряби, их фиолетовые волосы плавали вокруг. От этой музыки волосы на шее Гарри встали дыбом, но в то же время её нельзя было назвать неприятной. В ней отчётливо слышались безысходность и боль утраты. Глядя в дикие лица поющих, он почувствовал, что по крайней мере они действительно сожалеют о кончине Дамблдора. Затем Джинни снова пихнула его, и он обернулся.

Вверх по проходу между стульями медленно шёл Хагрид. Он беззвучно плакал, лицо его было залито слезами, а в руках его, завернутое в фиолетовый бархат, усыпанный золотыми звёздами, покоилось тело Дамблдора. Когда Гарри это увидел, острая боль прошла его горло: на какое-то мгновение потусторонняя музыка и осознание того, что тело Дамблдора так близко, казалось, забрали из воздуха всё тепло. Рон был весь белый и выглядел совершенно потрясённым. Слёзы текли из глаз Джинни и Гермионы, обильно орошая их колени.

Они не очень отчётливо могли видеть, что происходит впереди. Похоже, Хагрид осторожно положил тело на стол. Вот он отошёл обратно, вниз по проходу, и с громким трубным звуком высморкался, чем привлёк к себе несколько возмущённых взглядов, в том числе, как заметил Гарри, от Долорес Амбридж... но Гарри знал, что Дамблдора это бы несколько не волновало. Он дружески помахал Хагриду, когда тот проходил мимо, но глаза Хагрида так заплакали, что удивительно было, как он вообще видел, куда идёт. Гарри мельком глянул в сторону заднего ряда, куда направлялся Хагрид, и понял, что вело его: там, одетый в жилет размером с небольшой шатёр и в столь же необъятные брюки, сидел великан Гроуп, покорно, совсем по-человечески склонив вниз свою уродливую валуноподобную голову. Хагрид уселся рядом со своим единоутробным братом, и Гроуп довольно жёстко похлопал его по голове, так что ножки его стула ушли в землю. Удивительно, но Гарри на какое-то

мгновение испытал желание расхохотаться. Но тут музыка прекратилась, и он снова повернулся вперёд.

Маленький человечек со встрёпанными волосами, одетый в строгую чёрную мантию, поднялся на ноги и сейчас стоял перед телом Дамблдора. Гарри не слышал, что именно он говорил. Через сотни голов до них долетали отдельные странные слова. «Благородство духа»... «интеллектуальный вклад»... «величие сердца»... Всё это не имело особого смысла. Это не имело никакого отношения к Дамблдору, насколько Гарри его знал. Неожиданно он припомнил несколько слов из тех, что употреблял Дамблдор: «олух», «плакса», «остаток», «уловка» – и вновь едва подавил ухмылку... Да что это с ним?

Слева от Гарри послышался мягкий всплеск, и он увидел, как русалки всплыли на поверхность, чтобы тоже послушать. Он припомнил, как Дамблдор наклонился у края воды два года назад, совсем рядом с тем местом, где сейчас сидел Гарри, и по-русалочьи общался с предводительницей русалок. Гарри подивился, откуда Дамблдор знает русалочий. Так много было вещей, о которых Гарри не успел его спросить, так много того, что он должен был сказать...

И тут, совершенно внезапно, страшная правда охватила его, более окончательно и бесповоротно, чем когда-либо до этого момента. Дамблдор мёртв, его не стало... Гарри до боли стиснул в своей руке холодный медальон, но не смог сдержать горячих слёз; он отвернулся от Джинни и остальных и стал смотреть через озеро, в сторону леса, в то время как человечек в чёрном всё бубнил. Среди деревьев он заметил какое-то движение. Кентавры также вышли отдать почести. Они не выходили на открытое пространство, но Гарри видел, как они неподвижно стоят, полускрытые в тени, и наблюдают за колдунами; луки свисали у них с боков. И Гарри припомнил свой первый кошмарный визит в Лес, первый раз, когда он встретился с тварью, которой тогда был Волдеморт, и как он стоял с ним лицом к лицу, и как вскоре после того они с Дамблдором рассуждали о битве, которую невозможно выиграть. Очень важно, говорил Дамблдор, сражаться, и снова сражаться, и продолжать сражаться, ибо только так зло можно удержать, хотя и нельзя полностью уничтожить...

И, сидя под горячим солнцем, Гарри ясно увидел перед собой людей, которые о нём заботились, одного за другим. Мать, отец, крёстный, наконец, Дамблдор – все они стремились защитить его; но теперь это всё было кончено. Гарри не мог больше позволить кому-либо встать между собой и Волдемортом. Он должен был навсегда избавиться от иллюзии, которую, вообще-то, ему следовало бы потерять ещё в возрасте одного года: что руки его родителей дадут убежище, в котором ничто не может причинить ему вреда. От этого кошмара не было пробуждения, не было во тьме успокаивающего шёпота, что на самом деле он в безопасности, что это всё лишь его воображение; последний и величайший из его защитников погиб, оставив его более одиноким, чем он был когда-либо ранее.

Человечек в чёрном наконец закончил свою речь и вернулся на своё место. Гарри ждал, что кто-нибудь ещё поднимется на ноги; он ожидал новых спичей, возможно от самого министра, но никто не двигался с места.

Внезапно несколько человек вскрикнули. Яркие-белые языки пламени взметнулись ввысь вокруг стола и лежащего на нём тела Дамблдора; они росли всё выше и выше, закрывая собой

тело. Белый дым спиралью поднимался в небо, образуя странные фигуры. В какой-то момент сердце Гарри едва не остановилось, когда ему показалось, что он увидел весело рвущегося в небесную синеву феникса, но в следующую секунду огонь исчез. На его месте возвышалась белая мраморная гробница, заключившая в себя тело Дамблдора и стол, на котором оно покоилось.

Ещё несколько криков ужаса раздалось, когда в воздух взмыла туча стрел, но все они упали, прилично не долетев до толпы. Гарри понял, что это был салют кентавров: он увидел, как они разом повернулись спиной и исчезли в прохладной тени деревьев. Тотчас же и русалки медленно погрузились обратно в зелёные воды озера и пропали из виду.

Гарри взглянул на Джинни, Рона и Гермиону. Лицо Рона было искажено, как будто солнце слепило его. Лицо Гермионы блестело от слёз, но Джинни больше не плакала. Она встретила взгляд Гарри тем же самым твёрдым горящим взглядом, что и тогда, когда она обняла его после выигрыша квиддичного кубка в его отсутствие. И Гарри понял, что сейчас они полностью понимают друг друга, и что, когда он скажет Джинни, что он собирается делать, она не станет говорить «будь осторожен» или «не надо» — она примет его решения, потому что меньшего от него и не ожидает. И тогда он набрался мужества и произнёс то, что, он знал ещё с того момента, как Дамблдор умер, он должен был произнести.

— Джинни, послушай... — очень тихо сказал он, в то время как народ вокруг них начал вставать и шум голосов усилился. — Я не могу больше встречаться с тобой. Мы должны перестать видеться. Нам нельзя быть вместе.

— Опять по какой-то идиотской благородной причине, я так понимаю? — со странно искривлённой улыбкой ответила она.

— Это было... это было как кусок другой жизни, не моей, эти последние недели с тобой, — произнёс Гарри. — Но я не могу... Мы не можем... Сейчас есть вещи, которые я должен сделать один.

Она не заплакала, просто смотрела на него.

— Волдеморт использует людей, близких его врагам. Один раз он уже использовал тебя как приманку, и всего лишь потому, что ты сестра моего лучшего друга. Теперь подумай, в какой ты будешь опасности, если мы продолжим быть вместе. Он узнает, наверняка выяснит. Он обязательно попытается добраться до меня через тебя.

— А если мне наплевать? — горячо выпалила Джинни.

— Но мне не наплевать. Как ты думаешь, как бы я себя чувствовал, если бы это были твои похороны?.. и по моей вине?..

Джинни отвела взгляд и посмотрела вдаль, на тот берег озера.

— Я никогда не переставала тебя любить, — произнесла она. — На самом деле — никогда. Я всегда надеялась... Гермиона сказала мне, чтобы я жила нормальной жизнью, возможно, даже увлеклась кем-нибудь ещё, чтобы немного расслабилась, потому что раньше я даже говорить была не в силах, когда мы с тобой были в одной комнате, помнишь? И она полагала, что ты меня скорее заметишь, если я буду больше... самой собой.

– Просто умница эта Гермiona, – попытался улыбнуться Гарри. – Я только жалею, что не объяснился с тобой раньше. У нас было бы столько времени... Месяцы... а может, и годы...

– Но ты был слишком занят, спасая магический мир, – с лёгким смешком ответила Джинни. – Что ж... не могу сказать, что я удивлена. Я знала, что в конце концов это случится. Я знала, что ты не будешь спокоен, если не начнёшь разыскивать Волдеморта. Возможно, именно поэтому я тебя так люблю.

Слышать это было для Гарри невыносимо, и он сомневался, что его решимость выдержит, если он останется сидеть рядом с ней. Он заметил, как Рон прижимал к себе Гермionу и гладил её волосы, пока она рыдала у него на плече, да и с его собственного длинного носа капали слёзы. Уныло махнув рукой, Гарри встал, повернулся спиной к Джинни и к гробнице Дамблдора и пошёл прочь вдоль берега озера. Двигаться было гораздо легче, чем сидеть неподвижно – точно так же как планировать поскорее приступить к поискам Хоркрасов и к уничтожению Волдеморта было легче, чем ждать...

– Гарри!

Он обернулся. Вокруг берега к нему, опираясь на трость, резво ковылял Руфус Скримджер.

– Я надеялся с тобой переговорить... Ты не против, если я немного пройду с тобой?

– Нет, – равнодушно ответил Гарри, снова тронувшись с места.

– Гарри, это была ужасающая трагедия, – тихо произнёс Скримджер. – Не могу передать, как я был шокирован и напуган, когда услышал эту весть. Дамблдор был величайшим колдуном. Конечно, у нас с ним были разногласия, как тебе известно, но никто лучше меня не знает...

– Что вам нужно? – ровным голосом спросил Гарри.

Скримджер какое-то мгновение казался разочарованным, но тут же придал лицу выражение печального понимания.

– Разумеется, ты страшно потрясён, – сказал он. – Я знаю, что вы с Дамблдором были очень близки. Думаю, ты, возможно, его любимейший ученик за всю его жизнь. Связь между вами...

– Что вам нужно? – повторил Гарри, резко остановившись.

Скримджер также остановился, опёрся на трость и проницательно посмотрел на Гарри.

– Говорят, что ты был с ним, когда он покинул школу в ночь своей гибели.

– Кто говорит?

– Кто-то оглушил Пожирателя Смерти на вершине башни уже после смерти Дамблдора. Кроме того, там наверху было два помела. Министерство умеет складывать два и два, Гарри.

– Рад это слышать, – заметил Гарри. – Ну что ж, куда я отправлялся вместе с Дамблдором и чем мы там занимались – это исключительно моё дело. Он не хотел, чтобы другие об этом знали.

– Такая верность, конечно, достойна уважения, – Скримджер, похоже, не без труда сдерживал раздражение, – но Дамблдора больше нет, Гарри. Он нас покинул.

– Он покинет школу только тогда, когда здесь не останется никого, кто верен ему, – сказал Гарри, непроизвольно улыбнувшись.

– Мой дорогой... Даже Дамблдор не в силах воскреснуть из...

– Я и не говорю, что он в силах. Вы не понимаете. Но сказать мне вам нечего.

Скримджер помешкал, потом произнёс, явно стремясь, чтобы его голос звучал как можно более деликатно:

– Знаешь ли, Гарри, Министерство может предложить тебе любую защиту. Я с огромной радостью предоставляю тебе несколько моих авроров...

Гарри рассмеялся.

– Волдеморт желает убить меня лично, и авроры ему не помеха. Так что спасибо за заботу, но оставьте её себе.

– Стало быть, – теперь голос Скримджера звучал холодно, – то предложение, которое я сделал во время Рождества...

– Какое предложение? Ах, да... То самое, согласно которому я должен был говорить всему миру, как вы здорово работаете, в обмен на...

– ...на повышение всеобщего морального духа! – перебил Скримджер.

Некоторое время Гарри внимательно смотрел на него.

– Стэна Шанпайка уже отпустили, нет?

Лицо Скримджера приобрело неприятный фиолетовый оттенок, здорово напомнив Гарри дядю Вернона.

– Вижу, что ты...

– ...целиком и полностью человек Дамблдора, – кивнул Гарри. – Именно так.

Какое-то мгновение Скримджер сверлил его взглядом, затем без единого слова развернулся и захромал прочь. Гарри видел, как Пёрси и прочая делегация Министерства ожидают его, кидая нервные взгляды на плачущего Хагрида и Гроупа, по-прежнему сидящих на своих местах. Рон и Гермиона поспешно направлялись к Гарри, обойдя идущего в противоположном направлении Скримджера. Гарри повернулся и медленно пошёл прочь, ожидая, когда они его догонят. Наконец все трое оказались вместе в тени бука, под которым им доводилось сидеть в более счастливые времена.

– Чего хотел Скримджер? – шёпотом спросила Гермиона.

– Того же, что и тогда, в Рождество, – пожал плечами Гарри. – Хотел, чтобы я им стучал на Дамблдора и рекламировал, какие они хорошие.

Рон явно боролся с собой какое-то время, затем громко сказал Гермионе:

– Слушай, дай я вернусь и стукну Пёрси!

– Нет, – твёрдо ответила она, схватив его за руку.

– Мне сразу полегчает!

Гарри рассмеялся. Даже Гермиона чуть улыбнулась, хотя, как только она глянула в сторону замка, её улыбка тут же увяла.

– Не могу себе представить, что мы можем сюда никогда больше не вернуться, – грустно произнесла она. – Как можно закрыть Хогвартс?

– Может, и не закроют, – сказал Рон. – Здесь ведь не опаснее, чем дома, так? Сейчас повсюду одинаково. Я бы даже сказал, Хогвартс безопаснее, там внутри больше колдунов, которые могут его защищать. А ты что думаешь, Гарри?

– Я не вернусь, даже если он таки откроется заново, – ответил Гарри.

Рон уставился на него, но Гермиона печально сказала:

– Я знала, что ты это скажешь. Но что тогда ты будешь делать?

– Снова вернусь к Дёрзли, потому что так хотел Дамблдор. Но это будет ненадолго, а потом я уйду оттуда навсегда.

– Но куда ты пойдёшь, если не вернёшься в школу?

– Думаю, мне надо бы пойти в Годрикову Лошину, – прошептал Гарри. В голове его была одна мысль, была с той самой ночи, когда погиб Дамблдор. – Для меня именно там всё началось, вся эта история. У меня просто предчувствие, что мне нужно туда пойти. И я смогу навестить могилы моих родителей, я очень хотел бы это сделать.

– А потом что? – спросил Рон.

– Потом мне надо будет найти остальные Хоркраксы, не так ли? – ответил Гарри, не отрывая глаз от белой гробницы Дамблдора, отражающейся в воде на той стороне озера. – Именно это он хотел, чтобы я сделал, потому он и рассказал мне о них всё. Если Дамблдор был прав – а я в этом уверен, – где-то ещё есть четыре Хоркракса. Я должен буду найти их и уничтожить, а потом я должен буду найти седьмую частицу души Волдеморта, ту, что всё ещё обитает в его теле, и тогда я убью его. А если по пути я встречу Северуса Снейпа, – добавил он, – что ж, тем лучше для меня, тем хуже для него.

Повисла долгая пауза. Толпа почти полностью рассосалась; последние оставшиеся обходили стороной монументальную фигуру Гроупа, обнимавшего Хагрида, горестные стоны которого всё ещё разносились над водой.

– Мы там будем, Гарри, – произнёс Рон.

– Что?

– В доме твоих тётки и дяди, – пояснил Рон. – А потом мы пойдём с тобой, куда бы ты ни направился.

– Нет... – быстро сказал Гарри; на это он не рассчитывал, он предполагал, что они понимают – в это опаснейшее странствие он отправляется один.

– Однажды ты нам уже говорил, – тихо произнесла Гермиона, – что у нас ещё есть время отойти в сторону, если мы хотим. У нас было достаточно времени, разве не так?

– Мы с тобой, что бы ни произошло, – кивнул Рон. – Но, дружище, ты должен будешь заглянуть домой к моим маме с папой, прежде чем мы пойдём куда-либо ещё, даже в Годрикову Лошину.

– Почему?

– Свадьба Билла и Флер, забыл?

Гарри взглянул на него, поражённый: сама мысль о том, что в мире всё ещё может существовать что-то столь обычное, как свадьба, казалась невероятной, но тем не менее замечательной.

– Точно, этого мы не можем пропустить, – наконец произнёс он.

Гарриная рука автоматически сомкнулась на поддельном Хоркряксе. Но несмотря ни на что: несмотря на тёмный извилистый путь, который он видел перед собой, несмотря на последнюю встречу с Волдемортом, которая, как он знал, должна произойти, через месяц ли, через год или через десять, — несмотря на всё это, он ощутил прилив радости от мысли, что его ждёт ещё один, последний, прекрасный, мирный золотой денёк вместе с Роном и Гермионой.

[КОНЕЦ ШЕСТОЙ КНИГИ.]

Аннотация

Министерство магии терпит поражение за поражением в битвах с Волдемортом. Даже маглы страдают от второй войны – каждый день происходят катастрофы, причины которых никому не ведомы. Но и на войне жизнь продолжается. Гарри, Рон и Гермиона, как и все шестнадцатилетние, учатся, ходят на вечеринки и влюбляются. Однако опасность всё ближе. Несмотря на все усилия Дамблдора по защите школы, в Хогвартсе происходят очень странные события. Ситодум на этот раз откроет Гарри самую большую тайну Тёмного Лорда... Какую сторону в этой войне примет загадочный Принц-Полукровка?